Бердибек Сокпакбаев

Путешествие в детство

Бердибек
Соқпақбаев

Путешествие в детство

ПОВЕСТИ

Перевод с казахского

АЛМА-АТА
«ЖАЗУШЫ» 1990

ББК 84 Каз 7—44
С 59

Сокпакбаев Б.
С 59 Путешествие в детство: Повести. Пер. с каз.— Алма-Ата: Жазушы, 1990.—480 с., ил.

ISBN 5-605-00723-8

В сборник казахского детского писателя Бердибека Сокпакбаева вошли широко известные его повести «Путешествие в детство», «Меня зовут Кожа», «Чемпион» и др. Приключения неугомонного мечтателя Кожи, упорство Мурата, ставшего впоследствии победителем международных соревнований, детство мальчика из горного аула, первое знакомство маленькой горожанки Аяжан с жизнью села и о многом другом может узнать юный читатель, прочитав эту книгу

С $\frac{4803250201—013}{402(05)—90}$ 165—90

ББК 84 Каз 7—44

ISBN 5-605-00723-8

© Издательство «Жазушы», 1990

471248

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДЕТСТВО

1

Картины моего раннего детства, сохранившиеся в памяти, отрывисты и непоследовательны. Они похожи на кинокадры, которые смотришь в полудреме, не зная ни их начала, ни конца.

...Лето. Джайляу. Моя мать сидит в юрте с другими женщинами и пьет чай. Я кручусь тут же во дворе и с интересом наблюдаю, как здешние пацаны играют в асыки. Вдруг один из ребятишек толкает меня в плечо и говорит:

— Вон твоя мать уезжает.

Я оглядываюсь и вижу, как по тропинке, проходящей через аул, где мы гостили, едут две женщины на верблюде. Сидящая сзади — моя мать. Она оставляет меня одного в чужом ауле. Но разве я могу остаться без матери?

— Апа, апа! — ору я и бегу следом. Мой голос, видимо, долетает до самого аллаха. Но моя бесценная матушка не хочет даже взглянуть на меня.

— Апа, апа! — От крика, кажется, готово разорваться сердце. Из юрт, расположенных вдоль дороги, выглядывают удивленные люди. Верблюд свободно выбрасывает свои длинные ноги, и я не поспеваю за ним.

Какая-то женщина кричит:

— Эй, баба, ребенка забыла!

Только тогда моя мать оборачивается и смотрит на меня. Я останавливаюсь и перестаю вопить — это не моя мать, а совсем чужая женщина. Моя же мать спокойно сидит в юрте, наслаждаясь беседой и чаем.

В следующий раз она потеряла меня сама, и это для нее было настоящим горем. Помнится, большую часть времени мы проводили в играх у реки. Под вечер голодный и усталый до изнеможения я возвращаюсь домой. Мать дает мне безвкусное черное толокно. Я очень хочу есть, но оно, сухое, рассыпчатое, не лезет мне в горло.

Я вспоминаю, что недалеко, в соседнем ауле Киикбай, живет моя двоюродная замужняя сестра. Незадолго до этого мы с матерью были там, и сестра угостила меня хлебом. И вот я уже сижу у сестры, с аппетитом поедая лепешки, испеченные в казане. Вероятно, меня сюда привел голод.

Вдруг в дверях появляется встревоженная и плачущая мать. Она, рыдая, объясняет, что не могла меня отыскать во всем ауле и уже решила, что я утонул в реке.

* * *

Осенью, когда пожелтела трава, в наш аул вошло конное войско. На головах у солдат остроконечные шлемы, за плечами винтовки. Конник, едущий впереди, держит развевающееся красное знамя. Войско проходит по аулу с песней. Жители долго смотрят ему вслед от своих дверей. Мне почему-то особенно запоминается то, что у всех армейских лошадей хвосты короткие...

Удивительные и непонятные события происходят вокруг. Откуда-то появилось слово «компеске»[1]. Я не знаю, что оно означает, но когда в воздухе начинает носиться это слово, происходит что-то странное. Во всяком случае для меня.

Проселочной дорогой верховые и пешие погонщики гонят скот, поднимая тучи пыли. Многие люди вооружены револьверами, на боках у них висят кожаные сумки. И все это сопровождается истошным бабьим плачем.

Это и есть «компеске».

Вечерами отец и старшие братья, собравшись вокруг огня, ведут разговоры о том, что люди будут жить в колхозах и все станут питаться из одного котла, а спать под одним одеялом.

[1] *Компеске* — (искаженное) конфискация.

Я сижу и думаю, какой же это надо большой котел и огромное, как небо, одеяло.

А еще говорят, что уничтожат баев и кулаков. Бай есть бай. Пусть уничтожают. Но зачем же уничтожать уши[1]? Что, их будут отрезать, что ли? Мне это непонятно.

Часто у нас дома и на улице произносят незнакомые слова «большевик», «коммунизм», «комсомол». Когда говорят, что такой-то записался в комсомол, все настораживаются.

Единственный в нашей семье грамотей — это старший брат Сатылган. Он приходит домой, держа в руке пестрые листы величиной с потник.

Я его спрашиваю:

— Ага, что это такое?

— Казит.

Это слово тоже новое в наших краях. И вот Сатылган начинает читать, а все остальные, теснясь вокруг, внимательно слушают, потом передают друг другу: «Казит сказал так-то», «казит сказал то-то...»

После прочтения газеты не рвут. Их бережно развешивают на стенах, как ковры,— для украшения. Я подолгу с восхищением разглядываю картинки в газетах и удивляюсь тому, как похоже на них изображены люди.

— Ага, откуда приходит казит?

— Из Алма-Аты. Ее выпускает правительство.

Я уже знаю, что Алма-Ата — это большой город на краю света. Но что такое правительство? Сатылган терпеливо разъясняет мне и это. Он говорит, что правительство управляет народом, подвергает «компеске» баев и помогает бедным людям.

— Понял?

Я киваю головой, и мне кажется, что я действительно начинаю понимать.

Сатылган уже повзрослел и стал джигитом. Он стоит перед маленьким окошком и что-то читает — не то книгу, не то газету. Мне любопытно взглянуть, что же все-таки он читает, но окошко пробито очень высоко, и я не могу дотянуться. Я захожу и с той и с другой стороны Сатылгана, но ничего не могу рассмотреть. Однако мне обязательно надо увидеть.

Справа от Сатылгана к стене прислонен пестик от ступы, рядом с пестиком коса. Эти два инструмента

Кулак — ухо (каз.)

оказались рядом потому, что недавно мать косой без черенка очищала баранью шкуру, а пестик служил ей подставкой.

На ручке пестика для удобства сделана выемка. Я ставлю в эту выемку ногу и карабкаюсь вверх. Но моя босая нога соскальзывает с выемки, и я лечу вниз.

И тут я чувствую неимоверную боль — острое лезвие стальной косы врезается мне в стопу. Я хватаюсь руками за рану, по пальцам у меня течет кровь.

Из кухни прибегает перепуганная мать. Увидев кровь, она быстро прикладывает к ране жженую кошму. От горячей кошмы мне становится еще больнее.

— Терпи, терпи,— говорит мать,— кровь остановится.

Из Сумбе приехала бабушка Бопке. Я люблю, когда к нам приезжает бабушка. Это для меня настоящий праздник. Я тут же начинаю обшаривать ее карманы. Они у нее глубокие. И руки мои дотягиваются до их дна с большим трудом. И когда моя настойчивая рука все-таки достигает дна, то зажатыми в кулаке оказываются самые неожиданные вещи: моток ниток, носовой платок, наперсток, курт, конфеты...

Нет, это замечательно, что ты еще ребенок и у тебя есть такая бабушка, как Бопке. Вечером, когда все сидим у очага, я висну у нее на шее, но она, терпеливая, ласковая, только говорит мне мягким голосом:

— Перестань шалить, вот упадешь на огонь...

Я подбегаю к ней сзади и хватаю за шею, но в это время бабушка неожиданно перегибается, и я кувырком лечу через нее, шлепаюсь прямо на блестящие красные угли.

Все невольно вскрикивают от испуга, я же, перевернувшись еще раз, лечу дальше. У меня нет ни одного ожога. А все-таки моя любовь к бабушке горячее раскаленных углей.

* * *

В погожий теплый день мы с бабушкой отправляемся в Сумбе. Проселочная дорога пустынна. Мне кажется, что мы с ней одни в целом мире. Моя невысокая аже быстро семенит ногами, я же, подобно жеребенку, перебегаю то на одну, то на другую сторону и едва поспеваю за нею.

Нет ничего прекраснее на свете, чем идти с бабушкой в соседний аул Сумбе. Справа от нас сверкает небольшая

речка. Противоположный берег густо порос тугаями, а дальше начинаются горы. Их белые вершины так сверкают, что, глядя на них, я жмурюсь, как от солнца.

Спрашиваю у бабушки:

— А что там такое белое на горах?

— Снег,— отвечает она.

— А разве летом бывает снег?

— Бывает.

— Почему же он не тает?

— Потому что там, наверху, холодно.

Мы идем все дальше и дальше. По эту сторону горной реки — ровная желтая степь. Я смотрю вдаль и открываю для себя в эту минуту много удивительного. Вот на горизонте клубятся какие-то волны, напоминающие языки пламени. Представляется, что эти клубы извергает сама земля. Я долго смотрю на это причудливое явление и не могу оторвать взгляда.

— Бабушка, а что это такое?

— Марево.

— Это дым, что ли?

Смеясь, бабушка объясняет, что марево — это не дым.

— А можно к нему подойти и потрогать руками?

— Дурачок, марево — оно как ветер. Попробуй ветер потрогать руками?

Прошел небольшой дождик. Над степью повисла радуга. Она была совсем близко — по ту сторону холма. Я пытаюсь подбежать к этому чуду ближе и потрогать руками. Но оно все отдаляется и отдаляется, как будто нарочно убегает от меня. Природа полна загадок, а я, видимо, слишком мал, чтобы их понять.

Я начинаю уставать.

— Апа, а Сумбе еще далеко?

— Сегодня дойдем до Уша, там заночуем. А в Сумбе придем завтра.

И вот я восседаю на спине у бабушки. Ноги мои отдыхают, и теперь я вижу значительно дальше, мне, пожалуй, видна вся степь.

Вечером мы уже в Уше и сидим в доме незнакомых мне людей. Завтра будем в Сумбе. Это, по словам бабушки, совсем недалеко.

* * *

Помню, по степи прошли первые слухи о всеобщем обучении. Мне, мальчишке, очень даже понятен призыв:

все должны учиться. Взрослые, даже старики и старухи, потянулись к грамоте. С бумагами и карандашами они собирались в одном доме, где им давал уроки мой брат Сатылган.

Не знаю, кому как, а мне очень хочется быть грамотным. Тогда я один без посторонней помощи буду читать газеты, которые издает правительство, интересные книжки и узнаю много такого, чего не знает даже бабушка Бопке.

Я тихонько приоткрываю двери в комнату, где идут занятия, и смотрю в щелочку. На доске написана какая-то буква, указывая на нее, Сатылган спрашивает одного из своих великовозрастных учеников, что это такое. Тот не может ответить и несет околесицу.

Но я-то уже знаю, какая это буква. Я открываю дверь пошире, во весь голос называю букву и пускаюсь наутек.

Иногда брат приносит на уроки целое богатство: тетради, карандаши и начинает их делить. Карандашей мало — на два человека по одному. Их разрезают пополам и раздают ученикам. Тетрадь и полкарандаша передают и на мою долю. После этого я чувствую себя самым счастливым человеком в мире и тут же, не сходя с места, начинаю выписывать знакомые мне буквы.

2

На карте Казахстана можно без труда отыскать Алма-Ату. Чувствуете, как ваш палец упирается прямо в столицу? А теперь по отрогам, что обозначены коричневой краской, двигайтесь на восток. Стоп! Вы даже не заметили, что чуть было не нарушили государственную границу. Дальше уже Китай! А маленький аул Костобе, о котором я рассказываю, находится здесь, на самом рубеже нашей Родины.

Мой Костобе.

А вот как голубенькая ниточка протянулась речка Текес. Начало могучей реки Или.

Здесь я много раз купался, загорал и даже чуть было не утонул.

Мой Текес.

В Костобе в основном живет племя Курманов, которое делится на два рода: Киикбай и Найза. Мы — Найза, правильнее, Беснайза. А Беснайза, в свою очередь, делится на Байназак и Жалыш. Мы из Жалыш.

Род Беснайза исстари был воинственным и разбойным. История его названия такова: сквозь решетки одной из юрт в свое время торчали острия пяти копий. И отсюда, как рассказывают, и пошло название — Беснайза — Пять копий.

На юго-востоке Текеса две сопки. Они вплотную примыкают друг к другу. Отсюда и название Костобе.

Рядом с нашим аулом расположена пограничная застава. Казахи называют ее «застап». Это несколько домов и строений, брошенных баями, бежавшими в Китай. Их отремонтировали, привели в порядок, и теперь там живут солдаты.

Большинство солдат русские. Они совсем не говорят по-казахски. Среди пограничников есть несколько солдат казахов. Они-то и выполняют роль переводчиков. О том, что существуют еще украинцы, белорусы, простые казахи не знают. Они всех белокурых и рыжих называют русскими.

Солдаты приехали из центральных областей России, из далекой Украины, выросли они в другой среде, в иной обстановке, и поэтому им трудно сразу приспособиться к здешней жизни. Все для них здесь незнакомо — и люди, и местность, поэтому, когда пограничники уходят в наряд, чтобы они не заблудились в гористой местности, по пути следования для них, как ориентиры, втыкают в землю шесты с привязанными метелками травы.

* * *

Летом, когда вся семья в сборе, двери нашего дома никогда не бывают закрыты. Я это говорю не только в смысле гостеприимства, но и в буквальном смысле. При закрытых дверях сидишь, как в пещере, люди еле различают друг друга, а наш скудный дастархан представляется еще более скудным. Маленькое окошко с загрязненными стеклами почти не пропускает света, и тогда в комнате стоит печальный полумрак.

Но вот двери широко распахнуты, снаружи вливается яркий солнечный свет, чистый воздух, и на душе становится веселее. Сейчас все мы вместе сидим на потемневшей от сажи кошме, расстеленной на сыром полу, и пьем чай — кипяток, чуть-чуть разбавленный молоком.

В нашей семье пять человек: мой отец Идрис, мать Асбет, дядя Смагул, которого я называю Тате, мой брат

Сатылган и я. Это не большая, но и не маленькая, а средняя в ауле семья. Перед нами в деревянной посудине толокно. Мы обедаем.

Моя мать, болезненная худенькая женщина, уткнувшись подбородком в худые острые колени, разливает из медного позеленевшего от времени чайника кипяченую воду.

Как сейчас помню, на всех у нас тогда была одна деревянная ложка. Во время завтрака или обеда эта ложка никогда не знала покоя — она переходила от одного к другому. Когда ложка попадала в руки моего отца Идриса, человека с завидным аппетитом, порции наши значительно уменьшались.

Когда доходит очередь до матери, она нерешительно протягивает руку к ложке. Мама чем-то больна и не может равняться с нами, здоровыми, ей трудно есть черное, грубое, невкусное толокно, напоминающее отруби и застревающее в горле. Когда есть возможность, она готовит себе горсть или полгорсти белого толокна и ест отдельно.

Положенную порцию толокна я уже съел, но продолжаю сидеть как привязанный возле дастархана. Нельзя сказать, что я очень уж голоден, но еще и не сыт вполне. Вдруг в наших дверях появляются два человека.

— Ассалам алейкум!

— Алейкум салам!

В комнату входит секретарь здешнего аульного совета Узакбай. Его спутник, коренастый плотный джигит, мне не знаком. В руках Узакбая палка. Впрочем, без палки его никто никогда не видел. Вероятно, ему с ней удобно ходить. У незнакомого джигита в руках книги, бумаги.

Отец пододвинулся за дастарханом, уступил гостям почетное место и пригласил их к чаю. Гости сложили свои книги и бумаги в угол на груду одеял, присели к дастархану. И тут только я рассмотрел незнакомого джигита. Он был в сапогах, на нем брюки-галифе и рубашка с отложным воротником. Когда он снял кепку, то оказался бритым наголо. Его блестящее широкое темя как-то сразу заблестело в нашем полутемном доме.

Кстати, той суматохой, которая возникла в связи с приходом неожиданных гостей, я воспользовался в своих далеко не бескорыстных целях. Я давно заметил в том углу дастархана, где сидела моя мать, несколько дешевых конфеток. Я смотрел на них, как завороженный, и ждал

удобного момента, чтобы стащить их. И этот момент наступил. Когда гости рассаживались за столом, я схватил одну конфетку и, будто уступая им место, встал и тихо, крадучись, как нашкодившая кошка, пошел к двери.

— Мальчик, погоди! — крикнул как раз в это время Узакбай.

Я вздрогнул. «Попался»,— мелькнуло у меня в голове.

Узакбай обратился к отцу:

— Ыдыке, сколько твоему малышу лет?

— А что такое?

— В нынешнем году в ауле открывается школа,— сказал Узакбай.— Этот человек приехал учить наших детей. Вот мы и ходим, составляем список детей, которые должны пойти учиться.

Я облегченно вздохнул — оказывается, не попался.

Мой смиренный отец, который всегда путался не только в моем, но и в своем возрасте, так и не смог точно сказать, сколько мне лет.

— Кто его знает, сколько ему лет,— проговорил он с затруднением и посмотрел на мать, более смышленую в этих вопросах.— Вот, может, Асбет знает.

— Он родился в год, когда Рысжан выдавали замуж,— сказала мать, глядя на меня и что-то припоминая.— К марту следующего года ему исполнится девять лет.

— А Рысжан разве не здесь выдавали? — спросил отец.

— Не то что здесь, а точно в тот год. Он родился, когда все мы вместе с толстопузым Жакипом находились по ту сторону Карасу. Это был год, когда бешеная собака укусила Молдагожу.

— Да, да, это было время сенокоса,— начал теперь припоминать отец.

Учитель оказался из тех людей, кто говорит веско и основательно. Посмотрев на моих родителей, он сказал:

— Если вы скажете, в каком году он родился, я могу высчитать.

— Он родился в год Мыши,— ответила мать.

Бритоголовый учитель начал считать, загибая пальцы:

— Вы говорите, он родился в год Мыши? После Мыши — Корова, после Коровы — Барс, после Барса — Заяц, после Зайца — Улитка, потом Змея, Лошадь, Баран. А после Барана уже идет год Обезьяны. Правильно вы го-

зорите, вашему сыну исполнилось восемь и пошел девятый. Самый возраст для учебы.

— А учиться хочешь? — спросил меня лысый учитель, беря в руки тетрадку, чтобы внести меня в список.

— Хочу,— с радостью ответил я.

Для моего отца, темного, никогда не державшего в руках букваря, учеба представлялась чем-то непостижимым. Тем более он встревожился за меня, своего младшего сына. Пристально посмотрев на учителя, он с тревогой спросил:

— А мальчик не сойдет с ума?

Я пообещал отцу не сходить с ума. Он посмотрел на меня с недоверием. Более сведущим в вопросах учебы и знающим ее вкус был Сатылган. Пять лет назад он окончил три класса в местечке Колтык. Желая поддержать меня, он с воодушевлением проговорил:

— Будет учиться!

3

Приходилось ли вам видеть, как поступает вода на пустынный такыр? Это равносильно тому, когда в кромешную тьму прорывается сноп солнечного света. Для людей это настоящий праздник. Они счастливы, звонкоголосы, бегают из дома в дом и с радостью сообщают:

— Вода пришла!

— Вода-а!

Для моего народа, который веками находился в темноте и невежестве, лучи знания были той же самой живительной водой, что орошает высохшую землю пустыни.

— В Костобе открывается школа!..— эта радостная весть моментально облетела все дома аула. Особенно радуются дети. Еще бы! Они будут учиться.

Прежде люди возили своих детей учиться в Нарынкол, Сумбе, Жаланаш. Это очень далеко, но там были школы. Да и не у многих наших аулчан была возможность отдать детей учиться. Поэтому дети, как и их отцы, росли безграмотными. Учеба казалась им недостижимой мечтой.

У казахов есть древняя болезнь: разделение на роды. Это веками гнетет наш народ, служит помехой в труде и в самой жизни. Хотя роды Киикбай и Найза имеют общих предков, они постоянно разделены. Если даже объединились в одну артель, то все-таки находятся в двух разных бригадах. Если живут в одном ауле, то селятся на

разных улицах, словно между ними может вспыхнуть пожар.

По названию родов и называются аулы: Найза и Киикбай.

Школа открывалась в ауле Киикбай.

* * *

Все свои детские игры я помню наизусть по сей день. Это был чудесный мир развлечений, и он всегда стоял перед моими глазами, едва я утром выходил из дома. И вот после утреннего чая мы с Садыком играем на берегу оврага. Нам пока нет дела до забот взрослых, мы еще живем по ту сторону этих повседневных забот.

Вдруг перед нами возникает важная фигура Нургазы, восседающего на лощади. Он нас гонит, как маленьких ягнят, в сторону аула.

— А ну-ка, быстро в школу!.. Разве вы не знаете, что сегодня начинаются занятия?

Откуда нам знать?

Сегодня, оказывается, первое сентября. Но мы и в этот день играли так же беззаботно, как и в другие.

Сидя на лошади, помахивая плеткой, бригадир Нургазы гнал нас в школу, туда, где открывается новая, неведомая для нас жизнь. И в ту минуту, когда Нургазы, конвоируя нас, выговаривал что-то укоризненно, я понял, что моя беззаботная жизнь кончилась, и от всей души пожалел о том, что попал в список того лысого мугалима. Сейчас игры были для меня в тысячу раз дороже, чем ученье. Откуда мне было знать, что учеба обернется обязанностью, что она будет вроде хомута на шее.

Погоняемые бригадиром, мы пришли в аул Киикбай, что в двух верстах от нашего аула. Мы пришли в школу.

А что такое, собственно, школа в казахской степи в те годы? Обычная юрта, стоящая немного на отшибе от аула. Стоит она в травянистой красивой низине. Здесь и начинается наш первый урок. Его открывает тот самый лысый джигит, который недавно побывал у нас и записал мое имя в свою тощую тетрадочку. Его зовут Сагатбай Хасенулы.

Я учусь в подготовительном классе. Половина ребят из аула Киикбай, половина из Найза. Мы сидим на земле, прижавшись друг к другу. Мы не боимся, что замараем одежду или простынем от сырости. Ведь мы росли вольно,

играя в золе и пыли. Возраст у нас пестрейший. Самые маленькие — такие, как я. Но есть уже и джигиты — лет по пятнадцати-шестнадцати, у них уже начинают на губах темнеть усы.

И все мы в подготовительном классе.

Сын Копекбая Жунисбай и сын Батырхана Жанбосын уже совсем взрослые джигиты. В прежние времена им впору было бы жениться. Но они тоже учатся в подготовительном классе.

Для меня теперь нет большего удовольствия, чем наблюдать за учителем — этим бритоголовым, симпатичным, мягким человеком. Глаза его сияют, а голос ласкает слух. Я никогда не видел таких умных людей. Он стоит за невысоким дощатым столом, накрытым красной скатертью. Эта скатерть как бы подчеркивает торжественность сегодняшнего дня: и то сказать — в моей жизни это был действительно красный день.

В первый урок Сагатбай просто беседует с нами. Я слушаю его с восхищением. Мне кажется, что нет на свете такого, чего бы он не знал. Он говорит удивительные вещи: о науке, о прошлом и будущем казахского народа, о свержении царя и о Ленине. В начале рассказа я как открыл свой рот, так и не закрывал его до конца урока У меня было такое впечатление, будто я совершил путешествие по всем четырем сторонам света. Мне даже самому не верилось, что за один день узнал так много, и был переполнен этим сознанием. Я уже был не тем, кто недавно играл на берегу оврага. Когда бригадир Нургазы кнутом заворачивал нас в школу, я горько пожалел о своих детских играх и упал духом. Я думал, что школа — это хомут, который надевают на мою тонкую загорелую шею. Но это оказалось не так. Как хорошо, что я записался в школу!

Сагатбай говорил о том, что дети бедняков могут учиться в школе благодаря Советской власти. Такие дети, как я. Мой отец тоже вынужден сейчас кормить семью одним черным толокном. Учитель говорил, что мы, дети бедняков, всю жизнь пасли бы байских баранов и ягнят и никогда не видели бы учебников.

В тот красный день своей еще совсем маленькой жизни я из уст Сагатбая услышал заветные слова Ленина — учиться, учиться, учиться.

Рассказы учителя похожи на чудесные сказки. Его никогда не устанешь слушать. Он, по-моему, самый гени-

альный из гениальнейших учителей мира. Это же мой первый учитель. Теперь я окончательно решил, что когда вырасту, то буду таким же мугалимом, как Сагатбай. Я буду вести урок, а мои ученики станут внимательно слушать меня, раскрыв рты и сияя глазенками.

Так мы и учимся в войлочной школе-юрте. Живем не ахти как роскошно. Букварей не хватает — на двоих один учебник. Тетради мы кладем на колени и пишем лежа. Однажды откуда-то появилась классная доска, на которой можно было писать мелом.

Вся моя жизнь теперь была наполнена ежедневными и значительными открытиями. Все было интересно — от появления классной доски до выбора класскома и санитара. Класскомом мы единогласно избрали прославленного на весь аул расторопностью Жунисбая. Санитаром стала самая чистоплотная и аккуратная среди нас Майра.

А колокольчик!.. Какая прелесть этот медный сверкающий колокольчик, что стоит на столе перед Сагатбаем. Он, этот колокольчик, имеет свою волшебную власть над нами. Вот он сейчас равнодушно лежит на столе, поблескивая медными боками, а приходит минута — и он в руках учителя начинает звонко петь: перемена!.. Перемена!..

Мы прекрасно понимаем голос колокольчика, шумной гурьбой срываемся с мест и высыпаем на улицу. И вот тут-то на перемене мы к своему большому удовольствию узнаем, что наш учитель Сагатбай не только мудрый человек, который все знает, но у него к тому же и веселый характер. Он дурачится вместе с нами.

Играл Сагатбай с таким же увлечением, как и вел уроки. Даже с видимым наслаждением. Особенно в кошки-мышки. Для него, так же как и для нас, это была любимая игра. Когда он гнался за учеником-мышкой, то глаза у него начинали сверкать, как у настоящего кота, весь он возбуждался, вид у него становился грозным. И ты себя действительно чувствовал мышью, за которой гонится самый настоящий кот. Душа у тебя, конечно, уходила в пятки. Во время игры Сагатбай горячился и не успокаивался до тех пор, пока не догонял мышку.

Золотое время! Золотая, незабываемая игра, хотя учились мы в обычной юрте, сидели на полу и у нас не хватало карандашей!.. Один карандаш доставался на двоих. А делить было очень трудно.

— Погодите, погодите,— говорил учитель,— сейчас я

вам покажу, как это делается, чтобы никому не было обидно.

Сагатбай поднимал с полу веточку, обрезал ее точно по длине карандаша и сгибал пополам.

— Вот здесь на изгибе веточки и есть середина карандаша...

Это было так просто, а мы вот не додумались.

4

Школу нашу из юрты перевели в настоящий дом — длинное, глинобитное сооружение, где раньше была мечеть. С тех пор, как в степи стало известно, что аллаха больше нет, мечеть была запущена: окна выбиты, штукатурка на стенах осыпалась. Здание заново отремонтировали, вставили окна, посредине соорудили железную печь, и теперь мы здесь учимся.

Во время урока мы не лежим на земле, как вольные ягнята, а сидим за длинными партами, которые скрипят и стонут, когда мы на них ерзаем. Учитель Сагатбай живет рядом со школой. После уроков мы прощаемся с ним и уходим.

Возвращение из школы не проходит без приключений. Я до сих пор помню эту дорогу и развилку на ней. У этой развилки, собственно, все и начиналось. Большинство домов аула Киикбай расположены поближе к школе — в урочище Батырбай. До разветвления дороги ребята из Киикбай и Найза идут вместе. Потом они сворачивают налево, а мы, Найза, продолжаем шествовать проселочной дорогой прямо.

И если мы до этого шли, весело переговариваясь, то у развилки нас будто подменяют. Родовая рознь, унаследованная от отцов, просыпается и в нас, детях. Мы начинаем унижать друг друга, оскорблять. Даже поем бранные песни, адресованные ребятам из другого рода:

Найза, Найза, дурачок.
Пей молоко старого ишака.

Не у каждого хватит выдержки стерпеть такую обиду. Мы унижаем друг друга до бесконечности, как бы продолжая дело враждующих отцов. Потом наступает открытая брань, и все это заканчивается дракой. Обычно ее начинают более взрослые ребята с крепкими кулаками. Мы, малыши, тоже знаем цену своим родам.

Однажды, когда мы возвращались из школы и достигли развилки дороги, началась обычная перебранка. Взрослые ребята закричали:

— Бей киикбаевцев!

И как эхо донеслось с другой стороны:

— Бей Найза!

После такого клича даже дувал из нашего рода бросился бы в драку. Пока шла потасовка между взрослыми, мы, малыши, тоже сцепились друг с другом.

В это время мир царит только среди девочек. Они стайкой стоят в сторонке и наблюдают за сражением, ожидая исхода.

Ну, конечно же, мы победим — Найза. Нас больше, и ребята, в основном, взрослые. И вот мы одолеваем, киикбаевцы пятятся, трусят, потом начинают бежать. С воинственными кликами мы устраиваем настоящую погоню.

— Бей киикбаев! Бей!..

Аул Киикбай совсем рядом от поля нашего сражения.

Среди малышей я был самый хрупкий, но и самый заядлый драчун: где вспыхивает ссора, я тут как тут. Свой род в обиду не дам. И вот я что есть духу бегу за мальчишкой по имени Оспан. В школе мы сидим почти рядом и даже заглядываем друг другу в тетрадки, но здесь — другое дело. Я изо всех сил стараюсь догнать Оспана и лишний раз дать ему по шее.

В пылу я и не заметил, как добежал до середины враждебного аула.

В это время из-за угла выскочил мальчик-подросток с палкой в руках. Он взмахнул ею и ударил меня по голове. Я не сразу даже осознал, что произошло. Голова моя загудела и, казалось, разлетелась на части. В глазах потемнело, и земля закрутилась колесом. Когда я схватился за голову, то на пальцах почувствовал теплую кровь.

* * *

Я лежу дома в постели, разостланной прямо на полу, болею. Мать, горестно причитая, приложила к моей ране жженый войлок и туго перевязала. Вот и все лечение — легко и просто. Я не знаю, остался ли цел тот шест, которым меня ударил подросток, но голова моя повреждена основательно.

Сейчас вы на меня можете посмотреть со стороны —

471248

выразительная картина: правый глаз заплыл синяком, едва открывается, одежда на правом боку и на груди в крови. Но мне ничуть не больно — род Найза знает себе цену.

В нашем ауле нет ни амбулатории, ни больницы, они находятся в Нарынколе, в двенадцати верстах отсюда. Здесь же врачуют по-своему, в основном, по советам аульных баксы — знахарей. Меня не осматривал врач, а чтобы узнать, цела ли моя голова, нужен был рентген. Но о том, что такое рентген, здешние жители и понятия не имеют.

Несколько дней я не посещал школу. А мать и вовсе не хотела меня отпускать из дома.

— Пойдешь учиться в следующем году,— говорила она.

Ей почему-то казалось, что все беды идут именно из школы. Вот если бы я сидел дома и не ходил туда, то цел был бы. Но она, как вы понимаете, ошибалась.

Узнать о моем здоровье к нам специально пришел учитель Сагатбай. Он был сердит, даже очень, и тут же сказал моим родителям, что наложит жестокий запрет на разделение детей по родам.

С этих пор аулы Найза и Киикбай по распоряжению учителя стали называться не иначе, как первой и второй бригадами. К этому начали привыкать и взрослые.

5

Теперь мне хочется поговорить о нашем класскоме Жунисбае, сыне Копекбая. Это был интересный человек, как и вся семья, в которой он вырос. Став вожаком в классе, Жунисбай, как будто бы этого только и ждал, стал гонять нас во всем, как пастух подгоняет отару овец.

Он был высок ростом, сухопар, с тонким бледным лицом. Быстрый и горячий по характеру, хваткий в учебе, он каждое слово Сагатбая считал законом. Если бы учитель приказал ему снять волосы, он готов был снять голову.

Такой это был человек.

История их семейства такова. Жунисбай был из рода Кыстык, что обитал в окрестностях Чилика, но в то же время являлся племянником Найза. Их сюда в свое время пригнала нужда. Многие помнят, как года три или четыре

назад, ища покровительства у дальних родственников, старый Копекбай появился в наших местах. Однажды на пустынной дороге, ныряющей в наш аул, показалась группа нищенски одетых людей. Это был Копекбай со своей семьей. Он вел за собой четверых мальчиков — сыновей — и свою длинноволосую смиренную жену Айнек.

В стороне от аула они поставили дырявую прокопченную юрту. Здесь и осели. Я до сих пор не могу забыть того бедственного положения, в каком находилась семья Копекбая. Рано утром из прокопченной юрты, как из печной трубы, один за другим высыпали чумазые мальчики и усаживались греться на солнышке. Давно не стриженные и не чесанные волосы, спадая на плечи, закрывали им уши, а одеты они были в такие невообразимые лохмотья, словно нарочно вышли пугать людей. Потом, когда мы познакомились с ними ближе, я узнал, что самым старшим из них был Базиль. Он уже выглядел настоящим джигитом. После него — Жунисбай, Кажакан и самый младший — Масимбай.

Они не были погодками. Разница в их возрасте составляла два, а то и три года. Братья или сидели, греясь на солнышке, или стояли, прижавшись спинами к юрте, и безучастно смотрели на улицу. И всякий раз они выстраивались по старшинству. На лицах их — печать голода. Они были безучастны ко всему происходящему вокруг и, видимо, уже не надеялись на лучшую жизнь. Так они стояли часами, как бы питаясь единственным, что у них еще оставалось,— солнечными лучами и чистым воздухом.

Придавленные нуждой, они рано повзрослели, но все-таки детское иногда брало верх, и они начинали играть, подталкивая друг друга, и даже пересмеивались как бы нехотя; сквозь рвань и лохмотья сверкали их голые смуглые тела.

Об их отце Копекбае стоит рассказать особо. Это был высокий мужчина с остроконечной бородкой и громовым, как у медведя, голосом. На смуглом лице его сверкали свирепые глаза. Он обычно сидел в теневой стороне юрты, плел камчи и чинил обувь. На голове он неизменно носил пропитанную потом черную тюбетейку, ходил в кожаных штанах, обут был в латаные легкие ичиги.

Несмотря на большую нужду, духом он не был сломлен, только бывал зол, как собака, которая ни с того ни с сего готова зарычать на вас и вцепиться в ногу. Это сказывалось в его обращении с детьми. Стоило отцу ок-

ликнуть по имени кого-нибудь из мальчиков, как тот стремглав бросался на зов, не ожидая повторения. Но если отец позвал второй раз, то это значило, что лежавшая рядом камча не замедлит опуститься на спину непослушного. Дети об этом хорошо знали.

Особенно жестоко Копекбай обращался с женой. Он вымещал на ней свою злость за все житейские невзгоды. В приливе какого-то бешенства он иногда гонял свою безответную длинноволосую жену вокруг юрты, не переставая бить. Он топтал ее своими тяжелыми ногами. В такие минуты он походил на разъяренного верблюда-буру, и не было такой силы, которая могла бы его унять. Бедняга был в ярости, он устал от нищеты. И вся его обида на судьбу обрушивалась на хрупкие плечи Айнек, матери его детей.

Только четверо сыновей бросались в эти минуты защищать слабую женщину. Мальчики боялись, что обезумевший отец убьет их кроткую мать. Они с визгом цеплялись за его руки и валились под ноги Копекбая, своими хрупкими телами заслоняя Айнек от тяжелых кулаков и пинков отца.

Но Копекбай в бешенстве ничего не видит, раскидывает сыновей в стороны, как мячи, и продолжает зверствовать.

Айнек привыкла к побоям, как уже давно сжилась с самой нуждой. С шишками на голове и синяками под глазами она поднималась с земли и безропотно шла заниматься своими домашними делами. Она ставила на железную треногу-очаг черный чайник и кипятила чай... для Копекбая.

* * *

Я позволю себе забежать на семь-восемь лет вперед и рассказать, как сложилась дальнейшая судьба семьи Копекбая. Жизнь начала постепенно улаживаться, и все дети Копекбая, видимо, закаленные суровым детством, стали волевыми, энергичными джигитами. Возмужав, они как бы гуртом изгнали из своего дома нужду и слезы матери. Базиль вырос трудягой и впоследствии стал активистом. Работая бригадиром, он своими руками налаживал жизнь в колхозе, с головой ушел в общественное хозяйство, женился, имел детей и очень любил их.

Что касается Жунисбая, то этот пошел дальше. Будучи

смышленым учеником, он досрочно переходил из класса в класс и раньше всех окончил десятый. Потом его призвали в армию, он учился в офицерском училище, а в 1940 году принимал участие в первомайском воинском параде на Красной площади. Наш класском чеканным шагом маршировал мимо мавзолея Ленина. Ему завидовали все наши ребята и гордились своим земляком.

Жунисбай часто слал домой письма и в каждый конверт была вложена фотография. Ему, рослому, с волевым тонким лицом, очень шла форма. Он был красив, наш класском, в воинском обмундировании. Мы ходили смотреть на эти фотографии целым аулом, и в особенно дикий восторг приходили наши одноклассницы, теперь уже девушки.

Третий сын Копекбая — Кажакан — был моим ровесником. Он тоже был незаурядным парнем и, пожалуй, превосходил кое в чем своих старших братьев. Прежде всего, он был талантливым музыкантом, великолепно играл на домбре и, кроме того, сам мастерил эти домбры. Почти на всех музыкальных инструментах, которые были тогда в наличии, он играл мастерски. Вечерами возле него всегда собирались девушки и юноши.

В 1940 году Кажакан поступил учиться в Алма-Атинское педагогическое училище. Старый Копекбай делал все, чтобы дать своим детям образование. Много раз отец, несмотря на расстояние в триста пятьдесят километров от Костобе до Алма-Аты, верхом на лошади, ночуя в пути, ездил в столицу, возил сыну-студенту продукты. Насколько старый Копекбай был жесток с сыновьями прежде, настолько он стал заботлив и нежен теперь, когда дети подросли.

Когда началась война, Кажакан ушел на фронт добровольцем.

Теперь, вспоминая братьев, я все более отчетливо вижу их, и мне понятнее и ближе становится их большая любовь к жизни. Они были неугомонными мечтателями и свято верили в светлое будущее. Братья были красой и гордостью нашего аула. Другие родители иногда выговаривали своим детям:

— Ну почему вы не такие, как дети Копекбая?

Трое, не успев расцвесть, сложили свои головы в большой и жестокой битве. Они были рядом в начале своего жизненного пути и так же вместе в ореоле солдатской славы закончили его.

Надо было видеть, как, сидя на камне у своего дома, грозный старик Копекбай обливался слезами. Рядом с ним стояла убитая горем, еще больше почерневшая его терпеливая подруга Айнек. Она стала еще ниже ростом, словно беда придавила ее, как большим горным валуном. Она с трудом переживала утрату сыновей. У них теперь оставался один — самый младший, Масимбай.

Масимбай жив и по сей день. Он сейчас — уважаемый парторг одного из крупных совхозов...

Вернемся, однако, к осени 1933 года.

Раньше всех в ауле Найза просыпался наш класском Жунисбай. Кажется, он только и ждал наступления утра, чтобы обойти все дома и разбудить детей, которым сегодня нужно идти в школу. Таким образом, он собирал всех в кучу, пересчитывал и вел в школу. Без причины он не освобождал от занятий ни одного школяра. Обязанности класскома он понимал по-своему и выполнял их с большим усердием. Даже во время урока он наблюдал за всеми, от его взгляда ничто не ускользало. Заерзает ли кто на месте или начинает отвлекаться и смотреть в окно, Жунисбай раньше учителя подает голос:

— Сиди смирно! Закрой книгу! Не вертись!..

У казахов говорят, что слишком острый скребок дырявит дно казана. Вот таким «скребком» был для нас тогда Жунисбай, который в своих нравоучениях шел еще дальше учителя. Наш прекраснодушный и все понимающий Сагатбай, слегка раздувая ноздри и ласково поводя бровями, делал ему замечание:

— Мальчик, ты пересаливаешь...

Но Жунисбай оставался Жунисбаем.

Иногда Сагатбай по тем или иным делам отлучался из школы и оставлял класс на попечение Жунисбая. Вот тогда-то мы узнавали всю полноту власти нашего класскома. Жунисбай тут же преображался, занимал место учителя, даже голос менялся у него. Он заставлял нас делать все, что ему заблагорассудится. В классе не было ученика, который бы не боялся Жунисбая или же сознательно не подчинился его приказу. Если кто нарушал дисциплину, класском пронизывал его острым и холодным взглядом, смотрел на шалуна долго и зло, как жеребец на отбившуюся от косяка кобылицу, вот-вот готовый загрызть ее.

* * *

Но все-таки у нас учился мальчик, который не особенно жаловал класскома и мог дать ему отпор в любой момент. Его звали Жанбосын. Он был сыном председателя аулсовета, баловнем родителей, одевался не нам под стать красиво, подражая подросткам-щеголям. Вероятно, втайне гордясь высоким положением своего отца, мальчик задирал всех и привык верховодить ребятами.

До открытия школы в Костобе Жанбосын не считал детей Копекбая за людей, даже презирал их. Проходя мимо прокопченной юрты Копекбая, он брезгливо отворачивался, считая себя человеком высшего сорта и намного умнее этих разных бедняков.

И вот теперь, когда мы сидим в одном классе, Жанбосын по старой привычке дерзит класскому Жунисбаю, спорит с ним, ехидно улыбаясь, и оглядывается на ребят, ища поддержки, все еще пытается показать свое превосходство и вредный характер. Но Жунисбай не из тех, кто сдается. Громче обычного и строже он говорит Жанбосыну:

— Я не посмотрю, что у тебя отец аульный, что ты лучше меня одет. Всей твоей нарядной одежке грош цена, да и тебе столько же. Ты будешь подчиняться класскому!..

Грозный вид Жунисбая пугает Жанбосына, и он молча опускает глаза. Мы прекрасно понимали, что Жунисбай не потерял бы присутствия духа, даже встретив самого Азраила — ангела смерти. А тут, подумаешь, зарвавшийся сынок председателя аулсовета! Уж его-то он поставит на свое место.

Вне школы мы иногда забываем про учителя, но своего класскома мы помним всегда. Он, казалось, был вездесущим. Если кто-нибудь из нас даже в свободное время совершает самый незначительный проступок, Жунисбай появляется немедленно, вырастает как из-под земли и тут же дает нагоняй.

И все-то в Костобе известно Жунисбаю. Он доглядывал не только за своим классом. Его побаивались даже взрослые. Если он видел, что кто-нибудь несет клок сена, то тут же приставал с расспросами:

— Чье сено? Откуда? Не украли ли в колхозе?

А если где-нибудь на подворье резали барана, то и тут он наводил справки:

— Чей баран? Не колхозный ли?

Люди, глядя на Жунисбая, покачивали головами:

— И что только выйдет из этого Копекбаева мальчишки, когда вырастет? Ой, убьет он кого-нибудь, убьет...

6

А теперь о Майре.

Я должен рассказать о ней более подробно потому, что в тот период моей жизни она для меня значила гораздо больше, чем учитель Сагатбай или наш неистовый класском. Майра — дочь председателя аулсовета Батырхана, сын которого Жанбосын вам уже достаточно известен. У Майры была младшая сестра Сайра. Казахи питают пристрастие к тому, чтобы называть своих детей схожими именами.

Майра — санитар нашего класса. И не случайно.

Мать их, Айсулу, стройная красивая женщина, слыла в ауле великолепной хозяйкой и с любовью воспитывала своих двух дочурок. Обе они, Майра и Сайра, как козочки-близнецы, одевались обычно одинаково, ходили всегда чистенькие, точно две уточки, только что искупавшиеся в речке.

И хотя время было трудное, полуголодное, Айсулу умудрялась все же кормить своих детей лучше, чем другие. Их отец Батырхан был несколько поверхностным человеком, но о нем говорили, что жить он умеет. Под его началом находились два колхоза. Он свободно говорил по-русски, дружил с пограничниками, и все приезжающие авторитетные гости, всякие там уполномоченные, как правило, останавливались у Батырхана. Что там ни говори, а председатель аулсовета все-таки жил лучше других аулчан.

Майру, как самую чистоплотную ученицу, мы избрали санитаркой. Я тогда еще не совсем ясно представлял, чем это для меня обернется. Майра оказалась настолько требовательной и строгой санитаркой, как будто родилась для этого дела. Каждое утро, стоя в дверях класса, она проверяла наши руки, уши, шею, щеки. Словом, когда мы приближались к дверям, где стояла Майра, то поочередно протягивали руки, поворачивались то влево, то вправо, показывали уши, нагибались, чтобы подставить этой девчонке свои шеи. Это уже стало ежедневным ритуалом.

Майра была неумолима — грязнулю она в класс не пропускала.

— Иди умойся, остриги ногти, потом приходи в класс,— говорила она.

Но где уж нам, аульным ребятишкам, быть чистыми и аккуратными! Мы выросли, купаясь, как куры, в золе, барахтаясь на навозных кучах, ни зимой ни летом не знали, что такое баня, а дома спали на грязных постелях под засаленными рваными одеялами.

Одним из таких «чистюль» был, конечно, и автор этих строк. Я не привык умываться по утрам, да и не было условий. Человечество познало много разных мук, но самой большой для меня тогда было это умывание на рассвете ледяной водой. Просто ополоснуть лицо и руки тоже не годится — Майра заметит и не пустит в класс. Я был настоящим мучеником — я не любил умываться.

А что прикажете делать с ногтями? Сегодня их срежешь, а завтра, глядишь, отросли, и черная кайма грязи выдает тебя с головой, особенно в глазах Майры. Волосы мои тоже далеко не в блестящем состоянии. Их надо стричь. Но вы представляете, какая это пытка,— стричь мои волосы. Природа, видимо, была не в духе, когда создавала меня, поэтому вместо волос вырастила на моей голове настоящую проволоку. Бритва их не берет. Все, кто брался брить мою голову, обычно приговаривали:

— О аллах! Бывают же такие патлы! И кому нужны такие крепкие волосы!

Но разве я виноват, что у меня волосы, как свиная щетина, и не поддаются бритве. Разве это поймет Майра, хотя она и умная девочка? Когда меня брили, то мне было так больно, что казалось, в эту минуту с меня снимали скальп. Я сидел, съежившись, сжимал зубы, закрывал глаза и терпел — кто знает, может быть, ради Майры.

Обычно я доверял брить голову тому человеку, у которого была острая бритва и легкая рука. Таким человеком был старик Аубакир. Он разделывался с моей головой, как повар с картошкой. А в ответ на мои стенания и жалобы приговаривал:

— Оказывается, ты вовсе и не джигит. В твои годы нам брили головы ребром.

Я удивлялся и не понимал, как это можно брить волосы ребром.

Мыло в ауле заготовляли сами. Это делалось так: срезали альботу, пережигали ее, к золе подмешивали жир и кипятили. Вот вам и мыло. Черное, тяжелое и твердое, как настоящая черная глина. Кусочек такого «туалетного» мыла у нас называли бузодшык.

Немало хлопот мне доставляли и руки. Когда я не ходил в школу, то и не представлял, что они требуют столь большого ухода. Но вы, конечно, знаете, что такое руки аульного мальчишки-первоклассника. Они всегда в царапинах и цыпках. Иной раз мне даже казалось, что я и на свет-то родился с такими руками. А когда моешь их с мылом, то черная пена жжет, словно под кожу попала соль.

И вот я стою перед Майрой с вытянутыми руками. До этого она уже несколько раз не допускала меня до занятий, но сегодня я решил защищаться.

— У меня тело такое,— говорю я,— у нас в роду Найза все черные.

— Это грязь,— не соглашается Майра.

Она ногтем царапает мне руку и вдруг там предательски показывается белая полоска.

Я сдаюсь и снова, вот уже в который раз, иду умываться.

Если Майра солнце, то я, безусловно, подсолнух. А если Майра цветок, то я тот самый мотылек, который все время крутится возле него. Судите сами. В классе я сижу на парте за ее спиной. А на перемене я, конечно, совершенно случайно оказываюсь там, где и она.

Когда мы возвращаемся из школы, я демонстрирую перед Майрой все свои таланты, какими меня наградила щедрая природа. Во-первых, никто так не умеет верещать, как я. И я верещу. Я даже свищу, имитируя самые разнообразные птичьи голоса. Вот передо мной широкая яма. Я разбегаюсь и перепрыгиваю. А если мы начинаем бегать взапуски, то я, конечно, всегда стремглав несусь впереди всех.

Вы заметили, как в этот момент Майра одобрительно посмотрела на меня? Это что-нибудь да значит. Нет на свете человека счастливее меня в эту минуту.

Руки, конечно, я отмою. Об этом и говорить не стоит. А вот подражать птичьим голосам вряд ли кто сможет.

Утром я скребу свои руки ногтями, а в школе протягиваю Майре свои чистые, но все в царапинах кисти. Пусть видит и знает, чего это мне стоило. Пусть дает оценку. Но мне больше не придется перед нею краснеть.

О, Майра!..

7

Осень в колхозе — самая суматошная пора. Еще не закончен сенокос, а хлеба требуют, чтобы их убирали. Надо косить, обмолачивать, очищать зерно и на арбах и подводах отвозить его на приемные пункты за пятнадцать километров. Надо пахать зябь, строить теплые кошары. Работы много, а людей мало. Не хватает и тягловой силы. В то время почти все работы производились вручную. Лошади и быки были в упряжке почти круглые сутки — с них не снимали хомутов и ярем.

Особенно яркой в эти горячие дни является фигура уполномоченного. С сумкой, болтающейся на боку, он олицетворяет самого ярого пожарника, готового в любую минуту погасить любой огонь. Уполномоченный почему-то все время сердит, грозен:

— Почему не сделали то, почему не сделали это?

Люди выходили в поле на рассвете, а возвращались ночью. На полевые работы мобилизовали всех лошадей и быков единоличников. В плуг запрягали даже жеребых кобылиц, и они в упряжке рожали, и людям приходилось принимать выкидыши. Если через аул проезжал верховой путник, у него забирали коня.

Еще хуже обстояло в колхозе дело с сельскохозяйственным инвентарем. Председатель колхоза, бригадиры, работники аулсовета ходили по домам, собирали веревки, кошмы, мешки. А если и эта мера не помогала, то они попросту облагали каждого хозяина своеобразным налогом: «Ты обеспечишь хомут, ты — постромки, а ты — дугу...»

До сих пор помню уполномоченного Сарманова с сердитыми и какими-то шальными глазами. Его боялись и взрослые, и ребятишки. У него был такой суровый вид, словно в каждом человеке, который находился рядом с ним, он заранее видел врага, вредителя колхозного производства.

— Отдам под суд! — то и дело говорил он, часто без всякого повода.

В то время в аулах у людей только-только пробуждалось сознание, и редко кто мог прямо ответить такому человеку, который, не задумываясь, готов был вместе с волосами снять голову. Люди только говорили:

— Ай, батыр, что это ты делаешь?!.

Однажды как всегда крикливый и суетливый Сарманов

вошел в наш класс, держа в руках сложенную вдвое камчу. На нем была кожаная тужурка и кепка. Зад галифе тоже обшит кожей, чтобы не стирался в седле. Это был человек полноватый, небольшого роста, с выпирающим животом. Брови его были насуплены, как будто среди нас, детей, он тоже искал подозрительную личность. Загромыхав партами, мы сразу повскакивали со своих мест — не столько из уважения, сколько из боязни. Мы все чувствовали, что Сарман в не придет к нам с добром, не такой это был человек.

Подойдя к Сагатбаю, он стал к нам боком и сказал почему-то с угрозой:

— С сегодняшнего дня занятия приостанавливаются. А этих молокососов будешь ежедневно водить на поля, они будут собирать колоски.

Учитель молчал — он ничего не мог возразить Сарманову.

...Теперь мы не ходим в школу, а собираем колоски. Наш класском Жунисбай оказался еще более крикливым, чем уполномоченный Сарманов. Ежедневно рано утром, когда мы еще нежились в постелях, класском суматошно стучал в наши окна, как будто загорелась школа и мы должны были спешить на пожар. Когда он сам спал, мы не знали, но привыкли к его голосу и поспешно вскакивали, торопливо одевались, наспех завтракали и с заспанными глазами выбегали из дома. Каждый из нас нес, прижимая к груди, бутылку ячменного коже на обед.

На работу Жунисбай вел нас строем, громко командуя, делая замечания:

— Арипбай, подтянись!..

— Улдакан, не отставай!..

Мы еще как следует не проснулись, и ноги у нас заплетаются. А Жунисбай знай командует:

— А ну-ка бегом!..

Нарушив строй, сбившись в кучу, беспорядочно топоча, мы бежим, как стадо козлят.

— Стойте!

Мы останавливаемся и некоторое время суетимся, отыскивая свое место. И вот наконец строй восстановлен. Жунисбай заставляет нас маршировать на месте.

— Раз, два! Левой! Кулайхан, ты что, не знаешь, где левая нога? Смени ногу. Стойте! Начнем сначала! Раз, два. Левой! Шагом арш! А ну-ка запевайте! Малик, начинай!

Малик — девочка-подросток. Она у нас певунья и плясунья. В строю высоко начинает звенеть ее голосок:

Мы, дети бедняков,
За Лениным идем.
И всех своих врагов
Мы прямо в сердце бьем.

Снова звучит голос Жунисбая:

— Вразнобой поете! Начинайте сначала!..

И Малик запевала сначала.

...Я самый маленький ростом, и поэтому мое место обычно где-то в задних рядах. Я, конечно, стеснялся этого и старался стать впереди. Когда мы выстраивались, я тянулся вверх, приподнимаясь на цыпочки или используя для этого любой бугорок под ногами. Мне особенно обидно, что приходится стоять позади девочек.

Меня немного утешает, что Майра не выше меня ростом и часто становится рядом. В таких случаях я уже не лезу вперед и не отыскиваю под ногами бугорков. Когда мы идем, я размахиваю руками и касаюсь ее локтя. Лучшей награды мне не надо.

Мальчишка я был шустрый, имел неплохо подвязанный язык, учился хорошо, но вел себя легкомысленно и часто попадал в скандальные истории. Я быстро мог подружиться с кем угодно и так же быстро поссориться. Кроме того, по характеру человек я был все-таки мстительный. Если от кого получал колотушки, то день и ночь думал о том, как бы отомстить обидчику.

Очень любил физкультуру, не уступал никому в беге, в прыжках, в плаванье. Вероятно, мной двигало в таких случаях слишком болезненное самолюбие. Я считал, что отставать от людей, плестись в хвосте — это просто позор. Даже стыдился того, что наша семья жила беднее других, что мой отец и братья не могли жить лучше. Мои лохмотья приносили мне много страданий. Я хотел бы одеваться хорошо, как Жанбосын. Как бы я хотел избавиться от рвани! И сейчас бы рядом с Майрой шел не оборванец, а красиво одетый мальчик. В своих мечтах я доходил до мысли, что было бы очень здорово родиться сыном председателя аулсовета Батырхана.

Представьте себе, в то время, когда мы все летом ходили босиком и ноги наши были покрыты цыпками, Жанбосын щеголял в ботинках. И в каких еще ботинках, вы бы видели! На каблуках и подошвах у него красивые узоры. Когда он проходил, на влажной земле

оставались следы, похожие на печать. Ну как тут не позавидовать Жанбосыну, который ходит в ботинках с узорчатыми подошвами?

С самой весны и до первого снега я хожу босиком. И от этого подошвы моих ног так задубевают, что никакие там колючки не берут их. Бывает, когда бежишь вприпрыжку по тугаям, крепкая, как гвоздь, колючка карагача вонзится в пятку. Боль, конечно, неимоверная. Кажется, что она вошла прямо в мозг. Охнув, садишься на землю и, скорчившись, начнешь изо всех сил тащить занозу, которая торчит, как вражья стрела. Потом, прихрамывая, бежишь за ребятами, которые ушли уже далеко вперед. А скоро и вовсе забываешь про эту злосчастную колючку.

За лето мои ноги становятся черными, покрываются наростами и трещинами, будто кто-то невидимый обрядил их в крокодиловую кожу. Трещины на ногах становятся все глубже, выступает кровь. Если я попадаю ногой даже в простую воду, то щиплет так сильно, что я не нахожу себе места. Лечит меня в таких случаях моя бедная мама, которая уже привыкла к моим разнообразным недугам. Перед сном она моет мои черные ноги едким и таким же черным мылом и ногтями скребет грязь. Проделав эту процедуру, она смазывает их пенками молока или постным маслом. Мои потрескавшиеся ноги впитывают в себя весь жир, как пустыня влагу.

И только после этого я чувствую, как все-таки мыло и жир разъедают мои ноги. Я лежу и плачу. Мать стоит надо мной с печальным и озабоченным лицом.

Наутро я совершенно здоров. Мои ноги послушны мне и не болят. И вот я марширую этими ногами, смазанными пенками молока и маслом, в общем строю. Мы идем собирать колоски. Рядом со мной шагает Майра.

Раз, два, левой!..

8

Хлеб, в основном, жнут серпами и косами. На весь колхоз имеется всего одна дряхлая лобогрейка, а комбайнов и в помине нет. Обмолот пшеничных колосьев производится катками или гоняют по кругу лошадей, и их копыта играют роль молотилок.

Мы собираем колоски. В руках у нас мешочки, в которых лошадям обычно дают овес. Когда мешочек наполняется колосками, мы относим его на ток и опорож-

няем. Это мучительная работа, не то что игра на берегу оврага. Спина не разгибается целый день, а колоски, сколько бы ты их ни подбирал, не кончаются. Да и мешок сам по себе не наполнится колосками. А лениться или отлынивать никто и не думает. Тут же раздается понукающий голос Жунисбая:

— А ну-ка, поживей, поторапливайтесь!

Сам класском не знает усталости.

Иногда собирать колоски с нами приходил Сагатбай. В эти дни нам работалось веселее, мы не замечали усталости, а время до вечера проходило незаметно. Поработав, мы садились отдыхать, и Сагатбай начинал нам рассказывать самые разнообразные, но всегда увлекательные истории.

Мы — дети темных родителей. Но мы умели видеть красоту родных гор, светлых вод Текеса, и не одни только аульные сплетни слышали мы изо дня в день, но и прекрасные сказки, песни, легенды. И все же Сагатбай приподнял перед нами завесу в совсем иные дали, и мы слушали его речи, как самые чудесные сказки. Он открывал нам широкий, неизвестный для нас мир и звал в какую-то новую, ясную даль. Это же просто поразительно, что где-то есть другая, неведомая нам жизнь и мы можем проникнуть в пределы ее с помощью вот этого удивительного человека, нашего учителя Сагатбая.

У моего отца Идриса было свое представление о жизни и о мире. По вечерам, после ужина, когда у него было хорошее настроение, он начинал рассуждать о том, что земля плоская, как поверхность четырехугольного стола, а поддерживает землю на своих рогах серый бык. Когда он устает держать землю на одном роге, то перекладывает ее на другой. Вот тогда-то и происходят землетрясения. После таких рассказов этот бык начинал мне сниться. Все на этом свете создал аллах — и небо, и звезды, и месяц, и солнце. А человек не умирает, он уходит в сады аллаха, на тот свет. Чего же проще! Все понятно.

Однако Сагатбай на этот счет был другого мнения: земля круглая, как шар, а бога нет. Люди сами от страха перед непонятными явлениями природы создали себе богов. Позвольте, позвольте! А как же серый бык? Мой отец Идрис тоже прожил немалую жизнь и кое-что знает. Если земля круглая, то как же мы по ней ходим и не падаем? Почему же не выливаются из своих берегов реки и озера? А если земля крутится, то почему не крутится вон та синяя

гора? И в конце концов — почему не кружатся наши головы?

Мой детский ум никак не мог все это совместить и осмыслить. Но Сагатбай любые трудные вопросы умел объяснить понятно и толково. У нас не оставалось никаких сомнений. Все то, что Сагатбай говорил нам в поле, звучало куда более авторитетно, чем то, что говорил мой отец дома, лежа на кошме после ужина.

И все-то у Сагатбая получалось красиво, как в сказке. Особенно его рассказы о революции, о свержении царя с престола, о коммунизме — все это походило на прекрасный мир новой светлой жизни. Я готов был слушать Сагатбая все время и не наслушался бы.

— А Ленин — казах? — спрашивали мы.

Нам почему-то хотелось, чтобы Ленин — этот всемогущий и чудесный человек, был обязательно нашим, единокровным, родственным и, конечно же, из нашего рода.

В ответ на наш наивный вопрос Сагатбай улыбается. В это время его добрые зеленоватые глаза теплеют. Наконец он говорит:

— По национальности Ленин — русский, но он все нации считал одинаковыми, не разделял людей на русских и казахов. Он боролся за дружбу и равенство наций.

— А о казахах Ленин слыхал?

— Конечно,— говорит Сагатбай.— Он хотел, чтобы казахи стали оседлыми, чтобы в аулах открылись школы...

Мы сидим в поле тесной кучкой и думаем о Ленине. Каждый из нас представляет его по-своему, но все мы знаем, что это был великий человек, и от него зависит многое в повороте судьбы казахов к лучшей жизни.

* * *

Сагатбай как бы открывал перед нами все новые двери в большом коридоре жизни, и мы узнавали все больше и больше. На другой день, когда мы в обеденный перерыв отдыхали в поле, учитель сказал нам:

— Сейчас мы строим социализм...

Он оглянулся на поля, где шла хлебоуборка.

— А это значит,— продолжал он,— что в нашем колхозе будут построены хорошие дома...

Я вспомнил прокопченную юрту Жунисбая да и собственный дом, похожий на пещеру.

— ...больницы,— продолжал Сагатбай.

Я вспомнил, как мама лечит мои черные, потрескавшиеся от грязи и ссадин ноги.

— ...школы.

Я вспомнил нашу школу — бывшую мечеть.

— ...будет много пищи.

Я вспомнил черное толокно, каким меня кормит мать.

— ...и много одежды.

Я посмотрел на свои лохмотья.

Мы представили все то, о чем говорил наш учитель, и, по-моему, единодушно подумали: «Будет очень здорово!» Но учитель шел дальше. Это же был Сагатбай, которого мы все любили и которому верили.

— А потом,— учитель помял в своих руках колосок пшеницы,— люди построят коммунизм.

— А что это такое?

— Это когда все люди будут счастливы.

— Все?

— Все. И пища, и одежда, и все, что нужно для людей,— будет бесплатным.

Это опять походило на сказку, но мы так верили Сагатбаю. Но все-таки, как же так? Бесплатно?

— А продавцы?

— Их не будет.

Я представил себе большой красивый магазин с распахнутыми настежь дверями. За прилавками изобилие товаров и ни одного продавца. Люди входят туда толпами, берут в охапку то, что им нужно, и выходят. Вот степенно вышел из магазина старый бедняк Копекбай. Он еле несет кучу разного добра — это все для сыновей и кроткой жены, чтобы наконец-таки приодеть их по-человечески.

Долго не раздумывая, захожу в этот волшебный магазин и я. На прилавках — глаза разбегаются — столько товаров. Уж, конечно, я хочу одеться во все новое. Свои карманы я уже набил конфетами, печеньем — наемся досыта. И никто мне не скажет: положи обратно. Потому что — коммунизм.

А ну-ка посмотрим, где здесь ботинки с узорчатыми подошвами, какие носит Жанбосын. Ага, вот они! Наконец-то вы в моих руках! Эти даже лучше тех, в каких щеголяет сын председателя аулсовета. Ботинки я обуваю тут же в магазине и еще несколько пар беру домой.

Так я себе представляю все то, о чем сейчас говорит наш учитель Сагатбай.

* * *

Сейчас, с высоты своих зрелых лет, я отчетливо вижу и понимаю тот период жизни нашего края. Тогда на всех нас обрушилась стихия — природа как бы истощилась и проявила свою немилость к людям.

Молодая советская республика еще не оправилась от всех потрясений и разрухи гражданской войны, только что появились первые колхозы, и вдруг нагрянула засуха — как бы последнее испытание перед новой, еще неведомой но прекрасной жизнью.

Мы, дети, многого еще не понимали, а скорее чувствовали, почему так нервозны люди, все мечутся — и уполномоченные и бригадиры. Все как бы кричало вокруг: победить голод, накормить людей, строить!.. И мы очень были благодарны нашему учителю, который глядел дальше, через перевал этих трудностей, и, как искусный архитектор, строил в нашем воображении прекрасное здание будущего. Теперь все это позади, а мечты нашего милого доброго мугалима стали явью.

9

— Ты маленький, лошади легче будет возить тебя, сказали мне и посадили на коня, который на току по кругу таскает за собой каток.

Нынешнее поколение ребят вряд ли знает, что такое каток. Это цилиндрический камень длиной около метра. При помощи постромок его цепляют позади лошади и таким образом ведут обмолот хлеба.

У нас на току три катка.

Три таких же мальчугана, как я, сидят верхом на лошадях и гоняют их по кругу с утра до вечера. Под ногами у лошадей разбросаны снопы хлеба. Какой-нибудь подросток стоит в стороне и все время подбрасывает новые снопы.

Мне до сих пор кажется — самая нудная и изнурительная работа на свете — это ездить на лошади, таскающей каток по кругу.

Чуть свет меня уже будят:

— Вставай, вставай!..

Я теперь важная фигура, без меня могут остановиться работы на току. Полусонный, я сажусь на лошадь, и все начинается. Я начинаю кружить все по одному и тому же

следу. Под ногами мелькают снопы, перед глазами все та же рыжая конская грива. А я все еду и еду по кругу, и неизвестно, когда приеду, и напоминаю собой волчок, который заставили крутиться вечно. К обеду я совершенно изнемогаю, а когда солнце начинает склоняться к западу, уже просто обалдеваю. У меня кружится голова, в глазах темнеет, все вокруг идет колесом. И тогда я начинаю думать, что земля действительно вертится.

У меня худая, истощенная лошадь, она еле передвигает ноги. Сижу я в дрянном, грубо сделанном седле, сижу боком на одной ягодице, и это еще больше изнуряет меня. Когда у меня начинает ныть один бок, я пересаживаюсь на другую ягодицу.

Лошадь медленно переступает ногами, и стук ее копыт напоминает стук пестика в ступе, и этот неприятный звук переворачивает все внутренности. Я подгоняю лошадь пятками, стегаю камчой, и, кажется, это единственное, что придает мне силы. Но вот она окончательно выбивается из сил и останавливается. Тут уже ничто не поможет. Хоть режь ее, хоть убивай — уши у нее обвисли, она шатается и готова упасть.

Заведующий — черствый и жестокий человек — не понимает, что лошадь действительно выбилась из сил.

— Погоняй! — кричит он.

Я знаю, что в таких случаях лошадь бьют по голове. Тогда они становятся пугливыми, и стоит только замахнуться камчой, как лошадь готова, пригнув голову, пуститься вскачь. Я знал одну лошадь, которой удар камчи пришелся по глазу, она ослепла. Я не могу ударить лошадь по голове. Как же мы тогда уставали! И сейчас, когда я вспоминаю об этом, у меня вздрагивает сердце. Меня уже самого надо погонять камчой. Позвоночник ноет, ноги затекли и болят. Я уже не могу сидеть в седле. Единственное, чего я сейчас хочу, это сойти на землю, упасть навзничь и, раскинув руки, полежать полчаса.

Конечно, я был хитрее, чем моя лошадь. Чтобы дать возможность отдохнуть себе и лошади, я хватаюсь за живот и начинаю страдальчески корчиться. Стоящий в центре круга грозный Жылкыбай кричит:

— Погоняй! Что случилось? Или маму вспомнил?

— Живот!..

— Что живот?..

— Схватило — крутит и режет.

Жылкыбай сразу узнает мою хитрость.

— Не болтай ерунды! Давай погоняй!..

Этот человек не поверит мне, даже если я действительно заболею. Он кричит, грозится, а если посчитает нужным, то и затрещину даст. Он обращается со мной так, как будто ненавидит моего отца. Я ненавижу Жылкыбая — он для меня сказочное страшилище.

И вот наконец обед.

Я сижу на земле, которая теперь вовсе не крутится, а стоит на месте. Все неподвижно — и вон те повозки, и та синяя гора.

А мы кушаем талкан. Черный талкан. Утром пиала, в обед пиала и вечером пиала ячменного талкана.

О милый, о благородный и беспощадный талкан!.. Ты тоже измучил меня. Во всяком случае, не меньше, чем моя повседневная езда по кругу. Где бы я ни был, я думал о тебе, хотя ел тебя с отвращением. Где бы я ни был, передо мной появлялся ты, черный талкан, как бы говоря:

— А вот и я!

Талкан зимой. Талкан летом. Утром и вечером. В какой дом ни войдешь — талкан, талкан, талкан... Кушать его можно по-разному, и всякий раз он воспринимается по-иному. Его можно запивать водой, делать жидкий постный суп. Но если уважаемый талкан залить топленым коровьим маслом или сметаной — это будет уже другое дело, по-настоящему вкусно.

Но это случается редко, по большим праздникам. А сейчас в поле у нас нет никаких условий, да нет и возможности есть такой роскошный талкан. Без лишних хлопот здесь на току едим талкан, растворяя его в горячей воде, которая кипит в большом казане. Имеющейся у нас под рукой посудиной мы зачерпываем сколько надо воды и разбавляем талкан. для большего вкуса посыпаем солью. Потом размешиваем ложкой, а то и просто куском тростника. И вот уже блюдо готово. Теперь осталось одно — отправлять его себе в рот, словно пенки со снятого молока. Только не надо торопиться, а то можно обжечься. После такого обеда как-нибудь доживешь до вечерней пиалы талкана.

Домой ходить далеко, и мы ночуем в поле, прямо на току, чтобы завтра чуть свет быть под рукой бригадира. Постелью нам служит стог соломы. Мы зарываемся в него, как сурки. Чтобы за пазуху не лезла полова, мы наглухо застегиваем воротники и таким образом укладываемся спать. Солома для нас все — и матрац, и подушка, и одеяло.

Не успеешь глаз сомкнуть, как уже слышится голос бригадира:

— Вставайте! А ну-ка подымайтесь!

Когда успела промелькнуть ночь? Вставать нам не хочется. Мы продолжали бы сейчас лежать, если бы даже загорелась солома. Я с горечью вспоминаю, что мне снова целый день трусить верхом на лошади, и сердце мое, как тонкой льдинкой, покрывается корочкой печали. К голосу бригадира присоединяется неприятный голос заведующего током Жылкыбая:

— Встанете вы или нет? Уже лошадей пригнали. Вставайте и ловите своих коней!..

Голос Жылкыбая начисто прогоняет сон. После его окрика лежать, притаившись в соломе, опасно. Если мы немедленно не вскакиваем, Жылкыбай залезает на стог и начинает палкой тыкать в солому, выискивая тела ребятишек. Как только он обнаруживает засоню, то сразу же откидывается клок соломы и оттуда показывается заспанная мордашка мальчугана.

И так каждый день. Мы не высыпаемся, встаем вялые и приступаем к работе с мыслью о вечере, когда снова можно зарыться в эту солому и снова уснуть. С особенной надеждой мы смотрим на небо — хоть бы дождичек! Вот когда можно отоспаться — ведь во время дождя работы приостанавливаются.

Но дождя нет как нет. Вот небо заволакивается тучами, и в наших душах появляется надежда. Вдруг порывистый ветер разгоняет эти тучи, гонит их куда-то в сторону, и наши мечты разбиваются. Ветер словно насмехается над нами — он, видимо, догадывается о наших желаниях, как Жылкыбай, и делает все наоборот.

Когда нет дождя и нет возможности отдохнуть как следует, я начинаю мечтать о том, чтобы заболеть. Это было бы очень хорошо. Я вернулся бы домой и валялся себе в постели. Ни катка, ни лошади, ни Жылкыбая. Лежи себе на кровати. Благодать!.. Но это мечты. А пока я снова трясусь верхом на лошади.

Жылкыбая я не люблю не только потому, что он с нами плохо обращается. Из рассказов взрослых я знаю, что предки его были богатые люди. Из трех братьев Жылкыбай был самый младший, богатство предков постепенно распылялось и наконец остались жалкие остатки. Во время конфискации два старших брата, живших более зажиточно, убежали за границу и угнали с собой много скота.

Жылкыбай не пошел с ними, остался на родине и во время коллективизации считался середняком. В колхоз он вступать не торопился, жил единолично, полагая, что лучше иметь собственного телка, чем общественного быка. У него было небольшое хозяйство, и он держал его в крепких руках.

Но единоличникам становилось жить все труднее. Все вокруг — и земля, и травы, и вода — теперь колхозное. Для Жылкыбая не оставалось и клочка земли, куда он мог бы ступить. Скрипя зубами, он все-таки вступил в колхоз. Уделом бывших баев стал удел простых людей — кетмень и лопата. Раньше люди почтительно обращались к нему «Жеке», теперь же просто покрикивали:

— Эй, Жылкыбай!

На все новое, что происходило вокруг, Жылкыбай смотрел со скрытой ненавистью, в душе у него клокотала злоба. Только поэтому наш заведующий током всегда ругался и не в меру был старателен. Конечно, он не очень-то проявлял заботу о колхозных делах, просто он всякий раз искал повод, чтобы придраться, излить накопившийся в душе яд. Весь его вид, выражение лица говорили о том, что он готов сейчас кого-нибудь укусить. Чаще всего доставалось от Жылкыбая нам, ребятишкам.

В иные моменты, когда у него бывало хорошее настроение, Жылкыбай предавался воспоминанию о «старых добрых временах», когда жаворонки вили гнезда из золотого руна на спинах овец. Он сидел в позе «все в прошлом», расхваливал свою прежнюю жизнь и с нескрываемой тоской жалел о ней. Сегодняшний день пугал его. Он говорил, что это наступает конец света, что от нашего доброго и щедрого народа ничего уже не осталось, дети учатся у неверных и сами становятся неверными. Его нытье о безвыходности жизни нагоняло тоску на всех окружающих.

Жылкыбай и сейчас жил богаче многих. В его личном пользовании были две коровы, две лошади, овцы, козы. Говорили, что часть скота он держал еще в разных местах у своих знакомых и друзей.

У Жылкыбая была красивая, недавно приручeнная рыжая кобылица. Он ее не доверял никому, ездил на ней только сам и постоянно держал ее на привязи возле тока. Три раза в день он ее кормил отборным зерном, поил, чистил, расчесывал ей гриву, словом, ухаживал, как за

ребенком. Даже муха не могла безнаказанно сесть на кобылицу Жылкыбая — так он ее оберегал.

Стройная, с острыми ушами, она была чудо как хороша!

Вечером, когда работы на току затихали. Жылкыбай садился на свою кобылицу и ехал в аул. Надо было видеть, как она, голубка, неслась вперегонки с ветром! Даже камчой не давала до себя дотронуться — так она летела. Если рядом скакали другие лошади, она возбуждалась еще больше. Если ее опережала какая-нибудь лошадь хотя бы на полголовы, она жевала удила и буквально рвала поводья из рук хозяина. Во всем Костобе не было ни одной лошади, которая могла бы состязаться с мухортой красавицей Жылкыбая.

Однажды моя лошадь окончательно выбилась из сил, я выпряг ее из катка, пустил попастись, а сам блаженно растянулся на краю тока. Вдруг надо мной прозвучал грозный голос уполномоченного Сарманова:

— Почему не действует один каток?

Жылкыбай, оказавшийся рядом, объяснил, что лошадь выбилась из сил и ей необходимо немного передохнуть. Но Сарманов не внял заискивающему объяснению заведующего током.

— Надо сменить лошадь. Нельзя останавливать каток!..

— Другой лошади нет,— сказал Жылкыбай.

Сидя верхом на своей крупной лошади, Сарманов, выпучив сердитые глаза, посмотрел вокруг и вдруг брови его нахмурились — неподалеку, на берегу арыка, он увидел привязанную мухортую кобылицу, которая с аппетитом жевала зеленый клевер.

— А это чей жеребец? — строго спросил он.

— Это не жеребец, а кобыла,— растерянно ответил Жылкыбай.— Неприрученная кобылица.

Кто хозяин?

Ну... я... хозяин.

На этой кобылице ездят?

— Я сам еле-еле езжу на ней. У нее дурной нрав.

Вот и запрягайте эту кобылицу.— В голосе Сарманова послышались нотки приказа.— Нельзя ни на минуту останавливать каток. Если на ней ездят, то и здесь ничего не случится. Привыкнет...

Услышав эти слова, Жылкыбай даже застонал:

— Ойбай! Это же дикая кобылица. Она еще не знает хомута. Она не даст себя запрячь...

Когда Сарманов выезжал к нам уполномоченным, в районе ему дали всю полноту власти, и сейчас он чувствовал себя богом в наших краях. А боги, как известно, не торгуются. Тоном, не допускающим возражений, он сказал:

— Ничего, ничего... Все эти лошади тоже когда-то были дикими, а потом их все-таки приручили. Запрягайте, посмотрим. Нельзя останавливать каток.

Багровое лицо Жылкыбая потемнело, но он не смел возражать Сарманову, так как знал, что уполномоченный, если захочет, и совсем заберет в колхоз его кобылицу. Заведующий током привел в поводу свою кобылицу и недовольно проворчал:

— Ну, смотрите же, я вас предупредил. Кобылица дикая, нрав у нее дурной. Если она покалечит мальчика или кого другого, не я в ответе.

Кобылица, продолжая дожевывать клевер, конечно же, не подозревала о том, какой разговор ведут Сарманов и Жылкыбай и зачем ее привели к току. Глаза ее по-прежнему сверкали, она глухо стукала своими округлыми копытами по ровному утоптанному току и, словно испугавшись этих звуков, недовольно фыркала.

Жылкыбай дает мне поводья и начинает нехотя седлать кобылицу. На нее впервые в жизни надевают хомут. Как будто желая сказать: «А это что еще за новости?», мухортая красавица испуганно косится на хомут. Почувствовав запах чужого пота, кобылица снова фыркает и воротит голову в сторону.

Сарманов, сидя верхом на коне, молча наблюдает за этой сценой. Вот уже надет и хомут. Чувствуя неловкость от этого предмета, кобылица дрожит всем телом. И только, когда концы постромок начали присоединять к катку, мухортая красавица, вероятно, поняла, что ее вольная жизнь кончилась, неотвратимая беда подступила к ней вплотную. В глазах у нее мелькнул испуг, и она настороженно подняла уши.

— Садись,— сказал мне Сарманов.

— Я боюсь,— заупрямился я, прекрасно понимая, что эта кобылица недавно была дикой, только что приручена, ее еще никогда не впрягали в каток. К тому же, в моих ушах все еще звучали слова Жылкыбая, что он не будет отвечать, если «она покалечит мальчика».

Жылкыбай все рассчитал, он знал, что говорить. Сейчас он стоит, чуть не лопаясь от бессильной злобы, и почти кричит на меня:

— Я, что ли, сяду вместо тебя, сын собаки!

С этими словами он берет меня в охапку и сажает на кобылицу, которая сейчас испугана и еле стоит на месте. Теперь мне остается одно — что сделано, то сделано — вцепиться обеими руками в седло. Если я начну кричать, брыкаться, то еще больше напугаю кобылицу и еще неизвестно, чем все это кончится. Я сжимаю ногами бока лошади и крепко хватаюсь за поводья.

— Погоняй!

И вот мухортая тронулась с места. Она недовольно фыркает и с удивлением оглядывается на грохочущий позади каток. Она не шарахнулась, не понесла, и я начинаю понемногу успокаиваться. Конечно, все лошади, которых впервые запрягают в арбу или каток, сначала не понимают, что с ними происходит, и пугливо озираются. Но мухортая кобылица — очень осторожное животное. Она идет пытливо, словно нащупывая под собой землю, то опускает уши, то ставит их торчком. Конечно, нет никакой гарантии, что вдруг не наступит момент и она не понесет вскачь. Я чувствую под собой не лошадь, а опасного дикого зверя. Я напряженно жду мига, когда она вдруг выйдет из повиновения, вздыбится, воспротивится и тогда уже натворит бед. В этом случае бессмысленно пытаться укротить своенравную красавицу. Я думаю только о том, как бы остаться в живых.

Но вот она сделала один круг, другой, третий. Теперь не только я, а и все остальные понимают, что ничего не может случиться. Жылкыбай, кажется, разочарован. Он ждал иного исхода, может быть, даже беды. Ему это было выгодней.

— А вы говорили, не будет ходить! — набрасывается Сарманов на Жылкыбая.— Пошла же! Вам только бы наносить вред колхозному делу!

После этих слов Сарманов пошел в дом, где уже кипел обеденный казан.

У Жылкыбая такой вид, как будто он сегодня похоронил отца. Он молча берет вилы и разбрасывает остатки снопов на пути катка. А что еще он мог сделать? Конечно, ему жаль кобылицу. Он ее лелеял, ухаживал за нею и не позволял никому садиться на нее. Ездил только сам. А сегодня своими же руками посадил на любимицу такого оборвыша, как я. Мухортая с этого дня впряжена в самую тяжелую колхозную работу, которой сейчас конца-края не видно. Теперь она уже перестанет быть красавицей, летающей птицей, а буквально на глазах превратится в

клячу. Думы мрачные и тяжелые, как горные валуны, расстраивали его. Конечно же, наступает конец света.

Впереди грохочут еще два катка. Жылкыбай стоит в центре тока и время от времени переворачивает колосья, разбросанные на пути. Когда я подъезжаю к нему ближе, он начинает действовать еще энергичней, берет на вилы сноп и подбрасывает его высоко вверх. Сверкающие острые зубья вил чуть не задевают бока лошади. Теперь я понимаю, что он задумал какое-то нехорошее дело, и с опаской начинаю посматривать на вилы, мелькающие в руках Жылкыбая. Тут не то что вилы — соломинка попадет в пах лошади, так она, обезумев, понесется во всю прыть. Вон, оказывается, что задумал Жылкыбай. Долго тянутся тягостные минуты этого молчаливого поединка — я слежу за Жылкыбаем, а он за мной.

И вот наступил момент, когда Жылкыбай сделал все же свое черное дело. Я подъехал к нему почти вплотную. Он приподнял сноп и, как будто перетряхивая его, ткнул острием вил в пах мухортой. Я отлично видел, как он это сделал. И тут началось.

Кобылица, ошалев от испуга, перескочила через ток и, с грохотом волоча за собой каток, понеслась по колючей стерне. Я понимал, что, во всяком случае, земля здесь мягкая. Люди, работавшие на току, подняли крик и бросились в погоню. Но я с самого начала был морально подготовлен к тому, что такой страшный случай может приключиться, и потому не особенно испугался. Я много раз слышал от взрослых о том, что, когда понесет взбунтовавшаяся лошадь, у большинства седоков ноги остаются в стременах и они погибают оттого, что животное тащит их по земле. И сейчас, сообразив, я сразу вынул ноги из стремян и приготовился к прыжку.

Но позади меня грохочет каток. Прыгнув, я тут же могу оказаться под ним. Конечно, он «обмолотит» меня не хуже, чем какой-нибудь сноп, и превратит в лепешку. Я не особенно-то и в то время полагался на бога, но в данном случае он вовремя пришел мне на помощь — за спиной у меня что-то затрещало и каток, как тяжелый каменный сундук, оторвался от постромок и сам по себе покатился в сторону. Избавившись от него, обезумевшая кобылица все еще бежала, пытаясь освободиться от постромок, путавшихся у нее в ногах. Я уперся обеими руками в переднюю луку седла, приподнялся и прыгнул в сторону, брякнулся на стерню, как брошенный малахай.

Оглядываясь на меня, как бы говоря: «Наконец-то я избавилась от тебя»,— мухортая поскакала дальше. Теперь мне уже решительно нет никакого дела до того, куда и зачем она скачет. Я лежу на стерне и какое-то мгновение смотрю на голубое осеннее небо. Все кончилось хорошо, я жив. Но я тут же вскакиваю и начинаю ощупывать руки и ноги. Целы. А это уже немало.

Перед самым своим прыжком я успел подумать о многом. Даже о том, что, если у меня случится вывих ноги или руки, то я буду слегка покалечен, а значит, поеду домой и досыта отосплюсь. Но бог, оказывается, такой же своенравный, как и мухортая кобылица, он не исполнил этого моего заветного желания. Я не только не покалечился, но даже не разбил себе носа. Лишь колючая стерня кое-где поцарапала мне лицо и руки. Но из-за этого никто не отпустит меня домой. Я даже был огорчен, будто весь мой многострадальный труд пропал даром.

Жылкыбай доволен, что его пророческие слова сбылись, он ворчит, как бы выговаривая Сарманову:

— Я же говорил, что у этой собаки дурной нрав. Вы думаете, что я жалею эту животину. Мне ребенка жалко: она же могла его покалечить. Хорошо, что бедняге не суждено было умереть.

Исполняя какой-то языческий обряд. Жылкыбай берет горсть земли и сыплет ее мне за ворот. Он все-таки гнусным поступком добился своего — избавил мухортую от катка. Напуганная, она вряд ли сейчас равнодушно вынесет один вид хомута.

Единственный свидетель того, что произошло на самом деле,— это я. Если я расскажу обо всем Сарманову, то не сдобровать тогда Жылкыбаю. Но я молчу, потому что боюсь этого подлого и жестокого человека. Да и не только я.

10

Работа на току измотала меня окончательно. С самого начала хлебоуборки я ни разу не выспался как следует. Да и то сказать, легко ли девятилетнему мальчику ежедневно с утра до вечера мотаться верхом на лошади? Собирать колоски, оказывается, просто легкая забава. И у меня созрел единственный план избавиться от этих повседневных мук. Я решил бежать.

И вот однажды после ужина вместо того, чтобы, по

обыкновению, забраться на скирду и зарыться в солому, когда все утихомирилось и многие легли спать, я незаметно выскользнул из соломы и побежал в поле. Расстояние от нашего тока, что расположен в урочище Жауыртоган, до нашего аула не менее пяти километров. До сих пор помню ту тревожную ночь, когда по тропинке, вьющейся между тростниками, я бежал в темноте совершенно один. Я все время оглядывался, как будто за мной гнались. Луна пряталась где-то за облаками, степь была полна таинственных шорохов, причудливых теней, а когда входил в заросли камыша выше меня ростом, становилось особенно жутко. Вспоминая, что в степи водятся волки, я то и дело вздрагивал. Мне почему-то казалось, что сейчас вон из-за того куста выскочит кто-то страшный и бросится на меня. Кроме того, я еще боялся призраков, покойников, а также всяких там шайтанов, о которых был наслышан от взрослых. Старики долгими зимними вечерами много раз рассказывали о том, как они в степи встречались с духами и шайтанами. Сейчас моя несмышленая голова была полна этих страшных историй, а воображение рисовало зрелище одно ужаснее другого. При малейшем шорохе я пугливо озирался. Вот впереди показалась темная фигура. Она колеблется, шатается и даже движется. Но это только мое воображение да игра ночных теней.

Я знал, что на моем пути есть кладбище и его никак не миновать. Пройти по кладбищу ночью для меня большое испытание. Вот уже показался один могильник. Купол его провалился и зияет черным зевом. Он чернее самой ночи. И тут я спохватился, что у меня в руках ничего нет. И как это я отважился пуститься ночью в путь с пустыми руками? В темноте я начинаю шарить по земле, отыскивая камень. Но камня нигде нет.

Я осторожно, почти на цыпочках, прохожу мимо могильника, и вся моя душа уходит в кончики ногтей. Если бы в эту минуту кто-нибудь крикнул, я тут же упал бы замертво. Но вот наконец кладбище кончилось, я облегченно вздыхаю и что есть духу пускаюсь к аулу очертания которого показались впереди. У меня такое чувство, словно духи вышли из могильников и толпой пустились в погоню.

В ауле все уже спали, окна нашего дома тоже были темны. Я постучался в дверь.

— Кто это?

— Я, мама.

— Это ты, Бекен? — переспросила мать и торопливо распахнула дверь. Узнав о том, что я один в такую непроглядную ночь бежал по степи, она тут же расплакалась.

— Как ты смог? Ты не боялся? — говорила она сквозь слезы, прижимая меня к груди. Я признался, что сбежал, и рассказал о том, как мухортая кобылица понесла меня и чуть было не убила. Мать пришла в ужас, обнимала и целовала меня и никак не могла поверить в то, что я жив.

Нет, я никогда не променяю материнские ласки ни на какие богатства. Золотая моя мама! Бесценная моя! Мне уже ничего не надо, лишь бы ты была жива и находилась рядом. Когда я вырасту, я не забуду даже малейшей толики того хорошего, что ты для меня сделала. Все мои богатства, все мои достатки, которые когда-либо будут в моих руках, я отдам тебе, моя мама. Я куплю тебе самые роскошные одежды, ты будешь есть у меня самую лучшую пищу. Я куплю тебе ящик конфет. Ешь, мама, сколько хочешь! Золотая моя, я ничего для тебя не пожалею!

Я лег на изодранное одеяло, прижался к теплой груди матери и моментально уснул сладким сном. Проснулся я внезапно от протяжного и злобного голоса. Этот голос я узнаю везде — он принадлежал Жылкыбаю, словно я никуда не убегал и провел эту ночь в той же соломе. Быстро открыв глаза, я увидел, что нахожусь дома. Матери рядом нет — она уже давно встала и занимается хозяйством. В окно комнаты льется яркий солнечный свет. Дверь открыта, и я вижу, как во дворе, гарцуя на мухортой кобылице, маячит грозный Жылкыбай. Он разговаривает с моей матерью:

— Где это твой негодный сын?

Из передней комнаты слышится голос матери:

— Почему ты его называешь негодным? Что он тебе плохого сделал?

— Он убежал с работы.

— Разве нет других мальчиков, кроме моего? — отвечает мать.— Мой сын больше не пойдет. Вы посадили ребенка на дикую кобылицу и чуть не убили его. Хватит с него!

— Если ты такая смелая, скажи об этом уполномоченному.

Слышится, как Жылкыбай грузно спрыгнул с коня и тяжелыми шагами вошел в дом. Не останавливаясь в

передней около матери, он проходит в горницу и тут видит меня, лежащего в постели.

— Смотри-ка, разлегся, беглец! А ну-ка, вставай и одевайся!

Мать, словно клушка, защищающая цыпленка, бросилась на Жылкыбая, но он грубо ее оттолкнул и сорвал с меня одеяло. Я закричал и кинулся к матери, ища у нее защиты. Отца и братьев дома не было — они на заре ушли на работу. Но Жылкыбай не пустил меня к матери. Взяв на руки, как блеющего козленка, он поднял меня с постели и потащил во двор. Мать он легко отталкивал свободной рукой.

И тут произошло не менее страшное. Прежде чем войти в дом, Жылкыбай привязал мухортую кобылицу за ручку двери. Услышав мои вопли, полудикая кобылица фыркнула, рванулась в сторону и понесла. Она сорвала старую и без того еле державшуюся дверь и поволокла за собой. Посыпались кирпичи, полстены рухнуло и теперь одна сторона дома зияла большим провалом так, что всю обстановку в комнате можно было видеть с улицы.

Мать плачет и проклинает Жылкыбая на всю улицу:

— Чтоб сгорел твой дом! Чтоб крыша рухнула тебе на голову! Смотрите, люди добрые! Средь бела дня разрушили мое жилище! О, несчастье на мою голову! Чтоб ты не жил и не плодился, кровопийца!

Громкий плач матери слышал весь аул, но никто не пришел ей на помощь.

* * *

К тому времени, когда мухортая кобылица дважды принесла нам несчастье, моему отцу перевалило за тридцать. Однако по жизни и поступкам своим отец походил скорее на старика. Пока он колебался, раскачивался, караван жизни уходил далеко вперед.

От судьбы отец склонен ждать всего — и хорошего и плохого. Ему чуждо стремление к накопительству и вряд ли его беспокоят заботы о завтрашнем дне.

Моя мать Асбет была женщиной языкастой и горячей, но болезнь подточила ее, и сейчас она выглядела сломленной. Она постоянно упрекала отца в несмелости, в нерешительности, как бы оттачивала его своими разговорами. Но отец мой напоминал деревянный нож, который сколько ни точи — все равно не будет острым.

Если есть человек, который хочет посмотреть, как живет настоящая бедняцкая семья, пусть приходит к нам. В нашем доме две комнаты — передняя и горница, которые освещаются маленькими покосившимися окнами. На всю нашу убогую жизнь эти окна смотрят с прищуром, как глаза полуслепых. Двери нашего дома скрипят так, что слышно на другом конце аула. Пол у нас земляной, а по углам растут пучки какой-то зеленой травы. Никто ее не сажал — сама выросла. Иногда я срывал ее и убеждался, что это ячмень или пшеница.

Всю обстановку нашего дома венчал сундук для продовольствия и две приземистые деревянные кровати. Это все, что я помню из нашего имущества тех лет.

В некоторых домах встречаются самовары, железные кровати, а по углам кипы сложенных одеял. У большинства кровати занавешиваются. А когда у человека есть еще и расшитая занавесь для одежды, то это уже признак достатка. Если дом имеет две занавески для одежды — это уже зажиточный дом. Например, у Батырхана.

Одна занавеска говорит о том, что здесь живут середняки, а дом, в котором нет ничего, естественно, является жилищем бедняка. Например, наш дом.

Я стесняюсь нашей бедности и горько думаю, почему в нашем доме нет таких красивых вещей? Почему нет самовара, занавески для одежды? У большинства людей есть дойная корова и немного мелкого скота. А у нас и этого нет. Даже у самого последнего бедняка-казаха, который ходит пешком и не имеет своей лошади, обязательно найдется седло и сбруя. Попросить лошадь не стыдно, а просить седло и сбрую считается зазорным. Когда мой отец и брат находили лошадь, чтобы съездить куда-нибудь, то они долго метались в поисках седла и сбруи. Это меня тоже бесило. Почему у нас нет того, что имеют люди? Они же все это где-то нашли! Почему не можем найти мы? Спрашивается, почему это другие люди живут лучше нас?

— Все от бога,— говорит отец,— придет время — и аллах даст...

А когда это будет? Сколько надо ждать, пока он даст?

Мой отец был среднего роста, плечистый, с густыми черными усами. Характер у него был благодушный, вряд ли он умел печалиться, поэтому преждевременно не старел, как другие бедняки. В пище он неприхотлив, ест то, что стоит на столе.

По утрам отец долго пьет чай. Если ему дать волю, он

будет так беззаботно сидеть до полудня. На работу отец не торопится. Обычно он жег уголь в тугаях и возил его в колхозную мастерскую. В его распоряжении был большой, тощий, с огромными рогами красный бык. Пока отец пьет чай, голодный бык стоит во дворе, привязанный к дверям. Видя, что красный бык вот уже полдня стоит у нашего дома, бригадир понимает, что отец еще не вышел на работу, подъезжает к нашим окнам и сердито кричит:

— Эй, Идике, ты все еще сидишь? Уже полдень, закругляйся.

— Я уже собрался, видишь, сейчас выхожу,— невозмутимо отвечает отец и продолжает сидеть, не шелохнувшись.

— Хватит тебе,— говорит мать,— надо идти на работу, что толку от этой пустой воды?

— Еще одну чашечку и хватит.

А потом еще чашечку и так, пока не допьет весь чайник. После этого, как бы ободренный, он сразу поднимается.

Зимой и летом отец одевается одинаково тепло. На нем всегда долгополая белая шуба, а на голове сплюснутый старый малахай. В жаркие дни, когда нужно поднять и завязать уши малахая, он не может этого сделать, потому что одна тесемка обязательно оторвана. Чтобы выйти из этого положения, он загибает уши кверху, и в это время они у него болтаются, как у ишака.

Пуговиц на шубе почему-то никогда не бывает. Отец запахивает ее полы и подпоясывается сыромятным ремешком, который смазывается жиром. Плотная и невысокая фигура отца в эти минуты кажется еще ниже. За спиной, как раз посредине пояса, у него всегда заткнут топор.

Даже в самый жаркий день отец ходит в таком виде. Когда его спрашивают, зачем он это делает, отвечает:

— Толстая одежда не пропускает жара.

У отца нет седла, да и вряд ли оно у него когда-нибудь было. Поэтому он прилаживает на спину красного быка седелку. Вместо подпруги ему служит веревка.

Да и стремян таких, какие у моего отца, ни у кого нет — одно деревянное, другое железное. Неуклюжий в своей толстой одежде, досыта напившийся пустого чаю, отец, выйдя из дому, никак не может вспрыгнуть на своего красного быка. Вот он поднатужился, дотянулся ногой до стремени, а седелка вдруг съезжает в сторону. Эта про-

цедура занимает немало времени. Утомленный долгим ожиданием, красный бык начинает беспокоиться, переступать ногами, и это еще больше мешает отцу сесть верхом. Он кличет меня из дому:

— Эй, Бекен, иди придержи стремя с той стороны!..

А если меня нет дома, он подводит быка к глинобитному дувалу и потом уже садится.

А время уже близится к полудню. И вот наконец мой отец торжественно едет на работу, выслушивая на пути нелестные отзывы встречных людей, особенно колхозных активистов. Позади у него сверкает топор, красный бык помахивает хвостом, и отец постепенно удаляется к тугаям.

Кажется, уехал, думаю я с облегчением. Но вдруг — что это такое? — отец заворачивает обратно. Что случилось?

— Эй, Идрис, ты почему вернулся? — спрашивают его встречные люди.

— Спички забыл,— спокойно отвечает отец,— как же я разведу костер?

Я выношу ему спички, он хочет их положить во внутренний карман, а для этого надо распоясать ремень. А чтобы снять ремень, он дает мне подержать топор. И все это делается неторопливо, в обратном порядке.

А время летит — уже приближается полдень.

— Эта проклятая животина не хочет двигать ногами! — ворчит отец, сваливая всю вину на красного быка, и наконец едет в сторону тугаев. Я не могу спокойно смотреть на медленные движения отца. Меня это злит и терпения еле хватает дождаться, когда он все-таки уедет.

Кузница, куда отец возит уголь, находится рядом с нашим домом. Звон молота, которым играючи орудует мастер Окимбай, не смолкает целый день. Того угля, что привозят в кузницу ежедневно, иногда не хватает, и тогда Окимбай в томительном ожидании сидит без дела. А отец и не думает о том, что вся работа кузницы зависит от него.

Домой отец возвращается поздно, когда опускаются сумерки. И всякий раз, проезжая мимо посевов, он рвет пучки пшеничных колосьев и прячет их за пазуху, за голенища.

Дома после ужина отец наглухо занавешивает окна, высыпает привезенные колоски на гладкую сторону шубы и начинает их перетирать. Все это делается для того, чтобы

наутро было чем позавтракать — талканом или жидкой болтушкой.

Воровать колосья отец начинает с того момента, когда зерно наливается и желтеет. Недозревшие зерна, когда их поджаривают, съеживаются. А талкан из него получается зеленоватый и сладковатый на вкус — словно в него добавили сахару.

Еще в апреле отец начинает нас утешать.

— Если доживем до зеленого талкана, то не умрем. Вся надежда на зеленый талкан.

Впрочем, колосья на посевах крадет не только мой отец — негласно среди жителей аула это считается как бы в порядке вещей.

Когда рано утром под окнами раздается голос бригадира и отца куда-то срочно вызывают, то он никак не может быстро разыскать свою одежду, которую сам же где попало разбросал вечером. Он всполошит весь дом, тормошит каждого из нас, переворачивает постели, перетряхивает одеяла, рассматривая их с той и другой стороны, отыскивая свой пояс и малахай.

Таким образом, мы в это время на ногах все поголовно. Одну из портянок он обнаруживает у меня под боком, а малахай в объятиях Сатылгана.

Конечно, чаще всего пропадает пояс. Отец уже полностью одет, но подпоясаться нечем. Отец стоит у двери и разводит руками:

— Господи, земля его, что ли, поглотила?

Пропавший ремень приносит много хлопот и моей больной матери.

— Асбет, где же он? — спрашивает отец.— Куда запропастился?

Со стоном мать присоединяется к поискам, и все в доме в это время ходит ходуном. Мать ворчит на отца:

— Надо с вечера все класть на свое место. У тебя же это каждый день.

Пояс наконец кто-то находит во дворе на дне тележки. Вчера ночью отец привез с база клок сена для быка. Выгружая сено из тележки, отец там же оставил и ремень.

* * *

Зимой отец ходит в неуклюжих пимах, скатанных вручную, и, конечно, носит их без галош. Эти чудо-пимы я помню до сих пор — головка одного из них напоминает лягушку, а другого — теленка.

Наверное, и до сих пор еще не сделаны галоши, которые подходили бы к таким пимам. В эти валенки отец подкладывает стельки, которые вырезают из черной прокопченной кошмы юрты. Всякое ненужное ветхое тряпье в доме отец превращает в портянки.

Своеобразно протекают наши вечера. Особенно зимой или в слякоть. Отец разжигает железную с помятыми дырявыми боками печурку, разувается и начинает сушить свои грубые, промокшие за день пимы и портянки. По комнате распространяется густой пар, как от кипящего казана. Удушливым и вонючим воздухом нельзя дышать. Больная мать в это время лежит в постели, разостланной прямо на земляном полу и греет спину у печки. Когда зловоние наполняет комнату, она поднимает голову и говорит:

— Идрис, ты опять? О аллах, удушишь нас когда-нибудь. Не прислоняй их близко к печке, держи подальше. Положи, они и так до утра просохнут.

Утром часть отцовских вещей снова оказывается не на месте. Куда-то пропадает пояс. И все начинается сначала.

11

Вот вы немного и познакомились с моим отцом. А теперь, дорогой читатель, разрешите представить вам и остальных членов нашей семьи.

Смагул — младший брат отца. У него еще совсем недавно появились усы. Я зову его «Тате», а мать, по обычаю казахских женщин, не обращается к нему по имени а называет «Ширак», что означает светик.

Смагул не похож на моего отца. Это — живой, расторопный джигит и мастер на все руки. Он прекрасно знает шорное дело и другие ремесла. Еще с мальчишеских лет он был в услужении у баев и, как говорится, видывал виды. Сейчас в колхозе он очень нужный человек, выполняет любую работу и до сих пор не знает, что такое лень или усталость.

Смагул — единственная опора в доме для моей больной матери. Он носит воду, рубит дрова, очищает ячмень и на ручной мельнице перемалывает его на талкан. Словом, он не чурается ни женской, ни мужской работы. Если надо он даже стирает белье. Моя мать любит Смагула.

У моего дяди характер с задоринкой. Иногда он шипит, как горячее масло, в которое попала вода. Я боюсь его

по-настоящему. Если ему попадешься под горячую руку, он может и отколотить. А кулаки у него, как молот. Уж я-то знаю.

Сатылган — мой старший брат. Ему недавно исполнилось двадцать. Это наш семейный интеллигент. У него есть небольшое образование, и он никогда не расстается с газетами и журналами. Характер у него тихий, ровный, со всеми он живет в мире и с некоторых пор работает секретарем аулсовета. В двадцать девятом году Сатылган вступил в комсомол и с тех пор считается в ауле большим активистом. Каждый вечер он зажигает лампу-керосинку, сделанную из бутылки, и читает газету.

В двадцатых годах здесь, в местности Колтык, открывалась начальная школа. Сатылган там окончил три класса. Когда перешли на латинский алфавит, он выучил его самостоятельно. Мой старший брат скромен, и это нравится всем. Он не лезет в драку, не вмешивается в скандалы и не старается возвыситься над другими. При возможности одевается получше и всегда опрятен.

Меня он не бьет, более того, даже не повышает голоса. Я очень любил Сатылгана. Для меня он пример, учит меня хорошим поступкам: не лгать, не красть, хорошо учиться, не курить и так далее.

Если моим добрым наставником в школе был учитель Сагатбай, то дома им был мой старший брат.

Сатылган не вернулся с Отечественной войны.

12

«О аллах, если хочешь забрать моего отца, оставь мне мать! Она соткет мне чекмень, и я не умру».

В нашем народе неспроста поют песни с таким содержанием: когда у ребенка есть мать — у него есть все. И сейчас я могу смело сказать: у меня есть все, потому что у меня есть мама.

Даже в те дни, когда в нашем доме хоть шаром покати, она ухитряется каким-то чудом накормить меня. Где-то что-то она изыскивает, стряпает, сама не ест, а подносит ложку к моему рту.

Говорят, в девушках моя мать была красавицей. Она среднего роста, с прямым правильным носом и румяными щеками. Но с тех пор, как я ее помню, она всегда больна. А так как кроме болезни навалилась и бедность, она

превратилась в ходячий скелет. Что бы она ни делала — встает ли, ложится ли, она всегда охает. И все-таки с утра до вечера она хлопочет по хозяйству.

В семье мать уважали, ее никто не смел ослушаться, за исключением разве отца, да и это случалось редко. И может быть, только поэтому мы жили мирно. Я не могу даже сейчас припомнить, чтобы у нас в доме был скандал или какой-нибудь шум. Мой смирный отец не петушился и никогда не повышал на мать голоса. Правда, она его пилила чаще всего за то, что он такой инертный. Огорченная недостатками в доме, мать иногда говорила отцу слова, задевающие мужское самолюбие. Но и тогда отец не отвечал.

Учился я хорошо, и это радовало мать. Бывало, я сижу за столом и, согнувшись над тетрадями, выполняю домашние уроки, она подойдет ко мне и скажет:

— Когда вырастешь, душа моя, государственным человеком станешь...

А мечтать я любил, желаний у меня хоть отбавляй. Первая моя мечта была стать учителем, похожим на Сагатбая, а вторая — сделаться продавцом. Во-первых, как все дети, я любил сладкое, а в магазине сахар стоит мешками, конфеты ящиками. Уж кто-кто, а продавец может есть, сколько захочет. Продавцов я считаю самыми счастливыми людьми на свете. Меня удивляет только одно, почему они с утра до вечера не жуют конфеты?

О, если бы я был продавцом! Если в мои руки попадает десять или двадцать копеек, я тут же бегу в магазин. Но эти проклятые и всегда желанные копейки попадали в мои руки очень редко.

Однажды Сатылган дал мне целый рубль. Представьте себе, какое богатство я держал в своих руках — бумажный рубль!

Моментально вспомнив, что в наш аул приехала передвижная лавка и торгует она возле конторы аулсовета, я тут же кинулся туда, будто нашел на земле сразу семерых зайцев. Но лавки уже не было.

— Вон она уезжает,— сказали мне.

Быстроходная телега, запряженная парой добрых лошадей, уже была за аулом. Она идет по дороге в Сумбе. Я вижу, на телеге лежит мешок сахара, а в моей руке зажат заветный рубль. Надо во что бы то ни стало догнать. И вот я босиком, взяв, как говорится, ноги в руки, бегу во всю мочь.

Я все-таки догнал лавку и запыхался так, что не мог

ничего сказать продавцу, а только протянул ему рубль и крикнул:

— Сахар!.. Сахар!..

И еще я хочу стать продавцом вот почему — чтобы хорошо одеться с ног до головы. А также купить и для матери новые ичиги, платок, бархатный камзол — как у жены Батырхана. Пусть моя мать ходит нарядная и пусть все знают, что все это ей купил Бекен. И я уже начинаю воображать, как из Сумбе приезжает моя бабушка Бопке и беседует с мамой.

— Значит, говоришь, стал продавцом, негодник,— ласково говорит бабушка,— а ну-ка, веди в магазин, показывай.

Бабушка подходит к прилавку и обращается ко мне:

— Купи мне новое платье. Видишь, мне не в чем ходить. А на голову кимешек. А также купи ичиги и галоши, как у Асбет. Когда же мне наряжаться, если не сейчас, ведь мой внук работает продавцом...

Вы думаете, что мне будет жалко одеть во все новое свою бабушку? Нисколько! Пусть все остальные старухи смотрят на нее с завистью. И что из того, что она одевается за мой счет? Когда я бываю у нее в гостях, она для меня ничего не жалеет.

Хорошо быть продавцом!

13

Уборка хлеба еще не закончилась, как пошел снег. Все лето простоявшие наглухо закрытыми двери школы распахнулись снова. Заливистый голосок нашего любимца — медного колокольчика — вновь позвал нас в пустующие классы. Учитель Сагатбай занял свое прежнее место в классе, и опять, затаив дыхание, мы слушаем его удивительные рассказы. Стоит ему только открыть рот, как мы погружаемся в чудесный мир знаний и науки, а говорит он всегда разнообразно и очень интересно.

Первый день занятий. Если бы вы знали, как я истосковался по этому дню, особенно после нынешнего, такого трудного лета!

Я стараюсь не пропускать уроков уже потому, что в мое отсутствие Сагатбай может рассказать много интересного, чего я могу не услышать. Прилежных детей любят, но, если ты лентяй, то не жди расположения учителя.

Сын Батырхана Жанбосын учится плохо. Вот он встает,

огромный переросток, вымахавший выше верблюда, и начинает рассказывать таблицу умножения. Он так все путает, что Сагатбай тут же говорит:

— Бекен, расскажи ты.

Я вскакиваю, как пружина, и начинаю читать наизусть и быстро, как заученный текст Корана.

— Молодец! — хвалит меня учитель. Чувствуется, что он мной очень доволен. А Жанбосын все еще стоит. Сагатбай говорит ему укоризненно:

— Вот, пожалуйста,— он указывает на меня,— и ростом, и возрастом меньше тебя. Бери пример! И не стыдно тебе? Стоишь и ничего не знаешь!..

Я искоса горделиво посматриваю на Жанбосына: «Что, съел? Утер я тебе нос!»

В другое время он не обратил бы на меня никакого внимания — просто оттолкнул бы плечом и прошел дальше. Но сейчас он этого не может сделать. Его душит злоба. Хмурым взглядом он как бы говорит мне: «Пусть только закончится урок. Выйдем на перемену, тогда поговорим».

После уроков Жанбосын всяческими путями начинает терроризировать меня. Делая вид, что играет, он дает мне щелчки по голове, хватает за уши или, повалив на землю, засовывает за воротник снег. И чего только он не проделывает со мной! Мы с Жанбосыном враги — как кошка с собакой. Он ненавидит меня за мой острый язык и за то, что я знаю больше, а я не люблю его за заносчивый характер и за то, что он носит ботинки с узорчатыми подошвами, каких нет у меня.

Дети приносят в школу различную снедь и во время перемены закусывают. Большинство приносит жареную пшеницу. Есть и такие, что приносят талкан. Когда его засовывают в рот, он разлетается мелкой беловатой пылью и оседает на полу и одежде.

У Жанбосына всегда с собой белый хлеб. Во время перемены он становится на видное место и начинает неторопливо жевать. Мы, конечно, стараемся не обращать на него внимания. Стараемся, но не можем. Глаза сами невольно поворачиваются к этому белому куску хлеба. Во рту даже появляется вкус этого хлеба и текут слюнки. Жанбосын прекрасно понимает наше состояние и в душе злорадствует. Ну как же после этого не враждовать с ним! Конечно, если бы я родился сыном Батырхана, я бы тоже носил в школу белый хлеб. Этот хлеб, который ел Жанбосын, стоял перед моими глазами даже во время уроков

и снился по ночам. Я вижу такие заманчивые картины: мать разжигает перед дверью кизяк и начинает в золе печь хлеб.

— На, покушай,— говорит она и отламывает большой кусок. Я с жадностью начинаю есть.

Просыпаюсь с большим сожалением. Оказывается, это был сон. Душа моя наполняется горечью. Я крепко закрываю глаза, стараясь уснуть, чтобы снова увидеть кусок белого хлеба.

Вообще, Жанбосын ведет себя нагловато — как взрослый джигит, он, прячась, курит папиросы. Видимо, ворует их у своего отца. А когда он курит, то старается удивить нас своим умением пускать изо рта замысловатые кольца дыма.

Однажды он сказал мне:

— Я могу выпускать дым из ушей.

— А ну попробуй,— доверчиво сказал я.

— Для этого один из вас должен зажать мне рот рукой.

— Давай зажму,— предложил я свои услуги.

Жанбосын глубоко затянулся папиросой, и я ладошкой закрыл ему рот. А сам между тем во все глаза смотрю на его оттопыренные уши.

Вот-вот, думаю, из ушей струйкой пойдет дым.

Я верю ему.

И вдруг что-то обожгло мою руку.

— Ойбай! — закричал я и отдернул руку. Вокруг меня раздался хохот мальчишек. Жанбосын обманул меня — к тыльной стороне моей ладони он приложил горячую папиросу. Кожа на руке покраснела, и на ней вскочил волдырь.

На такие злые шутки Жанбосын был большой мастер.

14

В Костобе пришла зима.

В горной местности погода переменчива, и зимы в долине реки Текес случаются то слишком суровые, то, наоборот, мягкие.

В иную зиму снег выпадает по колено, а случается, что еле прикрывает землю. Наведываются сюда и трескучие морозы, но не надолго. Дней пять постучат они под окнами, а потом смягчаются.

Приземистый наш аул зимой выглядит совершенно безлюдным, на улицах не слыхать ни смеха, ни шума, редко увидишь прохожего. Все сидят по домам, по самые крыши

занесенные снегом. А скотные дворы для постороннего глаза вовсе кажутся незаметными — они как-будто еще больше осели, ушли в землю.

Жилища отопляются тальником, который привозят из тугаев, навьючивая его на лошадей и быков. А у кого нет тягловой скотины, носят на себе. Тальник, конечно, принести можно, а вот большую сосну с гор доставить до аула вряд ли кто отважится. Обычно работу по заготовке тальника выполняют женщины и дети. Джигиты считают это дело для себя зазорным, не мужским.

Наш народ все время вел кочевой образ жизни и большинство не имело даже понятия, как построить кирпичную печь. А ведь она экономна для дров и хорошо сохраняет тепло. Обычно казахи ставили посреди комнаты железную печурку. Пока в ней горит огонь, она раскаляется и дает тепло, а как только огонь гаснет, остывает и печурка.

Тальник горит плохо. Ты дуешь и дуешь на него, пока у тебя не запершит в горле и на глазах не выступят слезы, а он все еще шипит и не думает разгораться. О каменном угле здесь не имеют никакого представления, а дрова жгут только утром или вечером и то, в основном, для приготовления пищи.

Сколько домов в ауле, столько и дымков взвивается к небу. По этим дымам далекий путник легко может определить, сколько живет в ауле семей.

Зимой в ауле жизнь скучна и однообразна: спать ложатся рано, встают поздно. Про такое чудо, как электричество, и слыхом не слыхивали, а керосин жгут экономно. Книг нет, радио тоже, кино не смотрят, газет и журналов никто не выписывает, да и читать их некому.

Казахи любят той — посидеть за праздничным дастарханом, поразвлечься, но сейчас не до этого — просто ни у кого нет такой возможности. Случается, что кто-нибудь и устраивает той, но это бывает очень редко.

* * *

И все-таки в Костобе есть дом, где даже зимой жизнь протекает полнокровно, не смолкает веселый смех, слышится грохот работы. Это кузнечная мастерская. Звон молота кузнеца Окимбая летит через весь аул и теряется где-то далеко за рекой. Он, этот молот, как бы зазывает к себе людей: кому холодно и скучно,

приходите сюда. У нас всегда горит огонь и кипит работа. То же самое говорит аулчанам и кузнец Окимбай:

— В нашей мастерской всегда весело, жарко. Есть зеленый крепкий табак. Приходите, не прячьтесь по своим прокопченным мазанкам.

Многих джигитов привлекает веселый звон кузницы. Там можно посидеть, побалагурить, послушать шутки, полюбоваться веселой работой черного от копоти кузнеца Окимбая. В мастерскую уже проторена тропа, по которой ежедневно, пуская клубы махорочного дыма, стекается народ — она расположена в центре аула. У самых дверей кузницы лежат заржавленные плуги, косы, серпы, валяются арбы. Всю зиму неунывающий Окимбай латает и чинит их. Председатель колхоза каждую пятидневку шлет в район отчет: идет горячая подготовка к весенне-полевой кампании.

Окимбай знает не только кузнечное дело, он подчас выполняет и тонкую работу ювелира. Девушкам и молодухам он соглашается делать серьги, браслеты, кольца и другие украшения. Щеголеватым подросткам, у которых более или менее состоятельные родители, он выковывает карманные ножи, на рукоятках арабскими буквами выписывает их имена.

С виду кузнец Окимбай напоминает собой энергично сжатый кулак. Нижняя челюсть его широкого скуластого лица выступает вперед, а зубов у него нет и вовсе, как будто он источил их, всю жизнь вгрызаясь в железо. И несмотря на то, что кузнец мал ростом, тяжелый молот он берет одной рукой и орудует им, как камчой. Под ударами молота раскаленное железо на наковальне расплющивается, как тесто.

В трудолюбии Окимбаю не откажешь. К тому же, работает он весело. В тесной кузнице, пропахшей дымом и каленым железом, он постоянно что-то напевает. Песни он импровизирует и у него получается неплохо. Он, кузнец, рабочий человек, и в своих идейных убеждениях подобен железу. Он воспевает в своих импровизациях новое светлое время, которое наступило для простого человека. Если бы Окимбай имел тогда возможность закончить какой-нибудь гуманитарный факультет высшего учебного заведения, из него получился бы неплохой поэт или журналист. Но учиться он не мог, поэтому не увеличил собой числа поэтов, а умножил отряд аульных кузнецов.

Окимбай — коммунист и является одним из активистов

небольшой партийной организации в Костобе. Его знают все. Его имя всегда упоминается в числе передовых рабочих. Он участвует во многих комиссиях, совещаниях, на слетах передовых колхозников. И когда он там заседает, молот в его кузне молчит.

На любом празднике с приветственной речью выступает Окимбай. А когда идет какое-нибудь собрание, он, позевывая, сидит в президиуме, засунув руки в широкие, как ведра, рукава шубы и втянув короткую медную шею в свалявшийся воротник.

Кстати, собрания в те времена проходили часто. Приезжали представители райкома, райисполкома, земельного отдела, женотдела, здравоохранения, и всякий раз — собрание.

Представитель за представителем, а иной раз и сразу два. Бригадир тут же идет по домам и оповещает:

— Эй, идите на собрание. Приехали из района.

Время начала собрания обычно не называлось — к этому еще не привыкли. Люди, не торопясь, запирают свой скот, потом ужинают и пока соберутся, уже наступает ночь.

Стульев в конторе на всех не хватает, поэтому многие сидят на полу, поджав под себя ноги. Пока собираются люди, в комнате слышится похрапывание — некоторые успевают выспаться.

Наконец председательствующий Жакибай в огромном лисьем треухе поднимается из-за стола и начинает будить спящих.

— А ну-ка, поднимите головы! Сатабай! Уамбай! Вы что, спать сюда пришли?

И хотя Жакибай почти ежедневно открывает собрания, но, будучи безграмотным, после этих слов он, как бы не веря себе, становится в тупик, не зная, о чем говорить дальше, и вопросительно смотрит на представителя из района.

— Будем выбирать приздом[1]? — спрашивает он.

— Надо выбрать...

Между тем давно уже известно, кто будет избран в президиум. Их выбирают постоянно. Это: товарищ из района, сам Жакибай, председатель аулсовета Батырхан, кузнец Окимбай, а также передовая женщина колхоза, невестка Етекбая — Мария.

Иной раз в зале раздается голос:

[1] *Приздом* — (искаженное) президиум.

— Надо человека от комсомола.

И, как всегда, единогласно избирается Жунисбай. Да-да, тот самый — наш класском. Он не пропускает ни одного собрания и никогда не упускает случая выступить в прениях. А уж когда на трибуне говорит Жунисбай, а говорит он горячо и страстно, то люди, имеющие грешки, чувствуют себя неловко и ерзают на месте. Душа у них в это время, по-моему, находится на кончике носа.

Собрание иной раз затягивается до утра.

Зимой эти частые собрания еще терпимы — они подчас превращаются в посиделки, но когда летом, в разгар сенокоса или уборки, уставших за день людей изматывают пустой говорильней, то собрания превращаются в сплошное наказание.

В ауле у нас есть неписаный закон — от каждого дома на собрании должен присутствовать хотя бы один человек. По этому закону дело подчас доходит до комизма. Проходит собрание женщин. Живет старик со старухой. Старуха заболела. На собрание поневоле идет старик.

* * *

Мастер Окимбай нужен всем. Он выполняет не только колхозную работу, но и частные заказы: делает складни, ножи, щипцы, подковы, мотыги. Люди просят Окимбая сделать жестяную печурку, приносят чинить старые ведра, мотыги. И, пожалуй, нет в Костобе человека, который не нуждался бы в Окимбае, в его золотых руках. Без него, кажется, остановится жизнь. Детей у Окимбая множество — он как будто кует их в своей мастерской так же легко и быстро, словно новые подковы.

У Окимбая есть неряшливая и добродушная жена Шолпан. Каждые полтора года она преподносит ему ребенка и говорит:

— Держи еще одного наследника.

Семья у кузнеца большая, на его иждивении и старая мать. Отзывчивый и многосемейный Окимбай никогда не отказывает людям. Он делает все, о чем его просят.

Мелкую работу он выполняет как бы бесплатно, но это не совсем так. Плату он все-таки берет, но другим путем. Как бы ни жил бедняк, но у него наступает такой день, когда в комнате вкусно пахнет и весело булькает казан. Каким-то своим, никому неизвестным путем Окимбай всегда узнает об этом.

В тот самый момент, когда мясо начинают вынимать из казана, кузнец тут как тут. Он смело проходит в дом и садится на почетное место.

За более крупную работу Окимбай назначает цену — пуд ячменя, мешок корма для кур, на худой конец, чашку муки. О деньгах даже не упоминает — их ни у кого нет. Если же Окимбаю дают аванс, то он работает с большим подъемом.

Постукивая молотком и что-то напевая, он иногда совершенно неожиданно замолкает и говорит:

— Эх, увидеть бы Москву. Какая она?

15

Зимой, в свободное от колхозных работ время, мой отец и дядя Смагул нанялись на пограничную заставу пилить дрова. Огромные стволы сосен, толщиной с верблюда, они целыми днями распиливают на короткие чурбаки, раскалывают их и складывают в штабеля.

Однако, как я потом понял, им за это ничего не платили, потому что ни разу не видел, чтобы они принесли домой хоть копейку. Но зато они едят солдатскую пищу, а иной раз приносят и домой.

Наш дом — самый крайний в ауле и ближе других расположен к заставе. Однажды вечером Смагул принес домой целое ведро чего-то горячего и от чего валил пар. Я заметил это первым, так как в это время играл на улице. Я спросил у Смагула:

— Тате, что это такое?

— Сорпа.

Я заглянул в ведро и увидел на поверхности сорпы большие жирные блестки.

От ведра исходил такой вкусный чудесный запах, какого я раньше никогда не ощущал. Я тут же ворвался в дом и громко сообщил матери:

— Ур-ра!.. Тате принес от пограничников ведро супа!..

Мать, лежавшая на постели, однако, не разделила моего восторга, а только приподняла голову.

Вместе с дядей Смагулом в дом вошел и чудесный запах сорпы и в одно мгновение заполнил обе наши комнаты.

— Милый, что это такое? — испуганно спросила мать.

— Суп, мама.

— Убери вон! — сказала мать недовольно.— Наверное, он со свининой. Убери в сторону!

— Нет, мама. Суп с говядиной. Сам повар сказал. Вчера быка зарезали...

— Убери, убери и не показывай!..

Дядя послушно вынес ведро в переднюю комнату. Подошел отец, и они начали совещаться.

— Повар, наверное, не будет врать,— сказал отец.

— Вчера быка зарезали, я сам видел,— подтвердил дядя.

Они стояли в нерешительности, не зная, что делать. А вывалить такой чудесный жирный суп было жалко.

О том, что свинья — поганая, грязная, такая-сякая, мне прожужжали уши с самого детства. И, когда мать сказала, что суп из свинины, меня бросило в дрожь. И теперь я уже другими глазами и даже с опаской смотрел на ведро. Отпало всякое желание есть этот ужасный суп, но если отец с дядей начнут, то и я рискну — умирать, так с музыкой.

Смагул взял ложку и помешал в ведре — там оказались капуста и картошка. Теперь я вспоминаю, что это был борщ. И вдруг показалось большое плоское ребро.

— Ребро быка,— обрадовался дядя.

— Да, это ребро бычье,— охотно подтвердил отец,— у свиней такого не бывает.

Но и после этого тщательного и убедительного расследования мать отмахивалась от ведра.

— Пусть будет бычье,— сказала она холодно,— отойдите от меня и ешьте сами.

Мы хорошо ее понимали. На заставе, кроме быков, режут и свиней, а вся пища варится в одном котле. А это — все равно грех.

Какие бы ни были суровые законы религии, а вкусный запах борща все-таки победил. Мы все трое стояли у ведра и каждый рассуждал примерно так: аллах, он, конечно, питается не черным талканом, а кушает райские деликатесы. Да и не грешно ли выливать на землю такой чудесный суп?

Плотно закрыв двери в горницу, где лежала непреклонная мать, мы приступили к трапезе. Искусно приготовленный солдатским поваром борщ приправлен различными травами и чертовски вкусен. Мы начали хлебать осторожно, с опаской, но потом вошли во вкус, забыли все страхи и уплетали за обе щеки. Горячий борщ словно

растекался по всем жилам. Пусть лучше брюхо лопнет, чем останется хорошая пища. Мы доели борщ до конца.

Так мы начали питаться из котла пограничников.

Иногда отец с братом приносили с заставы кашу, булочки, просто нарезанные куски хлеба. Здесь не было никакого сомнения — мать охотно ела эти продукты, но к супу по-прежнему не притрагивалась.

К нам приходили соседи и видели, как мы едим эту солдатскую пищу. Они и сами бы не прочь подсесть к столу и съесть с горячим чаем вкусную булочку, а потом на стороне начинали сплетничать.

— Они едят поганый суп из свинины,— говорили они,— чтоб им пусто было! Будь проклята такая жизнь!

... Черная зависть и злословие ползут по аулу. На улице мальчишки, враждующие со мной, дразнят меня.

— Ты неверный,— кричат они мне в лицо,— ты ел свинину. Мы не будем с тобой играть.

И убегают прочь.

Меня это очень злит.

16

Ребенок может привыкнуть ко всему — и к постоянному недоеданию и к тому, что он разут и раздет, но он не может обходиться без игр. Увлеченный игрой, он забывает обо всем и находится в блаженном неведении о жизненных невзгодах.

Зимой, особенно в хорошую погоду и в свободное от уроков время, всех ребятишек Костобе вы можете найти на зеркальном льду Текеса. Зимой речка замерзает, взрослые берут воду из проруби, а малыши катаются на коньках. Настоящих коньков ни у кого нет. Таким стальным чудом владеет только Жанбосын. Мы же катаемся на самодельных деревянных коньках.

Пользуясь своим преимуществом, Жанбосын делает с нами что хочет: с разбегу рассекает толпу ребятишек надвое, толкает, сбивает с ног. Мы падаем на лед и лежим, барахтаясь, как щенки. Но мы не можем догнать его и отомстить. Единственное, что еще в наших силах,— это крепко выругать его.

У кого нет коньков, тот катается с крутого берега Текеса — одни на салазках, а другие просто, сев верхом на коровий кизяк. Санок у детей мало — редко кто из внимательных родителей догадается соорудить этот нехитрый детский транспорт.

А что может быть дешевле в ауле, чем коровий помет, который может служить отличным строительным материалом для примитивных санок. Стоит лепеху этого помета окунуть разочка два в прорубь Текеса, а потом подержать на трескучем морозе и вот тебе, пожалуйста, самые быстроходные санки — садись и катись. Если такие санки со всего размаху запустить по ледяной дорожке, то они обгоняют всех, даже Жанбосына с его городскими коньками. К тому же эти санки не заносит из стороны в сторону, как деревянные, они мчатся прямо по ледяной выемке.

У санок из коровьего помета всего лишь один недостаток — они крутятся под тобой, как будто ты сел на жеребенка, а если ты слегка нагнешься, то выскальзывают из-под тебя и убегают прочь. В таких случаях остается одно — катиться на собственных ягодицах или на боку.

И что после этого остается от твоей одежды? Зад штанов выглядит так, как будто его изгрызла стая волков, а сквозь большие дыры сверкает твое посиневшее тело. Но даже в этом случае не хочется уходить с катка.

Каждый вечер мать при тусклом свете бутылочной лампы чинит мою изодранную одежду. При этом она все время мне выговаривает:

— Чтоб ты себе там шею свернул! Вчера только починила, а сегодня опять дыра. И дня не прошло. Вот только увижу, как ты пойдешь к яру — голову оторву.

Но мать это говорит так, от огорчения. Она об этом и сама хорошо знает. Завтра я уже снова иду на каток, и мать это видит, но угрозу свою она уже забыла, не бросается ломать мою тонкую шею.

Вечером я возвращаюсь домой снова изодранным. Терпеливая мать по-прежнему чинит мои штаны и говорит что-то неприятное о моей шее.

Так и протекает моя жизнь. Без пищи я еще могу, без игры — нет.

В плохой одежде еще можно ходить, но если у тебя в разгаре зимы развалилась обувь — то ты уже не человек. Ты калека, несчастнейшее существо.

До этого я ходил в старых поношенных ботинках. Каток все-таки оказал мне еще одну медвежью услугу — на одном из ботинок отлетела подошва. Это случилось как раз на берегу Текеса, когда я увидел, словно птенцов, вылупившихся из скорлупы, пальцы

своей грязной ноги. Ступая голой пяткой по снегу, я с понурым видом приплелся домой.

Отец долго и задумчиво вертел в руках мой израненный ботинок. Он его уже много раз починял, и теперь на нем не осталось места, куда можно было бы ткнуть шилом.

— Ты уже отжил свой век,— сказал отец и выбросил ботинок в сугроб по ту сторону двора.

И вот я сижу босиком. Как же я завтра пойду в школу? А мать в это время укоряет отца и моих старших братьев.

— Я еще с весны вам говорила, чтобы вы добыли ему подходящую обувь. Теперь вот будет сидеть и от учебы отстанет.

Мой беззаботный отец как будто совершенно не ожидал, что в один из ненастных дней я смогу оказаться босиком. Он долго стоял посреди комнаты, почесывая затылок. Потом принялся шарить по углам, отыскивая обувь, которая могла на этот раз оказаться лишней. Но откуда в нашем доме может быть лишняя обувь?

Вдруг мой отец увидел на пороге азиатские галоши с залатанными задниками. Их когда-то носила мать.

— Асбет,— сказал он,— а что если, пока ему найдется обувка, он будет ходить в школу в твоих галошах?

— О создатель,— ответила мать, горестно качая головой,— как же он в них пойдет? Он же утонет в снегу.

Отец согласился с этим и молча принялся отыскивать другую обувь. В доме так ничего и не нашлось. Тогда он пошел к соседям. Спустя некоторое время он, все так же не торопясь, принес с улицы два старых валенка, от которых остались одни голенища. Вероятно, их кто-то выбросил, а мой отец подобрал. Валенки были большие, не по моей ноге.

Отец вышел во двор и начал колотить валенками об изгородь. Пыль из них шла столбом, как дым. Было такое впечатление, что пыль никогда не иссякнет. И вот отец вернулся с голенищами в руках и начал ломать голову над тем, где достать подошву. Старая кошма от юрты не годится — через два дня на ней появятся дыры.

— Эй, Смагул,— после раздумья сказал отец,— сходи на заставу, не найдется ли там голенища от старых солдатских пимов.

Дядя ушел и через некоторое время принес оттуда половину автомобильного баллона. Посмотрев на его приобретение, отец пожал плечами:

— Разве можно из этого сделать подошвы?

— Я сделаю,— уверенно сказал дядя Смагул,— это будут крепкие подошвы.

Мой дядя из тех людей, которые не болтают попусту. И он принялся за работу.

Во-первых, надо нарезать баллон, но он оказался удивительно прочным. Его не берет даже нож. Дядя Смагул положил его на сосновый чурбан и разрубил топором на две части. Потом понес мои будущие подошвы к мастеру в кузницу. Там они защемили куски баллона тисками и нарезали, придав им нужную форму. Подошвы оказались толстыми — в четыре пальца и тяжелыми, как свинцовые.

Но самое трудное было — это подшить подошвы к валенкам. Не то что ножом, но даже шилом их трудно проткнуть. А сколько усилий надо, чтобы в отверстие протянуть дратву. Однако мой дядя был упорный человек. Он сидел днями и ночами, но все-таки подшил эти невиданные подошвы к моим новым и безобразным валенкам.

Теперь попробуем их одеть. Во-первых, они мне и так велики, а то, что дядя и отец называют подошвой, очень массивно и тяжеловесно. Такое впечатление, будто к ногам привязаны плоские камни.

Обрядившись в странную обувку, я попытался сделать первый шаг. Одна моя нога зацепилась за другую и я чуть не упал. Каждый валенок весил, наверное, не менее пуда. К тому же грубые подошвы при ходьбе не сгибались.

У меня заныло сердце: как же я буду в них ходить? Как появлюсь на улице и особенно в школе? Мальчишки засмеют меня. Они будут издеваться так, словно увидели перед собой циркового клоуна.

— Не буду я их надевать,— взбунтовался я и, сев на пол, быстро разулся, затем с силой отбросил ненавистные валенки к дверям. К моему удивлению, они не упали, а встали друг возле друга, как налитые свинцом битки-асыки или русские ваньки-встаньки.

Но бунт мой продолжался недолго. Делать было нечего. В чем-то надо было идти в школу.

Ночью, когда все уснули, а улицы стали безлюдными, я решил все-таки походить в своих валенках по снегу Я вложил в них стельки, а на ноги намотал все портянки, какие только были у нас в доме, и осторожно вышел за порог. Я хотел испытать свои новые валенки, походив туда и обратно по пустынной дороге, потренироваться.

Меня утешало одно, хотя валенки были тяжеловатые, но зато теплые. Прежде я бегал в тоненьких ботинках и у меня всегда мерзли ноги. А в этих валенках мне тепло, прямо-таки жарко, и это меня немного обрадовало. Носить их очень неудобно. Они мне велики, да и тяжелы не в меру. Подогнув колени, я хочу сесть, но не могу это сделать — жесткий войлок упирается в бедра.

Раньше я не любил ходить по глубокому снегу и всегда выбирал протоптанную дорожку. А в этих валенках-автомобилях все равно, есть дорога или нет. Лишь бы снег был не выше голенища, но такого снега у нас не бывает.

Ночь я провел в беспокойстве. И как я все-таки покажусь людям в этих отвратительных валенках? А не ходить в школу нельзя — я могу отстать от учебы.

Меня не особенно печалит то, что ребята будут смеяться. Пусть. Подразнят да перестанут. На смех других и не стоит обращать внимания. Но вот как к этому отнесется Майра? А вдруг и она начнет смеяться? Я этого не вынесу.

За ночь бессонницы у меня созрел, как мне тогда казалось, неплохой план действий, и утром я его начал осуществлять. Проснулся я раньше обычного, когда все ребята еще были дома.

По дороге шел один, никто мне не встретился. Я вошел в пустой класс, сел за свою парту и долго сидел, не шелохнувшись, как приклеенный.

Постепенно стали приходить ребята. До начала уроков они бегают из класса в коридор и обратно. Раньше я тоже был большой охотник поиграть, и в класс не заявлялся до тех пор, пока не прозвенит звонок. Теперь мое поведение резко изменилось. Я прячу ноги под парту, сижу тихо и все время чувствую проклятые валенки. Они как будто обжигают меня. Оказывается, можно быть и резвым человеком и очень тихим, смотря по обстоятельствам.

Наконец-то звонок! Дети вошли в класс, расселись, и урок начался. И тут я приступил к осуществлению своего замысла. Я тихонько толкнул в бок своего соседа Кажакана, сына Копекбая. Он обернулся ко мне и тогда я, пододвинув ближе к нему свои ноги, указал взглядом на валенки. Кажакан посмотрел на них и очень удивился. Боясь, что учитель сделает ему замечание, он ничего не сказал, а только пожал плечами.

Все выходило так, как я думал,— теперь я поочередно

показывал свои безобразные валенки и другим ребятам. На всех это зрелище производило одинаковое впечатление — глаза у них делались круглыми, но шуметь и насмехаться они не могут, потому что идет урок.

Конечно, на перемене они еще посмеются надо мной и дразнить станут и удивляться, но уже не так громко, потому что мои валенки для них уже не новость.

В этом и заключался мой план.

* * *

— Вы только посмотрите на его пимы! А ну-ка, повернись! И где он их только взял? Ой-ой, посмотрите, а подошвы-то какие! Подними ногу! Вот это да! Колесо от автомобиля! И как ты их носишь. А ну-ка, пройдись! Ха-ха! След, как от машины!

Это во все горло кричит мой главный враг Жанбосын. Правда, во время урока я ему тоже показывал свои чудо-валенки. Он выпучил глаза, брезгливо поморщился, но ничего не сказал.

Оказывается, он с нетерпением ждал, когда мы выйдем на перемену, чтобы вдоволь поиздеваться надо мной. Считая, что класс уже присмотрелся к моим валенкам, я решил, что хватит сидеть истуканом, ну, пошутят да перестанут, не первый раз меня терзают из-за плохой одежды, как ягненка на кокпаре. Поэтому после звонка я смело вышел из класса.

Вот тут-то на меня и набросился этот тупица Жанбосын. Услышав его крики, мальчишки окружили меня, каждый комментируя по-своему.

— Им и подковы не нужны.

— А как ты в них ходишь?

— А бегать можешь?

Жанбосына все больше распаляют издевки — он пинает мои валенки, заставляет меня бежать, хватает за руку и тащит за собой.

Ну, подожди, проклятый Жанбосын! Придет мое время!..

Автомобильные валенки я проносил всю зиму. Скоро к ним привыкли все, да и я перестал замечать, что они мне велики с виду и уродливы. Я привык к ним так же, как привыкают к обычной нормальной обуви. В этих валенках я катаюсь на коньках, с горы, играю в лянгу.

И только люди, которые впервые видят меня, удивляются:

— Валенки-то больше его самого,— и спрашивают: — Как ты их носишь?

...Я вспоминаю о своих валенках-автомобилях.

17

Весна — трудное время. У нас говорят, что весной толстый вытягивается, а тонкий рвется. В какой дом ни зайдешь, еле сводят концы с концами. До нового урожая еще далеко, а зимние запасы уже кончились.

Отец мой и дядя Смагул больше не работают на заставе (солдаты сами пилят дрова) и ходят, обшаривают тока. Всякий раз они приносят немного прошлогоднего зерна, которое, пролежав зиму под снегом, набухло и испортилось. Но это все-таки пища. Моя больная мать пережаривает это зерно и делает из него талкан или варит коже.

Рано утром перед школой мать кормит меня жидким супом из ячменя, и это все, что я ем за день. К концу занятий в глазах у меня темнеет от голода, в животе крутит, и я еле добираюсь до дома.

Домой я не врываюсь с беззаботным криком, как это делают современные мальчишки:

— Мама, есть хочу!

Я хорошо знаю, что в доме все равно ничего нет.

Я молча кладу свою сумку с книгами на подоконник и умоляюще смотрю на мать, которая лежит в постели, укрывшись чапаном. Мать, не взглянув, уже знает, что это пришел я. Не поворачивая головы, она тихим стонущим голосом говорит, где лежит горсть жареной пшеницы или талкана.

Но однажды, когда я пришел домой не менее голодный, она не сказала, что в таком-то месте для меня хранится горсть пшеницы. Мать угрюмо молчала, и я понял, что в доме нет ничего. В таких случаях я ни о чем не спрашиваю, молча выхожу на улицу и начинаю искать себе пропитание сам. Я машинально иду по направлению к дому председателя колхоза Жакибая — там можно поживиться. К дому Батырхана я не приближаюсь. Этого еще не хватало, чтобы меня увидела Майра! Пусть я умру с голода, но никогда не предстану перед Майрой несчастным попрошайкой.

У Жакибая есть избалованный и очень озорной мальчишка по имени Тилеу. Он моложе меня года на три-четыре.

Тилеу — единственный сын у родителей, и они в нем души не чают. Вот он опять выбежал мне навстречу с большим куском хлеба. Если у него попросить просто так, он не даст, я это знаю.

Я пускаюсь на небольшую хитрость. В ауле я давно уже слыву мастером красить асыки, дырявить битки и заливать их свинцом, делать лянги. Тилеу тоже знал об этом и часто ходил за мной, как привязанный. Обычно я говорю ему:

— Тилеу, будем заливать битки свинцом?

Он охотно соглашается. Дела подобного рода мы совершаем секретно, наедине, позади дома. И если у него в это время в руках кусок хлеба, он щедро отламывает мне половину. Он бегает в дом за куском несколько раз, потому что знает: когда у меня шевелятся руки, я люблю, чтобы у меня шевелился и рот.

Но сейчас трудное время и даже в доме председателя нет лишнего куска. Тилеу выпрашивает у матери хлеб и заверяет ее, что есть будет сам. Но так как он, схватив кусок хлеба, стремглав бежит на улицу, мать начинает что-то подозревать. Она выбегает следом и тут видит меня, притаившегося за домом.

— Ах, вот ты кому носишь хлеб! А, проклятый мальчишка!

Я мастерил самые разнообразные игрушки. Например, из двух катушек из-под ниток я мог соорудить деревянный трактор, который сам передвигался. Для этого я продергиваю резинку в отверстие заднего колеса, завязываю узлом один конец и прикрепляю к колесу. А на другом конце привязываю деревяшку наподобие спицы, при помощи которой и закручиваю резинку, таким образом, я завожу трактор. Стоит его после этого поставить на землю, как он начинает двигаться.

Заднее колесо я делаю с зубцами, как у настоящего трактора. Кроме того, делаю трубку, баранку и даже заводную ручку. Мой трактор мало чем отличается от «ХТЗ», которые появились в колхозе в те времена.

Моим игрушкам удивлялись не только дети, но и взрослые.

— Вы только посмотрите, что он сделал! — говорили они, изумленно покачивая головами.

Если бы я сделал такой трактор сыну председателя, он отдал бы мне последнюю рубашку.

Я умел делать превосходные луки из зеленых тальников. Наконечники стрел были из жести. С таким луком

можно запросто охотиться на воробьев, которые летают целыми стаями в местах, где осенью просевали зерно. Я ложусь на землю, хорошенько прицеливаюсь и попадаю наверняка. Воробей, пораженный моей стрелой, уже не сможет летать.

А зимой никто из ребят не может сделать деревянные коньки лучше меня.

Все это сейчас говорится между прочим, попутно. Я же хочу рассказать о другом.

И вот, когда я пришел домой из школы и мать мне не сказала, как обычно, в каком месте хранится для меня жареная пшеница, я понял: дома ничего нет, чем можно было бы обмануть желудок...

У казахов есть выражение, которое переводится так: нет никакой пищи, кроме воздуха. Мне стало ясно, что молчание матери говорит как раз об этом. Я уже выскользнул было на улицу, чтобы снова добыть себе ужин своим ремеслом, но вдруг мать окликнула меня. Я остановился. Мать, охая, поднялась с постели и принялась мыть руки, как будто собиралась готовить ужин. Потом она вытащила из ящика чистый платок и накинула себе на голову, словно собиралась идти к кому-то в гости.

Я смотрел и ждал, что будет дальше.

У нас в доме было толстое зеркало величиной с книжную страницу. Мать все так же молча с бледным лицом протерла его, завернула в чистую тряпку и сунула под мышку. После этого она взяла меня за руку и мы вышли из дому.

Сначала я не понимал, куда и зачем мы идем, но когда мать завернула к дому председателя аулсовета Батырхана, мне все стало ясно. Я не хочу идти в этот дом, там живет Майра, я ее стесняюсь, но сказать об этом матери у меня не хватает сил.

Мы еще издали увидели, что жена Батырхана у самых дверей жарит в казане баурсаки. Майра, все такая же аккуратная и чистенькая, как уточка, таскает из дома нарезанное тесто. Мать поздоровалась и поклонилась. Хозяйка вежливо ответила и продолжала заниматься своим делом. Тогда мать подошла к очагу и начала помогать ворошить угли. Я же стоял молча и жадно смотрел на баурсаки.

Масло в казане кипит, и жена Батырхана время от времени бросает в него нарезанные кусочки теста. Горячее масло начинает громко шипеть, пузырится и поднимается вверх. А кусочки теста буквально на глазах краснеют,

пухнут и превращаются в округлые баурсаки. Готовые хозяйка черпает сетчатым половником и кладет в большую деревянную чашку. Золотистых баурсаков в этой чашке уже больше половины.

Я гляжу на эти аппетитные кусочки жареного теста, и у меня рот наполняется слюной. Румяные, с пузырьками масла на пухлых боках, баурсаки сами просятся в рот. С каким бы удовольствием я сейчас их поел — горячие, вкусные!

А какой запах у свежего баурсака!

И вот наконец все готовы. Жена Батырхана, видимо, не желая, чтобы мы заходили в дом, велела подать сюда другую деревянную чашку и, положив туда горсть баурсаков, поставила перед матерью. Мать взяла себе всего один, а остальные высыпала мне в карман.

Я тут же начинаю их есть, а мать разворачивает покрывало, в которое было завернуто наше зеркало, и, просительно глядя на хозяйку, говорит:

— Это зеркало я принесла специально, чтобы твоя дочь Майра могла смотреться в него. Дай мне за него немного муки, я испеку сыну лепешку.

При этих словах я готов был провалиться сквозь землю. Майра стояла рядом и слышала все. Правда, она как-то виновато опустила глаза и не смотрела в мою сторону, но мне от этого не легче. Я знал, что так получится, и не хотел сюда идти. Чем же мы сейчас лучше тех нищих, которые ходят по домам и попрошайничают?

Жена Батырхана взяла зеркало и дала нам взамен чашку муки и столько же ячменя. С этой добычей мы и вернулись домой.

Толстое зеркало величиной с книжную страницу было единственным ценным имуществом в нашем доме. Отец смотрелся в него, когда брил бороду или разглаживал усы. Мать в течение дня иногда заглядывала в него, чтобы увидеть свое похудевшее болезненное лицо, на котором уже не осталось и следов былой красоты. А теперь этого зеркала у нас нет.

18

И снова весна, и снова суматоха на полевых работах. Опять по полям мотается уполномоченный Сарманов, и его сердитый крик слышится с утра до вечера. Надо в кратчайшие сроки провести пахоту, сев. Лошади за зиму ис-

худали, земля твердая, как камень, и от того, что не хватает тягла, в плуги впрягают жеребых кобылиц и стельных коров.

Школу снова закрыли. Нас, мальчишек, сажают на лошадей, которые ходят в борозде. Целый день качаться на лошадях, которые впряжены в плуг, еще труднее, чем работать на току. В один плуг впрягают сразу четырех лошадей. Истощенные, худые клячи. У них даже ребра проступают. Они еле передвигают ноги.

А конца полевым работам не видать.

* * *

Испокон веков, кочуя в поисках сочной травы и чистого воздуха, казахи не могут долго сидеть в сумрачных и сырых глинобитных мазанках. Как только пригреет ласковое весеннее солнце и из-под снега покажется черная земля, они уже мечтают поскорее выйти на простор. Оседлая жизнь не для них, они ее считают клеткой, которая томит их душу.

Люди наших мест в прежние времена напоминали перелетных птиц. С наступлением лета они сразу снимались со своих зимних стоянок и переселялись на зеленые джайляу Сырта и Шалкозена. Там они останавливались аулами, пасли тысячи голов скота и ниоткуда не ожидали никаких печалей, кроме как от самого аллаха. Зимовать же возвращались в долину Текеса, на южные склоны гор.

Сейчас они объединились в артель, но прежние привычки остались. С наступлением теплых дней им снова хочется на джайляу. Но люди не могут этого сделать — нет лошадей и верблюдов, чтобы навьючить на них свой скарб и тронуться в путь.

Нынешней весной выезжать им особенно далеко не надо — джайляу находится прямо у поселка. Между аулами Киикбай и Найза раскинулась живописная зеленая равнина. Люди поселились здесь. Некоторые поставили войлочные юрты, а у кого их не было, соорудили на подпорках шаткие балаганы. Это все-таки не поселок, где полно навоза и мусора, здесь веселее.

И хотя мусор и навоз остались в поселке, голод продолжал преследовать людей. Аппетит же на вольном воздухе становился просто волчьим.

* * *

В наших краях было много смелых прославленных джигитов, у которых при одном слове «набег» загорались глаза, и они, не колеблясь, готовы были идти на любое дело. К числу их относились Бокшабай и Жантай. Они не знали страха.

В пору моего детства Бокшабай и Жантай были уже стариками и не годились для колхозных работ. Никто не смел беспокоить уважаемых аксакалов. Даже такие ярые «активисты», как Сарманов, стороной обходили их дома.

Жантай был высокорослым сутуловатым человеком с бледным лицом, горбатым носом и совершенно безбородый. Он хромал на одну ногу — это память о том времени, когда на границе было неспокойно. В нашей местности сформировали в помощь пограничникам коммунистический отряд. Жантай служил в нем, участвовал в горячих боевых схватках. В одной из перестрелок бандитская пуля попала ему в берцовую кость. С тех пор он хромает.

Бокшабай — человек богатырского телосложения. У него сгорбленная спина и седая борода. Руки у него, как деревянные лопаты, а толстые пальцы похожи на держаки у кетменя. Когда он идет по поселку, то постоянно кашляет.

Еще в те времена, когда часто случались набеги, люди спрашивали у Бокшабая:

— Боке, как это вы не боитесь идти на разбой? Ведь вы так кашляете, что можете разбудить весь аул, куда приходите ночью?

На это Бокшабай отвечал:

— Э-э-э... Разве только я один кашляю? Кхе-кхе!.. Бывает, и скотина кашляет так же, как я. Кхе-кхе!.. Когда я иду в аул, где находятся бараны... кхе-кхе!.. я кашляю, как баран. Когда иду в аул, где находятся коровы... кхе-кхе... я кашляю, как корова... кхе!..

Он говорит правду. Люди, которые ходили с ним в набеги, подтверждают это.

Бокшабай умеет удивительно точно подражать кашлю различных животных.

Был случай, когда Бокен пошел воровать к калмыкам. Стояла темная ночь — хоть глаз выколи. Он вошел в загон, который примыкал к дому хозяев. Здесь находился крупный рогатый скот. Собаки учуяли появление чужого че-

ловека и подняли лай. Встревоженные калмыки выбежали из дома и начали проверять скот в загоне. Видя такое дело, Бокшабай упал между двумя лежащими верблюдами и затаился. Но как сдержать этот проклятый кашель? Он так и рвется наружу. А рядом ходят калмыки. И тогда Бокшабай начинает кашлять, подражая верблюду.

Хозяева ничего не заметили. А когда они, успокоившись, ушли домой, он взял за поводья обоих верблюдов и увел их со двора.

* * *

И сейчас, когда людям трудно и голодно, Жантай и Бокшабай снова вспоминают о своем темном и опасном ремесле. Но у них нет былых тренированных и быстроногих коней, на которых можно было бы спастись от погони. У нас говорят, что конь — это крылья молодца.

У Бокшабая есть одна ездовая лошадь — это темно-рыжий конь, которого люди называют темно-рыжим хромцом. В былые годы они вместе побывали во многих набегах и воровскими ночами спасались не от одной опасности. Однажды в бедро темно-рыжего угодила калмыцкая пуля, после чего он стал хромать на заднюю ногу. С тех пор его и прозвали темно-рыжим хромцом.

Сейчас он так же стар, как и его хозяин. Когда он был помоложе, исправнее, хромота его не так была заметна. А когда он, бывало, побежит, разгорячится, то становится совершенно как здоровый конь. Даже когда он поправился после калмыцкой пули, Бокен доверял ему больше, чем здоровым лошадям, и потом еще много раз ходил с ним в набеги. И никогда темно-рыжий хромец не подводил своего хозяина.

О темно-рыжем коне в народе ходит легенда. Говорят, он сразу чувствует, когда хозяин собирается в набег. А когда его седлают, конь фыркает, грызет удила, дрожит и нетерпеливо переступает ногами, словно хочет сказать: что бы там ни было, я готов.

По характеру конь напоминает самого Бокшабая — если хозяин засидится дома, то пища теряет для него всякий вкус. А в темные ночи среди дремучих тугаев конь пройдет даже по заячьей тропе, и у него под ногами не треснет ни один сучок, ни одна ветка. Он переступает ногами осторожно и неслышно, словно кошка, подкарауливающая мышь.

Темно-рыжий отлично понимал своего хозяина. Если нависала опасность и Бокшабай давал ему знак, он ложился. При команде встать — моментально вскакивал. Он не боялся ни внезапных выстрелов, ни схваток, ни шума, ни криков.

Но вот пришло время, и конь сильно постарел, к тому же его использовали на полевых работах, что окончательно истощило его силы. Но с наступлением нынешней весны Бокшабай не дал его в колхоз.

— Сам я человек уже старый, хожу с трудом и не могу отдать своего единственного коня. Сам ездить буду,— сказал он.

Бокшабая в ауле уважали и оставили в покое.

Как выяснилось потом, Бокен давал отдых своему темно-рыжему неспроста. Вечером я видел, как старик, привязав коня к аркану, опоясывающему юрту, седлал его. Куда он собирается ехать на ночь глядя? Если встречать скот, возвращающийся с пастбища, то уже не то время — поздно. А через несколько минут я уже видел, как он взгромоздился на своего темно-рыжего и поскакал в сторону безлюдной степи Полы его верблюжьего чекменя были аккуратно подобраны под колени, в руках у него была толстая плеть, сплетенная из восьми ремней, одним ударом которой можно свалить быка.

Бокшабай обычно восседал на коне массивно, как скала. Словно не желая причинить боли раненому бедру коня, он лишь слегка поглаживал его камчой и ехал, не оглядываясь по сторонам. Я долго следил за ним, пока он не скрылся в степи.

Бокшабай приходился нам родственником. Отец и братья хорошо знали его многолетнюю тайну. Иногда они шептались между собой.

— Вот видишь, Бокшабай тренирует коня. Готовится совершить набег на калмыков.

И готовя своего темно-рыжего, он, может, спрашивал его:

— Как ты чувствуешь себя, мой верный друг? Хватит ли у тебя сил, чтобы совершить неблизкий путь? Да и сам я гожусь ли, как прежде?..

* * *

— Идрис, Смагул, вставайте, вставайте же! Берите аркан, ножи и выходите! Быстро! Быстро! Идите к разрушенному домику в ущелье Батырбай!

Этот заговорщицкий голос однажды ночью поднял на ноги всех членов семьи. Проснулся и я. Была глубокая темная ночь. Где-то на окраине аула беспокойно ржали лошади. Я слышал, как в потемках поспешно одевались отец и его брат.

Захватив с собой веревку, ножи и мешок, они ушли. Мы остались вдвоем с матерью. Я догадался, что происходило там, в ущелье, и с радостью подумал о том, что вволю наемся мяса.

— Апа,— тихо сказал я матери.— Пригнали коней от калмыков?

— Т-с-с... Молчи,— ответила мать из темноты.

Не успел наступить рассвет, как отец и братья вернулись. Они втащили тяжелый большой мешок и с грохотом опустили свою ношу на пол. Зажгли свет, и я увидел, что взрослые принесли половину лошадиной туши. Чудесный запах конины заполнил всю юрту.

Мы с матерью сразу вскочили со своих постелей. Расстелив в красном углу шкуру зарезанной лошади, отец и дядя начали быстро разделывать принесенное мясо. Надо было еще до рассвета припрятать его и сидеть себе потихоньку, как будто ничего и не случилось. Двери юрты опущены. Я держу в руках лампу-бутылку и тем самым помогаю мясникам.

Когда казахам напоминают о мясе, у них кружится голова. Особенно в такое голодное время, как сейчас. Отец и дядя с возбужденными лицами засучили рукава и, присев на корточки, приступили к делу. Во всех их движениях чувствуется азарт удачливых охотников. Руки у них были по локоть в крови.

Среди казахов Смагул считался большим мастером резать скот. Одного барана он разделывал, пока другие выкуривали папиросу. У него не было вялости моего отца. Движения его быстры, и трудно взглядом проследить, как сверкает нож в его руке.

Мой прожорливый отец нетерпелив, не в состоянии ждать, когда мясо сварится. Он вырезает большие куски жира и, проговорив «бисмилла», глотает их сырыми.

— На, съешь,— говорит он мне и протягивает кусочек сала. Я держу его в руках, не решаясь есть сырым.

— Ешь, ешь, сало конское, в сыром виде не вредит,— говорит он мне.

Мне и раньше приходилось видеть, как казахи едят сырое сало. Что ж, я тоже казах и не хочу отставать от других. Набравшись мужества, я насильно заставляю себя проглотить кусочек. Нежное сало мгновенно проскальзывает в глотку. После этого остается неприятный вкус, который долго не проходит. Но в награду за все это по всему телу разливается приятное ощущение сытости.

Во всех юртах аула сегодня творилось то же самое — словно за одну ночь на головы бедных и голодных людей пролилось белое масло. И случилось это не по воле судьбы, а по воле испытанных аксакалов — Жантая и Бокшабая.

Эти двое первыми не выдержали изнуряющего голода. Сегодня ночью, полагаясь на авось, они повторили грех своей молодости и совершили набег за границу, где было много скота. Они загнали лошадей в полуразрушенные строения урочища Батырбай, перерезали их и разделили между голодными людьми.

— Нате, ловите! Если бедняк один раз насытится, то чувствует себя богачом.

* * *

Наутро наш аул, раскинувшийся на крутом берегу Текеса, представлял не совсем обычную картину. Он притих, затаился, на улице не было видно ни одного прохожего. И хотя на безоблачном небе ярко светило солнце, двери всех юрт были опущены. Люди словно чего-то остерегались и прятались в своих закопченных юртах.

Наблюдательный глаз заметил бы и другие перемены. В ауле почти над каждой юртой сегодня с утра вился голубоватый дымок. Мешаясь с этим дымом, подгоняемый ветром, далеко вокруг распространялся горьковатый запах кипящего масла и вареной конины. Если какой-нибудь путник проходил бы сейчас с подветренной стороны, то наверняка удивился бы, что от каждой юрты пахнет кониной.

У нас в ауле очень много бродячих собак. Поджарые и голодные, они обычно по утрам начинали охоту за мышами, но сегодня не отходили от юрт. Собаки, чувствуя

запах мяса и сала, беспокойно обнюхивали пороги, скулили и не находили себе места. Если из какой-нибудь юрты выходил человек, они бросались к нему. А если человек что-нибудь выбрасывал подальше от юрты, они все устремлялись туда.

Наша юрта так же, как и многие другие, сейчас распространяет запах конины. Посредине ее на треноге в черном казане варится мясо. Мы все сидим вокруг казана, крышка которого наполовину открыта, и с нетерпением ждем, когда оно сварится. И вот уже по юрте дурманяще распространяется запах почти готового мяса — он лезет в ноздри, щекочет и, кажется, выворачивает желудок наизнанку. Когда варится мясо молодого животного, то бульон покрывается пеной, которая набухает, встает белой шапкой и не вмещается в казане. Смотреть в булькающий казан и знать, что вся эта пища готовится специально для тебя,— большое наслаждение.

Чтобы скоротать время, отец мой начинает оттачивать свой и без того острый нож, то и дело посматривая на казан. Когда он, предвкушая пищу, глотает слюну, то его кадык ходит вверх и вниз.

Моя мать беременна, она дохаживает последние дни и совсем ослабла. Ей трудно даже пошевелиться. Когда она сидит на одном месте, у нее еле хватает сил нагнуться и поворошить угли под казаном. Снимает пену с бульона, пробует на вкус и вообще распоряжается возле казана мой дядя Смагул.

Еще немного терпения и мясо будет готово. Тогда мой дядя Смагул привычными щедрыми движениями свалит его на большое плоское блюдо, и над ним будет клубами подниматься пар. Потом дядя возьмет это блюдо в обе руки и великодушно поставит перед нами. Отец острым, как бритва, ножом начнет резать мясо кусочками. Но, прежде чем нарезать, каждому дает по косточке. И пока отец все мясо разрежет на кусочки, мы будем с наслаждением грызть эти косточки. В этот день кости не будут такими гладкими, как будто их изгрызали собаки. На них еще останутся и кусочки мяса.

Проклятый голод! Наконец-то мы утолим тебя!

Огонь под казаном начинает угасать, и дядя посылает меня за кизяком. Я широко распахиваю войлочную дверь и выхожу во двор. И тут же застываю в удивлении. Я вижу такую картину: у дверей третьей юрты, по левую сторону

от нашей, стоит зеленая солдатская бричка, запряженная парой лошадей. В юрту заходят и выходят пограничники. Они выносят куски расчлененного мяса и бросают в кузов телеги.

Такая же картина и перед другими юртами. Я тут же влетаю в свою и с испугом сообщаю:

— Солдаты пришли с обыском.

Всех присутствующих как громом поразило, все в смятении. Чего много в закопченной юрте, так это дыр. Сейчас к ним моментально приникли и отец, и дядя, и мать. Они смотрят в сторону соседской юрты и видят солдатскую бричку и пограничников. Потом в растерянности, с испугом смотрят друг на друга.

— Что теперь делать?

У нас весь пол юрты был завален мясом. Что делать? Куда прятать?

Изворотливый дядя Смагул, как всегда, находит выход. Самые большие куски мяса он начинает раскладывать прямо на земле у порога. Сверху стелет в несколько слоев прокопченную кошму, а поверх нее одеяло и заставляет лечь на нее мою больную и беременную мать. Получилось очень убедительно — мать давно уже болеет и не встает с постели.

Скоро зеленая солдатская бричка подъехала и к нашей юрте — мы услышали скрип ее колес. Моя мать, лежа в постели, застонала еще громче. Все остальные начали усиленно ухаживать за ней — подносили к ее губам кесе с водой. В этот момент в юрту и вошли три пограничника.

Один из пограничников был начальник заставы. Отец и дядя всю зиму проработали под его наблюдением, и он сейчас их узнал.

— Здрасти, нашандик! — заискивающе сказал отец.

— О, Аманбаев! Вы здесь живете?

Все познание русского языка моим отцом начиналось со слова «здрасти» и кончалось словом «нашандик». Он, конечно, совершенно не понял того, что ему сказал старший из пограничников, и они теперь начали разговаривать через переводчика, солдата-казаха.

Начальник заставы указал на мать, спросил:

— А что с нею? Она больна?

Отец закивал головой.

— У нее схватки.

— Надо везти в районную больницу.

— Для этого, нашандик, нужен транспорт. Колхоз не дает арбу.

После этого «нашандик» перешел к делу, по которому явился сюда.

— Мясо есть, Аманбаев?

— Что? А... Мясо есть.

— Покажи.

Но дядя Смагул уже стоит наготове, чтобы показать самому. Он открывает покрывало, что висит вдоль решетки юрты. Там на длинном шесте остались лишь мелкие куски и кости.

— И это все?

— Все, нашандик.

— А еще где есть?

— Больше нет, нашандик.

— Вы тоже ходили воровать?

— Нет, нашандик, наша не ходила.

— Кто же тогда ходил?

— Не знаем, нашандик, наша не видела.

Начальник приказал солдатам обыскать юрту. Под грудой одеял нашли деревянное блюдо с салом, приготовленным для растопки. Крышка казана была закрыта. Когда один из пограничников, желая узнать, что там, открыл ее, то все увидели полный казан почти сварившегося мяса. «Нашандик» взял половник и, помешивая, начал рассматривать.

— Аманбаев, и такой казан мяса вы съедаете в один присест?

— Да, нашандик. А почему бы не съесть в один раз...

Мать, однако, пограничники беспокоить не стали, а мясо за занавесью, блюдо с салом и сваренное в казане — забрали все. Один из пограничников вынес казан наружу, слил с него бульон, а отваренное мясо положил сверх сырого в кузов телеги.

У нас был целый казан почти готового мяса, мы смотрели на него, облизываясь, готовы были протянуть к нему руки, но нам так и не удалось его отведать.

Пограничники обыскали каждую юрту аула. По улицам стояли патрули, они не давали возможности жителям одной юрты общаться с другими и никого никуда не пускали. Все мясо, которое им попадалось на глаза, они забирали полностью. Две арбы были нагружены свежим мясом скота, зарезанного этой ночью. Сытые армейские кони-битюги еле везли этот груз

Следом за бричками повели и группу мужчин во главе с Бокшабаем и Жантаем. Среди них мой отец Идрис и дядя Смагул.

К задержанным пограничники на этот раз отнеслись снисходительно. Их всех освободили на следующий день, только взяли подписку, что они впредь не будут нарушать государственную границу и заниматься воровством.

19

Мать родила сына, которого назвали Турдыбеком[1]. До этого у нее умерло несколько детей еще в раннем младенчестве. Поэтому новорожденному и дали такое имя, чтобы он долго жил.

Роженица, как всегда, требует большого ухода, которого у нас не было и не могло быть. После родов мать еще более похудела и осунулась. Она не может даже встать и целыми днями лежит в постели, а в ее объятиях брыкается завернутый в пестрые пеленки крохотный Турдыбек. Он все время кричит, и, чтобы успокоить его, мать сует ему в рот свою высохшую грудь, в которой нет ни капли молока. Чувствуя, что его обманули, Турдыбек отворачивает свою голову от груди матери и заливается еще громче. При этом он даже закрывает глаза и синеет.

Чайной ложкой мать капает в рот Турдыбека кипяченую остуженную воду. Видимо, думая, что это молоко, он на минуту смолкает и начинает чмокать губами, но тут же выплевывает воду и кричит еще пуще прежнего. Все это окончательно изводит и без того больную мать. Она безжалостно трясет младенца, шлепает его и вне себя начинает его проклинать:

— Ну плачь, плачь, сколько тебе влезет. Подох бы ты лучше! О, господи! Слепой и глухой боже! Слепой боже! Чем я провинилась перед тобой? Если хочешь меня взять к себе, возьми, не мучай!

Видимо, это правда, что бог и слепой и глухой. Неужели он не слышит проклятий моей матери, не видит ее слез? Если бы слышал и видел, то он, конечно, оказал бы ей какую-нибудь милость.

От постоянного и громкого крика Турдыбек иногда обессиливает настолько, что, поперхнувшись, не в силах плакать дальше, он становится бледным, синим, как будто

---

[1] *Турдыбек* — букв. долго живущий.

его кто-то душит. И мне жалко своего крохотного брата. Мать просит меня сходить в один из домов, где есть дойная корова и попросить немного молока. О, создатель! Что может быть унизительнее, чем у кого-нибудь и что-нибудь выпрашивать. Я совершенно подавлен этой перспективой, но идти все-таки надо. По дороге я прячу за спину посудину, в которую мне должны налить молока.

В тот дом, где есть дойная корова, я вхожу осторожно и напряженно, как человек, готовый совершить преступление. На пороге стою, как приговоренный, и вопросительно наблюдаю за выражением лица хозяйки. Она знает, зачем я пришел, но все-таки спрашивает:

— Зачем пришел?

— Мама просила дать немного молока для Турдыбека.

Когда я это говорю, то мне кажется, что я глотаю слезы. Слова эти я с усилием воли выдавливаю из горла. В некоторых домах дают ложку-другую молока, а в других ничего не дают, говорят, что нет.

В ложку с таким трудом добытого молока мать добавляет столько же кипяченой воды — чтобы было больше. Турдыбек с удовольствием пьет это разбавленное молоко и вкусно причмокивает губами. Маленький человек борется за существование.

20

Я видел на своем веку самых разных женгей[1], которые всегда не похожи друг на друга. Сейчас мне подвернулся удобный случай рассказать об одной из них.

Болезнь матери прогрессировала с каждым днем. Она уже была не жилицей на этом свете, хотя смерть к ней все еще не приходила. Она уже не могла поднять голову. Пищу готовил дядя, посуду мыл дядя. Даже ячмень поджаривать приходилось дяде Смагулу. После этого, выпросив у соседей ступу, я начинал его толочь. Я хорошо научился толочь ячмень. Поплевав на ладони и широко развернув плечи, я двумя руками беру пестик и толку так, что готов высадить дно ступы.

Теперь я активно помогаю дяде, и мы с ним вдвоем ведем домашнее хозяйство. Талкан мы делаем на ручной мельнице. О, какая это изнурительная работа! Я с трудом кручу тяжеленный массивный камень. После этого мои

[1] *Женгей* — жена старшего брата.

тонкие, как прутья, руки бессильно повисают по швам.

Мой брат Сатылган и отец Идрис только и умеют, что поедать приготовленную пищу. Это они делают с большим мастерством и знанием дела. Впрочем, они друг друга стоят. Если один из них считает, что заниматься домашним хозяйством ниже его достоинства, то другой просто нерасторопен и неуклюж, как медведь.

Жили мы таким образом длительное время и наконец все пришли к выводу, что в доме не будет никакого проку, если не появится женщина. Очередь, конечно, за дядей Смагулом — он старший по возрасту.

Мы не знаем, где и как он ее нашел, но однажды тате привел очень смуглую некрасивую женщину. По всему было видно, что к нам пришла неряха из нерях. Волосы у нее, вероятно, никогда не расчесывались, толстые, как бревна, руки и ноги у нее были словно отлитые из чугуна. Такого же цвета и ее лицо, оно всегда лоснилось. Под стать самой хозяйке и ее одежда — не только грязная, но и порядком изодранная. Сквозь рваные рукава платья всегда выглядывали ее немытые локти. И несмотря на это, она носила красивое имя — Бибикамал. Невеста пришла к нам в дом с пятилетней дочерью, удивительно похожей на свою мать и с не менее красивым именем — Айгулсим

С первых же дней я заметил, что Бибикамал постоянно чесалась. Если одна ее рука занималась домашними делами, то другая шныряла в давно нечесанных волосах или в складках одежды. Помешивая пищу в казане, она то и дело почесывала бока.

Во всех своих делах Бибикамал неловка и поэтому половина сажи от казана обычно остается на ее руках и лице. Руками, испачканными в очаге, она чешет ухо, после чего становится черноухой.

Ум моей женгей недалеко ушел от ее внешности. В этом я убедился, когда к нам в Костобе приехал однажды милиционер по имени Омирбек. Встретив Бибикамал, он спросил ее:

— Женгей, есть ли в вашем ауле женщина, которая могла бы хорошо катать пимы?

— Есть. Я могу катать,— бойко ответила она.

— Отлично,— сказал Омирбек,— не зря говорят, что джигиту, которому сопутствует удача, навстречу выходит женгей. Труд ваш будет оплачен.

— Ты, видно, парень щеголь. Так и быть, я скатаю,— самоуверенно сказала Бибикамал.

На следующий день Омирбек приносит нам небольшой мешок с шерстью и несколько пачек чая.

Пришел срок исполнения заказа. Когда Омирбек появился у нас, чтобы получить свои валенки, Бибикамал ему сказала, что не успела и чтобы он явился дня через три-четыре. Так повторялось несколько раз.

Что греха таить, за это время женгей успела превратить наш дом в настоящий пимокатный завод. В казане постоянно кипела вода, в комнатах гулял густой пар, так что мы не могли разглядеть друг друга. В этом густом вонючем тумане почти невидимая женгей все время что-то колотила скалкой. Если подойти к ней поближе, то можно разглядеть, что она волтузит мокрый войлок, размером с пеленку. Потом эта кошма превращалась в байпаки, а затем уже в войлочные сапоги.

Омирбек пришел в последний раз.

— Женгей, готово?

— Готово.

И Бибикамал выбросила ему два валенка, совершенно не похожие друг на друга.

— А ну-ка примерь, родименький,— сказала она ласково.

У «родименького» округлились глаза.

— Ойбай-ай! — с изумлением произносит он.— Женгей, разве это пимы? Они же разные.

Ничуть не смущаясь, Бибикамал вытащила из-под постели и бросила парню-щеголю еще несколько не менее уродливых валенок.

— В таком случае, примерь вот эти. Выбери на вкус...

Омирбек видел перед собой какие-то безобразные вещи, сделанные вкривь и вкось, один больше другого, и только тут он понял, что попал впросак.

А Бибикамал, скрестив руки на груди, с достоинством объясняла ему:

— Одно время я хорошо катала пимы. Правда, эти грубые получились, никак я не могла, родненький, придать им хороший вид. Но ничего, не горюй. Ты — парень добычливый, скатаешь у кого-нибудь другого. Но если хочешь взять эти — бери. Сам не будешь носить, дети сносят.

— Какой же я был дурак, что поверил тебе,— с раздражением сказал Омирбек, изо всей силы пнул кучу всех этих валенок и вышел из дома.

Когда Омирбек ушел, женгей начала ворчать и перемывать ему косточки.

— Ничего, не сдохнешь оттого, что израсходовал полмешка шерсти. Будь ты проклят! Не хочешь брать, сама буду носить. Я столько трудилась, а он морду воротит. Думает, я их выброшу. Не тут-то было.

И в самом деле два безобразных валенка Бибикамал надела сама, а вторые, тупоносые, отдала дочери.

Вот так они и обулись в самом начале зимы.

21

Я уже учусь во втором классе и, как мне кажется, стал вполне грамотным человеком — могу самостоятельно читать и писать, знаю наизусть много стихов и рассказов из букваря. Это моя первая и единственная книга. Готовлюсь ли к урокам или просто развлекаюсь, я открываю ее. Моим любимым произведением, которое и сейчас не выходит у меня из головы, в ту пору был рассказ о кошке и мышке. Я всегда с увлечением следил за тем, как кошка гонится за мышкой. Я, конечно, переживаю за мышку. Вот она убегает от грозной хищницы, и на пути ей попадается ботинок с рваным носком — как у меня. Сообразительная мышка вбегает в голенище ботинка и выскакивает из носка. Кошка за ней, и тут она застревает в ботинке. Я радуюсь хитрости маленькой беззащитной мышки и доволен тем, что она спаслась, от души смеюсь над кошкой, которая осталась в дураках. Мышка, конечно, это я, а грубая и наглая кошка — Жанбосын.

* * *

Наш учитель Сагатбай был не лишен и поэтического дарования. Однажды девочка по имени Айша сослалась на то, что у нее болит живот, и ушла домой со сбора колосьев. Сагатбай тут же сочинил про нее небольшое четверостишие, которое потом знали наизусть все школьники.

Отлынивая от работ,
Айша сказала, что болит живот,
Мы норму выполнили на стерне,
Домой здоровыми пришли вполне.

Стихи были неуклюжими, но их шутливая критика переходила из уст в уста и произвела большое впечатление на нерадивую девчонку. С тех пор я тоже начал писать стихи.

К октябрьским праздникам мы подготовили для колхозников концерт. Этот торжественный вечер я помню во всех подробностях и по сей день.

Помещение школы чисто подметено. Щедро, по случаю праздника, топится железная печурка, и поэтому в комнате царит небывалое тепло. В зале ярко горят две десятилинейные керосиновые лампы. Квадратный класс со стороны окон огорожен занавесом — это сцена. Если память мне не изменяет, занавес был желтый.

И все это организовал наш неистощимый на выдумки Сагатбай.

Как один из активных артистов, я пришел на вечер в числе первых. Меня переполняло радостное волнение, сердце в груди, казалось, росло и рвалось наружу. Еще бы! Такое я переживал впервые в жизни. Я не находил себе места и чувствовал, что за спиной у меня незримо растут крылья, и я вот-вот взлечу над занавесом. Я то и дело выглядывал со сцены в зал: много ли собралось народа?

В концерте принимает участие и Майра — она будет петь. Если бы вы слышали, как поет Майра! Такого красивого голоса нет ни у одной девочки!

Я давно заметил, что природа, создавая человека, которому она симпатизирует, обязательно наделяет его каким-либо талантом. Кроме того, этот человек обязательно будет красивым, как будто бы ему мало всех остальных достоинств.

Что бы там ни говорили, а природа умеет создавать гармоничного человека. А у Майры? У моей Майры есть все — ум, талант. И уж, конечно, красота — это само собой.

А в этот прекрасный вечер Майра была особенно красива. Она пришла, одетая во все самое лучшее. На кончиках ее черных кос голубели бантики шелковых лент. На ногах белоснежные валенки. Вся она была какая-то торжественная, необыкновенная.

А как Майра смотрит на людей! По ее глазам можно сразу понять, нравится ей человек или нет. Своим выразительным взглядом она как бы дает безошибочную оценку собеседнику.

И вот в ожидании концерта я не нахожу себе места. Снова выбегаю за занавес, чтобы узнать, сколько же собралось народу, и тут лицом к лицу сталкиваюсь с Майрой. Она тоже волнуется и трепещет, как бабочка. Порывисто, даже сам не заметив, как сделал это, я схватил Майру за руку.

Она в недоумении остановилась. Ее смеющийся взгляд как будто спрашивал меня: что ты хочешь сказать? Я потянул ее за собой, и она, сгорая от любопытства, не стала противиться, покорно пошла. В средней части сцены есть небольшая ниша, где может спрятаться один человек. Я привел ее к этой нише с видом человека, который хочет сообщить что-то очень важное и секретное, но так ничего и не мог сказать, а стоял молча, как истукан.

— Что, что такое? — нетерпеливо спрашивала Майра. Она сгорала от любопытства, желая услышать слова, которые я приготовил для нее.

— Потом скажу,— выпалил я и убежал.

22

Здоровье матери резко ухудшилось. Она уже не выходила во двор и обычно лежала на полу возле жестяной печки, не переставая стонать. Когда затапливали печь и железные бока ее раскалялись, матери становилось жарко и она обильно потела. А как только огонь в печи угасал и тепло быстро улетучивалось, мать начинала мерзнуть. От этого неудобства, быстрой смены температур множество разных болезней одна за другой липли к ее и без того истощенному телу. Рядом с матерью лежал крохотный Турдыбек, у которого щеки не высыхали от слез. Он все время сосал пустую грудь матери.

Женгей Бибикамал — эта неряха из нерях — и та брезговала Турдыбеком и не прикасалась к нему. Все пеленки, сидя на постели и не прекращая стонать, стирала моя мать.

Непонятная тревога и беспокойство поселились в нашем доме. Взрослые что-то от меня скрывали. Когда они перешептывались между собой, я иной раз краешком уха улавливал обрывки фраз. Я понимал, что они говорят о матери, о том, что она вряд ли долго протянет и уже не жилица на этом свете.

Теперь мой медлительный отец начал пошевеливаться — таскал воду, колол дрова и не отлучался далеко от дома.

Приходили женщины-соседки справляться о здоровье матери и, не успев выйти за порог, начинали высказывать свои пророчества.

— Долго не протянет.

— Да, уже не жилица...

Когда я слышу эти страшные слова, сердце мое холодеет, а в душу как будто кто-то высыпает целый мешок страха.

И я тоже начинаю верить в то, что мать скоро умрет.

Когда Турдыбек от постоянного плача теряет силы, он засыпает. И только в эти короткие мгновения мать тоже смыкает глаза, и в доме водворяется пугливая тишина. Осторожно на цыпочках я подхожу к матери и долго смотрю на ее сильно похудевшее от болезней лицо, на котором только сейчас на несколько мгновений воцарился покой.

Когда-то красивое одухотворенное лицо матери сейчас совершенно изменилось — от него осталась только посеревшая, почти прозрачная кожа, сквозь которую, казалось, были видны кости. Красивый прямой нос заострился. Ресницы у нее словно тоже удлинились, а слегка приоткрытые бескровные губы посерели. Под глазами, как предвестники смерти, легли холодные синеватые тени. Меня особенно испугали эти тени, и я вздрогнул. Худое тело матери, напоминающее высохшее дерево, безжизненно вытянулось под одеялом. У меня не хватает сил долго смотреть на нее, и я осторожно начинаю пятиться.

Мать умрет. Как же я буду жить?

Эта мысль теперь не покидает меня. Бесприютная сиротская жизнь встает передо мной. Она страшна и готова наброситься на меня, как голодный волк. Что я могу противопоставить ей, как буду бороться за существование?

Сиротство! Какое холодное и отвратительное слово!

В нашем немноголюдном ауле в то время часто случались смерти. Всевышний прибирал своих любимцев к себе. Совсем недавно умерла мать девочки по имени Каншайым, которая училась вместе со мной. В этот день у них в доме не прекращались плач и стенания. С плачем люди приближались к дому, с плачем и покидали его.

Я тоже пошел в этот дом, откуда доносились голоса плакальщиц. Мне хотелось посмотреть и послушать, как плачет Каншайым. Как она ведет себя при этом, как причитает? Ведь не сегодня-завтра умрет и моя мать. Мне будет стыдно, если я не сумею оплакать ее.

Пробравшись сквозь толпу людей, я увидел Каншайым. Она лежала навзничь на постели матери и, закрыв лицо обеими руками, рыдала. Мне это понравилось. Безусловно, плакать, закрыв лицо руками, гораздо лучше, чем это

делать стоя или сидя, в то же время глядя на посторонних.

«Хорошо, что я сюда пришел,— подумал я, выходя из дома,— когда умрет моя мать, я буду плакать так же».

В середине ноября ударили трескучие морозы. В степи, как клочья изорванной и развеянной ветром бумаги, лежит немного снега. Я возвращался из школы домой и думал о матери, у которой сегодня утром состояние здоровья было хуже, чем в обычные дни. Я сегодня целый день, даже сидя на уроках, думал о матери.

Даже у взрослых сегодня был какой-то особенный вид. Они ходили по комнатам осторожно, встревоженно, словно та беда, которую они ждали, приблизилась вплотную. В соседний аул Киикбай послали человека за муллой Жокаем.

А что случилось потом, когда я ушел в школу, не знаю. Я иду один в стороне от ребят и думаю все о том же. С испугом поглядываю в сторону нашего дома, прислушиваюсь, не звучат ли там какие-нибудь плачущие голоса. Но пока все спокойно. То страшное, что происходит сейчас в доме, пока что не выплеснулось наружу.

В доме у нас было много мужчин и женщин. Среди двух-трех стариков мулла Жокай с бегающими глазами. Незнакомые мне люди окружили мать, лежащую в постели. Когда я подошел к ним, все посмотрели на меня какими-то пугающими и загадочными глазами.

Я сразу понял, что страшная беда наконец пришла в наш дом. Я бросил свою тряпичную сумку на подоконник и быстро вышел во двор. Этим я как будто хотел сказать, что не хочу видеть беду, не хочу стоять с нею рядом и, что бы там ни случилось, пусть об этом узнаю сразу.

Я иду под крутым яром по берегу реки Текеса. Не знаю, куда и зачем иду, что буду делать дальше. Мне просто нужно скорее подальше уйти от дома и не попадаться никому на глаза.

О, Текес! Я пришел к тебе в трудную минуту. Я вырос на твоих берегах, купался в твоих водах, на самодельный толстый крючок ловил рыбу в твоих быстрых волнах. С тобой я дружил, находил у тебя развлечения, и, когда мне было грустно, ты поднимал мое настроение. И хотя почти всегда ходил полураздетым и полуразутым, я никогда не болел, потому что был крепок, и это тоже благодаря тебе, Текес. Я закалялся в твоих мутных илистых водах.

И недаром люди говорят: «Разве вода Текеса не такая, как в арыке, и разве бектас[1] не рыба?»

Текес, если ты — моя вторая мать, которая кормила рыбой и закаляла меня, то та, другая мать, которая подарила мне жизнь и этот светлый мир, сейчас лежит при смерти. Она мне тоже близка, как и ты, и, кажется, близок час, когда ее не станет среди живых. И в этот страшный, несказанно трудный для меня момент я не могу видеть, как она будет угасать. Поэтому я и иду куда глаза глядят. Не вини меня, милый Текес, прости!

О природа! Зачем ты меня создала человеком, дала мне мысли и чувства! Зачем оставлять меня без материнской ласки, как голого неоперившегося птенца!

О чудеса! Оказывается, человек и природа иногда понимают язык друг друга. Текес, у берегов которого уже появилась кромка льда, как будто понял то тяжелое положение, в котором я нахожусь. Как человек, желающий поговорить со мной, утешить, он с плеском заливает льдистый берег волной. Волна взбегает на лед, играет, плещется и снова отступает назад. Вода что-то лепечет на своем языке, воркует, как будто начинает разговаривать со мной.

О чем мне говорит Текес? Ребенок всегда поймет язык своей матери.

— Я древний Текес. Имя мое знают в этих краях тысячелетиями, я служу источником жизни для скота и людей, для степных животных и птиц.

За свою долгую жизнь я многое повидал, был свидетелем слез многих сирот, подобных тебе. Не заливайся слезами, дитя мое! От этого ничего не изменится. В жизни бывают такие жестокости, на которые нельзя смотреть без содрогания. Те, кто может победить эти жестокие законы, будут жить. Возьми себя в руки, встряхнись! Встряхнись и мужайся, сын мой!

Вот такой совет дала мне мать-река в то время, когда на меня с грохотом обрушилась тяжелая скала горя, когда у меня, казалось, не оставалось и рассудка.

— Приди в себя, дитя мое, и возвращайся домой. В последние минуты, зная, что мать угасает навсегда, ты должен быть рядом с нею, будь у нее перед глазами и попрощайся. Она уже больше не вернется в этот мир, и ты никогда не увидишь милое родное лицо. Пока не поздно — возвращайся, чтобы не сожалеть потом. При последнем

[1] *Бектас* — малек.

своем вздохе мать все равно будет искать тебя: где Бекен, где мой Бектас? Приведите, покажите его мне! — скажет она. Она захочет поцеловать тебя в последний раз. Ей захочется взять на тот свет ароматный запах твоих волос. Знаешь ли ты об этом, глупый малыш, понимаешь ли меня? Она сейчас напрягает последние жизненные силы, борется со смертью, чтобы еще раз взглянуть на тебя и попрощаться. Возвращайся домой!

Вот такие наставления давала мне мать-река, когда черная, грозная скала печали с грохотом обрушилась на мои хрупкие плечи.

* * *

Не помню уже, сколько времени я бродил по степи в таком угнетенном состоянии. Я то и дело с тревогой поглядывал в сторону аула, ожидая, что вот-вот там послышатся голоса плакальщиц. Но в ауле подозрительно тихо. Сердце мое чувствует, что этот страшный миг наступит скоро, с минуты на минуту, возле нашего дома зазвучат рыдания, и мне никак не хочется возвращаться обратно.

На противоположной стороне аула, ближе к реке, живет мой друг и соклассник Садикасан. Я и раньше часто бывал у них в доме, играл с Садикасаном и сейчас, в трудную для себя минуту, пришел к своему другу.

Родители Садикасана были добрыми и отзывчивыми людьми. И вот я в верхней одежде сижу у них в доме на какой-то кадушке и пью айран, молоко — у них была дойная корова. Я чувствую, как тяжелею от выпитого молока и при этом мне кажется, что у меня все побелело внутри.

Внезапно дверь рывком открылась, и в комнату вошел избалованный и драчливый сын председателя Жакибая — Тилеу. Он огляделся по сторонам и, увидев меня, сказал:

— Ты чего здесь сидишь? У тебя мать умерла.

У меня в глазах потемнело, и я почувствовал, как будто мне на голову с треском обрушилось небо. Тилеу видел, как я вошел сюда, и пришел специально, чтобы сообщить мне эту новость.

Я вскочил со своего места и машинально рванулся к двери. Со двора, куда я выскочил, хорошо виден наш дом. У наших дверей толпилось много народу. Внутри дома слышались плачущие голоса. Тихо всхлипывая, я побрел домой.

Когда я вошел в свой дом, то увидел справа у порога разостланную тростниковую циновку. На ней лежала покойница — моя мать. В растерянности я устремился к циновке, но женщина, стоявшая рядом, поймала меня за руку и не пустила. После этого, вспомнив, как в таких случаях поступала моя соклассница Каншайым, я подошел к деревянной кровати и упал вниз лицом.

Рядом с покойницей были все члены нашей семьи, они плакали. Бибикамал начала причитать: «Ойбай, тетушка моя! Милая наставница!» — будто голос ее могли услышать не только моя мать на небе, но и сам бог.

Женгей сидела посреди комнаты на полу, подперев бока своими богатырскими руками. Вероятно, желая показать, что она плачет по-настоящему и вполне искренне, она не вытирала слез, которые в восемь ручьев лились по ее толстым щекам. Брат Сатылган с Турдыбеком на руках плачет стоя. Семимесячный младенец вертит головкой, не понимая, почему это в комнате так шумно, и почему кричат взрослые. Ему, конечно, не понять, какое страшное несчастье пришло в наш дом. Отец мой сидит на полу, прислонившись к стене, посапывает и плачет негромко.

Женщины-соседки, толпящиеся во дворе, входят поочередно в дом, коротко попричитают и тут же выходят наружу, уступая место другим плакальщицам.

* * *

Наутро мать похоронили на кладбище Журтаган, где вечным сном спят многие наши предки. Неподалеку от дороги вырос новый бугорок. Своей свежестью он еще несколько дней навевал грустные думы путникам, проходящим мимо.

На могиле матери не насыпан курган и не поставлен памятник. Когда кто-нибудь из членов нашей семьи шел на кладбище, то единственным памятником у изголовья матери были обильные слезы моих родичей — что-нибудь другое поставить у нас не было возможности.

Потом мне рассказали, что мать перед смертью металась в бреду и звала меня:

— Где Бектас? Позовите мне Бектаса.

И я до сих пор горько сожалею, что не услышал последних слов моей золотой матери.

Прощай, моя единственная и бесценная!

Казахи говорят: «Сирота без матери — сирота печальный, сирота без отца — сирота беспросветный».

Я сирота печальный.

И то правда.

Днями и ночами я думаю о матери. Как это страшно — исчезнуть навсегда! Я уже больше никогда не увижу своей матери. При этой мысли все во мне слабеет и мрак застилает глаза.

Если бы умершие уходили из жизни не навсегда, а после десяти или пятнадцати лет воскресали и возвращались к нам обратно! О, тогда бы я дождался того счастливого дня, когда вернется моя незаменимая мать,— я вынес бы все беды, какие обрушились бы на мою голову! Теперь же впереди не было надежды, которая утешила бы меня.

Моя золотая мать не вернется ко мне даже через тысячу лет, и я хорошо знаю об этом. У меня в жизни уже не осталось ничего, за что можно было бы уцепиться, опереться.

Все погасло.

Я никогда уже не услышу ласкового голоса матери: «Бекен мой!»

Бусинки слез, сжигающие душу, катятся из моих глаз, но я стараюсь, чтобы этого никто не замечал.

Так я начал сиротскую жизнь.

Слово «сирота» теперь для меня приобретало конкретный и жестокий смысл. Раньше я как-то не обращал внимания на его леденящий холод. В человеческом языке, оказывается, нет более безжалостного слова. Взрослые меня жалеют, ребята, если я с ними поссорюсь, начинают меня дразнить сиротой. Для меня и то и другое одинаково больно.

Я всеми силами стараюсь защищаться от этого неумолимого кинжального слова, как человек, страдающий паршой, защищает свою голову от постороннего взгляда тюбетейкой.

Мою слабость знают ребята, враждующие со мной. Стоит мне схватиться с ними, как они тут же кричат:

— Эй ты, хитрый сирота!

Этого достаточно, чтобы я был повержен и перестал сопротивляться.

Дорогие дети, мои юные друзья! В жизни с каждым может случиться несчастье, и он останется без матери или отца. Но в каких бы распрях вы ни были, какие бы споры ни решали, никогда не бросайте в лицо своему товарищу слово «сирота». Ты ударь его, подерись, разрежь его на

куски, но не ругаи его так больно. Судьба и без того жестоко наказала его, но не бросайте на землю, не топчите его юное человеческое достоинство...

* * *

Бибикамал не смогла вести наше нехитрое хозяйство, и вскоре после смерти матери Смагул разошелся с нею. Наш дом превратился в холостяцкий.

Только после этого я хорошо понял, что в доме, где живут одни мужчины, никогда не бывает порядка: печь вовремя не топится, белье никем не стирается, изодранная одежда не латается. Назрела необходимость, чтобы кто-нибудь из взрослых мужчин — мой отец, дядя или брат — женился.

На этот раз на очереди был Сатылган — как самый молодой. По характеру он был нерешительным парнем. На его шею еще ни разу жизнь не накидывала тонкую петлю супружеского аркана.

Сатылган женился неожиданно — однажды ночью он привел в дом женщину по имени Алиман. Он ее увез из Нарынкола. Она была молодой вдовой. Родственники по обычаю аменгерства хотели отдать ее одному из братьев покойного мужа, но Алиман воспротивилась этому и бежала с красивым и молодым Сатылганом.

Теперь уже были не те суровые времена, когда за женщиной-беглянкой гнались с дубиной, теперь женщина находит себе любимого и выходит за него. И Алиман стала наша.

Это была умная женщина с приятными манерами и хорошим характером. С появлением ее в нашем доме посветлело, словно все удачи, чистота и семейное благополучие находились по ту сторону порога и терпеливо дожидались прихода Алиман. Жизнь изменилась, как будто по велению волшебника, буквально за один день.

Прежде всего, у Алиман были золотые руки. Когда у нас не было пищи, Алиман разжигала огонь и пища появлялась. Старую заброшенную одежду она перелицовывала, перешивала и делала новой. Если бы вы видели, как Алиман чинит одежду! Только она умела отыскать обязательно такую заплатку, которая подходит по цвету к рубашке. И эта заплата как бы придавала особую красоту одежде. Я помню, как, распоров обыкновенную белую кошму, она сшила мне легкие и теплые валенки. Когда я их надевал, у меня появлялось желание бежать.

Алиман привезла с собой немного имущества — постель, одежду и посуду. Она побелила в комнатах, убрала кровати, на окнах повесила занавески и настолько преобразила наш неприглядный дом, что все в нем засверкало, и, когда я возвращался домой, у меня было такое впечатление, что я попал к чужим людям.

Видя такую чистоту в доме, даже мой неряшливый отец переменился — он уже не заходил в комнату, грохоча сапогами, а старательно вытирал ноги, соскабливая грязь, и потом уже осторожно переступал порог; вечерами не развешивал вокруг раскаленной печурки свои провонявшие портянки, а к утреннему чаю не являлся, как прежде, в полотняных подштанниках со свисающими тесемками.

Удивительные вещи появились у нас в доме с приходом новой женгей — медный самовар, чайник и посуда. На столе чистая скатерть. Раньше обо всем этом мы даже и не мечтали.

Пища, приготовленная Алиман, была намного вкусней той, которую я ел раньше. Ячмень и пшеница поджаривались ею в меру, не подгорали, а талкан, перемолотый женгей, был мелким и белым, как мука, испеченный хлеб — румяный, как яблоко.

Принесите моей женгей горсть муки и кусок мяса, и вы посмотрите, что она приготовит. Это будет ароматная лапша, которой можно досыта накормить целую семью. А вкус лапши вы еще долго будете ощущать во рту.

Как всякая женщина, наделенная недюжинным умом и золотым характером, моя женгей никогда не повышала голоса и говорила очень мало. К тому же она была опрятна, одевалась чисто, платок на ее голове белее снега, а платья она носила длинные и просторные. Она всегда при встрече со старшими приветствовала их поклоном и не пересекала им дорогу.

Со мной Алиман вполне искренне была ласкова, как мать. Если же она шла на прогулку или к соседям, то брала меня с собой и всегда в гостях сажала так, чтобы мои руки могли свободно дотянуться до дастархана.

Но увы! Мне и сейчас жаль мою добрую Алиман-женгей.

Алиман на три-четыре года старше Сатылгана. Кроме того, она уже была замужем. По аулу покатился черный мяч сплетен, который недобрые люди начали пинать один к другому:

— Сатылган так и не стал джигитом. Пусть себе

пропадает. Чего это ради он взял вдову? Неужели в наших краях перевелись девушки? Вы только посмотрите, ведь она старше его. Ему что, нет ровни? Он позарился на ее подушки и одеяла...

Холодным ветерком стало знобить в Костобе вокруг нашего дома, и куда бы ни шел Сатылган, эти разговоры взвихривались вокруг него, подобно смерчу, и не давали ему прохода. Молодой, только что вошедший в силу джигит, конечно, стеснялся этого.

Постепенно Сатылган стал охладевать к Алиман.

23

Нашего учителя Сагатбая перевели в другую школу. Вместо него пришел другой, по имени Жумабай — низкорослый человек, у которого руки и ноги были одинаковой длины. Нам, ребятам, было жаль расставаться со своим прежним старшим другом, которого мы трогательно любили.

И вот мы сидим в классе перед учителем, которого совершенно не знаем. Что он за человек? Сможем ли мы его полюбить так, как любили Сагатбая?

Если посмотреть на низкорослого узкоплечего Жумабая со спины, то можно подумать, что это мальчишка. Да и походка у него какая-то особенная — он ходит, склонив голову, семенит ногами. Под мышкой у него черная, как сажа, шапка.

Одет Жумабай неряшливо — одна часть пуговиц давно оторвана, а другая висит на ниточке и готова вот-вот отлететь. Жумабай так же, как и мой отец, зимой и летом одевается тепло и ходит, обливаясь потом.

...Я и теперь подчас поражаюсь женской неразборчивости. Иной раз писаная красавица выходит замуж за урода. Что их вынуждает это делать, какая необходимость — ума не приложу.

Жена Жумабая в нашем крае была, можно сказать, самая красивая женщина. Высокая, стройная, она была так хороша собой, что, сколько бы на нее ни смотрел, все равно не хотелось отрывать взгляда. Когда Жумабай шел рядом с нею, то никто не мог подумать, что это муж и жена...

А сам Жумабай по характеру был легкомысленным и неуравновешенным. Из-за пустяка он мог учинить настоящий скандал, не стесняясь в выражениях, самых не-

подходящих для учителя,— бранные слова летели у него с языка, как полова из-под молотилки. Занимался он и рукоприкладством, наказывал ребят по собственному капризу: выгонял из класса или заставлял стоять с поднятыми руками.

Наши взаимоотношения с Жумабаем были испорчены в первый же день его прихода в школу.

Была перемена. Мы все высыпали на улицу и толпились у дверей, с наслаждением вдыхая чудесный запах весны и греясь на солнышке. Я стоял позади Жумабая. Неожиданно нащупал под ногой бугорок, приподнялся на нем и стал почти вровень с учителем. Я увлекся этим сравнением и стал жестом показывать мальчишкам, стоящим впереди: смотрите, мол, учитель-то не выше меня. Глядя на нас, ребята от души хохотали. Я стал вытягиваться, становился на носки и теперь уже свысока смотрел на Жумабая.

И вдруг тяжелая и жесткая, как доска, ладонь учителя обрушилась на мою щеку. Из глаз моих посыпались искры. Удар был таким сильным и неожиданным, что я на какое-то мгновение обалдел и перестал соображать.

Оказывается, за всеми моими выходками Жумабай наблюдал краешком глаза. И вот теперь я очутился в положении побитой собаки. От стыда перед ребятами я не знал, куда деваться. Готовый лопнуть от злости, держась за щеку, я остолбенело постоял минуту и заревел во всю глотку. Потом сорвался с места, вбежал в класс, забрал свои книги и заявил, что учиться больше не буду, с тем и сбежал.

Но учиться мне все-таки пришлось. На следующий день брат Сатылган привел меня за руку в школу и примирил с Жумабаем. Но разве можно забыть такую обиду? С тех пор Жумабай стал моим ярым врагом.

* * *

К литературе, и особенно к поэзии, я питал пристрастие еще в те далекие детские годы. Когда я слышал стихи, то отставлял в сторону даже пищу, которую ел в это время. А когда стал самостоятельно читать, то не пропускал ни одного стихотворения в газетах и журналах. Я выучил наизусть почти все стихи в учебниках и узнал, что их сочиняют акыны, которых почитал за богов.

В учебнике для второго класса было напечатано сти-

хотворение Абая «Зима». Однажды Жумабай сказал мне, чтобы я прочитал эти стихи наизусть. Я продекламировал их с выражением, без запинки.

— А ну-ка, скажи мне, о чем пишет Абай в этих стихах? — спросил Жумабай.

— Он пишет о зиме.

Жумабай покачал головой.

— Нет, неправильно.

Я был удивлен: почему неправильно? По теме и по содержанию ясно, что здесь говорится именно о зиме.

— Так кто скажет? О чем пишет Абай в этом стихотворении? — спросил Жумабай, обратясь к классу. Все дружно отвечали, что пишет он о зиме, о снеге, о холоде.

— Неправильно.

Я был удивлен: почему неправильно? Разве по содержанию стихов не видно, что здесь говорится именно о зиме?

Жумабай начал объяснять:

— На стихи вы смотрите просто, как на стихи. В стихах бывают смысл, идея. Идеей называется скрытое содержание стихотворения. Поэты пишут стихи не просто от безделья, а для того, чтобы донести до людей свои тайные думы, то есть идею. Прочитаем вот это:

В одеждах белых, сам белобород,
Глухой — он никого не признает,
Весь в инее, с холодным видом,
Скрипят его шаги, куда он ни придет.

Вы говорите, что здесь поэт пишет о зиме, но это не так. «В одеждах белых, сам белобород, глухой...» Это баи, раньше угнетавшие народ. Вот смотрите: «Весь в инее, с холодным видом...» А разве у баев бывает теплый вид? «Скрипят его шаги, куда он ни придет». Здесь поэт напоминает, что к беднякам пришел бай и сейчас он их начнет колотить...

Вот так Жумабай объяснял нам стихи Абая. От удивления я даже открыл рот. Если это так, то, оказывается, что до сих пор я ничего не понимал в стихах. Это произвело на меня такое впечатление, как будто я вновь открыл Америку. Конечно, до этого я смотрел на стихи, как на стихи,— красиво нанизанные в строке слова, которые ласкают слух. Я любовался тем, как ладно пригнано слово к слову, какие образы встают перед глазами. Я легко разучивал стихи наизусть, читал их вслух. И вдруг ока-

зывается... Стихи — не просто стихи. В них сплошная политика, классовая борьба, о которой в те дни говорили с утра до вечера.

Метели гуляют по зимней земле,
Колышется юрта на белом холме.

Эти строки Жумабай объясняет так: приходит разъяренный бай и начинает бить дубинкой по юрте бедняков. В моем воображении встает следующая картина: с треском ломаются решетки юрты, ревут дети, плачут женщины.

В затишье прячьте скот,
А крепость непогоды берите штурмом.

— О чем здесь говорит Абай? — спрашивает Жумабай и тут же объясняет: — Он зовет угнетенный народ к борьбе против баев, к революции. Понятно?

— Понятно.

— Вопросы есть?

У нас вопросов много. Почему поэты говорят загадками, а не высказывают свои мысли прямо?

— Вы еще дети, ничего не понимаете,— отвечает он.— В чьих руках в то время находилась власть? В руках баев и буржуев. Если бы поэты говорили обо всем открыто, их бы заточили в темницы, выкололи им глаза.

Это объяснение нам тоже внушает доверие. Скажу по совести, с тех пор я стал смотреть на стихи другими глазами. Прочту стихотворение и начинаю пристально вглядываться в него, отыскивая подоплеку. Я извлекаю на свет целые связки мыслей поэта, которые он хотел высказать, но не смог в старое время.

В хрестоматии есть стихи Абая «Лето». Чудесное стихотворение! Раньше я в нем видел чудесные летние картины. Теперь же, когда Жумабай «просветил» меня, оно стало звучать совершенно по-иному. Это не просто слова, звучащие, как родниковый ключ. Для меня сейчас это трудный кроссворд, над каждым словом надо крепко задуматься. Я перечитываю стихи несколько раз, выискиваю в них какую-то скрытую идею, будто вылавливаю рыбу в глубоком омуте.

Июльские покосы покрыты цветами.

«Здесь поэт,— думал я,— видимо, описывает красивую, полную удовольствий жизнь баев».

Кобылицы ржут, лоснясь боками.

«Это, конечно, байские жены,— думаю я,— они наедаются до отвала и от сытости крякают».

Возле них резвятся жеребята.

«А это дети баев и их внуки. Они не знают, что такое горе, печаль. Они все время весело играют».

Так я начал истолковывать стихи Абая. «До чего хитер поэт,— думал я,— как он только описывает господствующие классы!»

Теперь я уже не интересуюсь стихами так, как раньше, не впиваюсь в них глазами и даже начинаю относиться к ним с неприязнью за то, что они имеют подоплеку.

Пословица гласит: мулла-начетчик может извратить веру. Жумабай, конечно, был начетчик. По его вине я надолго поссорился с поэзией, которую так почитал.

* * *

Безмолвная снежная степь. Стоит морозный день. Всю минувшую ночь дул сильный ветер, и метель замела многие места санной дороги.

Худая лошаденка, у которой можно сосчитать ребра, еле тащит низкие сани, груженные нехитрым скарбом. На всех этих баулах и узлах, нахохлившись, сидят семь-восемь ребятишек. Сани вышли из Костобе еще утром и направляются в Сарыбастау, что в двенадцати километрах от нашего аула.

В середине зимы в третьем классе нашей аульной школы занятия прекратились. Один учитель не мог вести уроки в трех классах. В связи с этим вышло постановление, согласно которому мы должны были продолжать учиться в Сарыбастау, что подчинялся нашему аульному совету. Колхоз выделил лошадь, сани, и вот теперь мы и направляемся к новому месту своей учебы.

Среди нас нет только двух — Майры и Жанбосына. Батырхан не отпустил своих детей в Сарыбастау. Он решил их отправить в Нарынкол, где, как говорили, было много русских, а это удобно для изучения русского языка.

В Нарынколе учиться могут не все, а только дети тех родителей, кому это под силу. Раньше я слыхал, что Нарынкол — это город, там много контор и все дома

крыты тесовыми или железными крышами. Улицы, говорят, там прямые, а по сторонам растут высокие тополя. Очень хотелось посмотреть хотя бы один раз.

В Сарыбастау я уже был. В прошлом году мы ездили туда на празднование Первого мая. Тогда два наших соседних колхоза объединились и на телегах шумным табором нагрянули в этот поселок. Впечатления от этой праздничной поездки у меня остались в памяти и по сей день — настолько они были богаты.

Около самого аула там есть курган, на вершине которого расчищена ровная площадка. Вот на этой-то площадке, как на открытой сцене, и проходили всякие игры. А потом всех гостей, прибывших из Костобе, угощали в здании школы. Мы с большим удовольствием съели по тарелке жирной сорпы с мясом и картошкой. Картошку я тогда ел впервые, и она мне здорово понравилась.

В ту поездку меня с собой захватила (эх, добрая душа!) моя женгей Алиман. Я всюду следовал за нею и в толчее крепко держался за ее руку, чтобы не потеряться. Женгей не оставляла меня без внимания ни на минуту, а сидя за дастарханом, первый вкусный кусок подавала мне.

Вечером старшеклассники показали нам пьесу. Такое любопытное зрелище я тоже видел впервые. Название постановки уже стерлось из памяти, но хорошо помню, что среди героев пьесы были бай, бедняк, старик и старуха. То, что дети с наклеенными бородами изображали стариков, для меня казалось вершиной искусства.

Сцена была сооружена из столов, поставленных в ряд и накрытых кошмой. Мы, дети, сидели на полу у самой сцены. Зрители активно реагируют на игру артистов, по ходу пьесы вставляют свои реплики, комментируют и поэтому в зале стоит шум.

Тот далекий вечер и сейчас во всех подробностях оживает перед моими глазами.

И вот сегодня мы едем в этот самый Сарыбастау продолжать учебу.

* * *

Тощая лошаденка поначалу бежит рысью. Мы понукаем ее, кричим «но-о!» и весело дурачимся. У нас хорошее настроение, нам хочется влететь в Сарыбастау под звонкий лай собак, подобно снежному вихрю, чтобы этим самым

заявить всем, кто нас увидит: «Здравствуйте, вот и мы приехали!»

Но, увы, это только наша детская фантазия! Как только мы отъехали от аула километра три-четыре, наша лошаденка начала выбиваться из сил, останавливаться в сугробах. Скоро тощие ребристые бока ее запотели, уши опустились, вся она как-то сникла и потеряла свой первоначальный боевой вид. Наконец наша коняга тяжело захрапела и в изнеможении остановилась, как будто этим самым сказала: хоть бейте, хоть режьте голову, а дальше двигаться у меня нет сил.

Кучером у нас был наш постоянный командир класса Жунисбай. Он обернулся к нам и сказал:

— Слезайте! Придется пройтись пешком. Лошадь устала.

Среди пассажиров, восседавших на санях, самый маленький был я. На мне топорщился старый черный чапан женгей Алиман, подпоясан я был сыромятным отцовским ремнем. Так что, будучи в таком толстом неуклюжем наряде, я, когда спешился, еле поспевал за санями. Я увязаю в снегу, он мне доходит до колен, кроме того, в грудь бьет сильный ветер. Как говорится, для тощей лошади и кнут в тяжесть.

Через некоторое время силы меня покидают, и я начинаю отставать от ребят.

— А ну, шагай! — приказывает Жунисбай. Но где уж мне тягаться с остальными. Я говорю ему, что идти больше не могу, сил нет.

— Ладно, садись в сани.

Жунисбай спрыгнул с саней и зашагал рядом. Он в шапке-ушанке, тесемки которой крепко завязаны на подбородке, брови у него покрыты инеем, а под ними сверкают твердо поставленные упрямые глаза. Он браво шагает наперекор стихии даже там, где снег ему по колено, и кажется, совсем не знает усталости, даже не задыхается.

Лошадь через небольшие промежутки пути останавливается, так что движение наше замедлено. Когда лошадь отдыхает, переводят дух и дети, гурьбой идущие за санями.

Мы дали лошади немного сена, которое было в санях, чтобы поддержать ее силы. Я сижу без движения и начинаю мерзнуть. Чтобы согреться, надо сойти и пройтись, однако я боюсь, что потом уже не посадят.

Коротенький, как ноготок, зимний день быстро пошел на убыль. Начало вечереть, а Сарыбастау еще не виден.

Наша лошаденка опять начала изнемогать, и Жунисбай подает мне команду:

— Слезай! Отдохнул и хватит!

При мысли о том, что снова придется барахтаться в снегу, у меня екнуло сердце, но не подчиниться я не мог. Опять иду пешком и отстаю от ребят.

— Не могу, устал,— начинаю канючить я.

Кое-кто из ребят говорит мне:

— Если не можешь идти, оставайся...

Жунисбай начинает о чем-то с ребятами совещаться.

— Ладно,— говорит Жунисбай,— мы посадим тебя в сани, только ты за это дай нам лепешку.

У меня есть мешочек жареной муки и две лепешки. Мешочек аккуратно зашит суровыми нитками: я и сам уже хотел отломить кусочек хлеба, но ни с того ни с сего отдать целую лепешку свыше моих сил. У меня даже заныло сердце. Но идти пешком еще тяжелее.

Стоя посреди дороги, я в нерешительности раздумываю: что же делать?

— Смотри сам. Мы тебя не неволим,— говорят мне ребята, возглавляемые Жунисбаем, а сами исподлобья смотрят на меня испытующими глазами. Они как будто уверены: куда ты денешься, все равно отдашь лепешку.

Я мучаюсь. Стервецы, как они цепко схватили меня за самое больное место.

— Решай, дашь или не дашь. Если нет, то до Сарыбастау пешком.

Сарыбастау еще на краю света, и я туда вряд ли доберусь живым. Но отдать ни за что целую лепешку!..

Стою между двумя огнями, и оба огня пугают меня одинаково. Наконец сквозь навернувшиеся слезы я говорю:

— Ладно, дам половину.

Взрослые ребята снова начинают совещаться. Это настоящие серые волки с мертвой хваткой: сын Шакабая Турсынбай, Уалибая — Абег... Посоветовавшись, они принимают мои условия.

Дрожащей рукой я распарываю свой заветный мешочек. В это же время я с тревогой думаю о том, что будет, когда приеду в Сарыбастау.

— Остановишься у дяди Мурзатая,— говорил мне брат перед отъездом,— там и будешь жить.

И вот я представил себе, как дядя увидит распоротый мешочек, половину лепешки и, конечно, удивится. Что он скажет при этом? И что скажу я?

Лепешка замерзла и стала как железная. Мне стоило больших усилий разломить ее. Сейчас она станет добычей вот этих ребят, окажется в их жадных руках. Это было для меня большим испытанием.

— Нате!..

Тощая лошаденка тронулась в путь. Я снова на санях. Лежу на боку. Правда, это мне дорого стоило, но теперь уже никто не может меня упрекнуть или сказать, чтобы я шел пешком.

Уже наступила ночь, а мы все еще медленно, с томительными остановками продвигаемся вперед. Впереди приветливо замигал желтый огонек. Мы решили, что это Сарыбастау, и радостно зашумели, но это был полевой стан. Там кто-то поджег солому, и теперь она горела жарко, словно приветствуя нас. Здесь мы тоже сделали остановку, чтобы лошадь отдохнула, а сами погрелись у этого большого ночного костра.

И снова в путь. Послышался лай собак. Показались огни, контуры землянок. Это Сарыбастау. Даже не верилось, что мы у цели.

* * *

Итак, я учусь в Сарыбастау.

Здесь четырехклассная школа, ребят много, весело — не так, как в Костобе. Есть пионерская организация, работают различные кружки, выходит стенная газета. Мы всегда возвращаемся из школы с приподнятым настроением.

Однако недаром в народе все-таки говорят: с глаз долой, из сердца вон. Майра, моя Майра, начала постепенно забываться, отходить на задний план. Здесь нашелся другой цветок, который стал притягивать бабочку моего сердца. Ее звали Кулян. Конечно же, для меня теперь самая красивая и привлекательная девочка на свете — это Кулян.

Во-первых, мы учимся вместе, и она сидит со мной за одной партой. Я не позволю, чтобы она сидела с кем-нибудь другим. Ее портрет: рослая, светлая, красивая, коротко подстрижена. Вот вам и Кулян.

«Я влюблен в сто девушек»,— скажет впоследствии, когда я вырасту, Расул Гамзатов. Точно так же я могу сказать и о себе — в жизни влюблялся в сто девушек. Кулян — одна из них.

В школу мы приходим вместе и вместе возвращаемся после уроков. Отец Кулян и дядя Мурзатай — родственники. Кулян часто заходит к нам, и если она долго не появляется, я скучаю по ней. Кулян это чувствует и часто под каким-нибудь предлогом старается забежать в дом Мурзатая. При виде Кулян мое маленькое сердце трепещет, наполняется звонкой радостью.

Наш учитель Кажаубаев — суровый смуглый человек. Во время уроков наши беседы с Кулян бесконечны. Я всегда ей рассказываю что-нибудь шепотом. Половину внимания я уделяю объяснениям учителя, половину — Кулян.

Кулян, пожалуй, больше.

Учитель предупредил нас, чтобы мы сидели тихо, но это не возымело никакого действия. Сдвинув головы, мы продолжаем шептаться.

Кажаубаев посуровел еще больше.

— Вы, двое, выйдите из класса. Разговаривайте на улице.

Нас проводил насмешливым взглядом весь класс.

И вот мы входим в соседний пустой класс (в здешней школе всего две комнаты) и остаемся наедине. Нам только этого и надо было. Если бы нас вместе с Кулян заперли в этой комнате навечно, я бы не возражал. А если бог захотел бы исполнить мое первое желание, я попросил бы именно этого.

В другое время у меня было много слов, которые я приготовил для Кулян. Сейчас я нашел клочок белой бумаги, отыскал в кармане огрызок карандаша и с улыбкой спросил:

— Кулян, тебе написать что-то?

— Что?

— Что-то...

— Пиши.

Я склонился над клочком бумаги, но не мог собраться с духом. Сердце у меня прыгало, карандаш в руке тоже.

— Ты не смотри,— сказал я.

— Не буду,— сказала она и отвернулась.

Я торопливо нацарапал три жирных буквы «Я. Т. Л.» и показал Кулян.

— Что это?

— Догадайся сама.

Кулян пожала плечами — откуда, мол, я знаю. Тогда я начал расшифровывать.

— Я, — это значит я.

— А «Т»?

— Значит «тебя».

— А «Л»?

У меня отнялся язык. Вся беда была в этом «Л».

— Ну говори же, что это за слово?

— Угадай сама.

В это время зазвенел звонок — урок закончился. Сейчас дети выскочат из класса, как шаловливые ягнята, и наша уединенная жизнь с Кулян оборвется. У меня не оставалось времени для загадок. Если уж начал говорить, то надо сказать все до конца.

— Это... Это значит «люблю».

Мне казалось, что я совершил героический поступок, которому нет равного в мире. Я сказал, что хотел. Кулян с удивлением уставилась на меня, словно не веря своим ушам.

Потом она неожиданно вырвала из моих рук бумажку.

— Отдам учителю,— сказала Кулян и выбежала из класса.

Я остался сидеть за партой, как придавленный камнем. Лучше семь раз провалиться сквозь землю, чем услышать такое от моей Кулян.

Вы слышали? Такой-то написал девочке любовное письмо?

Услышать подобные разговоры среди учеников равносильно пожару. Кто написал, кому написал? Об этом скоро узнают все, и виновника посадят на голову деревянной лошади. У казахов это такой же позор, как у русских, когда мажут ворота дегтем. После этого уж лучше не жить.

Я стал жить беспокойно, именно с той минуты, когда Кулян вырвала у меня из рук злополучную бумажку. В моей жизни остались считанные дни. Как узник ожидает смертного часа, так и я с ужасом жду, когда разразится скандал, и на мою голову ляжет позор.

Прошел день, другой. Тихо.

А дни эти для меня были мучительными. На уроках я по-прежнему сижу рядом с Кулян, но не разговариваю. На переменах и в неурочное время не подхожу к ней, а когда вижу учителя или вожатую, мое многострадальное сердце екает. Скоро меня начнут клеймить позором:

— Какой бессовестный, чем ты только занимаешься?

А на уроках, стоит только учителю взглянуть на меня, как душа моя переселяется в кончики ногтей.

Днем и ночью перед моими глазами стоят три жирных буквы, написанные карандашом,— «Я. Т. Л.». Кулян сказала, что отдаст учителю. Значит, отдала. Учитель положил эту бумажку в карман и теперь нарочно помалкивает, чтобы помучить меня. Наверное, он думает, что я рано или поздно все равно получу свое. В ожидании возмездия я совсем извелся, устал. Теперь уж мне все равно — что будет, то и будет. Если меня хотят уничтожить, пусть уничтожают. Нет ничего хуже на свете, чем жить под постоянным страхом и дрожать.

Если меня учитель вызывает к доске, я вздрагиваю: началось, теперь пропал! Конечно же, учитель хочет перед всем классом меня смешать с землей. Однако речь идет об уроке, и я немного успокаиваюсь.

Когда меня вызывает вожатый, я тоже пугаюсь. Ага, понятно, зачем вызывает! И пока не дойду и не услышу, зачем меня вызывали, вся моя душа истечет кровью.

Но все пока тихо. Будь проклята такая тишина! Я совсем извелся, умирая тысячу раз от одной мысли о смерти.

Прошло несколько благополучных дней, и я стал понемногу успокаиваться. Однажды я сидел дома и вошла Кулян. Она пришла за ступкой. Когда стала уходить, я вышел за ней. Увидев, что поблизости никого нет, спросил:

— Кулян?

— Что?

— Ты не отдала ту бумажку учителю?

— Какую бумажку? А-а... Я ее давно порвала.

И только после этого разговора я успокоился.

* * *

Однажды во время урока в классе неожиданно открылась дверь и показалось лицо Нургазы, что работал в нашем ауле бригадиром. Он был в больших пимах и в шубе до пят. В руках он держал что-то завернутое, похожее на мешок.

— Мальчик из нашего аула по имени Бектас здесь учится? — спросил он, обводя класс взглядом.

Я подумал, мне прислали из дома посылку и, привстав с места, сказал:

— Это ведь я, дядя.

Нургазы вошел в класс.

— Твой брат и сноха расходятся, а ты, оказывается,

уехал в чапане своей снохи. Она сказала, чтобы ты вернул ей чапан. А тебе выслали вот это,— сказал он и бросил через головы ребят то, что держал в руках. Это был хрустящий плохой плащ. Он упал прямо на мою парту, свалив на пол чернильницу, бумагу и ручку.

Ужас! Я растерялся и не знал, что делать. Случается же в жизни такой позор! Весь класс с недоумением смотрел на меня, я смотрел в землю, готовый провалиться сквозь нее.

— Где чапан снохи? — недоуменно сказал Нургазы. Он будто только сейчас понял, что мешает вести урок.

В классе вешалки не было. Обычно мы сваливали нашу одежду в кучу на подоконник. В этой куче и мой черный чапан. Но только не провалился я сквозь землю, а отдал черный чапан.

Когда уроки кончились и ребята разошлись, я долго сидел в пустом классе без движения и плакал. Мне было жаль добрую, ласковую сноху Алиман, которая расходится с моим братом, а также черный теплый чапан, который увозит Нургазы. А также я плачу от обиды. Будь проклята, бедность! Ну что я такого плохого сделал, чтобы меня так унизили?

Будь проклят и Нургазы! С тобой ничего бы не случилось, если бы ты меня нашел не в классе, а подождал конца уроков. Мог ведь прийти в дом Мурзатая, где я живу, и снять с меня черный чапан там.

Эх, темнота! Ничего в мире нет нелепей бестактной души. Я путаюсь в хрустящем плаще, пытаясь его надеть.

Этот плащ раньше носил, видимо, какой-нибудь тракторист или разделыватель туш, потому что он весь в масле. Особенно концы рукавов и карманы как будто специально окунуты в жир.

В этот плащ таких, как я, можно поместить двоих. Полы его метут землю, а рукава по своим объемам напоминают логово волка.

Нет, я не в силах надеть такой плащ и выйти к людям. Хотя бы был впору мне. Если я его надену, то обязательно буду похож на чучело. А что делать? Ведь другой одежды нет. Было бы теплое время — другое дело, но сейчас зима. Лучше умереть, чем пройти мимо дома Кулян в этом хрустящем плаще.

Кулян вообще, наверное, не узнает меня, а может быть, даже испугается. А вдруг она засмеется и скажет: «Ты теперь как раз похож на свое «Я. Т. Л.».

О, всевышний! Все твои унижения я терплю, но этого плаща я, кажется, не вынесу. Нет сомнения в том, что если я выйду на улицу в этом плаще, все аульные собаки погонятся за мной.

«Чем выйти к людям на посмешище в этом плаще, лучше уйти, сгинуть»,— почти во всеуслышание твердит моя совесть.

Наша школа расположена в конце нижней улицы аула, где проходит дорога на Костобе. Скрепя сердце, я завернулся в плащ, взял под мышки свои книги и, оглядываясь по сторонам, как вор, вышел на улицу. Вокруг никого не было. Мне это и нужно. Никем не замеченный, я вышел на дорогу и побежал с единственной мыслью: «Где ты, мой Костобе?»

И вот я дома. Расстояние, которое тогда худая лошаденка покрыла за день, я пролетел за каких-нибудь два часа. Студеный день не дал мне возможности идти вразвалку. При медленной ходьбе я мог бы замерзнуть.

Как только я переступил порог своего дома, сердце сразу подсказало мне, что между братом и снохой уже нет тех прежних взаимоотношений, какие были раньше. Алиман не бросилась ко мне со словами: «Жеребеночек мой! Откуда ты? Замерз ведь?» Прежние чистота и спокойствие в доме исчезли.

Вечерний чай мы пили отчужденно, как на полевом стане. Алиман хмурится, брови ее насуплены. Чашку чаю, налитую для мужа, она со стуком ставит на пол-дороге к Сатылгану. Раньше за нею такая невежливость не наблюдалась. Они не говорят друг другу ни слова.

... Наутро Алиман собрала свои вещи и ушла. Исполнилась заветная мечта сплетников, теперь они могут свободно подыскивать Сатылгану молоденькую девушку.

Каким бывает дом, из которого ушла женщина,— не спрашивайте меня. Я не буду вам говорить.

Когда люди сходятся, они находят друг для друга самые драгоценные слова, но когда расходятся — из их уст взаимно льется такой поток грязных слов, что, как говорится, уши вянут. Нет, я не скажу вам этих слов. Не спрашивайте меня.

Уйдя от нас, Алиман скоро успокоилась, а к нам вернулись прежняя неуютная жизнь и беспорядок.

Черный чапан уплыл на плечах Алиман.

* * *

Весь вечер, лежа в постели, я плакал.

— Я не одену этот замасленный плащ! Найдите мне другую одежду,— сквозь слезы говорил я.— Я скорее умру, чем поеду в Сарыбастау в этом плаще.

Но меня тревожило и то, что отстану от учебы.

И вдруг в наш бедный дом, где сразу произошли две драмы — уход Алиман и мои слезы по поводу плаща,— неожиданно нагрянул мой дядя по матери Кагазбай. Он возвращался из Нарынкола, куда ездил по каким-то делам на своей каурой кобылице, запряженной в маленькие легкие сани.

Увидев меня с опухшими от слез глазами, он спросил:

— Кто его обидел? Почему он плачет?

Отец рассказал ему, что случилось.

— Не плачь,— сказал Кагазбай,— собирайся, завтра я тебя увезу в Сумбе. Учиться будешь там. И одежда, и все найдется...

Я с радостью согласился.

Было начало весны. Снег уже подтаивал и оседал. Дорога до обеда была крепкой, как рог буйвола, а после обеда мягкой, как кошма. Дядя сказал, что выедем по твердой дороге на ночь и заверил, что к утру будем уже в Сумбе.

Дома мне сказали, чтобы в дорогу до Сумбе я все-таки надел ненавистный мне плащ. Но я наотрез отказался. Разве дядя Кагазбай не сказал, что найдет для меня другую одежду? Его обещание я запомнил и решил, что будет правильнее, если я приеду без верхней одежды. Не пошлет же меня дядя в школу в одной рубашке. Что-нибудь он все-таки придумает и найдет для меня. Что бы то ни было, но это все-таки будет получше проклятого плаща. Один бедняк говорил: «Лучше ходить голым, чем в порванных штанах». Я придерживался этого принципа.

У дяди Кагазбая оказалась большая желтая шуба. Он меня завернул в нее, положил поперек саней и сказал:

— Выспись хорошенько до Сумбе.

... Каурая кобыла потихоньку трусит, и сани легко скользят по вечерней дороге. Пузатая жеребая кобыла не может идти быстрее. На подъемах дядя Кагазбай расслабляет вожжи и пускает ее шагом.

Южная сторона дороги в некоторых местах почернела и открылась. Когда под полозья попадается черная земля, сани со скрежетом тормозят. В это время каурая замед-

ляет ход, ноги у нее подгибаются, и она тянет с трудом. Держа вожжи, дядя Кагазбай напряженно приподнимается, как бы стараясь помочь кобылице. И кажется, что с его помощью лошадь вытаскивает сани с черной проталины.

В детстве я был — ох и засоня! (эта привычка сохранилась у меня и по сей день). Едва я завернулся в шубу, меня тут же начал одолевать сон. Я скоро уснул. И вдруг кто-то говорит мне:

— Эй, Бектас! А, Бектас, вставай!

Я открыл глаза. Что за наваждение — лежу на сверкающей дороге под открытым небом. Оказывается, приключилась вот какая история: в пути был глубокий овраг под названием Терен-озек. Когда дядя стал выезжать из него, сани накренились, и я выкатился из саней. Выкатился, но не проснулся. Дядя ничего не заметил и продолжал ехать дальше. Через некоторое время он оборачивается и спрашивает:

— Бектас, ты не замерз?

Глядит, а сани пустые — не только меня, нет даже моей тени. Сердце у дяди Кагаза екнуло.

— Апырай! — воскликнул дядя.— Куда он мог деться? Чертом, что ли, взлетел?

Дядя Кагаз заворачивает лошадь назад. Меня он обнаружил на выезде из Терен-озека посреди дороги. Я мирно посапывал во сне.

— А если бы я не оглянулся,— сокрушается дядя,— ты так и остался бы здесь лежать. О, боже, какой же бывает крепкий сон у человека!

В Сумбе половина жителей были уйгуры, которые разводили домашнюю птицу. И вот, когда мы подъезжали к дядюшкиному дому, расположенному на краю поселка, петухи дружно оповестили о наступлении рассвета.

* * *

Семья у дяди была большая — восемь душ. Это дедушка Сембай и бабушка Бопке. Им обоим по семьдесят одному году. Затем их сын Кагазбай — ему сорок семь. Его жена Зауре. Она на два-три года моложе мужа. У дяди Кагазбая два сына: Касымжан и Рамазан. Рамазан — мой ровесник. Две моих двоюродных сестры Оралхан и Оразхан — тоже еще школьницы. И вот к этой прорве ртов, которые ничем нельзя прикрыть, прибавился еще девятый — мой. При этом рабочих рук в доме всего две па

ры — это дядюшка Кагазбай и его жена Зауре. Она слаба здоровьем и тяжелую работу выполнять не может. Когда утром бригадир кричит «выходите на работу», беспрекословно идет только один дядя Кагазбай — зимой и летом.

Один человек должен кормить девять душ. Девять здоровых ртов, готовых проглотить не только пищу, но и камни. Попробуй насытить их.

Одно из лучших качеств у казахов — не оставлять родственников в беде, они готовы отдать пищу ближнему даже в ущерб себе. В семье дядюшки никто не показывал виду, что я здесь лишний и со мной им будет тяжелее. Вполне естественно, что я пришел именно к ним, а не к чужим людям.

Дедушка Сембай — красивый, прямой, высокий, с рыжей бородой и несколько крутым характером — только понюхал меня в лоб. И все. Таким образом он выразил свою близость и теплое отношение ко мне. Мягкая по натуре, бабушка Бопке, увидев меня, расстроилась и готова была заплакать. Она расцеловала меня и тут же принялась причитать, вспоминая свою дочь Асбет — мою покойную мать.

Жена Кагазбая Зауре, степенная женщина среднего роста, давно побаливает, но несмотря на это, нарожала дядюшке кучу детей. Лицо ее, поклеванное оспой, покрыто морщинками; выглядит она старше своих лет. Она тоже целует меня, приговаривая:

— Дорогой Бекеш совсем стал джигитом.

О детях и говорить не приходится — они ошалели от радости. Особенно Рамазан. Узнав о том, что я приехал сюда учиться и мы с ним будем заниматься в одном классе, он радостно сказал мне:

— Будем сидеть вместе, за одной партой...

Но в этот первый день мы с ним не представляли себе, что в будущем нам предстоит не столько объятий, сколько раздоров и стычек.

* * *

Дядя Кагазбай — удивительный человек. Чужим людям он не помышляет сделать зла даже с игольное ушко, а для ближнего готов отрезать часть своего тела. Если бы в мире было побольше Кагазбаев, то люди со счастливыми улыбками творили бы только добро, на земле исчезли бы

страдания, несчастья, никто не ощущал бы своего сиротства и вдовства.

Ростом он не в отца — невысокий. В глазах и лице его постоянное выражение доброты, человечности и, казалось, нет границ этому теплому сиянию.

После утреннего чая, когда мы с Рамазаном начали собираться в школу, Кагазбай сказал своей жене:

— Зауре, ты свой бешмет отдай Бектасу. Ему не во что одеться. Не пойдет же он в школу в такой холод в одной рубашке.

Зауре отдала без слов.

Теплый бешмет на вате из серого материала. По сравнению с безобразным плащом — ничто. Я надел его.

— Затянись поясом, будет теплее,— сказал дядя Кагаз, и, отстегнув, протянул мне тонкий ремень. А талия у меня, как у муравья. В бешмет полной женщины я мог завернуться два раза. На ремне дядя Кагаз сделал новые дырочки специально для моей фигуры. И вот рядом с носатым и рослым Рамазаном я шагаю в незнакомую для меня школу.

Сумбе в нашей округе самое большое село. Это центральная усадьба четырех колхозов — «Красная граница», «Содружество», «Большевик» и «Образцовый».

«Большевик» — колхоз уйгурский, в остальных живут три здешних рода: в «Красной границе» — айт, в «Образцовом» — жанбаба, в «Содружестве» — кипчак. Настоящие потомки известного каракипчака Кобланды. По их рассказам, они пришли сюда из центральных казахских степей и осели здесь.

Все три рода пьют воду из одной реки и косят сено на одних и тех же лугах. Школа одна, магазин один и аульный совет — власть — один.

Уйгуры, не в пример казахам, хорошие земледельцы. Они строят неплохие землянки, из глины мастерят отличные пуговицы. У каждого дома есть свой садик, а на усадьбах они выращивают картошку, лук, морковь, тыкву, подсолнухи, капусту.

В казахских аулах, скажем, в нашем Костобе, этого нет. Здесь говорят: скот, скот, скот... Если нет скота — сидят, открыв голодные рты. И никому невдомек, что главная пища у них под ногами. Уйгуры копаются в земле и берут от нее все, что могут. Вот у них-то казахи Сумбе и начали учиться строить дома, обрабатывать землю, копать огороды, сажать сады, разводить птицу... Хлеба на-

учились выпекать в тандырах — на стенках глиняных очагов.

Здешняя семилетняя школа выстроена из кирпича и крыта добротной тесовой крышей. Окна широченные — как улицы. Такие окна я видел впервые. В аульных землянках обычно окна делают маленькие, чтобы зимой не проникал холод. Я удивился, как люди могут зимовать и переживать жестокие морозы с такими окнами. Вся школа построена из досок, и мне кажется, что она самая красивая и самая прочная в мире.

Для местных школьников появление нового человека — большое событие. И сегодня я был в центре внимания. Эх, как было бы здорово, если бы я появился одетый во все новое, с иголочки! Я тогда мог бы смотреть на всех свысока: «А ну, не подходи, а то запачкаешь». А такого, как я, они даже за человека, видимо, не считают. Так и пристали:

— А это еще кто такой?

— Откуда?

Даже у местной собаки — и то хвост трубой, а я себя чувствую чужаком, волнуюсь и жду, чем же все это кончится. Но все же вида не подаю. Я хорошо знаю, что если на их «а» не скажу «б», они надают подзатыльников. Всей своей фигурой выражая, что я видывал виды и похлеще, держу себя наготове.

На гордые вопросы даю гордые ответы: «Какое ваше дело, откуда я?»

Бритоголовый, серолицый мальчик, повыше меня ростом, вдруг уставился мне в глаза. Взгляд у него острый и сразу видно, что среди всех он самый бедовый. Экзаменуя меня, он твердо спросил:

— Скажи, сколько у нас вождей?

— Четыре,— отвечаю я.

— А кто и кто?

Я перечислил.

Вдруг он схватил меня за галстук. Я знал, что нужно сказать в таких случаях:

— Всегда готов! — выпалил я.

— Это что? — спросил бритоголовый, указывая на длинный конец моего галстука.

— Партия.

— А это?

— Комсомол.

— А это? — указал он на треугольный конец галстука.

— Пионер.

— А это? — указывает на узел галстука.

— Единство трех поколений...

Тогда пионеры свою политическую закалку проверяли друг у друга подобным образом. На заученные вопросы — заученные ответы. Бритоголовый разочарованно почесал затылок — ему все-таки не удалось дать мне подножку. Но он не сдавался и, подойдя ко мне вплотную, начал бесцеремонно разглядывать мои пуговицы. Я растерянно оглянулся на Рамазана, ища у него защиты, но он, долговязый, равнодушно стоит в стороне, как будто ничего не случилось. Я чувствую, что он побаивается бритоголового. Он даже не думает защищать меня и всем своим видом дает понять: лишь бы меня не трогали. А рост у него внушительный и фигура плотная. Эх, зачем они даны трусливому Рамазану, а не мне?

Неожиданно бритоголовый толкнул меня в грудь, и я, раскинув руки, упал навзничь, подвернув шею. Оказывается, по знаку бритоголового один из мальчишек подошел сзади и подсек под ноги. Я перелетел через него.

Все дружно смеялись, и никому не было дела до того, что я чуть не умер. Всем было интересно. Я почувствовал такое одиночество, которое трудно выразить словами, и готов был лопнуть от ярости. Если бы это случилось в нашем Костобе, я сумел бы постоять за себя и даже умер бы в борьбе с бритоголовым. А вот здесь, среди незнакомых ребят, у меня такой храбрости не оказалось. Все эти школьники чувствовали за собой родные стены. Я был подавлен, стоял, стыдясь слез, и еле сдерживался, чтобы не зареветь в голос.

* * *

Если всех моих родичей считать солдатами, то дедушка Сембай был для них главнокомандующим. Все в доме делалось под его началом. Этот авторитет он завоевал далеко не белоснежной бородой. Если говорить правду, он-то, дедушка, и являлся главным кормильцем в доме, в этой большой семье Кагазбая. Он — умный организатор дома, у него богатый жизненный опыт, он заранее мог предчувствовать возможную беду и скорую радость. Благополучие дома на его плечах. Ему уже за семьдесят, но держится он прямо, силой не уступит молодому джигиту. Это трудолюбивый хозяин. Кроме кобылы, у них была еще пестрая корова со сломанными рогами. Ухаживает

за ними и добывает корм дедушка Сембай. Каждый год и кобыла и корова приносят приплод. Ждут потомства и сейчас.

Дедушка держит целый сарай птиц и кроликов. Землянку, в которой обитали черно-серые кролики, они превратили в сплошные норы. Они то и дело входят и выходят из этих нор и совсем не боятся людей. Навострив уши, кролик может стоять на расстоянии метра и доверчиво смотреть на тебя своими влажными глазами.

Все мужчины и женщины дома носят малахаи из черно-серых шкурок. Они мягкие и теплые. Я с завистью думаю о том, когда у меня будет такой же малахай. Перед домом есть небольшой огород, где выращивается картофель и осенняя трава. Ухаживает за огородом дедушка. Когда я приехал к ним, у них была половина кладовки картофеля. Картофельные супы стали привычной пищей для детей. А если добавить в него немного муки, то суп становится еще вкуснее.

Куры дают целый короб яиц. Дедушка собирает яйца, складывает в ящик с отрубями, а затем сдает в магазин — по пяти копеек за штуку. А иначе где же взять деньги, чтобы купить в местном магазине чай, материал, одежду?

У дедушки Сембая птичий сон — он просыпается раньше всех и тут же принимается за хозяйство: кормит кур, кроликов, кобылу, корову. Потом со двора слышится его голос — он начинает будить свою старуху.

— Бопке! Эй, Бопке! Вставай!

Эти слова адресованы только бабушке, но просыпаемся мы все, потому что спим в одной комнате. В доме только одна двуспальная деревянная кровать, на которой спят дядюшка Кагазбай и Зауре. Все остальные спят вповалку на полу.

Бабушка, хотя и слышит окрик деда, но встает не сразу, лежит без движения, как будто ничего не случилось. Через некоторое время дедушка кричит снова, на этот раз уже более строго:

— Эй, Бопке! Ты встанешь или нет? Корову надо отправить в стадо.

Бабушка уже знает, что он ей все равно не даст покоя, встает с ворчанием:

— Раскричался ни свет ни заря! Чтоб тебе челюсти свело, старик!

Вообще дедушка смотрит на женщин как на неполноценных. Особенно это сказывается у него по отношению

к своей старухе. Если бабушка не встает после первых двух-трех окриков, он ставит метлу у стены и заходит в дом. Стоя над рваным одеялом, под которым в горсть съежилась бабушка, он свирепствует:

— Эй, она все еще лежит? Чтобы ей скорчиться, как перед светопреставлением. Эй, Бопке, ты жива?

Язык у дедушки как острие копья.

Трудная жизнь научила его быть бережливым. Если он идет по улице и увидит на дороге гвоздь, то не перешагнет через него. Если в степи увидит щепку, принесет домой. Даже когда мы утром умываемся, сильно намыливая руки, и тут же смываем пену, дедушка начинает ругаться:

— Эй вы, безголовые! Чего вы так мылитесь? Вон всю пену зря водой смыло!

Глядя на дедушку, мы стараемся экономить во всем.

В Сумбе не хватает дров, поэтому дома отопляются в основном кураем, соломой и кизяком. Срубленные ели привозят с гор только те, у кого есть такая возможность. Воду для чая сначала кипятят в казане, а потом уже заливают самовар. Низкий обеденный стол здесь по-уйгурски называют «жозы».

И вот мы рассаживаемся за столом, и все девять ртов дружно набрасываемся на пищу. В том, как мы рассаживаемся за столом, тоже есть своеобразный порядок. Во главе стола сидит дедушка. Рядом с ним примащиваются Касымхан, Рамазан и я. Дальше — дядюшка Кагаз и Зауре. Между бабушкой и Зауре сверкает медный самовар. Сработанный тульскими мастерами еще в прошлом веке, он и сейчас с помятыми боками продолжает надежно служить людям. Этот строгий порядок за столом никто не смеет нарушить.

Хлеб здесь выпекают в тандыре, а испеченный держится в сундуке, для красоты обитом полосками жести. Сундук закрывается на внутренний замок. Нет, нет, вы, пожалуйста, и не пробуйте открыть его гвоздем. Мы с Рамазаном уже делали такую попытку. Ничего из этого не вышло. Замок этот сделан одновременно с сундуком и ни один ключ на земле не подходит к нему. Ни один гвоздь не разгадает его секретов. Так что не пытайтесь — только зря можете исковеркать замок.

Ключ от сундука большой, поразительно бугристый, с удивительными выемками. Заполучить этот ключ все равно, что заполучить красивую фею из волшебных сказок. Для этого вы должны отрезать единственную

и высокочтимую косу тетушки Зауре. Хотел бы я посмотреть, как вы это сделаете. Заветный ключ хранит при себе только тетушка Зауре. Веревочку от ключа она вплетает в косу и завязывает на конце, а сам конец вместе с ключом кладет в карман бешмета. Теперь, если у тебя хватит смелости и изобретательности, попробуй завладеть ключом.

Когда дастархан уже накрыт и начинается чаепитие, Зауре подходит к сундуку, вкладывает изумительный ключ в замочную скважину и с музыкальным звоном «дзи-инь» открывает заветную крышку. На столе появляются две, а иногда и три булочки хлеба. Когда на столе всего две булочки, к ним добавляется еще тарелка талкана.

И крышка сундука снова наглухо закрывается. Без приказа главнокомандующего мы не начинаем атаку на хлеб — нельзя.

Острым ножом с роговой ручкой дедушка принимается тонко и почтительно нарезать хлеб. Мы жадно следим за всей этой процедурой, глотая слюни. Дастархан наполняется хлебом — две небольшие булочки превращаются в большое количество мелко нарезанных кусочков хлеба. От этого он кажется еще сытнее.

Если бы хлеб был нарезан большими кусками, то стоило бы к нему протянуться девяти рукам, и его тут же не стало бы. Но в том, что хлеб нарезан экономно и мелко, есть свой резон. И дедушка об этом хорошо знает: он поровну раскладывает хлеб по столу и затем уже берет один ломтик и кладет его в рот. Это уже является для нас командой. И девять пар рук, девять ртов бросаются в бой. Девять кусков хлеба исчезают моментально. И пока руки старших успевают протянуться к дастархану один раз, мы уже делаем второй заход.

— Осторожно! Осторожно! — говорит дедушка и грозно посматривает на нас.— Или за вами кто гонится?

Скоро, словно после пожара, мальчишья сторона дастархана оказывается оголенной. Наши бессовестные руки протягиваются дальше и начинают теснить другую сторону.

— Хватит! Теперь ешьте талкан! — звучит приказ дедушки.

Иногда талкана на столе не бывает вовсе, тогда дядя Кагаз, видя наши голодные взоры, говорит:

— Зауре, у тебя есть еще хлеб? Принеси, дети не наелись.

— Сегодня хлеба не буду печь,— отвечает тетушка,—

осталось совсем немного. А что они будут есть в обед и вечером?

— Принеси. Пусть пойдут в школу сытыми. А вечером и затируху поедят.

Великодушного Кагазбая мы обожаем.

Электричества тогда у нас и в помине не было — здешним жителям оно даже и не снилось. Мои родные почему-то считали, что стекольная лампа забирает много керосину, поэтому пользовались бутылочной лампой. К обычной поллитровой бутылке приспосабливали сверху крышку от фарфорового чайника. Фитиль скручивали из ваты. Вот вам и лампа.

В магазине вата не продается, но зато у всех была ватная одежда. Дырки в этой одежде могли отыскать без труда. Они открывают свои серые пасти, бросаются в глаза, как бы говорят: возьмите вату у меня.

Керосин тоже дефицит и его достать нелегко. Люди почти всегда обращаются друг к другу:

— Нет ли у вас ложки керосина? Остались в темноте.

Мои родственники не словоохотливы. Вечерами им не до посиделок, не до сказок. Да и времени для этого нет. После ужина все укладываются спать.

— А ну-ка, пошевеливайтесь. Ложитесь. Керосин кончается,— торопит дедушка.

Хочешь ты спать или не хочешь, а ложиться надо. Можешь даже не спать, лежать с открытыми глазами, но керосин в лампе надо экономить. Если ты долго будешь лежать в постели, с тобой ничего не случится, пролежней не будет, а вот если лампа долго горит, керосин кончится и завтра снова надо будет бежать к соседям одалживаться.

Вся беда бутылочной лампы в том, что в ней видно, сколько осталось керосина. Когда фитиль до него уже не достает, в бутылку доливается вода. Закон физики срабатывает безотказно — вода погружается на дно и гонит керосин наверх.

Вот его уже осталось в один палец.

В полпальца.

С ребро ножа.

Ну как тут дедушке не возмущаться!

— Ложитесь! — командует он.— Ложитесь! Разве не видите, что лампа сейчас потухнет.

Я уже раньше говорил, кому принадлежит кровать и кто на ней спит. Всем остальным постель стелется на земле. На полу белая кошма длиной не больше трех и

шириной не больше двух метров. На день ее сворачивают рулоном и откладывают в сторону, а вечером расстилают. Два рваных одеяла кладут на кошму и два таких же рваных набрасывают сверху. Постель готова.

Под голову каждый кладет то, что он носит на себе днем, всю одежду. У самого окна с краю спит дедушка, рядом с ним — бабушка, потом по ранжиру — Оралхан, Касымхан, Рамазан и я. Человеческие тела, как пальцы рук, уменьшаясь, кончаются у самой кровати дяди Кагаза.

Мы, трое мальчишек, лежим под одним одеялом, нижний конец которого совсем обветшал. А что могли мы тогда знать о простынях? Да и не грешно ли в белоснежные простыни заворачивать тела, которые ни летом, ни зимой не видели бани.

Дедушка никогда не пропускает все пять времен намаза. В дни казахской пасхи — уразы соблюдает пост и громко провозглашает утренние молитвы.

Религиозные праздники дед по возможности проводит торжественно. У него есть праздничная одежда, которую он надевает в особых случаях. Это черная шапка, сшитая из шкуры жеребенка, новый чекмень и широкий ремень, инкрустированный серебром. В будни все эти вещи висят в почетном углу на столбе. Время от времени дедушка выносит их на улицу, вытряхивает и проветривает.

Дедушка больше озабочен о том свете, чем об этом. Он считает, что не сегодня-завтра может отойти в сады аллаха, и хотя в этом мире он ходил в лохмотьях, на тот свет должен заявиться не в рванье, а в более или менее приличном виде. Он говорит, что все эти вещи после его смерти пусть заберет себе тот, кто обмоет его. Поэтому на эти вещи он не дает сесть даже пылинке и бережет их как зеницу ока. Дед не хочет, чтобы люди, которые придут провожать его в последний путь, сказали потом:

— Ох, бедняга! У него даже не в чем было выйти...

* * *

У бабушки Бопке тоже есть своя особая драгоценная черточка. Всю работу по дому, когда нет Зауре, выполняет она. С утра до вечера даже не присядет. Видимо, природа, когда создавала бабушку, была в улыбчивом, хорошем настроении, и Бопке пришла в этот мир, как яркий солнечный день. Это простая, открытая женщина, и все, что у нее на душе, она выкладывает сразу.

С приходом весны Кагазбай и Зауре почти не бывают

дома, они все время работают на пашне Ушты, что в семи километрах от поселка. До глубокой осени они находятся там. Следит за домом и ухаживает за нами в этот период семидесятилетняя бабушка Бопке. Ее мы называем мамой. Утром, напоив нас чаем, она берет мешок и уходит в поле собирать кизяк. Она обойдет все луга, где обычно пасется скот, и к обеду возвращается с мешком кизяка. Напоив нас обеденным чаем, она берет серп и аркан и снова уходит далеко в степь, чтобы принести кураю или чия.

Мы лезем на крышу и смотрим в ту сторону, откуда должна появиться мама. Но ее пока не видно, со стороны степи медленно движется большая копна курая. Затем мы начинаем замечать, что под копной семенят чьи-то ноги. Курай движется прямо к нашему дому. Когда курай уже совсем близко, мы замечаем голову женщины, согнутой под тяжестью груза до самой земли. Это моя бабушка, неутомимая бабушка Бопке. Всю эту гору курая она навьючила на себя. Дойдя до дома, она валится на спину вместе с грузом. Лежа, бабушка глубоко вздыхает и сбрасывает с головы кимешек, словно освобождаясь от всех жизненных мучений. Пот с нее льет ручьями, и вечерний прохладный ветерок охлаждает ей голову. Упираясь спиной в курай, она развязывает узлы веревки и наконец приходит в себя.

Так здесь заготавливают топливо на зиму. И мы потом бросаем в огонь не курай, а пот мамы Бопке — женщины, которая презирает старость.

Когда ей нечем заняться, она не знает, куда девать руки. Присядет на минуту и вдруг спохватится, вспомнит о Кагазбае и Зауре. Как они там поживают в Ушты? Узнать бы надо. Отнесу-ка я им сливок для чая. Прошлый раз, когда Кагазбай приходил домой, он жаловался на зубы. Все ли еще болят? И бабушка отправляется за семь километров в Ушты.

— Вернусь, наверное, к вечеру, к приходу скота,— говорит она.

Для нее ничего не стоит сходить туда и обратно, словно к соседям забежать.

Свое слово мама сдерживает — возвращается точно к приходу скота с поля. И на этот раз она появляется не с пустыми руками. По дороге собирает сухие лепешки навоза и приносит полный подол кизяка. Если ей по пути попадается сломанная досточка, прихватит и ее.

Я никогда не слышал, чтобы мама жаловалась на боль

или недомогание. До самой ее смерти не видел, чтобы она пила лекарство. Бопке не знала, что такое отдых, и мало заботилась о себе. Она ушла из жизни в 1953 году в возрасте восьмидесяти девяти лет. Это была неутомимая, стальная женщина.

Был у мамаши Бопке и один-единственный недостаток — она любила ходить по гостям. Стоило ей немного освободиться от домашней работы, она тут же отправлялась к соседям. На длинной улице аула ее можно было встретить то в одном, то в другом доме.

Но и по гостям она не ходит без дела. Как будто у нее мало работы дома, бабушка старается помогать и другим людям. Одним она крутит нитки и для этого приносит шерсть, у других забирает рваный мешок, чтобы починить его. У третьих берет засохшую кожу и потом долго мучается, стараясь выделать ее.

В другой раз мама теряется из дому надолго, до самого вечера, а когда выйдешь искать ее, то найдешь у кого-нибудь из соседей, где она помогает стегать одеяло.

Из гостей, где она работала, мама никогда не возвращается с пустыми руками. Она всегда приносит подарки — хлеб, баурсаки, конфеты, сахар. Все это она складывает в бездонные карманы своего бешмета или завязывает в уголок платка. Иногда приносит тарелку муки или кусок мяса и потом варит нам вкусную лапшу.

Мы, дети, стыдились подобного маминого промысла, особенно уже повзрослевший и ставший джигитом Касымхан.

— Ну что ты, мама, как нищая? — говорил он.— Стыдно же. Когда ты прекратишь хождение по соседям?..

Но мама не хочет отступать:

— Я не нищая. Я же у них ничего не прошу. Сами дают.

— А ты не бери.

— Как же так, не бери? Я что, за так должна чесать шерсть на целый чекмень?

— А ты ничего не делай. Сиди дома. Что, тебе мало работы дома?

— А я не спрашиваю, есть ли у них работа. Сами упрашивают: милая Бопке, помоги сделать то-то.

— А ты не делай. Пусть хоть умрут.

— Хорошо, больше не буду,— говорит бабушка Бопке и ровно через пять минут забывает о своем обещании.

Пока мы таким образом выговариваем бабушке Бопке,

сами тем временем выворачиваем ее карманы. Все, что она принесла, мы тут же поедаем. Глядя на нас, бабушка Бопке приговаривает:

— Что, вам стало хуже от того, что я подработала у людей! Вот и червячка заморили...

Каждый день в ауле происходят самые разнообразные события: одни выдают замуж дочь, у другого жена рожает, кто-нибудь подавился чужим куском и сел за решетку, одного укусила собака, второй избил жену. Бопке в курсе всех происшествий, и все последние новости мы узнаем от нее.

— Этого Нурбека вчера укусила собака. Пойду узнаю, как он себя чувствует,— говорит она и уходит.

А по возвращении докладывает:

— Собака Нурбека не кусала. Она укусила его сына, хулигана Жумабека. Вот на этом месте, на голени, она вырвала целый кусок мяса.

И бабушка, отвернув длинную штанину, точно показывает на своей ноге, в каком месте укусила собака.

* * *

Лучшую пищу казахи едят вечером. К этому времени у моих родичей обычно варится большой казан лапши. О, лапша, приготовленная бабушкой Бопке! Особенная, нет ее вкуснее! Ни в одном ресторане мира вы не найдете такой лапши!

На кухне в черном казане булькает вода. Бабушка берет из тарелки горсть соли и, прикинув взглядом (этого достаточно), бросает в котел. А чтобы лапша была еще вкуснее, она туда же бросает кусок бараньего сала. Готовя лапшу, бабушка никогда не просеивает муку. Во-первых, она убеждена, что от этого мука уменьшится. Тесто раскатывает толстой, как шкура верблюда, лепешкой, поэтому каждая лапшинка у нее получается толщиной в палец. Мелко нарезать она не может — во-первых, она всегда торопится, во-вторых, глаза уже не видят как следует. Вместо лапши можно обрезать себе и палец. А кто потом будет доить корову, таскать курай? Приготовленную лапшу бабушка не просеивает, не отделяет одну лапшинку от другой, а бросает ее в котел комом. Лапша толстая, как нарезанные палки. Попав в кипяток, она склеивается кусками.

В лапшу добавляется и картошка. Если мы не доглядим, бабушка готова бросить картофель в казан вместе с кожурой. Картофелины разрезаны на две половинки.

После этого, как лапша уже готова, на скатерти остается мука.

— Будет вкуснее,— убежденно говорит бабушка и ссыпает ее тоже в казан.

Когда в котле перестает булькать, лапша готова. Снимается крышка, и кухню окутывает такой густой пар, что мы не видим даже бабушку. Только слышим, как она переливает лапшу из казана в ведро.

И вот вокруг деревянного столика сидят снова девять жадных ртов. У каждого своя посуда — у одного тарелка, у другого большая кесушка, у третьего деревянная чашка... Большим черпаком бабушка разливает лапшу. Лапша эта вовсе не лапша. И не каша даже. Когда в нее погружаешь ложку, она стоит торчком, не падает. Но зато в смысле сытности она превосходит любую пищу.

Теперь, пожалуйста, хлебай. Не наешься — бабушка нальет еще. Только будь осторожен, не обожгись! Не думай, что картошка внутри такая же прохладная, как и снаружи. Комки прокипяченного теста тоже не так быстро остывают. Если они прилипнут к деснам, то обязательно будут волдыри.

Когда от пуза наедаемся лапши бабушки Бопке, мы начинаем пить. Ведро с водой, которое стоит на кухне, в этот момент не знает покоя. Мы то и дело ныряем в него железной кружкой. Благо, речка Белтоган протекает как раз возле нашего дома, так что вода дешевая. Пей хоть ведрами — никто не скажет ни слова.

* * *

С тех пор, как я стал жить в Сумбе, настроение мое поднялось. Я почувствовал себя дома. В школе я учусь хорошо и, если сказать правду, мне совсем не хочется в Костобе. С какой радости мне туда ехать?

Мы с Рамазаном не разлучаемся ни днем, ни ночью. В школу идем вместе, играем и спим вместе, легко миримся и так же легко ссоримся. По любому пустяку мы превращаемся в молодых петушков, но не проходит и получаса, как мы уже начинаем обниматься.

Я хитрее Рамазана и быстрее его. Его легко можно провести, и он настолько простодушен, что уже потом узнает об обмане и начинает злиться.

У меня силы поменьше, но я не поддаюсь ему. Я владею различными приемами хитрости, чего не достает Рамазану. На лужайке возле дома мы начинаем бороться. Сначала он побеждает меня, но вот я изловчился, применил свой хитрый прием и — победа на моей стороне. Мы бегаем, прыгаем в высоту и длину. В таких случаях обычно побеждаю я.

У меня острый язык и я умею больно жалить. Я называю его косоротым (оно так и есть, он действительно косорот). Он сердится и в ответ называет меня коротышкой. Теперь моя очередь злиться — я по-настоящему завидую ему. И почему я не родился таким же рослым?

Бывают дни, когда мы с ним деремся по нескольку раз. Поводы для этого самые пустяковые. Скажем, я его поборол. Но я не останавливаюсь на этом. Я начинаю ехидничать, перешагиваю через него и говорю:

— Твоя сила мне.

В среде ребят это нехорошая примета. Теперь вся сила Рамазана должна перейти ко мне, и он останется бессильным.

Рамазан приходит в ярость:

— Верни мне силу! — кричит он.— Когда я поборол тебя, то не перешагивал через твою голову!

Я не возвращаю.

Для того, чтобы вернуть ему силу, я должен наклонить голову, а он перешагнуть через нее. Но разве я пойду на это?

— Верни, собачий сын!

Я готов спокойно встретить любую дерзость Рамазана, но силу ему не возвращаю.

После этого мы начинаем драться. В нашей драке звучат самые непристойные слова об отце, матери, предках. Трещат рукава, воротники. Мы разозлены, как драчливые петухи, но не поддаемся друг другу.

Вдруг нашу потасовку замечает Касымхан.

— О, собачьи дети! Чего вам не хватает?!.

Касымхан подбегает к нам и тяжелыми, как молот, кулаками начинает безжалостно дубасить нас по затылкам. У нас потом еще долго болят все те места, куда пришлись удары Касымхана.

Мы с Рамазаном мечтаем стать красноармейцами. Только бы поскорее окончить школу и вырасти!

Рамазан меня заводит:

— Тебя в армию не возьмут. Маленький.

— Тебя скорее не возьмут, ни на что не способен. А если даже и возьмут, то в крайнем случае сделают поваром,— парирую я,— а вот я буду командиром.

— Чего не хватало, коротышка!

В споре за звание командира мы снова затеваем драку...

* * *

Кумыс является одним из любимейших напитков казахов.

Весной, когда земля покрылась зеленью, каурая кобыла ожеребилась. Она принесла такого же симпатичного каурого жеребенка. Дедушка стал делать кумыс.

В то время вокруг аула каждая низинка, берега арыков утопают в высокой сочной траве. Дедушка ощупывает кобылу и пускает ее возле дома, а жеребенка держит в сарае, подложив ему свежей травы.

Кобыла доится по шести-семи раз. Через каждые два-три часа дедушка подсаживается к кобыле и начинает доить. Он надаивает половину ведра, добавляет в него коровьего молока и получает почти полное ведро кумыса.

Наутро, как правило, дедушка встает раньше всех, умывается и выпивает натощак большую деревянную чашку шипящего, как шампанское, напитка. С удовольствием отрыгивает.

Отведать кумыса от единственной кобылицы приходит немало соседей. В основном это старики, друзья деда. Еще до их прихода дедушка успевает разлить кумыс в разную посуду. Старики уходят не с пустыми руками — им тоже перепадает.

Преклоняюсь перед тобой, целительный напиток! Если насыпать в чашку кумыса талкана и выпить — то уже никакой другой пищи не надо. Целый день потом ходишь сытым, раскрасневшимся и разморенным.

У человека, всегда употребляющего кумыс, и цвет лица другой и огонек в глазах.

У дедушки есть звонкий и округлый, как баранья голова, кожаный турсук. Кумыс для себя он держит в этом турсуке, пряча под кроватью. Только этот кумыс служит для него пищей и напитком в течение всего дня.

Но кумыс из турсука дедушке выпить одному не уда-

ется. Мы с Рамазаном обычно возвращаемся из школы голодными. В доме пусто, дверь открыта. Ничего готового поесть мы не находим. И тут, пользуясь тем, что дома никого нет, мы решаем тайком выпить кумыс из турсука. У нас уже раньше был такой опыт — наши нечистые руки уже не один раз ныряли под кровать.

— Сначала я попью, а ты посмотри в окно,— говорю я Рамазану.

— Хорошо.

Я знаю, где стоит турсук. Быстро достаю его из-под кровати, поболтаю и осторожно отпиваю. Если много выпить — дед узнает.

Теперь очередь за Рамазаном. Я стою на страже.

Трусливый Рамазан только берет в руки турсук, как испуганно озирается. Вот он уже начал было пить, как вдруг у меня появляется озорная мысль и я кричу:

— Дедушка идет!

Душа Рамазана уходит в пятки. Набрав полный рот кумыса, он не успел его проглотить, задохнулся, закашлялся. Кумыс брызнул у него изо рта и из носа и окатил грудь. Рамазан настолько перетрусил, что не может поставить турсук на место.

Я умираю со смеху.

Вдруг вижу, в дом действительно входит дедушка. У меня глаза лезут на лоб, и я моментально — на улице. Рамазан замешкался и остался в комнате.

Я стою и жду Рамазана. Представляю, как он себя чувствует, будучи пойманным на месте преступления. Но его все еще нет. Через некоторое время в комнате слышится визг плачущего Рамазана. Наконец он выходит сам, держась обеими руками за уши. Дедушка, когда сердился, драл нас за уши.

Как хорошо, что я не попался!

* * *

«Дорогие, почитаемые выше моего сердца, луноликие и золотолицые, брат мой Сатылган, отец мой Идрис, дядя Смагул и братишка Турдыбек! Надеюсь, что все вы в полном здравии поживаете в широких степях Текеса, дышите его живительным воздухом. Я тоже живу благополучно, жив, здоров, с честью несу свою ученическую вахту и здесь, среди живительной природы Сумбе, не отстаю от своих сверстников. Все родственники живы и здоро-

вы — и дедушка, и бабушка. Дядя Кагазбай и тетя Зауре работают в Уште.

Учусь я хорошо, в школу хожу в бешмете тети Зауре. Рубашка у меня совсем износилась. Бабушка ее каждый день штопает, и она рвется тоже каждый день. Зад штанов тоже порвался. Мамаша заштопала его желтым материалом. Прошу вас, пришлите мне чернил и штук десять перьев, а также новую рубашку. Мне нужна книга по арифметике, а купить не на что — денег у меня нет. Если кто поедет в Сумбе, пошлите немного денег.

Письмо писал Бектас, 13 апреля 1935 г.».

Мое письмо, написанное на страничке тетрадного листка, сложенное треугольником, без всякой марки пойдет сначала в Костобе в Нарынколскую почту, потом, пройдя сортировку, все той же дорогой вернется снова в Костобе. Письмо увидит много разных мест, пройдет разные пути и наконец попадает в руки брата Сатылгана. Он его выкупит, потому что оно без марки. Расстояние от Сумбе до Костобе — полдня езды всаднику. По этой дороге все время ходят оказии, можно было бы переслать через кого-нибудь. И быстрее и марка не нужна. Но так я не хочу отправлять свое письмо. А для чего же тогда почта? Я впервые в жизни хочу воспользоваться ее услугами. Да и вообще, письмо, посланное по почте, более внушительно.

* * *

Продавец местной лавки, который хорошо меня знает, однажды встретил меня и сказал:

— Тебе брат прислал двадцать пять рублей. Идем, я отдам их тебе...

Мы с Рамазаном, услышав такую весть, чуть было не лишились рассудка. Не рубль, не два, а целых двадцать пять! Эти цифры, как огненный столб, светились у меня перед глазами. Ни Рамазан, ни я в жизни не имели таких денег. Задыхаясь от радости, мы, словно на крыльях, понеслись в дом продавца.

Неизвестно почему, продавец выдал нам все двадцать пять рублей мелочью. Спасибо, хоть не одной меди надавал, в основном — серебром. Деньги не уместились в две горсти. Как же я буду их носить? Ссыпал было в карман, тот тяжело провис. Я собрал все деньги в подол, и мы

с Рамазаном с раздувающимися от восторга ноздрями помчались домой.

— Сатылган Бектасу прислал двадцать пять рублей! — с порога закричал Рамазан.

— Правда? А ну, покажи,— с детской непосредственностью сказала бабушка Бопке.

— Вот! — позваниваю я монетами в кармане.

— Дай мне рублей шесть на чай.

Я кивнул головой и сказал:

— Я сам куплю книги и бумагу...

Я сажусь пересчитывать деньги — точно ли двадцать пять рублей. Рамазан хочет мне помочь, но я ему не позволяю.

И вот мы с Рамазаном идем в лавку. Высоко подняв нос, я рассказываю ребятам, что сегодня на земле нет человека богаче меня. При этом я показываю им горсть серебра, и это на них производит большое впечатление. Ребята окружают нас. Они смотрят на меня с завистью — еще бы, я настоящий хозяин такого капитала. Они сожалеют, что ссорились со мной и не жили в мире.

Когда мы дошли до лавки, нас уже сопровождала большая группа ребят. Когда казах покупает на базаре верблюда, десять человек ходят за ним, торгуются и почтительно несут его хурджун. В этом случае богачом, покупающим верблюда, был я.

— Что бы купить? — гордо осматриваю я полки в магазине, как будто в кармане у меня целая казна. Сопровождающие наперебой советуют мне: купи то, купи это. Я купил нужные мне книги, дневник, блокнот, линейку. Что бы еще купить?

— Возьми вон тот барабан,— советуют они.

— Складной нож.

— Купи пояс.

— Купи крем.

Все эти вещи, конечно, нужны мне. Если бы хватило денег, я закупил бы весь магазин.

Я купил килограмм сахара — думаю, по кусочку съедим сами, остальное понесу домой. Разве это будет по-человечески, если я не обрадую дедушку и бабушку,— ведь я сегодня такой богатый!

Купил зеркальце с пластмассовой окантовкой, вазелин в тюбике. Руки и ноги у меня давно потрескались — хорошо будет на ночь как следует намазаться.

Пересчитал деньги, оказывается, еще остаются. Что бы еще взять?

— Купи пояс! Будешь подпоясываться!..

Белый шелковый пояс с кисточками на концах — моя давнишняя мечта. Сейчас такие в моде, в них щеголяют молодые парни, подпоясываясь поверх белых рубашек.

На оставшиеся деньги я купил пояс и вместе с ребятами вышел из лавки. Богаче и счастливее меня сейчас не было человека во всем мире.

Посреди дороги останавливаюсь, ребята по очереди дотрагиваются до моих покупок. Самая ценная вещь для меня — это, конечно, белый шелковый пояс с кисточками. Я тут же подпоясываю им свой серый бешмет. Подражая модникам, я делаю узел с двумя свисающими на бок концами и спрашиваю:

— Ну как, идет?

— Здорово! — с восхищением говорит кто-то из советчиков.

— Разве таким ремнем подпоясывают бешмет? — с сомнением говорит второй.— Его надо носить поверх рубашки.

Но у меня пока нет сносной рубашки. Придется хранить пояс, пока у меня не появится хорошая рубашка.

— Не только поверх бешмета, но и поверх чапана можно носить этот пояс,— говорю я.— Если хочешь знать, он в десять раз прочнее ремня.

Это я говорю просто так, чтобы быть правым, а в душе мечтаю о другом. Во-первых, чтобы не сверкать бритой головой, надо отрастить волосы и зачесать их ровненько на одну сторону. И чтобы на брюках были стрелочки — как лезвия. На ногах сверкающие черные туфли, а на плечах белоснежная рубашка. Вот тогда бы я мог отпустить кисточки белого пояса и выйти на улицу.

Эх!

Одно есть, другого нет.

Пояс у меня теперь имеется, но нет ничего другого, что бы могло сочетаться с его великолепием.

Когда бедняк неожиданно разбогатеет, он становится щедрым. Сегодня я был щедрым и решил всех, кто сопровождал меня, одарить. Каждому на руки я выдавил из тюбика по кусочку вазелина — как отметину осеннего воробья.

Бедняжки, конечно, рады. Ведь руки у них и лица вечно растресканы, в цыпках, которые ноют, когда их касается вода.

Пусть радуются! Мое добро вернется ко мне, а если нет, то и так ладно.

Смазанные лица и руки ребят тут же засверкали. Оказывается, если смазать тело вазелином, он тут же размазывает грязь, и стоит провести рукой по лицу, на нем остаются следы пальцев.

— Эй ты, дурачок! — насмешливо встретил меня дедушка.— Где ты видел, чтобы шелковым поясом подпоясывали бешмет? Если хочешь подпоясаться, делай это поверх рубашки.

Сейчас стоят холодные дни и в рубашке ходить еще рано. Да и рубашка моя — далеко не рубашка, рвань из сорока заплат. Но ждать тепла и приличной рубашки я не могу. Все-таки утром пойду в школу, подпоясавшись шелковым поясом поверх бешмета. Пусть ребята посмотрят разок, а потом я его спрячу.

В школе меня сразу же окружили — одни восхищаются, другие поднимают на смех. Кто-то дернул меня за пояса и сказал насмешливо:

— Ты стал комиссаром.

— Похож на уполномоченного.

— Как прокурор.

А когда начался урок, кто-то из ребят сказал учителю важную последнюю новость:

— А у Бектаса шелковый пояс.

Наш учитель по имени Назар — человек мягкий и добрый. Он только слегка улыбнулся и промолчал.

Во время перемены, когда я вышел на улицу, меня окружили несколько человек во главе с тем самым бритоголовым Баймурзой. И чего это ко мне липнут? Я сердцем чувствую, что там, где он верховодит ребятами, жди скандала.

Уже на улице кто-то из ребят спросил меня:

— Эй, а где кисточки от твоего пояса?

Сердце мое екнуло, я тут же посмотрел на пояс, кисточек не было. Кто-то срезал их ножом, болтались одни куцые хвостики. Ребята смеются еще громче. Я задыхаюсь от гнева и говорю Баймурзе:

— Ты! Ты срезал кисти!

— Не мели ерунды! Обыщи!

Эх, мой бедный пояс! Да и сам я большой дурак. Зачем пришел в школу в поясе? Зачем не послушался деда и не спрятал пояс до теплых дней?

Когда закончились уроки, Баймурза вышел на улицу и, отойдя от меня подальше, крикнул:

— Ты видишь эти штучки?

И что-то подбросил вверх. Узнав кисточки моего пояса, я стал ругаться и бросился догонять Баймурзу, но, даже убегая, он все подбрасывал мои кисточки вверх. Я пригрозил ему:

— Подожди, завтра все расскажу дяде.

Но что, собственно, сделает дядя? Разве он может отрезанные кисточки приклеить к поясу?

Эх, пояс! Он так дорого мне стоил и так глупо пропал...

* * *

Третий класс мы с Рамазаном закончили с похвальными грамотами. Как раз к этому времени из Костобе пришла еще одна радостная весть: брат Сатылган женился. На этот раз он женился на молоденькой девушке — городской красавице Кулимбале. Брат и женился на ней на зависть другим джигитам-ротозеям, что давно уже табуном крутились вокруг нее.

Кулимбала выросла баловницей у своей бабушки и дедушки. Она была единственной дочерью у отца — полноватого черноволосого красавца, который пас овец.

Люди считали Кулимбалу красавицей. И Сатылган женился на ней.

На попутной арбе я вернулся в Костобе. В доме все вернулось на свои места — появилась новая постель, кое-что куплено заново. Тут же сидела молодая сноха и, оглядывая этот порядок, как бы говорила: вот что значит стать хозяйкой.

Брат мой в это время был уже бухгалтером в колхозе, отец и дядя Смагул — рядовыми колхозниками. Молодая не работала. Она и в девушках никогда не работала — бригадир не беспокоил городскую красавицу. Единственное занятие снохи — это ухаживать за собой. Она часами сидела перед зеркалом, расчесывая и заплетая свои косы. А когда ей было не лень, готовила чай своему мужу.

Во время летних каникул мы пропалываем поля. Больше делаем потраву этих полей, чем расчищаем их от сорняков.

В июле брата направили в Алма-Ату на трехмесячные курсы. Дома мы постоянно находимся с красавицей снохой.

Бригадиром у нас Базиль — сын Копекбая. Джигит

еще холост и обладает огромной силой. По утрам он обходит дома и направляет людей на работу. Наконец заходит и в наш дом.

— Есть кто дома? — спрашивает он. Его, конечно, интересует, дома ли отец и дядя Смагул. Узнав, что их нет дома, он спешивается, оставляет коня во дворе, а сам, могучий и высокий, согнувшись в три погибели, появляется в дверях.

— А ты почему не на работе? — спрашивает он меня. Я ссылаюсь на разные причины и чувствую, что Базиль задумал недоброе.

— А тебе, молодуха, тоже хватит сидеть дома. Пора и на работу,— говорит Базиль Кулимбале. Он делает вид, что говорит серьезно, но это так, для виду, лишь бы завязать разговор.

Кулимбала кокетливо спрашивает:

— И какую ты мне дашь работу?

— Возьми лопату и вместе с Марьям копай арык.

— У меня на это не хватит сил.

— Тогда расчищай ямы.

— А я не умру от пыли?

— Тогда иди на подборку сена.

— У меня от солнца болит голова.

— Тогда что же ты будешь делать? Такая молодая, здоровая,— говорит Базиль и пальцем тычет сноху в бок. Кулимбала только смеется.

— Ах, проклятый! Что он делает!

А бригадиру только этого и надо.

— А что, у тебя желчный пузырь лопнет? — говорит он и наступает на сноху. Как будто шутя, он то ущипнет ее, то обнимет, то повалит на постель и начинает щекотать. Меня они, видимо, не считают за человека.

Сноха, делая вид, что стесняется меня, тихо приговаривает:

— Парень, ты это брось!

Но в ее словах нет твердости. Ее «брось» звучит так, словно она просит ущипнуть ее еще разок.

Кулимбала знает, что ей не одолеть медвежьей силы Базиля, но чтобы не остаться в долгу, начинает щипать и бить его, что еще больше распаляет бригадира.

Мне двенадцать лет, но я все прекрасно понимаю и очень не люблю, когда к нам приходит Базиль. Как только он, подъехав к нашему дому, сходит со своей лошади, я начинаю ревновать свою молодую сноху и готов растерзать Базиля.

Днем бригадир у нас долго не задерживается. Играя, они переворачивают в доме все вверх дном, и он убирается восвояси. Но вечером, перед тем как нам лечь спать, он заявляется снова. На этот раз он приходит пешком. И при этом не кричит. Приходит и вкрадчиво говорит:

— Добрый вечер!

Сноха, как обычно, сидит за вышивкой, я читаю.

Осторожно закрыв спиной дверь, он спрашивает:

— Идрис и Смагул еще не пришли? Где они?

Но кому же лучше знать об этом, как не бригадиру? Базиль притворяется.

— Нет, еще не пришли,— отвечает сноха, не отрывая взгляда от вышивки.

— Так ты, молодуха, днем и ночью только и занята шитьем,— начинает бригадир,— а на колхозную работу когда пойдешь? Вот погоди, вернется твой муж!

Он бесцеремонно проходит в комнату, садится рядом со снохой на кровать, сетка которой прогибается под его могучим телом, и начинает свертывать огромную самокрутку. Комната наполняется густым, противным махорочным дымом.

Сноха, как бы сочувствуя мне, говорит:

— Если ты устал, ложись, поспи...

Но разве я усну, пока здесь сидит противный красноглазый Базиль.

Наконец он встает с кровати, как будто собирается уходить.

— Слушай, молодуха,— говорит он,— из любого дома так просто не уходят. Это дурная примета. Может быть, ты меня напоишь водой?

Сноха приносит из кухни кружку воды. Базиль выпивает наполовину, остальное выплескивает в лицо Кулимбалы и выбегает из дома.

— Ах ты, проклятый! — восклицает сноха.— Я тебя!

И бежит за ним.

Двери кухни и передней так и остаются открытыми.

Я жду и хочу, чтобы сноха поскорее вернулась. Меня всего знобит, как больного малярией.

Но сноха задерживается.

Я выбегаю на улицу: темно, не видно ни зги, те двое растворились в потемках, как в густых чернилах. Я прислушиваюсь, но нигде ничего не слышно. Меня начинает лихорадить.

Проходит некоторое время и появляется запыхавшаяся сноха.

— Этого проклятого сатану я гнала до самой середины улицы, но так и не догнала. Ну, подожди! Придешь еще завтра в наш дом!

После «погони» за Базилем, волосы и одежда моей снохи еще более растрепались. К спине ее пристали травинки и сор.

* * *

Все объединились в колхоз. О частной собственности нет даже речи. Все колхозное — земля, вода, скотина. В Костобе открылась лавка, в контору аульного совета провели телефон и все больше стало людей, выписывающих газеты и журналы. Среди неимущих колхозников разделили телок, коз и другую живность. Нам досталась приземистая телка. Если она, даст бог, отелится, у нас будет свое молоко и свой айран. Будет курт и масло.

Вся надежда казаха на животных. Одно присутствие скотины во дворе делает его уже сытым.

Этим летом в Костобе казахи начали впервые понимать, что такое оседлость, приобщаться к ней. Началось строительство нового поселка — точки.

— Тошка,— называли ее здесь.

Раньше между двумя аулами — Киикбай и Найза — была степь. Сейчас здесь возводят высокие двухквартирные дома из саманного кирпича. Это строительство и называлось «тошка».

Стены домов росли и их становилось все больше. Если их побелить, застеклить и покрыть крышами — это будут дворцы, во много раз лучше теперешних землянок. Все это и есть настоящий новый аул.

Мы, дети, радуемся этому, расхаживаем по комнатам готовых домов, разглядываем их и загадываем: кто где будет жить. Мы все решаем за старших.

Строительство «тошки» продолжалось все лето. Приехали шефы из соседних колхозов и буквально за два-три месяца выросло больше десяти домов. И вдруг однажды работы прекратились. Неизвестно почему, но строительство заглохло.

А потом пришла осень, миновала зима и снова наступила весна, а забытые новые дома так и остались без окон и без крыш. В них так никто и не поселился. На стены

домов, размытых дождями и разрушенных ветром, теперь - садились одни вороны, как укор за напрасный труд.

У меня до сих пор при одном воспоминании болит сердце за те осиротевшие дома, до сих пор я вижу, как люди вместо лошадей месили глину ногами, а потом, сгибаясь под тяжестью кирпичей, клали стены; и поныне слышу, как после обеденного перерыва голосистые бригадиры торопили людей: «Засиделись, вставайте!» Волы с высунутыми языками тащат волокуши, груженные соломой для самана.

И для чего все это?

Неужели для того, чтобы на этих стенах сидели галки и вороны?

Кстати, из тех заброшенных домов только один пригодился людям.

В Костобе в свое время появился пришлый многодетный человек по имени Ауганбай. У него совсем не было дома, и он обычно искал приюта у разных людей. К зиме Ауганбай своими силами достроил один из крайних просторных домов и вселился. Раньше он жил среди русских и знал, как это делается. Словом, самый высокий и самый красивый дом в Костобе стал домом Ауганбая.

А в каком месте расположен этот дом! В зеленой и чистой долине между двумя аулами. Когда кто-нибудь едет со стороны Нарынкола, то в первую очередь видит в Костобе сверкающий дом Ауганбая. Обычно самым приличным домом в ауле бывают школа или контора. Теперь приезжающие в Костобе начали путаться и, принимая дом Ауганбая за контору, подъезжали в первую очередь к нему.

И когда приближались, видели семейный огонек, играющих детей и несколько неряшливую жену хозяина.

— Ой, а где же контора? — спрашивал приезжий.

— Контора в том ауле!

Вскоре это начало раздражать детей Ауганбая. Завидев очередного путника, они бежали навстречу и кричали:

— Контора в том ауле!

* * *

Кажется, Базилю не нравится, что я днем и ночью сторожу свою сноху. Однажды он сказал мне:

— Поедешь на сенокос, будешь погонять лошадь.

Сенокос далеко от аула, и люди, работающие там,

днюют и ночуют на полевых станах. Базиль хочет меня отправить туда. Я ничего не могу возразить и наутро отправляюсь в поле.

На той стороне Текеса много зарослей, земля сырая и густая трава. Сенокосилки не могут здесь проходить свободно, поэтому траву здесь косят вручную, косами. Сено к месту скирдования свозят копнами, обвязав их веревками. На лошади сидит мальчик. Это я.

Теперь Кулимбала дома совершенно одна. Постоянно тревожась о ней, я плохо высыпаюсь ночами. Мне снятся плохие сны. Стоит только заснуть, как я уже вижу во сне Базиля. Он, дымя махоркой, подсаживается на кровать к снохе. Мне снится, что я нахожусь дома и только притворяюсь спящим, а сам отчетливо вижу все действия Базиля.

Вот он встает с кровати, задувает огонек в лампе, и все погружается в кромешную тьму. Кулимбала и Базиль начинают возиться на кровати. «Ой, проклятый, брось! Брось! Кто-нибудь зайдет!»

Я не выдерживаю и просыпаюсь от собственного крика. Люди, лежащие рядом со мной, тоже просыпаются.

Жылкыбай ворчит на меня:

— Что тебе приснилось! Душит тебя кто, что ли? Он совсем ненормальный.

Мое тревожное пробуждение каждый объясняет по-своему:

— Ему, наверное, мать снится,— говорят одни.

— Лежал неудобно, вот его и душит,— предполагают другие.

Иногда, просыпаясь, я начинаю плакать. Это беспокоит всех, многие не спят.

— Что случилось? Расскажи. Какие сны тебе снятся?

Я не могу ничего рассказать и только прошусь домой.

Правда и то, что мне часто снится мама.

Из-за этих переживаний я по-настоящему заболел. Если меня кто-нибудь обидит и я разволнуюсь, у меня поднимается температура. Голова раскалывается, лицо горит. Есть я не хочу, и белый свет мне не мил. Шума я не выношу и мечтаю только о покое и тишине. Повязав голову мокрой тряпкой, я лежу в постели. Иногда меня рвет. Я успокаиваюсь только, поспав несколько часов. Люди стали говорить:

— Мальчик серьезно болен.

Каждый день мы переходим на ту сторону Текеса,

чтобы пообедать у общего котла. Общий котел — это отдельная юрта, поставленная на бугре, где почти нет комаров. Пищу нам готовит жена Мухамедия — Кант. Утром и вечером чай. В обед иногда чай и похлебка. Изредка привозят мясо.

Однажды, как обычно, мы пошли на обеденный перерыв. И пешие, и на лошадях перебрались на ту сторону Текеса, чтобы сесть у общего котла.

Глядим, лес заполнен водой. Вот те на! Не с неба же эта вода! В июле в горах большое снеготаяние и талая вода вливается в Текес. Обычно смирный, он в эти дни разливается и становится бурным.

А день стоял особенно жаркий. Вот Текес и разгулялся. Цвет воды в нем изменился и стал красно-коричневым. Ну если в лесу такая вода, то через сам Текес не переправиться — бурные волны унесут и лошадь, и человека, как щепку.

Стоим и думаем, что же делать? Как добраться до общего котла? Мост далеко отсюда, внизу, около Костобе.

В бригаде нас четверо стогометателей и еще пять женщин, которые ставят копны.

— Давайте я принесу обед,— сказал я,— я смогу.

— Как ты переберешься?

— Переплыву.

Люди загалдели:

— Брось! С водой не шутят. Утонешь!

— Если хочешь погибнуть — иди!..

— Да нет, он не умрет. Разве вода Текеса — не арык, а Бектас не рыба...

— Пусть идет.

И я иду.

Долго еду бродом на лошади. Дальше становится глубже и плыть на уставшем коне опасно. Решаю его оставить. Привязываю всю одежду к седлу и остаюсь совершенно голый. В брюках не поплывешь, а трусов у меня никогда не было.

Воды в лесу по горло. Тихий Текес уже превратился в океан. Течение воды быстрее обычного и не хочет подчиняться моей воле.

А вот уже и берег. Я уцепился рукой за корень и вылез голый, как облупленное яичко. Метрах в ста от меня юрта — общий котел. Там тихо: все, кто работает на этой стороне реки, давно уже пообедали.

Стою и раздумываю: что же делать? Как я приду туда

голым средь бела дня? Не пойти тоже нельзя. Стремительно бегу в ту сторону в надежде, что там никого нет. Надо быстро войти в юрту и прикрыть себя чем придется. Дверь юрты опущена. Вокруг стоит тишина.

Вдруг дверь юрты распахнулась, из нее вышла Кант с чашкой в руке. Увидев бегущего к ней голого человека, она взвизгнула, полагая, что перед ней явился сам шайтан. Чаша с тестом выпала у нее из рук. У меня не было времени объясняться и, промчавшись мимо, шмыгнул в юрту. На стене висел чекмень Мухамедия. Завернувшись в него, я вышел на улицу. Вижу — Кант, мелькая белым платком, убегает куда-то в сторону.

— Кант! — кричу я.— Куда ты бежишь? Это же я!..

Кант остановилась, все еще не веря, что слышит мой голос. Наконец узнала меня и, держась руками за сердце, повернула назад.

— Чтоб тебе оспой заболеть,— сказала она, тяжело дыша,— выскочил откуда-то голый! Я думала, черт явился...

Я умирал со смеху.

Выпив пару чашек чаю, я почувствовал в себе новые силы. Теперь мне предстояло перевезти обед косарям на ту сторону. Кант дала мне большую лепешку, испеченную на стенке казана.

— Как ты ее понесешь?

— Дай какую-нибудь тряпку, я ее заверну и привяжу к спине.

У Кант оказалась большая красная скатерть, и она, поколебавшись, все-таки дала мне ее.

— Смотри, чтобы скатерть не уплыла, сам не утони.

До воды я шел в чекмене Мухамедия. Кант следила за мной издали. Я привязал скатерть к шее так, чтобы хлеб пришелся как раз на спину. Сбрасываю чекмень и бросаюсь в воду. Стараюсь плыть, высоко держа грудь над водой, чтобы не замочить хлеб.

Косари очень обрадовались хлебу и наговорили мне много лестных слов.

24

Осенью продолжать учебу в четвертом классе я снова поехал в Сумбе. Родственники мои жили уже в другом доме — они переехали. У них было множество кроликов, и вот они-то и доконали старую хатенку. Кролики

вырыли норы даже в стене дома, и однажды его обитатели проснулись в ужасе — в дом через эти норы хлынула вода.

В старой сырой мазанке стало невозможно жить.

После этого дедушка всем кроликам поотрубал головы и поклялся, что у него скорее глаза прорежутся на затылке, если он когда-нибудь будет держать в доме этих противных зверьков.

Нынешний дом моих родичей похож на прежний — такой же трехкомнатный и округлый, как хурджун.В одной комнате живут они сами, в соседней готовится пища, а в небольшой комнатушке с подслеповатым окошком держат различные вещи.

О, каких только вещей нет в этой комнатушке! Черный ячмень, пшеница, кизяк, курай, основа юрты, старые кошмы, старая сбруя и так далее. Всего перечислить невозможно. Лучше уж сами войдите сюда и посмотрите.

Вот этот маленький проем — дверь: осторожно, не ударьтесь головой, нагнитесь! Свет сюда попадает не через крохотное окошечко, а через эту дверь. Если главная наружная дверь закрыта, то здесь не видно ни зги, а если открыта, то здесь сумрачно, как сейчас.

Подождите, не отчаивайтесь. Вы ничего не видите, потому что ваши глаза еще не освоились с темнотой. Вот уже вы понемногу начинаете различать предметы. Видите, в углу лежит кизяк, рядом кучи курая. Все это собрала бабушка Бопке на зиму. А вон та куча — это вышеназванные принадлежности юрты. А вот в этом фанерном ящике хранится мука. Ящик поменьше полон отрубей — в них куриные яйца.

Остановитесь! Посмотрите наверх. Если вы продвинетесь дальше, то совершите оплошность, о которой будете сожалеть. Вот сюда, наверх посмотрите. Видите эти запыленные вещи, что засунуты во всевозможные выемки на перекрытиях из стволов деревьев и в тесноте развешаны на крючковатых сучьях? Все это нужные и очень необходимые вещи. Если даже они и не нужны, дедушка считает необходимым держать их здесь. Старая люлька, посеребренная часть старого седла, разинутая пасть изношенного ботинка, голенища бывших валенок, заржавленные щипцы для углей, сломанные косы, серп без ручки...

Нет, в этой комнатушке не только склад. Это скорее музей, где собраны старые вещи, которыми пользовались предки Сембая в прошлые века. Каждая вещь — как глаз прошлого. Спросите-ка:

— Дедушка, а вот эта люлька когда сделана?

— Она оставлена моим отцом,— ответил он.

В этой люльке баюкали потомков по меньшей мере трех поколений.

— А вот эта камча?

— Когда я был джигитом и ездил свататься к Бопке, то держал эту камчу в руках.

— А этот старый ремень?

— Это ремень моего отца. Ему его подарил на память тесть...

* * *

Каждый вечер мы, ребятишки, выходим встречать скотину, которая возвращается с пастбища. Мы встречаем коров — своих кормилиц — и пригоняем домой. Нашу пеструю корову мы обычно встречаем вдвоем с Рамазаном. Но один раз его со мной не было, он, кажется, приболел. Я взял тонкий прутик и пошел один.

Стадо пасется в овраге Сумбе. Сытые, с большими животами, коровы идут по обочине дороги. Молодые, соскучившись по телятам, нетерпеливо ревут тонкими голосами, давая знать о своем возвращении домой.

Наша пеструха держит себя с достоинством и без нужды не мычит. Мы издалека узнаем друг друга. Она словно понимает, что я пришел встречать ее, обгоняет меня. Разгребая босыми ногами пыль, я безмятежно иду за пеструхой. Куда идти и куда повернуть, корова знает сама.

По дороге к дому находится колхозная конюшня. Когда мы с пеструхой поравнялись с этой конюшней, оттуда с криками выскочили трое мальчиков, вооруженные деревянными ружьями и саблями. Один из них мой старый враг Баймурза. Они давно заметили меня и, затаившись, поджидали в засаде.

«Разбойники» преградили мне путь и окружили. Обнажив сабли, они наскакивают на меня грудью, задираются. Баймурза приказывает:

— Возвращайся назад!

— Зачем?

— Это наша улица. Ходи по своей улице!

Баймурза ищет причину, чтобы начать драку.

Джигита всегда терзает его честь. И хотя я один, но пытаюсь защищаться:

— Твой отец делал эту дорогу?

— Сказано — возвращайся, значит, возвращайся!

— Не вернусь!

Баймурза от слов переходит к делу. Он толкает меня в грудь, показывая силу. Я отвечаю ему тем же, пытаясь показать, как надо толкаться по-настоящему.

Быстро нагнувшись, я хватаю с земли камень величиной с кулак. Ага, теперь и я не с голыми руками. Если они начнут биться саблями, я, не раздумывая, пущу в ход свое оружие.

— Ну-ка, ударь! — говорит Баймурза, глядя на меня в упор, и подставляет грудь.

— Ты ударь!

— Нет, ударь ты!

— Если ты ударишь, ударю и я.

У драчуна Баймурзы были и удаль, и проворство. Я даже не заметил, как он схватил меня за руку, в которой зажат камень. Мы начинаем бороться. Баймурза и в кости шире, и сильнее. Рядом стоят два помощника, готовые по первому его приказу броситься на меня. Втроем они моментально свалили меня, и я оказался под ними. Один из них придавил мне ноги, а сам атаман верхом уселся мне на грудь.

Задыхаясь от злости, я барахтаюсь, выворачиваюсь, пытаюсь ногой пнуть Баймурзу в затылок. Хочу даже укусить его, если момент подвернется. Однако трое есть трое. Они придавили меня и не дают подняться. Баймурза придавил мне грудь и растянул по сторонам мои руки.

— Скажи: братец, прости. Проси прощения. Попросишь, я встану,— говорит он.

Но мне хоть голову отрежь, я никогда не буду просить прощения. Более того, я обзываю его самыми непристойными словами, какие только есть у меня в запасе. Бог не дал мне силы, но зато наградил ядовитым языком. Мой безжалостный язык сокрушает Баймурзу и его помощников. Баймурза со своей свитой еще больше распаляются.

— Найдите какую-нибудь веревку,— говорит он,— свяжем собачьему сыну руки и забросим его в яму.

Один из них бежит во двор и приносит веревку.

— Связывай, связывай... так твою мать,— говорю я в бешенстве,— все равно когда-нибудь отомщу.

Вокруг конюшни глубокие ямы, из которых раньше брали глину. Втроем они тащат меня туда.

Только что пестрая корова останавливалась и оглядывалась на нашу драку, но сейчас не видно и ее.

— Только попробуйте забросить и оставить одного,— говорю я.

— Давайте его не в яму, а прикроем лучше вот этим ящиком и оставим,— предлагает кто-то из них.

— Правильно.

— Тащи его сюда. Прикроем. Если не хватит сил выйти, пусть помучается.

У конюшни лежал тяжелый ящик из толстых досок. Этим ящиком они решили накрыть меня.

— Только прикрой, так твою мать!..

— Скажи: братец! Если скажешь, не прикроем.

Я готов умереть, но не покориться.

Баймурза уложил меня вниз лицом возле ящика и придавил коленом, чтобы я не шелохнулся. Его помощники приволокли ящик и накрыли меня им. И я оказался в положении человека, которого уложили в гроб. Носом в землю.

Я, как побежденный, унижен, победители празднуют победу. Они втроем залезли на ящик и начали исполнять танец дикарей. Им было приятно дразнить меня, лежащего под их ногами.

Неожиданно по доскам ящика застучал дождь. Три «разбойника» убежали, оставив меня одного. Если бы освободить руки, я бы приподнял ящик и вышел. Но этот сын собаки Баймурза безжалостно связал их крепким узлом. Веревка впилась в руки. Было очень больно, и, как я ни тужился, узел не поддавался.

Дождь пошел сильнее, гулко застучал по доскам ящика, и сквозь щели на меня потекла вода. Стараясь укрыться от струй, я забился в угол ящика и теперь лежу боком. В таком положении даже как будто удобнее.

Вот эта обида, наверное, никогда не забудется. Придет время — и я ему отомщу.

Дождь прошел. В стане моих противников нет никаких признаков жизни. Ребята, встречавшие стадо, давно уже разбрелись по домам, и вокруг стоит мертвая тишина. Крайние дома аула далеко. Кричи не кричи — все равно никто не услышит. Конюшня тоже пуста, рабочий скот в ней держат только зимой. Ждать освобождения сейчас я должен только от Баймурзы и его товарищей. Другого выхода нет.

А если они не придут, и мои родственники только завтра хватятся меня и кинутся искать?

Я готовлюсь стать героем. Если бы я родился в то

самое царское несправедливое время, думаю я, то обязательно стал бы революционером. Эти люди не боятся ни воды, ни огня. Годами они, закаленные, сидят в тюрьмах. Голодные, раздетые, они терпят унижение, но не сгибаются перед врагами, не падают на колени. Они никогда не меняют своих убеждений, плюют смерти в лицо, встречают ее с высоко поднятой головой.

Да, я очень сожалею, что родился не в то время. Родись я тогда, мое имя тоже осталось бы в истории. Ребята читали бы обо мне в книгах и удивлялись моим героическим делам. Качали бы головой:

— Какой стойкий человек!

— Мужественный!

— Выносливый!

— Я бы не выдержал пыток,— сказал бы кто-нибудь из них послабее.

Но мой дух живет среди молодежи и находит горячую поддержку. Я только улыбаюсь им со страниц книг.

В тот период у нас старшим пионервожатым был Атымтаев. Этот худощавый брюнет целиком отдавался работе и нам, ребятам, не давал покоя даже в неурочное время. В школу он приходил раньше всех, встречал нас, выстраивал на площадке и заставлял заниматься гимнастикой. А если опоздаешь и не придешь на урок, он ставит о виновнике вопрос на пионерском собрании. Что бы ни обсуждалось на собрании, он всегда начинал говорить о классовых битвах, об Октябрьской революции, о семнадцатом годе. Все сводилось к этому. Он обычно говорил нам:

— А если бы сейчас было царское время, то ты бы не учился, а пас байский скот. Почему ты этого не понимаешь? Почему опаздываешь на физзарядку? Это не оправдание, что проспал. В старое время тебя спозаранку послали бы пасти скот. Тогда бы узнал, что такое высыпаться...

— Скоро революция будет во всех странах, капитализм будет уничтожен на всей земле,— говорил Атымтаев,— революция не закончилась. Главная революция еще впереди! Та, всемирная, пролетарская.

Я тоже мечтаю принять в ней участие и внутренне готовлю себя к этому. И сейчас, лежа под ящиком, испытываю себя: могу ли я переносить трудности? Пусть это будет сырая царская тюрьма, но я батыр — революционер. А всякие там Баймурзы — мои каратели. Я никогда не

буду у них просить прощения, не буду им кланяться, если даже они сами освободят меня.

Я буду здесь лежать день, два, месяц. В душе я даже хочу, чтобы они не пришли и не освободили меня, потому что моя давнишняя мечта сбылась сегодня.

Чувствую, что уже становится темно. Вдруг послышались чьи-то шаги. Пришел Касымхан. О том, что я в западне, каратели рассказали сами. Ругая их на чем свет стоит, он освобождает меня из тюрьмы-ящика. Возможность испытать себя до конца на этот раз мне не представилась.

* * *

Мое терпение кончилось. Баймурза окончательно вывел меня из равновесия. Не он ли первый раз свалил меня навзничь и чуть не выбил мне мозги? В следующий раз он обрезал кисточки моего пояса, на который я истратил столько денег! И сегодня он проделал со мной эту унизительную штуку с ящиком.

Дальше терпеть все эти издевки нельзя. Я должен отомстить Баймурзе.

Не знаю, как у других, а у меня везде бывает кровный враг. В Костобе был Жанбосын, здесь нашелся Баймурза.

Я должен отомстить. Но как? Он никогда не выходит один, его постоянно окружают почитатели. Значит, и мне нужна свита.

Один соратник у меня уже есть — это Рамазан, но он трусоват. Я вспомнил еще одного товарища — Иргебая, который живет в соседнем доме. Его отец Жаппар — человек пожилой, кормится охотой, а мать так же, как и моя, ушла в мир иной.

У Иргебая две сестры. Старшая уже невеста. Весь дом держится на ней. Младшая мне ровесница. И хотя Иргебай моложе нас, учится только во втором классе, но на нашей улице нет мальчика хитрее и отважнее его. Он всегда готов подойти к человеку, задеть его и тут же начать дурачиться. И обязательно ужалит языком. А как он умеет ругаться! В этом деле во всем Сумбе у него нет соперника.

Семья Иргебая живет трудновато, потому что отец, Жаппар, ничем, кроме охоты, не занимается. У них в доме две комнаты, одна из них — кухня — без крыши. У них нет возможности покрыть ее. Стоит только пойти снегу или дождю, как в передней появляется непролазная грязь.

В этом случае они живут только в одной комнате, где обедают, спят, хранят продукты и топливо. Теленок от единственной коровы там же. И дом и скотный двор. Когда открываются двери, зловоние бьет вам в нос и не впускает в дом.

Иргебай живет именно в этом доме. Видимо, не умывается Иргебай по утрам. На его лице, руках, шее свободно можно было бы посадить картошку.

Одет Иргебай зимой и летом одинаково — на нем рубашка из мешковины и кожаные штаны. Шесть месяцев в году он ходит босиком. Когда он мчится с кем-нибудь наперегонки, то его кожаные штаны так оглушительно гремят, что встречные животные шарахаются.

В поисках скандала Иргебай, бывало, приходил к нам с Рамазаном. И не смущаясь тем, что мы старше, первым задирался до тех пор, пока мы вдвоем не поколачивали его. Будучи поверженным, лежа под нами, он начинал молить:

— Братишки, больше не буду...

А если его отпустишь, он успеет ударить тебя и убежать. Убегая, ругается на чем свет стоит. Вспомнит и отца твоего и мать. Обзовет косоротым, кривоскулым. «От ломтя отрезанная скула»,— добавляет он и нанизывает на свой язык такие ругательства, что никто не может стерпеть.

Мы бросаемся догонять Иргебая. Когда он бежит и вихляет, кожаные штаны спадают с него. Он их держит обеими руками. А если догонишь его, он увертывается, как лиса, и не дается в руки. И вдруг падает на землю, как брошенный малахай, и кричит во весь голос. Посторонний человек может подумать, что у него перелом конечностей,— его истошный голос достигает неба.

Мы снова колотим его, и он опять называет нас братьями и просит отпустить. Нет человека тише и послушнее, чем он. Он повторяет все, что ему скажешь.

— Скажи: браток.

— Браток.

— Скажи: миленький.

— Миленький.

— Скажи: если еще раз буду задираться, то быть мне собакой.

— Если буду задираться, быть мне собакой, свиньей. Пусть буду боровом. Пусть я буду самым паршивым животным,— повторяет за нами, как клятву, Иргебай.

Одно из лучших качеств Иргебая — это то, что ему нипочем никакие удары. Как будто он создан не как все

люди, из мяса и костей, а из пружинистого железа. Когда его бьешь, он то кричит благим матом, то громко хохочет. Умоляет о пощаде и одновременно усмехается.

Когда мы на него обижаемся, то дразним его «апаржаппар», а когда он нам нужен, зовем ласково — Иргеш.

Теперь я ласково называю его Иргешем и прошу его вступить в мою шайку. Мы покажем этому Баймурзе. Разве у них есть приличное оружие? Ерунда! Мы сделаем себе настоящее оружие, которое будет стрелять.

Иргебая хлебом не корми, а только дай подраться. Он с радостью принимает мои условия.

Теперь и у меня есть своя шайка — Рамазан и Иргебай. Я у них командир. Нужно только вооружиться. По-настоящему вооружиться.

Я решаю смастерить самодельный наган, такой, чтобы стрелял. Надо, наконец, хорошенько пугнуть Баймурзу. Конечно, чтобы не случилось беды, я не буду стрелять прямо в него. У него и так глаза полезут на лоб, если я выстрелю вверх.

В дедушкином «музее» старых вещей я видел несколько медных трубок. Одну из них я стащил и вдали от дома вместе со своими соратниками начал мастерить наган. Я отрезал от трубки нужной длины ствол и, приладив его к ложу деревянного игрушечного нагана, крепко привязал проволокой в двух местах. Основание ствола загнул, хорошенько заделал. Порох будет закладываться прямо в дуло. Потом подпилил трубку и сделал дырочку с игольчатое ушко. Через эту дырочку при помощи спичек я буду поджигать порох. В общем, я смастерил такое оружие, из которого можно убить человека.

Иргебай побежал домой и скоро, хрустя блестящими штанами, принес из запасов отца-охотника горсть пороха. Наган, безусловно, мог выстрелить, если бы мы его зарядили даже спичечными головками. Но что может сравниться с настоящим порохом?

Мы засыпали в ствол порох, потом утрамбовали его клочками бумаги — пыжами. Вместо дроби положили несколько камешков и снова утрамбовали пыжами. Грозное оружие готово. Осталось только испытать его.

Если стрелять поблизости, то может услышать и догадаться наш дед. Мы уходим подальше. Мы идем не просто выстрелить, а увидеть собственными глазами убойную силу оружия в стрельбе по воронам. А уж потом на очереди будет мой кровный враг — Баймурза.

Ворон возле нашего аула много. Вот одна из них взлохмаченная, отвернувшись, сидит на старом дувале. Она совершенно не боится и не думает улетать. Видимо, даже за людей нас не считает. Я подошел к ней на метров тридцать и остановился.

— Ну, стреляй!

Я видел, как пограничники стреляют стоя. Подражая им, я тоже стою, выставив одну ногу вперед, и целюсь. По обе стороны стоят мои соратники — Иргебай и Рамазан.

А ворона и не шелохнется, даже подставила свою спину получше, чтобы я не промахнулся. Я чиркнул коробкой по спичке, которая была укреплена у основания ствола. Вжик!

Что было потом, я до сих пор со страхом вспоминаю. Брызнуло красное пламя и ослепило меня. Руку с наганом какая-то страшная сила толкнула назад. Я продолжал стоять с закрытыми глазами. Открыв их, я увидел, что все мы плаваем в синем дыму. Оглядываюсь на своих подчиненных: живы ли? Вроде бы живы, но не похожи сами на себя. Глаза у них испуганно вытаращены, в лицах ни кровинки. Но самое главное — где наган? Нагана нет.

Не знаю почему, но с черной лохматой вороной так ничего и не случилось. Летает себе недалеко и оглядывается. Она не умерла, но перепугалась изрядно.

Наган нашелся. О, чудо! Лежит в стороне на земле. Вместо ствола — исковерканный закопченный кусок меди.

Наконец мы пришли в себя и начали рассматривать друг друга.

Иргебаю «пуля»-камешек поцарапала лицо. Из раны чуть-чуть сочится кровь. Он увидел кровь на своей руке и тут же заревел.

— Эй, ты что плачешь?

— Умру я, умру,— плаксиво говорит Иргебай.

— Разве от этого люди умирают?

— Конечно, если пуля попала...

Поплакав немного, Иргебай успокаивается. Он, видимо, убедился, что не умрет, но зато наотрез отказал нам:

— Не буду вашим соратником!

25

До меня дошла ни с чем не сравнимая радостная весть:

— Из Алма-Аты вернулся твой брат и привез тебе новую одежду.

От возбуждения я не находил себе места и на следующее утро пешком отправился в Костобе.

Тогда не было, как сейчас, попутных машин. Телеги и те попадались редко. Я вышел на пыльную дорогу, пересекавшую степь, и босиком, без головного убора, пустился в путь.

Новая одежда! Мне не терпелось узнать, что это за одежда. Оказывается, и я дожил до этого светлого дня и, наконец, смогу сбросить с себя лохмотья.

Я еще не ходил в школу, когда мама сшила мне рубашку из красной материи. Я надел ее и ходил, красовался перед соседями: как, мол, вам нравится моя обнова? Но встретился Жанбосын и, показывая на рубашку начал меня дразнить:

— Кызтеке!

Я сначала не понял, что это означает. Оказывается, из красного материала шьют одежду только девушкам и он хотел сказать, что я теперь девчонка.

И я перестал щеголять в этой рубашке — мне просто было стыдно. А потом мне из старых сапог пошили новые. Я тоже очень радовался, как будто сел на необъезженную лошадь. Из всего детства вот эти два радостных события и остались в моей памяти.

Словом, я иду пешком в Костобе.

Было начало октября. Небо в тот день хмурилось, тяжелые тучи, сгущаясь, двигались на восток. В лицо мне дует холодный ветер, и я начинаю дрожать. Черные зловещие тучи спускаются все ниже, и вот уже потихоньку начинает накрапывать дождь.

В это время я находился в пути на пустынной, открытой всем ветрам дороге между Сумбе и Ушты, как раз напротив черной могилы. Вокруг безмолвная степь. Шум приближающегося дождя усиливается. Его первые холодные капли ударили меня по ушам, лбу и курносому носу.

И вдруг дождь моментально превратился в ливень, и чувствовалось, что он будет затяжным и сильным. Я не знал, что делать. Вблизи не было никакого укрытия, где можно было бы спрятаться.

Что бы там ни было, я вынужден был примириться со стихией. И ливень, оказывается, не так уж страшен. Неожиданно вместо дождевых струй с неба посыпался град величиной с палец. Это и было уже настоящим бедствием. Стремительные градинки, как верблюжьи катыши, разрывают землю, вонзаются в нее. Когда они бьют

по ничем не прикрытой голове, у меня появляется такое чувство, будто на меня сыплются камни. Я поднимаю воротник бешмета и, придерживая его руками, закрываю уши. Но град яростно лупит меня по обнаженной макушке и по открытым рукам. Мне так больно, словно эти сильные удары наносит чей-то крепкий кулак.

Оказывается, и это еще можно терпеть. Через несколько минут земля покрылась слоем града, как сплошной пеленой белого снега. А я босиком, как же мне идти дальше? Крупные зерна холодные, как лед, обжигают ступни ног, так что резкая боль отдается в голове.

Скоро град прекратился, но земля вокруг словно покрылась белым одеялом. Стою, согнувшись крючком, на пятачке черной земли с подветренной стороны одинокого высокого чия. Сейчас я похож на зайца, что сидит на пеньке в половодье. Кто в такую погоду проедет по дороге, кто вызволит меня из этой беды? А если никто не появится, то мне остается одно: стоять и ждать, когда растает град и почернеет дорога. Другого выхода нет.

Но, может быть, все же кто-нибудь встретится? В нашем краю это самая большая дорога, и люди постоянно ездят по ней.

Ура! Я счастливый человек. Аллах не захотел моей смерти. Со стороны Сумбе катит одинокая телега. Было бы здорово, если бы она, не останавливаясь в Уштыы, прямо направилась в Костобе.

Телега приближалась.

Пусть даже она едет в Уштыы — сейчас мне все равно. В Уштыы сейчас находятся дядя Кагазбай и тетя Зауре. Я отогреюсь у них, напьюсь чаю и подожду, пока подсохнет дорога.

В телегу запряжена высокая каурая лошадь, сидит один человек. Колеса, не чувствуя тяжести, катятся споро — значит, груз легкий. С надеждой я побежал наперерез телеге. Я был уверен, что проезжий путник, увидев мое положение, обязательно возьмет меня.

На легких рессорных дрожках сидит юноша. Он пристально всматривается в меня. Я тоже пригляделся. Жанбосын! Мой земляк и старый враг. Под ним во всю длину телеги — мешок муки. Я понял, что он возвращается с мельницы из Сумбе.

Жанбосын как будто не узнает меня и не думает останавливаться. Он даже готов подхлестнуть лошадь камчой и промчаться мимо. Шлепая босыми ногами по обжигающему граду, я бегу рядом с телегой и умоляю:

— Братишка! Дорогой! Возьми меня до Костобе.

— Не возьму. Лошадь не потянет.

— Братишка, я же ноги обморожу.

— А что я могу поделать? Почему ходишь босиком?

— Братишка, сделай милость!

Не ожидая разрешения Жанбосына, я стал карабкаться на телегу.

Посуровело лицо Жанбосына, и он закричал:

— Слезай! Слезай!

Я не послушался его, полагая, что он просто хочет посмеяться надо мной. Скорчившись, я уцепился за край телеги и забрался на самую середину.

— Говорю тебе, слезай. Буду бить. Слезешь или нет?!

Я все еще думаю, что он шутит, и продолжаю сидеть на телеге.

Оказалось, что он все-таки настоящая бездушная собака. Он размахнулся своим длинным кнутом и вытянул меня по спине. Кнут прорезал мою легкую одежду и впился в тело. Меня обожгла страшная боль.

Жанбосын мало того, что гонит с телеги, так он готов еще избить меня. Выхода не было — я вынужден был спрыгнуть с телеги. С громким хохотом Жанбосын покатил дальше.

Я выпаливаю ему вслед весь запас своих матерных слов.

Отъехав немного, Жанбосын придержал лошадь, остановился и, повернувшись ко мне, крикнул:

— Иди садись.

То-то! Еще бы он не взял меня! Зря я поторопился со своими ругательствами.

Лечу к телеге.

И когда я уже почти добежал, он стегнул лошадь кнутом и умчался. Он просто издевался надо мной. Одураченный, я остался стоять на дороге.

И снова я под кустом чия на пятачке черной земли. Ноги у меня красные, как у гусака. Они горят так, что спасу нет. Мне даже больно на них смотреть. Была бы хоть какая-нибудь одежонка. Обернув ею ноги, я согрел бы их.

Неожиданно со стороны Сумбе из оврага выехал всадник, пожилой человек в чекмене и шапке. Я узнал его — это был наш дальний родственник Усеип.

Усеип приласкал меня, завернул замерзшие ноги в полы своего чекменя, посадил на лошадь позади себя и быстро рысью привез в Уштьı.

Здесь сухо — нет ни града, ни дождя.

* * *

Брат действительно привез мне кое-какую верхнюю одежду: зимнее бобриковое пальто с меховым воротником, серые пимы с галошами и шапку с длинным мехом. Летом обычно не особенно заметно, есть у человека добрая одежда или нет. По улицам можно бегать босиком, без головного убора. Другое дело зимой. Вот как раз об этом-то и подумал мой брат, покупая обновку.

Я никогда не имел хорошей одежды, а фабричной не носил ни разу в жизни, поэтому обрадовался до беспамятства. Новая одежда есть новая одежда. Она сидит на мне аккуратно. Смотрю в зеркало и не узнаю себя. Не зря говорят, что красота человека в одежде, а дерева — в его листве. Сейчас я уже не прежний замухрышка, паршивый Бектас. Перед вами довольно симпатичный малый.

Эх, если бы сейчас на улице была зима, мела метель и трещали морозы! Тогда бы я гордо вышел на улицу показаться в обновке.

Но пока стоят теплые дни и земля вокруг черная. И если сейчас выйти на улицу в этой одежде, то я буду выглядеть хвастуном.

Мне жарко, и я начинаю потеть. То поднимаю, то опускаю уши малахая. Да, теперь мне не страшна любая зима. Даже улегшись спать, я все еще думал о подарках брата. Если бы я сейчас был дома один, то и в постель завалился бы в новой одежде.

За несколько месяцев учебы в Алма-Ате мой брат Сатылган совершенно изменился. Теперь он ходит в белой рубашке и надевает галстук. В ауле красные галстуки носят только пионеры. У брата синий в полоску. Мне кажется, что это не совсем прилично.

Старики и старухи смотрят на Сатылгана с испугом. Некоторые подходят к нему, спрашивают:

— Дорогой, а что это у тебя на шее?

— Галстук,— с улыбкой отвечает брат.

— А что, всем, кто обучается, повязывают им шею?

Такие вопросы Сатылгану задают нарочно, он не обижается. Он смеется пуще прежнего и обстоятельно объясняет, что в городе все носят галстуки, их свободно продают в магазинах.

Старухи, чмокая губами, возмущаются:

— Да пусть он сгинет, этот галстук. Что красивого в том, что человеку, как собаке, надевают ошейник!

По понятиям местных людей, носить галстук — значит забыть старые традиции, обрусеть. Пожилые люди не особенно одобряют новую привычку Сатылгана.

Из города брат привез несколько фотографических карточек, на которых он запечатлен в разных позах. Над столом он прибил газету и повесил на нее свои фотографии.

Когда к нам заходят старики, они подолгу рассматривают эти карточки, качают головами, удивляясь сходству с оригиналом. При этом с уважением говорят о том, что для русских уже ничего не осталось, чего бы они не знали. Я до сих пор никогда не фотографировался — у нас нет фотографа. Увидеть себя на бумаге — моя мечта. Всех, кто снимался, я считаю счастливцами. Вот брат мой Сатылган — счастливый человек...

В Сумбе я возвращался тоже пешком. Всю одежду, что привез мне брат, я свернул и нес на себе. Родственники отговаривали меня:

— Сейчас тепло, все равно надевать не будешь. Потом перешлем с попутным человеком.

Но я не согласился. Впервые в жизни я получил такую одежду и вдруг расстаться с ней? Это выше моих сил. И притом мне же надо похвалиться перед родственниками.

Сегодня тепло, солнце светит вовсю. Степь. И снова пустынная дорога, на которой в обе стороны нет ни одной живой души. Когда я вышел в эту безмолвную степь, то снова надел на себя свою новую одежду. И снова жалею, что сейчас не суровая зима. Засунув руки в карманы, иду некоторое время по дороге, потом начинаю бежать. Молю аллаха, чтобы скорее наступила стужа.

Следы от новых галош остаются на дороге, как печать. Я внимательно рассматриваю их. Когда-то я завидовал ботинкам Жанбосына с узорчатыми подошвами. Они были для меня несбыточной мечтой. Но, оказывается, человек подчас может и не заметить, как его мечта неожиданно сбывается.

У нас говорят и вполне справедливо: «У кого есть брат, у того есть и воротник». Сейчас я бесконечно благодарен Сатылгану.

Я не буду всю жизнь беспомощным ребенком, придет время, вырасту и встану на свои ноги. И если я тогда не отблагодарю брата в десять, в сто раз больше, пусть буду собакой.

Так я шествую в Сумбе. Если увижу вдалеке человека, то быстро раздеваюсь и сворачиваю одежду. Люди могут подумать, что идет сумасшедший. Для пешехода все-таки толстое пальто, пимы и малахай — значительный груз. До Сумбе я добрался только вечером, когда совсем стемнело.

Новая одежда произвела на моих родственников большое впечатление. Рамазан и Касымхан смотрят на меня, сгорая от зависти.

В этот день в Сумбе у некоего Калия был той. У нас говорят, что на той катится даже голый череп,— народ валом валит туда. Здесь хороший обычай — не обязательно рассылать приглашения.

Такое событие, как той, волнует и нас, детей. Мы с Рамазаном тоже собираемся пойти туда, как будто без нас там будет неинтересно.

Вечером, конечно, не то что днем — прохладно. Ссылаясь на это, я собираюсь идти на праздник в своей новой одежде. Там будут все аульные ребята, пусть посмотрят, позавидуют. Я не в силах ждать, когда наступит зима.

— Ты откуда все это взял? — конечно, спросят они.

— Брат ездил в Алма-Ату, он и привез!

Для многих людей в ауле Алма-Ата — край света, и когда слышат, что одежда куплена в этом городе, они ахают.

Да и такому человеку, как Баймурза, тоже не вредно знать, что мой брат обучался в Алма-Ате.

Итак, мы с Рамазаном идем на праздник. Рамазан налегке — в рубашке, в кепке. А я как будто только что прилетел с Северного полюса: на мне толстенное пальто, малахай и валенки с галошами. До этого я никогда не надевал галоши и считал, что они нужны не только для того, чтобы сохранять ноги от сырости, но и чтобы обувь не так быстро изнашивалась. Это во-первых.

Во-вторых, мне казалось, что галоши носят для красоты. Особенно, если они новые. Это же прекрасно, когда они сверкают на ногах.

Было уже темно, когда мы пришли к дому, где проходил праздник. У дверей толпилось много ребятишек. Мы тоже присоединились к ним. В темноте мало кто обратил внимание на мою странную, не по сезону одежду. Правда, кое-кто, всмотревшись в меня, спрашивал:

— А это кто такой неуклюжий?

Ребята разыгрались, барахтаются. Я не вмешиваюсь,

стою в сторонке. Мои новые, еще не разношенные валенки больно трут мне ноги, голова и спина стали мокрыми от пота. Я взопрел, играть было невозможно.

С праздничного стола перепало угощение и детям. Разве не за этим мы, в основном, и пришли сюда? Кто-то из женщин вышел из кухни на улицу и крикнул:

— Ребята, идите сюда, попейте чаю!

Игры моментально прервались. Мы зашли на кухню и начали рассаживаться вдоль стены прямо на земле друг возле друга. Стола не было. Когда расселись, ребята наконец заметили мое великолепие.

— Ого! Посмотрите-ка на него!

— Эй, что с тобой?

— Летом в пимах.

Я не только не был похож на других, но отличался от всех до неприличия. Я один занимаю место двоих и, не сгибая ног в коленях, присаживаюсь.

— Решил похвастаться новой одеждой! — говорит кто-то. Все видят, что это именно так.

Мне стало очень неудобно.

На земле расстелили скатерть, рассыпали на ней баурсаки и стали подавать горячий чай. Женщины, разливая чай, смотрят на меня с усмешкой.

— Для племянника Кагазбая уже пришла зима?

— Дома у него поди никакой одежды уже не осталось. Все на себя понадевал.

— Ну что вы смеетесь над ребенком? А вдруг сейчас из-под земли грянет буран, ударят морозы, как он доберется домой?

Языки у всех хуже колючек, так и жалят. Я сильно вспотел и не могу свободно нагнуться за баурсаками. А стоит мне отхлебнуть горячего чаю, как я потею еще больше. Другие ребята бойко сметают с дастархана все, как коровы, вышедшие на травянистый луг.

Я уже не человек, а упакованный тюк. От неудобства и стыда я весь с ног до головы стал мокрым и хорошо чувствую, как пот ручьями течет у меня по спине, по голове среди волос. Но я не могу даже утереться — у меня нет платка. Разве в моем кармане был когда-нибудь платок!

Я смахиваю пот рукой и вытираю ладонь о пальто.

Нос... Вот этот курносый нос тоже для меня сущее наказание. В такой трудный для меня момент он не умеет себя вести, в нем ослабевает какой-то винтик. Борясь с

обильным потом и непослушным носом, попробуй-ка покушать.

Сейчас у меня единственное желание — бросить все, выйти на улицу, сбежать. Но мне отрезаны все пути. Я затесался в самую середку. Впереди дастархан, позади стена, не могу даже пошевелиться.

Я сижу, высоко задрав голову, и только громко шмыгаю носом. Боюсь, что если опущу голову, то не смогу удержать его содержимое.

Наконец-то вышли на улицу! Зайдя за угол, я шумно освободил свой нос. Распахиваю полы пальто и подставляю грудь прохладному ветру. Будь она проклята, такая новая одежда! Эти муки я запомню на всю жизнь. Правду говорят, что у каждой радости есть обратная сторона.

26

В гостях хорошо, а дома лучше. Не зря сказано, что в своем доме и постель — песня.

Из школы мы всегда приходим голодные. Тетушка Зауре начинает нас с Рамазаном кормить и отламывает по кусочку хлеба. Мне всегда кажется, что ему дают больше, чем мне. А когда разливают суп, то Рамазану берут со дна погуще, а мне пожиже.

Пусть даже будет так. Пусть материнское сердце тянется к своему чаду больше, чем ко мне. Это вполне естественно. Разве есть такая мать, которой свой ребенок не ближе чужого? И какое я имею право копить обиду. Что я такого им сделал, чтобы предъявлять претензии. Наоборот, разве я не обязан сказать им тысячу и один раз спасибо за то, что они не прогнали меня, не сослались на трудности, приютили. И разве я не должен довольствоваться тем, что они дали мне, и быть благодарным?

Но ни одной подобной мысли не приходит мне в голову. Мелочные обиды, как фурункулы, все время разрастаются и пухнут. Во время редких наездов в Костобе я все чаще стал дурно отзываться о своих родственниках. Меня, дескать, обижают, не считают равным среди детей... Вот это и было черной неблагодарностью. У нас говорят так: положи плохую собаку на золотое блюдо — она спрыгнет с него.

Дни прозябания в Сарыбастау давно позабылись, и теперь, придя в себя, я возгордился, стал вести себя вызывающе, чуть не предъявлять ультиматум: если ко мне

не будете относиться так же, как к своим детям, и даже лучше, то я уйду.

А куда уйти?

Здесь же, в Сумбе, в колхозе «Образцовый» живет моя тетя по отцу Тынымжан. Ее муж Алгожа — председатель колхоза. Тетушка еще совсем молодая — она вышла замуж всего два года назад. Это гостеприимная и красивая женщина. Она лет на пятнадцать моложе своего мужа, и он буквально носит ее на руках. Она настолько избалована, что завтракает в постели и почти ничего не делает по дому. С ними живет ее мать Алипа. Вот она-то и ведет хозяйство, готовит обеды, стирает белье.

На правах родственника я часто прихожу сюда. Дастархан их всегда полон и готовят у них вкусно. Тынымжан очень добра ко мне. Когда я прихожу, она обнимает меня, усаживает за стол и не отпускает, пока не накормит досыта. А мне других подарков и не нужно.

Я задумал переселиться сюда. Но уйти просто так — неудобно. Нужна какая-то причина.

Северо-западная сторона Сумбе холмиста, и зимой здесь хорошо кататься на лыжах. На базаре, однако, лыжи не продаются, в магазинах тоже не бывает. Мы их мастерим сами, сколачивая вместе два обыкновенных уыка — загнутые подпорки от юрты.

Читатели уже знают, что в музее древних вещей у дедушки есть целая связка уыков. Мы с Рамазаном решили несколько штук выкрасть. Когда уже взяли два уыка и потянулись за третьим, вошел дедушка. Я жалости к себе не ждал — попался на месте преступления. Дедушка рассвирепел и стал с хрустом выворачивать мне уши. Он понимал, что беды в первую очередь исходят от меня.

Я выскочил из чулана с таким ревом, как будто у меня оторвали оба уха. Все кончилось. Теперь я отказываюсь от такого родственника. Лучше быть бездомным, чем терпеть такой позор. Я вошел в дом, собрал свои книги и бумаги, в душе радуясь, что наконец нашлась причина уйти из дядюшкиного дома.

Колхоз «Образцовый» на той же улице, только пониже. Я широко зашагал к дому тетушки Тынымжан.

Так началась моя новая жизнь.

Бабушка Алипа, шустрая белолицая старуха, живет отдельно — в кухне. Там она и спит. Раньше, когда я приходил сюда, она встречала меня неплохо. Во всяком

случае, не была вредной, и я ее не боялся. Оказывается, все это было до поры до времени.

Алгожа, муж тетушки, носит рыжие торчком усы. Это хозяйственный и компанейский человек. В доме у них почти всегда гости. Через день здесь режут скот и жарят баурсаки. При таком изобилии Алипа только и следила за мной, сколько я съел.

В школу я хожу в утреннюю смену и поэтому встаю рано. Но Алипа встает еще раньше. Она согревает чайник и подает мне два маленьких кусочка хлеба, нарезанного вчера. Я не наедаюсь, но просить еще стыжусь.

Когда в обед возвращаюсь домой, то в животе у меня, кажется, воют собаки. И только попадая за общий стол, ем вволю. Отдельно Алипа всегда кормит меня впроголодь.

Вечерами дом не бывает без гостей, поэтому варится мясо. За дастарханом обычно собираются важные люди аула, пьют, играют в карты. В нашем магазине все время не переводится спирт. Пьют его, разбавляя водой. Глотают сразу по целому стакану, потом крепко жмурятся, затыкают нос хлебом и замолкают. Я не понимаю, делают они это от удовольствия или от неприятных ощущений. Пустые бутылки валяются под кроватью, как пьяные.

Вечером у Алипы нет причин кормить меня отдельно. Я сажусь за дастархан вместе со всеми. Рядом со мной вплотную — Алипа. Краем глаза она следит только за мной. Как только мои руки начинают двигаться в сторону блюда, за ними вдогонку отправляются и глаза Алипы. Пальцы у меня начинают дрожать, и я осторожно беру кусок мяса, как будто вот-вот должен схватить голый электрический провод. Мясо кладу в рот стесненно и, как сытый человек, медленно прожевываю.

— Эй, кушай хорошо, как настоящий джигит,— говорит Алгожа.

— Ты не смотри на других,— говорит Тынымжан,— наедайся как следует...

Это меня подстегивает, и руки мои начинают работать более проворно. Теперь это уже не нравится Алипе, и она незаметно для других больно толкает меня в бок своими костлявыми локтями: не будь жадным!

Когда на блюде мяса уже остается мало, Алипа говорит гостям:

«Берите, кушайте!..» И все мясо сдвигает в сторону гостей. Моя сторона оголяется. Этим самым она как бы предупреждает меня: хватит, ты уже наелся.

О, Алипа достаточно хитра в таких случаях! Она находит много разных причин, чтобы удалить меня от блюда. Как только мясо нарежут и гости начинают есть, она вдруг вспоминает:

— Кажется, ворота остались незакрытыми. Как бы чужая корова не зашла. Пойди закрой...— говорит она мне.

Я торопливо бегу и скоро возвращаюсь.

— Закрыты ворота.

Только начинаю есть, как Алипа снова говорит:

— Пойди посмотри, не погас ли огонь в самоваре. Если погас, подбрось щепок.

Я срываюсь с места и бегу, как на пожар. Через минуту, сделав все, возвращаюсь. Это не нравится Алипе:

— Ты что так торопишься, гонятся за тобой, что ли? — говорит она и смотрит на меня злыми глазами. Обед еще не закончился. Алипа вновь посылает меня к соседям принести две-три пиалы для сорпы.

Пока я вернусь, мясо, наверное, уже съедят. Поэтому я беру приличную горсть мяса и съедаю его по дороге к соседнему дому.

Тетя Тынымжан — золотой человек, совсем не похожа на свою мать. Она возмущается, что меня так часто посылают куда-нибудь.

— Ты что не даешь мальчишке поесть? Не ходи! Сперва покушай, потом сходишь! — говорит она.

Старая Алипа иногда болеет, но и тогда все кухонные ключи находятся у нее. Охая, она сама накрывает дастархан, сама убирает со стола.

Однако и я не оставался в долгу перед вредной старухой. Бывают дни, когда я сижу дома и готовлю уроки, Алипа уходит к соседям — в дом Кожи, брата Алгожи. Возвращается она не сразу — пьет там чай.

В таких случаях я бросаю свои уроки и начинаю заниматься личным благополучием. Я быстро развязываю тщательно завязанный дастархан и беру несколько кусочков нарезанного хлеба. Потом выхожу на улицу, будто поиграть, и съедаю их.

Иногда в дастархане не оказывается нарезанного хлеба, а лепешки под замком в сундуке. Замочек был маленький и открывался сразу. Для этого у меня всегда были наготове несколько крючков, проволока и гвозди. Маленький белый замочек для меня не проблема. И не с такими замками управлялся.

О! Все богатство в сундуке! Лепешки, курт, мясо, сахар... Глаза мои разбегаются. Два-три курта, несколько кусков сахара быстро исчезают у меня в кармане. Целую лепешку не трогаю — будет беда. Алипа заметит. Я осторожно отламываю от лепешки, которая была уже надломлена, чтобы Алипа не могла догадаться.

Нажимаю белый замочек и он, щелкнув, закрывается сам.

Все это я успеваю сделать в течение нескольких минут и тем временем внимательно смотрю в окно. Стоит показаться Алипе, как я тут же усаживаюсь за низенький столик и начинаю напряженно морщить лоб, будто ломаю голову над трудной задачей.

В хозяйстве Алгожи есть дойная корова, несколько овец и коз. Молока всегда много, но Алипа нам не дает его пить. Она квасит простоквашу, затем сливает в кожаный мешок и выжимает катык[1].

В казане остывает кипяченое молоко. Поверху плавает жирная пенка, и я, проходя мимо, краешком глаза смотрю на нее с вожделением. Мне очень хочется поесть сливок, попить молока, но как это сделать, если мне не дают.

Однако, я не зря говорил, что рожден с головой конструктора. Хоть я и не нашел способа полакомиться сливками, но до молока все же добрался.

Чего много в нашем ауле, так это соломы. Я нашел себе толстую, длинную соломинку и обрезал с конца. Все так просто. Теперь нужно воткнуть соломинку с края казана в молоко и соси себе на здоровье. Точно так сейчас в ресторанах пьют коктейли. Я втягиваю в себя молоко через соломинку, и оно маленьким фонтанчиком вливается мне в рот. Как только Алипа оборачивается ко мне лицом, соломинку я вытаскиваю. Старуха ни о чем не догадывается.

Конечно, и здесь нужна выдержка. Если увлечься, то молоко может заметно убавиться. Правда, пленка сливок, плавающих поверху, не нарушается, но молоко осядет, и Алипа догадается. «Что это с молоком? — скажет она.— Сливки на месте, а молоко уменьшается».

Вот так в пользу своего живота я провожу поединок с Алипой.

---

[1] *Катык* казахское блюдо типа брынзы.

* * *

Рядом с домом Алгожи живет его брат Кожа — председатель аульного совета. У него есть сын Елемес и две дочери. Мы с Елемесом учимся в одном классе, а обе девочки, похожие на отца — кудлатые и рыжие,— еще дошкольницы. Алгожа и Кожа, несмотря на то, что имеют типичные казахские лица, по-настоящему рыжие. И дети у них такие же — лисята.

Но это не единственная особенность их семейства. Отец Кушиген — глухонемой, его сестра Алтынбала, здравствующая и поныне, тоже глухонемая.

Кушиген — симпатичный старик небольшого роста с вечно нахмуренными бровями. Он трудолюбив, для двух домов заготавливает дрова, ухаживает за садом, смотрит за скотом, и все это делает молча, безропотно. Когда к ним обращаются, Кушиген и Алтынбала понимают собеседников по движению губ. Иногда они с трудом выговаривают односложные слова, что-то бормочут и отвечают на вопросы.

Кушиген сильный человек — он не знает усталости, а когда разозлится, то визжит, как будто кто-то приложил к его телу горячие угли.

— А ну, уходите отсюда,— говорит Алгожа,— кто его обидел?..

Младшая дочь Кожи — очень капризная девочка. Она вечно что-нибудь жует. Утром, еще в постели, говорит:

— Мама, дай хлеба!

Она очень скупая, видимо, у матери научилась. Как ее ни упрашивай, она никогда ничего не даст. Однажды она играла у двери с большим куском хлеба в руках.

— Дай мне хлеба,— попросил я.

— М-м-м... Не плоси... Не дам.

Я решил обмануть девочку и отведать ее хлеба.

— Дашь хлеба — дам карандаш.

— Покажи.

Но огрызок карандаша, который я показал, ей не понравился.

— М-м...— промычала она и покачала головой.

— Ножик дам.

— М-м...

Больше мне ничего было ей предложить.

— А ты знаешь, как кушают хлеб по-русски?

Девочка с удивлением посмотрела на меня и сказала.

— М-м-м...

Это означало, что она не знает и знать не хочет.

— О, это очень интересно. Ты умерла бы, если б увидела!

— Ой, хитрый! Ты обманываешь!

— Нет, не обманываю. Если не веришь — отломи кусок, покажу.

Рыжая-младшая отломила маленький кусочек. Я взял его и стал думать, как же его скушать, чтобы было по-русски.

Если просто съесть, то девочка больше не даст, и я не наемся.

Я поднес хлеб к глазам и стал его с испугом рассматривать. Потом понюхал, прижав кусок к обеим ноздрям. При этом морщу лоб и качаю головой. Широко открываю рот и закрываю глаза, после чего бросаю кусок себе в глотку. Вращая глазами, начинаю торопливо жевать.

Все это — слава аллаху — кажется, произвело впечатление на рыжую девочку. Я изобретаю все новые ужимки, и девочка остается вполне довольной — она отламывает мне куски хлеба, я их поедаю. Когда остался последний кусочек, она спросила:

— А как кушают калмыки?

Теперь она смотрела на меня, как на циркового клоуна.

— Калмыки? Калмыки хлеб не кушают.

— А что они кушают?

— Калмыки кушают только конфеты и сахар.

Девочка побежала домой и принесла целую горсть конфет.

— На! — сказала она и протянула мне несколько штук, чтобы я показал ей, как кушают калмыки.

Я взял конфеты и задумался: как бы это так съесть их... «по-калмыцки». Если я их съем удачно, то и другие конфеты станут моими.

Повторяться нельзя — будет неинтересно. Я широко открыл рот — как при зевке. Потом закрыл. Сморщил нос и медленно покачал головой. Все это я делал только потому, что не знал, что мне делать.

Последний раз открыл рот и бросил туда конфетку — подальше. Конфета попала прямо в маленький язычок и прилипла к нему. Если бы я хотел это сделать специально, то у меня бы не получилось. Проглотить конфету не могу — она еще больше прилипает. Я стал по-настоящему задыхаться. Проклятая конфета не проходила ни туда, ни сюда. Закатив глаза, я царапаю себе горло, борюсь из

последних сил. Это уже получилось настоящее «калмыцкое» кушанье.

Рыжая умирает со смеху. Она и не подозревает, что я, желая схитрить, нажил себе беду. Наконец, конфета, кажется, прошла. Дыхание восстановилось, я даже вспотел. Расстегнул воротник, прихожу в себя, а рыжая девочка сует мне в рот еще несколько конфет и просит:

— Съешь и это по-калмыцки.

О, будь ты проклята вместе с конфетами!

После было еще интересней. Все мы пили чай. Вдруг вошла рыжая девочка. Баловнице двух домов всегда открыты двери. Растолкав всех, она прошла к дастархану, взяла кусок хлеба и, толкая его мне в рот, потребовала:

— На, скушай по-русски.

Я растерялся и не знал, что делать.

— Что она говорит? — спросил Алгожа.

— Что значит «по-русски»? — удивилась Тынымжан.

— Он кушает хлеб по-русски,— сказала рыжая,— интересно кушает.

Первая догадалась о том, что все дело во мне, Алипа.

— Брось хлеб! Что значит «по-русски»? По-моему, этот хитрец что-то выдумал!

Потом, уже наедине, я объяснял рыжей:

— Ты при людях не проси меня кушать по-русски. Поняла? При людях не получится. А хлеб и конфеты приноси мне одному...

— Хорошо.

* * *

Вы уже знаете Елемеса, брата рыжей девочки. Мы с ним учимся вместе. Это высокий, толстогубый, добродушный увалень, у которого слова выпадают изо рта, как вещи из-за пазухи. Он тоже рыжий. Но в отличие от отца, не огненно-рыжий, а потемнее. Вообще-то, он не особенно любит умываться, возможно, и темнота от этого.

Елемес года на три-четыре старше меня. Его ровесники давно закончили неполную среднюю школу и учатся в средней, а Елемес не особенно торопится — из класса в класс он переползает нередко через два года.

Двух вещей боялся Елемес — волков и учебы в школе. Возможно, он никогда не встречался с волками с глазу на глаз, но зато с проклятой учебой каждый день. Она его измучила.

С Елемесом я учился вместе до седьмого класса. За это время он так и не научился определять на карте, где запад, а где восток. Мы живем с ним почти дверь в дверь. Просыпаемся одновременно, в школу идем вместе.

О, Елемес тоже не без таланта! По игре в лянгу он чемпион нашей улицы. Обут он обычно в низкие, скатанные от руки черные пимы. Они очень удобны для игры в лянгу. Когда он, подоткнув полы за пояс и подняв уши малахая, начинает играть, то весь преображается, лицо становится вдохновенным, словно природа породила его специально для этого занятия. Подкидывая ногой лянгу, он покачивает головой и считает: раз, два... Одно ухо его малахая, сшитого из серого ягненка, сломано и повисло, другое торчит и начинает подскакивать, словно ведет подсчет: раз, два...

Утро. Мы с Елемесом выходим из дому и направляемся в школу. День пасмурный, падают крупные снежинки. Снег шел всю ночь, не видно ни дороги, ни тропинки, кроме отдельных редких следов верховых.

До школы далеко.

— А что, если сегодня не пойдем на уроки? — говорит Елемес сдавленным голосом.

— А что будем делать?

— Зайдем за сарай, поиграем в лянгу.

Пасмурный день и меня не особенно вдохновляет на быструю ходьбу, она связывает ноги как путами. Я согласился с Елемесом. Как раз рядом с нами зияла пустыми окнами нежилая мазанка. У нее нет окон, но есть крыша и стены. Кажется, нет ничего более подходящего для того, чтобы в такую погоду укрыться и поиграть в лянгу. Что случится, если мы один день не пойдем в школу? Уроки я пропускаю не каждый день, да и учусь неплохо.

Мы вошли в избушку. Тихо. Не каплет. Потолок и стены сухие и поэтому даже уютно. Пол, как и во всех здешних домах, земляной. У стены вбит кол. Мы разделись, повесили на него верхнюю одежду и решили с удовольствием поиграть до обеда, а потом вместе с ребятами вернуться домой якобы из школы.

У Елемеса в кармане всегда лежит лянга. С ней он не расстается. Мы произнесли «бисмилла»[1] и начали игру.

Игра — это не учеба, время пролетает незаметно. Про-

[1] *Бисмилла* — с богом.

шел уже час, а может быть, и полтора. Мы увлеклись. Елемес полностью отдался своему любимому делу и забыл про все остальное. Лоб у него покрылся потом, малахай лихо заломлен набок.

Неожиданно на улице послышался конский топот и в проеме окна показалась лошадиная морда. У Кожи была длинная рыжая кобыла, на которой он сейчас восседал.

Кожа, как Тарас Бульба, усатый и огромный человек. На нем большая черная шуба, которая делает его еще более внушительным. Как только мы увидели голову лошади, то сразу разбежались по углам и притаились. Но все было напрасно. Кожа приехал по нашему следу и знал, что мы здесь.

— Эй вы, проклятые! Выходите!

«Проклятые» и не думали выбираться. Мы затаились по углам, как две тени. Если бы могли, мы в тот момент вошли бы в стену, слились с нею, стали невидимыми. Мы знаем, как грозен Кожа в гневе.

— Выйдете вы или нет? Или вас вытащить за ноги?

Это правда. Если мы помедлим хотя бы еще одну минуту, Кожа сойдет с коня и войдет в дом. Он, как ягнят, вытащит на улицу, и тогда пощады не проси.

Быстро надев свой чапан, первым пошел к выходу Елемес. За ним поплелся я.

— Где ваша школа, оголтелые?

Шестигранная плетеная камча прошлась по спине Елемеса. Он выгнулся и крикнул:

— Ойбой!

Я начал защищаться руками, думая, что Кожа ударит и меня, и уже чувствовал, как больно будет моей спине. Но меня бить он не стал. Вывел нас на дорогу и погнал в сторону школы, как бродячую скотину. Мало того, что мы получили взбучку от Кожи, нам еще предстояла встреча с директором школы Насыром — тоже суровым человеком.

Как только мы дошли до школы, зазвенел звонок на перерыв. Это было некстати. Ребята высыпали из классов и все увидели, как нас гнали в школу. Как будто никогда не пропускали уроков, они окружили нас и начали дразнить.

И вот мы в учительской стоим перед директором Насыром, который испепеляет нас строгим взглядом. Он больше напирает на Елемеса:

— Я с вами поговорю после уроков,— сказал он и

запер нас в маленькую комнатку, где хранится школьное имущество. Здесь не топят и поэтому холодно. Ученики заглядывают в щели и дразнят нас. В дверях небольшая дырочка, словно от пули — место выпавшего сучка. Чей-то насмешливый глаз сверкает в этой дырочке. От злости я плюнул в него. Оказалось, вот ведь интересно, глаз-то принадлежал моему злейшему врагу Баймурзе. Дети по ту сторону двери теперь громко смеются над Баймурзой — получил все-таки свое.

Я тоже доволен — давно не мог отомстить ему. Так ему и надо.

Прозвенел звонок на урок, дети вошли в класс и в коридоре стало тихо. В комнатушке холодно. Если стоять без движения, можно замерзнуть.

— Давай лучше поиграем в лянгу,— предложил я,— все равно за это страдаем.

Елемесу в такой момент игра в лянгу кажется кощунством, он не решается.

— А вдруг увидят, будет хуже.

— Не увидят. Если кто подойдет, перестанем.

Елемес расстегнул чапан, пиджак, а потом рубашку и полез рукой прямо к голому телу. Я не понял, зачем он это делает. Оказывается, когда появился Кожа, он бросил лянгу за пазуху: чтобы тот не нашел, если начнет обыскивать.

Пока другие ломали головы над учебниками, мы снова в свое удовольствие играли в лянгу, за что и должны благодарить директора Насыра — ведь это он создал нам такие условия.

27

Теплое лето. Степная дорога. В громыхающей пароконной телеге мы вдвоем: я и возница.

Телега из колхоза «Образцовый» едет на лесопильный завод, что находится выше Нарынкола.

Нарынкол — недавно отстроенный районный центр, только в этом году отделившийся от Кегеньского района. В связи с этим сюда из разных колхозов приглашены на работу в учреждениях образованные люди. Среди них оказался и мой брат Сатылган. Он работал секретарем в прокуратуре. Вместе с Кулимбалой они и переехали в Нарынкол.

Занятия в школе окончились, четвертый класс остался

позади. Я еду к брату на каникулы. Раньше я никогда не видел Нарынкола, а теперь, даст бог, увижу.

На Сумбе не обижаюсь — для меня его земля оказалась счастливой. Четвертый класс я окончил с похвальной грамотой и сейчас чувствовал себя самым счастливым человеком, которому справа светит солнце, а слева месяц. А как же иначе? Если я здесь добился таких успехов, то брат тоже продвигается по службе. Сегодня он секретарь прокурора, а завтра может сам им стать.

В этих краях судью и прокурора считают самыми большими людьми.

... День стоит прекрасный. На небе ни облачка, в степи ни ветерка. По сторонам дороги колышется хлеб. Где-то высоко-высоко жаворонок воспевает красоту лета. При приближении телеги жаворонок смолкает. И, отлетев в сторону, снова повисает в небе и продолжает прерванную песню.

Кучер — пожилой человек — сдвинул фуражку набок, чтобы защитить лицо от ослепительных лучей солнца. Я сижу за его спиной, радуюсь удивительному лету и мечтаю. Мое будущее представляется мне таким же радостным летом, безоблачно синим небом — бездонным, чистым, без конца и края. Я, как молодой орленок, расправляю крылья и лечу, лечу. Мне тогда и в голову не приходило, что в жизни будут еще и бури, и холод.

О! Если бы человек мог пройти по жизни вечным ребенком!

В Костобе мы решили не задерживаться. Зачем?

Идрис и Смагул — холостяки и сейчас где-нибудь трудятся. Каждый день идут туда, куда их пошлет бригадир, и выполняют самую тяжелую работу.

На кладбище в Журтагане вечным сном спит моя мама. Я бы сейчас поехал туда, но это от меня не зависит. О, моя мама! Прошло уже два с половиной года, как тебя нет с нами. И столько же времени я сирота. Это ужасное, как змея, слово так часто слышали мои уши, что я к нему уже привык. И ты, наверное, мамочка, привыкла к холодным и мрачным объятиям земли.

Когда в школе говорят: «У кого нет матери, поднимите руки»,— я поднимаю первым. Я не стыжусь этого и воспринимаю как должное, будто сиротство было написано мне на роду.

Человек вынослив.

Когда я возьму в руки уздечку своей жизни, я, мамочка, еще не раз приду к твоему изголовью излить все горести, накопившиеся в моем сердце. А сейчас прощай, мамочка, не вини меня!

В горах погода капризна и изменчива, как избалованная девушка. Светлый яркий день может легко смениться непогодой. Когда мы проезжали Костобе, погода была еще ясная, но ближе к Кемеру небо начало хмуриться, со стороны Укирши ветер нагонял лохматые тучи. Возле зимовья Жагатам, что недалеко от Нарынкола, на нас упали первые капли дождя.

— Что это? Дождик начинается? — спросил возница, глядя в небо.

Две большие черные тучи сближаются, словно для битвы. И вот сражение началось. Похоже было, что две огромные армии бросились друг на друга и загремел бой: гремят пушки, сверкают сабли...

Но вот эти две тучи схлестнулись, слились в смертельном объятии, и дождь хлынул как из ведра. У нас не было времени на раздумья.

— Мальчик, давай укроемся вон в том доме,— сказал возница, заворачивая лошадей в сторону. Справа от нас белела одинокая глинобитная избушка. Это случилось уже после того, как мы проехали урочище Жагатам.

Грохоча по каменистой почве, порожняя телега подкатила к домику и остановилась. Из кустов, спасаясь от дождя, бежали куры. Мы соскочили с повозки и тоже бросились в избу. Дверь была открыта, и мы вошли в кухню.

В это время из горницы вышла женщина в кимешеке. Когда я увидел ее, у меня сердце оборвалось, жаркий огонь опалил глаза,— передо мной стояла Алиман, моя бывшая любимая сноха.

Она тоже сразу узнала меня.

— Откуда и куда ездил? — спросила Алиман.

Я рассказал.

— Ну, заходите в дом.

Мы вошли.

— Сюда, пожалуйста, на торь, на гостевое место.

Но мы продолжаем топтаться у порога, стряхивая с себя воду. В доме чисто, пол до самых дверей застелен кошмой и половиками. Сразу чувствуется рука Алиман.

— Ничего, ничего, проходите!..

В верхнем углу ковер, поверх него брошено длинное одеяло. Мы не решаемся в таком виде ступать на ковер и поэтому устраиваемся в сторонке на ковровых дорожках.

Алиман присела рядом, согнув одно колено. Она ничуть не изменилась: все те же мягкие движения и ласковый голос.

Где сейчас работает брат?

— Секретарем в районной прокуратуре.

«М-м»,— проговорила Алиман, будто сказала: вырос, значит. По ее лицу промелькнула быстрая тень.

— Посидите, я чай поставлю. Попьете и поедете дальше. К этому времени и дождь перестанет.

Неслышно ступая в мягких ичигах, Алиман вышла в кухню. Глядя ей в спину, я задумался о прошлых днях. Ах, Алиман! Что я мог поделать, если тебе не суждено было остаться у нас навсегда? Аульные сплетники, разведя вас с Сатылганом, успокоились, а все несчастья от этого свалились на мою голову. Прожила ты у нас недолго, а сделала так много хорошего, и это не забудется.

В убранстве комнаты я чувствую твои заботливые материнские руки.

Многие вещи в доме мне давно знакомы. Вот это вышитое покрывало когда-то так же украшало и нашу комнату. Кисточки и рисунки на вышивке казались мне старыми знакомыми. Двенадцать красивых одинаковых петухов вышиты на покрывале. Шесть с одной стороны и шесть с другой, друг против друга. Я даже сосчитал их сейчас — точно двенадцать. Их не убавилось и не прибавилось. С тех пор, как ты ушла от нас, с ними ничего не случилось. Как же все-таки живучи петухи!

Скоро Алиман подала чай. Он у нее быстро закипает, не заставляет ждать. Чистый, всегда праздничный дастархан, белый-пребелый хлеб, сахар. А как вкусен он, этот чай с молоком, который Алиман наливает на самое донышко пиалы. Он, как мед, его пьешь и никак не напьешься.

В манерах, в поведении и в одежде Алиман скромна, что характерно для многих аульных женщин. Жаулык — головной убор, на ней всегда белоснежен. Из-под него не выбиваются пряди волос. На руках у нее серебряные кольца и браслеты. Платья она всегда носит с напуском. Даже в манере пить чай у нее много изящества и благородства. Она набирает чай в рот неслышно, как будто слегка касается его губами.

Дождь кончился, и в окно упал луч солнца.

Разливая чай, Алиман рассказывала о себе. Она вышла замуж. Муж работает в подхозе районной больницы. Больница выращивает свои овощи, и они ухаживают за ними.

Когда чаепитие закончилось и мы стали собираться в дорогу, Алиман встала, подошла к сундуку и вытащила оттуда кусок синего материала.

— По воле аллаха,— сказала она,— ты оказался у нас. Мы бы подарили тебе молодого жеребенка, но сейчас у нас нет такой возможности. Одень хотя бы на себя рубашку. Когда ты учился в Сарыбастау, я в сердцах раздела тебя и увезла чапан. До чего не доведет бедность! Забудь об этом моем поступке. Ты уже сам скоро станешь взрослым человеком.

Кусок сине-пестрой бязи Алиман положила мне за пазуху. Она наговорила мне много теплых слов, которые долго будут согревать мое сердце. В те дни я не ожидал встретить такое радушие от человека, который фактически стал для меня уже посторонним. Нет слов, я остался очень доволен и уезжал от нее с большим сожалением.

28

Здешние казахи Нарынкол считают городом. Обычно они спрашивают:

— А как там, в городе?

И вот мы въезжаем в этот город. На прямых широких улицах шумят высокие тополя, между ними видны дома под железными и тесовыми крышами. Все это произвело на меня огромное впечатление.

Наша повозка остановилась около раймага — места постоянного скопления народа. Рядом несколько магазинов, столовая, куда толпами входят и выходят люди. Повсюду к тополям и телеграфным столбам привязаны оседланные лошади.

Русских здесь встречается больше. Они ходят с детьми и женами. В их речи я не понимаю ни одного слова.

Возница спросил, смогу ли я найти дом брата. И хотя его адрес лежит у меня в кармане, я побаиваюсь. Все кругом чужое, незнакомое.

Возница остановил двух женщин и начал их расспрашивать. Одна из них, оказывается, знала, где живет мой брат.

— Идемте,— сказала она,— я проведу...

Я попрощался с возницей и пошел. Мы идем прямо по середине улицы. Я впервые вижу дома с номерами на стенах, и это меня поражает. По пути нам попадаются многочисленные районные учреждения.

Наконец мы повернули направо и увидели большой деревянный дом с покатой крышей, а рядом с ним еще один поменьше.

Здесь-то и жил мой брат. Сноха Кулимбала встретила меня не особенно приветливо.

Дети быстро заводят знакомства. Уже на следующий день у меня здесь был друг по имени Жолдыбай.

Небольшого роста светлокожий мальчик с рогаткой в руке подошел ко мне. Он был босиком, серая майка была вся в дырах. Другой одежды, он, видимо, давно не знал — все открытые места его тела загорели до медной красноты. Он сразу же стал допрашивать меня:

— Ты кто?

Я ответил.

— Пойдем купаться.

Я обрадовался этому предложению, и мы пошли.

Все. Теперь мы с Жолдыбаем друзья.

По утрам, когда у нас еще не закончено чаепитие, Жолдыбай уже стоит в дверях. Куда мы потом идем, что будем делать, я не спрашиваю. Для меня и так великая честь быть его товарищем и всюду сопровождать его. Жолдыбай никогда не советуется со мной, только возглавляет. Когда он подходит, ребята расступаются и дают ему дорогу. У коренастого Жолдыбая достаточно и силы, и ловкости. При виде назревающей драки глаза у него разгораются. Все эти достоинства моего друга сразу покорили меня.

Жолдыбай был на два года старше меня. Благодаря ему, я скоро узнал все уголки и ямы Нарынкола. Раньше я действительно думал, что это город, но оказалось — так себе. Для меня теперь что Сумбе, что Костобе, то и Нарынкол.

Днем мы бываем на реке, купаемся, ловим рыбу. Вечером стараемся проникнуть в клуб.

В здешнем клубе каждый вечер показывают кино. Кто-то, не понимающий нас, ребятишек, придумал пускать в кино по билетам. Пусть у нас в кармане нет денег, но нам тоже хочется посмотреть. Вот это-то обстоятельство и омрачает наше веселое житье.

Допустим, в наши карманы попадает рубль, другой. Но разве только кино требует денег? А как обойти дежурный ларек, что рядом с клубом? Он открывается одновременно с кинотеатром. Там в основном продают водку и конфеты. Водка нас не интересует, но, когда видишь самые разные конфеты, разве можно сохранить деньги ради какого-то кино? Сосать конфеты и смотреть кино — для нас слишком дорогое удовольствие.

Итак, перед началом сеанса мы прохаживаемся перед клубом, старым деревянным домом. То, что он старый и давно не знает ремонта, по правде говоря, нам на руку. Каменный фундамент его во многих местах развалился. И если вытащить еще несколько камней, то образуется отверстие, совсем, как волчья нора. Мы проникаем в эту дыру с быстротой мыши и выскакиваем из суфлерской будки за экраном. Кино мы смотрим с обратной стороны, сидя на сцене.

Иногда перед началом киносеанса в клубе занимается кружок художественной самодеятельности. Члены кружка входят в клуб свободно. Мы заходим вместе с ними и прячемся. В старом клубе есть где спрятаться. Когда клуб заполняет публика, мы лежим, боясь громко дышать. А как только сеанс начинается, выходим из своих убежищ и занимаем любое место. Тем более, что места на билетах не обозначены.

Всему этому меня научил Жолдыбай.

Мать Жолдыбая — вдова. Она работает уборщицей в каком-то учреждении. У моего нового друга есть две сестры. Живется им трудно. Если в доме есть что пожевать, Жолдыбай ест, а если нет — не ропщет, а кормится сам. У одних на крышах домов сушится курт, у других в огороде растет капуста и морковь.

— Пища мужественных и волков на дороге,— говорит мой друг и, улучив момент, проверяет все это хозяйство. Жолеке знает, где курт особенно вкусен, а где морковь покрупнее.

Я в жизни не ел сырую капусту. Жолдыбай ее жует с хрустом и говорит:

— Ты знаешь, от капусты человек толстеет.

Я тоже хочу поправиться и начинаю грызть сырые кочаны.

Нарынкол расположен в живописном месте. С одной стороны шумит горная речка, растет густой тугай. С другой — горы Тянь-Шаня. Земля здесь плодородная. На ней

все растет, кроме фруктов — климат суровый. Пшеница вырастает высотой до холки лошади, а клубни картофеля, как пиалки. А в ущельях гор стоит такая трава, что в ней не заметишь лежащего верблюда. Воздух на джайляу чист — ни мошкары, ни мух. На южных склонах гор никогда не бывает снега, и здесь круглый год пасется скот. Воды и дров в Нарынколе тоже вдоволь. В горах много высоких сухих сосен. Достаточно такую звонкую сосну раза два ударить топором и качнуть ее, и она с грохотом упадет на землю, как смертельно раненный великан. Остается очистить ее от сучьев и столкнуть вниз. Дерево стремительно покатится по склону и остановится у самых дверей.

Выше зимовки у входа в ущелье Кайшы есть водяная мельница. Однажды я повез туда мешок пшеницы. Мне пришлось некоторое время ждать, пока отпустят тех, кто приехал раньше меня. Но я не жалел об этом, любуясь красивым местом, где была расположена мельница. Прямо передо мной тяжелой, как ртуть, водой гремела горная речка. По берегам ее, как застеснявшиеся невесты, стояли ивы.

Потом я зашел внутрь мельницы. Никого не было. На подоконнике лежала книга, покрытая толстым слоем муки. Я взял ее в руки. Это был сборник рассказов Мухтара Ауэзова «Караш-Караш».

Раскрыв книгу, я начал читать. И передо мной потекла тяжелая жизнь бедняков Бактыгула и Токтыгула, обиды, которые им наносил суровый бай Салмен. Я стараюсь узнать, что же будет дальше. А когда под ударами палки падает Токтыгул, у меня на глазах выступают слезы. Будь у меня наган, я бы застрелил проклятого Салмена.

События начинают меня увлекать все дальше.

Бактыгул дерзит. Из табуна Салмена он крадет лошадей. Он хочет только накормить жену и детей, скрывающихся в горах.

Молодое нежное мясо варится в котле. Бактыгул уже готовит нож, чтобы нарезать его. Дети глотают голодную слюну. Вдруг снаружи раздаются голоса. Это преследователи. От мяса остался один запах. Бактыгул жестоко избит. Возле него рыдают жена и дети.

Все это очень знакомо и близко мне. Я не могу читать без волнения, меня бросает то в жар, то в холод. Как жаль этих бедняков! Какая суровая жизнь и как хорошо рассказал писатель, словно все это видел своими глазами.

Закончив читать рассказ «Караш-Караш», я словно очнулся от забытья. Уже вечерело. Буквы в книге начали сливаться, а я все еще не могу прийти в себя. Скорее бы вернуться домой и все в точности рассказать Жолдыбаю!

Ночь. Внутри мельницы желтеет тусклая лампа. Я все еще не могу оторваться от тоненькой книжки и, напрягая зрение, продолжаю читать. Вошел хромой старик — мельник.

— Эй, ты зачем сюда приехал? Книги читать, что ли? Ссыпай свою муку. Сейчас кончается твоя пшеница.

В этот вечер на мельнице я пришел к выводу, что самое интересное в жизни — это книга. Эх, хотя бы один раз увидеть Мухтара Ауэзова!

Наутро обо всем прочитанном в книге я рассказал Жолдыбаю.

— Где можно взять и почитать интересные книги? — спросил я его, ибо он знал все и мог все найти.

— Здесь есть библиотека. Можно взять там.

Я слышал о библиотеке, но не видел ее.

— А мне дадут?

— Может, и дадут.

Жолдыбай привел меня в небольшой дом в центре села. Это была районная библиотека. На полках в просторной комнате стояло множество книг. Я впервые видел столько книг, собранных в одном месте, и с волнением смотрел на это богатство. А сколько на столе газет и журналов! Кто и когда успевает все это прочитать!

Большинство посетителей — дети, такие же, как и мы.

Я попросил библиотекаршу дать мне почитать какую-нибудь книгу. Она спросила, кто я такой, а потом начала морочить мне голову какими-то справками (из сельсовета, школы), без которых книги не выдаются.

Обидно было, что такие близкие и манящие книги вдруг оказались недосягаемыми. На улицу я вышел растерянный. Угадав мое состояние, Жолдыбай хитро улыбнулся и сказал:

— Ты не волнуйся. Не дают и не надо. Тебе книги нужны? Найдем...

— Как ты найдешь?

— Молчи. Подождем до вечера.

Вечером, когда улицы уже опустели, мы с Жолдыбаем пришли к библиотеке. Она уже была закрыта. Окна темны. Оглядевшись по сторонам, Жолдыбай дал мне знак следовать за ним. Потом он обошел вокруг библиотеки, ос-

мотрел окна и замок. Огромный замок никак не отреагировал на то, что Жолдыбай поковырялся в нем изогнутой проволокой.

Окна со стороны улицы низкие — до них можно дотянуться рукой. Жолдеке начал ковыряться ножичком в переплете рамы. И через минуту одно из стекол с тихим звоном оказалось в его руке. Глазок окна опустел.

У казахов на полках, где хранится мясо, обычно бывают размером с ладонь отверстия для вентиляции. Туда обычно ныряют вороватые кошки. Сейчас Жолдыбай походил на такую кошку. Он сунул голову в пустой глазок и, карабкаясь, стал забираться внутрь. Я ему помогал, подталкивая под ноги. Скоро черная дыра поглотила Жолдыбая.

Стою, жду и нетерпеливо оглядываюсь по сторонам. Как бы не попасть в неприятную историю! В случае какой-нибудь опасности я, безусловно, оставлю Жолдыбая и дам стрекача — только меня и видели.

— На, бери!

Голос Жолдыбая. Он сует мне в дыру охапку книг. Я стал их поднимать. Несколько книг упали на землю.

— Хватит? Или еще принести?

Он был готов принести мне всю библиотеку.

— Хватит.

Жолдыбай высунул из дырки обе руки, потом голову и, повиснув животом, ловко соскочил на землю.

— Пошли.

Держа охапки книг, мы почти бежим по темной стороне улицы, прижимаясь к заборам.

Рано утром на пороге у нас снова появляется Жолдыбай. И только теперь я заметил, что плечи его и шея, сгоревшие на солнце, шелушатся. Я его ждал. Вдвоем мы вышли на улицу. Как люди, свершившие ночью большое дело, мы с улыбкой переглядываемся и понимаем друг друга с полуслова. Книги, приобретенные ночью, мы спрятали в курятнике Жолдыбая среди разного барахла. В наш дом приносить было опасно. Если увидит Сатылган, он непременно спросит: откуда?

Днем в доме Жолдыбая никого не бывает. И вот мы теперь совершенно одни рассматриваем свою добычу. Половина книг на русском языке, половина — на казахском. Русские книги нам ни к чему — читать не умеем.

Жолдыбай оправдывается:

— В темноте не разберешь, какие книги. Взял со стола и пошел...

Я решил брать из курятника по одной книге и читать дома.

Интересно, что сейчас происходит в библиотеке? С самым невинным видом мы несколько раз проходим мимо нее, прислушиваемся. Но там все тихо. Стекло поставлено на место. Никаких признаков тревоги. Зайти в библиотеку мы не решались.

Прошло дня три-четыре.

С нами по соседству живут молодые супруги Танабаевы. Муж работает в каком-то учреждении, жена — несколько чванливая, гордая женщина — не работает нигде. Проводив мужа на работу, она обычно приходит к нам, и они вдвоем с Кулимбалой занимаются сплетнями.

Однажды супруга Танабаева, плавно ступая, пришла к нам. Я читал книгу.

— Что это у тебя за книга? — спросила она у меня.

Это был сборник стихов Ильяса Джансугурова «Кюй». Молодая женщина пробежала глазами по страницам и сказала:

— Дай почитать.

— Возьмите,— сказал я.

Она ушла, захватив с собой книгу.

Утром к нам пришел милиционер Буркитбай с грозно торчащими усами.

— Здесь живет такой-то мальчик? — спросил он и назвал мое имя.

— Здесь.

Буркитбай не стал со мной долго разговаривать, а велел идти с ним. Он привел меня в милицию. Я ничего не мог понять. Сначала шли по просторному двору, а затем вошли в какую-то комнату. Там сидел красивый казах в портупее с кубиками на петлицах. Он попросил Буркитбая выйти. Видно было, что он хочет со мной обстоятельно побеседовать.

Сначала он спросил, кто я, откуда. Я ответил.

— Ты узнаешь эту книгу?

Он вытащил из ящика стола знакомую мне книгу «Кюй».

— Узнаю.

— Твоя книга?

— Моя.

— Где ты ее взял?

Я не знал, что ответить.

— Скажи, где ты ее взял?

Молчу.

— Как же эта книга может быть твоей? А это что за печать?

Через минуту я рассказал все, как было.

После такого допроса меня провели в отдельную комнату и заперли. И только здесь я впервые почувствовал, как отвратительно чувствует себя человек, когда его одного закрывают на замок.

Скоро, однако, меня не отпустили. Здесь я и ночевал. Утром Кулимбала принесла мне чаю в чайнике и кусочек хлеба. Как настоящий заключенный, я выпил чай, сидя на стареньком тюфячке, разостланном на полу.

Неожиданно во дворе послышались чьи-то громкие голоса. Среди них я узнал голос Жолдыбая и посмотрел в окно. Все тот же Буркитбай вел моего друга. Милиционер подталкивает его и приказывает идти. Жолдыбай протестует и требует, чтобы его не толкали, потому что он может идти сам.

После я узнал, что все то время, пока я сидел под замком, милиция разыскивала Жолдыбая. Он, когда почувствовал недоброе, скрылся и не ночевал дома.

К обеду нас освободили. Все книги, похищенные нами, милиция тут же возвратила в библиотеку. Вот так я убедился на практике, что последствием всякой кражи является позор.

Как мне потом стало известно, жена Танабаева дружила с библиотекаршей. А когда она прошлый раз взяла у меня «Кюй», все стало ясно. Словом, затхлый запах воровства привел меня в милицию.

* * *

Ах, бросьте вы говорить о любовных письмах! Они, эти письма, зачастую не доходят до адресата и попадают в чужие руки. Сколько раз такие заплутавшие письма вносили в дружеские сердца раскаленные угли ревности. От этих писем бывает подчас столько же радости, сколько и злоключений. Охотники писать любовные письма! Пусть будет уроком вам история, какую я хочу рассказать.

Брат мой снова уехал в Алма-Ату на месячные курсы. Мы остались дома вдвоем с Кулимбалой. Здесь нет бри-

гадира Базиля, который постоянно приходил к нам и зверски напоминал, что молодой женщине надо «работать». Но, однако, здесь есть Казбек. Да, да, тот самый, лучший друг моего брата, гладколицый Казбек, который днем работает где-то в статуправлении, а вечером не выходит из нашего дома.

Однажды к нам, как обычно, пришел Жолдыбай. И только мы собрались на речку, как сзади послышался голос Кулимбалы:

— Жолдыбай, поди-ка сюда!

Он подошел, и она его увела в комнату.

Я остался в недоумении стоять на месте. Странно, почему сноха позвала не меня, а Жолдыбая.

Вскоре мой друг вышел и посмотрел на меня с ухмылкой, как будто хотел сообщить что-то очень интересное. Следом, внимательно наблюдая за нами, вышла Кулимбала.

Сразу наброситься на Жолдыбая с расспросами я не мог. Думаю, узнаю все, когда отойдем подальше. Да и он сам не вытерпит — расскажет. По дороге к речке находится статуправление, где работал Казбек. Когда мы приблизились к этому учреждению, Жолдыбай молча направился к дверям. Я за ним. Остановились в нерешительности. Мы знаем, что здесь Кулимбала нас не увидит.

— Что, что она тебе сказала? — нетерпеливо спросил я.

Жолдыбай ухмыляется. Одна его рука была в кармане.

— Показать тебе что-то?

— Покажи.

Жолдыбай вытащил из кармана конверт, сложенный вдвое. Адрес не был указан.

— Твоя сноха попросила передать это Казбеку.

Я похолодел. О чем может писать моя сноха Казбеку? Почему она не скажет ему, что хочет, когда он приходит к нам? Здесь что-то не так...

— А что, если мы прочитаем? — сказал я Жолдыбаю.

— Как же открыть?

— Потихоньку откроем, прочитаем, а потом заклеим и отнесем.

Жолдыбай согласился не сразу. В секретах такого рода он понимал больше меня. Мы отошли в сторонку и вскрыли конверт. Тетрадный листок в клеточку исписан неторопливым женским почерком. Чувствовалось, что автор старался писать как можно красивее. Возможно, это пись-

мо написано не сразу. Такие письма обычно пишутся, рвутся и снова пишутся. Их исправляют, улучшают, совершенствуют, и только когда каждое слово плотно подгоняется одно к другому, их запечатывают в конверт и отсылают.

Содержание письма вкратце вот какое: когда-то Казбек назвал мою сноху «ангелом» и признался, что не может жить без нее. Доверчивая Кулимбала и попалась на удочку. Прошло несколько дней, Сатылган не приезжал, а сноха теперь целыми днями ждала Казбека, который все не приходил.

Что это? Шутка? Игра?

Теперь, дорогой читатель, вы сами легко можете представить, какими словами может писать женщина, которую гложет ярость, ревность и тоска.

Для Жолдыбая это письмо просто занимательное чтиво, а для меня — настоящее горе. Все во мне клокочет от ревности. Я бы застрелил Кулимбалу, но у меня нет нагана. Но подожди! Пусть только приедет брат!

А что я сделаю, когда приедет брат? Эх, отдать бы это письмо ему в руки!

Жолдыбай никак не соглашается.

— Если я это письмо не передам Казбеку, Кулимбала меня погубит,— говорит он.

— Тогда давай я его перепишу.

С этим Жолдыбай согласился. Мы пришли к нему домой, и я аккуратно переписал письмо, не изменив ни одного слова.

Где же сохранить копию письма? Если держать в кармане, оно изорвется — это во-первых. А во-вторых, его может обнаружить Кулимбала.

Возле нашего дома растет куст доланы. На его верхушке — гнездо черного скворца. Жилье гнезда заботливый хозяин устлал мягкой травой. Я спрятал письмо на дно этого гнездышка в полной уверенности, что никому не придет в голову там что-либо искать. Теперь пусть только приедет брат.

Время от времени я проверял гнездо — письмо на месте. Черные скворцы, в отличие от нас, не имеют привычки читать чужие письма.

... Шли дни.

Получив письмо, Казбек снова стал появляться в нашем доме. Это был красивый светлокожий парень среднего роста. Одевался он всегда аккуратно. На нем сверкающие,

как зеркало, легкие хромовые сапоги, брюки галифе, рубашка навыпуск. Подпоясан он широким красным ремнем. На голове фуражка цвета молодой травы.

Все эти вещи — новые и чистые — к лицу Казбеку. И сам он, и одежда его всегда сверкают. Если бы у меня была такая возможность, я тоже одевался бы как Казбек.

— Здравствуй, келиншек[1].— говорит Казбек, входя к нам.— Какие вести от Сатылгана? Когда он вернется?

Казбек никогда не приходит к нам без причины. Его «интересуют» здоровье друга, который обучается в Алма-Ате, вести от него. При появлении гостя глаза моей снохи начинают блестеть. Она смахивает пыль с единственного стула в нашем доме и предлагает Казбеку:

— Садись.

Казбек неторопливо садится. Его движения, жесты также изысканны, как и его одежда.

— Когда Сатылгана нет дома, вы сторонитесь нас, не заходите,— говорит Кулимбала.

Казбек не лезет за словом в карман.

— Что делать в доме женщины в отсутствие мужа? Не сегодня, так завтра можно нарваться на сплетню.

— Боишься?

— Это не боязнь. Осторожность.

Я сижу, клокоча от ярости. Развратники! Вы думаете, я ничего не понимаю? Смейтесь пока! Придет конец вашему смеху!

Наступил долгожданный день — приехал брат. Кулимбала притворно услужливо подает ему чай, и, как женщина, которая заждалась своего мужа, не находит себе места.

Проведать брата пришли его друзья. Среди них был и Казбек. Он вошел непринужденно и шутливо обратился к Кулимбале:

— Келиншек, когда приезжает твой муж, ты становишься настоящей хозяйкой. Если бы ты раньше догадалась пригласить нас в гости, то Сатылган давно бы вернулся.

Казбек шутит манерно, но взвешивает каждое слово. Чувствуется, что он старается так, чтобы его шутки не задели Кулимбалу и ее мужа. Он якобы не имеет привычки, как некоторые, смотреть на жену друга, как на свою. Известно, что в тихом болоте черти водятся...

---

[1] *Келиншек* — молодая женщина.

Сразу, как только приехал брат, я взобрался на дерево, отыскал заветное гнездо и положил в карман копию письма, которую я хранил как зеницу ока. Теперь у меня одно желание: отдать его брату при первой возможности.

В первый день я не смог этого сделать. Наступило утро. После чаепития брат пошел на работу. Когда он вышел из дома, следом за ним выскочил и я. Догнав брата, я, ни слова не говоря, сунул ему в руки письмо. Он удивился, но тут же прочитал письмо и изменился в лице.

В обед он пришел домой не один. С ним были еще несколько человек, в том числе и председатель аульного совета. Лицо у Сатылгана почернело, словно он только что вернулся с пожара. Брат решил развестись с Кулимбалой и пришел со свидетелями.

В то время разводились не так, как это делают сейчас Все имущество в доме поделили на двоих. Закрыв лицо руками, Кулимбала все время плакала.

Итак, вторая женитьба Сатылгана тоже оказалась неудачной.

29

Я снова в Костобе.

Можете меня поздравить — у меня есть мачеха. Ее зовут Кумис. После того как потух очаг, зажженный Кулимбалой, я фактически не был дома и сейчас решил посмотреть на свою мачеху.

Я иногда подозреваю, что Кумис старше моего отца. Ростом она тоже выше его. Это неуклюжая черная женщина с грубыми чертами лица. Если отбросить ее имя Кумис, что по-казахски значит серебро, то вся она и ее одежда больше смахивали на чугун. Она такая же неряха, как моя бывшая сноха Бибикамал.

Здоровье у Кумис тоже слабое — иногда она падает в обморок. Порой шепчется сама с собой, разговаривает с богом и просит поддержки у предков. Таких людей, как моя мачеха, в народе называют припадочными. Припадки у Кумис возникают неожиданно. Наливает ли она чай или разжигает огонь — падает навзничь, скрипит зубами, корчится, изо рта у нее бежит пена, глаза закатываются, и вся она начинает дергаться. Раньше я никогда ничего подобного не видел, и поэтому меня это очень пугает. В страхе я выскакиваю на улицу и стараюсь позвать на помощь какую-нибудь старуху-соседку.

Братишке Турдыбеку в то время было уже три года. Он рос без присмотра, часто хворал, болел рахитом. Он все еще не может ходить, а только ползает. Большеглазый, с тонкой шейкой, он целыми днями сидит на кошме, постеленной на сыром земляном полу. Разговаривает он редко, но хорошо. Как будто обвиняя всех в том, что не может ходить, он чаще сидит молча с насупленным лицом. В ауле все — взрослые и малыши — стали прибавлять к его имени слово «рахитик». Его называли «Турдыбек-рахитик».

После смерти матери Турдыбека, видимо, так и не мыли и не сменяли одежду. На нем не то рубашка, не то потник, в который он завернут,— понять трудно. Руки у него, как прутики, давно не стриженные волосы закрыли уши. И сейчас, когда перед моими глазами возникает образ малыша, сердце мое наполняется ужасом и готово разорваться от боли.

Когда Кумис падает в обморок, Турдыбек не может выбежать из комнаты, он в страхе пятится в дальний угол и не сводит глаз с Кумис, которая у дверей бьется в конвульсиях.

Турдыбек очень любит, когда я бываю дома. Если мы остаемся с ним вдвоем, он перестает хмуриться и начинает что-то лепетать. Он даже пытается со мной играть.

Кумис жестоко обращается с братиком. Оказывается, она его бьет, когда они остаются одни. Об этом мне сказал Турдыбек. Но что я мог поделать? Разве у меня хватит сил заступиться за него? Тяжелое положение моего брата как яд отравляет мне сердце.

В то время я уже тайком писал стихи. Большинство из них о Турдыбеке, о том, что Кумис бьет его.

В памяти остались две строчки:

Как черная туча, страшна Кумис,
Она бьет Турдыбека — гурс, гурс[1]..

* * *

Осень. Я учусь в Нарынколе в пятом классе.

Здесь работает учителем Нургабыл — наш дальний родственник. Это очень симпатичный, добродушный человек Мы с Сатылганом живем у него.

---

1 *Гурс гурс* — шлеп, шлеп.. *

Однажды к нам с видом побитого пришел наш отец.

— С чем приехал?

— Привез Турдыбека в больницу.

— А что с ним?

— Он вместо воды выпил автол.

Дело было так. Отец и Кумис работали в поле у молотилки. До аула, где они жили, было далеко, поэтому они брали Турдыбека с собой. Не умея ходить, несчастный ребенок целыми днями жарился на солнце на краю поля. Мачеха за ним даже не присматривала.

Турдыбек захотел пить и начал искать воду. Вокруг него много разных ведерок, бочонков. Он потянулся к ним. В одном ведерке был автол. Несмышленый младенец просунул голову в ведро и начал пить его содержимое.

Мой бедный братишка пролежал в больнице около недели.

Зимой снова на низких казахских санях из Костобе приехал отец. В санях была разостлана кошма, прикрытая плохоньким одеялом.

— Кого опять привез?

— Турдыбека в больницу.

— А что с ним еще случилось?

— В кузнице сунул руку в огонь.

Кузница дяди Окимбая находилась рядом с нашим домом. Турдыбек в это время уже начинал ходить, держась за стенку дома. Однажды малыш пошел вдоль стены до кузницы. У соседа был мальчик Киргизбай — одногодок Турдыбека. Только это здоровый ребенок. Он толкает еле стоящего на ногах Турдыбека. Мой беспомощный братишка падает и одной рукой по локоть попадает в красные угли.

Когда я услышал об этом, у меня мурашки побежали по коже: бедный Турдыбек, опять он в больнице.

Я каждый день навещаю брата — приношу ему пряники, конфеты. Его здесь выкупали, подстригли, дали чистое белье, халат. Обожженную руку перевязали. Малыш стал спать на белых простынях в кровати с сеткой. Когда я пришел к нему в первый раз, то не узнал его. Это не прежний Турдыбек, которого можно было испугаться. Передо мной лежал симпатичный мальчик с черными, как смородинки, глазами. Увидев меня, он застенчиво улыбнулся. И только после этого я узнал своего братишку.

Однажды после уроков я снова пришел к Турдыбеку и сел возле его постели. Вижу, он начинает что-то искать

под подушкой, шарит здоровой рукой. Оказалось, у него было припрятано три конфеты.

— Кушай, я оставил тебе,— сказал он, протягивая мне раскрытую ладошку.

Конфеты им давали утром к чаю. Турдыбек не съел их, а сохранил для меня.От такого трогательного проявления родственных чувств у меня в груди будто растаяла льдинка.

— Кушай сам...

В детстве я больше всего уважал людей двух профессий — учителей и врачей. Мне всегда представлялось, что это самые умные и грамотные люди. Я ждал от них только хорошего, доверял им, как своим родителям, и никогда не думал, что в их среде могут встретиться подлые люди.

Но, оказывается, иногда встречаются. Безжалостная судьба свела моего братишку именно с таким бездушным врачом. Он не смотрел на Турдыбека, как на человека. Лечащий врач видел в нем ягненка со сломанной ногой. Врач перевязывал Турдыбеку не каждый палец в отдельности, а стягивал их все вместе. Из-за этого все пальцы руки склеились и срослись. Его ладонь превратилась в выгнутую чашу. Мы это заметили, когда братишка вышел из больницы.

Безответственность врача особенно дорого обошлась Турдыбеку, когда он стал взрослым. Его покалеченная рука была непригодной к труду. Мой несчастный брат, таким образом, на всю жизнь остался инвалидом.

* * *

Летние каникулы я не любил — лучше бы их не было! Куда мне пойти? В чьи глаза я опять буду смотреть с надеждой? Возвращаться в Костобе к мамаше Кумис не хотелось.

Кроме того, поехать в Костобе — значит опять работать в колхозе. Бригадир только завидит, как тут же поворачивает лошадь в мою сторону и оказывается рядом.

— О, дорогой! — говорит он.— Закончил учебу, приехал уже? Завтра выходи на работу, сядешь на лошадь сенокосилки...

Для нас, ребятишек, летние каникулы — отдых только по названию. На самом деле мы все лето работаем в

колхозе. Только с приходом осени мы облегченно вздыхаем. Для нас наступает отдых — начало учебы.

Делать было нечего, идти некуда — я вернулся в Костобе. Отец в это время жил в старой землянке на краю аула и пас телят. У них было две комнаты, в одной жили они сами, в другую — без крыши — загоняли коров.

В комнате для жилья не было даже дверей, вместо нее — старая мешковина. Когда дома никого нет, любопытные коровы заходят в жилую комнату и, чуя пищу, разбрасывают вещи, посуду.

Когда стоят жаркие дни, то нет животных глупее, чем коровы, за которыми гонятся оводы. С поднятыми хвостами в поисках тени они врываются в помещение, несмотря на присутствие людей. Обезумев, они готовы растоптать тебя самого. Находясь в комнате, все мы сразу поднимаем шум, и коровы испуганно вылетают назад, вынося на рогах мешковину с дверей.

В моем Костобе был самый отстающий колхоз в районе. Животноводы не могли даже выезжать на джайляу — не было юрт. Они укрываются в землянках и ведут мучительную борьбу с мухами и оводами.

Мы живем в отдалении от всех, и поэтому я все еще не попался на глаза бригадиру. Отдыхаю. Перечитываю старые книги, что хранятся в моем собственном ящике Тут я замечаю одну неприятность, кто-то незаметно для меня вырывает из книг то одну страницу, то другую. Я не знаю, кто это делает, и прихожу в отчаяние. Отец меня утешает: стоит ли так убиваться, хватит и тех страниц, которые остались. Читай себе на здоровье.

Но вор оказался не из дальних — это был мой отец. Он курит, а газет не выписывает. Однажды смотрю — он сворачивает цигарку из листа моей книги.

Пойманный с поличным, отец ничего не может возразить, у него, безграмотного, не знающего даже азбуки, свои понятия о книгах. Страниц в книге много, рассуждает он, и если несколько из них будет вырвано, беда не велика. Разве уменьшится отара овец, если зарежут одного барашка?

... У меня есть общая тетрадь с толстой обложкой, специально для стихов. Я ухожу далеко от дома, ложусь животом на зеленую траву и пишу стихи. Все, что я написал раньше, не нравится мне самому. Многие из моих стихов я уничтожаю. Мне хочется написать

красивые стихи, чтобы в них нельзя было заменить ни одного слова. Когда моя тетрадь будет исписана драгоценными стихами, я сохраню их для истории.

Кем я буду, когда вырасту? Этот вопрос для меня уже решен окончательно. Конечно, писателем.

Недалеко от места, где я сейчас лежу, находится могила моей матери. Я направляюсь в ту сторону. Уйти не навестив маму, я считаю преступлением.

В центре кладбища высится большой купол, рядом несколько поменьше, а большинство могил — небольшие холмики без каких-либо надгробий. Даже после смерти люди не становятся равными — сразу видно, кто из них богатый, кто бедный.

Могила моей матери. Простой холмик, сверху обросший травой, стал пониже.

Дорогая мамочка! К тебе пришел твой сын. Пришел твой сиротинушка, которого ты с рыданием оставила после себя. Чувствуешь ли ты, знаешь ли о том, что я пришел к тебе? Как я соскучился по тебе, мамочка!

30

В Нарынколе я живу у тезки моего дяди, которого зовут Смагул. Детей у них нет, и это доставляет немало огорчений им обоим.

Смагул и его супруга Улмеке жаждут иметь младенца. Смагулу за сорок лет и он удивительно хозяйственный, трудолюбивый. В свое время, когда на границе было неспокойно, он служил в комотряде и много раз сражался с бандами. С тех пор один глаз у него поврежден. Он хорошо говорит по-русски, играет на гармони и поет. Люди очень любят его за открытый, мягкий характер и ласково называют его Смаш.

Смаш и мой брат Сатылган когда-то были неразлучными друзьями. В настоящее время Сатылган был в Текесе в пятнадцати километрах отсюда и работал в МТС инструктором-бухгалтером. По служебным делам он часто приезжает в Нарынкол. Он всегда появляется на высокой, как верблюд, лошади, под ним отличное, фабричной выделки, седло, через плечо — кожаная сумка. Он снова превратился в молодого задорного комсомольца с торчащим хохолком волос. Из одноцветного материала он сшил себе аккуратный китель и галифе.

В каждый свой приезд он оставляет мне пять-шесть рублей на покупку бумаги и карандашей.

Я не в тягость людям, у которых живу. Смаш возит почту от Нарынкола до Сумбе. Он съездит один раз, переночует там, а потом два дня отдыхает, то есть работает дома по хозяйству. За ним закреплена казенная лошадь и сани. У кого есть лошадь и сани, тому и жить легче, можно подвезти дрова, сено.

В Нарынколе есть пять-шесть домов, которые, как говорят, построил Смагул. Обычно он построит дом, поживет в нем, а потом продает его и строит новый. И снова его продает.

Нет, не для наживы. Ему просто начинает не нравиться место, где стоит дом. Продав его, он строит себе новый — для трудолюбивого Смагула это не составляет особенной трудности.

Улмеке еще более простодушный человек, чем Смагул. Они хорошо дополняют друг друга. Жаль только, что у них нет детей. Это были бы самые счастливые люди на земле.

То обстоятельство, что у них в доме нет ребенка, Смагул, мне кажется, переживает больше. Наверное, поэтому он иногда выпивает. Правда, пьет он не постоянно. На серьезные запои у него не бывает ни времени, ни средств.

Вечером после работы уставший Смагул умывается, надевает праздничную одежду.

— Ты куда идешь? — спрашивает Улмеке.

— Пойду в магазин купить курева. У меня кончились папиросы.

К магазину Смагул ходит не каждый день, а если идет, то возвращается навеселе. Улмеке хорошо знает об этом.

— Опять с кем-нибудь встретишься и выпьешь,— говорит она.

— Не выпью.

Смагул говорит неуверенно и при этом отворачивается и не смотрит на Улмеке.

— Посмотрю, как ты не выпьешь.

Смагул уходит. Возвращается он не скоро, задерживается. Улмеке начинает волноваться.

— Бекен, пойди посмотри за дядей,— говорит она,— а то опьянеет и будет где-нибудь валяться на улице...

Я иду по дороге, по которой обычно ходит Смагул. На широкой вечерней улице пустынно, прохожих почти нет.

Когда я приближаюсь к магазину, то вижу, как из ворот углового дома появляется Смагул. Шапка сдвинута назад, походка неуверенная, словно он идет по льду и боится поскользнуться. Он меня не узнает и даже не видит. И уже когда я подхожу к нему вплотную, он признает меня.

— Дорогой, куда ты идешь? За мной? Да? — спрашивает он. Смагул понимает, что Улмеке послала меня за ним и берет за руку.

— Вот я и сам иду домой, дорогой...

Когда он выпьет, то становится еще добрее, мягче, то и дело повторяет слово «дорогой».

Встречные люди не проходят мимо, не поздоровавшись с ним. Им как будто интересно посмотреть на пьяненького и доброго Смагула. Он всех приветствует низким поклоном и самыми душевными словами, как будто его приподнятое и радостное настроение зависит только от этих людей.

Когда мы подходим к дому, он останавливается и закуривает. Делает несколько затяжек и рукой разгоняет дым. Прежде чем войти в дом, говорит мне:

— Дорогой, сейчас меня будет ругать твоя сестрица? А? Повстречался этот Султанкожа, я и выпил. А ты, когда вырастешь, никогда не пей. Водка, она знаешь... Не пей. Понял? И не кури. Вот так...

Подойдя к двери, Смагул громко зовет:

— Улмеке, а Улмеке! Где ты? Ты сейчас меня будешь ругать? А? Я немножко выпил...

— Это называется немножко? Еле стоишь на ногах. Раздевайся и ложись.

Смагул не ложится.

— Бекен, где моя гармонь? Подай мне.— И, стоя посреди комнаты, широко, с громким нестройным звуком разводит мехи. Затем, склонив голову набок и быстро перебирая пальцами по ладам, начинает петь, перемежая татарские и казахские слова.

* * *

В шестом классе я вступил в комсомол. Комсомольцами становились с четырнадцати лет. Все ребята с нетерпением мечтали об этом времени. Я тоже был одним из них.

После общего собрания я вернулся домой радостный и возбужденный.

Члены бюро несколько заколебались, когда речь зашла о моей дисциплине. Всем было известно, что на уроках мое имя называлось чаще других, на улицах, где я появлялся, громче всех лаяли собаки и гоготали гуси.

Итак, я член Ленинского комсомола. День, когда я получил комсомольский билет,— самый незабываемый и счастливый в моей жизни. Грудь мою переполняло гордое чувство — позади еще один большой перевал жизни на пути возмужания.

... Я снова нахожусь в счастливом для меня Сумбе и опять отыскал своих добрых родственников. Свой — хотя гони его со двора, пинай в грудь — не уйдет, а чужой — хоть держи его на аркане, не останется. Нельзя винить заблудившегося, если он снова вернулся в родной табун.

Я уже учусь в седьмом классе. В этом учебном году я должен пройти еще один жизненный перевал — окончить неполную среднюю школу. Мы опять с Рамазаном вместе и неразлучны, как ягнята-двойни. Только он еще больше вырос и когда стоит рядом, то смотрит на мою макушку сверху вниз.

Мы теперь ученики старшего класса и на младших смотрим свысока. Если поднимемся еще на одну ступень, то можем стать и учителями. В школе нет ни одного преподавателя, окончившего институт. Многие учатся в педучилище заочно.

В то время я был ужасно честолюбив. Мы видели, что у честолюбивых больше авторитета. Значит, желание сделать карьеру — естественное явление, как стремление растения к солнцу.

Я член редколлегии школьной стенной газеты, член комитета комсомола, казначей по сбору членских взносов. На общих комсомольских собраниях, как правило, избираюсь в президиум, пишу протоколы и постановления. Нет человека, который бы лучше меня и чище писал протоколы.

Всякий знает, что сидеть в президиуме — дело почетное. Каждый, если бы мог, сидел там. Чувствуешь, что ты лучше других и позволяешь себе даже командовать.

Как бы страстно я ни мечтал о карьере, не могу добиться одного — стать классным старостой. Но я очень стремлюсь к этому. Старосту обычно назначает в начале

года классный руководитель. Он смотрит на ребят — кто ему понравится, того и ставит. Он не считается с тем, что и другие умирают от желания побыть старостой.

У нас тогда была учительница Софья Галиева — необыкновенной души человек. Говорили, что живет она одиноко. В отличие от аульных женщин, одевалась она наполовину по-женски, наполовину по-мужски. И характер у нее был прямой, твердый, не женский. Прямые черные волосы свободно падали на плечи.

Люди быстро узнают, кто есть кто. Разговоры взрослых доходят и до детских ушей. Оказывается, когда-то Галиева работала актрисой в Уйгурском театре, была замужем, родила двойню. Однако дети умерли, а семейная жизнь не удалась. Говорили, что после этого она дала себе клятву никогда больше не выходить замуж.

В то время в школах существовали так называемые женские общества. Галиева руководила таким обществом. В определенные дни по вечерам она собирала девочек-старшеклассниц и проводила с ними закрытые собрания.

О чем они говорят на этих собраниях? И не выступает ли она против иных любовных чувств, которые тогда раскрывались у нас, как бутоны нежных цветов, и не говорит ли девочкам, чтобы они держались от нас, мальчишек, подальше?

Вечером мы ходим вокруг класса, где проходит собрание, и прислушиваемся. Окна высоко, и мы не можем до них дотянуться. Форточек тоже нет, так что мы ничего не слышим. Мы отходим немного поодаль и видим, как Галиева горячо говорит, решительно жестикулируя. Нам кажется, что она говорит именно о том, в чем мы ее и подозреваем.

На другой день спрашиваем у девочек, с которыми у нас иногда бывают общие секреты: какие вопросы рассматривались на собрании? Что им говорила Галиева? Но разве они скажут, зная жесткий характер учительницы?

Учебный год заканчивается. Предстоят выпускные экзамены. Выпускной экзамен! Для нас нет ничего более важного и страшного. Преподаватели говорили нам об этом еще в начале года. Смотрите, мол, учитесь хорошо. Будет не просто экзамен...

При этом учитель поднимает указательный палец вверх. Этот палец как будто тоже повторяет слово «смотрите» и застывает, как восклицательный знак.

Проходите осторожно — лед может подломиться!

Когда трудности впереди и до них далеко, человек не особенно беспокоится. Теперь они уже наступили, нам известны день, час, предметы, которые мы должны сдавать.

Мы не выпускаем из рук учебников с самого раннего утра. Домашние тоже понимают, что экзамены не простые, и поэтому стараются не мешать.

И днем и ночью мы наизусть зубрим свои книги, словно заучиваем Коран.

Наступил долгожданный день экзаменов. Из районного отдела народного образования приехал инспектор. О нем говорят:

— Комиссия из района. Экзамены будет принимать районная комиссия...

«Районная комиссия» — это простой человек с приятными чертами лица по фамилии Смагулов. Он ни во что не вмешивается, сидит себе, читает газету или позевывает, занятый сам собой.

В седьмом классе у нас всего двадцать человек, и все сдали экзамены. Окончил школу и Елемес, который не знает даже, где юг и север на карте.

Комиссия и ему дала путевку в жизнь с напутственными словами: не сбавляй темпа, поднимайся на вершину науки.

В прошлом году в Сумбе был первый выпуск окончивших неполную среднюю школу. Тогда с помощью колхоза был устроен. Думают провести праздник и в этом году.

Стоял яркий теплый день июня. Сегодня в семилетней школе Сумбе вечер выпускников. На улице режут баранов. Из больших камней сооружены очаги, под огромным казаном разводится огонь. К месту тоя собраны самые большие самовары со всего аула. Женщины и девушки собирают в домах посуду.

На площади перед школой состоялось торжественное собрание. Директор школы Насыр Алиев произнес напутственную речь. Выступили некоторые родители. Потом ученикам, окончившим школу с отличием, вручили грамоты. Я тоже был одним из счастливцев. Когда назвали мое имя, в ушах у меня зашумело.

После вручения грамот Насыр вдруг сказал:

— Слово от имени выпускников предоставляется...— и назвал меня.

Я этого не ожидал. Меня никто не предупредил, и я не готовился выступать. Меня как будто молнией ударило.

Когда я встал перед людьми и увидел множество глаз, устремленных на меня, то растерялся и обо всем забыл.

— Товарищи,— сказал я,— хорошо ли вы учились или плохо, но каждый учился для себя...

Вот и все, что я сказал.

МЕНЯ ЗОВУТ КОЖА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Оллахи! Я не хвалюсь, друзья мои, а говорю вам чистую правду: мечта во что бы то ни стало стать писателем зародилась во мне с юных лет. Уже в третьем и четвертом классах слава обо мне как о поэте перешагнула порог школы и разлетелась по всему аулу. Меня даже стали называть «мальчик-поэт».

Вначале это прозвище кололо меня, словно колючка Но потом я решил: талант заложен в человеке с рождения. Я свой талант ни у кого не выпрашивал и не крал. А коли так, коли судьбой мне дано такое, не остается ничего другого, как смириться.

Говорят, большие поэты пишут свои стихи, только когда на них нападает вдохновение. Что касается меня, то мое вдохновение будто все время висело на кончике пера. Стоит мне только улучить минутку и сесть за стол, как я тут же что-нибудь сочинял. Да что там говорить! Порою, бывало, начну новую тетрадь стихов и так мне хочется поскорее ее исписать, что я сам себе даю задание. сочинять каждый день по стольку-то стихотворений.

Человеку свойственно расти, и я не был тому исключением. День ото дня все заметнее рос и я. Вскоре мои стихи стали постоянно публиковаться в классной и школьной стенных газетах. Дело дошло даже до того, что уже не я предлагал свои стихотворения, а меня упрашивали придумать что-нибудь подходящее.

— Напиши, пожалуйста, стихотворение про Май! — просили одни.

— Сколько вам надо куплетов?

— Хватит четырех.

— Ладно,— отвечал я и тут же, прямо на уроке, выполнял обещание.

— Сочини что-нибудь про дисциплину! — подходили другие.

— Что тебе стоит чиркнуть стишок про тех, кто дремлет на уроках? Только сначала похвали кого-нибудь из примерных ребят, а потом уж критикуй, а не то получится от начала до конца сплошная критика.

Эти и другие заказы сыпались на меня как снег из отрядных и классных редколлегий.

Все это доставляло мне сначала огромную радость, но со временем превратилось в привычное занятие и перестало вдохновлять. Чем чаще мои стихи появлялись в стенных газетах, тем меньше они привлекали мое внимание и волновали меня.

По моему мнению, человека ведет вперед только мечта. И я теперь мечтал о том, чтобы мои стихотворения были набраны типографским шрифтом, опубликованы самым настоящим издательством и чтобы люди покупали их и читали. Ах, как это было бы прекрасно! Вот в нашу школу принесли новые номера журнала «Пионер» и начали раздавать ребятам. Кто-то, раскрыв журнал одним из первых, громко воскликнул: «Эй, смотрите! Здесь напечатаны стихи нашего Кожи!» И там действительно мое стихотворение, а под ним четко, как клеймо на бедре жеребца, красуется: «Кожа Кадыров».

Эх, если бы это произошло на самом деле, что бы

подумала обо мне Жанар? Наверное, она поверила бы в мой талант, в то, что когда-нибудь я стану известным писателем. И тогда она, может быть, относилась бы ко мне немножко иначе.

А что бы, интересно, стал делать подлый Жантас? Лопнул бы, пожалуй, от зависти! Хотя нет, скорее всего не растерялся бы и заявил, что это написал какой-нибудь другой Кожа Кадыров. От него вполне можно ожидать и такое.

Как-то раз я перебирал все свои стихотворения, выбрал, на мой взгляд, лучшие из них и, уповая на удачу, отправил их в Алма-Ату, в редакцию журнала «Пионер». Так началась моя «бомбардировка» столицы стихами.

Не знаю, в чем была причина, но ни одно из них, как ни странно, опубликовано в журнале не было. Тогда я пошел на хитрость. Переписав стихи, которые были посланы в «Пионер», я отправил их на этот раз в газету «Казахстан пионери». Может быть, там они понравятся?.. Однако из этой затеи ничего не вышло. Газете мои произведения, похоже, тоже пришлись не по вкусу.

Несмотря на эти неудачи, я не унывал. Напротив, упорство мое возросло. Я не поленился, переписал наиболее удачные стихи в нескольких экземлярах и разослал их во все издательства и редакции, какие только знал. Можно было подумать, что, не получив моего послания, кто-нибудь из издателей мог обидеться. При этом я, конечно же, рассчитывал на то, что если не напечатают одни, опубликуют другие. Сгоряча я не заметил, что отправил письмо с подборкой стихов даже в редакцию журнала «Блокнот агитатора». И когда ко мне пришло оттуда ответное письмо, я от стыда готов был провалиться. Мне насмешливо ответили, что вряд ли человек, который не понимает, для кого он пишет, может стать хорошим литератором.

Единственное, что все-таки радовало меня, так это ответы, которые приходили отовсюду, куда бы я ни отправлял свои стихи. «Следует отметить, что ты обладаешь определенным поэтическим даром, однако необходимо еще

много работать, оттачивать свое мастерство и как можно больше читать»,— так или приблизительно так писали мне обычно, и эти коротенькие обнадеживающие строчки воодушевляли меня и придавали сил. Я с гордостью показывал своим приятелям конверты с издательскими штемпелями. Пусть знают, с кем мне приходится иметь дело!

Но некоторые письма были колючими и безжалостными. Помню, один известный поэт как-то написал мне: «Думаю, что тебе рановато еще забивать голову поэзией. Ничего интересного и личного я в твоих стихах не обнаружил». Эти слова были для меня подобны камню, неожиданно свалившемуся на голову. Такие резкие и неприятные ответы я, естественно, тут же прятал от постороннего глаза и уничтожал, дабы они не повредили моей славе школьного поэта.

В конце концов я разочаровался в каждой из редакций. Подумать только, сколько мной было потрачено денег на покупку конвертов и марок для отправки писем! И всё впустую! Лучше бы я купил на них кучу конфет и вдоволь насладился.

Ну и пусть! Не хотят печатать — и не надо! Все равно, как бы то ни было, я ни на шаг не отступлюсь от своей заветной мечты. Вот, как видите, назло им всем я оставил на время поэзию и взялся за самую настоящую повесть. А чтобы все было как в книге, я разделю события на главы и дам каждой из них свое название. Обещаю, что придумывать ничего не буду.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в которой читатель познакомится с главным героем, а точнее, со мной

Меня зовут...

Когда я пытаюсь произнести свое имя, язык мой тут же словно прилипает к нёбу. Мне кажется, что красивое имя для человека — настоящее счастье. Вот взять, к примеру, такие имена, как Мурат, Болат, Ербол, Бахыт. Они и произносятся легко, и на слух приятны. А кроме того, как говорит наша учительница казахского языка Майканова-тате[1], имеют высокий идейный смысл. Я заметил, что те, кому даны удачные имена, гордятся этим и при знакомстве громко называют себя.

Но встречаются еще имена, которые не только произносить, но и слышать-то неудобно. И если у тебя такое имя, то, не говоря уже о посторонних, оно не нравится в первую очередь тебе самому. Конечно, будь на то твоя воля, ты бы незамедлительно изменил свое имя и взял бы себе что-нибудь покрасивее. Увы! В то далекое время, когда ты был крохотным розовым младенцем и лежал в колыбели, твои родители, а может быть, кто-нибудь из уважаемых гостей, веселившихся на шильдехане[2], пользуясь твоей беспомощностью, взяли да и нарекли тебя одним из самых глупых и смешных имен, какие только встречаются на свете. Сына Окембая, например, так и назвали: «Тынжыртар[3]. Говорят, на шильдехане кто-то из подгулявших гостей выкрикнул со смехом это имя, а остальные, одобрительно зашумев, поддержали его: мол, лучше не придумаешь, и пусть родители так и назовут ребенка.

Так, с самого рождения, имя, данное младенцу, прилипает к нему, словно появилось на свет вместе с ним. И никуда от него уже нельзя деться. Как бы оно ни было

[1] *Тате* — обращение к старшей.

[2] *Шильдехана* — празднество по случаю рождения ребенка.

[3] *Тынжыртар* — дословно: «взрывающий целину»

тебе противно, оно связано с тобой теперь до конца твоих дней.

Что и говорить, в жизни немало несправедливостей, подобно этой. Как-то я прочитал в газете о том, как китайцы дают имена своим детям. Заметка очень заинтересовала меня. Оказалось, что в Китае дети до пяти-шести лет не имеют имени и их в семье называют по-разному: «средненький», «младшенькая», «любимый», «сладенький» и т. д. После того как ребенку исполняется пять или шесть лет, он сам выбирает себе имя по желанию. Вот она справедливость! Разве не так?

Ну да ладно. Как говорится, дело прошлое, жалей не жалей — ничего не поправишь. А поэтому перейду-ка я лучше сразу к делу. Итак, меня зовут Кожа. Как видите, ничего примечательного в моем имени нет. Хотя, если быть точным, вначале меня звали не Кожа, а Кожаберген. Да-да, в моем свидетельстве так прямо и записано. Однако каких только превращений не происходит на свете! Со временем хвостик у «Кожабергена» отвалился и бесследно исчез. Когда именно произошло это удивительное превращение — неизвестно. Никто не может назвать год, месяц или день, когда это случилось.

В общем, сколько я себя помню, я — Кожа. Все, кто меня знает в наших краях, так меня и называют

У нас в классе два Кожи. Старшего сына Суттебая, как и меня, тоже зовут Кожой. Чтобы не путаться и знать, о ком идет речь, ребята дали нам прозвища: мне — Черный Кожа, а ему — Белый Кожа, вероятно, соответственно нашему внешнему виду.

Вначале я злился на свое прозвище, но потом постепенно привык и откликался на него безо всякой обиды. Однако некоторым болтунам, вроде нашего Жантаса, этого было мало. Нарочно коверкая и без того малоприятное прозвище, он то и дело дразнил меня: «Эй, Черный Коже[1]!» Иногда по привычке я тут же откликался, но зато потом ох и доставалось моему обидчику!

Фамилия моя Кадыров. Одно время я писал: «Кадырулы[2]». Но, заметив, что у всех фамилии кончаются на «ов», решил не выделяться и стал Кадыровым.

Кадыр — это мой отец. Вот ведь какая сложная штука — жизнь! При слове «отец» мое сердце готово разорваться. До чего же это слово близко и дорого мне. Мои

---

[1] *Коже* — просяная похлебка

[2] *Кадырулы* — «сын Кадыра» — разновидность казахской фамилии

друзья частенько хвастают друг перед другом: мол, одному отец купил то, другому — это. У того отец смастерил что-то, у того — рассказывал о чем-то. Ну а я даже не знаю, каким человеком был мой отец. Мне было всего два года, когда он ушел на фронт. Что может понимать и помнить двухлетний несмышленыш? С тех пор моего отца больше никто не видел. С войны он так и не вернулся...

Бедный мой отец! Кто знает, будь ты жив сейчас — и я, возможно, был бы немного другим. Может быть, я стал известным на всю округу озорником Кожой именно потому, что рос без отца...

Что ни говори, а отец нужен каждому. Даже трясущиеся дряхлые старцы и те порой вздыхают, вспоминая и рассказывая о своих отцах.

А нужен ли муж женщине? По-моему, очень нужен. Иногда, когда моя мать садится за стол и перебирает, подолгу рассматривая каждую, фотокарточки отца, я вижу на ее ресницах слезы, а на лице такую безысходную печаль, что становится невыносимо ее жаль. Но что толку от моей жалости? Я понимал, почему она горюет.

Если бы ее муж, а мой отец, был жив, то бессовестный Каратай не только приставать к ней, даже и пройти-то рядом не посмел бы.

Теперь вы, можно сказать, познакомились со мной. Но ведь в художественном произведении нужно не только сказать о герое, какой он, а еще и описать его облик, то есть наружность. Придется, видно, и мне сделать это. Однако подождите-ка минутку, я сначала рассмотрю себя в зеркале... Вот это — мой нос. Моя бабушка частенько называет меня курносым. И в этом она абсолютно права.

Ноздри мои, в каждую из которых свободно входит по пальцу, зияют словно отверстия двустволки, а круглая и совершенно бритая голова, волосы с которой начисто снял бритвой старик Аубакир, очень похожа на арбуз.

Ох, мои волосы! По своей жесткости и колючести они ничуть не уступают свиной щетине. Во всем нашем ауле только у одного человека имеется бритва, которая может справиться с ними. Это бритва Аубакира. Но даже она поначалу то и дело спотыкается и застревает в моих взъерошенных волосах. Каждый раз, приступая к бритью, Аубакир удивленно качает головой, словно видит меня впервые.

— Япырай! Надо же уродиться таким волосам! Это же

не волосы, а колючки какие-то! Настоящие колючки! По ним виден и твой шальной характер.

Да, о чем же я еще не сказал? О смуглости своей я уже упоминал в самом начале. Так вот, под левым ухом у меня красуется небольшая родинка. Нашла, тоже мне, место, бестолковая! Вот если бы она пристроилась где-нибудь на лице, скажем, хотя бы на щеке, было бы, думаю, гораздо красивее. Один зуб мне в прошлом году... хотя стоит ли рассказывать об этом? У кого, скажите, не бывает испорченных зубов? К тому же его отсутствия почти не заметно.

Некоторые утверждают, что ростом я невысок, а бабушка, напротив, всегда говорит, что я пошел в отца — он был стройным и высоким. Кто из них прав, одному богу известно. Прошлой осенью, когда наш рост измерял школьный врач, у меня было сто тридцать сантиметров. Если бы меня не побрил Аубакир, было бы все сто сорок (безусловно, это один из недостатков бритой головы). Мне уже стукнуло двенадцать, и я скоро окончу пятый класс.

На этом я заканчиваю первую главу повести и перехожу ко второй.

ВО ВТОРОЙ ГЛАВЕ
речь пойдет о Каратае

Прогоняв целый день в футбол, я к концу дня окончательно выбился из сил. Во время игры, охваченный азартом, не очень-то замечаешь усталости. А сейчас я возвращался домой, едва волоча покрытые толстым слоем пыли ослабшие ноги. «Вот бы сейчас окунуться в воду!» — подумал я и бросил взгляд на речку, протекавшую неподалеку. Там весело плескались какие-то девчонки. Пусть себе купаются, им, наверно, тоже жарко. Ну а я сначала поем, а то в животе так урчит, что проглотил бы, кажется, целого верблюда со всем его грузом.

Завернув за угол дома, я вдруг заметил чудище, пристроившееся у самой нашей двери. Сердце мое екнуло, я сразу весь подобрался. Чудище не двигалось. Оно, как обычно, неподвижно приткнулось мордой к косяку, будто принюхиваясь.

Чудищем был много повидавший на своем веку, потрепанный, с облезлой голубоватой краской мотоцикл на трех чумазых колесах.

С некоторых пор он каждое воскресенье появлялся здесь и торчал в нашем дворе как бельмо на глазу.

Владельцем мотоцикла был комбайнер из соседнего колхоза, некий джигит по имени Каратай. Хотя, конечно, слово «джигит» к этому морщинистому и бородатому типу вовсе не подходит.

Так же, как я невзлюбил Каратая, я возненавидел и этот дряхлый мотоцикл. Ведь это он, проклятый, мчит к нам своего хозяина.

Годом раньше, как я узнал, у Каратая умерла жена Потеряв жену, он оказался свободным, а оказавшись свободным, решил жениться снова. Тут, понятно, возник вопрос: на ком? И тогда ослиные надежды и чувства Каратая устремились к моей любимой матери. Можно было подумать, что другие женщины все куда-то разом провалились. Вот почему с некоторых пор этот замызганный драндулет «обнюхивает» по воскресеньям дверь нашего дома.

Разумеется, по этому поводу никто моего мнения и совета не спрашивал. Тем не менее я внутренне очень злюсь на Каратая и говорю мысленно: «Черта с два моя мама выйдет за тебя замуж! Вот увидишь!»

Открывая дверь, я с ненавистью пнул колесо мотоцикла. Безучастная к происходящему и послушная лишь тому, кто ею владеет, машина дернулась и снова замерла.

В передней моя бабушка взбивала масло. Ох и хлопотунья же она! С раннего утра и до самых сумерек крутится то в доме, то во дворе. Вот и сейчас бабушка с таким усердием взбивает масло, что, казалось, еще немного — и она выбьет дно из посудины.

Платок ее сполз на плечи, поседевшие от пережитого волосы влажно поблескивали, и до меня доносился едва ощутимый запах пота. Я швырнул в сторону мяч, который стукнувшись об стенку, откатился в угол, и решительно направился в комнату.

— Эй, ты куда в таком виде? Там гости,— сказала бабушка, прервав свое занятие.

Странный все-таки она человек! Неужели она думает, что я не знаю о том, кто там у нас сидит.

— Что из того, что там гости?

Наверное, голос мой прозвучал очень громко. Ну и пусть, пусть слышит!

Я рванул дверь и вошел. Каратай и мама сидели, как обычно, друг против друга за обеденным столом у окна

и о чем-то беседовали. Они разом взглянули на меня. По лицу Каратая я понял, что он не очень-то обрадовался моему приходу. Но и строгий мамин взгляд из-под сдвинутых бровей говорил о том, что мое шумное вторжение ей совсем не понравилось.

С тем же решительным видом я повернулся к книжному шкафу, стоявшему в дальнем углу, и в эту минуту за моей спиной раздался насмешливый голос Каратая:

— Эй, Кожатай, а где твое «здрасьте»?

Я припомнил, как мама не раз говорила мне, что со старшими непременно надо здороваться первым, а не делать этого — значит быть в высшей степени невоспитанным.

— Здрасьте,— бросил я, исполняя эту обязательную процедуру.

Ворвавшись без всякой цели в комнату, где сидели взрослые, я вынужден был теперь найти себе какое-нибудь занятие. Подошел к шкафу и начал с озабоченным видом рыться в газетах и журналах, лежавших на нижней полке. Одному богу было известно, что я там так упорно искал и никак не мог найти. И хотя я повернулся к маме и Каратаю спиной, уши мои чутко улавливали каждое их слово.

— Да, весна нынче выдалась дождливой,— проговорил после недолгого молчания Каратай.— Пшеница в нашем «Коминтерне» уже по самый пояс. Колышется, словно море, и наливается с каждым днем. Еще бы осень выдалась без ливней и града — и тогда за хлеб мы были бы спокойны.

Я сразу понял, что разговор был прерван из-за меня и Каратай сейчас молол всякую чепуху. Лишь бы только не молчать.

Не разгибая спины, я продолжал неторопливо перебирать бумаги, думая о том, что еще скажет Каратай.

— Это было бы неплохо,— поддержала его рассеянно мать.

Казалось, в ее голосе слышалось: «Эх, Каратай, моего сына так легко не обманешь. Он все чувствует и понимает!»

Снова повисло молчание. Прошло несколько минут. Неожиданно мать спросила меня строго:

— Сынок, что ты там копаешься?

Слова эти хлестнули меня, как плетенная в шесть ремней камча. Особенно слово «сынок», прозвучавшее холодно и сухо. Обычно мать всегда обращалась ко мне по

имени. А сейчас она так произнесла «сынок», словно обращалась к чужому. Меня будто одернули, мол, брось свою дурацкую уловку и не подслушивай старших! Я все понял и, схватив первый попавшийся в руки журнал, выскочил из комнаты.

В этот день Каратай пробыл у нас дома меньше обычного. Чуть погодя вслед за мной вышел и он. Прежде, уходя, он весело прощался с бабушкой, шутил со мной и, не обращая внимания на мою неприязнь, дружески похлопывал меня по спине. Случалось, Каратай предлагал мне прокатиться на мотоцикле вокруг аула, надеясь добиться моего расположения.

Но в этот раз все было иначе. Он вышел из комнаты поникший, с потемневшим и без того очень смуглым лицом. Я обедал за низким круглым столом в передней. Каратай молча скользнул безучастным взглядом по моему лицу и направился к выходу. Скорее по необходимости, нежели от души, он выдавил из себя на ходу, обращаясь к бабушке: «До свидания, байбише[1]»,— и, не задерживаясь, вышел наружу. Через минуту со двора послышалось чихание мотора, затем прерывистый оглушительный треск, похожий на пальбу из нескольких ружей. Треск этот несмолкаемой очередью пролетел по двору и понесся по улице, удаляясь и затихая.

В ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ
вы узнаете о некоторых моих мыслях и о следах на песке

Что скрывать, я был рад поспешному уходу Каратая и очень хотел, чтобы с этого дня он больше у нас не появлялся.

Неужели и вправду моя мать хочет выйти за него? Не может быть. За совсем чужого... старого, да еще с такой колючей бородой... нет-нет, она никогда не выйдет за него. И вообще, каким бы он распрекрасным не был, зачем моей маме какой-то чужой мужчина? Слава богу, нам с мамой и бабушкой втроем и так живется неплохо. Мы сыты и одеты. Скоро я закончу школу, поступлю в университет. Стану писателем. И вот тогда я, мама и бабушка, если она

[1] *Байбише* — уважительное обращение к хозяйке, к пожилой женщине.

к тому времени будет еще жива, поймем, что такое настоящее счастье.

Мне очень хотелось сказать об этом маме, но как? Было почему-то неловко начинать разговор на эту тему. Нет, моя мать не могла решиться на такой глупый поступок. Скорее всего она просто уважает Каратая. Она, конечно же, объяснит Каратаю, что у нее есть почти взрослый сын, и твердо скажет, что вовсе не собирается замуж. Но все дело в том, что сам Каратай не хочет ничего видеть и понимать. Он следует за мамой всюду, словно тень. Ох уж эти настырные и бессовестные мужчины!

Нет, не может быть, чтобы моя мама вообще вышла замуж. Это просто невозможно. Она никогда не бросит нас, ведь она такой умный и воспитанный человек. Именно за этот характер все в нашем ауле от мала до велика с большим уважением относятся к ней. Иначе разве бы выбрали ее во второй раз подряд депутатом районного совета депутатов трудящихся?

Все эти мысли, конечно же, пришли мне в голову только после того, как я сытно поел. Трудно рассуждать, когда твой желудок урчит от голода.

Решив все-таки искупаться, я отправился к реке.

Солнце уже висело над самым горизонтом, но жара еще не спала. Чувствовалось, как угасающее тепло припекает затылок, плечи. Я взглянул на раскинувшуюся в низине пашню и увидел, как над нею, словно над раскаленной плитой, колышется безбрежное, необъятное марево. Через поле по узенькой темнеющей дороге, вздымая высоко к небу столб пыли, ехал на мотоцикле Каратай.

«Скатертью дорога!» — подумал я, глядя вслед удаляющемуся комбайнеру. Эх, вот если бы я был на мамином месте, я бы знал, что ответить этому негоднику. Я б ему такое сказал, что он потом не только не подошел бы ко мне, а всю жизнь обходил стороной.

Жаркое солнце, похоже, и реку не пощадило. Она заметно обмелела. А вот в половодье река становится такою же голубой, как и небо. Да, кстати, здесь недавно купались девчонки, и среди них, наверное, была Жанар. Жанар. Какое красивое имя! Вы обязательно должны познакомиться с этой девочкой. Она вполне достойна быть одним из главных действующих лиц этой повести.

Мы с ней учимся в одном классе. И надо сказать, что, во-первых, Жанар — самая умная девочка в классе, а

во-вторых — самая красивая. Особенно тогда, когда надевает свой красный берет. В такие минуты она становится похожей на красивый цветок. А послушали бы вы, какой у нее голос, когда она поет! Да и танцует тоже здорово! Как наденет тюбетейку с перьями филина и начнет танцевать «Камажай» — так просто глаз не отвести! Ну прямо настоящая артистка! Кроме того, Жанар — первая в классе ученица, отличница.

Попробуйте-ка после всего этого сказать, что она не может стать одной из главных героинь повести. Когда я думаю о Жанар, душа моя словно расцветает.

И пусть наша классная руководительница Майканова ругает меня и считает плохим, недисциплинированным учеником. Настанет день, когда я выберу удобный момент и расскажу Жанар о своей сокровенной мечте, поделюсь тайной, которую пока прячу в глубине души. И тогда она поймет, кто я. «Вот он какой, оказывается, Кожа! Конечно, талант его рано или поздно обязательно проявится»,— подумает она.

Эх, было бы так: родился бы человек сначала взрослым, выполнил до конца свое дело, а потом превратился в ребенка. Как, интересно, тогда относилась бы ко мне Майканова? Наверное, она подумала бы примерно так: «Когда-то Кожа был знаменитым писателем, имя его известно всему миру. А раз так, теперь как-то неловко ругать и отчитывать его, ведь писателя надо уважать!»

К сожалению, в жизни все устроено иначе. Сначала ты рождаешься на свет беспомощным младенцем. Никому нет никакого дела до того, кем ты вырастешь. Каждый второй читает тебе мораль и командует тобой как вздумается, не пытаясь понять, что у тебя на душе.

Чуть что — сразу поднимается шум и крик:

— Кожа — безобразник!

— Кожа — хулиган!

Пологий песчаный берег реки был пустынным. Мне стало жаль, что, кроме меня, никто из ребят купаться не пришел. Одному плескаться в воде не очень интересно. Я пошел вдоль берега и вдруг увидел следы чьих-то босых ног на влажном песке. «Может быть, это следы Жанар?» — мелькнула у меня мысль. Я наклонился, вглядываясь в отпечатки ног, словно мог узнать что-нибудь об их обладателе. Да, наверняка это были следы Жанар. Я поднял ногу и осторожно, примериваясь, ступил на след. Он оказался намного меньше моей ступни. Похоже, здесь

и в самом деле прошла Жанар. Меня охватило какое-то приятное чувство, и я, не двигаясь с места, замер в этой странной и неловкой позе.

В ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ
речь пойдет о том, как Жантасу дали путевку в пионерский лагерь, а мне не дали и как я из-за этого очень рассердился

После утреннего чая я не спеша направился к школьной спортплощадке. Под мышкой у меня был зажат мяч. Накануне наша команда «Спартак» проиграла «Кайрату» со счетом 7:5. Сегодня мы должны были во что бы то ни стало взять у них реванш. Как капитан команды я был особенно настроен на победу и внутренне готовил себя к встрече.

У самой школы мне повстречался Жантас. В руке у него белела какая-то бумажка с фиолетовой печатью. Приблизившись, Жантас шлепнул меня ею по носу и, ухмыляясь, сказал:

— Черный Коже, угадай, что это такое?

— Не знаю. А что это? — не понял я.

— Это путевка в лагерь. Мы этим летом поедем в лагерь, а ты останешься в ауле гонять собак!

Мне захотелось проучить Жантаса за его не в меру острый язык, но я решил сначала кое-что выяснить.

— Кто тебе ее дал?

— Майканова-апай, кто же еще? Не волнуйся, тебя в списке нет.

«Интересно, почему это меня нет в списке?» — подумал я и спросил:

— Где она сейчас?

— В школе, а что? — опять ухмыльнулся Жантас.

— Ничего,— ответил я и, щелкнув остряка по носу, чтобы знал, как подшучивать над другими, побежал к школе.

Распахнув дверь школы, я влетел в нее, промчался по коридору и, запыхавшись от бега, ворвался в учительскую. Майканова сидела за столом и что-то писала. Кроме нее, в комнате никого не было. Она взглянула на меня и с удивлением спросила:

Что случилось, Кадыров? Что с тобой?

Дайте мне, пожалуйста, путевку в лагерь!

— Тебе на этот раз путевки нет. Поедешь в следующий раз.

— Почему?

— Как это — почему? Во-первых, путевок на всех учеников не хватило. А во-вторых, в лагерь мы отправляем в первую очередь тех, кто лучше учится и хорошо себя ведет.

— Выходит, Жантас лучше меня, да? — чуть не задохнулся я от обиды.

Майканова резко, словно кто-то стиснул ее с боков, выпрямилась за столом.

— Ты что? Допрос мне решил устроить?

Серые глаза учительницы пронзительно уставились на меня. Я понял, что Майканова рассердилась и теперь не скоро успокоится.

— Не хотите давать — и не надо! — бросил я, резко повернулся и, хлопнув что есть силы дверью, выбежал из учительской.

Как я мог спокойно смотреть на эту явную несправедливость? Кровь во мне так и кипела. Значит, Жантас — любитель наушничать, натравливать ребят друг на друга, слушать у доски подсказки и сплетничать — оказался лучшим учеником, чем я? А то, что у меня отметки выше, чем у него, и то, что я стараюсь учиться еще лучше,— не в счет, так, что ли?

— Кадыров, вернись! — услышал я за собой голос Майкановой. Но я даже не обернулся.

— Кадыров!..

Я выбежал во двор. Жантас стоял привалившись спиной к турнику и, посмеиваясь, смотрел на меня. Злость с новой силой вспыхнула во мне.

— Ну как, получил путевку? — ехидно спросил он, преградив мне дорогу.

— Получил! — ответил я с вызовом.

— Ну-ка, покажи!

— На! — звонко щелкнул я его второй раз по носу.

Лежа после обеда на кровати, я задумался. Наверное, то, что я выкинул сегодня в школе перед учительницей, было грубостью с моей стороны. Конечно, она была явно не права, дав путевку Жантасу, а не мне. Ведь это и вывело меня из себя. Но что ни говори, а Майканова все-таки учительница, да к тому же еще и наша классная руководительница. Ну да ладно! Сейчас ведь каникулы, учеба закончилась, что она мне сделает? А за три месяца мало

ли что изменится? Может быть, в новом учебном году у нас будет другой классный руководитель... Тогда я к Майкановой и на пушечный выстрел не подойду.

Как удивительно устроена жизнь! Бывают, оказывается, на свете люди, которые ну никак не могут ужиться друг с другом. Похоже, мы с Майкановой именно такие люди и есть. Наши с ней стычки начались еще осенью, с той самой поры как она приехала к нам работать учительницей. А произошло все так. Узнав, что началась продажа школьных учебников и тетрадей, я попросил у бабушки денег и помчался со всех ног в магазин. Там действительно вовсю шла школьная торговля. Народу в магазин набилось видимо-невидимо, а конец очереди из дверей тянулся на улицу.

Я постоял, раздумывая, как быть, и решил пробраться внутрь. Ведь тем, кто был в хвосте очереди, учебников могло не достаться. Ходи потом, клянчи то у одного, то у другого, разве это дело? Нет, что-что, а собственные учебники иметь просто необходимо. Я даже сочинил про это поговорку: «У кого с книжками в порядке, у того и с настроением все гладко!»

Пробираясь бочком, я собрался было уже прошмыгнуть внутрь, как вдруг дорогу мне преградила невысокая, бойкая сероглазая женщина.

— Ты куда лезешь? Ну-ка вставай в очередь! — строго сказала она.

И тут мой проклятый язык против моей же воли соврал:

— Я не за учебниками, а за сахаром!

Выпалил я это, очевидно, потому, что видел, как люди свободно проходили к дальнему прилавку, где торговали продуктами.

Женщина посторонилась и пропустила меня. Я с невозмутимым видом направился к продуктовому отделу. Но сахар, как вы понимаете, в ту минуту мне был совсем не нужен. Мне нужны были учебники для пятого класса. Я заскользил вдоль прилавка и, протискиваясь между людьми, стал пробираться к тому месту, где давали книжки и тетради. Еще немного — и я был бы у цели. Неожиданно чья-то рука схватила меня за шиворот. Я обернулся и увидел перед собой ту же сероглазую незнакомку.

— Ты заблудился. Сахар продают в другой стороне,— сказала она.

— Какое вам дело, отпустите меня! — рванулся я из ее рук и неожиданно оказался у самого прилавка.

— Не давайте мальчику в серой кепке, он прошел без очереди! — крикнула женщина продавщице.

Не успела она закончить фразу, как ваш сообразительный Кожекен стянул с головы серую кепчонку и оказался бритоголовым смуглым мальцом.

Пока ребятня у прилавка гомонила и что-то наперебой выспрашивала, я, не говоря ни слова, сунул в руку продавщице пятьдесят рублей[2]. Заполучив книжки и тетрадки, быстро направился к выходу. У двери меня опять схватила за плечо сероглазая незнакомка (ох и цепкие же у нее пальцы!).

— Ах какой бессовестный! В каком классе ты учишься?! — тряхнула она меня.

Однако я, понятное дело, вовсе не собирался ничего рассказывать ей о себе.

Спустя несколько дней наступил новый учебный год И вот тебе на! Зажав под мышками какие-то бумаги и бойко стуча каблучками, в наш класс вошла та самая сероглазая молодка, с которой я столкнулся в магазине.

Если бы вы видели, каким печальным стало лицо бедного Кожекена! Однако я быстро собрался с духом и решил не подавать вида. Может быть, она не узнает меня?

Новая учительница поздравила нас с началом учебного года и представилась. Ее звали Сабира Майканова.

— Я поведу у вас уроки казахского языка и одновременно буду вашей классной руководительницей,— объявила она.

Последнее обстоятельство еще больше опечалило Кожекена.

«Ну, дорогой, теперь держитесь»,— сказал я сам себе

Майканова раскрыла журнал и, называя одну за другой фамилии учеников, стала знакомиться с нами. Дошла очередь и до меня.

— Кадыров!

— Я!

Майканова подняла глаза и, пристально глядя на меня, проговорила:

— Мне кажется, мы уже знакомы?

Я неопределенно пожал плечами и улыбнулся

— Может быть.

---

1 *Кожекен* — уважительное от «Кожа»

2 Имеются в виду старые деньги.

— Садись,— произнесла Майканова тоном, не обещавшим ничего хорошего.

С того дня Майканова любой, даже самый мелкий мой проступок принимала в штыки. Сколько раз за одну только зиму таскала она меня к директору! Кончилось тем, что в конце учебного года мне за поведение была выставлена четверка.

Все это, разумеется, мне очень не нравилось.

В ПЯТОЙ ГЛАВЕ

вы узнаете о том, как я играл с Жанар в шашки, и о волшебной птице мечты

Через два дня многие из ребят с веселым шумом уехали в пионерский лагерь.

Я же, сгорая от зависти, остался в ауле. После полудня к нашему дому подошел бригадир.

— Черный Кожа, ты дома? —·спросил он в открытую дверь.

— Дома,— отозвался я и вышел наружу.

— Возьми одежду, постель и будь готов. Поедешь на сенокос. Все дети, оставшиеся в ауле, поедут сегодня туда. Поможете нам собирать сено.

— Не поеду! — сказал я.

— Почему?

— Я плохой, недисциплинированный ученик и ни на что не гожусь.

Узнав о причине моего расстройства, бригадир весело воскликнул:

— Нашел из-за чего переживать! А еще джигит! Что хорошего в этом лагере, скажи на милость? Самое интересное ты увидишь на сенокосе. Мы вам создадим там все условия для полного веселья! — стал он усердно агитировать меня.

Агитируй не агитируй, а Кожекен, когда надо, умеет стоять на своем. К тому же я узнал, что на сенокос поедет и Майканова. Этого еще не хватало! Ну уж нет, там, где Майканова, ноги моей не будет. Хоть за лето отдохну от нее.

Не помню, говорил ли я о том, что моя мать работает в колхозе дояркой? Так вот, несколько дней тому назад их ферма откочевала на джайляу. Я уже несколько лет не бывал на джайляу, и не лучше ли будет мне тоже отпра-

виться туда? Правда, для этого нужен транспорт. Но где его взять? Просить у бригадира бесполезно, все равно не даст. Эх, как было бы здорово иметь собственного коня! Куда хочешь, туда и поезжай! Не зря казахи говорят: «Крылья джигита — конь!»

Так где же взять коня?

Ба! Да разве это проблема? Ведь сейчас не то время, что было раньше. Частная собственность давно ликвидирована, и выходит, что скот, который принадлежит колхозу, принадлежит и мне. Значит, я могу взять любого коня и отправиться в путь. У каждого из колхозных активистов есть по нескольку лошадей, которых так холят и берегут, что даже мухе сесть не дадут. Летом хозяева выпускают их на джайляу, где откармливают на сочных травах, а зимой надежно стерегут, отгоняя волков. Платят ли эти люди колхозу что-нибудь за услуги или нет? Наверняка ничего не платят. Мой отец Кадыр с первых дней основания колхоза работал здесь кузнецом, мать — доярkой. Разве я не имею права попользоваться денек одной из лошадей?

Итак, решение принято. Через некоторое время Кожекен отправится на прибрежный луг, где лениво бродит табун лошадей, выберет приглянувшуюся и по ночной прохладе двинется верхом по направлению к джайляу И пусть потом хоть бригадир, хоть сама Майканова попробуют отыскать мои следы.

Я поужинал и вышел во двор. Сумерки уже сгустились, и все вокруг постепенно погрузилось в ночной мрак. Окутанный ласковой ночной прохладой, я сидел на невысоких бревенчатых воротах, словно терпеливая наседка. Мысли мои были о Жанар. Если я отправлюсь этой ночью на джайляу, то не скоро теперь смогу увидеть ее. Как же я буду скучать по ней!

Иногда я сам себе задаю один и тот же вопрос: «Почему я все время думаю о Жанар? И почему мне так неспокойно, если я не вижу ее?» Может быть, это и есть та самая... о которой говорят взрослые и о чем пишут в книгах?

Стоило мне лишь вспомнить это «таинственное» слово, как я тут же содрогнулся. А если бы об этом узнала Майканова? Страшно подумать, что меня ожидало бы тогда.

«А-а, Кадыров! Не успел из пеленок вырасти, а уже в девчонок влюбляешься?! Посмотрите-ка на него! При-

знавайся, кто научил тебя этому безобразию?» Вот какой поднялся бы тогда скандал на всю школу.

По этой самой причине я не то что заговорить с Жанар, даже подойти к ней боялся.

Дом, в котором жила моя одноклассница, стоял в начале улице, недалеко от речки. Отец ее, Балабек, работал бригадиром. Мать уехала на курорт в Крым. Сейчас в доме, кроме Жанар, была еще ее бабушка — строгая старушка, которая почему-то не очень жаловала меня. Я взял в руки палку и, в шутку прихрамывая, направился в сторону их дома. Если бы я хоть издали увидел Жанар, то даже это придало бы мне сил стерпеть разлуку. А может, она встретится мне по дороге? Тогда я скажу ей, что уезжаю на джайляу. Пусть она знает, где я нахожусь, и иногда вспоминает обо мне. Интересно, Жанар хоть изредка думает обо мне или нет?

В доме Жанар, кроме бабушки, есть еще одно существо, которого я тоже побаиваюсь. Это проклятый свирепый черный пес. Он до того злой, что бросается даже на верхового. Если пес не сидит на привязи, а свободно бегает по двору, то мимо этого дома не пройдет спокойно ни один человек.

К моему удовольствию, собака оказалась привязанной. Было слышно, как она сердито и отрывисто лаяла на кого-то и рвалась с привязи, гремя цепью. Едва я приблизился к деревянному забору, дверь дома распахнулась, и во двор выбежала Жанар.

— Актос, ложись! На место! — прикрикнула она на пса.

Из-за ворот раздался женский голос:

— Жанаржан, бабушка дома?

— Нет, она недавно ушла на птицеферму к дедушке Суюнбаю и еще не вернулась,— послышалось в ответ.

Узнав, что Жанар дома одна, я страшно обрадовался и решил во что бы то ни стало поговорить с ней.

— Жанар! — позвал я, когда она так же бегом возвращалась в дом. Голос мой прозвучал громко и звонко, будто вскрикнул человек, который или испугался чего-то, или неожиданно нашел на земле какую-то драгоценность.

Жанар, вздрогнув, остановилась (над входной дверью горела электрическая лампочка, ярко освещая небольшой пятачок перед домом). Не зная, откуда донесся голос, она растерянно огляделась вокруг и наконец увидела меня.

— Здравствуй, Жанар!

Выражение удивления на лице Жанар сменилось улыбкой. Она подбежала к забору и, схватившись руками за заостренные концы штакетника, оказалась лицом к лицу со мной.

— Здравствуй, Кожа. Что ты здесь делаешь? — спросила она.

— Я этой ночью уезжаю на джайляу.

— К маме?

— Да. А ты почему не в лагере?

— Я буду дома помогать бабушке до маминого возвращения. Майканова-апай обещала дать мне путевку на следующий заезд,— ответила Жанар и тут же добавила: — Кожа, моей бабушки нет дома. Пойдем поиграем в шашки.

От радости я чуть не подпрыгнул на месте. За спиной у меня словно выросли крылья. Я взлетел на забор и через мгновение был по другую его сторону. В ту же минуту, гремя цепью, с громким лаем ко мне метнулся черный взлохмаченный пес. Сделав испуганный вид, я крепко схватил Жанар за руку и прижался к ней Цепь была коротка и не подпускала собаку близко к дому. Плечом к плечу мы вбежали в дом.

— Ты хорошо играешь? — спросила Жанар.

— Нет, не очень,— уклончиво ответил я, хотя на самом деле выигрывал почти у всех моих приятелей.

Мы сели друг против друга, разложили доску и начали игру.

Я не мог оторвать глаз от милого лица Жанар, которое было так близко от меня, любовался ее красивыми, иссиня-черными пушистыми волосами, рассыпавшимися по плечам, и не заметил, как проиграл первую партию.

Я не был в обиде. Напротив, видя радостные глаза Жанар, в душе я был доволен своим проигрышем.

Во второй партии я постарался играть внимательнее, чем в предыдущей. Нельзя же было все время проигрывать девчонке. Однако через три-четыре хода Жанар срубила сразу три мои шашки.

— Вот это да! — воскликнул я и, шлепнув себя по щеке, удивленно уставился на доску. Первый промах потянул за собой другие, игра не заладилась, и я вскоре опять потерпел поражение.

— Ура! Ура!..— радовалась Жанар пуще прежнего. Тут во мне проснулось самолюбие.

— Ничего, сейчас я выиграю,— произнес я уверенно.

— А если не выиграешь, кем будешь?

— Кем скажешь, тем и буду!

— Будешь самым великим хвастунишкой на всем белом свете.

— Хорошо.

Третья партия началась довольно остро. В первые же минуты каждый из нас потерял по две шашки. Но спустя некоторое время равновесие игры нарушилось. Пару раз я опять дал маху, и у Жанар появилось преимущество.

— Ну погоди, посмотрим, как ты выиграешь! — приговаривала радостно моя соперница, предвкушая близкий успех.

Теперь вся моя надежда возлагалась на крайнюю справа шашку. Двигая особнячком, мне удалось в конце концов вывести ее в дамки. «Ну, держись! Как начну сейчас косить твоих!» — подумал я про себя.

И вот в этот самый момент на поле сражения произошло что-то удивительное. Хитроумная Жанар отдала мне под сруб какую-то полузабытую шашку, а сама тем временем вывела в дамки другую. Но этого, видно, ей показалось мало, и она сразила своей новоявленной дамкой трех оставшихся моих «бойцов».

Ура! Проиграл, хвастунишка Кожа! Теперь я буду называть тебя Хвастунишкой Кожой

— Постой, как... как это получилось? — не мог понять я случившееся.

— Вот смотри. Ты ведь срубил вот эту мою шашку? Срубил. А я потом съела вот эту и вышла в дамки. А затем пошла так... так... и вот так. Эх ты, Хвастунишка Кожа! А ты еще говорил, что выиграешь!

— Подожди. Ведь у меня есть еще одна дамка

— Ну и что из этого? Что она может сделать?

Посмотрим. Ты еще не выиграла. Чей сейчас ход, мой?

На доске против моей единственной дамки стояли четыре шашки Жанар. Одна из них была дамкой Остальные три тоже очень скоро могли беспрепятственно выйти в дамки. Дальнейший ход событий не вызывал сомнения Четыре черных грозных дамки наверняка окружат мою и как волчья стая набросятся и уничтожат ее. Я так отчетливо представил себе эту картину, что незаметно для себя самого передвинул дамку на самую длинную дорожку по диагонали. Это был единственный спасительный для меня выход.

Разгадав мою уловку, Жанар воскликнула

— О, трусишка! Испугался, да? Посмотрим, куда ты дальше денешься!

Деваться мне, действительно, было некуда. Опасность подстерегала меня с обеих сторон. Стоит только чуть-чуть отклониться от нее, как я тут же погибну. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как скользить из одного конца диагонали в другой — вперед-назад, вперед-назад,— не меняя своего курса.

— Так не играют! Сойди с этой дороги! — возмутилась Жанар.

— Это мое право. Захочу — сойду, захочу — не сойду!

— Нет, уходи с нее!

— Не уйду!

— Тогда ты проиграл.

— Нет, не проиграл.

— Проиграл!

— Не проиграл.

— Проиграл! С этого дня я буду называть тебя Хвастунишка Кожа!

Тут мы с Жанар не на шутку сцепились. Она продолжала утверждать, что я проиграл; я же твердил, что не проигрывал, и требовал продолжить игру до конца.

— В таком случае убери дамку! — стояла на своем Жанар.

— И не подумаю! — отказывался я.

— Я не буду с тобой играть! — вдруг сказала Жанар и, надувшись, стала собирать шашки.

— Ну и не надо,— ответил я с вызовом.

Во дворе рявкнула собака и тут же стихла. Скрипнула калитка.

— Наверное, бабушка пришла! — Жанар бросилась к двери. Я вышел за нею следом.

От калитки к дому шла бабушка Жанар.

— Ой, ласточка моя, одна сидишь дома? — ласково сказала она внучке и тут же увидела меня.— А это кто? Кожа, что ли? — спросила старушка с явным неудовольствием.

— Да,— ответила Жанар, бросив на меня обиженный взгляд?

— Что он здесь делает?

— Мы с ним играли в шашки.

— Сынок, иди домой,— сказала мне бабушка.— Жанаржан, проводи мальчика — как бы собака не укусила его.

Я подумал, что будет лучше просто перемахнуть через забор, а не идти к калитке через весь двор, раздражая и без того злобного пса. Пусть мне не повезло сегодня в шашки, но зато Жанар сможет еще раз увидеть, какой я хороший физкультурник. Сейчас для этого имелся удобный случай, и я решил воспользоваться им и хоть чем-нибудь понравиться ей.

— До свидания,— сказал я и легко затрусил к забору. Добежав до него, я подпрыгнул и... Нет, что ни говори, но если не повезет с самого начала, то уж, видно, до конца. Не думал, не гадал я, что именно на этом месте меня ждет такой позор! Хотите знать, что случилось? А случилось то, что одна моя штанина зацепилась за острие штакетника и я плашмя грохнулся на землю. Упал я здорово, было очень больно, но не зря говорят, что стыд порой страшнее смерти. Я тут же вскочил на ноги и без оглядки бросился прочь, слыша за спиной громкий, веселый смех Жанар и ее бабушки.

* * *

«Япырай, зря обидел Жанар. И чего это я вдруг заартачился так? Конечно, во всем виноват мой дурацкий упрямый характер. Вечно он меня подводит! Ну что мне стоило сойти с диагонали и проиграть? Ничего бы мне от этого не сделалось»,— терзался я запоздалым раскаянием. Перед моими глазами вновь и вновь возникало обиженное лицо Жанар. «Прости меня, прости, пожалуйста, Жанар, я был неправ». Вспомнил, как притворно испугался собаки, крепко ухватил руку Жанар, и снова ощутил приятное тепло в груди. Я с силой сжал пальцы, будто вновь в моей ладони лежала рука Жанар.

В голове моей роились самые разные мысли. Вот закончу школу, уйду служить в армию. Жанар наверняка поступит в институт. И тогда я напишу ей много прекрасных писем, да еще в стихах. Без сомнения, Жанар будет отвечать мне. И, может быть, свои письма она начнет словами: «Милый Кожа!» Как все-таки приятно звучит! Закрыв глаза, я продолжал мечтать.

...Ночь. Вокруг такая мгла, хоть глаз выколи. Беспрерывно и нудно льет холодный дождь. Тяжелые, темные тучи, в беспорядке плывущие по грозовому небу, похожи на бунтующие волны. Время от времени раздаются оглушительные громовые раскаты, ярко вспыхивают молнии,

слепя глаза. На берегу бурлящей своенравной горной реки, не обращая внимания на разыгравшуюся стихию и крепко сжимая в руках оружие, стоит на своем посту бдительный пограничник. Этот солдат, мужественно исполняющий свой воинский долг, конечно же, я.

Может быть, именно в эту ночь, пользуясь ненастьем, коварный враг нацелился на нашу страну и пытается нарушить священную советскую границу. Но я готов биться с ним до последней капли крови. Вот я увидел вражеские танки, которые движутся в нашу сторону, сметая на своем пути могучие деревья, и один за другим приближаются к границе. Я залег под кустом и приготовил противотанковые гранаты, внимательно следя за надвигающимися громадами. Вскоре неподалеку показался передний танк. Я приподнялся и швырнул в него первую гранату. Она угодила точно в цель и взорвалась. Та же участь постигла второй, третий и все остальные танки. Перебитые захватчики, не ступив и шагу по нашей земле, полегли у самой границы.

Слава обо мне облетит, конечно, всю страну. В газетах, пожалуй, даже напечатают мою фотографию. Как, наверное, будет тогда волноваться Жанар!

Получив звание Героя, со сверкающим орденом на груди, я наконец вернусь домой. У моста меня встретит огромная толпа людей с яркими букетами цветов в руках. И среди всех я сразу же увижу Жанар. Словно истосковавшиеся в разлуке Козы и Баян[1], мы бросимся навстречу друг другу с распростертыми объятиями.

— Жанар!

— Кожа!

Вот ко мне подходит группа учителей во главе с директором школы Ахметовым. «Молодец, Кожа! Ты настоящий джигит! Жаль, что мы не знали раньше о том, какой ты отважный, и напрасно ругали тебя. Прости нас»,— говорит Ахметов. «Да, вы слишком часто ругали меня Особенно Майканова-апай».

Не смея приблизиться, Майканова стоит в сторонке с виноватым видом. «Что же вы робеете, подойдите ближе»,— говорю ей я. Нерешительно ступая, она подходит ко мне. «Прости, Кожа... Наверное, ты еще не забыл о том, как я когда-то не дала тебе путевку в пионерский лагерь?» — «Да, я помню это».— «Прости, прости, дорогой Кожатай!»

---

1 Герои народного эпоса, влюбленные

Что мне делать? Простить? Нет, кому угодно могу простить, но только не Майкановой, потому что она слишком сильно обидела меня. Я отзываю Ахметова в сторонку и говорю ему, чтобы он уволил Майканову из школы. Этого, я думаю, достаточно. И пусть Ахметов попробует не исполнить желание Героя Советского Союза!..

Эх, и куда только не заносят крылья волшебную птицу мечты!

В ШЕСТОЙ ГЛАВЕ
говорится о моей бабушке, о том, как я пытался украсть лошадь, и о моей встрече с Султаном

Я сидел дома и читал книгу, дожидаясь того часа, когда аул заснет. Заметив, что бабушка принялась стелить мне постель, я сказал:

— Мне можешь не стелить. Я сегодня поеду на джайляу.

— Как это — сегодня? — удивилась бабушка.— Так поздно?

— Да. Днем ведь жарко. А верхом на лошади лучше всего ехать ночью.

— Где же ты нашел лошадь?

— Не все ли равно, где, главное — нашел, и лошадка уже готова,— ответил я спокойно.

— Уй, непутевый, ты, никак, опять затеял какое-нибудь озорство?

— Какое там озорство? Вечно вы меня в чем-нибудь подозреваете.

— Как же мне не подозревать, если ты и дня не можешь прожить спокойно!

Бабушка подошла ко мне и — в который уже раз! — начала наставлять меня:

— Солнышко мое, веди себя хорошо, никого не трогай и не лезь куда не следует. Имей в виду, кроме меня, твои шалости никто сносить не станет. И послушайся моего совета: живи тихо, сынок, живи тихо. Не причиняй другим неприятностей.

Странный все-таки народ, эти взрослые. Кого ни возьми, каждый так и норовит прочитать мораль, надоевшие нравоучения, строит из себя умника. Как же они любят поучать: поступай не так, а эдак, сделай это, а не то.

А посмотрите-ка на них самих! Разве не взрослые совершают порой самые дурные и глупые поступки? Кто, скажите, занимается воровством, а потом попадает под суд? Взрослые. Именно среди взрослых встречаются скандалисты, скряги и клеветники. Кто устраивает пьяные скандалы в семье, мучая своих жен и детей? Взрослые.

Как было бы правильно, если бы они сначала себя воспитали, а уж потом объясняли детям, что такое хорошо и что такое плохо.

Бабушка моя тоже довольно интересный человек. Во всем нашем ауле вряд ли найдется еще кто-нибудь, кто так разбирался бы в самых разных житейских и хозяйственных вопросах. Но несмотря на это, во многом другом она была наивна как дитя. Конечно, наивность эта объяснялась прежде всего ее неграмотностью. Сколько бы я, например, ни бился, до сих пор мне так и не удалось втолковать ей, что земной шар имеет круглую форму. Мы долго с ней спорили об этом, пока она, устав от меня, не махнула рукой:

— Уйди от меня! Это ты круглый, а не земля. Уходи и не морочь мне голову всякими глупостями!

Бывает, что мы начинаем спорить с ней и о боге.

— Если бога, по-твоему, нет на свете, то кто же создал этот мир? — спрашивает бабушка.

— Никто его не создавал, он сам возник.

— Ты что, безбожник, сам наблюдал за этим?

— Нет, не наблюдал, а из книжек вычитал.

— Ну, а людей кто создал?

— Люди произошли от обезьян.

— Тьфу, болтун ты этакий! Перестань молоть чепуху и отправляйся в таком случае в лес к своим предкам!

Так непримиримо обычно и заканчивались наши с бабушкой научные дискуссии.

Решив, что аулчане уже разошлись по своим домам, и я вышел наружу. В темном сарае на примеченном мною месте висела уздечка. Я нащупал ее рукой, снял с гвоздя, и, зажав под мышкой так, чтобы не позвякивали удила, направился меж высоких полей за домом прямо к реке.

Как было бы чудесно, если бы я шел сейчас не один, а вместе с Жанар!.. Я живо представил себе такую картину: ласковая, бархатная ночь опустилась на молчаливые безбрежные просторы. Теряется где-то вдали пустынная дорога, а по ней медленно идут двое. Это мы. Мы с Жанар,

конечно, говорили бы о самых своих заветных мечтах, о будущем...

Верховые лошади нашего аула по ночам выпускались на прибрежный луг. Туда я и направился. Наконец показался темнеющий силуэт крайней лошади. Приблизившись, я узнал гнедую кобылу Алшанбая. На ногах ее болтались массивные, непокорные, как и сам Алшанбай, чугунные путы. Рядом с матерью спокойно пощипывал травку жеребенок. Неподалеку от них паслись еще две лошади. Я подошел к ним. Вот! Наконец-то бог послал мне удачу! Надо же было такому случиться, что я оказался около рыжего иноходца самого председателя колхоза. Мечта хоть разок прокатиться на этом жеребце давно кружила мне голову. И вот настала долгожданная минута, когда я мог осуществить свою мечту. Передние ноги коня были стреножены. Норов у него, как я слыхал, был не из покладистых. Едва я приблизился к нему, как он захрапел и тревожно застриг ушами.

— Тпру, тпру,— успокаивал я жеребца и пытался погладить его по шее. Но тот заупрямился, махнул хвостом и снова навострил уши.

— Тайт! Ты чего, глупый,— прикрикнул я строго, подражая табунщику Сатыбаю, затем вновь ласково продолжил: — Тпру, тпру, милый!

Все было напрасно. Рыжий иноходец по-прежнему не желал подпускать меня к себе. Кричи не кричи на него — толку никакого. Конь встревоженно косил на меня глазом и, казалось, так и норовил лягнуть.

Тут во мне вспыхнуло упрямство, которое как черт сидело внутри меня. «Ну погоди, строптивая скотина, ты еще попляшешь у меня!» Окажись только подо мной — я тебе покажу, где раки зимуют!» — решил я не отступаться и любой ценой добиться своего. Ухватиться бы только за его гриву, а там уж легче будет.

Долго я кружил вокруг коня и наконец, улучив удобный момент, кинулся на него и вцепился в густую гриву. Жеребец испуганно всхрапнул, шарахнулся в сторону и понесся вскачь.

Я болтался на весу, крепко вцепившись в гриву, ноги мои взлетали над землей, лишь на миг коснувшись ее. Однако я не разжимал пальцев. Но какой же это был дикарь! Он продолжал скакать и не собирался останавливаться. Спустя некоторое время я почувствовал вдруг, что пальцы мои ослабли и разжались. Я кубарем отлетел в сторону, а конь, обернувшись, вскинул задние ноги и

лягнул меня. Удар копыт пришелся по моему правому бедру. Словно щенок, ступивший на раскаленные уголья, я повизгивал от боли и катался по земле. К счастью, удар был скользящим. Придись он прямиком, и, кто знает, кость могла б не на шутку пострадать.

Неожиданно надо мной раздался чей-то голос:

— Эй, кто здесь? Кто ты?

Я вздрогнул и тут же смолк. Кто-то в кепке склонился надо мной. В руке его была уздечка. Вглядевшись, я узнал Султана. Какое-то время он, пригнувшись, всматривался в меня и наконец воскликнул:

— Э, да это никак Черный Коже! Что с тобой? Чего это ты катаешься по земле?

— Конь лягнул.

— Какой конь?

— Вон тот,— я показал пальцем на рыжего иноходца.

— Куда он тебя лягнул? Кости целы?

— Кажется, целы,— ответил я и осторожно вытянул ногу.

— Ну-ка, дай посмотрю,— сказал Султан и, бросив на землю уздечку, ухватился за мою ногу.

— Ойбай, осторожно! — завопил я испуганно.

— Ну и трус! — насмешливо посмотрел на меня Султан.

— Как же ты боишься за свою драгоценную жизнь! Подожди, не дергайся, не помрешь! Да тут никакого перелома нет, просто небольшой ушиб. Как придешь домой, тотчас приложи на это место подорожник. Увидишь, как рукой снимет. А я уж подумал, что кого-то змея ужалила. Ты что, не слыхал, какой бешеный характер у этого рыжего? Чего ты к нему полез?

— Да я... просто шел мимо него, а он лягнул.

— Ну и дурак! — стал насмехаться надо мной Султан.— Ты что, ослеп, что ли, не видишь перед собой коня? Это же тебе не муха!

Не зная, как ответить, я сделал вид, что очень занят своей больной ногой и снова принялся стонать и ойкать.

— Вставай и не ной, будто нога твоя разбита,— сказал мне Султан и, не обращая внимания на мои стоны, схватил меня за руку и заставил подняться.

— Ну-ка, попробуй сделать шаг. Еще один. Ну вот, видишь, я же говорил, что никакого перелома тут и в помине нет. Подумаешь, конь слегка лягнул! От этого ноги не ломаются. Не бойся, не помрешь. Хватит валяться, пошли! И нечего хромать, ступай как следует!

Султан старше меня года на три. Отец его, Сугур, табунщик. Сам он несколько лет тому назад бросил учебу и с тех пор, словно древний рыцарь, садился верхом то на одного, то на другого приглянувшегося ему коня из отцовского табуна и разъезжал по степи. Порой он надолго исчезал из виду, а затем вновь появлялся в ауле. Чем он занимался, где пропадал, было известно одному аллаху.

— Откуда ты приехал? — спросил я его.

— С джайляу.

— Как там, на джайляу?

— О, и не спрашивай! — закатил глаза Султан.— Прекрасно! Видел бы ты, какая нынче вымахала трава! По самый пояс!

— Я бы хотел поехать туда, да не на чем,— вздохнул я.

— Давай я захвачу тебя с собой,— предложил Султан.— Завтра утром я возвращаюсь туда.

— А как? — удивился я.— У тебя что, есть свободная лошадь?

— Это не твое дело. Приготовься и жди меня утром. Седло у тебя есть?

— Есть.

— Тогда порядок. Договорились.

Султан довел меня до дверей нашего дома и вдруг сказал:

— Черный Коже, скажи, если я позову тебя в одно место, пойдешь со мной?

— А куда? — поинтересовался я, но Султан, поглядев на меня, мотнул головой.

— Нет, с тобой, хромым, еще влипнешь в какую-нибудь историю. Ладно, пока. Я пошел. Утром будь готов. Хорошо?

В СЕДЬМОЙ ГЛАВЕ

говорится о том, как мы с Султаном оседлали двумя седлами одну лошадь, о том, как Султан учил меня курить, и чем все это кончилось

Утром, едва я успел попить чаю, к нашему дому верхом на лошади подъехал Султан.

— Черный Коже, ты дома? — послышался его голос Дома-дома.

— Ну как, готов?

— Готов.

— Выноси седло.

Я взял седло и вышел наружу. Султан с важным видом восседал на поджаром саврасом трехлетке. К моему удивлению, на поводу у него и в помине не было никакой, даже самой дохлой клячи.

— А где же для меня лошадь? — спросил я разочарованно.

— А это что, по-твоему? — удивленно ответил Султан, хлопнув рукой по крупу коня.— Клади седло.

— Куда?

— Сюда, позади меня. Ты плохо знаешь этого жереб ца. Он, будь здоров, может довезти нас не только до джайляу, но даже и до самой Алма-Аты.

— Мы что, на одного коня взвалим два седла? — по разился я.

— Чему ты удивляешься? Все будет отлично, во увидишь!

Мне до этого дня, признаться, не приходилось встре чать казахов, седлавших коней двумя седлами. Иде Султана показалась мне и в самом деле заманчиво. и интересной. Я устроил седло позади него, подтяну подпруги и взобрался верхом. И в эту минуту вышл моя бабушка.

— О господи, что же это такое?..— ахнула она и прикрыв рукой глаза от солнца, с удивлением уставилас на нас.— Ах проказники, ах хитрец, ведь это ты приду мал? — сказала она Султану.

Я чувствовал себя превосходно. Так действительно было гораздо удобнее, чем без седла. Ноги не болтались потому что у каждого из нас были свои стремена.

Протрусив по двум-трем улицам, мы подъехали к магазину и остановились около него. Перекинув ногу через гриву коня, Султан спрыгнул на землю и, передавая мне поводья, сказал:

— На, держи. У тебя деньги есть?

— А что?

— Сколько?

— Пять рублей. А что?

— Всего-то? Ну ладно, давай сюда.

Как я мог отказать Султану, сидя на его коне? Я не спеша расстегнул пуговицу на нагрудном кармане и нехотя полез в него рукой.

— Эй, чего ты там копаешься?

Как же мне было не копаться, если на то была причина?

— Подожди, я что-то найти не могу.

— Может быть, они у тебя в другом кармане?

— Нет, были в этом.

Я медлил. В кармане-то у меня лежали две хрустящие бумажки, но я не мог определить на ощупь, какая из них пятирублевка. В конце концов я решился и, надеясь на удачу, вытащил одну из них. О ужас! Едва я заметил высунувшийся из кармана бумажный краешек, как сердце мое дрогнуло, а внутри заныло. То, что я вытащил, оказалось десяткой.

— Эй, так это же червонец!? — обрадовался Султан.— Ох и хитер же ты, Черный Коже! Ну не можешь никак, чтобы не схитрить! Ладно, червонец так червонец, давай его сюда!

— Я думал, что это пять рублей, а оказалось — десять,— оправдывался я, пытаясь скрыть свое смущение.

Едва Султан, прихватив мою десятирублевку, скрылся в магазине, как я снова сунул руку в карман, где оставалась вторая бумажка, и вытащил ее. Это были пять рублей. Те самые, которые меня так подвели и опозорили. Я так разозлился, что хотел было назло всему разорвать их на части и вышвырнуть вон. Глядя на и без того истерзанную, измятую бумажку, я пожалел ее и снова спрятал в карман.

Султан вскоре вышел из магазина, что-то жуя на ходу Карманы его брюк-галифе были чем-то набиты.

— Что ты купил? — спросил я его.

— Кое-чего на довожку,— ответил Султан, еле ворочая языком, желая, видимо, сказать «на дорожку»

Он взял из моих рук поводья и снова вскочил на коня.

— Ну, поехали,— стал торопить его я. Мне вовсе не хотелось, чтобы Жанар увидела, как я торчу на коне за спиной у Султана.

Мы выехали из аула, оставив позади себя последний из домов. Султан вытащил из кармана брюк два пряника и протянул один из них мне. Дружно похрустывая, мы неторопливо двигались по степной дороге, и копыта саврасого гулко стучали по каменистой земле.

Через некоторое время Султан обернулся и спросил меня

Ты куришь?

Нет,— ответил я.

Продолжая сидеть вполоборота, Султан натянул поводья, вынул из кармана пачку сигарет, распечатал ее и протянул мне:

— На, учись.

— Да нет, кури сам,— отказался я.

— Как это ты до сих пор не научился курить? — принялся стыдить меня Султан. — А ну, давай учись, пора уже. На, бери!

Я послушно вытащил из пачки сигарету, сунул ее в рот Султан зажег спичку. Прикурив, я усердно задымил, делая одну затяжку за другой. Рот мой наполнился едким вонючим дымом.

— Эх ты, неграмотный,— произнес укоризненно Султан, заметив, как я курю.— Разве так курят? Какие хорошие сигареты попусту переводишь! Тяни внутрь! Вот так, видишь? Набери полный рот дыма, а потом проглоти его.

Какими же глупыми бывают порой дети! Ведь знают о некоторых вещах, что это очень вредно, а тянутся к ним, словно слепые щенки. Вот и мне стало вдруг любопытно: что, интересно, будет, если проглочу? Дай-ка, попробую!

Если с вами случилось такое несчастье, то наверняка вы поймете мое состояние. Едва я наполнил рот дымом и проглотил его, как в ту же секунду страшно ядовитый газ пронизал меня, заполнил все внутри отвратительной мутью. Дыхание перехватило, и я громко закашлялся. Из глаз брызнули слезы. Вдруг все перед моими глазами поплыло и, казалось, вот-вот опрокинется.

— Ойбай, подожди,— закричал я Султану и, перевалившись через коня, сполз на землю. Меня ужасно тошнило, но я не мог вырвать и лишь беспомощно скрючился на краю дороги.

— Бедняжка Черный Коже! Видно, помрешь ты на три дня раньше своего срока! — посмеивался надо мной подлый Султан, вместо того чтобы посочувствовать мне.— Что я скажу теперь Миллат-апай? С каким лицом я появлюсь перед ней? Не мог, что ли, добраться до джайляу и уж там помирать, коль так приспичило? А здесь теперь возни с тобой будет невпроворот!

С той поры и по сей день я не только не курю, но бегу прочь, едва учую мерзкий ядовитый запах табака.

В ВОСЬМОЙ ГЛАВЕ

читатель познакомится с новым героем повести Даулетом

Все тем же неторопливым шагом саврасый привез нас после полудня в горное ущелье. Погода, стоявшая здесь, и природа, которая нас окружала, отличались от того, что было внизу, на равнине. Тут царила полная тишина, не слышно было даже мух. Из ущелья навстречу нам потянуло приятной прохладой. Вокруг, куда ни глянь, раскинулось пышное разнотравье, пестрели яркие цветы.

Долгая езда на лошади порядком утомила меня. Оказалось, что когда едешь сзади, трясет гораздо больше. Я взглянул на Султана. Он сидел в надвинутой на глаза кепке, подставив палящему солнцу покрасневший от загара затылок, и был совершенно спокоен. Мне неудержимо захотелось раскинуться на нежной и мягкой, словно бархат, траве рядом с бьющим неподалеку родником.

— Султан, что если нам немного отдохнуть? — обратился я к другу.

— Устал?

— Пить хочется.

— Вот проедем еще немного и доберемся до юрт чабанов, у которых полно кумыса. Там и отдохнем,— ответил Султан.

Так оно и оказалось. Обогнув ближайший горный выступ, мы увидели невдалеке справа одинокую юрту. Обветшалая, потемневшая от времени кошма, которой обтянули юрту, была покрыта сверху белым, новым тундиком[1] У входа на сплетенной из чия циновке сушился свежий курт. Вокруг юрты тут и там валялись кизячные лепешки, рядом раскинулось пастбище. По всему было видно, что мы оказались на старой стоянке. Поодаль от юрты на привязи мы увидели двух жеребят. Один из них, мухортой масти, неподвижно растянулся на земле, прогревая свой бок на солнцепеке. Другой замер рядом, поникнув головой и словно прислушиваясь к земле.

— Слава богу, скоро мы с тобой вдоволь напьемся кумыса,— подбодрил меня Султан и направил коня к юрте. Неожиданно навстречу нам, громко и яростно лая, выскочили три собаки. Одна из них, вислоухая, белогрудая, размером с годовалого теленка, подбежала ближе и, хрип-

[1] *Тундик* — кошма, прикрывающая купол юрты.

ло, отрывисто лая, стала кидаться на коня, подпрыгивая чуть ли не до его морды. Другая, подвижная черная сучка, словно не желая подпускать коня к дому, вцепилась в его хвост и тянула назад.

Однако характер у моего Султекена был гораздо хуже, чем у этих собак. Он принялся размахивать камчой налево и направо, доводя этим собак до неистовства, и, сопровождаемый невообразимым шумом, подъехал наконец к юрте и остановился у ее дверей.

В этот момент полог, прикрывавший вход в юрту, откинулся и из нее вышел светлолицый веснушчатый мальчишка лет одиннадцати-двенадцати. На голове его красовалась зеленая пограничная фуражка. Похоже, она была ему великовата, и чья-то неумелая рука присобрала фуражку сзади и грубо зашила черными нитками.

Не обращая на нас внимания, мальчик быстро подбежал к шесту, стоявшему у юрты и принялся отгонять собак.

— Пошли отсюда! Быстро! На место, Алыпсок, на место!

К моему удивлению, огромная собака по кличке Алыпсок, сразу же послушалась своего маленького хозяина. Сердито рявкнув напоследок, она недовольно взглянула на нас и не спеша пошла прочь. Вслед за ней исчезли и другие собаки. Только теперь мальчик с шестом повернулся к нам.

— Чей это дом? — не сходя с коня, спросил Султан у веснушчатого мальчугана.

— Это дом Жумагула.

– А чем занимается Жумагул?

– Пасет баранов.

— Кто дома?

– Никого.

А где твоя мать?

Она пошла в аул, который находится вон у того перевала.

— Кумыс есть?

— Нет, кумыса нет. Здесь недавно были люди и весь выпили.

— Что, совсем ничего не осталось?

— Ничего... не осталось,— ответил нерешительно мальчик.

— Зачем врать-то? Куда ты дел бурдюк с кумысом прикрытый вещами и привязанный к решетке юрты?

А кто тебе об этом сказал?

— Жумекен. Мы встретили его по дороге с отарой овец. Он сказал, что под вещами, у стенки стоит бурдюк с кумысом и чтобы мы аккуратно, не расплескав, налили себе по пиале и выпили,— спокойно ответил Султан и тихонько толкнул меня в колено, чтобы я не подавал вида.

Разинув от удивления рот, мальчик застыл в полном недоумении. Вероятно, случайная выдумка Султана попала точно в цель, и он теперь напряженно соображал, как быть.

Заметив на его лице сомнение, Султан решительно сказал:

— Пора нам отдохнуть! — и повернул коня к столбу Мы спустились на землю, привязали коня и направились к юрте. Веснушчатый по-прежнему не двигался с места, провожая нас молчаливым взглядом. Похоже было, его одолевали сомнения и он не знал, как быть.

В юрте царили полумрак и прохлада. Султан, словно оказавшись в доме своего ближайшего родственника, развалился на торе[1] и, пользуясь отсутствием хозяина, приподнял сложенные у стены вещи и заглянул под них. Там действительно стоял привязанный к решетке пузатый бурдюк с кумысом.

В юрту нерешительно, будто опасаясь чего-то, вошел мальчик и застыл у порога. На нем была голубая сатиновая рубашка, которая сильно села от множества стирок. Подол ее едва доставал до пояса штанов, и из-под него виднелся круглый как мяч, смуглый живот

— Эй, как тебя зовут? — спросил Султан.

— Даулет

— Какое красивое у тебя имя! Даулет — самое прекрасное имя на свете! Моего старшего брата тоже зовут Даулет

Насколько мне было известно, никакого брата у Султана никогда в жизни не было. Давая понять, чтобы я не выдал его, он незаметно ущипнул меня за бедро и продолжил.

— Имя это тебе дали, без сомнения, затем, чтобы ты всегда был богатым, гостеприимным и щедрым человеком. Слушай, Даулет, мы очень спешим. Налей-ка нам по пиале кумыса.

— Меня мама заругает Она сказала, что мы его отправим в аул.

---

[1] *Торь* почетное место в юрте

— Что отправите?

— Кумыс.

— Но уважаемый Жумекен сам разрешил нам выпить немного кумыса. Давай, неси сюда пиалы.

— Мама заругает...

— Не заругает, мы тебе заплатим деньгами.

Султан вынул из кармана брюк несколько мятых рублевок и показал их мальчику. Тот уставился на них, словно не веря в их подлинность.

— Да-да, мы тебе заплатим,— поддержал я Султана, решив, что так было бы более человечно, чем просто обмануть простодушного Даулета.

— А если сейчас придет мама, что мне делать?

Это означало, что Даулет наконец согласился.

— Не придет! — вскочил с места Султан.— Откуда она должна появиться? Пусть этот,— он ткнул в меня пальцем,— пока последит в щель, а мы с тобой быстренько разольем кумыс по пиалам.

Даулет протянул руку.

— Сначала дай деньги.

— На,— сказал Султан и сунул Даулету рубль.

— Он рваный и старый.

— Ну, тогда возьми вот этот,— поменял Султан потрепанный рубль на новую хрустящую бумажку.

Волшебная сила денег резко изменила выражение лица Даулета. Теперь в глазах его ожили радостные искорки, и он смотрел на нас гораздо приветливее.

За действиями Султана трудно было уследить. Неуловимым для глаз движением руки он извлек припрятанный бурдюк и быстро развязал шнурки. Даулет принес из-под навеса небольшую синюю кастрюльку, в которую, видно, уже раньше наливали кумыс.

— Ну-ка, подставляй! — Султан приподнял бурдюк и одним махом налил в кастрюлю чуть больше половины.

— Много! — взвизгнул Даулет.

— Ничего страшного,— успокоил его Султан.

Так же молниеносно Султекен сунул бурдюк на прежнее место. Затем мы взяли по пиале и, зачерпнув, с жадностью набросились на долгожданный напиток. Поставив опустевшую кастрюлю под навес, Даулет подошел к Султану.

— Дай еще рубль,— снова протянул он руку.

— За что? — не понял Султан.

Вы выпили не две пиалы, а гораздо больше.

— Эй, глупец! — рассердился Султан.— Да разве мы хотели столько выпить? Мы же боялись, что появится твоя мать и тебе от нее достанется! Вот из жалости к тебе и выпили все, что было. Зря, конечно, я столько выпил Вон как живот раздуло!

Не зная, что сказать, Даулет молча стоял и таращил на нас глаза

— Дай лучше нам чего-нибудь поесть. От этого кумыса у меня изжога началась,— сказал ему Султан.

Даулет опустил протянутую руку и спросил:

— Хлеб будете есть?

— Давай, неси сюда. А масло есть? Неси и его.— Султан пошел под навес вместе с Даулетом

— Это вареная грудинка?

Даулету, видно, понравилось торговать — он поспешно предупредил:

— За еду тоже заплатите!

Султан схватил недоеденную кем-то грудинку и, торопливо вгрызаясь в нее, согласно кивнул:

— Ладно, заплатим.

— Плати сейчас.

Султан дал Даулету еще один рубль. Мы намазали маслом по куску хлеба и с удовольствием проглотили их.

— Ну, пошли,— сказал Султан.

Едва мы направились к выходу, как Даулет преградил мне дорогу

— Хочешь перочинный ножик?

— Покажи какой? — сказал я.

Даулет вынул из кармана штанов ножик и показал мне. Это был обычный маленький дешевый перочинный ножичек Мне он не понравился.

— А ремень не хочешь?

— Какой?

Даулет задрал рубашку и, представив моему взору свой смуглый чумазый живот, показал ремень, которым был подпоясан

— А как же ты сам? Как штаны держаться будут?

— Ничего, я их чем-нибудь подвяжу.

Не знаю отчего, но мне вдруг стало жалко Даулета. И я подумал, что было бы совсем уж подло с нашей стороны ограбить его вплоть до ремня.

— Нет, не хочу, до свидания!

— До свидания,— ответил Даулет с сожалением.

Мы быстро вскочили на коня и, вновь взбудоражив

псов, поехали дальше. Белогрудая собака, не изменяя своей привычке, высоко подпрыгивая, кидалась с хриплым лаем на коня, в то время как сзади его хвост опять теребила шустрая черная сучка.

Султан пытался настигнуть переднюю собаку и огреть ее камчой по морде, однако умудренный жизнью пес ловко увертывался от ударов. Он яростно и неотступно атаковал коня, точно придерживаясь дистанции, недосягаемой для камчи. Я обернулся и посмотрел назад. У юрты все еще стоял, провожая нас долгим взглядом, маленький «торговец» Даулет в голубовато-зеленой кепке и вздернутой кверху рубахе.

В ДЕВЯТОЙ ГЛАВЕ
говорится о том, о чем, прочитав ее, вы сами узнаете

— Черный Коже, взгляни-ка сюда!

— Где ты это взял?

Из них получится отличный малахай, не так ли?

В руках у Султана были две серые каракулевые шкурки.

Странно, откуда они появились у него, с неба свалились, что ли? Я протянул руку и потрогал их. Они были мягкими, словно шелк, и безукоризненно выделанными. изнаночная сторона шкурок походила на гладкий белый лист бумаги.

— Эй, где ты это взял?

— Господь бог послал.

Я подумал, что если бы господь бог надумал одарить кого-либо из смертных, то начал бы он уж наверняка не с Султана.

— Скажи правду, откуда они у тебя?

— А тебе они нравятся?

— Красивые!

— Султекен чем попало не интересуется. Заруби себе это на носу!

Неожиданно на небольшой поляне перед нами показался чабан. Он вел на поводу коня. Султекен поспешно выхватил из моих рук каракуль и спрятал в кожаную сумку, висевшую за его спиной.

— Молчи как рыба, Черный Коже!

Подозрение неясной тенью скользнуло во мне. «Не стянул ли этот пройдоха шкурки из той юрты?» — подумал я, испугавшись самой этой мысли.

Чабан стоял как раз на тропе, по которой мы ехали. Подъехав ближе, мы разглядели его. Это был среднего возраста мужчина с полным лицом и небольшой остроконечной бородкой. На голове его сидел выцветший под солнцем белый войлочный калпак.

Саламалейкум, дедушка!

Алейкумсалам. Нет ли у вас огонька, ребятки?

Султан вытащил из кармана спички и протянул чабану. У того, как оказалось, за отворотом калпака была припрятана готовая толстая самокрутка. Он торопливо прикурил ее, сделал несколько жадных затяжек и с наслаждением выдохнул:

— Ух, как хорошо стало, дай бог вам здоровья, сынки! У меня, будь они неладны, кончились спички, и я уж сколько времени мучаюсь тут. Вы из какого будете колхоза?

Султан пихнул меня локтем и с ходу соврал:

— Из «Калинина».

Я удивился. Зачем он врет? Почему он не назвал наш колхоз — «Новая жизнь»?

Мы двинулись дальше, и, когда отъехали достаточно далеко, я не утерпел и спросил Султана:

— Эй, почему ты сказал, что мы из «Калинина»? Зачем соврал?

— Какой ты глупый, Черный Коже! Кто знает, может быть, это тот самый Жумагул, хозяин юрты, в которой мы недавно пили кумыс? Что, если он хватится своего каракуля и бросится искать нас? Ведь нам тогда очень не поздоровится. Ну а теперь пусть ищет нас себе на здоровье в далеком «Калинине».

* * *

Первая бригада, в которой работала дояркой моя мать, располагалась за горной расщелиной в местечке Кабанды, у входа в широкое, поросшее девственными соснами ущелье.

Со стороны могло показаться, что здесь раскинулся целый аул: виднелось несколько белых юрт, шалашей и палаток, образовавших небольшое поселение. Неподалеку от жилья был сооружен скотный двор, огороженный бревенчатой изгородью. В центре поселка стоял вагон, в котором, вероятно, находилась контора. На его крыше развевался красный флаг, стены были увешаны лозунгами

и плакатами (как я узнал позднее, вагон являлся одновременно и конторой и красным уголком бригады)

У одной из палаток, разбитой ближе к реке, стоял трехколесный мотоцикл. Сердце мое екнуло «Это, наверное, опять противный Каратай приехал. Выходит, эта большая палатка — машина»

Я не ошибся. Рядом с палаткой у самовара хлопотала моя мать. Увидев нас, она удивленно замерла на месте.

— Здравствуй, тетушка Миллат! — громко приветствуя ее, подъехал ближе Султан и остановился.— Ваш сын не мог раздобыть себе лошадь, а пешком идти далековато, вот я и прихватил его с собой.

Я сразу узнал мотоцикл, стоявший у входа Это был мотоцикл Каратая. В палатке виднелись чьи то ноги в огромных кирзовых сапогах. Без сомнения обладателем этих ног был тот же Каратай. Услышав наши голоса, он сразу подобрал ноги.

— Ты что, не поехал в лагерь? холодно спросила меня мать.

— Нет.

Я почувствовал, что наш неожиданный приезд не понравился ей. Похоже, Султан тоже уловил ее настроение и не стал слезать с лошади.

— Я приеду завтра и постараюсь найти тебе лошадь,— сказал он.

— Ладно.

— Я вижу, ты наконец нашел себе товарища. Еще нахлебаешься с ним горя.

— Сам знаю, что мне делать,— ответил я.

— Вижу.

Я вошел в палатку. На торе, подперев щеку, лежал Каратай. Вероятно, он работал где-то поблизости и, улучив момент, рванул сюда. На нем был старый, потрепанный, весь в масляных пятнах комбинезон. Однако борода, торчавшая обычно в беспорядке в разные стороны, на этот раз была аккуратно причесана. Каратай поднялся и сел, скрестив под собой ноги. Почесав по привычке затылок и едва сдерживая улыбку, он заговорил со мной приветливо и тепло, стараясь вызвать к себе расположение.

— Что, приехал отдохнуть на джайляу? Правильно сделал. Здесь вдоволь кумыса, свежего воздуха, чем не благодать?

Вскоре мы втроем сели за чай. После чая мать стала собираться на дойку Каратай попрощался с нами и уехал.

Я смотрел вслед его мотоциклу, который мчался по бездорожью, сминая ярко-зеленую траву и оставляя за собой грязный черный след, и думал «Зачем он все время приезжает к нам? Что ему нужно? Ведь мама все равно никогда не выйдет за него замуж. Ну, а если выйдет...»

Эта мысль вселяла в меня ужас. Я гнал ее прочь и старался не думать об этом. Прочь! Прочь, дурные мысли! Лучше я буду думать о Жанар, которая осталась далеко за этой горой. Жанар. Я помню, как ты растерянно озиралась по сторонам, когда я позвал тебя· «Жанар!» Может, мне написать ей письмо — рассказать о том, как я добирался до джайляу? Каратай... тьфу, вечно он лезет в голову, о чем бы я ни думал. Погоди, вот увидишь, я совсем не стану думать о тебе. Не буду думать ни минуты, хоть тресни!

В ДЕСЯТОЙ ГЛАВЕ

рассказывается о том, что если с хорошим поведешься — мечты своей достигнешь, с плохим же поведешься — беды не оберешься

Автор этой книги ни на минуту не забывает, что свой первый прозаический труд он пишет в виде повести. Поэтому он не останавливается на многих незначительных житейских мелочах, с которыми сталкивается ежедневно в своей жизни каждый. Иначе этот труд превратился бы не в короткую повесть, а в огромный роман, под тяжестью которого могла бы прогнуться полка какого-нибудь книжного магазина. Но недаром говорят: «Всяк сверчок знай свой шесток!» Куда уж нам до романа. Для этого, прежде всего, нужна не одна кипа бумаги и, по крайней мере, целая бутылка чернил. Кроме того, придется прирасти намертво к стулу и просидеть за письменным столом долгие месяцы и даже годы. Кто же тогда будет ходить в школу и выполнять домашние задания? Кто отыщет заблудившегося теленка? Нет-нет, в моем возрасте писать роман — дело слишком сложное.

Но это все так, к слову. А теперь я снова возвращаюсь к своей повести. С того дня как мы с Султаном оказались на джайляу, прошло, как ни странно, около месяца. Подумать только, целый месяц! А пролетел он как один день. Потому что провели мы его очень весело и интересно.

А все благодаря Султекену. За все это время я не был без лошади ни единого дня. Каких только иноходцев он не находил для меня! Седлай, говорит, этого и поехали! И я следую за ним. Я не спрашиваю о том, куда мы едем. Да и зачем? Ведь благодаря Султану я могу вдосталь покататься на лошадях и весело провести свое время.

Однажды на — джайляу был устроен большой той, посвященный Дню чабана. Кого может оставить равнодушным такое событие? Не остались безучастными и мы с Султаном. Едва начались первые приготовления к празднику, как мы потеряли покой.

Мы с нетерпением ожидали желанного дня и даже готовили себе коней, собираясь принять участие в кокпаре .

Утром того дня, когда должен был начаться праздник, моя мама ушла на дойку, а я, оперевшись на локоть, лежал в постели и читал «Робинзона Крузо».

Неожиданно снаружи послышался цокот копыт, а вслед за этим — громкий голос Султана.

— Черный Коже, ты дома?

— Дома.

Султан гулко спрыгнул на землю и вошел внутрь.

— Ты что, дурень, еще в постели? — воскликнул он, кинулся ко мне и выхватил из моих рук книгу.— Вечно в твоих руках торчат какие-то книжки! Брось ее! Ты что, забыл, что сегодня той?

— Подожди, подожди, дай я помечу, где остановился.

— Ты остановился вот на этой странице, где нарисован то ли человек с ружьем, то ли черт какой-то Сто двадцать четвертая страница. Ну-ка, вставай живо и одевайся! Пойдем на той.

Описывать праздник, думаю, тоже будет излишним. Потому что все вы знаете, как он обычно проходит Нынче чего-чего, а этого удовольствия хватает Что ни праздник, то той. Вот, к примеру, отдают невесту замуж — той, родится ребенок — той, перевыполнили план — той, приехала какая-нибудь знаменитость из-за границы — той, поехала какая-нибудь знаменитость за границу — той, День артиллериста, День Воздушного Флота, День металлурга, День строителя, День физкультурника, День шахтера и еще многие другие не названные праздники, и всегда — той Слава богу, в тоях у нас нет недостатка.

---

1 *Кокпар* национальная конная игра, козлодрание

Итак мы пришли на той. Гостей собралось на праз днике видимо-невидимо. Здесь были особо почетные гости из самой Алма-Аты, машины которых (ЗИМы, ЗИСы, «Победы») выстроились в длинный ряд. Всякие там «Москвичи» и, подобные каратаевской, трехколесные тарахтелки я за машины не считаю и о них не говорю. Кроме того, прибыли почти все чабаны из соседних двух районов, и праздник, казалось, был в самом разгаре

Мы подошли к небольшой кучке столпившихся людей и увидели, что в центре ее шли состязания борцов. После очередной схватки раздался голос одного из ведущих тоя·

Теперь будут выступать дети. Начинаем детские соревнования по борьбе.

Наблюдая за взрослыми борцами, я чувствовал, как меня охватывал нестерпимый спортивный зуд. Едва раздался призыв, обращенный к детям, я тут же выскочил на середину

— Я буду бороться! — сказал я ведущему.

— Что ж, иди сюда. Ты, я вижу, парень — огонь! — похвалил он меня и одобрительно похлопал по спине.

Борьба проводилась между представителями двух районов. Поэтому ведущий праздника обратился теперь с приглашением к противоположной стороне:

— Уйгурский район, выдвигайте своего борца!

В рядах Уйгурского района произошло небольшое оживление, и оттуда вышел горбоносый и очень смуглый, даже чернее меня, мальчишка. Едва он отделился от своих болельщиков, как за моей спиной раздались возмущенные голоса.

— Эй, да разве это ребенок, это же настоящий джигит!

— Что же вы выпускаете такого верзилу против этого малыша?

Давайте подходящего соперника!

Это несправедливо!

Однако, раскрасневшийся и распаленный спортивным азартом, ведущий и не думал прислушиваться к этому шуму.

— Сила на силу! Начинайте! — крикнул он и столкнул нас с носатым.

Я знал, что у меня хорошо получались подсечки и поэтому с первых же минут пытался применять этот излюбленный прием. К моей великой досаде, длинные ноги соперника были раскинуты далеко в стороны, и как я ни тянулся, достать до них не мог.

Догадавшись о моих намерениях, носатый отставил ноги еще дальше и всем своим телом навалился на меня Я толкал его то с одной, то с другой стороны, но он даже не двигался с места. Похоже было, что мой соперник рассчитывал только на силу своих рук и выжидал удобный момент, чтобы поднять меня и бросить на спину Пару раз ему удавались броски, но я каждый раз приземлялся на растопыренные, как у лягушки, ноги.

Неожиданно в голову мне пришел один хитроумный прием. Я незаметно приблизился к небольшой впадине и, упав на бок, едва уловимым для глаз движением перекинул носатого через голову. Тот, по-видимому, никак не ожидал этого и так растерялся, что не успел даже собраться и, перелетев через меня, распластался на земле Я быстро вскочил на ноги и, не дав противнику опомниться, уселся на него верхом. Толпа словно взорвалась Мои болельщики радостно зашумели, закричали, поздравляя меня с победой.

— Молодец!

— Вот джигит так джигит!

— Долгих лет тебе жизни!

Подошел ведущий, пожал мне руку и вручил приз двухтомник Гайдара.

Я чувствовал, как рот мой растянулся до ушей и радость наполнила душу. Счастливый, направился к прежнему месту. Громкий голос ведущего за моей спиной зазывал новых борцов. Вдруг сбоку от меня из гущи людей выбежал какой-то мужчина в светлом войлочном калпаке и устремился в мою сторону. Я не придал этому особого значения, продолжая идти дальше, как вдруг он догнал меня, схватил за руку выше локтя и закричал

— А-а, вот ты где, мошенник! Попался!

Ничего не объяснив, он поволок меня куда-то за собой, словно куст перекати-поля. Мне показалось, что я уже видел где-то это лицо, но припомнить никак не мог.

— Что... Что вам от меня нужно? — испуганно лепетал я.

Мужчина выволок меня из толпы и остановился От злобы, кипевшей в нем, острая его бородка мелко тряслась.

Незнакомец крепко, чуть не задушив, схватил меня за грудки и сильно тряхнул.

— Свернуть бы тебе сейчас шею! — процедил он сквозь зубы.— Мало того, что обманули моего сына, выпили и расплескали кумыс, так еще и каракуль стащили!

Я вздрогнул, словно мне на спину прыгнула лягушка. Теперь я узнал человека с гневно сверкающими глазами. Это был тот самый чабан, который встретился нам на пути к джайляу и попросил спички.

— Аксакал, я не брал ваш каракуль! — протянул я жалобно.

— А кто же взял, по-твоему?

Я хотел как можно скорее освободиться от позорного подозрения и честно признался:

— Его взял мальчик, который был рядом со мной.

— Где он? Чей сын? — грозно допытывался бородатый старик.

— Его зовут Султан... Он там... там стоит.

Я повел старика к тому месту, где недавно стоял вместе с Султаном. Но того и след простыл.

— Ну?! Где же он?

— Только что был здесь...

Привлеченные шумом, нас стали окружать любопытные.

— Что случилось?

— Где?

— Что натворил этот мальчишка? — расспрашивали они друг друга, забыв о борьбе.

Правду говорят, что стыд сильнее смерти. Я не знал, что делать, и готов был от стыда провалиться сквозь землю.

— Султан! Эй, Султан! — озираясь кругом, беспомощно звал я.

— Вон он, Султан! Садится на коня и собирается дать деру! — раздался вдруг чей-то голос.

Я резко обернулся и, глянув в указанную сторону, увидел Султана, уже вскочившего на коня.

— Султан! — отчаянно крикнул я, но он даже не посмотрел на меня и, хлестнув коня камчой, помчался вниз по горному склону.

— Ускакал! Видите, ускакал! — сказал я старику.

— Эх!..— только и вырвалось у того в бессильной злобе.

* * *

Наверное, вы и сами понимаете, в каком я был состоянии после описанного мною происшествия. На том тое была и моя мать. К счастью, она не видела, какой позор пришлось пережить ее единственному сыну на глазах ог-

ромной толпы. В это время мама находилась в другом месте, там, где шли выступления артистов.

Я был подавлен как никогда в жизни. Той остался где-то в стороне, а я, крадучись, словно воришка, добрался до своего коня и тронулся вслед за Султаном.

Я был готов прибить Султана на месте, попадись он мне сейчас на глаза. Как было не злиться на эту его подлую выходку! Сотворить своими руками зло и не уметь ответить за это — что может быть бесчестнее для мужчины? Не знал я, что у Султана была такая трусливая и мелкая душонка.

«С хорошим поведешься — мечты своей достигнешь. С плохим же поведешься — беды не оберешься», — говорят казахи и, как видите, не зря.

Спустя некоторое время я добрался до аула, где держали лошадей. Но там не было никаких следов Султана Я отправился на ферму, однако и здесь стояла полная тишина. Весь народ был на празднике. Я привязал коня к столбу, вошел в палатку и растянулся на подстилке

Эх, жизнь, жизнь! Какая же ты интересная штука.. То заставляешь веселиться и смеяться, то повергаешь в такую тоску и печаль! А ведь во всем, если хорошо разобраться, виноват сам человек!

Задаваясь разными терзавшими меня вопросами, я незаметно для себя заснул.

— Эй, есть тут кто? Выходи! — раздался вдруг снаружи чей-то грозный голос, от которого я вздрогнул и проснулся. Я выскочил наружу и увидел отца Султана, табунщика Сугура. Он сидел верхом на крупном гнедом коне, перекинув через одну руку курук[1]

— Где Султан? так же грозно спросил он меня

— Не знаю.

— Почему не знаешь? Ах вы, проклятые пройдохи! Два сапога — пара!

То ли решив попугать, то ли желая в самом деле отлупить, он направил коня на меня и взмахнул камчой Я отпрянул назад и юркнул обратно в палатку. Гнедой, разгорячившись, толкнул палатку грудью и, казалось, был готов смести ее и смять своими копытами

Сугур хлестнул камчой по палатке.

— Сними седло и отпусти коня! услышал я его голос

1 *Курук* длинный деревянный шест с петлей на конце применяемый для ловли лошадей

Однако приказ, адресованный мне, Сугур выполнил сам. Он снял седло с привязанного к столбу коня и отшвырнул его в сторону, уронив потник в пыль. Затем снял уздечку и, хлопнув по крупу, прогнал коня прочь. Почуяв свободу, конь радостно заржал и игриво понесся вскачь, высоко задирая хвост и взбрыкивая ногами. Следом за ним рысью пустился на своем коне Сугур.

Я впервые понял, что значит «бить лежачего» Во мне еще не утихли обида и злость на Султана, а тут еще и эта встреча. Теперь я был без коня. Решив не подавать матери виду, я принес седло в палатку и положил у самой стены.

В ОДИННАДЦАТОЙ ГЛАВЕ
говорится о моем возвращении в аул

Вот так нежданно-негаданно закончились для меня приятные дни на джайляу. Без лошади здесь нечего было делать, а без товарища и подавно. А Кожекен, как вам известно, лишился сразу и того и другого. Я пробовал провести на ферме пару дней, но едва не умер со скуки. Единственное, что я смог там сделать — это оформить «Боевой листок». Но и его парторг, едва прочитав, сразу же забраковал как никуда не годный. «Исписали бумагу сплошными песенками да стихами! Не поместили ни одной важной политической статьи! Разве это можно считать газетой? — раскритиковал он в пух и прах наш «Листок».— Посмотрите на газету, которую оформили во второй бригаде. Вот это я понимаю, газета! Сходите почитайте для интереса. Вот каким надо выпускать «Боевой листок» Берите с них пример!» — говорил он нам.

После ухода парторга я специально отправился во вторую бригаду, чтобы взглянуть на газету, которую он так расхваливал. Оказалось что там поступили очень просто: взяли газету «Социалистик Казахстан» и полностью переписали из нее передовую статью под названием «Поднимем скотоводство на новые высоты». Под статьей были указаны три фамилии членов редколлегии, ниже — нарисован почтовый ящик, а рядом с ним — небольшой текст· «Товарищи, сколько мы ни просили, никто не предлагает своих статей. Ждем от вас материалов для следующего номера». Еще ниже, в углу газеты, я увидел кнопку. Вот и все, ничего другого в этой газете мне обнаружить не

удалось. Честно говоря, я не понял, что в этой газете могло так понравиться парторгу. По-моему, наша газета получилась намного интересней. Но это, конечно, мое личное мнение, а мнение парторга было совсем иным. Однако меня это не очень удивляет, потому что я однажды читал в одной книжке о том, что в спорах рождается истина. Из какой именно книги я об этом узнал, не помню и прошу у читателей за это прощения.

В один из вечеров мама сказала мне:

— Сынок, не болтайся здесь без толку и возвращайся в аул. Иди лучше, как другие ребята, поработай в колхозе. Погулял — и хватит.

— Да я и сам собирался в аул,— ответил я ей.

Наутро очень кстати на джайляу приехала колхозная двухтонка с кормом для скота. За рулем сидел Каипжан, приветливый и добродушный малый. Я уселся рядом с ним в кабину и, попрощавшись мысленно с джайляу, отправился в аул.

Машина, словно ветер, мчалась по степной дороге, темной лентой петляющей по бескрайней благоухающей равнине, и волшебная птица мечты, конечно же, не могла усидеть в своем потаенном гнездышке. Взмахнув легкими крыльями, с радостным кличем она взмыла вверх и устремилась в необъятные дальние просторы.

О родина, земля казахов! Одна только мечта может облететь из края в край твои просторы! Как я люблю эти величественные горы, эту изумрудную степь, прозрачную реку, и эти тихо плывущие белые пушистые облака в голубом небе — все-все, что сейчас меня окружает! Господи, ну отчего ты так дорога мне, родная земля?!

Я очень люблю природу. Люблю поэзию. Сколько бы я ни перечитывал Абая, мне снова и снова хочется читать его стихи.

Когда я слушаю кюи Курмангазы и Даулеткерея, я забываю обо всем на свете. Листая поэму Махамбета, я слышу в каждом его слове топот тысяч конских копыт, звон сабель и пик. Я склоняю голову перед тобой, родная земля! Здесь родились и жили эти великие люди...

Дорога, по которой ехала машина, сворачивала у горной расщелины, огибала озеро Тузколь и устремлялась к аулу. Этот путь, конечно, был намного длиннее прямого. Однако наш «метеор» мчался, не сбавляя скорости, с ненасытной жадностью пожирая километр за километром. Казалось, сейчас только тот горный выступ маячил где-то

далеко впереди, но вот он мелькнул и остался позади нас Выстроившиеся бесконечной шеренгой вдоль дороги телеграфные столбы, будто догоняя друг друга, бежали нам навстречу Вон невдалеке показалось, блестя на солнце, и само озеро Тузколь. Наш путь протянулся теперь по его солончаковому берегу. Еще немного — и озеро, скользнув куда-то в сторону, тоже осталось позади. Теперь дорога ровной линией легла прямо на восток. Стрелка спидометра, все это время напряженно дрожавшая на одном и том же месте, вдруг качнулась и поползла к отметке «50», затем перевалила через нее и замерла, мелко дрожа, у цифры «60»

Неожиданно Каипжан повернул машину, поднялся на невысокий холм и поехал прямиком по бездорожью.

— Ага, куда мы едем? — спросил я с удивлением.

— В этом ущелье ребята убирают сено. Захватим их с собой в аул,— ответил Каипжан.

Эти слова не очень обрадовали меня. «Наверно,— подумал я,— и Майканова здесь с ними». Да и Жантас тоже. Я совсем не хотел их видеть сейчас, вернее, не хотел, чтобы они меня увидели. Читатель, конечно, помнит, как наши ребята отправились на сенокос, а я отказался и остался дома. Стоит только нам с Майкановой увидеться, как она, безусловно, тотчас начнет придираться ко мне. Но что я мог поделать? Ведь машина, к сожалению, была не моя. Эх, до чего же плохо не иметь собственной машины!

Мы подъехали к подножью горы, и я увидел на берегу небольшой шумной речки светлую юрту и натянутый белый навес Над юртой развевался на ветру небольшой красный флажок. Группа ребят, загоревших дочерна и похожих скорее на индейское племя, бегала на небольшой поляне и играла в волейбол. Проехав еще немного, машина остановилась. Русло реки оказалось довольно глубоким и было завалено множеством крупных камней. Моста через реку нигде не было видно. Каипжан вышел из машины и, подойдя ближе к берегу, громко крикнул:

— Эй, ребята! Как нам перебраться на ту сторону?

На крик к реке побежали несколько мальчишек. Среди них я увидел окончившего седьмой класс известного нашего борца Батырбека и моего одноклассника, председателя совета отряда Темира. А вон и противный Жантас бежит следом за ними. На голове его была самодельная пилотка, сделанная из газетного листа.

Переправа ниже! Здесь вы никак не переберегесь!» загалдели мальчишки

– Раз так, складывайте свои жилища, тащите сюда и кидайте в машину!

Оказалось, что бригадиром у ребят был Батырбек.

Дежурный, построй бригаду! — отдал он команду одному из мальчишек с красной повязкой на голой руке

Тот забежал под навес, взял в руки сверкающий в солнечных лучах горн, протрубил сбор и выскочил наружу. Не успел горн умолкнуть, как игравшие в волейбол ребята все побросали, подбежали к навесу, быстро выстроились вдоль широкой линии, прочерченной на земле, и замерли. Не веря собственным глазам, я изумленно наблюдал за этой сценой. Вот это я понимаю, дисциплина! Точно в армии.

– Товарищ бригадир! Все члены бригады по вашему приказу на линейку построены! вытянувшись перед Батырбеком, отрапортовал дежурный.

Спустя минуту ребята принялись разбирать и складывать юрту и навес.

Я съежился, прижавшись к задней стенке кабины, и старался, чтобы никто из ребят не заметил меня.

Горькое чувство сожаления охватило меня. «И чего я не поехал вместе с ними на сенокос, а отправился на этот дурацкий джайляу?» — думал я с поздним раскаянием.

Мальчишки раздобыли невесть где длинную толстую палку, перекинули ее через речку и стали перетаскивать по ней вещи.

Раньше всех, как и следовало ожидать, меня заметил хитрец Жантас.

— Эй, а ты откуда взялся, дезертир? – насмешливо спросил он.

– А тебе какое дело? — огрызнулся я.

На мое счастье, никого из учителей в этот день здесь не оказалось. Майканова еще утром уехала в аул. Вещи быстро погрузили в машину, и ребята, взвалив на спины рюкзаки и весело переговариваясь, полезли в кузов. Уступив место в кабине девчонкам-поварихам, забрался в кузов и я.

Медленно развернувшись, машина тем же путем выбралась обратно на прежнюю дорогу

С песнями и гомоном мы въехали в аул. Перед зданием правления колхоза стояли, переговариваясь и глядя

в нашу сторону, несколько человек, в их числе и председатель артели. Машина подъехала и остановилась рядом с ними.

— Здравствуйте, дорогие мои труженики! — радостно вскинув руки, встретил нас с улыбкой Сабырбаев, председатель артели. Рядом с ним стоял какой-то сухощавый смуглолицый джигит в соломенной шляпе и с фотоаппаратом на шее. Своим внешним видом он заметно отличался от местных жителей и был похож в своем куцем одеянии на стриженую кобылку С нашим приближением парень засуетился и попросил:

— Дети, побудьте пока в машине!

Я подумал, что если какому-то типу захотелось вдруг нас сфотографировать, то пожалуйста! Что нам, носов своих жалко, что ли?

Сначала я стоял в середине кузова, но потом незаметно пробрался вперед и гордо вытянулся перед объективом Незнакомец нацелил на нас объектив фотоаппарата и наконец сфотографировал, щелкнув не один, а целых два раза

В ДВЕНАДЦАТОЙ ГЛАВЕ

говорится о том, как появилось на свет стихотворение «Жанар, я скучаю по тебе»

Всю дорогу мысли мои были о Жанар. У меня было такое чувство, что я не видел ее очень давно, хотя прошел всего лишь месяц. Где, интересно, она сейчас? Сидит дома или поехала на этот раз в лагерь?

Я слез с машины и нарочно сделал крюк, чтобы пройти по той улице, где стоял дом Жанар Вот и он.

Я окинул взглядом двор, густо заросший крапивой и лебедой. На островерхой калитке сидело несколько воробьев, которые беспечно чирикали вразнобой. Дом словно замер. Не видно было ни души. Я взглянул на ворота замка на них не было Да и свежие лепешки кизяка, разложенные у стены говорили о том, что смуглая старушка была где то здесь поблизости

— Кого ты ищешь? .. раздался вдруг чей-то неприятный голос

Резко обернувшись, я увидел Жантаса и растерялся

— А что? — вырвалось у меня.

С плеча Жантаса свисал тяжелый рюкзак Из-под

низко надвинутой пилотки хитро поблескивали карие глаза. Он облизнул сухие, обветренные губы и спросил:

— Что, соскучился?

— По ком? Ты о чем? — с вызовом посмотрел я на Жантаса.

Тот шутливо помахал перед моим лицом пальцем и уклончиво ответил:

— Знаю-знаю, кого ты здесь высматриваешь...

— Ну и знай на здоровье.

Ох, как смело я произнес эти слова! До меня вдруг дошло, что они могли иметь вполне определенный смысл, и я ужаснулся. Тем не менее это был героизм с моей стороны. «Ну и пусть думает как хочет, так ему и надо!» — подумал я про Жантаса.

Как я узнал позднее, Жанар дома не было, она поехала в лагерь. Мне казалось, что я остался совершенно один в безлюдной пустыне. На плечи мои огромной тяжестью навалилась тоска.

Наступила ночь. Разложив перед собой тетрадки со стихами, я сидел один в дальней комнате. Несколько мотыльков кружили вокруг лампы и бились об ее стекло. Приди, приди ко мне, вдохновение! Где же ты? Пусть чувства, переполняющие меня, выльются в прекрасные поэтические строчки! Ведь тема моих сегодняшних стихов — Жанар. Раскрыв чистый лист, я написал посередине красивыми буквами: «Жанар, я тоскую по тебе».

Первые четыре строчки звучали во мне с самого утра и теперь легко легли на бумагу·

Жанар, тоскую по тебе,
Вернись, вернись скорей!
Все дни все думы о тебе,
В душе покоя нет.

Я перечитал эти строки несколько раз и решил, что получилось совсем неплохо. Возможно, они была слабоваты в художественном смысле, однако в них таились правда и настоящее чувство. То ли оттого, что в моей руке давно не было пера и поэтому грудь распирали накопившиеся стихи, то ли выплеснулись наружу бурлившие во мне чувства, порожденные тоской по Жанар, но я одним махом, без всякого напряжения, исписал стихами целых две страницы.

Особенно, на мой взгляд, удалось последнее четверостишье:

Жанар, другой такой уж нет,
А если есть — не та
Одной тебе лишь мой привет,
С тобой моя тоска

Ах, как это здорово — успешно закончить начатое дело! В наилучшем настроении я встал с места и посмотрел на часы. Они показывали почти одиннадцать. Пора было идти спать. Я вышел во двор, потом вернулся и лег в постель. Но разве в таком состоянии можно было уснуть? Мысли мои опять были заняты Жанар. «Хвастунишка Кожа. Теперь я буду называть тебя Хвастунишка Кожа». Я вспомнил, как Жанар произнесла эти слова, весело захлопала в ладоши и закружилась по комнате. На ум пришли стихи, которые я только что написал о ней. Они вертелись у меня на кончике языка. Значит, запомнились. Лежа на спине в полной темноте, я стал беззвучно читать их, словно прокручивал перед глазами кадры немого фильма.

Жанар скучаю по тебе

Я дошел до последних четырех строк, повторил их — и тут меня неожиданно будто током ударило. «Стоп! — сказал я себе. — Кажется, это не твои стихи. Но тогда чьи? Подумай хорошенько». Я задумался. Память моя лихорадочно искала ответ на этот вопрос. И вдруг глаза мои округлились, дыхание перехватило. Вот тебе на! Боже мой, да это же стихи Абая! Да, да, те самые, которые начинаются со слов «Привет тебе, чернобровая!». Мысль о том, что можно быть поэтом, воруя то у одного, то у другого поэтические строки, никогда не приходила ко мне ни во сне ни наяву. Это показалось мне ужасным. Что я наделал! Ведь это самое настоящее воровство! Не обычное, конечно, а литературное. У него даже название специальное имеется. Какой-то термин... Не помню..

Я соскочил с кровати и уже хотел было перечеркнуть позаимствованные у Абая-аты строки, но задумался. Если я это сделаю, то, во-первых, испачкаю тетрадь. Во-вторых, Абай — великий акын. Что из того, что юный, начинающий поэт вроде меня использовал для дела несколько его строк? Разве слава его от этого померкнет или наследие уменьшится?

Я же не собираюсь отправлять их в издательство. А поэтому не стоит их уничтожать — пусть остаются. В

1 *Ата* — дедушка

конце концов, кто такой Абай и кто такой я? Оба мы казахи, и оба мы поэты. Нигде и никем не написано, чтобы поэт не помогал поэту.

ТРИНАДЦАТУЮ ГЛАВУ
можно было бы назвать «Бурый теленок»

Близится начало нового учебного года. В этом году я иду в шестой класс. До окончания средней школы остается еще четыре, нет, не четыре, а целых пять лет. Ой, как еще долго! Если подумать хорошенько, то как непросто, оказывается, стать человеком.

Я уже приготовил все необходимые учебники. Мама дала Каипжану деньги, когда тот уезжал в Алма-Ату, и он привез мне новенькую, с иголочки, форму. Если все будет благополучно, то первого сентября Кожекен пройдется в ней по улицам аула.

Я с нетерпением ожидал начала школьных занятий. Интересно устроен все-таки человек. Когда учишься, мечтаешь об отдыхе. А теперь вот, хоть и отдыхаю, а скучаю по учебе. Летом хочется зимы, зимой хочется лета. Отчего так получается, а? Можно ли вообще угодить человеку?

А у меня, между прочим, была достаточно серьезная причина, чтобы скучать по школе. Начало занятий означало для меня, что я буду находиться рядом с Жанар. Кстати, чуть не забыл. Сегодня — закрытие сезона в лагере, где она отдыхает. Значит, Жанар возвращается домой. Ура! Жанар возвращается, Жанар возвращается!

— Кожатай, ты дома?

Когда у меня хорошее настроение, я совсем не прочь пошутить со своей бабулей.

— Может, и дома! Иди посмотри, ответил я игриво, словно девчонка.

— Если ты дома, то пойди отыщи бурого теленка и загони во двор. Все равно он не будет пастись на такой жаре.

— А если меня нет дома?

— Все равно ступай,— отрезала бабушка. Однако мне иногда нравится испытывать ее терпение.

— Как же я пойду, если меня нет дома? Ведь я не слышу того, что ты мне сказала?

— Эй, болтун, хватит молоть чепуху! Сказано — ступай, значит, ступай.

— А если я не пойду, аже? Что тогда будет?

— Если не пойдешь, получишь у меня на орехи!

— На какие, жареные или сырые?

Устав от моей болтовни, аже умолкла.

Выйдя из дома, я не спеша пошел к тому месту, где паслись телята. Чувствовалась духота, не было никакого, даже слабого ветерка. Затылок мой вскоре так накалился, будто к нему прилип кончик солнечного луча. Время от времени я прикрывал и поглаживал его рукой, чувствуя покалывание горячих и жестких, как свиная щетина, волос.

Вскоре я оказался на краю села. На дороге, вздымая колесами пыль и быстро приближаясь ко мне, показалась грузовая машина. Кузов ее был полон детей. Развевались на ветру красные галстуки, слышались веселые песни. В следующую же минуту я разглядел, что это возвращались из лагеря наши ребята. Вон среди девочек сидит и Жанар. Ветер теребит челку над ее лбом, и она, улыбаясь, смотрит на меня. Я радостно замахал обеими руками.

— Привет, Кожа!

Эй, Черный Коже!

— Кожа! — послышались из машины голоса и тут же пролетели мимо меня.

Я был счастлив, что смог хоты бы на миг увидеться с Жанар. Мне очень захотелось побежать за машиной, но я сдержал себя. В этот момент из-за бугра появился, лениво мыча, наш бурый теленок. Громко крикнув, я вспугнул его и неожиданно для себя погнал по дороге. Я мчался не чуя под собой ног, словно невесть откуда налетевший вихрь, обгоняя теленка и возвращаясь к нему, забегая то с одного его боку, то с другого. Перепуганный теленок, не соображая, что произошло, несся галопом и, достигнув крайнего дома, метнулся в чужой двор.

Вскоре я вывел обратно на дорогу обалдевшее от неожиданной гонки животное. И тут мне на ум пришла одна идея. Если бы наш бурый теленок мог понимать человеческий язык, я бы обнял его за шею, встал бы перед ним на колени и взмолился: «Милый мой теленок, я сейчас снова погоню тебя по дороге, а ты забеги, пожалуйста, во двор Жанар. Я влечу туда следом за тобой. Тут громко залает собака, и из дома выбежит Жанар. Я что-нибудь скажу ей, и она тоже что-нибудь ответит мне. Ведь я не видел ее целый месяц! Так я смогу хоть немного повидаться и поговорить с нею».

Но где уж понять меня бурому теленку! Стоит мне только отпустить его, как он тут же готов ринуться прямо домой. Нет, со своим домом тебе придется подождать Сначала ты послужи мне. Я повел теленка к дому Жанар Оглянувшись по сторонам, я убедился в том, что никто меня не видит Во дворе было тихо Я подтолкнул теленка в приоткрытую калитку но он уперся, не желая заходить в незнакомый двор. Я поднял с земли тонкий прут и с силой стегнул теленка пару раз По пути он задел копытом корыто, которое звонко ударилось о землю Шум вспугнул собаку, поднялся громкий, отчаянный лай Как я и предполагал, дверь дома распахнулась и на крыльцо выбежала Жанар. Оказывается, растерявшись, человек не сразу может произнести что-либо умное

Жанар, пригони, пожалуйста, вон того теленка,— сказал я, не найдя других слов. Опасливо косясь на собаку, теленок подошел к калитке. Я вывел его со двора и молча погнал домой.

В ЧЕТЫРНАДЦАТОЙ ГЛАВЕ
говорится о том, как обо мне узнала вся республика

Эй, есть кто дома?

Это был голос почтальона — старика Коштибая

Да! — выбежал я наружу

Я ежегодно выписывал несколько газет и журналов Если хотите, могу перечислить. журнал «Пионер», газеты «Казахстан пионери», «Пионерская правда», «Лениншил жас» Мама получает журнал «Казахстан айелдери» Поначалу я с пренебрежением отнесся к этому журналу, посчитав его сугубо женским Однако, как оказалось, он был самым интересным.

Коштибай протянул мне журнал «Казахстан айелдери» и газету «Казахстан пионери»

— А других нет?

— Нет

Я уселся на скамеечку возле дома и принялся сначала за газету Обычно я начинал чтение с ее последней страницы (думаю, что так поступают и другие). Потому что именно там печатаются интересные рассказы, фельетоны и сатирические стихи. Затем я переходил к третьей и второй страницам, и с каждой страницей содержание га-

зеты становилось все неинтереснее Ну а о том, что пи салось на первой странице, я узнавал уже по заголовкам статей.

Этот факт, думаю, говорит о том, что уважаемые дяди, которые занимаются выпуском газеты, совсем не учитывают мнение своего читателя. А зря. Как было бы чудесно, если бы они переместили материалы с последней страницы на первую, а с первой — на последнюю. Тогда не пришлось бы утруждать себя, вороша газету задом наперед. На четвертой странице «Казахстан пионери» мне пришлось немного задержаться. Там был напечатан рассказ известного детского писателя С. С. «Обновленные улицы». Су дя по названию и иллюстрации, речь в нем шла о том, как дети высаживали вдоль улиц зеленые насаждения. Что ж, это важная и необходимая тема. У меня даже имеется стихотворение по этому поводу, называется «Украсим нашу улицу».

Было на этой странице еще несколько сатирических стихов, загадки, юмористические зарисовки из жизни китайского народа.

Перевернув лист, я взглянул на третью страницу и сразу же увидел помещенный вверху снимок. Он произвел на меня весьма приятное впечатление. На нем виднелась часть дома с высокой крышей, грузовая машина, а в кузове ее много ребят с улыбающимися лицами, с вилами и граблями в руках. Я быстро пробежал глазами надпись под фотографией, как сумасшедший сорвался с места и влетел в гостиную, где сидела аже.

— Аже, аже!

— Что, сынок?

— Смотри, в газете напечатали мою фотографию! Смотри, вон это я стою посередине. Видишь?

Прищурившись, аже вгляделась в снимок.

— Который? Здесь же целая толпа людей.

— Вот... Вот он я, в самой середине, видишь, какой гордый? — Я самый и есть.

— А остальные кто?

— Наши ребята. Вот этот — Темир, этот — с граблями в руках — Батырбек, а этот, выглядывающий сзади,— Жантас... Видишь, что здесь пишут: «Учащиеся семилетней школы колхоза «Новая жизнь» оказали на летних каникулах существенную помощь сельскохозяйственной артели. На снимке: группа учеников, отличившихся ударным трудом в горячую страду сенокоса...»

Дойдя до конца фразы, я едва не прикусил себе язык.

Хорошо еще, что я читал эту надпись негромко, может, аже и не поняла, о чем здесь было написано. Ступая на цыпочках, я выскользнул из дома. «Вот тебе на! А я, не разобравшись что к чему, расхвастался. Стыд-то какой! Как все нехорошо вышло! Когда это я, скажите, участвовал в сенокосе? Когда трудился по-ударному?» — мучили меня угрызения совести. И снова я вспомнил народную мудрость, говорившую о том, что стыд сильнее смерти. Да, это было верно сказано. Я чувствовал, как жгучая краска стыда залила мне лицо. Я снова взглянул на фотографию. Там все было по-прежнему. На переднем плане, в самом центре, словно герой труда, гордо, с невозмутимым видом стоял все тот же Кожа. Вздернутый нос, грудь колесом, мол, смотрите, какой я молодец! Ничего не скажешь, он ярко выделялся среди остальных ребят.

Надо же было угораздить меня встать в самую середину! Нет, чтобы притулиться где-нибудь сбоку. И какой только черт меня дернул? От волнения на лбу моем выступил пот. Теперь Жантас первым поднимет меня на смех.

Неожиданно меня осенило. Ура! Я нашел выход! Возьму чернила и хорошенько замажу надпись, чтобы никто не смог ее прочесть. А потом уже можно будет смело пробежать по аулу, показывая всем газету. Тьфу, ну какой же я дурак! Разве эта газета вышла только в одном экземпляре? Наверняка сейчас многие из ребят так же, как и я, читают ее...

Одним словом, эта фотография попортила мне немало крови. Но постепенно я успокоился и решил не унывать. В конце концов, теперь, ударив себя в грудь, я могу смело заявить каждому: «Попробуйте сказать, что я не работал этим летом в колхозе! Что, не можете? То-то и оно! Ведь сама газета — свидетель того, что я участвовал в сенокосе!»

В ПЯТНАДЦАТОЙ ГЛАВЕ

говорится о том, как я однажды дал пинка Жантасу

Сегодня — первое сентября. Как солдат на параде, я вырядился в новую форму и зашагал в школу В руке у меня новый желтый портфель, на шее — ярко-красный галстук. В это утро я долго вертелся перед зеркалом,

пытаясь как можно лучше надеть кепку В конце концов я надел ее, слегка сдвинув вправо. Я шел по улице и искоса посматривал на свою тень. Тень была длинная, вытянутая и неотрывно следовала за мной. Одна ее нога была почему-то немного короче другой. Да и кепка сидела на голове как-то не так Верх ее совсем некрасиво торчал над головой.

Впереди показался дом Жанар. Сердце мое забилось, затрепетало в груди. Ушла Жанар в школу или не ушла? Проходя мимо ее дома, я выпрямился и пошел чеканя шаг, словно это была правительственная трибуна. Как знать, может быть, именно сейчас у окна стояла Жанар и смотрела на улицу? Я взглянул украдкой на окна. Они были пусты.

Из соседнего переулка наперерез мне вышла девушка в белом платье с папкой под мышкой. Это была Майканова. От неожиданной встречи я растерялся. Был бы сейчас конец, а не начало учебного года, можно было бы сделать вид, что не заметил ее, и пройти мимо. Я сдернул с головы кепку и поздоровался

Здравствуйте, татей!

— Ну как, Кадыров, хорошо отдохнул? спросила Майканова.

Внутри у меня сжалось. Я со страхом думал о том, что она начнет разговор о нашей с Султаном проделке.

— Н-неплохо,— ответил я заикаясь.

— Куда ты летом ездил?

На джайляу

— Я так и подумала. Загорел сильно, улыбнулась Майканова.— Теперь ты по-настоящему стал Черным Кожой.

«Уф!» – облегченно вздохнул я. Похоже, Майканова ни о чем не подозревает.

Я шел с ней рядом и заметил, что здорово подрос за лето. Сейчас мы были почти одного роста. А может, это она стала ниже? Нет, не может быть. Напротив, сегодня она была обута в туфли на высоких каблуках. Майканова шла, семеня тонкими, не очень стройными ногами, и легкое платье струилось и облипало их при каждом шаге.

Я вошел в школу. С первого класса я учился в ее стенах, и она была дорога и близка моему сердцу. Казалось, и этот блестящий свежевыкрашенный пол, и сверкающие чистотой окна приветливо и радостно улыбались. Вот наш класс. В нем было пусто. Наверное, я был первым. Я стоял и раздумывал, где бы мне занять себе место. Что,

если сесть напротив учителя? Нет, лучше всего, пожалуй, сесть за заднюю парту. Если урок наскучит, можно откинуть ее крышку и почитать какую-нибудь книгу или заняться стихами. Хотя, известно, позади сидят самые неуспевающие ученики. Те, кто уверен в себе, сидят обычно с важностью за передними партами.

Что я хуже, чем они? И я решил сесть за первую парту, лицом к лицу с учителем.

Теперь я с нетерпением ждал прихода Жантаса (тьфу, и как только это противное имя сорвалось с моего языка?) Я имел в виду Жанар. Мне хотелось предложить ей место рядом с собой и потом целый год просидеть с ней бок о бок.

Один за другим в класс заходили, шумно приветствуя друг друга, ребята. Жанар все не было. Услышав за дверью голоса девчонок, я думал, что это идет она, но каждый раз меня ждало разочарование.

Хлопнув дверью, в класс вошел Жантас. На нем тоже была новая школьная форма. Он вошел такой важной походкой, будто хотел сказать: «Видите, какой я сегодня?» Жантас увидел меня, поднял руку и громко произнес:

— Привет герою труда!

Так он стал обзывать меня с того самого дня, как в газете «Казахстан пионери» появилась наша фотография.

— Свободно, Черный Коже? — показал он рукой на место рядом со мной.

— Для тебя берегу,— ответил я ехидно.

— Благодарю за заботу! — изогнулся в поклоне Жантас и направился к парте.

Я быстро скользнул к краю, не дав ему сесть.

— Занято!

— А кто здесь сидит?

— Ты что, не понимаешь по-казахски? Я же ясно сказал: здесь занято!

— Что, для Жанар приберег?

Тут, дорогой читатель, хочешь — вини меня, хочешь — не вини, я уже больше не мог сдерживаться. В течение одной минуты ядовитый язык Жантаса трижды больно задел меня. Сначала Жантас насмешливо назвал меня героем труда, затем сознательно исковеркал мое имя, мало этого, приплел еще и имя Жанар. Меня охватила такая ярость, что я вскочил с места, схватил Жантаса за плечи и, резко повернув его, сильно пнул под зад.

Нет, что ни говори, а Жантас не мужчина. Если бы кто-нибудь сделал со мной подобное, я бы умер, но отплатил за такой позор. Я и от Жантаса ожидал такого же ответа и был готов уже растерзать насмешника. Однако, вопреки моему ожиданию, Жантас поступил иначе. Промолчав, он только выдавил из себя:

— Я ведь пошутил...— При этом голос бедняги прозвучал как-то неуверенно и жалко. Ни силы, ни злости я в нем не услышал.

В этот момент в класс вошла Жанар. На голове ее был любимый мной красный берет. Застигнутый врасплох, я не смог даже поздороваться с ней. Жанар прошла мимо меня и села за какую-то парту в середине класса.

А все подлый Жантас. Ведь это из-за него рухнул мой так хорошо задуманный план.

В ШЕСТНАДЦАТОЙ ГЛАВЕ
речь пойдет о том, как мы снова встретились и подружились с Султаном, о рыбалке на реке Карасу. Глава эта завершится клятвой

Я не видел Султана с тех самых пор, как вернулся с джайляу. Где он пропадал все это время, не знаю. Он везде чувствовал себя как дома. Бродит, наверное, где-нибудь, фокусничает по-прежнему.

Эх, Султан, Султан! Ведь в тебе столько замечательных способностей, что иной только позавидовать может. С какой удивительной ловкостью ты накидываешь петлю на дикого коня! А как здорово — переливчато и на всякий лад — ты умеешь свистеть! Если нужно, то так подоишь кобылу, что просто ахнуть можно. Ты добр и щедр. Другу, если надо, все отдашь. Но ты и нечестен: можешь запросто солгать, украсть. Если бы ты не бросил учебу и избавился от этих дурных качеств, то обязательно стал бы хорошим человеком.

Вот какое у меня было мнение насчет Султана. Я довольно часто думал о нем. С того дня как мы расстались, я чувствовал себя так, словно потерял свою половину, словно мне чего-то не хватало, ведь рядом с Султекеном я не замечал, как пролетало время.

Как-то раз, когда я возвращался из школы и, свернув за угол, собирался уже войти во двор, позади меня рявкнула какая-то собака и тут же вцепилась мне в ногу. От

неожиданности я заорал во все горло и резко обернулся. Смотрю, за спиной нет никакой собаки. Зато из-под куста, хихикая и хватаясь за живот, вылезает не кто иной как Султан.

— Ох и крепко же напугал я тебя, Черный Коже! Хи-хи! Трусливее тебя, пожалуй, и не сыщешь! Беги скорее домой и поменяй штаны! Ха-ха!

Чего-чего, а такой веселой встречи с Султаном я, признаться, не ожидал. Думал, после того как я выдал его на тое, он точит на меня зуб и когда-нибудь еще поквитается со мной, покажет, где раки зимуют. Видно, зря я опасался его. Наши отношения, похоже, остались по-прежнему теплыми и неизменными. Султан все еще весело хихикал, продолжая держаться за живот. Шутка его явно удалась. Я не замечал на его лице ни тени обиды, ни признаков вражды. Успокоившись, я быстро взял себя в руки и с видом оскорбленного человека холодно сказал:

— Уходи отсюда и не лезь ко мне!

— Что случилось, Черный Коже?

— Почему ты бросил меня в тот раз? Ты что, считаешь, честно поступил?

— Ладно, ладно, Черный Коже. И ты до сих пор помнишь об этом? С Жумагулом мы давно уже в расчете. Я подарил ему шикарный серебряный портсигар... Слушай! Хочешь пойти сейчас со мной на рыбалку? Недалеко от верхней переправы Кинкбая, по ту ее сторону, я нашел отличное место. Рыба там, хочешь — верь, хочешь — нет, кишмя кишит. Как придем, так сразу и выгребем.

— А есть у тебя сеть?

— Возьмем у мельника Ивана, он мой друг

От такого занятия, как рыбалка, я отказаться был не в силах.

— Ладно, только сначала схожу пообедаю.

Во дворе я увидел гнедого, которого Султан успел привязать к столбу до моего прихода. Я наскоро поел, и мы с Султаном, взвалив, как прежде, два седла на коня, уселись верхом и тронулись со двора. Ах, какое это наслаждение — сидеть верхом на коне! Я сразу взбодрился, а на душе стало легко и весело. По дороге мы завернули на мельницу Старый мельник радостно встретил Султана. Они крепко пожали друг другу руки, сели и, закурив, оживленно заговорили о житье-бытье и о разных новостях.

— Дайте, пожалуйста, нам вашу сеть. Мы хотим по-

рыбачить немного,— попросил спустя некоторое время Султан.

— Берите. Вон она лежит на крыше дома,— ответил, не колеблясь ни секунды, Иван.

Мы забрали сеть и поехали дальше. Вскоре добрались до густого леса, въехали в него и затрусили по узкой, наполовину заросшей тропинке. Изредка нам попадались кустики лесных ягод. Среди тоненьких веток то тут, то там матово поблескивали ярко-красные соблазнительные ягоды. Мне так захотелось соскочить вниз и полакомиться ими, что даже слюнки потекли, но Султану это не понравилось. Сейчас он ни о чем, кроме рыбалки, и думать не мог.

Заводь, о которой говорил Султан, оказалась в нетронутом уголке леса. Она была достаточно глубокой и удобной, чтобы закидывать сеть. Мы привязали коня поодаль и, ступая осторожно на цыпочках, подошли к берегу. Я наклонился, вытянул шею и стал вглядываться в воду, надеясь увидеть кишащих там рыб. Тогда Султан пнул ногой в рыхлый берег, и в ту же секунду из-под него брызнула целая стайка длинных черных рыб. Они заметались вверх-вниз и стремительно рассыпались в разные стороны.

— Ту-у! Как их много здесь! — воскликнул я, не удержавшись.

— Тс-с-с, не ори! — шикнул на меня Султан.

Мы быстро разделись, вошли в воду и начали загребать от самого берега. Султан сунул мне в руки сеть, а сам громко зачавкал ногами по воде, вороша длинной палкой мягкое илистое дно.

— Поднимай!

Я поспешно рванул отяжелевшую сеть из взбудораженной, замутненной воды, едва удерживая, доволок ее до берега и опрокинул. Рыбки скользнули вниз, сгрудились на траве, шлепая друг дружку мокрыми хвостами.

— Ура!

Устье Карасу находилось рядом, у невысокого бугра. Вновь и вновь загребая сетью, мы добрались до него в течение какого-то часа. В конце концов рыбы оказалось целая куча.

И вот наконец мы с Султаном, очень довольные, будто попали на самое почетное место в раю, уселись у небольшого костра и принялись уплетать за обе щеки жареную рыбу, жалея лишь о том, что не захватили с собой ни хлеба, ни посуды. Султан сидел в надетой задом наперед

кепке и кусок за куском торопливо отправлял в рот подгоревшую с одного боку горячую рыбу

— Черный Коже, скажи, чем плоха такая жизнь? спросил он, причмокивая от удовольствия.

Не задумываясь, я ответил, как думал.

— Не жизнь, а малина!

– Чего тебе с учебой мучиться? Бросай ее!

— Меня тогда мама убьет.

— Как бы не так! Думаешь, так легко человека убить? В прошлом году мне отец тоже говорил: мол, если только бросишь учебу, спущу с тебя шкуру, а сам, клянусь, уйду куда глаза глядят. Но, как видишь, ничего такого он со мной не сотворил. Правда, раза два он все-таки вытянул меня ремнем вдоль спины. Ну а я в ответ на это кинулся к реке и заорал благим матом, что, мол лучше утопиться, чем жить такой собачьей жизнью. Так у него от страха глаза чуть не вылезли из орбит. Что и говорить, старик перепугался не на шутку. Бросился за мной, догнал, крепко прижал к себе и взмолился: не хочешь — не учись, делай что хочешь, был бы только жив-здоров. Видел бы ты, как он всю дорогу, пока не привел домой, обнимал, ласкал и целовал меня. С того дня отец о школе даже и не заикается. Так что, если мать тронет тебя, беги прямиком в милицию. У нас нет такого закона, чтобы родители били своих детей. За такие дела могут даже наказать.

Насчет того, что мать, в случае чего, убьет меня, я, понятное дело, приврал. Может, когда-нибудь в далеком детстве, она и била своего сына, не знаю. Во всяком случае, сколько помню себя, меня ни разу даже пальцем не тронули. Как бы ни сердилась моя мать, она или выговаривала мне, или молча хмурилась, и этого было достаточно. Только аже могла иногда пригрозить: «Ох, и получишь ты у меня на орехи!» Но и эта угроза никогда не исполнялась.

Честно говоря, мне никогда не приходила в голову мысль оставить учебу.

— Нет, я не могу бросить школу! — сказал я как отрезал.

— Может, ты и прав,— согласился неожиданно Султан.— Чего доброго, скажут еще, что это случилось из-за меня. Достанется тогда обоим! Лучше уж учись. Глядишь, и доучишься до чего-нибудь. Кто знает, может, из тебя выйдет в будущем большой начальник. Тогда и мне будет хоть какая-то польза. Приду и попрошу, например, на время машину. Что, не дашь, что ли?

— Я начальником не буду.

— А кем будешь?

Я не сомневался, что непременно стану писателем, когда вырасту взрослым. Но заявить об этом сейчас Султану было все равно что выставить себя на посмешище.

— Сам знаю.

Наевшись вдоволь, мы с Султаном принялись потрошить оставшуюся рыбу. Близился вечер, в лесу заметно стемнело. Налетели комары и целым роем вились над нашими головами. Султан вспарывал рыбам брюхо, вытаскивал оттуда внутренности и, балуясь, шлепал себя по лбу рыбьими пузырями. Через некоторое время весь его лоб был в желто-розовых разводах.

— Черный Коже, хочешь стать разбойником? — неожиданно спросил он меня.

— Как это?

— Очень просто. Построим где-нибудь здесь, в укромном местечке, шалаш. Насушим побольше рыбы. Когда захотим, будем грабить прохожих на дороге. Короче, заживем так, как жили когда-то настоящие разбойники.

— Но ведь у нас ничего нет. Ни посуды, ни постели, ни оружия...

— Ерунда. Притащим все это из дома,— ответил Султан.— Знаешь, как будет здорово!

— А как же учеба? — засомневался я.

— Учись сколько влезет. Мы же будет только по ночам разбойничать.

Меня захватила идея Султана. Она была так необычна и интересна! Вот бы в одну из ночей выкрасть Жанар и увезти в лес! Она стала бы готовить нам еду, стирать белье.

Мы выпотрошили всю рыбу и аккуратно нанизали ее на прутья. Покончив с этим, стали выискивать подходящее место для нашего шалаша. Нашли его неподалеку, у самого берега, среди густых зарослей тальника. Мы переплели гибкие верхушки, спутали стебли, превратив их в подобие стенок, и получилось небольшое уютное гнездышко, в узенький лаз которого мог протиснуться лишь один человек.

Глядя с явным удовольствием на эту крохотную хижину, Султан произнес:

— Смотри, Черный Коже, совсем недурно, а? Живи здесь сто лет, и ни одна душа не найдет тебя, разве что ненароком наткнется.

Точно, не найдет! — согласился я.— Даже если кто нибудь и наткнется, то ни в жизнь не догадается, что здесь жилье.

— Здорово! Вот она, настоящая жизнь! Принесем сюда ружье, еще у меня есть отличная финка, захватим и ее. Эх, Черный Коже! Погоди чуток, уж я тебе покажу такие чудеса, которые тебе никогда и не снились! Только давай сразу договоримся: такого предательства, которое случилось между нами летом, быть не должно. Будем честными и преданными друзьями. Разбойник за разбойника жизнь отдать готов. Ну-ка, давай руку! — Мы пожали друг другу руки, затем сплели мизинцы. Султан разбил их ребром левой ладони.

— Подожди, еще не все,— сказал он и начертил на земле прутиком круг.

Что это?

— Это красный очаг. Кто из нас нарушит клятву, будет гореть в нем, как в аду.

После этого он провел через центр круга несколько прямых линий, лег на живот и торжественно коснулся лбом точки их пересечения. Вслед за ним повторил этот ритуал и я.

В СЕМНАДЦАТОЙ ГЛАВЕ
говорится о том смятении чувств, которое выпадает на долю каждого ученика

После сумасшедшего дня я спал как убитый. Сквозь сон почувствовал, как аже энергично тряхнула меня за плечо.

— Кожа! Кожатай! Родной мой, ты что, не идешь сегодня в школу?

Я раскрыл глаза и взглянул на стенные часы. До восьми оставалось всего пятнадцать минут Как ужаленный я соскочил с постели, мигом оделся, кое-как ополоснул лицо и руки и стоя опрокинул в себя пиалу айрана.

Накануне вечером от усталости я едва доплелся до дома, и, конечно же, не приготовил ни единого урока.

Побросав учебники в портфель, я со всех ног помчался в школу. Еще на полпути к ней услышал, как прозвенел звонок. Первым у нас был урок русского языка. Анфиса Михайловна уже открыла дверь, собираясь войти в класс

но тут увидела меня и остановилась. Среди наших учителей это был поистине золотой человек. К нам в школу она пришла в прошлом году, сразу же после окончания педучилища, а этим летом, успешно сдав вступительные экзамены, поступила в институт

— Кадыров, ты что, проспал? улыбнулась она и остановила меня.— Постой, поправь галстук.

Я пошарил рукой по рубашке и обнаружил концы галстука на плече. Поправив его, я прошмыгнул в класс Все дружно встали, приветствуя, разумеется, не меня, а учительницу, которая вошла следом. Однако я использовал это по-своему· задержался на секунду, вздернул нос и придал лицу важное выражение. Затем приложил руку к груди и степенно поклонился. Это получилось ответом на приветствие. Ребята засмеялись. Я обернулся, чтобы увидеть реакцию Анфисы Михайловны,— она тоже улыбалась. Наши взгляды встретились, и она покачала головой, словно говоря: «Ах, Кадыров, и чего только ты не придумаешь!»

Умела она все-таки заглянуть в душу человека.

Не посчитайте за хвастовство, но я был одним из тех, кто лучше всех успевал по русскому языку Во всех четвертях прошлого учебного года у меня были только пятерки за устные и письменные ответы. Может быть, это была одна из причин хорошего отношения ко мне Анфисы Михайловны?

Учительница объяснила нам новую тему, а затем обратилась к классу с вопросом

— Ну как, ребята, выучили вы стихотворение Пушкина «Зимний вечер»?

— Выучили! — послышалось со всех сторон.

— Тате, можно я отвечу?

— Спросите меня!

— Анфиса Михайловна, вызовите меня! — просились отвечать ребята, перебивая один другого.

Знали бы вы, в каком состоянии находился в ту минуту Кожекен! Ведь вчера у меня не было никакой возможности учить уроки. Домой мы с Султаном вернулись лишь к вечеру. Потом он позвал меня с собой на пастбище, чтобы оставить там своего коня. А после этого мы решили узнать, кто из джигитов приударил за дочкой Хасена Марзией, и понапрасну допоздна прокрутились возле ее дома.

— Слушай, какая нам разница, кто морочит голову Марзие? — сказал я Султану.— Зачем нам это знать?

— Затем, что надо! ответил Султан.

— Ну скажи, зачем?

Вместо ответа Султан тяжко вздохнул.

— Черный Коже, ты еще мал понимать такие вещи, проговорил он чуть погодя.

«Ну что ж, понимай сам, раз так!» — подумал я про себя.

Что касается стихотворения «Зимний вечер», так я не только не выучил его, но даже начисто забыл о том, что оно было задано на дом и вспомнил об этом лишь сейчас, на уроке. В боку моем от волнения что-то дернулось. «Ужас! Вот будет позор, если меня сейчас вызовут!» — со страхом думал я.

Анфиса Михайловна раскрыла журнал.

— Балабекова! — назвала она фамилию Жанар.

Ну разве могло случиться такое, чтобы Жанар пришла на урок неподготовленной?

Буря мглою небо кроет
Вихри снежные крутя,—

начала она уверенно и без сучка, без задоринки прочла все стихотворение.

— Молодец, Балабекова, садись!

«Молодец!» — похвалил ее мысленно и я.

Бедная моя головушка, ну что стоило мне переписать эти злополучные стихи на бумажку и захватить с собой на рыбалку. Там, на отдыхе, я мог легко и запросто выучить их...

Турсынбаев!

Сидевший позади меня Жантас откинул крышку парты и встал.

Буря мглою..

Иди к доске! — перебила его Анфиса Михайловна.

Не все ли равно?

Ох и хитрый же этот Жантас Ну надо быть таким изворотливым! Решил, видно, обмануть учительницу, глядя одним глазом на нее, а другим — в книжку, раскрытую под партой.

Однако нашу Анфису Михайловну не так-то легко обвести вокруг пальца.

— Порядок для всех общий, иди отвечать к доске,— стояла на своем учительница.

Жантас шмыгнул носом и неуверенно направился к доске.

— Ну, отвечай!

начал тихо Жантас и умолк.

— Дальше?

— Анфиса Михайловна, я не успел выучить...

— Почему?

— Я ездил на мельницу, и у меня не хватило времени..

Анфиса Михайловна посмотрела внимательно на Жантаса и сказала:

— Может быть, ты с места ответишь?

Мы весело рассмеялись.

— Садись, Турсынбаев. Это уже твоя вторая двойка. Мало того, что не подготовил урок, так ты еще хотел обмануть учителя. Ты очень плохо поступил. Чтобы этого больше никогда не было. Всегда будь честным: выучил — так выучил, не выучил — так не выучил.

Так тебе и надо, подлый Жантас! Каково быть опозоренным перед всем классом? Вместо того чтобы стравливать ребят и насмехаться над другими, лучше бы занимался уроками.

Так я и сидел, посмеиваясь над Жантасом и в то же время боясь вызова к доске.

«Что если назовут меня? Какую я назову причину? Скажу, что был с Султаном на рыбалке и готовился стать разбойником?»

— Жаканов, к доске!

Я облегченно вздохнул, словно миновала еще одна опасность. Как я уже заметил, у каждого учителя своя манера опроса учащихся. Майканова, например, вызывала нас подряд, скользя пальцем по списку сверху вниз. Это было, честно говоря, очень для нас удобно. Каждый знал, когда подойдет его очередь, и не был застигнут врасплох

Анфиса Михайловна поступала иначе. Сначала она могла назвать фамилию в начале списка, потом переходила к его концу. Кого-то она вызывала к доске два дня подряд, другого не спрашивала несколько уроков. Короче говоря, никто не знал, что его ждет сегодня или завтра на ее уроках

Теперь я уповал лишь на звонок. Скорее бы он прозвенел и облегчил мне душу А к следующему уроку я бы так выучил «Зимний вечер», что от зубов бы отскакивало, и первым вызвался б отвечать его. Вот, кажется, дверь учительской открылась и оттуда вышла дежурная с ма-

леньким симпатичным колокольчиком в руке. Сейчас, с минуты на минуту, он зальется серебристым звоном.

Нет, к сожалению, это была не дежурная. Господи, но ведь сорок пять минут должны бы кончиться! Почему они сейчас так долго тянутся? Может, дежурная вышла во двор и заговорилась с кем-нибудь из знакомых? Ой, кажется, колокольчик звякнул. Нет, опять ошибка. Это мимо школы проехала, скрипя колесами, арба.

Но вот и Жаканов прочитал злополучные стихи. И чего они все сегодня так тараторят? Учительница склонилась над журналом, ставя очередную отметку, а я сидел ни жив ни мертв, затаив дыхание. «Интересно, кого она сейчас назовет?»

— Кадыров...

Словно небо раскололось надо мной. Не зная, как быть, совершенно потерянный, я медленно поднялся с места, чувствуя, как мой лоб покрылся холодным потом. Но бывают же в жизни такие счастливые минуты, которые трудно передать словами! Одну из них я и пережил в тот самый момент. Не успел я и рта раскрыть, как за дверью раздался веселый перезвон школьного колокольчика. Я облегченно вздохнул.

— Ну что ж, садись, Кадыров. Я спрошу тебя в следующий раз,— сказала Анфиса Михайловна.

Ноги мои ослабли, подкосились, и я мешком плюхнулся на место.

ВОСЕМНАДЦАТАЯ ГЛАВА
самая короткая в повести

Возвращаясь из школы, я увидел Султана. Он стоял, прислонившись к нашему забору, сжимая в руке сложенную пополам крепкую камчу, и постукивал ею по сапогу, с нетерпением поджидая меня. «Нет, в лес я сегодня не пойду,— решил я про себя.— Буду учить уроки, ведь завтра надо рассказывать «Зимний вечер», да и по другим предметам заданий хватает».

Бросай книжки, Черный Коже, и пошли!

— Нет, я не могу сегодня.

— Почему?

— Буду заниматься. На завтра очень много задано.

— Ой, Черный Коже! О чем ты говоришь? Ну-ка идем, сейчас я покажу тебе кое-что.

Мы зашли во двор. Там уже стоял на привязи гнедой жеребец. У седла висело легкое охотничье ружье, обе раздутые половины кожаного коржуна[1] были набиты картошкой и хлебом. К тороке было привязано черное ведерко.

Вот, нашел все что нужно. Патронов тоже хватит.— Султан вытащил из кармана штанов целую горсть патронов и показал мне.— Пятьдесят штук. Один приятель обещал достать мне еще сто.

Я заколебался. Попробуй не заколебаться, видя все это.

Давай тогда вернемся домой пораньше. Мне обязательно нужно выучить уроки.

— Ладно, выучишь.

Вскоре неторопливым шагом мы въехали на гнедом в лес. Султан сидел на коне, держа ружье на весу, готовый выстрелить, как только появится какой-нибудь заяц или фазан. Однако, кроме юрких сорок, нам ничего не встретилось. Не видя ничего другого, мы стали по очереди палить в них, но ни в одну так и не попали.

Вот и знакомая заводь, в которой мы вчера ловили рыбу. Мы спрыгнули с коня и один за другим влезли в шалаш, в котором был оставлен весь вчерашний улов. И тут мы от удивления разинули рты. Вот тебе на! Прутья, на которых сушилась выпотрошенная рыба, были пусты. Кто-то сожрал все до единой рыбешки. На земле валялись лишь обглоданные рыбьи головы, позвонки да чешуя. Кто это сделал? Собаки, птицы, волки или лисы? Сколько ни ломали мы себе головы над этим вопросом, но так ни до чего и не додумались. Одно было ясно: это сделал не человек. Во-первых, человек не стал бы есть сырую рыбу, во-вторых, он наверняка забрал бы с собой сеть. Странные обстоятельства вызвали у нас неясные подозрения.

Потоптавшись еще немного в шалаше, мы разделись и снова забросили сеть в воду. Удивительно, рыба, которая вчера еще гуляла здесь целыми косяками, вся куда-то вдруг исчезла. Что с ней случилось? То ли ее стало меньше, то ли она перебралась в какое-то другое место?. Труд наш успехом не увенчался: нам удалось поймать лишь несколько рыбешек. Однако удовольствие от этого мы испытали не меньшее, чем накануне.

Если вчера мы лакомились запеченной без воды и соли,

1 *Коржун* — переметная сума

подгоревшей на костре рыбой, то зато сегодня наслаждались отменной ухой с картошкой.

— Как дальше жить будем? – спросил я Султана.— Рыбы-то нет.

— Будем охотиться на зайцев и фазанов

— Но ведь и их нет

— Как это нет? Да будет тебе известно, что этот лес полон зайцев и фазанов Мало того, здесь даже косули встречаются. Только их надо выслеживать рано утром или по вечерней прохладе, когда они выходят на кормежку Днем, в жару, косули обычно отлеживаются где-нибудь в зарослях чия или среди других кустарников.

В конце концов мы с Султаном договорились, что завтра, в субботу, захватим с собой постель и приедем сюда с ночевкой. С наступлением вечера выйдем на охоту, а ночью превратимся в разбойников — будем грабить прохожих.

— Договорились?

Договорились!

ДЕВЯТНАДЦАТУЮ ГЛАВУ можно было бы назвать одним словом: «Ревность»

Майканова, по-видимому, заболела, потому что сегодня на свой урок она так и не явилась. Разумеется, мы не стали особенно огорчаться по этому поводу Да и могут ли школьники не радоваться тому, что срывается урок нелюбимого учителя? В классе поднялся невообразимый гвалт все шумно радовались неожиданному перерыву; потом взяли мяч и отправились на спортплощадку играть в волейбол В нашем классе было две команды, которые постоянно соперничали друг с другом. Мы разбежались по площадке и начали игру

Если не верите, можете прийти и посмотреть, но в волейбол я играю совсем неплохо. А в этот раз я играл с особенным вдохновением. Перехватывал один за другим трудные мячи, ловко отбивался и без устали носился по полю. Возможно, это объяснялось и тем, что на нашу игру пришли девчонки. А как же я мог играть плохо, если на меня смотрит Жанар? Кроме того, удачные приемы и подачи радуют не только болельщиков, но и самого себя

Видели бы вы, как в падении я взял один из самых трудных мячей! Я прыгнул за ним в сторону и, успев отбить его в последний момент за сетку, упал на четвереньки.

— Даешь, Черный Кожа!

Молодец!

Так держать, Кожа! — раздавалось со всех сторон.

Я быстро вскочил на ноги и бросил взгляд в сторону девчонок. Они тоже радовались моему успеху. Но Жанар... Где же Жанар? Ее не было. А я-то старался, выкладывался как только мог, думал, что Жанар следит за игрой.

— Восемь — восемь. Подача справа.

Подавать должен был я. Словно какая-то тяжесть навалилась на мои плечи. Ослабевшей рукой я вяло ударил по мячу, и он попал в сетку.

Эй, ты что, Черный Коже?

Что с тобой?

Куда ты смотришь?

— Не завтракал, что ли?

С руки сорвалось,— отмахнулся я.

Команда наша проиграла.

Я не играю,— сказал я и ушел с площадки, уступив место другому мальчишке.

Где же Жанар? Может быть, осталась в классе? У нее была привычка сидеть иногда подолгу за партой и читать какую-нибудь книжку. Я стряхнул пыль с рук и направился к школе. Там шли уроки. Дверь седьмого класса была приоткрыта, и оттуда доносился голос преподавателя истории Оспанова.

— В своем стремлении обрести равенство и сохранить национальное достоинство малые народности должны прежде всего объединиться. В противном случае, коварные империалисты не дадут им и рта раскрыть...

Я вошел в свой класс. Вошел и застыл на пороге. Лучше бы мне было вовсе ничего не видеть, чем смотреть на то, что предстало моим глазам. В классе сидели двое. Жанар и Жантас. Никого больше, кроме них, не было. И сидели они не как-нибудь, а за одной партой — партой Жанар — рядышком друг с другом, склонившись над каким-то журналом. Они были так увлечены чтением, что даже не замечали, как соприкасались головами. Взглянув на меня мельком, оба вновь уткнулись в журнал, который вслух читал Жантас.

— Что вы читаете? — спросил я и подошел к ним.

Ответа не последовало. Я заглянул в журнал и увидел, что это был очерк чехословацких путешественников Зигмунда и Ганзелки, писавших об Африке. Жантас, как нарочно, читал живо и выразительно, так что Жанар прямо-таки заслушалась.

Я торчал рядом и не знал, что делать. Внутри у меня поднималась горячая волна. Ведь мне ни разу еще не приходилось сидеть с Жанар вот так, плечом к плечу. Ну и глупец же я! Ведь можно было самому раньше додуматься до такого: приносить интересные журналы и читать их Жанар, когда нет уроков. Ох и хитрец же все-таки этот Жантас...

— Пошли играть в волейбол! — дернул я его за плечо.

И тут Жанар вдруг возьми и скажи, недовольно посмотрев на меня:

— Кожа, не мешай нам!

Вот это да! Разве мог я подумать, что мне придется услышать от нее такое? Я съежился, как ошпаренный кипятком, пошел к своей парте, взял портфель и начал бесцельно в нем рыться. Сердце мое так колотилось в груди, что, казалось, готово было выскочить наружу. «Болван! Какой же я болван! Никогда сам не могу ничего толкового придумать. Вечно завидую чужим выдумкам. А собственная башка будет когда-нибудь соображать или нет?» — ругал я себя.

Я оставил портфель в покое и направился к выходу, стараясь в свою очередь не обращать на этих двоих никакого внимания. Однако у самой двери не выдержал и искоса взглянул на Жанар. И в ту же самую минуту Жанар пристально глянула на меня исподлобья. Взгляды наши встретились. Мне показалось, что глаза Жанар улыбнулись. Чему они улыбались — мне или очерку,— не знаю. В тот момент мне было совсем не до этого. В ответ на эту улыбку я напустил на себя хмурый вид и, сердито сдвинув брови, вышел из класса.

В ДВАДЦАТОЙ ГЛАВЕ

говорится о двух трудно поддающихся описанию вещах

Нет, я должен поговорить с Жанар. Может быть, она даже не догадывается о том, что я ее... о том, как я по-настоящему ее... Ох, как трудно и страшно произнести

это слово! Но не зря говорится: не скрывай болезнь — смерть все равно обнаружит ее. Если я промолчу сейчас об этом, в будущем все станет известно. Поэтому лучше сейчас сказать своему читателю правду. Наверное, Жанар и не догадывается о том, что я в нее... влюблен. Если бы она это знала, то вряд ли сидела вот так с Жантасом. Поэтому я должен ей обо всем рассказать. О том, кем я стану, когда вырасту взрослым, о том, что Жанар не должна теперь никого, кроме меня, любить,— короче, обо всем и начистоту. Непременно. И именно сегодня. Сразу же, как только кончатся уроки, я пойду вместе с ней домой и по пути скажу· «Жанар, ты меня извини. Но я должен тебе сказать кое о чем. Я...» — и тут я выложу все как есть. Разве не смогу я это сделать? Смогу. Я не трус Не сойти мне с места, если я не сделаю этого.

Вот закончился и самый последний урок. Я вышел из школы вместе с Жанар и зашагал рядом с ней по дороге домой. Сердце мое трепетало. Я оглянулся и увидел, что следом за нами идет хитрец Жантас. Мне показалось, что он насмешливо смотрел на меня: мол, чего же ты медлишь, говори, что надумал, раз уж так петушишься. Его взгляд будто подстегивал и одновременно следил за мной: ну, говори, если ты такой храбрец! Я даже задрожал от волнения, словно не только Жантас, но и остальные ребята присматривались к нам с Жанар и ждали, о чем же мы заговорим.

«Нет, лучше я напишу ей письмо. Да-да, так будет, конечно же, лучше. В разговоре можно что-то упустить или забыть, а в письме я подробно расскажу обо всем, что меня волнует»,— подумал я.

Погода сегодня выдалась неприветливая. По-видимому, осень решила напомнить о своем присутствии. Было прохладно, порывистый ветер затянул все небо серыми тучами. Ясное, голубое и безмятежное, оно нахмурилось и грозило вот-вот пролиться дождем. По улицам то тут, то там носились желто-багряные листья.

Я завтракал, когда за окном застучали первые капли дождя. Через минуту он превратился в мощный ливень, который как бешеный бился то в одну, то в другую стену дома. В раскрытую дверь с улицы долетел резкий запах поднятой с земли пыли.

— Ишь, разбушевался, негодник! — проворчала аже и бросилась закрывать распахнутую дверь. Сильный порыв

ветра, словно в отместку за эти слова, кинулся с порога ей под ноги и вздул пузырем широкий подол длинного платья.

Мы с Султаном условились встретиться сегодня, и я ждал, что он вот-вот явится. Однако он не пришел. Меня это скорее обрадовало, чем огорчило. Я сел за стол, положил перед собой чистый лист бумаги и собрался писать письмо Жанар. Часы показали половину второго.

Вот уже два часа...

Половина третьего...

Три... Стол покрылся разорванными и скомканными клочками бумаги. И все это были мои письма к Жанар Напишу одно — не понравится, рву его и принимаюсь за другое. Опять получается не то, и снова я рву его. Так я исписал чуть ли не целую тетрадь. Я пробовал писать и прозой, и стихами, но каждый раз бурные, горячие чувства, которые переполняли меня, на бумаге меркли и становились безжизненными.

«Жанар, я тебя очень сильно люблю!»

Тьфу, какая глупость! Разве можно любить сильно или не сильно?

«Жанар, я люблю тебя!»

Фу, как грубо получилось. Прямо как в кино.

«Ж... Давай будем как Козы и Баян»

Нет, это тоже плохо. Безо всякого вступления, и сразу быка за рога. Так делать нельзя. Нужно сначала тонко и осторожно намекнуть на предмет разговора, а уж потом постепенно развить свою мысль и объяснить все, что нужно. Но как, как мне намекнуть и развивать?

В общем, я окончательно убедился в ом, что труднее всего писать две вещи: письмо девушке и повесть То ли дело стихи. Они, если родились в тебе, так и рвутся наружу, только успевай записывать. Другое дело — проза Тут тебя подстерегает столько трудностей. Вот, например, эту мою повесть я пишу уже два-три месяца, а до сих пор не знаю, когда и чем она завершится Как бы там ни было, мне не терпится поскорее довести ее до логического конца и сказать. «Ну, дорогой читатель я сделал что мог, теперь очередь за тобой Будь моим судьей и оцени мой труд».

Безусловно, если бы я выдумал повесть из головы или писал о ком-нибудь другом, то тогда точно знал бы, сколько мне еще осталось и чем все в конце концов закончится. Но сейчас у меня совсем другие обстоятель

ства. Я, как придирчивый ревизор, восстанавливаю цепь событий, происшедших в моей жизни. Можно было бы описывать их по мере того, что первым придет на память, не мучаясь над тем, как увязать одно с другим и создать единое целое. Но разве можно говорить тогда о полноценном художественном произведении?

Конечно же нет. Как говорят критики, писатель должен отобрать, отсортировать только то, что необходимо и ценно, художественно отделать каждую крупицу своего произведения и умело нанизывать одну за другой на прочную единую нить. Хватает ли моего таланта и умения на эти тонкости писательского мастерства? Не утомил ли я своего дорогого читателя? Эти вопросы неотступно преследуют мучают и пугают меня.

Но, друзья мои, ведь без мук творчества нет и высоких достижений. Как говорят, дешевка и на вкус дешева. Не у нас в обычае сникать перед трудностями. И поэтому, начав это нелегкое дело, я — пусть даже пролью семь потов — все же обязан закончить его.

В ДВАДЦАТЬ ПЕРВОЙ ГЛАВЕ
будет описан первый и последний день нашей разбойничьей жизни

Дождь, который начался вчера утром, не утихал до самого вечера, и мы с Султаном так и не смогли выбраться в лес. Наутро, проснувшись, я сразу же посмотрел на небо. Оно было ясным и сияло безупречной голубизной.

— Пошли! — сказал мне Султекен.

— Пошли.

Мы пристроили на гнедом, как обычно, два седла, взобрались верхом и направились в сторону леса. Оба были вооружены. На моем поясе висел султановский ножик с костяной ручкой, а у седла Султана болталось охотничье ружье. Благословив себя и пожелав удачи, мы отправились на охоту. До полудня мы пробродили по лесу без всякого результата. Дважды нам повстречался заяц, но он так стремительно исчезал в кустах, что невозможно было не то что прицелиться — даже просто уследить за ним взглядом. И все же, уповая на удачу, мы принимались наугад палить ему вслед и так истратили впустую несколько патронов.

Раздосадованные и измученные, мы ехали вдоль реки

и тут увидели перед собой стаю домашних гусей. Место это было безлюдным и находилось довольно далеко от аула. Султан вскинул заряженное ружье и сказал мне:

— Хочешь, я пристрелю одного из них?

— Не надо, наживешь еще неприятностей.

Но не успел я договорить, как прогремел выстрел. Один из гусей, что был ближе к нам, взмахнул крылом и свалился набок. Дернулся пару раз, судорожно вытянул ноги и затих.

— Черт возьми! Зря ты его. Что теперь нам делать?

— Не бойся. Никто же не видел. Отнесем его к нашему шалашу, сварим и съедим.

Мы подняли гуся и поспешили к своей стоянке. Там нас опять ожидал неприятный сюрприз. В шалаше вновь царил полный беспорядок. Мешок с провизией, который мы крепко связали и спрятали в укромном местечке, был разорван и выпотрошен. Неизвестный грабитель съел весь хлеб и раскидал повсюду картошку.

— Думаю, это все проделки коварной лисы,— высказал предложение Султан.

Мы порядком проголодались и не долго раздумывая приступили к приготовлению обеда. Султан стал торопливо ощипывать гуся, а я собрал хворост и разжег костер.

Гусь оказался довольно крупным и жирным. Султекен поднял его за длинные лапы над огнем и, поворачивая то одним, то другим боком, опалил.

Вдруг прямо перед нами из-за ближайших деревьев возник одинокий верховой. Мы с Султаном не успели даже глазом моргнуть, не то что гуся припрятать. Верховым оказался отец директора нашей школы старик Ахмет.

— Эй, ребятки, что вы здесь делаете? — спросил он нас.

— Да вот... подстрелили гуся. Хотим сварить его и съесть,— ответил нерешительно мой друг.

— И где же вы его подстрелили?

— Пролетал над нами, мы его и ухлопали,— мотнул головой вверх Султан.

— Что-то ваш гусь не похож на дикого,— усомнился старик.— Больно велик.

— А мы специально покрупнее выбирали, когда целились,— не растерялся Султан. Старик посмотрел на наши разбросанные вещи, посуду, окинул взглядом шалаш, понял, что у нас здесь облюбованное местечко, и с еще большим подозрением спросил:

— Видно, вы здесь неплохо устроились, а?

— Мы тут ловили рыбу,— сказал я.

— А не попадался ли вам на глаза стреноженный рыжий конь?

— Нет, не попадался.

Старик повернул коня в сторону и, оставляя нас, сказал:

— Ох, негодники, чую я, что вы кого-то крепко обидели. Этот гусь, по всему видать, совсем не из диких. Да и куда вам до охоты на диких гусей! Учтите: если узнаю, что кто-то не досчитался своего гуся, вам очень не поздоровится!

Я понял, что дело наше плохо, и не на шутку перепугался.

Мысль о том, чтобы прочно обосноваться в этом укромном уголке и заняться разбоем, тут же покинула нас. Встреча с Ахметом предсказала нам неизбежный конец этой затеи. Только теперь мы поняли, какими были глупцами, думая, что наше убежище в двух шагах от аула никто и никогда не сможет отыскать, словно оно затерялось где-то далеко на необитаемом острове. Да и могут ли существовать в наше время разбойники? Ведь они были очень давно и грабили всяких там баев. А кого мы, дураки, собирались грабить? Да нынче не то что грабить — пальцем кого-нибудь тронь — тут же вызовут милицию и в два счета упекут за решетку

Короче говоря, после недолгих размышлений мы с Султаном пришли к вполне определенному выводу относительно наших разбойничьих планов.

Гусь, подстреленный Султаном, был в самом деле очень крупным и не поместился в ведерке. Пришлось поделить его и варить в два приема. Мы ели его до самого вечера, и то едва справились. Время от времени ловили рыбу, купались, собирали ягоды, скоротав день, собрали посуду, свернули сеть и вернулись домой. Это был первый и последний день нашей разбойничьей жизни.

В ДВАДЦАТЬ ВТОРОЙ ГЛАВЕ
речь пойдет о шуме, поднятом вокруг гуся и лягушки, о возвращении мамы с джайляу и о том, как меня защищала аже

Не зря говорят: «Беда одна не ходит». За какие-то два-три дня со мной произошло столько событий, что даже голова пошла кру́гом. К шуму, который поднялся из-за

лягушки, чуть не насмерть перепугавшей Майканову, прибавился скандал с Абдибаем. Дело в том, что хозяином подстреленного нами гуся оказался продавец магазина Абдибай. Прослышав, чьих рук это дело, к нам домой заявилась его громкоголосая жена и подняла крик до небес. Чего только она не наговорила нам, каких только слов и обвинений не услышали мы от этой разъяренной фурии! «Вор! Разбойник! Грабитель! Головорез! Если ты с малолетства занимаешься такими делами, чего ждать от тебя путного в будущем? Наверняка прирежешь кого-нибудь и угодишь за решетку!»

Вероятно, я плохо знал себя до этого момента, потому что, услышав такое, ужаснулся: «Господи, неужели я и вправду такой?»

Вслед за женой прибежал вскоре, запыхавшись, и сам Абдибай. Не зря, видать, о нем поговаривали, что он способен с яйца состричь пух, а с голой кости — нарезать мяса. Слыл большим скупердяем, у какого и снега зимой не выпросишь.

— Этот гусь был необычной, редкой породы. Другого такого не сыщешь не то что в районе — даже во всей области! — твердил он и в конце концов забрал взамен нашего черного ягненка.

Этого, однако, ему показалось мало, и он потащил меня еще и к директору школы.

Директор наш, Ахметов, был очень строгим человеком. Честно говоря, каждый раз, когда я оказывался перед ним, душа моя уходила в пятки. Холодный взгляд его пронзительных глаз из-под нахмуренных бровей пробирал меня до самых костей.

Только вчера я битый час проторчал в этом кабинете, благодаря той самой лягушке, из-за которой Майканова чуть не лишилась чувств, и вышел из него, оставив там полжизни. Не прошло и суток, как я снова стою перед директором с виновато поникшей головой.

Абдибай, мешая правду с вымыслом, принялся торопливо рассказывать о приключившейся с его гусем беде. Ахметов слушал молча, не перебивая, с бесстрастным выражением лица. Лишь время от времени он переводил на меня свой пристальный взгляд. Я же упорно смотрел себе под ноги.

Выслушав Абдибая, Ахметов протянул руку к телефону, снял трубку и стал набирать номер. Секунду спустя он попросил кого-то соединить его с первой бригадой молочнотоварной фермы.

— Алло, кто у телефона? — спросил чуть погодя директор.— А-а, это вы, Миллат-апай! Как ваши дела? С вами говорит Ахметов, директор школы. Спасибо, все хорошо. Миллат-апай, я звоню вам вот по какому поводу: завтра вам необходимо приехать в аул. Есть срочное дело. Насчет вашего сына. Мы собираемся обсудить этот вопрос на педсовете в вашем присутствии. Довожу до вашего сведения, что сын ваш пошел по очень плохой дорожке.

Сердце мое сжалось, будто ошпаренное кипящим маслом, а по спине поползли мурашки. Если бы в эту самую минуту земля передо мной разверзлась, я бы, не задумываясь, зажмурил глаза и бросился в эту пропасть.

Ахметов долго еще говорил с моей матерью, наконец повесил трубку и сказал мне:

— Вот приедет мать с джайляу, тогда и поговорим, а сейчас ступай.

Я не помню, как вышел из школы. Бедная моя мама, каково ей сейчас после этого разговора! Теперь она, наверняка, ни спать, ни есть спокойно не сможет. Как же я измучил и без того не очень счастливого человека! В прошлом году Майканова прожужжала ей все уши: Кожа такой, Кожа сякой, Кожа натворил то, Кожа натворил это. А сейчас? Не прошло и месяца, как началась учеба, а все повторяется сначала...

На крыше нашего сарая была навалена целая копна молодого душистого клевера. Войдя во двор и не заходя в дом, я залез на сарай, сделал в копне небольшое углубление вроде норы и лег ничком. Мне не хотелось никого ни видеть, ни слышать. В голову лезли самые разные мысли Что, интересно, будут говорить на педсовете? О, если бы завтра благополучно пронесло! Тогда бы я был тише воды, ниже травы.

И в эту тяжелую минуту мой друг Султан, который должен был быть мне опорой, снова куда-то бесследно исчез. Подлый обманщик, пообещал вернуть мельнику сеть, а она вон, лежит у нас на крыше! Никакой, оказывается, в тебе нет человечности, Султан. Теперь-то я к тебе и близко не подойду. Одолеваемый тяжкими раздумьями, я незаметно для себя уснул.

Громкий треск, раздавшийся прямо подо мной, заставил меня резко проснуться. Я раскрыл глаза и увидел, что уже наступил вечер. Когда я зарылся в клевер и уснул, было около пяти. Как же долго я спал!

У двери дома носом к косяку стоял трехколесный мотоцикл. С него слезали двое: мужчина и женщина. Узнав хозяина мотоцикла, я невольно содрогнулся. Это был Каратай. Рядом стояла моя мать. С улицы во двор входила аже, неся в руках треногу из-под котла.

— А, это ты, Миллат? Как добрались на своей лошадке?

В словах аже, которая отлично видела, что мама и Каратай приехали на мотоцикле, а не на лошади, мне послышалась ирония.

— Что это вы с треногой ходите? — спросила мать.

— Наверное, ребятишки баловались да сломали у нее одну ножку. Носила к кузнецу, чтобы приделал.

— О господи! Зачем вы с ней возитесь? Выбросьте, и все — мы же ею никогда не пользуемся.

— Зачем же выбрасывать? Это все-таки вещь. К тому же когда-то принадлежала моему покойному отцу Хоть и малая, а память. А ты что, просто так приехала?

— Разве может человек бросить работу и приехать просто так? Все из-за нашего сорванца, никак не сидится ему на месте! Устроил шум на весь свет!

— Да что он такого натворил? Ограбил или убил кого-то? — удивилась аже.

— Что, украсть чужого гуся и съесть, по-вашему, не грабеж? А перепугать чуть не до смерти учительницу? Такой человек и убить кого-либо может!

— Так ведь они сами в школе сказали, чтобы дети принесли лягушку. Не один Кожа — и другие мальчишки ловили ее у реки, говорят, учительница их просила об этом, чтобы резать на уроке. А теперь, вишь, опять Кожа крайним оказался.

— А кто просил его совать лягушку в портфель учительнице?

— Думаешь, это он сделал? Небось квакушка сама туда залезла!

Слова аже согрели мне душу. Как она самоотверженно защищала своего проказника-внука! Ах, моя милая, добрая аже! Ведь ты встала за меня стеной, прекрасно зная, что на самом деле я во многом виноват.

— Вы слишком балуете его, выгораживаете когда и не надо, и тем самым только портите мальчишку. Если бы хоть иногда бы были с ним построже, он бы не был таким хулиганом.

— Мой Кожаш — дай бог ему долгих лет — ничуть не хуже других. Подрастет и сам по себе изменится. А

ведь он весь в своего нагаши Сабырбека. Тот тоже — ну прямо как Кожатай был в детстве отчаянным озорником. Этот хоть учится, слушается учителей и только изредка балует, а нагаши Сабырбек в его годы хватил палкой муллу по голове — и только его и видели. А как повзрослел да обзавелся детишками, так совсем другим стал. Вот и Кожатай мой тоже когда-нибудь остепенится. Вот дети озоруют, да и как без этого! — говорила аже.

— Ох, господи! — махнула рукой мать.— Разве может вырасти ребенок хорошим, когда он слышит такое?

ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ ГЛАВА,
пожалуй, самая печальная в книге

— Кто из вас поймает и принесет на следующий урок лягушку? — спросил нас в конце урока преподаватель зоологии Оспанов.

— Я! — вызвался я.

— Хорошо, Кадыров. Только смотри не забудь.

— А сколько принести?

— Одну... или нет, пожалуй, две. Этого хватит

Я принес не одну и не две, а целых пять лягушек, которыми наполнил пустую жестяную баночку из-под зубного порошка. Все они, кроме одной, были крохотные

Первым был урок казахского языка. Войдя в класс, Майканова подошла к столу, положила на него прямо перед моим носом журнал, сумку и вышла. Звонка на урок еще не было. И тут меня озарила шальная идея. Я взял одного из лягушат и сунул в сумку Майкановой. Интересно, что сейчас будет?

Прозвенел звонок, и начался урок. Майканова проверила присутствующих по списку, затем открыла сумку и достала оттуда носовой платок. В эту же секунду из сумки выскочила маленькая серо-зеленая лягушка и прыгнула прямо на руку учительницы. Майканова пронзительно взвизгнула. Лицо ее побледнело, а она, пошатнувшись, медленно опустилась на стул...

После этого случая ее два дня не было в школе. Говорили, что она заболела от испуга.

Только лишь сегодня она наконец вышла на работу. Такова история с лягушкой, нашумевшая на всю школу.

---

1 *Нагаши* родственник по материнской линии

...Стемнело. А я по-прежнему лежал на крыше сарая в душистой копне клевера. Что мне было делать? Как показаться на глаза маме? А еще этот Каратай... Ну и прилипчивый же он все-таки! Следует всюду за моей матерью как тень. Неужели она в самом деле собирается за него замуж? Нет, этого не может быть.

Спустя некоторое время они вышли из дома. Каратай завел мотоцикл и развернул его носом к улице.

«Уезжай, уезжай скорей отсюда!» — подгонял я его мысленно. Однако он не уезжал, а продолжал о чем-то разговаривать с мамой. Из-за треска мотора разобрать что-либо из их разговора было невозможно. Я смотрел на них, и иногда мне начинало казаться, что Каратай, разговаривая с моей матерью, слишком близко придвигался к ней. «А ну, постой! Куда это ты устремился?» — грозно спрашиваю я его, хватаю за ворот, резко разворачиваю и сильным рывком вышвыриваю на улицу Каратай размаху летит в дорожную пыль и валяется там, как дохлая кошка. Увы! Все это, разумеется, была только моя фантазия.

Наконец Каратай все-таки распрощался с мамой, сел на мотоцикл и уехал. Какое-то время мать молча смотрела ему вслед, а потом повернулась и вошла в дом.

Всему на свете бывает предел. Сколько я мог лежать на крыше сарая? Пора было спускаться вниз. Спустившись с другой стороны сарая, я стряхнул с себя траву и привел в порядок одежду. Сердце мое от волнения, казалось, подпрыгнуло к самому горлу. Я набрался смелости и пошел к дому, но едва потянул на себя дверь, как почувствовал, что дыхание мое перехватило, а сердце вдруг куда-то провалилось. Наверное, со стороны я был похож в ту минуту на пришельца с того света. В передней меня встретила аже.

— Где ты болтаешься? Тебя мать ждет,— сказала она, показав рукой на дверь комнаты, а затем шепнула. — Берегись, она очень сердита на тебя.

Я вошел в комнату. Мама лежала в одежде на своей кровати, свернувшись калачиком, лицом к стене.

— Мама!

Ответа не последовало. Я подошел к постели и увидел, что мамины руки прижимали к глазам носовой платок. По сердцу моему будто полоснули бритвой.

— Мама, ты что, плачешь?

Мама медленно подняла голову и повернулась ко мне. Карие глаза ее, полные слез, были холодными и чужими.

— Да, плачу,— ответила она слегка охрипшим голосом — Как же мне не плакать, если такой несчастной, как я, аллах, кроме слез, ничего больше не дал. А ты своими выходками вообще скоро в могилу меня сведешь. Скажи мне на милость, что с тобой происходит день ото дня? Что это за кошмар такой? Ты же становишься самым настоящим хулиганом, сорвиголовой! Как тебе не совестно перед людьми и товарищами? Ты же матери своей всю жизнь отравил! Из-за тебя я не могу теперь никому в глаза прямо посмотреть. Ну что мне с тобой делать? Что? Почему ты не можешь жить тихо и спокойно? Чего тебе не хватает?

— Мамочка, перестань, не надо Я теперь...

— Не подходи ко мне и не называй меня мамой! Лучше бы бог оставил меня на всю жизнь одинокой, чем мучиться с таким сыном, как ты

— Мамочка, ну перестань, пожалуйста... Прости меня в последний раз. Клянусь...

Я упал на мамины колени, крепко обхватил их и, прижавшись к ним лицом, громко зарыдал

В ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТОЙ ГЛАВЕ
речь пойдет о педсовете

Итак, круглая наша планета, неустанно вращаясь, по своему обыкновению сделала еще один оборот вокруг своей оси История постарела еще на один день. Подумать только, что принесли человечеству эти двадцать четыре часа и какие разные события произошли с людьми за это время! Сколько новых людей появилось на свет и сколько людей ушло в иной мир, уступив свое место другим! В скольких счастливых сердцах за прошедшие сутки вспыхнул огонь радости и счастья и сколько человеческих душ безжалостная судьба повергла в пучину горя и печали К этой последней группе относился и я

За все мои тринадцать лет это был самый тяжелый для меня день.

За окном стояла темень. Кругом было тихо. Только глупые собаки то тут, то там поднимали бестолковый лай Стоило какой-нибудь из них залаять в одном конце улицы, как в другом ей начинала вторить другая. Вслед за этим к ним незамедлительно присоединялись друг за дружкой

остальные аульные псы, словно спрашивая наперебой· «Что такое? Что случилось?» В этом собачьем разноголосье смешались ленивое ворчанье старых, умудренных жизнью собак, тонкое, пронзительное тявканье подросших щенков, хриплый, отрывистый лай матерых псов, визгливые, режущие слух голоса молодых сучек. О собаки, собаки! Как же вас много развелось и какой только породы не увидишь среди вас! Когда же вам надоест попусту брехать и кусать людей за лодыжки?

Вместе с мамой мы шли в школу на педсовет. То ли оттого, что осенний вечер был прохладным, то ли от волнения, меня морозило и слегка трясло.

У дверей школы кто-то стоял и курил. По темному силуэту на фоне вечернего неба я узнал Ахметова. Он был в брюках-галифе, подчеркивающих тощие, длинные ноги. Жидкие, прямые волосы, расчесанные на прямой пробор, развевал легкий ветерок.

— Мы ждем вас,— сказал он маме и, взяв ее под руку. тотчас завел внутрь. Мне же было велено быть поблизости и ждать, когда вызовут

Я поднялся на крыльцо и уселся на стоявшую там скамейку. Тут из-за угла дома послышались чьи-то шаркающие шаги и глухой стук палки. Вслед за этим показался и сам человек. Это был школьный сторож старый Сайбек. Заметив меня, Сайбек резко остановился, и как часовой на границе, спросил строгим голосом

Кто это?

Это я, дедушка.

Кто это я?

Я, Кожа.

Чего ты здесь сидишь?

Пришел на педсовет

- А тебе какое до него дело?

Там решается вопрос обо мне.

Вопрос? Какой вопрос? Тебя что, учителем хотят сделать?

— Нет, директором.

О, это совсем неплохо. Станешь получать большую зарплату.— Сайбек поднялся по ступенькам и сел рядом со мной.— Эй, Кожа, твой покойный отец был очень хорошим человеком. Если ты в него уродился, то станешь кем-нибудь поболее, чем директор. Только, боюсь, не в отца ты пошел.— Старик помолчал и продолжил: — А ведь я по сей день должник твоего отца. За мной числятся не деньги, не вещи какие-нибудь, а самая настоящая

скотина. «Как это так?» — спросишь ты. А дело было так. Осенью того года, когда у нас образовался колхоз, я взял у твоего отца коня и поехал на нем на мельницу. Помню, это был чудесный гнедой иноходец. Время тогда было тяжелое, большинство людей не имело крупного скота и лошадей тоже. Так вот, поехал я на этом прекрасном коне на мельницу и загубил его. И в этом была только моя вина. Забыв напоить измученного жаждой коня, стреножил его и пустил пастись на луг. Видно, он почуял воду и пошел к ней, но угодил в болото и утонул. Я нашел его утром. Он, словно утка, нырнувшая в воду, ушел с головой в топь, оставив снаружи только заднюю часть туловища. Я созвал человек десять джигитов, мы обмотали коня арканом, и все вместе насилу вытащили его из болота. Любой другой человек на месте твоего отца наверняка тут же заставил бы меня оплатить потерю. Но покойный Кадыр был человеком редкой, широкой души. «Вы же не хотели причинить мне зла. Видать, ему была уготована такая судьба!» — только и промолвил он без лишних слов. Вот таким умным и бескорыстным человеком был твой отец. Сайбек задумался на минуту и добавил: — Ну а ты... да нет, пожалуй, не ты один, а все нынешние школьники, по-моему, в большинстве своем глупцы. Спросишь почему? Да потому, что когда вам говорят, чтобы вы не шалили и хорошо учились, вы делаете все наоборот

Тут дверь учительской открылась и послышался голос Оспанова

— Кадыров, ты где? Иди сюда!

— Иди, тебя зовут, озорник ты этакий.. похлопал меня по спине дед Сайбек.

Думаю, что если кто из учеников нашей школы и попадал чаще других в директорский кабинет, так это был я. И вот я снова стою на привычном месте, куда не раз меня приводила Майканова и где я не раз давал твердое обещание быть впредь кротким и послушным. Однако на сей раз я вошел в кабинет директора с особенным волнением. Переступил порог и остановился у голландской печки, прислонившись спиной к ее холодной стенке. Напротив меня за столом сидел Ахметов с расчесанными на прямой пробор волосами. Лицо его было суровым, а две прямые линии между бровями — глубже и резче обычного.

— Подойди поближе,— сказал он и указал авторучкой на середину комнаты. Я сделал два-три нерешительных

шага, словно впереди стоял распахнутый капкан. Взгляды учителей, сидевших рядком по обе стены, пронизывали меня насквозь невидимыми стрелами. Особенно пристально и жестко, казалось, смотрели на меня глаза Майкановой, которая сидела справа, ближе к директору.

— Кадыров, знаешь ли ты, за что мы вызвали тебя сюда? — спросил Ахметов.

Знаю,— ответил я.

За что?

— За мою недисциплинированность.

В кабинете послышался сдержанный смешок.

— Тебе, вероятно, надоела школьная жизнь, и ты больше не хочешь учиться? — обратился снова ко мне Ахметов.

— Хочу ..

— Так почему же ты не прекратишь свое баловство?! — крикнул директор, особо выделив слово «почему», хлопнул тяжелой ладонью по столу и вскочил с места, заставив не только меня, но и всех присутствующих вздрогнуть.

— Я больше не буду.. простите...

— Это какое по счету обещание? Наверное, сотое? — вмешалась Майканова.

— Я больше никогда не буду баловаться... обещаю..

Если задуматься, то у каждой из моих проделок, за которые я терпел такие мучения, было свое объяснение Гуся, например, как я уже рассказывал, подстрелил не я, а Султан. Ну, а лягушку я положил в сумку Майкановой совсем не для того, чтобы она рухнула без сознания. Разве мог я знать, что она такая слабонервная трусиха? Честно говоря, я даже не задумывался о возможных последствиях такой шутки. Просто захотелось сунуть в сумку лягушку, я и сунул. Со мной иногда случается такое: натворю какую-нибудь глупость, а потом локти себе кусаю.

И хотя во всем этом злого умысла не было, я не произнес в свою защиту ни единого слова. Да и была ли в этом необходимость? Я полностью признал свою вину и просил только о прощении «Простите и поверьте мне в последний раз. И если я опять нарушу данное слово, можете применить ко мне любое наказание».

Нет, Кадыров неисправим Он слишком много давал нам обещаний исправиться. Его надо исключить из школы,— сказала Майканова.

* * *

Весь мокрый от напряжения, я вышел на крыльцо. Сайбека не было видно. Я расстегнул ворот рубашки, вытер ладонью пот со лба и задумался. «Как они там решат? Неужели меня и вправду выгонят из школы? Что я тогда буду делать?»

Мне захотелось вернуться, приложить ухо к замочной скважине и послушать, о чем говорят учителя. Конечно, Майканова будет за то, чтобы избавиться от меня, выгнать поскорее из школы. Ну, а остальные что скажут? Анфиса Михайловна, Оспанов, Даурбаев... Ведь все они всегда хорошо ко мне относились. И разве не сам Ахметов дней десять тому назад говорил обо мне приехавшему к нам инспектору районного отдела народного образования: «А это наш школьный поэт, будущий Сабит Муканов». Как же они после всего этого смогут исключить меня?

Подойти к кабинету директора я не решился. Мало ли что может случиться? Вдруг кто-нибудь из учителей неожиданно откроет дверь и выйдет? Подумав об этом, я обошел дом и приблизился к тому окну, где шел педсовет Земля здесь шла под уклон, и фундамент дома в этом месте был особенно высоким. Я едва доставал вытянутой рукой до подоконника. Несмотря на то что форточка была открыта, голоса говоривших доносились невнятно и разобрать что-либо было очень трудно.

У самой стены, рядом с окном, раскинулся школьный сад. Прошло уже несколько лет, как мы своими собственными руками посадили здесь молодые деревца, которые шелестели сейчас пышными кронами. Я юркнул в одну из прорех дощатого забора, забрался в сад и как обезьяна полез на ближайшее к окну дерево. О, отсюда было прекрасно видно все, что делалось в этой комнате: вон о чем-то говорит Ахметов. Он размахивал обеими руками, иногда даже стучал кулаком по столу и что-то говорил, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Если бы я смотрел не в затылок ему, а в лицо, то, может быть, смог бы догадаться, о чем шла речь.

Слева от Ахметова сидел Оспанов и, припав грудью к столу, что-то усердно записывал. Судя по тому, как он неотрывно писал, это был протокол заседания педсовета. В нем, наверное, было указано, что так, мол, и так, в таком-то году, в таком-то месяце и такого-то дня состоялось некое заседание. На нем был рассмотрен специаль-

ный вопрос о безобразном поведении ученика шестого класса Кадырова Кожи. Выступали такие-то и такие-то товарищи, которые говорили то-то и то-то... В конце протокола появится несколько росписей, затем бумагу подошьют в пухлую картонную папку и отправят в историю. Со временем она превратится в золотой фонд архива. Пролетят стремительные годы, сменится эпоха, наступят новые времена. И этот лист бумаги с протоколом, посвященным моей особе, попадет однажды в руки одного из литературоведов, занимающихся научными поисками. Как же будет бесконечна его радость по случаю этого чудесного открытия! В газетах тотчас появятся броские заголовки, набранные самым жирным шрифтом: «Новые факты из жизни знаменитого писателя Кожи Кадырова!» Обо мне напишут книги, будут защищаться кандидатские и докторские диссертации на темы: «Кадыров Кожа и его учителя», «Кадыров Кожа и Майканова», «Кадыров Кожа и история с лягушкой», «Кадыров Кожа и случай с гусем» и т. д. и т п. А поводом для такого обогащения литературоведческой братии послужит вот этот самый протокол. Оспанов-агай! Постарайтесь как можно подробнее и аккуратнее вести запись. Знайте, что вы оказываете сейчас великую и важную услугу нашей истории.

Все эти мысли пришли мне в голову гораздо позже, потому что в эту минуту мне было не до путешествий в далекое будущее. Я сидел на ветке, словно любопытная ворона, а все мое внимание и мысли были устремлены на окно кабинета директора, где собрались учителя и решалась моя судьба.

Ахметов все еще продолжал о чем-то говорить. Как в немом кинофильме, я видел его движения и жестикуляцию, но ничего, увы, не слышал. Тем не менее мне казалось, что кое-что понять было можно. Вот он снова ударил кулаком об стол. Это, конечно же, могло означать только одно: «Такого хулигана надо гнать из школы!»

Наконец Ахметов кончил говорить и сел. Встала моя мать. Бедненькая ты моя! И в огонь и в воду готова идти ради сына! У нее был такой вид, будто она просила. «Милые мои, не лишайте моего сына учебы! Простите его еще раз!»

Если бы вы знали, как мне было жалко маму! Господи, ну почему я уродился таким непоседой и шалуном? Отчего я не родился спокойным, благоразумным и примерным ребенком?

Вот слово взяла Майканова. Я, конечно, догадывался, о чем она говорила. «Кадырова необходимо отчислить! Такому неуправляемому хулигану не может быть места в нашем дружном коллективе!» Неожиданно присутствующие рассмеялись. Улыбнулась и мама. Почему они смеются?! Особенно развеселилась Анфиса Михайловна, плечи ее даже затряслись от смеха. Вот значит· коту — забава, а мышке — смерть!

И опять встала моя мама. Она кивнула головой в знак согласия и что-то коротко сказала. «Что же, исключайте его из школы! Пусть отправляется куда хочет. У меня тоже нет больше сил бороться с этим сорванцом!» — по-своему истолковал я ее слова.

Педсовет на этом закончился, и все стали расходиться. Я хотел поскорее спуститься с дерева и убежать, но, как назло, один мой ботинок застрял между ветками и я никак не мог его вытащить. Повертев им так и эдак, я разозлился, с силой рванул ногу и... услышал треск оторвавшейся подошвы. Кое-кто из учителей тем временем уже вышел на крыльцо. Я затаил дыхание, прижался к ветке и замер.

Ахметов и Майканова отделились от остальных и повернули в мою сторону Спустя минуту я увидел их прямо под собой.

Когда-нибудь из Кадырова выйдет настоящий человек,— сказала Майканова.

Да, этот паренек с огоньком! поддержал ее Ахметов.

Удаляясь, они говорили еще что-то обо мне, однако я не смог больше ничего расслышать. Но и то немногое, что я услышал, потрясло и взволновало меня. Я-то считал Майканову своим злейшим врагом, а она сказала директору, что из меня выйдет настоящий человек! Я только что слышал это своими собственными ушами! Как же так? Вот загадка...

В ДВАДЦАТЬ ПЯТОЙ ГЛАВЕ
речь пойдет о классном собрании

Непонятную и неожиданную для меня загадку помогла разгадать мама.

— Сынок, ты напрасно сердишься на свою классную

руководительницу,— сказала она, едва я вернулся домой.— То, что Майканова настроена против тебя, не любит и преследует тебя,— пустые слова. Если бы это все было так, она никогда бы не выступила на педсовете в твою защиту и не сочувствовала бы тебе. Знай, что она, совсем напротив, любит тебя. Просто ей не нравятся твои шалости и проделки. Имей в виду, что люди, испытавшие в юности тяжкую долю сиротства, становятся очень часто легко ранимыми, обидчивыми и вспыльчивыми. Каждый ваш проступок, словно игла, вонзается в ее чувствительную душу, и от этого она очень огорчается и принимается ругать вас. Человеку с таким характером, как у нее, очень нелегко справляться со строптивыми учениками. Поэтому вам, глупым, надо постараться понять это и уважать свою учительницу.

Мамины слова заставили меня задуматься. А ведь действительно, что могла Майканова со мной не поделить? Ничего. Наверное, она ругала нас и сердилась потому, что хотела нам добра, хотела, чтоб мы выросли хорошими людьми.

Да, мама права, мы в самом деле глупцы и несмышленыши.

Я не знал, что Майканова росла сиротой. А теперь, узнав об этом, испытывал к ней сочувствие. Вот почему она такая худенькая и одета очень скромно, видимо, не зря всю зиму проходила в тоненьком осеннем пальто. Всего лишь год назад Майканова закончила учебу и, конечно же, не успела еще приодеться. А ты, Черный Кожа, просто дурак, что сцепился с ней. Видно, на плечах твоих вместо головы недозрелый арбуз. Таким образом, мое мнение о Майкановой постепенно стало меняться в прямо противоположную сторону.

— Чем же закончился педсовет? — спросите вы меня. Не торопись, дорогой читатель, сейчас я сам обо всем расскажу. Решение педсовета было следующим: «Вопрос о поведении Кадырова должен быть обсужден на классном собрании. Если учащиеся шестого класса поверят обещанию Кадырова исправиться и в дальнейшем не хулиганить и смогут поручиться за него перед дирекцией, то Кадыров может быть оставлен в этой школе с испытательным сроком. Если же они не могут поручиться, то Кадыров Кожа должен быть переведен в какую-нибудь другую школу района».

Таким было окончательное мнение педсовета. Классное собрание состоялось в понедельник, сразу же после

уроков. На нем присутствовал и сам Ахметов. Собрание открыла и вела Майканова. Вначале она зачитала классу решение педсовета, а затем вызвала меня вперед и спросила:

— Что ты можешь сказать своим товарищам?

Что я мог сказать? Я повторил то, что говорил на педсовете: «Простите меня в последний раз, если я не сдержу свое слово, можете как хотите наказать меня».

После этого слово дали ребятам. Я и сам знал, кто в нашем классе за меня, а кто — против. Еще накануне я предполагал, кто и что может сказать. Так в основном и вышло. Первым выступил староста класса Темир. Сначала он покритиковал меня, а напоследок выразил уверенность в том, что я обязательно исправлюсь.

— Если мы выгоним Кадырова из этой школы, то кем после этого станем? Разве все мы, сидящие здесь, ничем не можем помочь ему? Или мы такие черствые и жестокие, что не умеем посочувствовать своему товарищу? — говорил Темир. Слова его были звонкими и волнующими, ну прямо как в книжке: — Мы должны воспитать Кадырова, я предлагаю в последний раз объявить ему строгий выговор и оставить в нашей школе.

После Темира выступили еще трое или четверо человек. Мнение их во многом повторяло мнение Темира, словно он прочертил для других невидимую дорожку, проложил определенное русло

«Слава богу!» — подумал я, видя такой поворот дела и облегченно вздохнул.

— Кто еще хочет выступить?

— Я! — поднял руку Жантас.

Едва встав с места, он принялся тараторить как из пулемета:

— Кадырова надо гнать из школы! Обещание свое он не выполнит, как и в прошлом году, когда так же клялся перед всеми. К тому же он чуть не до смерти испугал Майканову-апай. А еще он... он... пишет письма девчонкам...

Последние его слова словно раскололи мое сердце пополам. Весь класс, будто видя меня впервые, уставился на меня с недоумением. Я не знал, что делать, и стоял, сгорая от стыда.

— Какой девчонке он писал письма? — спросила Майканова.

— Не знаю... Он написал вверху только букву «Ж», а внизу добавил: «Давай будем как Козы-Корпеш и Баян-сулу».

Я кое-как опомнился и выпалил:

— Неправда!

— Правда, правда! Я видел, как ты писал это несколько дней назад, пряча лист под партой.

— Неправда!

Вначале я не на шутку испугался того, что этот проходимец мог перехватить одно из моих писем к Жанар. Поняв, что этого не случилось, я с облегчением перевел дыхание и пришел в себя. Я бросил украдкой взгляд на Жанар, но лица ее не увидел. Она сидела, опустив глаза вниз, подперев руками лоб.

К счастью, разговору о письме никто особого значения не придал. Наверное, все решили, что это была очередная сплетня болтуна Жантаса.

— Кто еще хочет сказать что-нибудь? — снова спросила Майканова.

Желающих не нашлось.

Наконец предложения ребят поставили на голосование.

— Кто за то, чтобы не исключать Кадырова из школы и объявить ему последний строгий выговор?

За это было подавляющее большинство.

— Кто за то, чтобы исключить Кадырова из школы?

В классе поднялась одна рука. Это была рука Жантаса.

ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ ГЛАВА
приведет нас к двадцать седьмой главе

Бушующее штормовое море. Смешав небо с водой, над ним беснуется сильный ураган. Одинокий лодочник, попавший в шторм, пытается выстоять в неравной схватке с разыгравшейся стихией. Вздыбленные белогривые волны то, словно щепку, возносят хрупкую лодку прямо к небу, то вдруг с яростью швыряют ее вниз, чуть не на самое дно. Несчастный лодочник совсем выбился из сил и потерял надежду на спасение. Ему не остается ничего другого, как со страхом смотреть на надвигающуюся на него водную лавину и ждать своей участи...

Именно так я представлял себе мысленно пережитое

мною за последние дни. Ураган наконец пронесся, я уцелел. Теперь можно собраться с мыслями, призадуматься кое о чем и сделать некоторые выводы.

Разумеется, во всем виноват был я сам. Ведь это моя личная недисциплинированность и плохой характер привели к таким последствиям. Разве могло случиться подобное, будь я выдержанным и примерным, как наш Темир? И разве пришлось бы тогда моей бедной маме бросить работу на джайляу и мчаться во весь дух в аул? Будь я послушным и спокойным, не было бы у нее столько страданий и переживаний. Все, хватит! Пора прекратить эти глупые выходки. Я должен исправиться.

Признаюсь, я не в первый раз давал себе слово исправиться. Таких обещаний было много — и все они были искренними. Однако, как я ни старался быть тихим, ничего у меня из этого не выходило. Я и сам не замечал, как, то сгоряча, то еще по какой другой причине, совершал очередной дурной поступок. Нет, теперь этого не должно случиться!

Утром мама собралась обратно на джайляу. Я подвел лошадь и оседлал ее. Мама подошла ко мне, погладила по голове и сказала:

— Ну, Кожатай, ты ведь умный мальчик и должен уже все понимать. Если ты снова натворишь что-нибудь, на меня не обижайся. С меня и этих мук достаточно. Страдать из-за твоих проделок до конца дней своих я не смогу. Брошу на тебя этот дом и все, что оставил твой отец, а сама уйду.

При этих словах перед моими глазами возник Каратай вместе со своим ободранным мотоциклом. Он ухмылялся в усы и торжествующе смотрел на меня: да, мол, я увезу твою мать, а ты вместе с аже останешься хозяйничать в этом доме.

Я бросился к маме и обхватил ее руками:

— Нет, не уходи, мамочка, не уходи, пожалуйста! Провалиться мне на этом месте, если я еще когда-нибудь огорчу тебя!..— голос мой задрожал, на глаза навернулись слезы.

Мама положила руку мне на плечо.

— Если ты будешь хорошо себя вести, я никуда не уйду.

— Не выходи замуж, мамочка...

— К чему мне муж? Для меня нет большего счастья, чем вырастить тебя человеком,— ответила мама

Вскоре она уехала на джайляу, а я отправился в школу. Настроение у меня было приподнятным и бодрым. В ушах все еще звучали мамины слова: «К чему мне муж? Для меня нет большего счастья, чем вырастить тебя человеком». Верь мне, мамочка! Я стану человеком, непременно стану! Увидишь, каким замечательным писателем я стану! Теперь я уже не тот, не вчерашний, а другой Кожа. Изменившийся Кожа. И сегодня — первый день моей новой жизни!

Перед домом бабушки Нурипы, я увидел черную собаку, которая жадно грызла какую-то кость. Я незаметно поднял с земли небольшой камень и собрался подойти поближе, метнуть его в нее. Вдруг мне в голову ударила мысль: «Япыр-ау, что мне сделала эта собака? Зачем мне ее бить?» Да и хозяева наверняка выскочат на шум из дома, станут браниться, грозиться. Вот тебе и еще один хулиганский поступок!»

Я забросил камень в кусты и, мысленно ругая себя, пошел своей дорогой. За поворотом, на соседней улице, я увидел идущую впереди Жанар. Коричневое форменное платье красиво сидело на ее невысокой и стройной фигуре. На голове Жанар был любимый мной красный берет.

За моей спиной словно неожиданно выросли крылья. Я устремился вперед и быстро нагнал ее. Услышав за спиной торопливые шаги, Жанар обернулась.

— Здравствуй, Жанар.

— Здравствуй!

Взгляд мой заметил маленькое белое пятнышко на левом плече Жанар.

— Ты чем-то испачкала плечо,— сказал я ей.

Она остановилась и повернула голову.

— Где?

— Вот,— я легонько потер пальцами пятнышко, которое тут же исчезло. Однако я продолжал тереть, не в силах оторвать руку от ее плеча.

— Спасибо,— поблагодарила Жанар.

Мы пошли рядом.

— Ты, наверное, здорово вчера испугался, что тебя отчислят из школы? — спросила она меня.

— Скажешь! Чего мне пугаться? Если бы отчислили, я поехал бы к своему нагаши в Сартогай и там бы учился дальше. Знаешь, какая там школа?

— Какая?

— Двухэтажная! А если бы ты увидела спортивный зал этой школы...

Я понял, что несу всякую чушь, и умолк. Спустя минут я неожиданно выпалил:

— Жанар!

— Что?

— Хочешь знать, кому я писал письмо?

— Какое письмо?

— Ну то, о котором говорил на собрании Жантас

Лицо Жанар залилось краской.

— Кому же ты писал его?

Но тут язык у меня словно отнялся.

— Я... я пошутил...— едва выдавил я.

В ДВАДЦАТЬ СЕДЬМОЙ ГЛАВЕ
речь пойдет о секретном заседании, и на этом повесть закончится

После ужина я пошел в дальнюю комнату, включил настольную лампу и плотно задвинул занавески на окнах, чтобы с улицы ничего не было видно. В углу комнаты стояло трюмо. Я придвинул к нему вплотную стол и уселся лицом к лицу с нарушителем общественного порядка, известным своими проделками на всю округу Кожой.

— Объявляю секретное заседание единственного участника — Кадырова Кожи — открытым,— проговорил я строго.— На повестке дня один только вопрос: что я должен делать в дальнейшем для того, чтобы стать дисциплинированным и примерным учеником?

Я старательно записал в протокол заседания повестку дня и взглянул на возмутителя спокойствия:

— Ну, говори, батыр!

Похоже, бесстыдник принял все это за шутку, потому что на меня смотрела его улыбающаяся физиономия. Мало того, она прищурила глаз, выпятила губу, скривила рот и явно дразнилась. Это не на шутку разозлило меня. Я грозно нахмурил брови и, подражая Ахметову, стукнул кулаком по столу.

— Встать!

«Батыр» испуганно и послушно вскочил.

— Сесть!

Так же покорно он сел на место.

— Ты зачем меня звал, Кожатай? — спросила, входя в комнату, аже.

— Я не звал тебя, иди к себе.

— Да я вроде слышала твой голос?

— Это я не тебе, это просто так. Здесь идет секретное заседание, не мешай мне.

— Что за заседание? — не поняла аже.

— Ты что, не знаешь, что такое заседание? Ну, в общем, здесь идет собрание, понимаешь? Собрание!

Аже на минутку застыла изумленно, а потом испуганно взглянула на меня:

— Господи, о чем ты говоришь? Какое собрание? Зачем ты приставил стол к зеркалу?

— Фу ты,— с досадой отозвался я,— ну что тебе за дело до того, что тебя вовсе не касается? Объясняю еще раз: я провожу секретное заседание и обсуждаю свой персональный вопрос, понятно? Тебе присутствовать на нем нельзя!

Аже подошла ко мне ближе. Расширенные покрасневшие и повлажневшие ее карие глаза пристально уставились на меня.

— Кожатай, ласточка моя, скажи: «бисмилла!». Ну скажи, родной мой, скажи: «бисмилла!» Ты и прошлой ночью во сне говорил про какое-то собрание и обсуждение, видать, от испуга все это... Ну-ка, скажи: «бисмилла!».

Я не выдержал и крикнул три раза подряд.

— Бисмилла! Бисмилла! Бисмилла! — потом спросил: — Хватит? Или еще надо?

— Солнышко мое, да разве может человек сам с собой проводить собрание? По-моему, ты слишком много стал читать на ночь глядя... Наверное, не высыпаешься как следует?

Я вскочил со стула.

— Аже, милая, ну иди к себе, не мешай мне, пожалуйста!

Я кое-как вывел нерешительно топтавшуюся на месте старушку за дверь и накинул крючок.

...Секретное заседание длилось около часа. В итоге было подготовлено и единогласно принято нижеследующее постановление.

Постановление. Обсудив персональный вопрос о дисциплине Кадырова Кожи, секретное заседание постановило следующее:

«ПЕРВОЕ. Недисциплинированный человек выглядит в глазах людей отвратительно. В этом я убедился окон-

чательно. Кроме того, это очень вредно для его будущего. Человека, не умеющего правильно себя вести, не могут принять в комсомол. Следовательно, я непременно должен быть дисциплинированным.

Для этого:

а) Я впредь не буду ни до кого задираться и буду вести себя тихо. Постараюсь жить в мире и с другом и с врагом.

ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! Если кто-нибудь ко мне полезет, я должен буду предупредить его: «Ступай своей дорогой, не то пожалеешь!» Если это не подействует и ко мне по-прежнему будут приставать, то считаю возможным пустить в ход кулаки в качестве самообороны.

б) С этого дня обещаю не произносить ни единого плохого и грубого слова. Буду с уважением относиться к старшим и младшим.

ВТОРОЕ. За каждый проступок я должен буду незамедлительно нести беспощадное наказание. Виды наказаний будут следующими:

а) Если я сам стану задираться и устрою драку, то в тот же день лишу себя обеда.

б) Если назову кого-нибудь незаслуженно плохим словом, то просижу все воскресенье дома и не выйду никуда ни на шаг. Короче говоря, посажу себя под домашний арест.

в) Если получу на уроке замечание от учителя за шалости, то на перемене останусь сидеть за партой и гулять не пойду.

г) У меня была привычка сурово наказывать, бить и гнать со двора забредших к нам чужих кур, гусей, собак, кошек, баранов и коз. Именно так я зашиб насмерть красного петуха нашего соседа Алмаса. Так поступать никуда не годится. Можно ведь сделать это спокойно и тихо. Если такое еще раз повторится, я должен буду сбегать до верхней птицефермы два раза туда и обратно без передышки.

ТРЕТЬЕ. Дружба моя с Султаном отныне прекращается, а наша с ним клятва с этого дня теряет силу. Что касается красного очага на том свете, то могу сказать, что я в бога не верю и поэтому карающий огонь меня не пугает нисколько.

ЧЕТВЕРТОЕ. Хорошая учеба — главный признак примерного ученика. В этой четверти я во что бы то ни стало

должен оказаться в числе лучших учеников нашего класса. Чтобы добиться этого, я:

а) не пропущу без уважительной причины ни одного часа занятий;

б) аккуратно и вовремя буду выполнять все домашние задания.

ПЯТОЕ. Для того чтобы все принятые выше обязательства неукоснительно исполнялись, я каждый вечер, перед тем как лечь спать, буду записывать в эту тетрадь все свои плохие и хорошие поступки.

Выполнение этих условий — огромное испытание для меня.

Если я не смогу успешно справиться с ними, то и учиться мне дальше не стоит. Надо будет найти какой-нибудь другой путь для того, чтобы вырасти стоящим человеком и не мучить напрасно мою бедную мать».

Итак, постановление было принято единогласно.

Тут за дверью послышались чьи-то шаги и голоса. Дверь дернули и постучали.

— Кожатай, солнышко, открой...

Я встал, откинул крючок и открыл дверь. У порога стояли аже и старик Аубакир.

Они как-то странно и настороженно смотрели на меня.

— Саламалейкум, дедушка.

— Здравствуй, сынок. Что это ты, сидя один в комнате, стал закрываться на крючок?

— Да так... Уроки учу.

— Кожатай, родной, дай дедушке пощупать свой пульс,— умоляюще произнесла аже.

Я испугался:

— Зачем? Что случилось?

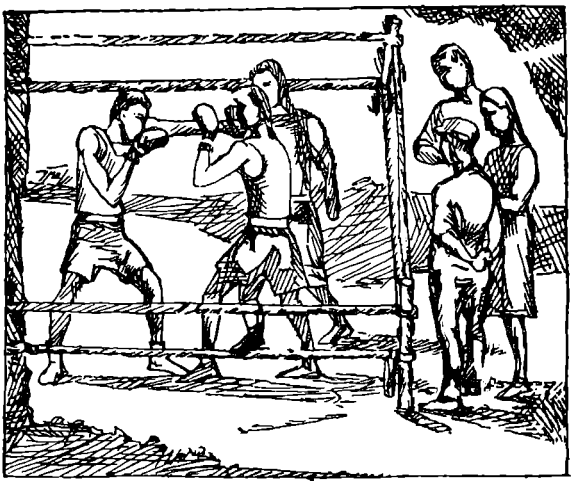
— Ты вчера плохо спал и всю ночь бредил. Кто знает Пусть дедушка послушает твой пульс. Да и выглядишь ты сегодня что-то не очень хорошо.

Я невольно рассмеялся.

— Ой, аже! Темная ты моя аже, думаешь, что я заболел? Никакой болезни у меня нет, я абсолютно здоров.— Я звонко чмокнул в морщинистый лоб аже и выбежал во двор. Какой же сегодня стоял хороший вечер! Красота! Ярко сиял месяц. Глубокое безоблачное небо, похожее на синий шелковый шатер, раскинуло над миром свою сверкающую казну. Со стороны клуба доносились звуки гармони, шумные голоса ребят. В груди моей будто полыхал какой-то живой огонек, наполняя меня внутрен-

ней энергией. Я побежал к клубу. Передо мной на темном небосклоне висел серебряным мостиком месяц, у самого аула таинственно поблескивала речка. Как прекрасно было вокруг! Казалось, сама природа говорила мне: «Лети вперед! Лети выше!» — и готова была дать мне могучие крылья, чтобы я мог достичь вершины своей высокой мечты. Гори! Гори сильнее, огонь души моей! Взлетай выше, волшебная птица мечты! Спешу и стремлюсь с нетерпением к тебе, завтрашний день, ожидающий меня.

Москва, 1956 г
Алма-Ата, 1959 г

ЧЕМПИОН

1

В том году весна в «Красной заставе» выдалась на редкость дождливой. Порою казалось, что свод неба прохудился и вся вода, сколько ее было там, наверху, обрушилась на землю бесконечными дождевыми струями. Всем надоели за эту весну калоши и дождевики.

Пахота не начинается вот уже какую неделю, и все из-за этих же дождей, но колхозники не думают роптать на погоду — ведь чем больше влаги весной, тем богаче урожай они соберут в конце лета, тем тучнее поднимется на лугах трава.

Но сегодня с утра дождь вдруг прекратился, и на востоке неожиданно проглянуло долгожданное солнце, по которому все уже так соскучились. По обочинам и на полянках между домами весело засияла молодая травка. Впервые в этом году хозяева выпустили на волю из темных закутов молодняк — козлят, ягнят и телят нынешнего приплода, которые тут же принялись щипать нежную зелень. Куры и петухи, тоже засидевшиеся на своих насестах, в это утро суетливо квохтали на задворках в поисках дождевых червей, перед воротами сладко потягивались на солнышке цепные собаки.

Мурат в то утро как обычно позавтракал вместе с мамой и принялся за уроки. Не успел он раскрыть учебник, как услышал за окном мальчишеские голоса. Мурат под-

бежал к окну и, распахнув створку, выглянул наружу. Вниз по улице, распихивая друг друга локтями, ватагой неслись мальчишки, его сверстники.

— Садык, эй, Садык! Вы куда? — окликнул Мурат одного из них.

Смуглый крепыш в вельветовой курточке оглянулся и помахал рукой:

— Мурат, айда с нами! На заставе сегодня конные учения!

Поселок, где жил Мурат, находился на самом краю Семиречья, неподалеку от границы. Ниже поселка, на берегу речки, стояла пограничная застава. Туда-то и направлялись так спешно мальчишки.

Клуба, где можно посмотреть кино, а тем более цирка, в поселке не было, и потому самым любимым зрелищем для мальчишек из «Красной заставы» была возможность посмотреть, как пограничники обучаются на специальном поле кавалерийскому мастерству. Всадники в зеленых фуражках брали с ходу высокие дощатые барьеры, свесившись с седел, лихо рубили лозу.

В этом году Мурат еще ни разу не бегал с ребятами на заставу, и вообще родители опекали его как маленького, шагу не дают ступить со двора, а как было бы здорово посмотреть на конные учения! Мурат сложил учебники и тетради и пошел на кухню, где его мама пила чай.

— Мама, а на заставе сегодня учения... Можно мне с ребятами посмотреть?

— Что?! — всполошилась тетушка Улжан.— Какие еще учения, будто не видел ни разу! Стоит из-за этого в такую даль тащиться? Лучше садись и делай уроки.

— А все ребята пошли,— сказал Мурат. Он уже понял, что мать его ни за что не отпустит. От обиды на глаза у него навернулись слезы.

— Я тебе сказала — никуда не пойдешь. Еще не хватало, чтобы ты снова простудился!

Мурат показал пальцем на окно и сказал:

— Да ты посмотри, на улице же тепло. Солнце светит вовсю.

Но мама была непреклонна:

— Ну и что, что солнце? Зато ветер какой. Слушаться надо, когда тебе говорят. Рано еще на траве резвиться.

На этом их разговор закончился. Мурат убедился, что спорить бесполезно и, сделав послушное лицо, тихо вышел из кухни.

Тетушка Улжан, оставшись одна, снова принялась за

прерванное чаепитие. Из-за стола она встала только после того, как заварка в белом фарфоровом чайнике иссякла, а кипяток уже не лился из краника, даже когда она слегка наклонила самовар. Утерев со лба пот и кашлянув, тетушка Улжан вдруг вспомнила о сыне, уж больно тихо было в комнате, где он занимался домашним заданием.

— Муратжан! — позвала тетушка Улжан, но в ответ не раздалось ни звука.

— Мурат!

Снова тишина.

«Не иначе, как заснул, лентяй»,— решила про себя Улжан и, тяжело неся свое грузное тело, подошла к двери. Откинув матерчатую занавеску, она просунула голову и убедилась, что там никого нет.

Прохладный ветерок колыхал пеструю занавеску.

— В окно сбежал! Вот ведь негодяй какой! — Она опрометью бросилась на крыльцо и, пробегая по коридору, успела заметить телогрейку Мурата, которая висела на гвозде.

— Хоть бы оделся потеплее, а то ведь сбежал в чем был! Вот ведь негодник какой!

Тетушка Улжан всплеснула руками, не зная, что предпринять.

2

Мурат был четвертым, самым младшим, и потому самым любимым ребенком тетушки Улжан. Две старшие, теперь уже взрослые, дочери давно повыходили замуж и живут сейчас своими семьями в соседних поселках.

Был у тетушки Улжан и еще один сын-первенец Абдикас. И считался он самым видным парнем в здешних местах. Абдикас работал бригадиром в колхозе. Вот уж был парень так парень! Всем на зависть. Когда началась война, ушел на нее Абдикас добровольцем. А зимой пришла на него похоронка.

Ох, как горевали тетушка Улжан со своим стариком Батырбеком... Как их эта беда подкосила, сколько слез было пролито, сколько боли сердечной пережито... Да и сейчас, стоит бедным родителям вспомнить своего первенца, наворачиваются на старые глаза слезы и сжимаются от горя сердца.

Потому-то они, наверное, и опекают так Мурата, ведь нет у них больше на свете ни радости другой, ни утешения. Старики знают, что не вернешь того, что ушло, и то, что

угасло, вновь уже никогда не возгорится. Они боятся хотя бы на минуту отпустить от себя Мурата, он для них как хрупкое яичко — выпустил из рук, и разбилось. Улжан и Батырбека постоянно одолевают какие-то страхи, которые они и сами-то себе объяснить не могут, родителям все кажется, что какая-то опасность нависла над их Муратиком. А каково мальчишке от всего этого, если ни зимой, ни летом, ни днем, ни вечером ему шагу ступить со двора не разрешают!

А как обидно, когда поссоришься с кем-нибудь из мальчишек, и тебя начинают дразнить «маменькиным сыночком».

Мурат выпрыгнул на улицу и тут же почувствовал всю прелесть свободной от материнского заботливого ока жизни. Свежий весенний ветерок ударил ему в лицо, и сразу стало дышать легче и веселее. Мальчишка припустил вниз по улице, да так быстро, будто за ним гналась злая собака. Скоро он обогнал всех сверстников, и от радости, что бегает-то он на самом деле не хуже других, помчался еще быстрее, хотя и чувствовал, что начинает задыхаться Мурат обернулся на ходу и увидел, что домик их остался уже далеко, увидел приоткрытую створку окна и подумал, что мама еще не хватилась его и, наверное, все еще пьет чай на кухне... Ну да ладно.

Прямо против поля, где проводились занятия по верховой езде, был небольшой бугорок, круглый и пологий, точь-в-точь как перевернутый котел. Вот с этого-то бугра ребята и любили наблюдать за пограничниками. Трое подростков постарше уже успели забраться на него, когда Мурат пыхтя начал подниматься по склону.

А пограничники уже начали рубить лозу.

Вот на исходный рубеж выехал пограничник на белом коне. Новенькая зеленая фуражка на нем сверкала лакированным козырьком, в правой руке обнаженная сабля

— Старшина! — узнал его кто-то из мальчишек.

— Николай Трофимович! — подтвердил другой.

— Ну сейчас он покажет!

Мальчишки замерли в ожидании.

От белого коня под старшиной невозможно было оторвать глаз — такой он был красивый. Конь круто выгибал лебединую шею, нетерпеливо пританцовывал на месте, и, когда старшина слегка тронул шпорами, он стремительно выкинул вперед передние ноги, замер на мгновение, словно повис в воздухе, и пошел с места галопом, размахивая коротко подстриженным хвостом.

Вдоль всего поля были установлены специальные столбики, на которых крепят лозу. Старшина заставы украинец Денисенко лихо проскакал по полю и не оставил ни одной лозинки. В этом деле он был мастером! Молниеносный взмах клинка — и чисто срубленный зеленый прутик слетает на землю.

Это кто-нибудь другой может надломить лозу неточным ударом, а то и вовсе промахнуться, но только не старшина Денисенко.

Но вот ему осталось выполнить два последних упражнения — на высоком столбе висел мешок, набитый сеном. Старшина доскакал до него и, выставив вперед клинок, с хрустом пронзил мешок насквозь и тут же, ни на секунду не замешкавшись, подлетел к последнему столбу, на котором висел железный обруч. Старшина ловко рубанул по нему, и обруч со свистом отлетел далеко в сторону.

— Вот дает, старшина!

— Гляди, что делает!

— Он такой! — зашумели ребята от восторга.

Мурат с завистью глядел, как старшина возвращается к конному строю пограничников, и вдруг сказал, да так громко, что его слышали остальные мальчишки:

— Вот бы стать таким же командиром!

Садык, сын директора школы, обернулся к нему и сказал с издевкой:

— Тебе бы только и быть командиром!

— А что?

— Солдаты все, гляди, какие здоровые. А ты? Через день болеешь.

— А я не буду болеть, когда вырасту,— сказал Мурат. Больше ему возразить было нечего, но проигрывать спор все же не хотелось.

— Ты сначала вырасти, а потом лезь! — крикнул Садык и неожиданно толкнул Мурата в грудь так, что тот оступился и полетел вниз по склону.

Ребята засмеялись. Громче всех смеялся Садык, довольный своей выходкой.

Они и раньше с Муратом пару раз схлестывались, и Садык всегда выходил победителем, но так, как сейчас, он ему еще ни разу не досаждал. Мурату стало не по себе от обиды.

— Ты что? Толкаешься? — закричал он и подбежал к Садыку. Глаза у Мурата горели от злости.

— Ну и толкнул. Ну и что ты мне сделаешь? — Садык выпятил вперед грудь и стал напирать на Мурата.

Я тебе сейчас врежу! — сквозь зубы процедил Мурат.

— Попробуй!

— Сказал — врежу!

— Ну, что ты стоишь? Врежь!

Мальчишки, увидев, что начинается драка, стали их подначивать со всех сторон.

— Не бойся, Мурат!

— Садык, дай ему!

— Бей, что ты смотришь?!

Садык знал хорошо, что он сильнее Мурата. Потому он и вел себя так уверенно. Но слишком уж разозлился сегодня Мурат, и это было видно по его лицу, по сузившимся от гнева зрачкам.

Они стояли друг против друга, словно петухи перед боем. Но ни Садык, ни Мурат все никак не осмеливались начинать по-настоящему, на кулаках, они продолжали толкаться, и тогда кто-то крикнул:

— Ну тогда пусть поборятся!

— И будет ясно, кто сильней! — поддержал другой.

Посыпались обычные в таких случаях выкрики:

— Побежденного земля поддержит!

Кто-то из мальчишек обозвал их трусами, кто-то девчонками. И, конечно же, они добились своего — Садык и Мурат оба разом, будто их подстегнули, схватились за плечи. А ребята разошлись кругом, так, чтобы им не мешать. Но боролись они недолго: Садык крутнул изо всех сил Мурата вправо и легко опрокинул на спину. Но если бы этим дело кончилось! Он еще и перешагнул через голову Мурата, когда тот лежал навзничь, а это означало по народной примете, что теперь сила побежденного перейдет к нему.

3

А конные занятия на поле продолжались. Теперь пограничники стали упражняться в преодолении барьеров.

Мальчишки, все еще оставаясь на вершине бугра, вполголоса переговаривались. А Мурат понуро сидел в стороне от других и делал вид, что смотрит на пограничников, но думал совсем о другом. Поражение, которое он потерпел сейчас от Садыка, жгло ему сердце и не давало покоя.

«И почему я такой слабый? Почему я не родился сильным, хотя бы таким, как Садык. Тогда бы я ему показал...»

По северо-западную сторону от поселка открывалась бескрайняя степь. Из этой степи всегда приходит в эти края непогода. Бывало, светит солнце, и, казалось бы, ничто не предвещает дождя, но стоит воздуху качнуться от малейшего ветерка, и оттуда, из-за горизонта, надвигаются мрачные серые тучи, а следом в пыльную землю ударяют первые капли дождя. Вот и сегодня так же: появились в конце долины первые приметы непогоды — тучи. Впереди идут огромные, лохматые, как медведи, за ними толпятся тучки поменьше. Они идут к горам тесной ватагой и словно подгоняют одна другую: «Быстрей же! Поторапливайтесь, пока люди в этом селении не успели попрятаться в свои домишки».

А ребята на бугре, конечно же, не обращали внимания на то, что погода явно портится.

С запада вдруг подул холодный ветер, и тучи в минуту закрыли все небо, спрятав солнце. Сразу сделалось темно и неуютно.

Мурат вдруг почувствовал острую боль в груди, будто кто-то ему ткнул иголкой в левый бок. Он совсем забыл, что выскочил из дому в одной рубашке.

— Дождь начинается! — крикнул кто-то из мальчишек, и в это время прямо у них над головами раздался оглушительный грохот, будто из пушек пальнули. Ребята повскакивали с мест, и тут по серому небу с шелестом протянулась яркая молния.

Мальчишки, сбившись в стайку, бежали под тяжелыми дождевыми струями в сторону поселка, как ягнята, спешащие побыстрее оказаться под надежной крышей зимней кошары.

Тетушка Улжан уже не знала, куда себя деть, тревога сжимала сердце, а тут еще по крыше застучали первые капли дождя.

«Ну все, пропал малыш, вымокнет до нитки!» — запричитала она и, сдернув с гвоздя фуфайку Мурата, выскочила во двор. Неподалеку от крыльца она увидела сложенный в кучку кизяк. Минута ушла на то, чтобы прикрыть его от дождя, и вот уже тетушка Улжан собралась выскочить за калитку, но тут увидела на веревке рубашку мужа, которую утром сама же выстирала и повесила сушиться. Пока Улжан относила рубашку домой, пока запирала на висячий замок входную дверь, дождь усилился. Теперь вроде бы никаких неотложных дел не осталось, и обеспокоенная за свое чадо мамаша, решив, что даже если

сейчас пожар начнется в ее доме, она ни на минуту здесь не задержится, вышла наконец со двора.

Тетушка Улжан засеменила по направлению к заставе. И тут дождь полил как из ведра, будто обрадовался, что есть кого отхлестать на пустынной дороге холодными струями.

По дороге навстречу тетушке Улжан бежали мальчишки.

— Эй, дети, Мурата не видели?

— Бежит за нами.

А ливень между тем зарядил еще сильнее. Улица уже покрылась множеством луж и лужиц. Дождевые капли заплясали по ним так, что, казалось, вода в лужах закипела.

Мурат хотел побыстрее попасть домой и, чтобы сократить путь, решил пуститься напрямик — через огороды. И тут-то он крепко просчитался. Стоило мальчику сделать несколько шагов по недавно вскопанной земле, как он тут же увяз в ней чуть ли не по колено. Кое-как, прыгая с кочки на кочку, он наконец очутился на улице. Но и здесь было не суше. Улица раскисла под дождем, как кусок мыла, и было так скользко, что Мурат разок не удержался на ногах и шлепнулся боком в грязь. Можно себе представить, на кого он стал похож после всех этих злоключений, когда в конце концов добрался до дому.

На дверях висел замок. Мурату надо было как-то спасаться от дождя, и он побежал в хлев.

Ливень оказался недолгим, и вскоре он утих так же неожиданно, как и начался. Небо снова просветлело, и вот уже на крыше соседнего дома засверкали лучи солнца, которое проглянуло в разрыве облаков.

И только теперь, охая и ахая, тяжко переводя дыхание, вошла во двор тетушка Улжан, мокрая с ног до головы, в башмаках, залепленных грязью.

Навстречу ей, весь взъерошенный, выбежал, дрожа от холода, Мурат. Руки у него болтались как плети в рукавах мокрой рубашки, а сам он громко стучал зубами — до того продрог.

— Ты откуда взялся? — вскричала тетушка Улжан.— Ойбай, несчастный ты мой! Пропадешь ведь теперь. На кого ж ты похож, а?!

А Мурат молчал и только виновато поглядывал на мать.

4

Старик Батырбек был пастухом. Скотину он любил и переживал за нее всем сердцем. Стадо он пас с особым старанием до самого вечера, чтобы коровы могли попастись как следует. Вот и сегодня Батырбек подъехал к дому уже перед самым закатом. Старик неторопливо спешился и, оглядевшись по сторонам, вдруг заметил, что во дворе подозрительно тихо. Обычно в это время перед порогом стоял, попыхивая, самовар. Но и его что-то не видать. Громыхая отяжелевшим от ливня брезентовым дождевиком, старик вошел в дом и тут же услышал, как в дальней комнате кашляет Мурат. Сердце у старого Батырбека тревожно застучало. Он подошел к двери, откинул рукоятью камчи занавеску. В полутемной комнате лежал на кровати Мурат, а рядом, опустив голову, сидела Улжан, она даже не повернулась к мужу.

— Что это с ним?! Может, просто прилег?

— Где уж там — просто,— вздохнула Улжан и рассказала обо всем, что случилось.

Батырбек разделся в передней и снова подошел к сыну. Приложил ладонь ко лбу малыша. У Мурата был жар.

— Врача позвала?

— А что он сделает, врач? Как же... помогут его лекарства простуженному ребенку. Лучше режь поскорее черного ягненка, в шкуру надо обернуть малыша, без этого не обойдется.

Знай Батырбек, что от средства, которое ему предложила жена, будет толк, он бы и коня своего не пожалел, не то что ягненка. Но в отличие от Улжан, старик не очень-то доверял знахарским способам лечения.

— Нет, пускай все же посмотрит. Схожу, позову Дусю.

«Доктором» на «Красной заставе» звали молодую русскую девушку Дусю, которая закончила двухгодичные фельдшерские курсы, но, поскольку врача в поселке не было, скромное образование Дуси никого не смущало. Стоит кому-то в поселке захворать, бегут к Дусе. И если болезнь была не ахти какая страшная, Дуся выдавала больному лекарство и с тем отправляла. Ну а если кому-то случалось заболеть серьезно, Дуся выписывала направление в районную больницу. В поселке ее любили за мягкий, покладистый характер и ласково называли на казахский манер «Доса» или «Досажан».

Дуся почти бегом неслась по темной улице, шагов на пять опережая Батырбека.

Подойдя к Мурату, она первым делом измерила температуру, потом прослушала легкие, попросила сказать «а!» и заглянула в горло.

— Надо в район,— коверкая слова, сказала Дуся.— Простудил легкие. Там сделают укол и он поправится.

Старики угрюмо выслушали заключение «доктора».

— А может, и правда, попробуем в шкуру завернуть? — спросил вдруг Батырбек.

— Нет, нельзя. Я же сказала — надо везти в район, там его быстро на ноги поставят,— уверенно повторила Дуся и стала собираться.

Лишь только дверь затворилась за девушкой, тетушка Улжан стала наседать на своего старика:

— Режь быстрее ярочку, и нечего ее слушать.

— Но ведь сказала тебе докторша, что нельзя этого делать.

— Много она знает, твоя докторша.

— А если б не знала, кто бы ей доверил людей лечить, а?..

Неизвестно, чем бы закончился этот спор, если бы Мурат, услышав, о чем идет речь, не закричал:

— Не полезу я ни в какую шкуру!

И только тогда тетушка Улжан отступилась:

— Ну, раз не хочешь в шкуру — не надо. Хоть бульончика молодого попьешь». — И, обернувшись к Батырбеку, сказала:

— Да режь ты скорее эту ярочку, или жалко тебе ее стало?..

Через час свежая баранина уже варилась в котле. Но Мурат, сколько ни уговаривала его тетушка Улжан «отпить хоть самую малость», так ни к чему и не притронулся.

Утром температура у мальчика поднялась еще выше, и старому Батырбеку ничего не оставалось делать, как срочно везти Мурата в районную больницу.

5

Когда Мурат лежал в больнице, свершилось наконец долгожданное событие, которого ждала вся наша страна. Кончилась война. Пришла победа, о которой долгих четыре года мечтали днем и ночью. Радовались все. Люди обнимали и целовали друг друга. Всадники затеяли праздничную игру — кокпар, выбрав для этого дела чьего-то козленка, безмятежно щипавшего травку на лужке.

И никто их за это не бранил.

А сколько было в те дни людей, которые от радости заливались слезами!

Больные в районной больнице повскакивали со своих кроватей и, сгрудившись у окон, глядели, как ликует на улице народ. Мурат к тому времени уже немного поправился и тоже, вместе с другими, стоял у окна...

Из больницы Мурат вышел бледным, как полотно, и сильно похудевшим. И только глаза остались такими же, какими они были прежде — веселыми и озорными.

Подвода медленно ехала по дороге в сторону «Красной заставы». Мурат сидел рядом с отцом и глядел на цветущую под ярким солнцем степь. Мальчик думал о том, что его товарищи сейчас, наверное, готовятся к экзаменам, а вот ему не придется в этом году сдавать экзамены — почти месяц он пролежал в больнице. Учителя посовещались на своем педагогическом совете и решили перевести Мурата в шестой класс без экзаменов, потому как учился он хорошо и если бы не заболел, то наверняка бы сдал экзамены не хуже других учеников.

Мурата это решение очень обрадовало: ведь все это время в больнице он переживал, что отстанет от своих сверстников.

6

Близилась тучная и плодородная осень. До начала нового учебного года оставалось совсем немного. В один из последних дней летних каникул к Мурату прибежал его закадычный дружок Шакир, с которым он дружил чуть ли не с трех лет. Они были сверстниками, да к тому же жили по соседству — дом родителей Шакира стоял прямехонько через улицу.

— Мурат, а, Мурат! Ты что, еще ничего не знаешь?! — с порога затараторил прямодушный Шакир.

— Нет, а что?

— Знаешь, кто у нас теперь будет по физкультуре и русскому?

— Кто?

— Николай Трофимович!

— А кто это?

— Ты что, не помнишь? Старшина заставы. Он недавно демобилизовался из армии и остался у нас.

— Правда?!

— Не веришь? Пошли со мной, они сейчас там вместе с директором, возле школы.

Мурат тут же сорвался с места, и скоро они с Шакиром неслись по улице, как стригунки на скачках.

И действительно, на волейбольной площадке рядом со школой стояли, о чем-то переговариваясь, Николай Трофимович и директор школы Токмолда.

— Если вот этот бугор снести, то площадка расширится почти в два раза. И землю далеко таскать не придется, можно засыпать все рытвины вокруг площадки.— Николай Трофимович показал рукой на ямы у обочины дороги.

— А как ты его сносить собираешься? — спросил директор.

— Очень просто — срыть его надо. Вот начнется учебный год, подключим к этому делу ребят.

— А стоит ли, Николай Трофимович, возиться с этим делом? Можно ведь и на старой площадке занятия проводить, как раньше.

— Да нет, тесновато будет для занятий.

— Ну, как знаешь,— сказал директор уже без всякого интереса.

— Ничего, я это дело возьму в свои руки, как только занятия начнутся,— сказал Николай Трофимович.

— Как знаешь,— вяло повторил Токмолда и пошел к школьному крыльцу. Он был одет в коричневый пиджак, из-под которого виднелся ворот линялой рубашки, не очень-то умело скроенной, в армейские галифе, заправленные в старые, залатанные яловые сапоги, на затылке у директора школы топорщилась старая голубая кепка. Все уже давно привыкли видеть Токмолду в этой его известной, подобранной без всякой претензии на вкус, одежде, которая и сидела-то на нем как-то неловко и даже неряшливо.

Но несмотря на свою мало представительную внешность, Токмолда старался всегда ходить важно и неторопливо, поглядывать по сторонам строго и взыскательно, давая тем самым понять, что здесь он бог, царь и хозяин.

Николай Трофимович не пошел за директором, а остался стоять посреди площадки. С минуту он о чем-то размышлял, обмеривая взглядом волейбольную площадку, потом достал из кармана рулетку. Заметив Шакира и Мурата, которые стояли поодаль и все мялись, не решаясь подойти ближе, Николай Трофимович сам подозвал мальчиков.

— А ну-ка, пареньки, подойдите сюда.

Мальчики подошли.

— В этой школе учитесь?

— В этой,— сказал Шакир, который был побойчее Мурата.

— А в каком классе?

— В шестой перешли.

— Любите физкультурой заниматься?

— Любим.

— Молодцы, что любите. А в школе вашей даже площадки нет физкультурной. И снарядов спортивных нет никаких, как же вы это допустили, а еще говорите, что любите физкультуру.

— Не знаем...— буркнул Мурат.

— Вот и плохо, что не знаете. А знать надо все. Правильно?

— Правильно.

— А раз правильно, то держи.— Николай Трофимович выпростал из рулетки конец стальной ленты и протянул его Мурату

— Николай Трофимович, а правда, что у нас вы теперь учителем будете? — спросил Мурат, ухватившись за ленту.

— А откуда ты знаешь, как меня зовут?

— Знаю. Вас все ребята знают.

— Ишь ты какой! Да, я теперь буду у вас преподавать русский язык и физкультуру.

— Вот здорово! — радостно заулыбался Мурат.

7

Николай Трофимович с помощью мальчишек обмерил будущую площадку и забил по намеченным углам колышки. Потом он что-то прикинул в уме и сделал запись в блокноте.

— Николай Трофимович, а что здесь будет?

— Здесь будет спортивная площадка.

— Такая же, как на заставе?

— Может, даже и еще лучше.— Николай Трофимович скрутил рулетку и положил ее в карман.— Ну, на сегодня, кажется, хватит. Спасибо вам большое за помощь, мальчики.

Мальчики побежали назад, к себе на улицу, им не терпелось похвастаться перед сверстниками: ведь подумать

только, они — Мурат и Шакир — успели раньше всех познакомиться с Николаем Трофимовичем и помочь ему разметить участок под новую спортивную площадку!

Николай Трофимович, оставшись один во дворе школы, еще некоторое время внимательно оглядывал площадку; со стороны можно было подумать, что человек потерял здесь какую-то дорогую ему вещицу и ему жалко уходить отсюда, так и не найдя ее.

Рядом со школой — медицинский пункт, где работала Дуся-фельдшерица. Через минуту Николай Трофимович шагал к нему своей жесткой армейской походкой.

Со стороны медпункт ничем особенным не отличался от других домов поселка. Строением своим он напоминал казахскую переметную суму — коржун. Две комнаты разделял коридор. В восточной половине домика жила сама Дуся, а в западной она принимала пациентов. Это и был, собственно, медпункт — небольшое помещение без входной двери, вместо нее проем прикрывал старый застиранный занавес.

Медпункт был в поселке далеко не самым бойким местом, и потому свободного времени у его хозяйки было, как правило, достаточно, если не сказать — в избытке. Случалось, что Дуся целыми днями просиживала у себя в комнате на кровати, склонившись над каким-нибудь толстым романом. Так было и сегодня. Только под вечер вдруг раздался скрип раскрываемой двери, а затем, после короткой паузы, вежливый стук.

— Да!

Вошел Николай Трофимович, и Дуся, заметив его, торопливо поднялась навстречу.

— Можно к вам?

— Пожалуйста.

Николай Трофимович тщательно вытер сапоги о тряпку, лежавшую перед дверью, и, шагнув через порог, вошел в Дусину комнату, которая, несмотря на глиняный пол, вся светилась от чистоты и порядка.

Они поздоровались за руку.

— Ну, как живешь, Дусенька?

— Хорошо, Николай Трофимович, а где это ваши погоны? — Дуся сделала удивленное лицо.

— Распрощался я со своими погонами.

— Как это?

— А вот так, Дусенька. Теперь я как и все другие — гражданский человек,— сказал Николай Трофимович.

— Значит, демобилизованы?

— Да.

— Вот это сюрприз! — ахнула Дуся, ее голубые прозрачные глаза вдруг как-то по-особенному засветились.— Вы теперь, конечно, домой, на Украину?

— Нет.

— А куда же?

— Никуда, останусь у вас, буду учительствовать в школе.

— Серьезно?

— А я, Дуся, всегда с вами только серьезно разговаривал. И даже, если шутил...

— Не понимаю?!

— Что не понимаете?

— Не понимаю, какой вам интерес здесь оставаться. Такая глушь. Край земли.

— Но сами-то вы отсюда не уезжаете.

— Я здесь живу потому, что уже малость привыкла. А потом, куда мне еще ехать? А у вас все по-другому. Куда захотите, туда и поедете. С вашей профессией везде можно — учитель, спортсмен. Вам бы в городе жить.

— А я вот решил, что в городе мне делать нечего. неохота от вас далеко уезжать. Устрою вон там вот, прямо у вас под окнами, спортивную площадку и буду на ней тренировать мальчишек.

— Садитесь, Николай Трофимович... Что-то мне до сих пор не верится...

Николай Трофимович присел на стул.

— Можете почитать, если не верите.— Он достал из нагрудного кармана гимнастерки листок-выписку из приказа районного отдела народного образования.

Тут неожиданно в дверь постучались и вошла женщина с мальчуганом лет пяти-шести. Рука у малыша была перевязана тряпицей, набухшей от крови. Мальчик уже, видимо, наревелся вдоволь и теперь только часто всхлипывал и страдальчески моргал глазенками, полными слез.

— Доса, ты только посмотри на этого прохвоста. Нашел забаву — ножиком баловаться. Поранил себе ладонь, дурачок. Я уж и кошмой паленой пробовала, а кровь не унимается никак...

Мальчишка норовил спрятаться за матерью. Перепугался он, конечно же, не из-за крови, а потому, что его привели к «доктору». А что с ним теперь сделает эта чужая тетка, малыш не знал, но, судя по глазам, ничего хорошего он от нее не ждал.

Дуся повела его вместе с матерью в свой «кабинет» и принялась за осмотр. Рана была действительно глубокая. Когда фельдшерица прижгла ее йодом, малолетний пациент, который до этого, в общем-то, держал себя молодцом, вдруг завопил во всю глотку:

— Ойбай! Мамочка, она меня убьет!

От этого крика люди, наверное, вздрогнули и на том конце поселка.

8

Прошла первая неделя учебного года. Теперь каждый вечер, как только спадала дневная жара, двор школы превращался в настоящую строительную площадку. Ребята из старших классов приходили сюда с лопатами, ломами и носилками и дружно принимались за работу. Рядом с ними неизменно находился Николай Трофимович.

Вот уже который день они расчищают место под спортивное поле. И сделано за это время много. Волейбольная и баскетбольная площадки уже готовы.

Осталось только сровнять бугор на том месте, где будут стоять гимнастические снаряды. Здесь орудуют ломами и лопатами самые старшие мальчишки. Их одноклассницы носилками таскали землю.

— Грузите, грузите! Да побольше, не бойтесь, унесем! — девчонки нарочно поддразнивали парней, чтобы те быстрей устали, а мальчишки, хоть и уморились, но все равно налегают на лопаты — кому охота прослыть слабаком, да еще перед девчонками!

Бугор, величиной с добрую юрту, тает день ото дня.

Николай Трофимович, уже давно любимый всеми мальчишками в «Красной заставе» как лихой пограничник, удивлял их своей сноровкой. С детства привычный к труду, он ловко управлялся с любой работой, так же ловко и красиво, как рубил лозу на всем скаку во время кавалерийских занятий.

Сейчас он был больше похож на плотника, чем на школьного учителя. Точными ударами топора Николай Трофимович, весь с ног до головы обсыпанный свежей стружкой, вытесывал гимнастическое бревно из длинного соснового ствола.

Старик Сайбек, школьный завхоз, решительно распахнув дверь, вошел в кабинет директора. Токмолда в это время был занят заполнением каких-то бумаг, он поднял голову и вопросительно уставился на завхоза.

— Этот твой новый учитель русский скоро все пиломатериалы переведет.— По тому, как нервно тряслась седая борода старого Сайбека, было видно, что завхоз решительно настроился на скандал: — Он же все доски и бревна подряд тащит, дескать, директор мне на то разрешение дал. Балка у меня была длинная, я ее все для ремонта крыши берег, так он ее распилил пополам. А сколько тесовых досок загубил!

Директор отложил ручку.

— Серьезно? А ну-ка, позовите-ка его сюда.

Завхоз повернулся и вышел, резко постукивая по полу таволжаной палкой, которую носил вместо трости.

Когда завхоз вернулся уже вместе с Николаем Трофимовичем, директор ровнее уселся на стуле и, нахмурив брови, изобразил на своем лице строгость.

— Что же это ты, Николай Трофимович, делаешь? — не предлагая вошедшим присесть, начал Токмолда.— Весь двор перекопал — ступить теперь негде. Материал, который для ремонта предназначен, портишь. Или ты хочешь нашу школу в заставу превратить, а учеников муштровать, как солдат?

— Я ведь с вами согласовал устройство спортплощадки.

— Правильно, согласовал. Да только кто же знал, что ты так развернешься. Я ведь думал, установишь свою перекладину железную, как она там называется? ...Турник. Я думал, установишь ты свой турник и на том успокоишься.

Николай Трофимович усмехнулся.

— Турник — это еще не физкультурная площадка.

— Слушай, Николай. Ты хоть в одной школе в нашем районе побывал? Так вот везде стоит во дворе этот самый твой турник, и никаких больше штуковин в этом роде и в помине нет. Даже в райцентре. Понял?

— Я об этом, товарищ директор, прекрасно знаю. И говорит это только о плохом отношении к физическому воспитанию... А потом, кто сказал, что мы в этом деле обязательно должны на соседей равняться? Никто нас ругать зря не станет. Надо ведь наоборот, пример людям показать, выстроить детям настоящую физкультурную площадку. Как вы, товарищ директор, не хотите этого понять?

Николай Трофимович подозревал, что понятие о спорте у Токмолды весьма расплывчатое, и нарочно ввернул последнюю фразу.

— Понимаю, Николай,— сказал директор. Видимо, желая скрыть свою неловкость, он расстегнул верхнюю пуговицу кителя, облегченно повел головой.— Делай как знаешь. Я не против. Но только ты ведь и без меня знаешь, как сейчас с пиломатериалами. В следующем году мы должны еще два классных помещения построить. Уже вон и кирпичи саманные заготовили. А доски, которыми ты пользуешься, мы для этого дела берегли. Ты уж их не порть.

— Хорошо, не буду. Мне теперь доски и не нужны.

— А что же ты две балки испортил?

— Товарищ директор, а разве я их портил? Для дела ведь приспособил.

— Впредь без моего согласия ничего не делай. Договорились? Так-то. У меня вас одиннадцать учителей, если каждый начнет делать, что ему в голову взбредет, то это уже не школа будет, а не знаю что. По каждому вопросу теперь сначала обращайся ко мне.

Николай Трофимович, желая побыстрее закончить этот разговор, охотно согласился:

— Хорошо. Все ясно.

9

После этого случая Николай Трофимович окончательно установил для себя, что представляет собой директор школы. Тот факт, что Токмолда не имеет даже отдаленного представления о том, какой должна быть настоящая спортивная площадка, уже сам по себе говорил о многом.

Токмолда не был исключением. Другие учителя в этой сельской школе тоже далеко не блистали образованностью. Только трое закончили педучилище, а остальные имели, кто по восемь, кто по девять классов, учились они в таких же вот школах.

Николай Трофимович понимал, что все это не от хорошей жизни, что не хватает пока стране настоящих учительских кадров, но мириться с таким положением дел не хотел, да и не мог. Успокаивала его только мысль, что все это временное явление, что жизнь здесь еще наладится, войдет в свою колею и очень скоро.

Рано утром Николай Трофимович любил заглянуть на несколько минут на заставу, которая до сих пор казалась ему родным домом. Вот и сегодня часовой на сторожевом посту издали узнал своего бывшего старшину и первым поздоровался:

— Здравствуйте, Николай Трофимович!

— Здравствуй, Иванов! Начальник у себя?

— У себя.

Николай Трофимович вошел в кабинет начальника заставы. Молодой капитан, усатый, высокий и худой, как жердь, увидев его, поднялся навстречу:

— Приветствую вас, Николай Трофимович. Рад, что вы нас не забываете.

— Ну, я-то вас не забуду, лишь бы вы меня помнили.

После обоюдных расспросов Николай Трофимович стал говорить о том, с чем пришел.

— Я ведь к вам, товарищ капитан, с просьбой. А просьба у меня такая... Все ведь знаете, что я спортсмен и что без спорта я жить не могу. Пока служил у вас на заставе, работал как мог в этом направлении.

— Не надо скромничать. Ребята, которых вы тренировали, в окружных соревнованиях участвовали. И это все — ваша заслуга.

Николай Трофимович не любил, когда его откровенно хвалили, и постарался перевести разговор на другую тему:

— В школе, где я теперь работаю, предмет «физкультура» только на бумаге присутствует. Видите, как мне повезло. Придется теперь начинать все сначала, в одиночку. Физкультурной площадки нет как таковой, и не было никогда. Уже неделю вместе с учениками строим ее заново. А вот со снарядами совсем плохо. В магазинах их не купишь. Вот я и хочу попросить вас помочь. Там, возле конюшен, лежит кое-какое добро, уже, кажется, списанное. Если его починить как следует, может сгодиться для начала. Я эти снаряды в свое время не стал выбрасывать, припас на всякий случай. Сейчас этот случай как раз и наступил. Они для меня теперь дороже золота были бы.

Капитан был человеком отзывчивым и добрым, он, конечно же, рад был помочь Николаю Трофимовичу.

— Забирайте, о чем речь! Чего мне жалеть, если все это давно списано? Берите и пользуйтесь на здоровье. Уж я-то верю, что вы в поселке поставите спортивную работу как надо. Только заходите к нам почаще, не забывайте!

В конюшне солдаты запрягли для Николая Трофимовича подводу, и скоро он выгрузил на школьном дворе целую кучу спортивного инвентаря.

10

Так уж повелось, что если человек задался в своей жизни мыслью занять пост повыше других, то и уважения к себе он требует непомерного. В каждом стаде, говорят, положено быть вожаку.

В «Красной заставе» таким вожаком мнил себя директор школы Токмолда. В поселке его действительно почитали, и в каждом доме норовили усадить во главе стола.

И дружбу вел Токмолда только с теми, кого считал себе ровней — с председателем колхоза, председателем аулсо вета, продавцом магазина, заведующими фермами.

Накануне, в субботу, Токмолда вместе с председателем артели Мырзабаевым выехал в поле. И вернувшись оттуда только в понедельник утром, едва поспел на урок в седьмом классе. Вот он торопится в школу со стопкой учебников под мышкой.

Токмолда вывернул из соседнего со школой переулка и вдруг с удивлением заметил на еще строящейся спортивной площадке высокое деревянное сооружение, напоминающее устои ворот. Возле него копошились ученики. Токмолда был озадачен. Точно такие же ворота он видел на заставе, по ним лазили солдаты во время занятий.

«Э, теперь понятно, из-за чего это он так до сих пор надрывался. Чепуха какая-то»,— подумал Токмолда и подошел ближе. На площадке резвились дети из разных классов. Одни кувыркались на турнике, другие старались взобраться вверх по толстому канату, свисавшему с перекладины ворот.

Директор решил навести порядок и прикрикнул:

— Эй! Вы что это все, взбесились? Шеи себе посворачиваете!

И тут обмер. С самой верхотуры, дрыгая ногами, спускался с каната его собственный сын. Токмолда помертвел от страха и запричитал:

— Ах ты щенок, надо же, куда залез?! Осторожней, осторожней, я тебе говорю! Ногами упирайся! Ты что, не слышишь, что я тебе говорю? Но-га-ми! Убьется ведь, негодяй!

На обычно степенного Токмолду в эту минуту было смешно смотреть.

Садык, конечно же, не свалился. Он благополучно спустился вниз и спрыгнул на землю.

— Ты что, спятил? На такую высоту забраться! — об-

рушился на него отец.— А если б сорвался? Мокрого места бы от тебя не осталось, дурак! Чтоб я не видел больше, как ты по этой веревке карабкаешься! — и, повернувшись к остальным ученикам, скомандовал: — Быстро разойтись по классам! Звонка не слышали?

Ученики послушно разбежались, и скоро директор остался один на опустевшей площадке. Он обошел со всех сторон «ворота», разглядывая диковинные приспособления, и тут у него над ухом раздалось:

— Здравствуйте, товарищ директор!

Это был Николай Трофимович.

— А, Николай... Это ведь ужас какой-то!

— Не вижу ничего ужасного.

— Мы с этой штукой теперь хлопот не оберемся.

— Почему? — удивленно спросил Николай Трофимович.

— Я только что видел, как несколько учеников чуть насмерть не разбились. Забрались кто по лестнице, кто по веревке на самый верх. А если сорвутся? Убиться же можно.— Директора все еще не оставляла в покое сцена, когда его сын спускался по канату.

— Этот снаряд для того и предназначен, чтобы по нему взбираться.

— Николай, дорогой мой, видать, ты и впрямь решил учеников в солдат превратить. Зачем нам в школе эта штука?

— Затем, чтобы привить ученикам тягу к спорту. А о том, какая это полезная вещь, товарищ директор, вы и сами получше меня знаете.

Будь Токмолда немного проницательней, он бы, конечно же, уловил иронию в словах Николая Трофимовича. Но чуткостью его бог, по всей видимости, обделил. Директор воспринял сказанное за лестную похвалу в свой адрес и расплылся в улыбке.

— Конечно же, спорт имеет огромное значение, с этим я не спорю,— сказал Токмолда,— но сами вы понимаете, что всем видам спорта детей не обучишь. Ну зачем нам это все? Вот ты, к примеру, не знаешь здешних детей. А я-то их хорошо знаю. Знаю, что у них всех на уме. Их ведь, пострелов, и раньше-то не легко было за книжки усадить. А теперь ты им еще одну забаву нашел. Будут с утра до вечера здесь бездельничать. А если шею кто свернет? Нам же с тобой за это отвечать придется.

— За это вы, товарищ директор, не беспокойтесь. Ус-

тановим порядок, такой, чтобы дети здесь могли с умом время проводить.

— А где ты это все раздобыл? Аркан, турник, вон те вон колеса? У нас ведь вроде не было ничего такого!

— С заставы привез.

- И что же, они тебе это даром отдали?

Николай Трофимович понял, куда клонит директор и, не моргнув глазом, сказал:

— Почему же даром? Придется платить.

— Кому?

— Школе. Не я же буду из своего кармана расплачиваться?

— Думаешь, у нас фонды такие, что денег девать некуда? — Токмолда часто заморгал от волнения.

— Должны же быть деньги на приобретение спортинвентаря?

— Николай, страшный ты человек, для тебя директор школы, наверное, пешка какая-то. Такие вопросы прежде всего надо обсудить, согласовать. У нас в этом году ни копейки не осталось на приобретение имущества.

Николай Трофимович, видя, что директор разошелся не на шутку, улыбнулся:

— Да это я так, товарищ директор. Застава нам подарила весь этот инвентарь. Он уже давно списан и нигде не значится.

— Нашел время шутить. Вам бы только на нервах моих поиграть, не можете без этого, да? — директор больше не стал разговаривать с Николаем Трофимовичем, отвернулся от него рассерженно и зашагал к зданию школы.

В маленькой школе в «Красной заставе» физкультура стояла на последнем месте среди прочих предметов. И вели ее самые неподготовленные учителя, те, что с другими предметами справиться не могли.

Чаще всего урок физкультуры происходил примерно так: преподаватель выводил класс на прогулку перед школой, строил в шеренгу и заставлял учеников на армейский манер рассчитаться на «первый — второй», или «по порядку номеров». Затем подавалась команда: «На месте, шагом марш!». Шеренга детей скрывалась за клубами пыли, а сам учитель, весьма смутно представляющий смысл всего, что он сейчас проделывает, начинал грозно подсчитывать: «Левой! Левой!..»

Эта команда понималась учениками, как призыв топать

левой ногой сильнее, чем правой, что они и старались делать.

Затем учитель «отрабатывал» повороты налево и направо. Оставшуюся часть урока весь класс играл в какую-нибудь игру, в «кошки-мышки», например, или в «волки и овцы». И неважно, первый это был класс или седьмой.

Занятия по другим предметам худо ли, бедно, но все-таки контролировались директором и завучем, и только физруку в школе предоставлялась полная свобода — делай что хочешь, и никакого с тебя спросу. Так уж повелось в школе с самого ее основания.

И если даже самые ярые прогульщики из числа учеников при всей своей лихости опасались сбегать, например, с урока математики, то с физкультуры они уходили с легким сердцем — найти в случае чего мало-мальски стоящий предлог, и все будет в порядке, тебя простят, дескать, не велик грех пропустить урок физкультуры, ну, подумаешь, не поиграл ребенок лишний раз в «кошки-мышки»!

С приходом в школу Николая Трофимовича все стало иначе. С первого дня он задался целью сделать физкультуру полноправным предметом, как это и должно быть в хорошей школе.

Однажды Николай Трофимович вошел в седьмой класс и застал там всего пять учеников из четырнадцати.

— Где остальные?

— Ушли.

— Куда это они могли уйти?

— Наверное, домой.

— А кто им разрешил?

— Никто. Взяли и ушли.

— А на других уроках они были?

— Были...

Николай Трофимович задумался.

— Вот что, ребята,— сказал он через минуту,— я вам даю полчаса времени, обойдете всех по домам. А кто не явится, пусть потом на себя пеняет...

Не прошло и четверти часа, как в класс стали заходить прогульщики, это были, в основном, мальчишки. Они привычно опускали глаза перед учителем и, вежливо попросив разрешение, проходили к своим партам. Когда класс был в сборе, Николай Трофимович сказал:

— Ну, любезные мои, почему вы ушли с урока?

Никто из провинившихся не проронил ни слова.

— Вот ты, Сарсенов, скажи, почему ты ушел с урока?

— Дома дела были...

— Интересно. Значит, у тебя дома вдруг появилось какое-то неотложное дело. Но почему же ты, Сарсенов, решил пожертвовать ради него уроком физкультуры? Мог ведь уйти с географии или родной речи, например?

Сарсенов благоразумно промолчал.

Пока Николай Трофимович переговорил в этом же духе с каждым из девяти прогульщиков, прозвенел звонок.

— Все кто был на уроке с самого начала, можете отправляться домой,— сказал Николай Трофимович.— А с остальными мне придется немного поработать.

Николай Трофимович раздал оставшимся ученикам лопаты и повел их на физкультурную площадку.

11

Прозвенел звонок. В шестой класс, где должен был начаться урок физкультуры, вошел директор школы.

— Быстро всем собраться перед школой! — приказал директор ученикам, которые еще только возвращались с перемены.

— Агай, а сейчас не ваш урок,— ребята подумали, что директор пришел к ним по ошибке.

— У нас сейчас физкультура.

— Знаю, что физкультура. Оставьте здесь учебники и быстро во двор! — Директор собрал весь класс перед крыльцом и сказал:

— За школой лежат саманные кирпичи. Скоро начнется дождь, а потому кирпичи эти надо прибрать, чтобы не размокли. Понятно? А теперь, быстро за дело!

Погода действительно портилась, половина неба была уже затянута темными лохматыми облаками.

Николай Трофимович распахнул двери шестого класса и замер от неожиданности. Большое классное помещение пустовало, и только на партах лежали неприбранные книжки и тетради.

От учительского стола в сторону печи нагло пробежала серая мышь. «Ну и дела!» — вслух произнес Николай Трофимович и, пожав плечами, пошел на физкультурную площадку. Но и здесь он никого из своих учеников не обнаружил. «Странно, может, они и впрямь шутки со мной вздумали шутить? Спрятались, наверное, где-нибудь».

За школой послышались какие-то голоса, Николай Трофимович обогнул здание и увидел весь шестой

класс в полном составе. Ребята дружно собирали саманные кирпичи, выставленные когда-то сушиться на солнце, и складывали их под навесом. Николай Трофимович подошел к ним и, с минуту понаблюдав за своими учениками, спросил:

— Чем это вы занимаетесь? Разве сейчас не мой урок?

— Ваш,— ответил кто-то из мальчишек.

— А нам директор сказал, чтобы мы собрали кирпичи.

— А может быть, он вам сказал, чтобы вы после уроков этим делом занялись?

— Нет, он нас всех собрал и сам привел сюда.

И тут Николай Трофимович обратил внимание на школьного завхоза. Сайбек стоял под навесом и показывал ученикам, как надо укладывать кирпичи. Старик, хотя и знал, что Николай Трофимович неплохо понимает по-казахски, но почему-то всегда старался говорить с ним на русском языке, видимо, он считал, что это придает ему солидность.

— Сынок, не мешай, директор сказал,— коверкая слова, начал объяснять завхоз.— Начальник сказал — дождь будет. Черные облака идут. Вот эти кирпичи мокрые будут. Пропадут.

Николай Трофимович понял, к чему клонит старик, но не стал обращать внимания на его объяснения.

— А ну-ка, дети, прекратите это дело. Всем вернуться в класс! — скомандовал Николай Трофимович.

Ребята в этом возрасте послушней ягнят. Услышав команду своего учителя, они побросали кирпичи и, отряхнув ладошки, побежали к зданию школы. Завхоз пытался было их остановить, он даже вытянул поперек свою палку, но куда там!.. Через минуту двор опустел и на нем остались лежать брошенные как попало кирпичи.

Токмолда в это время сидел у себя в кабинете, заполняя какие-то бумаги. Когда в коридоре послышался дробный топот, словно там прогоняли табунок жеребят, директор поднялся с кресла и, придав своему лицу как можно более строгое выражение, раскрыл дверь.

— Это что еще за беспорядок? Тихо, в других классах занятия идут! Хотите сказать, что уже управились с моим заданием?

— А мы недособирали кирпичи!

— Нас Николай Трофимович обратно в класс отправил! — галдели детишки.

И тут в окне появились Николай Трофимович и Сайбек,

они тоже направлялись к школьному крыльцу. Токмолда вышел им навстречу.

— Николай, как же это так? Я даю ученикам задание собрать кирпичи под навес, а ты?

— Товарищ директор, в этом классе сейчас мой урок.

— Так вот, Николай, вместо этого урока ты поведешь учеников во двор, чтобы они там закончили работу, понял? Сейчас дождь начнется, саманные кирпичи пропадут, если их вода замочит!

Николаю Трофимовичу не понравилось, что директор разговаривает с ним таким тоном, дескать, занятия твои пустая забава, а вот укладка кирпичей под навес — полезное занятие.

— А вы не считаете, товарищ директор, что этим положено заниматься в свободное от занятий время?

— Дождь начинается, Николай, неужели ты не видишь?

— Вижу, но почему именно мой класс сняли с занятий? Или вы считаете, что физкультурой детям заниматься совсем не обязательно?

Директор заморгал и, нахмурив брови, сказал еще строже:

— Ты что это задумал со мной пререкаться, Николай? Про занятия мне свои толкуешь. А у тебя хоть план проведения занятий есть? А ну-ка, покажи. Если у тебя нет при себе плана занятий, я имею полное право не допустить тебя к урокам.

Токмолда с того времени, как стал директором, еще ни разу не проверял планы занятий по физкультуре. Здесь он пошел на хитрость. «Откуда у Николая Трофимовича может быть план занятий по физкультуре? — рассуждал он.— А это уже серьезный повод, чтобы сделать замечание новому учителю и тем самым поставить его на место».

Но, вопреки всем ожиданиям, Николай Трофимович достал из армейского планшета, с которым никогда не расставался, тетрадь и протянул ее директору:

— Вот, пожалуйста.

«Бог ты мой, а ведь он и впрямь ведет планы занятий!..» — удивился Токмолда.

В тетради действительно оказался расписанный на всю четверть план занятий по физической подготовке. Уроки, которые уже проводились с начала учебного года, были тщательным образом законспектированы. Токмолда решил

было вчитаться подробнее в записи, но, поскольку в русском языке он был слабоват, оставил это дело.

— А почему ты не ведешь его на казахском языке? Ты ведь знаешь по-казахски? — сказал Токмолда, так и не подыскав более удачного повода придраться.

Николай Трофимович пожал плечами:

— Говорить я еще как-то могу, а вот писать пока не научился.

— Учись, раз не умеешь. Если ты будешь вести свои бумаги на русском языке, а учитель немецкого языка вздумает свои писать по-немецки, а кто-то еще на каком-нибудь языке, то как же мне тогда вас контролировать, скажи на милость?

Николай Трофимович улыбнулся, дескать, откуда бедному директору выучить русский язык, ему своему, родному, наверное, следует хорошенько подучиться...

12

Николай Трофимович все же отправил ребят перетаскивать кирпичи, а сам зашел в кабинет директора. Он вынул из планшетки несколько листков бумаги и положил их на стол.

— Собираюсь открыть при школе спортивные секции. Посмотрите, я тут кое-какие наметки сделал.

Директор не понял, о чем идет речь, и косо посмотрел на бумаги.

— Что это у тебя?

Николай Трофимович принялся подробно разъяснять ему, что при школе обязательно должны быть спортивные секции, в которых ребята могли бы заниматься легкой атлетикой, волейболом или футболом — кому чем понравится. Для Токмолды все это было открытием.

— И что же тогда, Николай, ты хочешь, чтобы ученики побросали другие уроки и только спортом занимались?

— Ничего подобного. Можно установить такое правило: каждый ученик по своему желанию может заниматься только в одной секции, а тренировки в этой секции будут проводиться два раза в неделю.

— А кто будет вести всю работу, ты один?

— Да, один.

— В свободное от уроков время?

— Да, во внеурочное время. Тренировки буду вести по вечерам.

— А из каких средств я тебе буду платить за эти занятия?

— Дополнительной платы не прошу, это моя обязанность.

Директор задумался, он все никак не мог взять в толк, почему Николай Трофимович считает необходимым работать во внеурочное время, да еще бесплатно.

— Ладно,— наконец ответил Токмолда,— только давай сразу договоримся: занятия твои не должны идти во вред другим предметам. И еще, если кто-нибудь из твоих учеников руку себе сломает или еще как-нибудь покалечится, ты мне за это головой ответишь.

— Хорошо, договорились, если что, отвечать буду я,— сказал Николай Трофимович, аккуратно сложил свои бумаги обратно в сумку и вышел из кабинета. Токмолда глянул со спины на мощную фигуру учителя физкультуры и подивился про себя. До чего же неуемный мужик, этот Николай Трофимович. Заставь-ка попробуй другого кого-нибудь из учителей поработать сверх нормы, а этот сам себе хлопоты выискивает. Вот уж действительно — беспокойная душа!

13

В спортивные секции пожелали записаться всего два десятка мальчишек со всей школы. А из девочек вообще ни одна не пришла.

Но Николай Трофимович не унывал. И насильно никого не записывал, решив, что для начала и этого хватит.

На первом занятии он собрал ребят и провел с ними беседу о том, что такое настоящий спорт. Свой рассказ Николай Трофимович сумел построить так интересно, что ребята слушали его, как захватывающую, увлекательную сказку. Многое из того, что рассказал в тот день учитель, поразило воображение ребятишек.

— Спорт гармонично совершенствует тело и душу человека. В результате закалки, которую дает спорт, человек обретает способность противостоять самым суровым условиям,— сказал Николай Трофимович и показал ребятам фотографию, на которой были сняты несколько человек, купающихся зимой в проруби.

— Николай Трофимович, а почему они не мерзнут? — спросил кто-то.

— Не мерзнут потому, что эти люди постепенно и долго закаливали себя,— ответил Николай Трофимович.

— И мы тоже сможем так закалиться?

— Конечно, сможете!

Николай Трофимович стал рассказывать ребятам о том, как следует закаляться, что начинают закаливание в самую жаркую пору лета, а потом, не прерывая занятий, продолжают закаляться водой по мере того, как погода будет становиться все холоднее. Так к зиме можно вполне приучить себя обливаться на улице холодной водой.

— Ты смотри,— воскликнул кто-то из ребят.— Оказывается, ничего трудного!

— Спорт, ребята,— продолжал Николай Трофимович,— помогает раскрыть колоссальные возможности, сокрытые в каждом из нас. Вы, наверное, слышали о комсомольском велопробеге Владивосток — Москва? Слышали? Молодцы. Ну и все вы, конечно же, знаете своего земляка, знаменитого Хаджи Мукана.

— Знаем!

— А что вы о нем знаете?

— Хаджи Мукан — знаменитый борец.— Это было все, что знали мальчишки о своем прославленном земляке.

— Хаджи Мукан, ребята, один из самых знаменитых борцов в мире. Он был неоднократным чемпионом мира по французской борьбе. Как цирковой борец он объездил почти весь свет, участвовал в турнирах во Франции, Англии, Турции, Китае и даже Японии.

— А где сейчас живет Хаджи Мукан?

— Он жив и здоров, живет в Южном Казахстане, ему сейчас около восьмидесяти лет, но Хаджи Мукан все равно продолжает выступать с цирковыми номерами: кладет себе на грудь огромный камень, и два молотобойца разбивают этот камень на куски. Хаджи Мукан и сейчас может согнуть рельсу, протащить по кругу зубами огромную телегу с людьми. Однажды, ребята, мне самому довелось увидеть Хаджи Мукана.

— Николай Трофимович, расскажите! — стали просить ребята.

А кое-кто даже предположил:

— Может, вы с ним боролись?

— Нет, что вы, где мне бороться с Хаджи Муканом,— улыбнулся Николай Трофимович.

— Расскажите, как вы его видели?

— Ладно, расскажу, раз вам это так интересно. В прошлом году осенью, как раз в это время, был я в Алма-Ате в командировке. Там, в центре города, есть такой рынок, «Зеленый базар» называется. Иду я однажды по

нему и вижу — народ толпится, все больше казахи. Подошел поближе, смотрю — посреди толпы стоит огромный человек. Кто это, спрашиваю, а мне отвечают — Хаджи Мукан. Тут я и понял, что это и есть знаменитый борец. Я, ребята, специально подошел поближе, чтобы получше его рассмотреть. Он мне тогда показался очень расположившим. На Хаджи Мукане был тонкий просторный чапан, на голове черная тюбетейка, обут в мягкие хромовые сапоги. Но больше всего мне запомнилось, что на лице у Хаджи Мукана столько шрамов: нос, уши, губы — все было какое-то смятое, изуродованное. Это — следы борьбы, а сколько Хаджи Мукану схваток пришлось пережить и честных и нечестных. Но видели бы вы, как его люди почитают, вот уж действительно любимец народа!

— Хаджи Мукан от природы очень сильный человек,— продолжал Николай Трофимович,— но есть спортсмены, и их очень много, которые развили в себе силу путем систематических упражнений и тренировок. Вот, например, знаменитый атлет Сандов. В детстве он был очень болезненным, хилым ребенком, а впоследствии стал одним из самых прославленных цирковых силачей, он даже со львом боролся на арене, поднял громадного льва весом двести килограммов и бросил через голову. А человек, которого звали Руссоль, мог нести на плечах груз весом в одну тонну. Можете себе представить пятнадцать мешков пшеницы? Такой груз верблюду не под силу, не то что — человеку.

— Вот это да! — восторженно зашумели ребята, а один мальчик, видимо, сын очень набожных родителей, сказал:

— Аллах всемогущий! — чем вызвал всеобщее веселье.

— Возможности человека, как я уже говорил, безграничны,— повторил Николай Трофимович.— В Южной Африке живут племена бушменов; так вот у них охотники пешком догоняют антилоп и зайцев. А в Мексике есть племя индейцев, которые устраивают соревнования в беге по двадцатикилометровому кругу. В соревнованиях участвует все племя, среди которого немало бегунов, способных обежать этот круг десять-двенадцать раз. И сколько же, получается, километров они пробегают? Сколько будет, если двадцать помножить на двенадцать?

— Двести сорок! — без запинки ответила Хадиша, которая была сильнее всех по математике.

— Правильно. Выходит, они без отдыха пробегают двести сорок километров. Представьте себе это расстояние!

Ни одна скаковая лощадь не выдержит такой гонки. А человек выдерживает.

Николай Трофимович рассказал ребятам еще много интересных вещей и в конце своего рассказа сказал:

— Вы, ребята, еще очень молоды. И если уже сейчас, в вашем возрасте, серьезно заняться спортом, кто знает, может быть, кто-нибудь из вас станет знаменитым спортсменом. А чемпионы, как вы теперь знаете, в прошлом были самыми обыкновенными людьми. И еще мне хочется вам сказать, что спортом люди занимаются вовсе не для того, чтобы прославиться на весь мир или достичь сказочных результатов. Спорт — это основное средство укрепления здоровья и воли. А раз так, то, значит, каждый учащийся должен заниматься каким-нибудь видом спорта. Поэтому я и хочу организовать при нашей школе спортивные секции.

14

Тетушка Улжан услышала за окнами какой-то непонятный топот и вышла на крыльцо взглянуть, что бы это могло быть. Во дворе она увидела своего сына, который был занят каким-то странным делом: Мурат, поджав локти, бегал размеренным шагом по кругу. В начале тетушке Улжан показалось, что мальчик за кем-то гоняется, но, приглядевшись, она убедилась, что Мурат бегает сам по себе.

— Батюшки, что это с ним? — недоумевала на крыльце Улжан, а Мурат тем временем перешел на скорый шаг и, все так же делая круги по двору, стал на ходу высоко вскидывать руки и ритмично опускать их. Вдруг он остановился прямо посредине двора, встал, широко расставив ноги, и принялся выделывать какие-то странные движения, смысл которых для тетушки Улжан был совсем непонятен. «В школе, наверное, научили. Да и чему только их теперь не учат. Тоже мне наука — руками да ногами дергать!» — Улжан нацепила на ноги стоявшие у порога калоши и вышла.

— Муратик, что это ты делаешь, светик мой?

— Упражнения делаю физкультурные.

— А зачем это тебе надо?

— Это очень полезно для здоровья.

Мурат плавно поднял над головой обе руки, прогнулся назад и вдруг резко с наклоном взмахнул ими перед собой так, как если бы колол дрова топором.

— Ой, сыночек, да ты же надорвешься. Хватит, перестань! — запричитала испуганная Улжан.

— Не надорвусь, мама.

— Перестань, не надо так надрываться, ты же еще маленький, косточки еще не окрепли. Хватит, я тебе сказала. Стыдно, вон люди на тебя смотрят!

Мурат собирался проделать еще несколько упражнений, но мать так и не дала ему закончить зарядку. «Хватит с тебя на сегодня, быстро умывайся и пошли чай пить»,— сказала она и за руку увела Мурата в дом.

Пока мать хлопотала с самоваром, Мурат взял мыло, зубную щетку, полотенце и снова вышел во двор.

— Давай быстрее умывайся, ты и так уже все утро возишься! — поторопила его вслед Улжан.

Она не спеша накрыла на стол и, когда вышла на крыльцо за самоваром, снова, уже дважды за это утро, едва не лишилась сознания. Мурат стоял посередине двора по пояс голый и, весело фыркая, плескал на себя ледяную воду.

— Эй, ты что?.. Ты что, с ума сошел?! Кто же это сейчас холодной водой на улице плещется! Да ты, видать, уже не знаешь, как самого себя угробить быстрее. С ранья арычной водой себя окатывать!

Мурат, на ходу обтираясь полотенцем, побежал домой.

Теперь работы у Николая Трофимовича стало невпроворот. Четыре часа ежедневных уроков, потом тренировки в спортивных секциях, а вечерами кипы ученических тетрадей, ведь помимо физкультуры Николай Трофимович ведет еще и занятия по русскому языку. Короче говоря, рабочая неделя у него занята до отказа, что называется — чихнуть некогда.

Но бывшему старшине такая жизнь вовсе не в тягость. При всей внешней неторопливости, он успевает управляться со своими заботами без лишнего шума и суеты.

Вскоре почти для всех мальчишек аула физкультура стала самым любимым предметом. Они буквально по пятам ходили за Николаем Трофимовичем. И теперь уже не двадцать человек, как на первых тренировках, а почти все мальчики пятого, шестого и седьмого классов записались в секции.

Нашлись и такие, которые начали выражать недовольство правилом, которое Николай Трофимович ввел с самого начала — «один ученик может посещать только одну

спортивную секцию». Они были готовы ходить буквально на все тренировки и непременно научиться всему, что там делают. Одним из таких страстных поклонников спорта был и Мурат. Сначала он записался в секцию легкой атлетики. Потом стал появляться на тренировках по другим видам спорта и даже норовил потихоньку пристроиться на них к другим ребятам. На что Николай Трофимович вполне резонно говорил:

— Спорт — это, Мурат, тебе не картошку окучивать — сначала там поковырялся, потом здесь, а там, глядишь,— и грядка кончилась. Ты сначала чем-нибудь одним займись. Прояви себя, а дальше я тебе сам посоветую, что тебе больше подходит. Договорились?

Мурату больше ничего не оставалось, как молча кивнуть головой.

Но насколько дружно мальчишки потянулись в спортивные секции, настолько пассивными оказались девочки. Скорее всего, дело здесь было в воспитании. Девочки просто стеснялись заниматься спортом, считая, что это дело не женское и даже постыдное. Для многих из них появиться на тренировке в брюках казалось просто немыслимым.

Николай Трофимович знал обо всем этом. «Да, тут уже ни криком, ни уговорами делу не поможешь, надо как-то объяснить им, примером воздействовать, что ли?» — решил он про себя.— Ведь все-таки три девочки занимаются легкой атлетикой, а еще четыре ходят на тренировки по волейболу».

Николая Трофимовича, конечно же, радовало, что дело, в которое он уже вложил столько труда, наконец-то сдвинулось с мертвой точки, что какие-то результаты уже сегодня налицо. А это придало уверенности, заставляло верить в себя. Теперь он с раннего утра до вечера постоянно находился на физкультурной площадке, которую построил, можно сказать, своими руками. В поселке Николая Трофимовича никто уже иначе не представлял, как окруженного шумной толпой загорелых детишек.

Вначале, когда шли еще только первые тренировки в секции легкой атлетики, Мурат Батырбаев показался Николаю Трофимовичу ничем не выделяющимся среди других ребят. Внешних данных для спорта у него не было никаких. Но со временем Николай Трофимович, у которого уже был опыт работы с детьми, стал все чаще обращать на Мурата внимание. Была в худом и гибком теле Мурата какая-то особенная стремительность. Да к тому же маль-

чик оказался на редкость старательным и азартным. Все, что ему ни показывали, он схватывал быстрее других и старался получше закрепить в памяти. Ну, а если что-то ему было непонятно, он изводил Николая Трофимовича вопросами, а до сути все-таки доходил.

Николай Трофимович, глядя на Мурата, все больше убеждался, что из такого парня со временем может вырасти настоящий спортсмен.

15

Долгая служба в армии закалила Николая Трофимовича, хотя он и раньше был склонен к порядку. Учитель физкультуры поднимался утром по армейскому распорядку — в половине седьмого. Проснувшись, он бодро вскакивал с постели и быстро одевался. Потом, захватив полотенце, мыло и зубной порошок, выбегал из дома старого мельника Имамзы, у которого квартировал, и направлялся к речке.

Уйгур Имамза был высоким, крупным стариком. В поселке все знали его как великого труженика. Вставал он еще раньше, чем Николай Трофимович, и к тому времени, когда квартирант выходил из дому, был уже у себя на мельнице или обходил с кетменем в руках большой сад рядом с домом.

На берегу горной речки всегда удивительно хорошо, воздух здесь какой-то особенно свежий и бодрящий. Николай Трофимович приходил каждое утро на небольшую полянку у берега реки, скрытую от поселка ивами, и здесь преображался. Это уже не тот строгий школьный учитель, демобилизованный старшина заставы,— здесь, наедине с самим собой, он мог ребячливо попрыгать, размяться и даже кувыркнуться на сухой траве. Мог, прицелившись во что-нибудь, метнуть камень, или просто поваляться у самой воды, прислушиваясь к ее веселому рокоту. Здесь Николай Трофимович проделывал свои привычные уже за много лет гимнастические упражнения.

Умывшись студеной речной водой, он еще долго бродит по берегу, прислушиваясь к рокоту реки, наблюдая, как пробуждается в эти минуты природа. Потом он не спеша возвращается домой, чувствуя во всем теле прилив сил и бодрости.

А когда случалось, что Николай Трофимович, задержавшись на своих утренних прогулках, опаздывал к ут-

реннему чаю, жена хозяина, набросив на плечи платок, выходила за ворота и звала его своим тонким голосом:

— Эй, Николай, сынок, пойдем! Чай уже готов! Пошли скорей!

Шум воды заглушает слова старухи, и до Николая Трофимовича долетают только обрывки слов.

Однажды Николай Трофимович возвращался домой после такой же вот утренней прогулки. Вдруг он увидел, как вниз по косогору бежит к речке какой-то мальчишка. Мальчик подбежал к воде и начал поспешно раздеваться. А потом с разбегу кинулся в речку. И тут же, поеживаясь, выскочил обратно. «Кто это?» — подумал Николай Трофимович, глядя, как мальчишка поспешно одевается, и подошел ближе.

— Постой! Иди-ка сюда!

Увидев Николая Трофимовича, мальчик смутился. И тут учитель физкультуры узнал его. Это был ученик пятого класса Мурат Батырбаев. У мальчика от холода посинели щеки, с мокрых волос на шею стекали струйки воды.

— Ты что здесь делаешь?

— Просто купаюсь...— и почему-то потупился, будто его застали за чем-то нехорошим.

— Кто же сейчас купается, ты продрог весь, так и простудиться недолго.

— Ничего, сейчас пробегусь и сразу тепло станет...

16

Наступило предзимье, хмурая и холодная пора осени. В один из ненастных дней директор школы Токмолда вышел из дому. С запада дул колючий пронизывающий ветер. По улице проходило на пастбище стадо коров. Шерсть на них была покрыта инеем, и сами коровы двигались медленно и как-то скучно. За стадом ехал на коне Батырбек, одетый по-зимнему в лисий малахай и чекмень поверх полушубка. Когда чья-нибудь упрямая буренка отставала от стада или норовила свернуть в сторону, старик грозно на нее покрикивал. Ну, а если и это не помогало — слегка охаживал ее кнутом.

Сегодня Токмолда вышел из дому раньше обычного и, как он думал, в школу, видимо, попадет первым из преподавателей. Он тоже решил сегодня одеться потеплее — на голове у директора старая ушанка, на плечах плотная стеганая телогрейка. Армейские галифе были явно

не по росту Токмолде — широкие штанины свешивались и наполовину прикрывали голенища сапог.

«Вот уже и зима подпирает»,— подумал Токмолда увидев, что несколько снежинок упали на рукав телогрейки.

Возле школы на глаза ему попался завхоз Сайбек С завхозом они никогда не здоровались. Посмотреть со стороны, можно подумать, что они в одном доме сегодня ночевали. Поравнявшись, директор с ходу заговорил:

— Саке, гляди, зима наступила. Погода, видишь, портится.

Завхоз задрал голову и стал внимательно всматриваться в небо, будто зима — это живое существо, которое спускается к ним сейчас откуда-то сверху по высокой лестнице.

— Так уж и время подошло

К школе подходила заведующая учебной частью Роза Асанова, крепкая круглолицая девушка, закончившая не давно педучилище и поступившая на заочное отделение института.

— Здравствуйте, Тока,— поздоровалась она с директором. Голос у завуча был на удивление нежный, что не соответствовало ее внешности. Завхоза заведующая учебной частью будто бы и не заметила.

— Товарищ директор, а когда в классах будут топить? Уже ведь холодно. Половина учителей простужены, уроки вести не могут.

— А разве не рано еще топить? Переведем сейчас все дрова, а зимой что делать?

— Холодно в классах. Нельзя же на уроках мерзнуть.

— А вы не раздевайтесь, если холодно. И детям не велите раздеваться. Скоро начнем отопительный сезон. А пока пускай потерпят,— сказал Токмолда.

Он прошел в свой кабинет и обнаружил, что там действительно очень холодно. «На самом деле, можно было бы и затопить»,— решил он после того, как выдохнул белое облачко. В прошлом году тоже начали топить только в конце ноября. И сэкономили на этом уголь, так что на эту зиму его осталось достаточно. Но Токмолда был из тех людей, которые с неохотой отказывались от пускай даже неверных решений; подумав минуту, он рассудил: что ж в этом году померзнем немного, зато на следующий год ни о чем думать не придется.

Вошел Николай Трофимович. На нем была длинная,

узкая в талии кавалерийская шинель. На плечах темнели полосы невылинявшего сукна — следы погон.

— Товарищ директор, я к вам вот по какому делу — нужен зал для занятий физкультурой. На улице уже холодно заниматься.

«У тебя что ни день, то новая забота»,— с досадой подумал про себя Токмолда и сказал:

— Зал тебе нужен? Что ж, ищи, а если найдешь, можешь пользоваться, сколько захочешь.

— За школой есть дровяной сарай, он бы мне подошел, да только вот освободить его надо.

— А дрова ты куда предлагаешь деть? На улицу выбросить?

— Нет, зачем же на улицу. Их можно сложить аккуратно перед школой. Там их и распиливать и рубить удобнее.

— Ну да, хочешь, чтоб растащили по щепочке! — возразил Токмолда.

— Что-то я, товарищ директор, еще не слышал, чтобы в поселке дрова школьные воровали. У всех ведь они во дворах под открытым небом хранятся. Зря вы так говорите. Я считаю, что напрасно хорошее помещение пропадает.

Старый дом, про который говорил Николай Трофимович, стоял прямо за зданием школы. Когда-то до войны колхоз начал строить его под клуб. А когда началась война, дом этот так и остался стоять недостроенным. Оштукатурено здание было начерно, успели только установить дверные косяки и оконные рамы. Таким его и прибрал к рукам Токмолда, решив использовать как дровяной склад.

Слова Николая Трофимовича пришлись директору как раскаленный уголек на язык. Он встрепенулся и с обычной своей суетливостью заговорил:

— Слушай, дорогой мой, ты еще что-нибудь на свете умеешь, кроме как поучать меня, а? Ты уже в который раз лезешь со своими советами? Все что мне положено знать, я и без тебя знаю. И советоваться ни с кем не собираюсь. Останемся среди зимы без дров, что тогда? Детей по домам распустить? Ты ведь первым станешь на меня всякие акты составлять! Вам всем легко рассуждать, а я за школу головой отвечаю.

— Для себя я у вас ничего не прошу, нам всем это одинаково нужно. И за это вы тоже отвечаете в первую очередь.

— Николай, скажи, тебе на улице места не хватает? Выводи учеников и можешь там сколько твоей душе угодно свои скачки устраивать. Одиннадцать учителей, а мне больше всех их вместе взятых с тобой одним возиться приходится.

Николай Трофимович едва заметно улыбнулся:

— Да вы поймите, не все занятия можно на улице проводить.

— Да я хоть тысячу раз тебя пойму, только зал от этого из-под земли не вырастет!

Токмолда достал из ящика стола пачку папирос, вынул из нее одну и стал разминать пальцами, потом по привычке дунул в мундштук, но, видать, от того, что рассержен он был сегодня изрядно, табак вылетел и рассыпался по бумагам на столе.

Прозвенел звонок, возвещавший о начале урока.

Токмолда молча собрал свои тетради и, не обращая внимания на Николая Трофимовича, вышел из кабинета.

17

После уроков Николай Трофимович снова пришел к директору школы. Едва он успел переступить порог, как Токмолда сразу же заговорил:

— В этом помещении нет печи. Отапливать его невозможно. Там еще холоднее, чем на улице. Не пойму, какая тебе разница, что на площадке занятия проводить, что в этом морозильнике?

Речь шла все о том же дровяном складе.

— Печь я сам налажу. Вы только освободите мне склад...— улыбнулся Николай Трофимович.— Вы же сами видите, что дети всерьез увлеклись спортом, вон как все активно ходят на секции. Уже кое-что освоить успели. Дело все-таки надо до конца доводить, не бросать же на полдороге? Что о нас подумают? Да и перед районным начальством стыдно.

Это Николай Трофимович добавил с умыслом, хорошо зная, что при упоминании о начальстве, Токмолда не может оставаться безучастным.

— Та-ак...— проговорил директор школы и толстым красным карандашом, который держал в руке, почесал за ухом.— Что ж, Николай, надо этот вопрос обдумать.

«Обдумать» — означало в данном случае посоветовать-

ся с завхозом Сайбеком. Хозяйственные вопросы Токмолда не привык решать без него.

Из всего школьного коллектива директор особенно ценил и доверял лишь одному человеку, которого считал своей правой рукой. Это был, конечно же, старый завхоз Сайбек. С ним он обсуждал любое, пускай даже самое мелкое, мероприятие.

Происходило это примерно так. Директор вызывал завхоза к себе в кабинет и говорил:

— Послушай, Саке. Тут Загипа просит отпустить ее назавтра. На мельницу ей надо съездить, да еще и подводу просит. Как решим?

Загипа — это школьная уборщица.

— Как знаешь,— отвечает Сайбек, усаживаясь на своем привычном месте — крайний возле двери стул у порога. Он никогда не садился рядом с начальством, директора он привык слушать, находясь поодаль от него.

— Ее территорию мы поручим Кульсие и Айше.

— Правильно,— соглашается завхоз.

— А вот как с подводой будем?

— А вот это я уже не знаю.— Завхоз замолчал на минуту, будто вдруг столкнулся с какой-то сложной неразрешимой задачей. В школьном хозяйстве была одна желтая лошадка, которой пользовались он и директор. Никому из учителей не удавалось еще выпросить ее хотя бы на полдня. Обоим казалось, что у скотины спина переломится, если кто-нибудь чужой на нее лишний пуд взвалит.

Ни завхозу, ни директору в этот момент, конечно же, и в голову не приходило, что можно отдать на целый день школьную лощадь в распоряжение Загипы.

Выход из положения чаще всего находил Сайбек:

— Ты записку напиши Байтасу, он выручит.

Байтас работал бригадиром в колхозе, на все просьбы Токмолды он всегда отзывался положительно.

Так примерно обсуждались насущные дела. На этот раз Сайбек, за которым был послан один из учеников, почему-то задерживался. Странно, на него это не было похоже. Директор то и дело с нетерпением поглядывал в окно. Шло драгоценное время обеденного перерыва, а Сайбек все не являлся.

Ну вот он, наконец-то. Летит через двор, на ходу поправляя шапку и застегивая телогрейку.

Сайбек робко вошел в кабинет и встал как вкопанный.

С начальством он никогда не заговаривал первым и не имел привычки выспрашивать, зачем его вызвали.

— Саке, дело есть одно, очень сложное,— стараясь придать значительность своему голосу, сказал директор.— Доведет меня этот физрук до хорошей жизни, вот увидишь. Знаешь, что он теперь придумал? Просит, чтобы я ему освободил помещение, где у нас дрова хранятся, хочет там зал физкультурный организовать.

— А куда мы дрова денем?

— Он их предлагает перед школой в штабеля сложить, чтобы их оттуда разворовали в одну ночь.

— Да нет, вряд ли их кто-нибудь тронет.

— Так что, освободим ему помещение?

— Ну, раз он считает, что надо, можно и освободить.

Токмолда вышел из кабинета, уводя за собой завхоза.

— Вот здесь вот их и можно аккуратненько сложить. Чем ближе к школе, тем лучше, можно иногда из окошка посматривать.

— А можно и здесь, немного в стороне. Ничего с ними не случится. Даже лучше будет, чтобы под окнами не шуметь, дрова ведь рубить надо и пилить.

— Саке, а никто их не унесет? — снова усомнился директор. Но Сайбек с уверенностью сказал:

— Не унесет...

18

Однажды в «Красную заставу» приехала киноперед-вижка. Кино в поселке последний раз показывали только до войны, и сейчас председатель сельсовета и Токмолда решали, где же лучше всего устроить сеанс. И тут Николай Трофимович предложил:

— Давайте у нас, в физкультурном зале.

— Верно, как это я забыл,— поддержал его директор школы.— А там как, тепло хоть? — Токмолда еще две недели назад дал распоряжение освободить здание под спортивный зал, но до сих пор еще ни разу не заглядывал туда.

— Пойдемте, можно посмотреть,— сказал Николай Трофимович.

Все, кто был в этот момент рядом, пошли за ним. Николай Трофимович отомкнул ключом замок и, распахнув двери настежь, пригласил:

— Заходите.

Первым переступил порог Токмолда. Такого он, конечно же, не ожидал увидеть. Директор поначалу даже не поверил своим глазам. Когда-то помещение склада было завалено дровами, а все проемы и простенки так плотно окутаны паутиной, что, войдя сюда, человек невольно испытывал чувство страха.

Теперь от былого беспорядка не осталось и следа. Стены сверкали свежей побелкой, земляной пол тщательнейшим образом подметен и, видимо, не так давно спрыснут водой. В углу, издавая веселое потрескивание и гудение, горела круглая печка, ловко сработанная из старой железной бочки. Посередине зала был вкопан турник, точно такой же, какой стоял на спортивной площадке, вдоль стен размещались еще какие-то снаряды, о предназначении которых Токмолда, конечно же, не мог знать. По стенам зала были развешаны спортивные плакаты.

Трещины в оконных стеклах аккуратно заклеены бумагой, да и вообще в зале оказалось тепло и даже уютно. В углу стоял письменный стол с бумагами. Свое рабочее место Николай Трофимович решил перенести сюда.

Токмолда не смог скрыть восхищения и сказал:

— А ты, братец, оказывается, молодец.

— Это, товарищ директор, пока все, что можно было сделать.

— А кто штукатурку делал и белил?

— Сами ребята.

— И убираете здесь сами?

— На каждой тренировке у нас установлено дежурство. Дежурные занимаются уборкой.

— А печь железную где взяли?

— Достали.

«Да ты, видать, все можешь достать»,— подумал Токмолда, глядя на Николая Трофимовича.

Кино жители поселка в тот день смотрели в этом зале. Предварительно сюда из школы принесли и поставили скамейки. А фильм был интересный, снятый по рассказу Джека Лондона «Мексиканец», про молодого парня, который вышел на ринг, чтобы добыть своим друзьям-революционерам деньги для покупки оружия. Вот это парень! Уж если быть спортсменом, то непременно таким, как мексиканец!

Едва фильм закончился, как все ребята бросились к Николаю Трофимовичу. Они стали расспрашивать его о боксе. «Что это за спорт?», «А нам можно им заниматься?», «Никола Трофимович, а ведь могут нос сломать,

правда?» — взволнованные мальчишки буквально забросали учителя физкультуры вопросами.

В поселке о боксе знали только понаслышке. Взрослым приходилось смотреть боксерские поединки в киножурналах перед фильмами, читать о соревнованиях по этому виду спорта в газетах. А для большинства детей бокс сегодня стал открытием.

На Николая Трофимовича фильм произвел не меньшее впечатление, чем на его учеников. Ведь бокс был для него основным и самым любимым видом спорта, которым он увлеченно занимался, будучи студентом Харьковского физкультурного техникума. Тогда он имел первый спортивный разряд. А потом началась война, и его призвали в армию. Оказавшись на заставе, Николай Трофимович снова возобновил занятия боксом. Солдаты, которых он там тренировал, участвовали даже в окружных соревнованиях.

Мальчишки все не отставали от Николая Трофимовича со своими вопросами, а потом вдруг стали требовать:

— Давайте откроем у нас секцию бокса!

Николай Трофимович на минуту задумался, а потом, взмахнув рукой, сказал:

— Ну что ж, давайте попробуем...

19

Так в школе появилась еще одна спортивная секция. Всех, кто хотел в нее записаться, Николай Трофимович заставил пройти медицинский осмотр. Принимались только совершенно здоровые, крепкие подростки.

Среди желающих заниматься боксом был и Мурат. Но его не приняли!

— Нет, Мурат, ты у нас будешь хорошим легкоатлетом, для этого у тебя все данные,— сказал ему Николай Трофимович, когда Мурат вместе со всеми пришел записываться.

Услышав это, Мурат едва не разревелся.

Ведь только что на его глазах в секцию записали Садыка и Шакира. Выходит, что он хуже их, да?

Садык тут же принялся издеваться над Муратом:

— Кишка тонка у тебя боксом заниматься, понял, коротышка!

Ох, до чего же обидно было тогда Мурату! Донял его все-таки этот Садык!

20

Перед самым началом уроков в класс влетел Садык, он почему-то раздувал ноздри и тяжело дышал.

Швырнув на первую парту свою туго набитую сумку, подошел к ребятам.

— Эй вы, вчера нас Николай Трофимович боксоваться учил! Смотрите!

Садык поднял перед собой руки и стал грозно оглядывать мальчишек, а потом ткнул кулаком Сарсена, который стоял к нему ближе всех. И тут же, развернувшись, огрел по шее толстую девочку по имени Ашен. Бедняжка едва удержалась на ногах. Садык тем временем продолжал демонстрировать свои успехи, он стал гоняться за всеми подряд, раздавая тумаки направо и налево.

— Теперь будете знать, кто в классе мазу держит! Пусть только кто-нибудь пикнет теперь — пришибу!

И вот тут-то в класс вошел Мурат, беспечно помахивая своей сумкой. Садык подошел к нему и ударил с размаху в грудь. Мурат опрокинулся посередине класса. Шапка слетела у него с головы, сумка упала поодаль. Встать он сразу не смог. От неожиданного удара перехватило дыхание. Но он все-таки поднялся и кинулся на обидчика.

Когда в класс вошла учительница, драка была в самом разгаре.

— Вы что здесь сегодня не поделили? — громко сказала учительница, и только после этого все разошлись по своим местам.

21

Морозным декабрьским днем Мурат и Шакир возвращались домой после школы. Жили они на одной улице, можно сказать, по соседству. И потому, что знали друг друга ровно столько, сколько помнили себя на белом свете, мальчишки крепко дружили. Мурат любил Шакира больше всех своих друзей, потому что Шакир был очень честный, открытый и никогда никого не задевал первым.

Грудь у Мурата все еще побаливала в том месте, куда пришелся удар Садыка, побаливала и наводила на мысли о возмездии.

— Шакир,— обратился Мурат к другу,— ты мне будешь показывать дома, чему вас на тренировках Николай Трофимович учит, ладно?

— Ладно, а только как без перчаток?

— Перчатки можно достать, я их сам сделаю.

У Батырбека были когда-то старые перчатки, сшитые из толстой овчины. Про них-то и вспомнил сейчас Мурат. Еще утром на уроке ему пришла в голову мысль заниматься боксом в этих перчатках.

Дома перчатки, а вернее, рукавицы, без труда нашлись в сенях в большом деревянном ящике, где валялись отслужившие свой срок старые вещи. Мурат примерил их. Руки утонули в мягкой и жаркой овечьей шерсти. «Да, вот бы еще парочку таких достать!» — подумал мальчишка.

Мурат вышел во двор и увидел возле сарая черную корову с обломанным рогом. Это была, наверное, самая беспокойная корова во всем поселке. Вот и сейчас она умудрилась встать на задние ноги, опираясь о стену сарая, и хватала прямо с крыши сено, которое Батырбек уложил там высоким стожком.

Увидев такое безобразие, Мурат выставил впереди себя руки в меховых рукавицах и бесстрашно кинулся на корову. Он подбежал к ней и, подражая тому парню из кино, стал осыпать корову вполне боксерскими, как ему казалось, ударами. Корова позорно бежала со двора.

«Вот так и научусь боксоваться, а что тут трудного! — с удовлетворением размышлял он про себя.— Вот так вот и научусь. А, Садык...•Ты еще получишь у меня свое!»

И как это он здорово догадался — тренироваться сам по себе, без всяких секций!

Он вспомнил поговорку, которую часто на тренировках повторял Николай Трофимович: «Терпенье и труд все перетрут». Вот будет сам заниматься и станет боксером не хуже других.

«Других» — означало мальчишек, которых в секцию записали.

В углу двора, в маленьком открытом загончике, стоял черный баран. Все это время он неотрывно следил за Муратом маленькими злыми глазами. «Ну что, боксер, может, ты со мной попробуешь встретиться»,— как бы говорил он, и хотя, может быть, это только показалось мальчику, но Мурат храбро подбежал к загону и перепрыгнул через изгородь. Вообще-то баран этот считался бодучим, хотя Мурата он признавал и никогда на него не кидался, зато другие мальчишки боялись его, как огня. Мурат встал в стойку и, подпрыгивая на носках, начал приближаться к барану, который стоял не шелохнувшись.

Два удара пришлись барану в лоб. Мурат, хотя руки у него были защищены толстыми рукавицами, крепко отбил себе руки.

— Муратик, сынок, что это ты там делаешь? — услышал Мурат за спиной голос Улжан. Он обернулся, и в эту минуту рассерженный баран с разбегу ткнул его под зад.

Мурат отлетел к самой изгороди.

Это был первый нокаут, который он получил в своей жизни.

22

Посещать секцию Мурат так и не смог, но боксом с того дня он увлекся серьезно. Уроки бокса давал ему Шакир. После каждой тренировки он приходил к Мурату, и они вместе отрабатывали все, чему обучал на очередном занятии Николай Трофимович.

Тренировались мальчишки прямо во дворе. Они сделали из овчины еще пару перчаток и решили, что для начала им и этого вполне достаточно. Но у этих перчаток был один серьезный недостаток — удар в них получался все-таки жесткий, поэтому мальчики то и дело в кровь разбивали себе носы. А то и награждали друг друга синяками. Они пробовали обматывать руки тряпками поверх рукавиц, но тряпки в пылу поединка постоянно разматывались.

23

Весь этот день директора школы промучила, как это ни смешно, обычная портянка на левой ноге. Как-то он ее неловко намотал утром, когда уходил из дому, а потом все не было времени привести ее в порядок. И вот сейчас, когда он наконец остался один у себя в кабинете, появилась такая возможность перемотать эту проклятую портянку. Токмолда выпростал ногу из валенка, но не успел, свесившись со стула, расстелить на полу злополучный кусок байковой ткани и поставить на него босую ногу, как за дверью послышался какой-то шум. Токмолде ничего не оставалось делать, как поспешно обуться и придать своему лицу соответствующее выражение.

В кабинет шумно вошел Батырбек, волоча за собой своего сынишку.

— Вот, товарищ директор, полюбуйтесь на него!

Токмолда посмотрел на Мурата и увидел, что нос у

мальчишки разбит и из него капельками стекает кровь, которую он тщетно пытается втянуть обратно.

— С дружком своим, Шакиром, забаву выдумали — обмотали кулаки тряпками и мутузят друг друга куда придется. Вы что, говорю, делаете? А они мне — игра, мол, такая, еще и название какое-то выдумали — бокс. В школе, говорят, их этому учат. Вот вы мне теперь и объясните, что это за такая новая наука? А то я раньше про нее не слыхал,— возмущенно сказал Батырбек, обращаясь к директору.

Токмолда знал, что при школе теперь работает еще одна спортивная секция, но, как и обычно, когда дело касалось физкультуры, он не придал этому значения.

И вот теперь он понял, что в секции бокса учат самому что ни на есть кулачному бою. Только этого ему не хватало, мордобою мальчишек обучать!

— А ну-ка скажи,— обратился директор к Мурату,— что это вы за игру придумали?

— Это же бокс, агай.

— А кто вас этому обучает, учитель физкультуры?

— Нет, меня Шакир учит. А он ходит в секцию.

Токмолда беззвучно пошевелил губами, видимо, досадуя на что-то внутренне, а потом сказал:

— Хорошо, отец, я сам поговорю с нашим учителем физкультуры. Мы эту игру запретим. А вы запретите своему сыну в нее играть. Пусть лучше уроки делает, что-то я замечаю, он у вас в последнее время без дела часто болтаться стал.

— Правильно говорите, ему бы только на улицу вырваться. Раньше, бывало, дома сидит, а теперь у него столько дел появилось, пришел из школы, не успел перекусить и только его и видели. Ну теперь-то он у меня получит, вот только я увижу, как он опять свои фокусы вытворять начнет.

На этом разговор в кабинете директора закончился, и Батырбек с Муратом ушли.

24

Не успела захлопнуться дверь за ними, как директор, отодвинувшись от стола, снова занялся своей портянкой. Покончив с этим делом, он очень строго сказал сам себе по-русски: «Безобразие»,— и решительно поднялся со стула. Дернув зачем-то за ручку выдвижного ящика, Ток-

молда заглянул в него, а потом с силой втолкнул обратно.

Шаркая по земле уже порядком стоптанными валенками, директор вышел из школы и направился к физкультурному залу.

Там в это время находились Николай Трофимович и старший пионервожатый Жолдыбек, которого Николай Трофимович взял себе в помощники по спортивной работе.

Сейчас они обсуждали вдвоем план лыжного похода, который намечался на зимние каникулы.

И тут в зал, резко рванув дверь, вошел директор. Его лицо не предвещало ничего хорошего.

Токмолда подошел к столу и, показав Николаю Трофимовичу на несколько пар боксерских перчаток, висевших на стене, сказал:

— Где ты это барахло выкопал, Николай?

— Какое барахло? — удивленно спросил Николай Трофимович.

— А как его еще назвать, если все мальчишки в поселке носы друг другу разбивают да глаза норовят повыбивать? С этого дня я запрещаю заниматься этим безобразием! — кричал директор, рассекая воздух перед собой ребром ладони.

— Да вы не сердитесь, товарищ директор. Вы лучше объясните, в чем дело?

— Ко мне сейчас целая толпа родителей приходила на тебя жаловаться. Оказывается, ты детей драться учишь. Они и после уроков приходят домой и начинают драться, носы разбивать. И как это назвать, если не безобразием? А родители жалуются, не хотят своих детей в школу пускать, да их и понять можно!

— Скажите мне, кто приходил?

— Об этом ты узнаешь в другом месте, когда тебя к ответственности призовут. А сейчас я тебе только одно могу сказать — прекращай хулиганство разводить! Не перестанешь, придется мне с тобой совсем по-другому поговорить.

Николай Трофимович терпеть не мог, когда ему пытались угрожать. Не чувствуя за собой никакой вины, он уже не стал сдерживать возмущения.

— Товарищ директор, сколько можно меня злить? Вы ведь не знаете ничего и знать не хотите! Так зачем же не в свои сани садиться? И еще, я не потерплю, чтобы со мной разговаривали в таком тоне. Ну что вы меня

пугаете, если на то пошло, мы действительно можем поговорить в другом месте.

Поговорка насчет чужих саней, приведенная Николаем Трофимовичем, подействовала на Токмолду как капля воды, упавшая в раскаленное масло.

— Что? Что ты сказал? Это я не в свои сани сажусь? Я тебе покажу чужие сани! Можешь быть свободен с этого дня!

— Полегче! Глядите, как бы вам самому не пришлось уйти!

— Освободи школу! — кричал Токмолда, брызжа слюной.— И можешь писать свои жалобы, куда захочешь!

Николай Трофимович вышел из-за стола и встал напротив Токмолды.

— Школа — это не ваша собственность, это государственное учреждение. И не вы меня сюда направили преподавателем. А раз так, то не вам меня и выгонять отсюда.

— Не беспокойся, я на тебя управу найду. И останется здесь кто-нибудь один из нас — или я, или ты! Вот увидишь!

Токмолда повернулся и, распустив полы своего черного полушубка, пошел к выходу. У двери он задержался, потрогал зачем-то печь и, почувствовав, как обжигает раскаленное железо, зло подумал: «Совсем распоясался и дрова жжет, будто это его собственность!»

Директор стремительно вышел из спортивного зала, с силой захлопнув за собой дверь, так что стекла зазвенели в рамах.

С тех пор, как Токмолду утвердили в должности директора, никто из учителей не пробовал с ним так разговаривать. Напротив, все называли его почтительно Тока и вели себя вежливо, если не сказать подобострастно. Слово директора в школе было непререкаемым законом. Токмолда настолько привык к этому, что поступок Николая Трофимовича показался ему в высшей степени дерзким, даже наглым. Домой разгневанный директор возвращался в предвкушении расправы, которую он собирался учинить учителю физкультуры.

У Токмолды имелись свои основания угрожать Николаю Трофимовичу. Заведующий гороно Коккозов был его давний приятель. Стоит пожаловаться начальству, и оно, конечно же, не оставит просьбу Токмолды невыполненной, а подыскать причины, чтобы выставить этого зарвавшегося старшину из школы — дело не сложное.

Раздраженный Токмолда едва успел войти в ворота своего двора, как тут же накинулся на жену.

— Эй, жена, куда ты там запропастилась, ну-ка вынеси мне седло, да побыстрее!

У Токмолды была собственная верховая лошадь, высокая, гнедой масти, на которой он почти не ездил. Сытая и холеная, она стояла сейчас в стойле.

Жена вынесла седло. Директор торопливо оседлал коня и, вскочив на него, быстрой рысью поехал к школе.

Завхоз стоял на крыльце школы, наблюдая, как две технички пилили на козлах дрова.

— Саке, я еду по срочному делу в район... Вы вот что, этому физруку, Николаю, больше без моего разрешения дров не давайте! Ни щепки! — крикнул директор Сайбеку, развернул коня и поскакал дальше.

Только когда поселок остался далеко позади, Токмолда натянул поводья. Над долиной уже сгущались сумерки. Снизу по руслу замерзшей реки тянулась туманная дымка. Безлюдная зимняя дорога навевала тоску. «И чего это я несусь, как на пожар?» — подумал вдруг про себя директор. Действительно, четверть уже кончается, скоро начнутся зимние каникулы. Даже если он и проскачет сейчас на ночь глядя эти двадцать километров до районного центра, Коккозов за один день ничего не решит. Опять же скажет, подожди-ка, брат, до зимних каникул, а там решим, дескать, что с твоим физруком делать. Нет, уж лучше подождать до январской учительской конференции, а там, при удобном случае, высказать начальству все как есть.

Конь под Токмолдой, словно ему передавались мысли хозяина, перешел на медленный шаг. Большое красное солнце клонилось к зимнему горизонту. Казалось, оно заходит совсем рядом...

Токмолда круто дернул поводья и развернул коня к дому.

25

Утром Николай Трофимович, как обычно спозаранку, пришел в физкультурный зал. Всегда школьные уборщицы по утрам, когда разносили по классным печам дрова, оставляли возле двери несколько поленьев. А потом, в течение дня, Николай Трофимович по мере надобности сжигал их в железной печи. Сегодня же дров у двери он не обнаружил.

Николай Трофимович понял, что все это дело рук Токмолды. Он разыскал Сайбека. Разыскать Сайбека было несложно.

— Саке, сегодня в физкультурный зал не принесли дрова, как это понимать?

— А вот так... Директор велел...

— Мне там сегодня занятия проводить. Что делать будем?

— Токмолда дал мне приказ. Я выполнил, а больше, сынок, я ничего не знаю.

«Да, действительно,— подумал Николай Трофимович,— с завхоза спрос невелик...»

В это время из школы в старой вислоухой шапке вышел Токмолда. Увидев Николая Трофимовича, он даже как-то дернулся, будто набрел в лесу на волка или медведя, потом резко повернулся, собираясь вернуться в школу. Николай Трофимович окликнул его:

— Товарищ директор, это вы дали распоряжение не выделять дрова для отопления зала?

— Топлива на учебные классы не хватает, а тут еще на твой зал дрова переводить,— буркнул Токмолда и ушел.

Николай Трофимович задумался, глядя вслед директору, который покрутился по школьному двору, словно искал что-то, а потом все-таки вышел на улицу и побрел к своему дому. Взгляд Николая Трофимовича не давал покоя директору школы, он вроде бы даже физически ощущал его, как если бы в темноте вдруг попал в лучи мощных прожекторов.

«Что же делать? — рассуждал Николай Трофимович.— Может, написать письмо в районный отдел народного образования? Да неловко как-то. Сколько бы ни проверяли потом, а слушок все-таки пройдет, мол, не может Денисенко ужиться со своим директором...»

«А ведь на самом-то деле проблема выеденного яйца не стоит! — подумал вдруг Николай Трофимович! — Что я, дров не достану на одну-единственную печку?»

Жители «Красной заставы» завозили дрова из горного леса, что в пятнадцати километрах вверх по ущелью. Место это называлось Ойкарагай, сосновые бревна оттуда привозили волоком на лощадях. Раньше за дровами ездили обычно молодые парни и крепкие мужчины, но пока шла война, приноровились к тому трудному делу волей-неволей женщины и подростки. Была бы только коняга. Глядишь — утром соседская баба с топором за поясом на-

правилась в горы, а под вечер она уже волочит к дому крепкую лесину.

На следующий день ранним утром Николай Трофимович, старший пионервожатый Жолдыбай и два мальчика-подростка из седьмого класса на хороших лошадях отправились в горы. Коней Николай Трофимович взял накануне у командира заставы.

Тропа поднималась по дну ущелья Сумбе вдоль горной речки. По речке проходит государственная граница. Там, на левом берегу, в десяти шагах отсюда, начинается чужая земля. И если перейти речку вброд, то ты уже будешь считаться нарушителем границы. Николай Трофимович знает это ущелье, как свои пять пальцев, сколько раз он проходил здесь с дозорным нарядом пограничников, а вот за дровами ему ездить по этой тропе еще ни разу не приходилось. Но вчера он рассудил, что раз уж с этой работой справляются мальчишки, то для него она труда не составит.

Но на деле оказалось совсем не так. И в этом Николай Трофимовичу скоро пришлось убедиться. Без сноровки валить лес в горах — настоящее мучение.

Во-первых, нужно разыскать сухую лесину. На ближних склонах они давно уже вырублены, поэтому пришлось круто подниматься на самую вершину горы. Коней, чтобы зря не мучить, стреножили и оставили внизу. Шли по рыхлому снегу, который доходил до пояса. И тут Николаю Трофимовичу пришлось усомниться в своей выносливости. На подъеме он с непривычки начал задыхаться и заметно отстал от ребят, которые резво, как горные козлики, взбирались по склону. Скоро мальчишки заметили засохшую высокую сосну и быстро добрались до нее.

Свалить дерево, растущее на склоне, для человека, не обладающего в этом деле достаточным опытом, тоже нелегко. Во-первых, по наклону ствола надо точно определить, в какую сторону сосна должна упасть, а потом начинать рубить именно с этой стороны. Рубить дерево бездумно — опасно. Бывали случаи, когда дерево насмерть давило такого незадачливого дровосека.

Да и перерубить топором ствол толщиной в полтора обхвата тоже, оказывается, надо уметь. Тут сила не самый лучший помощник. Если будешь колотить как попало топором, только вымотаешься. Каждый удар надо делать осмысленно, только тогда и будет толк.

Третья трудность, которая поджидает каждого, кто собрался в горы за дровами,— удачно спустить бревно, уже

освобожденное от сучьев, вниз к тропе. Если бревно пущено с горы умелыми руками, то оно стрелой пролетит вниз по склону, беспрепятственно соскользнет именно туда, куда ему следует. Посмотреть со стороны — ничего в этом хитрого нет. Да только видели бы вы, сколько мучений может доставить та же работа, если бревно столкнули неудачно! Оно будет застревать в кустах, заваливаться в ямы и обрывы, попробуй достань его потом оттуда!

Но все эти трудности, повторяю, существуют только для неопытного человека. Тому же, кто не впервые отправился в горы за дровами, такая прогулка доставит лишь удовольствие. В этом Николай Трофимович убедился, глядя на ребят, которые справлялись с работой играючи, перекидываясь снежками и громко хохоча. Сам же он старался не выдавать усталости и вел себя так, как и положено в таких случаях педагогу — то есть, брал самую трудную работу на себя. К обеду, когда все четыре бревна были спущены на дно ущелья, Николай Трофимович с трудом держался на ногах от усталости. Ноги и руки гудели от напряжения, на ладонях вздулись кровавые мозоли.

Короткий зимний день шел на убыль, когда они поехали домой. Впереди двигался учитель. Везти бревна волоком вниз по ущелью лошадям было легко, и они резво стучали подковами по плотному насту. Николай Трофимович чувствовал, как приятно скрипит позади прямой и длинный ствол сосны. Все-таки нет, наверное, ощущения приятней, чем удовольствие, которое испытываешь после хорошей работы, когда видишь ощутимый результат своего труда. И даже голод, который сильно одолевал Николая Трофимовича после полудня, не казался уже таким нестерпимым.

Николай Трофимович, покачиваясь в седле в такт мерным шагам коня, стал тихо напевать протяжную украинскую песню.

26

Токмолда вел урок в шестом классе. Когда он случайно заглянул в окно, то увидел, что из печной трубы над физкультурным залом тянется в небо тонкая струйка голубоватого дыма. «Странно,— подумал директор,— где это он взял дрова?» У Токмолды не хватило даже терпения довести урок до конца.

— Сейчас я вернусь, дети,— сказал Токмолда и вышел из класса. В коридоре навстречу ему попался завхоз.

— Саке,— не здороваясь сказал Токмолда завхозу,— я же вам говорил, чтобы вы ни щепки не смели давать физруку без моего разрешения.

— А я ему и не давал. Вчера Николай с мальчишками ездил в горы и привез оттуда четыре бревна. Вон, лежат во дворе, можешь посмотреть сам, если не веришь.

Это известие подействовало на директора ошеломляюще, будто с высоты на голову ему свалился камень. «Да, с этим прохиндеем легко не сладишь, такие, как он, и в воде не тонут и в огне не горят. Надо же, а?»

Токмолда решил непременно взглянуть на бревна, которые, по словам Сайбека, Николай Трофимович привез с гор. Директор обогнул здание и увидел — вот они, бревна, лежат себе вдоль стенки физкультурного зала, аккуратненько сложенные в штабель. И только от одного уже отпилен комель, видать, его и накололи сегодня в печь.

Токмолда с нескрываемой завистью смотрел на бревна, а потом, будто решил удостовериться, вправду ли это сосновые стволы, попинал их ногой. Из зала раздался взрыв детского смеха. Токмолда вздрогнул, словно над ним смеялись сейчас дети.

— Саке, а где этот прохиндей лошадей взял?

— На заставе, там у него все начальники друзья, так ведь, вроде?

Токмолда возвращался в класс и думал, как это его угораздило принять на работу такого физрука? Сейчас он не помнил, что еще осенью сам настаивал на назначении Николая Трофимовича.

Директор в мыслях обращался к своему другу — заведующему районо Коккозову: «Кусеке, избавь меня от этой напасти. Прошу тебя! Убери его куда-нибудь подальше. Переведи его в другую школу или еще что-нибудь придумай. Ты же мастак на такие дела. Что хочешь, то и сделай, только избавь меня от него, убери этого Денисенко с глаз моих долой!»

27

«Время покажет...» — как часто мы произносим эту простую фразу, даже не задумываясь, какой же все-таки глубокий смысл в ней заложен.

Время. Для одних людей оно тянется нестерпимо медленно, и они не могут дождаться, когда же наступит утро или закончится день. Другим времени не хватает, им кажется, что оно проносится страшно быстро. Такие мечтают, чтобы день длился долго, как год.

В конце четверти Токмолда уже считал дни до начала зимних каникул, кое-как дождался. А для Николая Трофимовича, вечно занятого по горло школьными делами, время пронеслось незаметно, он даже не заметил, как подошел Новый год.

...Широкие просторные сани, окутанные снежной пылью, вихрем вынеслись из поселка. В санях шумной компанией разместился весь учительский коллектив семилетней школы «Красной заставы». Нет среди них только директора школы. Учителя едут на районную конференцию.

Правит лошадьми Николай Трофимович.

...Токмолда не поехал вместе со всеми, сказав, что он догонит учителей дорогой. Скоро он действительно появился. Конь его был запряжен в легкую кошевку председателя колхоза. Директор школы сидел в ней, вытянув свои короткие ноги, уши его шапки подпрыгивали на ветру. Сиденье кошевки было застелено ковром, край которого щегольски переброшен через спинку. Видимо, директор школы на этот раз решил попредставительнее обставить свой выезд.

Конь Токмолды действительно был хорош. Каждый раз, когда на спину ему опускались вожжи, он подавался вперед, ускорял бег и плавно несся над дорогой, как лодка под парусами при свежем ветре. Конь выбрасывал вперед стройные ноги и шел пятисаженными прыжками. Комья снега вылетали из-под копыт, бились в передок кошевки. Сердце директора школы наполнялось гордостью, когда он смотрел на своего коня, как тот стрижет своими тонкими и острыми, как листья камыша, ушами, как развевается на ветру его шелковая грива, как непокорно грызет он стальные удила. Токмолде кажется, что легкая кошевка летит по дороге, не касаясь полозьями колеи.

Сани, в которых ехали учителя, Токмолда нагнал уже на первом подъеме.

Учителя, увидев его, стали шептаться:

— Гляди-ка, как наш директор решил в этот раз пошиковать!

— Да ведь это председательская кошевка...

— Можно подумать, он за невестой едет, а не на конференцию!

До Токмолды донеслись обрывки слов, но он не разобрал, о чем переговариваются учителя, хотя понял, что говорят они сейчас о нем. Директор решил, что ему зазорно плестись за санями, и крикнул своему завучу Розе Асановой:

— Роза, давай ко мне, мы раньше их в район приедем!

Роза запросто позволяла себе шутить с кем угодно:

— А потом меня ваша супруга за волосы вытаскает! Как бы не так, уж лучше я со всеми вместе поеду, спокойней будет!

Женщины в санях тоже запротестовали:

— Это что же получается? Начальство желает оторваться от коллектива, нехорошо!

Мужчины рассудили по-своему, мол, баба с возу... и стали уговаривать завуча.

— Иди, Роза, неудобно, раз приглашают!

Когда дородная заведующая учебной частью в длинном овчинном тулупе опустилась в кошевку рядом с директором, та аж перекосилась на один бок.

Едва они въехали в районный центр, Токмолда обернулся к своей спутнице:

— Ты у кого остановишься?

Роза назвала дом своих родственников и тут же спросила:

— А вы, наверное, к своим сватам, к Сакибаю?

— Может, и к Сакибаю, а может, еще к кому-нибудь, погляжу,— сказал Токмолда неопределенно, потому как в этот раз он решил, вопреки своему обычаю, остановиться не у сватов, а в доме самого Коккозова. Но сообщать об этом Розе было бы равносильно тому, если бы он повесил объявление на столбе посреди районного центра.

Подбросив Розу Асанову, Токмолда повернул коня прямо к дому Коккозова.

Коккозов жил в самом центре, в доме, смежном с конторой, где помещался отдел народного образования. «Интересно, есть у него сейчас еще, кроме меня, гости?» — думал Токмолда, подъезжая к дому и издали высматривая во дворе, не стоит ли там чужая лошадь. Но ни саней, ни лошади во дворе не было видно. Токмолда порадовался этому, не хотелось ему, чтобы кто-то мешал предстоящему разговору.

Токмолда подогнал сани прямо к воротам, и, поскольку раньше ему приходилось не раз бывать в этом доме,

запросто раскрыл створки ворот, сам завел коня во двор, начал его распрягать.

С дальнего конца двора, отряхивая подол, подошла жена Коккозова. Рослая смуглая баба.

— Как живешь, сноха? Дома все в порядке? Как хозяин? Малыши? Все живы-здоровы? — Токмолда старался как можно приветливей поздороваться с женой начальника.

Токмолда и раньше относился с почтением к Коккозову, да и к его жене тоже, но сейчас директор школы прямо-таки рассыпался перед хозяйкой дома в своем подобострастии. «Не иначе, как с ним что-то стряслось,— решила про себя жена начальника,— а то, чего бы он так заискивал, бедняга?»

На крыльце появился шестилетний сынишка Коккозова с огромным куском хлеба в руке. Токмолда принялся сюсюкать, едва увидел малыша:

— Ой, это кто? Неужели Жакатай? Здравствуй, Жакатай. Смотри-ка, совсем большой джигит стал! Ой, молодец! Совсем взрослый джигит!

Токмолда, неуклюжий в своем толстом тулупе, подошел к мальчику и начал обнимать его. Малышу, видать, передалась по наследству доля хитрости от родителей, он быстро сообразил, что не зря этот дяденька сделался вдруг таким добрым и что из этого можно извлечь пользу.

— Дядя, дай три рубля! — потребовал Жакатай, бросившись на шею Токмолде.

— Ну-ка прекрати, бесстыжий! — прикрикнула для приличия мать и тут же деловито спросила сына: — А зачем тебе три рубля?

— Конфет куплю,— не моргнув глазом, ответил Жакатай.

— Три рубля, говоришь? Да я тебе не то что три рубля, смотри, что я тебе привез.— Токмолда достал из кошевки огромный сверток и стал его раскрывать. В свертке оказался игрушечный конь на колесах.

Мальчишка схватил его, но тут же повторил свою просьбу:

— А теперь дай три рубля!

— Три рубля... ладно, сейчас дам.— Токмолда достал бумажник, и хотя у него там были трехрублевки, он протянул настырному мальчишке новенькую пятерку.

— Прекрати просить, наглец! — теперь уже всерьез сказала мать.

— Ой, дядя, как у тебя много, дай еще одну! — захныкал Жакатай.

Токмолда тем временем вытянул из-под сиденья кошевки увесистый мешок и протянул его хозяйке:

— Держи, сноха. Это вам с Кусеке хозяюшка моя передала. Обижается, говорит, почему не приезжают сами, почему не погостят у нас.

В ноздри хозяйке ударил запах вяленого мяса. «И чего это он из кожи лезет. Сам-то ведь — не маленький начальник... Добрались, видать, и до тебя!» — утвердилась в своей мысли жена Коккозова. Перехватив мешок поудобнее, она заспешила в дом. Не стоять же с ним посреди двора, неровен час, заметит кто-нибудь.

28

Подарки сделали свое дело. Токмолда был принят в доме Коккозова с особым почетом. К тому же надежды директора школы оправдались — в этот вечер никто, кроме него, не наведался в гости к заведующему районо.

Сам хозяин вернулся с работы чуть припозднившись. Жена встретила его на пороге и тревожно спросила:

— Там у тебя все в порядке с этим Токмолдой? Что он вдруг ни с того ни с сего деревянную лошадку нашему Жакатаю подарил, да еще целый мешок вяленого мяса привез.

— Ну что делать, раз привез...— неопределенно ответил муж. Уж он-то прекрасно знал, что никаких неприятностей по служебной линии у Токмолды нет, и был спокоен на этот счет. А подарки легко объяснить другим, может быть, директор подведомственной школы решил заранее застраховаться от будущих бед, ведь чем, как говорится, черт не шутит. Всегда не лишне заранее побеспокоиться о расположении начальства.

Стол был накрыт в гостиной комнате, что делалось в этом доме в исключительных случаях, когда принимали особо почетного гостя. Обычно хозяйка угощала всех, кто приходил в гости, на кухне, а потом провожала их для беседы в гостиную.

Токмолда и Коккозов возлежали на мягких одеялах, возле низенького столика, под локти себе они подложили подушки. Стол был заставлен закусками, какие только нашлись в доме. Стоит и бутылка «белой», возвышаясь над прочим угощением своим тонким горлышком.

Время от времени Коккозов наливает по маленькой и предлагает своему гостю выпить:

— Ну, Тока, давайте...

Коккозов — небольшого роста суетливый человек с красным лицом, с которого не сходит притворная улыбка. Один глаз у него отчего-то слезится, и Коккозов постоянно трет его то тыльной стороной ладони, то носовым платком. И вообще, он какой-то беспокойный человек. И характер у него такой же скользкий и неуловимый, как и внешность, такого легко не поймаешь на слове, а уж о чем он думает в самом деле, сразу не догадаешься.

Благодаря своей энергичности, Коккозов слывет у районного начальства неутомимым, преданным своему делу работником. Не каждому известна мелочная душонка Коккозова, и то, что он не задумываясь продаст интересы дела, если только почувствует хоть малейшую для себя выгоду.

Видимо, уже давно осознал для себя Коккозов истину, по которой действует: «Жить надо хорошо. Можешь быть хитрецом и мошенником, но если ты живешь лучше других — это уже не грех». Такой человек Коккозов.

За чаем Токмолда не решился сказать то главное, за чем пришел. Разговор шел все больше по пустякам да о начинающейся завтра конференции. О Николае Трофимовиче не было сказано ни слова.

После чая Токмолда и хозяин дома остались в комнате одни. Хозяйка собрала посуду и ушла на кухню. Токмолда подумал, что именно сейчас и настало время для серьезного разговора. Но как начать этот разговор — он никак не мог придумать. Рядом с ним сидел младший сынишка Коккозова, он стучал погремушкой и что-то лопотал.

— Ты что это говоришь? Ну-ка, герой, подойди ко мне,— позвал Токмолда ребенка и стал с ним сюсюкать.— Ой, какой молодец, не боится.

— Да, он у нас никого не боится, ко всем идет,— сказал Коккозов.

— Ну-ка, улыбнись, Бахытжан! Ну! Смотри, как смеется? И когда же ты подрастешь? Когда в гости к нам приедешь, а?

«Это он специально для меня говорит,— подумал Коккозов.— Надо бы действительно съездить к ним в аул как-нибудь».

— Приезжай, малыш, и папу с мамой захватить не забудь. Мы ведь с тобой потомки Барака-тарака, а значит, родня, а родню знать положено.

«Как же, знает он Барака-тарака, черта с два, это ты все мне в родственники набиваешься, это я понял».

Токмолда обратился наконец к Коккозову:

— Я, Кусеке, малышей больше жизни своей люблю. Это же ангелы, можно сказать, безгрешные создания. Разве они могут причинить кому-нибудь зло? Зло делают только взрослые негодяи, а их немало.

Коккозову эта мысль не показалась особенно оригинальной, и все же он для приличия покивал головой, да, дескать, все зло на земле творят взрослые...

— Кусеке,— продолжал Токмолда, усадив малыша к себе на колени и сделав смиренное лицо.— Вы же знаете, какой я по натуре добродушный, простой человек, что зла я никому и в мыслях не пожелаю. Вот по этой самой простоте душевной я иногда сам себе неприятности делаю. Помните, осенью я у вас попросил назначение для этого солдата, Денисенко? Так вот, ошибся я тогда. Солдат, он, оказывается, и есть солдат. Не вышло из него учителя.

И Токмолда принялся чернить Николая Трофимовича. Какие только грехи он ему ни приписывал. Послушать директора школы — выходит, Николай Трофимович детей на солдатский манер муштрует, нарочно отвлекает их своими забавами от других уроков. Что сам он — неуживчивый по характеру человек, перессорил весь коллектив, начальство признавать не желает — грубит на каждом шагу. В общем, Токмолда сделал все, чтобы выставить Николая Трофимовича бездарным педагогом и грубияном.

С Николаем Трофимовичем Коккозов встречался лишь один раз, когда демобилизованного старшину отправляли учительствовать в школу «Красной заставы». И поэтому, естественно, ничего он о нем, как о человеке и специалисте, не знал.

— А есть у него хоть какой-нибудь учительский аттестат или диплом? — поинтересовался заведующий районо.

— Денисенко физкультурный техникум когда-то закончил.

Коккозов задумался: «В таком случае, из школы его не так-то просто выжить...»

— И что вы предлагаете сделать с ним, как поступить? Перевести в другую школу?

— Можно, но вряд ли из него в другом месте толк выйдет. Лучше бы дать ему пинка и выставить раз и навсегда. Чего там возиться...— сказал Токмолда и вдруг

осекся. Малыш, который сидел у него на колене, обмочился прямо ему на брюки...

На следующий день началась конференция. Открытие было назначено на десять часов, но, поскольку народ съезжался медленно, мероприятие это перенесли еще на два часа. Для ведения работы конференции решено было избрать президиум в составе пятнадцати человек. «Какие будут предложения?» — спросил председательствующий. Из зала поднялся заранее подготовленный участник конференции и прочитал по бумажке список фамилий. «Есть еще предложения?» — «Нет».— «Кто против?» — «Нет». Список поставили на голосование и единогласно утвердили.

Избранные в президиум поднялись на сцену. Среди них был и Токмолда. Он подошел и уселся на стул рядом с Коккозовым.

На повестке дня стояли итоги первого полугодия 1945—1946 учебного года и принятие обязательств на следующее полугодие. Докладывал, как обычно, заведующий районным отделом народного образования товарищ Коккозов.

Коккозов поднялся и, на ходу вытирая платком свой слезящийся глаз, подошел к трибуне. Одет он был в черный костюм, на ногах валенки такого же цвета с новыми калошами. Заведующий районо старался придать своему лицу такое выражение, какое оно должно было быть у человека в высшей степени исполненного чувством ответственности за возложенные на него обязанности. На людях он всегда старался держать себя именно так.

Сегодняшний доклад Коккозова ничем не отличался от тех докладов, которые он раньше зачитывал на таких же конференциях. Пространное вступление, состоящее из фраз не очень-то ловко надерганных из передовиц областной газеты. В главе «Наши достижения» приводился длинный перечень цифр и процентных показателей, назывались передовики. В конце доклада перечислились недостатки, а для того, чтобы придать докладу остроту, упоминались фамилии учителей, которые по сведениям районо слабо вели свои предметы.

Николай Трофимович сидел в зале. Он внимательно прослушал весь доклад и удивился, почему о работе по физическому воспитанию в нем не было сказано ни слова. Николай Трофимович решил, что ему необходимо выступить.

Он вырвал из своего блокнота листок и написал записку в президиум: «Прошу слова. Преподаватель физкультуры семилетней школы «Красной заставы» Денисенко».

Записка, пущенная по рядам, скоро оказалась перед Коккозовым. Заведующий районо быстро прочитал ее и протянул Токмолде, но тот сидел отвернувшись и ни о чем не подозревал. Тогда Коккозов передвинул записку к нему, Токмолда взял листок бумаги, поднес к глазам и долго читал по слогам, с трудом разбирая русские слова. Наконец он вник в смысл написанного, сделал удивленное лицо и посмотрел на Коккозова, словно вопрошая, что же делать дальше. Записку Токмолда от себя отбросил, будто это был не листок бумаги, а пылающая головня.

Коккозов молча усмехнулся, он решил все-таки предоставить слово Денисенко, надо же на деле убедиться, такой ли уж он на самом деле солдафон, каким его старается выставить Токмолда.

Коккозов вписал фамилию Николая Трофимовича в список выступающих.

Наступил перерыв. Участники конференции отправились обедать. Токмолда, прохаживаясь с заведующим районо, сказал ему:

— Что толкового может сказать отставной старшина? Вот увидите, начнет нести какую-нибудь околесицу, уж я-то его знаю.

Коккозов понял, куда клонит Токмолда, но поддаваться не стал:

— Пускай выступает, раз уж записался. Теперь уже нельзя ему слово не давать, пусть говорит, что хочет.

После перерыва в прениях выступили четыре человека, и все четверо — директора школы.

— Слово предоставляется учителю физкультуры семилетней школы «Красной заставы» товарищу Денисенко,— сказал председательствующий.

Токмолда почувствовал, что под ложечкой у него засосало.

Николай Трофимович поднялся в дальнем конце зала и направился к сцене. Многое повидавшие на своем веку старенькие половицы тяжело прогибались под его уверенными твердыми шагами.

Большинство учителей, собравшиеся на конференцию, не знали еще Николая Трофимовича и во-

просительно переглядывались между собой, дескать, что это еще за оратор выискался?

Коккозов внимательно следил за Николаем Трофимовичем. По уверенной походке и сдержанной манере держаться чувствовалось, что это человек незаурядного характера. «Крепкий мужик»,— подумал про него Коккозов.

Николай Трофимович прошел к трибуне, поправил волосы и обратился к сидящим в зале:

— Товарищи! — голос его прозвучал уверенно, так, что все в зале невольно притихли. Даже три молодые учительницы, что сидели в дальнем конце зала и оживленно беседовали шепотом о чем-то своем, вдруг вздрогнули и подняли головы.

Николай Трофимович взялся руками за край трибуны, словно опасаясь, что она опрокинется, и без всяких шпаргалок начал свою речь.

Он коротко рассказал о том, какое значение имеет физкультура в деле воспитания молодого поколения, привел высказывания по этому поводу великих людей. Потом он стал рассказывать об отношении к физкультуре как к учебной дисциплине в районе, посетовал, что в школах сейчас занятиям спортом почти не уделяют внимания.

Токмолда понимал, что учитель физкультуры не обойдет и его в своем выступлении. Он уже начал нервничать, ожидая, когда же будет произнесено его имя. И вот Николай Трофимович перешел к тому, как обстоят дела в семилетней школе в «Красной заставе», где он работает. Рассказал, сколько трудностей ему пришлось пережить за последний год и какие успехи достигнуты. Вот тут-то и прозвучало имя директора школы «Красной заставы». Николай Трофимович обернулся к нему и поведал всем о том, каким невежественным человеком оказался Токмолда. В зале стали раздаваться взрывы смеха.

Токмолда пытался прервать Николая Трофимовича бессвязными выкриками. Но все в зале поддержали учителя физкультуры.

— Пусть говорит! — кричали из зала.

Коккозов не сводил глаз с Николая Трофимовича и отмечал про себя, что учитель физкультуры выглядит совсем не так, как ему пытались давеча его представить. Вместе с тем Коккозов начинал опасаться этого человека. Эдак когда-нибудь Денисенко доберется и до работы районо.

Николай Трофимович продолжал:

— Для меня до сих пор остается непонятным, как это человек столь ограниченный, не имеющий никаких педагогических навыков, мог на протяжении стольких лет оставаться на посту директора школы и как руководство районным отделом народного образования мирится с этим фактом.

— А у нас в районе он не единственный такой директор! — вставил кто-то с дальнего ряда.

В конце выступления Николай Трофимович внес несколько предложений о том, как быстрее улучшить работу по спортивному воспитанию в школах района.

Когда он сходил со сцены, с места поднялся Токмолда:

— Разрешите мне сказать! — вид у него был такой, будто он выходил сейчас на круг, где ему предстояло вступить в кулачный поединок. Собравшимся это не понравилось, и они запротестовали:

— Нечего ему выступать!

— Пусть запишется, как положено, у председателя!

Но Токмолда не желал никого слушать, он уже вышел из-за стола и подошел к трибуне. «Тока, вернитесь, вам же не давали слова»,— пытался шепотом остановить его Коккозов.

— Товарищи! — поперхнувшись сказал Токмолда, но в зале поднялся шум, кое-кто даже затопал ногами.

Коккозов быстро сориентировался в обстановке и, напрягая изо всех сил голос, объявил перерыв.

Токмолда что-то невразумительно пробурчал себе под нос и все же вынужден был вернуться на место.

29

Токмолда добился-таки после перерыва, чтобы ему дали выступить. Говорил он примерно то же, что и вчера вечером в доме у Коккозова.

Но в зале его никто не желал слушать. Да и кому из учителей могло понравиться то, что в ответ на убедительную критику в свой адрес директор школы обрушил на учителя физкультуры поток голословных обвинений? И когда со всех сторон на Токмолду полетели язвительные реплики, он вдруг сказал:

— Я не могу больше работать в одной школе с товарищем Денисенко. В семилетней школе «Красной заставы» должен остаться кто-нибудь один из нас. Или я — или он!

Обернувшись к президиуму, Токмолда добавил:

— Кусеке, прошу вас, избавьте меня наконец от этого Денисенко!

Но Коккозов был не так прост, чтобы на людях принять сразу чью-либо сторону. Прежде чем совершить какой-нибудь поступок, он любил тщательно разложить по полочкам, взвесить все «за» и «против», рассчитать события на несколько ходов вперед. Да и Денисенко, судя по сегодняшним наблюдениям, легко себя в обиду не даст, такого одним толчком с ног не собьешь. Коккозову и самому-то не очень понравилось, что под началом у него оказался такой зубастый учитель; заведующему району были по душе безответные и безропотные работники. Таких он любил. Чтобы не рассуждали особенно и лишний раз прыти не выказывали. До сих пор, а работает Коккозов в районе уже несколько лет, ему еще не попадались люди, способные хоть как-то противостоять его воле. А сегодня на конференции, приглядываясь к Николаю Трофимовичу, Коккозов вдруг почувствовал себя неуютно, будто неожиданно встретил опасного и серьезного противника.

— Вот что, Тока,— сказал на прощанье Токмолде заведующий районо,— завтра я приглашу этого Денисенко к себе. Предложу ему место здесь, в районной средней школе, или еще где-нибудь. Согласится — тем лучше. А если откажется, то пока я ничего не в силах сделать. Пусть работает у тебя до конца учебного года. А наступят летние каникулы, придумаем, как с ним поступить. Спроважу его не только из вашей школы, но и вообще из района. Пускай отправляется к себе на Украину и там умничает. А нам здесь своих кадров хватает...

30

Коккозов действительно вызвал Николая Трофимовича к себе в кабинет и долго беседовал с ним, стараясь выглядеть как можно искреннее. Для начала он похвалил вчерашнее выступление Николая Трофимовича на конференции.

— Надо сказать откровенно, нам сейчас очень недостает такой вот бескомпромиссной партийной критики. И мы должны развивать и поддерживать ее.

Коккозов даже поругал слегка Токмолду:

— Мы знаем, что этому человеку не хватает порой кругозора, но, поймите, он ведь уже давно работает.

И сместить его с этого места в условиях нашего района пока очень сложно. Вы тоже должны с этим как-то считаться.

В конце разговора Коккозов предложил Николаю Трофимовичу:

— Я вчера понял, что с Егимбаевым вам не сработаться. Как вы смотрите на то, чтобы перевести вас в какую-нибудь другую школу района?

— Куда же я буду переводиться в середине зимы? Да и сделать там успел кое-что. Хочется до конца довести. Доработаю до весны, что бы там ни было. Сейчас мне никак нельзя уезжать из «Красной заставы».

Убедившись, что отговорить Николая Трофимовича невозможно, Коккозов прекратил на этом свой разговор.

31

Итак, на конференции Токмолда потерпел полное поражение. Не удалось ему уволить Николая Трофимовича. Все его тщательно, как ему казалось, продуманные планы рухнули.

С этого дня директор школы стал вести себя с Николаем Трофимовичем как с кровным врагом. О том, чтобы здороваться с ним, не было и речи. Токмолда старался даже не глядеть в сторону физрука. Все, чем занимался Николай Трофимович, уже начисто не интересовало директора, будто и не было в школе вовсе учителя по фамилии Денисенко.

Но Николай Трофимович всем этим нисколько не тревожился. Он был даже рад, что отныне его никто не беспокоит и не вмешивается в его дела. А забот хватало и с подготовкой к занятиям, и с тренировками в спортивных секциях.

В последнее время Николай Трофимович стал чаще заходить вечерами в медицинский пункт к Дусе, которая жила теперь не одна — недавно она перевезла к себе из районного центра свою старушку-мать. После тренировок Николай Трофимович заходил к ним, и они подолгу пили чай втроем.

Однажды, когда Николай Трофимович собрался уходить, Дуся, отпросившись у матери, пошла его провожать, так уж было у них заведено. Вернулась Дуся не сразу. К этому мать уже успела привыкнуть. Но на этот раз, взглянув на дочь, старушка заметила, что девушка как-то странно раскраснелась и явно была чем-то взволнована.

— Что же ты, доченька, совсем продрогла, что ли?

Дуся рывком, как это делают дети, скинула пальто, бросила его на вешалку и подбежала к матери.

— Мам, скажи по-честному, тебе очень нравится Николай Трофимович?

— Нравится, милая моя.

— Ну тогда я выхожу за него замуж!..

32

Кончилась снежная горная зима.

Накануне майских праздников в семилетней школе в «Красной заставе» произошло одно замечательное событие, каких раньше здесь не случалось. В колхозе впервые проводилась ученическая спартакиада. Как вы уже, наверное, догадались, инициатором ее проведения был Николай Трофимович.

На этой спартакиаде он решил подвести итог всей своей работе, которую вел с самого начала учебного года.

Николай Трофимович прекрасно понимал, что спартакиада, кроме всего прочего, еще раз докажет, насколько полезно заниматься спортом. Да и воспоминаний о ней ребятам хватит надолго.

И еще у Николая Трофимовича был такой план: нужно постараться сделать так, чтобы такие спартакиады проводились в школе каждый год в мае. Пусть это станет доброй традицией. Николай Трофимович припас даже специально толстую амбарную книгу в твердом переплете, куда собирался записывать результаты выступлений участников спартакиады. Сюда же он собирался вносить фамилии будущих чемпионов, классные команды-победительницы. А потом, когда пройдут годы, в школе появится своя история, история спортивных достижений.

В тот день сама природа, казалось, откликнулась на пожелания Николая Трофимовича — день выдался на редкость ясный и безоблачный. Весеннее солнце радостно сыпало свои теплые лучи с голубого небосвода. В ручейках весело журчали прозрачные струи. Школьная спортивная площадка в этот воскресный день была спрыснута водой и тщательно подметена.

Ребята сами нарисовали красивые афиши и расклеили их по всему поселку — напротив почты, у дверей правления колхоза, на щите, рядом со зданием поселкового совета. «Пускай соберутся и родители участников спарта-

киады, полюбуются на успехи своих детей»,— думал Николай Трофимович, глядя, как перед афишами толпятся взрослые колхозники.

Народу в тот день перед школой собралось действительно много: ученики все до одного, почти все учителя. Не было видно только директора школы. Наблюдать за этим необычным мероприятием он послал вместо себя завхоза, а сам сел на коня и отправился куда-то на дальнее пастбище.

Открытие спартакиады, как это и было предусмотрено по программе, которую Николай Трофимович загодя разработал, проходило в торжественной обстановке.

Участники соревнований разбились по отрядам и построились на просторной зеленой поляне напротив здания школы. Во главе каждого отряда стоял пионервожатый с развевающимся знаменем в руке. По команде старшего пионервожатого участники соревнований под звуки горнов и барабанный бой прошли торжественным маршем вокруг спортивного поля. После чего старший пионервожатый Жолдыбек отдал рапорт главному устроителю спартакиады Николаю Трофимовичу.

Николай Трофимович поздравил всех учеников и их родителей с открытием первой общешкольной спартакиады. Над спортивным полем взвился флаг спартакиады. Начались соревнования.

Первыми выступали юные бегуны. Среди учеников шестого класса первое место занял Мурат. Правда, если брать всю школу, то его результат оказался только вторым, опередить Мурата удалось-таки Жакану Текесбаеву из седьмого класса.

Но Мурат был доволен и этим результатом, шутка ли, ведь теперь он будет считаться чемпионом класса!

Потом ребята соревновались в прыжках в длину и высоту.

Провели матч по волейболу между учениками седьмого и шестого классов. Здесь возраст сыграл свое и семиклассники без труда выиграли.

В казахской борьбе сильнее всех оказался мальчишка по имени Батырбек, тоже из седьмого класса. Он и раньше считался сильнее всех своих сверстников, и потому никто не сомневался, что именно он станет чемпионом.

Затем соревновались гимнасты.

И под конец, когда все выступления закончились, посредине площадки натянули канаты — здесь на самодельном ринге готовились к поединку боксеры.

Первый бой провели два семиклассника — рослые подростки, равные, примерно, по весу и силам. Оба они занимались в секции бокса с самого начала учебного года. Победил мальчик, которого звали Амир.

Из шестиклассников встречаться на ринге должны были Садык и Сулеймен. Но Сулеймен почему-то не пришел на соревнования.

И тут произошло неожиданное. К Николаю Трофимовичу протиснулся Мурат и сказал:

— Можно я выйду против Садыка...

Николай Трофимович удивленно посмотрел на него и спросил:

— Как же ты против него выйдешь, если ни разу не тренировался? Ты же не занимался в секции?

— А я и так умею! — настаивал Мурат.

— Где же ты научился?

— Я дома с Шакиром тренируюсь. Он мне все показал, чему вы на тренировках учили.

— Да, да, он умеет. Не хуже других! — подтвердил Шакир.

Николай Трофимович с интересом смотрел на мальчишку, который, судя по всему, никому не даст спуску, хотя здоровяком его никак не назовешь.

— Пустите его! — просили зрители.

— Правильно, пусть попробует!

— В крайнем случае, получит пару раз по носу, ничего страшного!

— Нельзя мальчишку отваживать, пусть выходит, они же ровесники,— кричали взрослые парни, которым нетерпелось посмотреть на схватку.

— Ладно, выходи,— согласился Николай Трофимович.

От робости и волнения сердце у Мурата застучало в груди. В эту минуту он не думал ни о победе, ни о поражении, которое может сейчас потерпеть. Была только радость от того, что он первый раз выходит на ринг в настоящих боксерских перчатках, и эта радость победила в нем все остальные чувства. Но вот прозвучал гонг и начался бой.

— Ну, Мурат, теперь держись, не отступай,— кричали зрители.

— Бей! По носу бей!

— Еще, наступай! — от этих криков в ушах стоял гул.

— Спокойнее, товарищи, отойдите от ринга! — успокаивал зрителей Николай Трофимович, а сам внимательно наблюдал за Муратом. Хотелось убедиться, есть ли

за этой решительной настойчивостью хоть какое-нибудь умение.

Мурат сразу же бросился в атаку и ударил Садыка правой рукой в лоб. Николай Трофимович отметил про себя, что мальчишка двигается довольно умело. Мурат оказался вертким и быстрым в движениях, глядеть на него доставляло Николаю Трофимовичу удовольствие.

Садык даже в мыслях не допускал, что он может проиграть Мурату. Первый удар только разозлил его. Началась настоящая потасовка. Но Мурат, хотя и получал удары, все же чувствовал себя настоящим боксером. Сколько месяцев он мечтал об этой минуте!

Первый раунд закончился. Многие зрители не знали правил и стали возмущаться:

— Зачем остановили?!

— Пусть дерутся до конца, хоть ясно будет, кто победил!

Николай Трофимович, который судил схватку, отметил про себя, что счет по очкам у обоих юных боксеров примерно равный.

Во втором раунде Мурат вел себя так же бойко, хотя чувствовалось, что он уже начал уставать. «Бойкий малыш,— подумал, глядя на него, Николай Трофимович,— ему бы силенок побольше».

Третий раунд напоминал уже обычную мальчишескую драку, боксом тут и не пахло. Николаю Трофимовичу пришлось остановить бой:

— Стоп! — скомандовал он.

Мурат опустил руки и повернулся. И тут он получил сильный удар в подбородок, который опрокинул его на землю.

Зрители зашумели.

Мурат быстро поднялся на ноги и кинулся было к Садыку, но Николай Трофимович остановил его. На этом поединок закончился.

Победителем был признан Садык.

— Но ты тоже молодец! Настоящий парень,— похлопал Николай Трофимович Мурата по спине.

Вот так прошла спартакиада.

33

Утром Мурат вошел в класс и услышал, как кто-то громко крикнул:

— А вот и он сам идет!

— Мурат, посмотри-ка на доску!

Мурат обернулся и увидел, что на доске во всю ее ширину нарисованы мелом два боксера. Один стоит в стойке, под ним написано «Садык», а второй боксер лежит, неуклюже вытянувшись на ринге, под ним стояла подпись «Мурат». Фигурки нарисованы смешно, это Мурат сразу заметил, заметил он и то, что лежащий боксер чем-то даже похож на него самого.

— Кто это нарисовал? — спросил Мурат.

Ребята сказали, что рисовал на доске сам Садык. Он сейчас сидел, нагло развалившись на учительском стуле, и смотрел с довольным видом на Мурата. Мурат поставил портфель на парту и подошел к нему.

— Это ты нарисовал?

— Я, а что, не правда, что я тебя в нокаут послал?

— Конечно нет, это я просто поскользнулся!

— Ты же шлепнулся на задницу от моего удара!

— Черта с два. Если б не Николай Трофимович, я бы тебе показал!

— Ну и что бы ты мне показал?

— А то! — Мурат поднес кулак прямо к носу Садыка.

— Убери! — Садык ударил его по руке и поднялся со стула. Ребята поняли, что без драки не обойдется и столпились вокруг. Но в это время кто-то крикнул:

— Учитель идет!

Все разбежались по местам.

Драки так и не вышло.

* * *

На перемене Мурат подошел к Садыку и сказал:

— Если ты такой шустрый, то давай побоксуемся по-настоящему где-нибудь один на один.

— Давай.

— Тогда по рукам?

И оба пожали друг другу руки.

34

Сегодня тетушка Улжан, убирая в доме, случайно заглянула под кровать и обнаружила там большой газетный сверток. Развернув его, с удивлением увидела в нем два больших округлых предмета, назначение которых было ей непонятно.

«Вроде бы раньше в доме ничего подобного не води-

лось. Что за чертовщина,— подумала тетушка Улжан,— наверное, Мурата проделки. Вот ведь выдумщик, чего только в дом не приволокет!»

— Муратжан!

— Что, мама, что случилось?

— Ну-ка иди сюда. Посмотри, что это такое?

В комнату со двора вбежал Мурат.

— Мамочка... тихо, никому не показывай.

— Да ты что!

— Это боксерские перчатки.

— Какие-какие? Да разве такие перчатки бывают?

— Это не от холода перчатки. Это чтобы драться.

— Э... Так значит это они и есть... Мне про них Батырбек толковал. Как же можно в них драться? Убьешь ведь сразу человека!

— Наоборот, мама, они специально набиты внутри конским волосом, чтобы удар смягчался. Не веришь? Вот попробуй!

Тетушка Улжан с любопытством разглядывала перчатки.

— Мама, не веришь, вот постукай меня!

— Ишь, чего выдумал!

— Мама, миленькая, ну попробуй, они совсем не больно бьют. Вот одень их и постукай меня по голове.

Мурат все-таки упросил тетушку надеть перчатки и даже завязал шнурки.

— А теперь бей!

— Как это я буду тебя бить?

— Вот так — правой, а потом левой, поняла?

Тетушка Улжан пару раз легонько ударила Мурата по голове.

— Сильнее, мамочка, сильнее, мне совсем не больно!

— Да будет тебе... А что это ты с ними сделал, я их снять не могу?

— А вот если не ударишь меня сильно, я их не сниму, так и будешь ходить.

Мурат вдруг подумал, что вот бы потеха была, если бы пожилые женщины боксом занимались; он просто давился от смеха при этой мысли.

— Ну-ка сними, я тебе сказала!

В это время кто-то вошел. Мурат обернулся и увидел своего отца.

— Папа, посмотри, наша мама боксоваться учится!

Батырбек изумленно глядел на тетушку Улжан в боксерских перчатках и не мог ничего понять.

— Эй, старуха, а тебе-то чего не хватает? Не иначе как сдурела...

— Это все он, негодник, выдумал. Ты посмотри на него! Я кому сказала, сними!

35

Из поселка вдоль Головного арыка шагают трое мальчишек. Это Мурат, Садык и Шакир. Мурат и Садык несут в руках завернутые в газеты боксерские перчатки. А в руках Шакира — жестяное ведро с выбитым дном. Только что он нашел его на задворках и, решив, что из этого ведра выйдет неплохой гонг, захватил его с собой.

Мальчишки вышли к речке, которая в этом месте распадалась на несколько рукавов, они пересекли их и оказались в небольшом тугае. Здесь в это время года царило оживление. Из кустов доносились соловьиные трели, с ветки на ветку перепрыгивали сороки. А там, над пологим склоном, завис в вышине жаворонок.

Ребята перебрались на другой берег и нашли там полянку, поросшую травой.

— Лучшего места, чем это, мы все равно не найдем,— сказал Мурат.

— Годится,— согласился Садык.

Шакир приладил на ветке соседнего дерева ведро, взял большую кость, которую тоже прихватил по дороге, и ударил ею по ведру. Звон раздался на всю округу.

— Вот, я же говорил — отличный гонг!

— А как мы время засекать будем? — спросил Садык.

— Да, часов-то нет.

Мальчишки пожалели, что не захватили из дома Мурата будильник.

— Давай так. Будем боксоваться, пока кто-нибудь не победит,— предложил Мурат.

Он никак не мог забыть того рисунка на доске, когда Садык выставил его на посмешище перед всем классом.

Садык вынужден был согласиться, потому что сам ничего другого предложить не смог.

Мальчишки разделись, оставшись в одних трусах и майках, надели перчатки. Шакир, который выполнял обязанности главного судьи, рефери и секунданта обоих противников, спросил:

— Готовы?

— Готовы.

Прозвенел гонг, и бой начался.

Садык на прошлом поединке уже убедился, что Мурат, несмотря на свой невысокий рост и хрупкое сложение, противник серьезный. И, наверное, поэтому он не полез без оглядки в атаку, а стал действовать осторожно. Но зато Мурат, которого терзала обида, сразу же яростно кинулся на своего противника.

Оба решили драться до конца.

Первые две минуты прошли в обоюдных атаках и обменах ударами.

Поначалу Мурат оказался напористее Садыка, но скоро и он стал выдыхаться, тогда как Садык продолжал держаться как ни в чем не бывало. Он встречал перчатками беспорядочные удары Мурата, наносил несколько ответных и снова становился в выжидательную стойку, прижав подбородок к груди.

Скоро Мурат совсем размяк, он даже не мог держать руки перед собой, и тогда в атаку пошел Садык. Вот тут-то Мурат понял все преимущества природного ринга. Он стал в буквальном смысле убегать от Садыка. Шакир, видя, что его друг терпит поражение, старался изо всех сил помочь ему. То и дело он останавливал поединок и начинал делать замечания Садыку в надежде, что Мурат за это время хоть немного соберется с силами. Но игра есть игра, и снова раздается команда: «Бокс!»

Мурат понял, что проигрывает. Он решил хоть раз напоследок хорошенько врезать Садыку. Размахнулся... Но Садык уклонился от удара, а Мурат, промахнувшись, сделал два шага вперед и, покачнувшись, рухнул в траву.

36

Николай Трофимович, ни о чем не подозревая, отомкнул замок на дверях физкультурного зала и вдруг услышал, что там, внутри, кто-то ходит. «Кто бы это мог быть?» — подумал он и даже встревожился. Распахнув двери настежь, учитель вошел внутрь помещения. И тут он увидел, что кто-то пытается выскользнуть из зала через незастекленную створку окна. По эту сторону болтались чьи-то ноги.

— А это еще кто здесь? — крикнул Николай Трофимович, и неизвестный злоумышленник замер в окне. Николай Трофимович помог ему выбраться из оконной рамы. Перед ним стоял Мурат Батырбаев.

— Ты что? Ты что здесь делаешь?

Мурат от смущения не мог сразу ответить.

— Отвечай, что ты здесь делал? Зачем лазил сюда через окно?

— Извините, Николай Трофимович, мы брали здесь боксерские перчатки.

Мурат рассказал учителю обо всем, что произошло: про то, как Садык издевался над ним при всем классе, и про то, как он вызвал обидчика на поединок.

— Так вот, значит, как? Ну и кто же победил? — спросил Николай Трофимович.

— Снова Садык,— сознался Мурат, тяжело вздохнув.

Николай Трофимович помолчал немного и сказал:

— Вот что, лазить в окна и брать без спросу перчатки из зала — дело никуда не годное. Я еще поговорю об этом с вами. А ты с завтрашнего дня приходи на тренировки в секцию бокса. А сейчас отправляйся домой, понял?

Мурат просиял от радости.

— Спасибо вам, Николай Трофимович! — крикнул он и выбежал из зала. Там его поджидали Шакир и Садык. Они раньше Мурата выскользнули в окно, а потом осторожно вернулись, чтобы узнать, чем кончится их проделка. Увидев, что Мурат вышел из спортзала ничуть не удрученный и даже улыбающийся, мальчишки удивились. Чего-чего, а такого они никак не ожидали!

— Ну что, поймал он тебя?

— Сильно ругался?

— Николай Трофимович сказал, чтобы я с завтрашнего дня приходил на тренировки.

— А он знает, что мы брали перчатки?

— Знает, я ему все рассказал.

— И что он?

— Он сказал, что это никуда не годится и что еще поговорит с нами об этом.

— Да, нашел чему радоваться...

— Еще бы! Вот начну по-настоящему тренироваться, а потом, Садык, ты у меня посмотришь!

37

Закончился учебный год. И сразу обычное оживление, которое всегда царило вокруг школы, улеглось, словно костер, залитый водой.

Однажды директор вызвал к себе Николая Трофимовича и сказал ему:

— В Карагайлы открывается межколхозный пионерский лагерь. Поедешь туда начальником. А отпуск получишь осенью.

— Ладно,— согласился Николай Трофимович.

Сбор детей перед отправкой в пионерский лагерь был назначен на следующий день.

Утром перед школой стояли две подводы, в каждую из которых было запряжено по паре лошадей. Ребята устраивали на подводах свои вещи.

— Ну что, все в сборе? — спросил Николай Трофимович Жолдыбека.

— Бытырбаева нет.

Но скоро Мурат появился в конце улицы в сопровождении своих родителей. Батырбек нес на плече переметную суму, обе половины которой были чем-то туго набиты. Сам Мурат держал в руке маленький чемоданчик.

— Здравствуйте, папаша,— поздоровался Николай Трофимович с Батырбеком,— вы, я вижу, всей семьей в лагерь собрались! Что это у вас в коржуне?

— А это вещи Мурата. Из еды кое-что...

Николай Трофимович заглянул в переметную суму и заметил, что одна половина ее полностью забита всякой снедью — куртом, сливочным маслом в бараньем желудке, вяленым мясом, баурсаками.

— Напрасно вы это, аксакал, там ребят будут четыре раза в день кормить.

— Он ведь у нас раньше никуда не выезжал из дому. Вряд ли станет есть казенную пищу,— вмешалась в разговор тетушка Улжан.

— Мама, я же тебе говорил, что не надо ничего этого,— расстроился Мурат.

Николай Трофимович поинтересовался, что же лежит во второй половине сумы, и узнал, что там зимнее пальто, сапоги и ушанка Мурата.

— А это зачем?

— В горах не то, что здесь, там утром и вечером холодно бывает. Замерзнет еще мальчишка,— сказал Батырбек.

— Ну, милые мои, у нас все ребята едут в летней одежде. Неужели вы думаете, что в горах сейчас вьюга метет?

— Не нужно мне никакого пальто и сапог тоже! Я, кроме фуфайки и плаща, ничего не возьму,— почувствовав

поддержку, завозмущался Мурат. Судя по его виду, он и дома пытался переубедить родителей.

Еще накануне Николай Трофимович разъяснил всем ребятам, какие вещи необходимо взять в лагерь. Но Батырбек и Улжан решили по-своему снарядить Мурата. В душе они вообще не были склонны отпускать своего сына ни в какие лагеря, но Мурат сказал, что если его не отпустят, то он убежит пешком. И старые родители, слишком хорошо зная характер своего любимца, вынуждены были согласиться. Весь вчерашний вечер и сегодня с раннего утра тетушка Улжан готовила сына в дорогу, при этом не переставая читать ему наставления.

— Вода в горах холодная, не вздумай там еще купаться. Сразу заболеешь! Босиком не ходи и смотри, чтобы тебе голову не напекло...— все эти советы она повторяла раз по двадцать. Можно было подумать, что ее сынок уезжает куда-то за тридевять земель, так она за него беспокоилась.

Тревоги и хлопоты лишили тетушку Улжан сил, и сейчас она едва держалась на ногах от усталости.

Николай Трофимович настоял, чтобы Мурату оставили только самое необходимое. Но когда он отошел, тетушка Улжан достала из коржуна куски мяса и стала запихивать их Мурату в карманы:

— Проголодаешься по дороге. Никто вас там сразу кормить не будет. Вот и поешь, когда приедете.

Только когда подвода с ребятами выкатилась из поселка, Мурат смог свободно вздохнуть.

* * *

Через три дня в пионерский лагерь приехал на своей вороной лошадке старый Батырбек.

— Ты зачем сюда приехал? — спросил у него Мурат.

— Как зачем? Тебя проведать.

— А что меня проведывать?

— Это все твоя мать. Извела меня совсем, поезжай, мол, узнай, как он там,— сказал Батырбек и стал извлекать из карманов гостинцы. которые Улжан велела передать Мурату. Это были опять же курт, вареное мясо, конфеты.

— Да куда мне все это? Вы что там думаете, будто я с голоду помираю?

Мурат оставил себе конфеты, а остальное вернул Батырбеку...

А еще дней через пять приехала сама тетушка Улжан. Мурат встретил ее раздраженно.

— Мама, зачем ты приехала?

— Сынок, разве можно такие вещи спрашивать? Я к тебе приехала!

— Папа ведь недавно приезжал. А теперь ты... Больше не приезжайте, не надо.

— Что же нам делать, если мы соскучились по тебе? — спросила раздосадованно тетушка Улжан.

С этих пор, стоило вдали показаться всаднику, как ребята начинали дразнить Мурата:

— Мурат, вон твоя мама едет!

— Мурат, это, наверное, опять к тебе!

— Радуйся, Мурат, тебе опять конфетки привезут!

И все-таки месяц, проведенный в лагере, стал для Мурата незабываемой веселой порой. И дня отъезда он, в отличие от некоторых своих товарищей, не ждал с нетерпением, с каким обычно высматривают задержавшийся в пути поезд столпившиеся на перроне люди. Здесь, на природе, он почувствовал прилив радости и здоровья, простора и никем не стесненной свободы.

И что удивительно, в лагере у Мурата прорезался вдруг совершенно неожиданно для него самого аппетит. Иногда ему даже не хватало обычной порции, и тогда Мурат без стеснения просил добавки.

Из лагеря Мурат вернулся поправившись на целых пять килограммов. Он сильно вытянулся за это время и стал выглядеть гораздо плотнее.

Уже давно Мурат мечтает закалиться, как тот человек на фотографии, которую показывал Николай Трофимович, и, может быть, точно так же купаться зимой в проруби. Ведь не зря же говорят, что закаливание доступно каждому, стоит только очень захотеть.

В прошлом году Мурат бегал тайком от родителей на речку и обливался холодной водой. Кончилось это сильной простудой. Мурат заболел и пришлось ему бросить это занятие. И вот теперь, в лагере, появилась возможность начать закаливание по-настоящему, ведь рядом был Николай Трофимович, который помогал ему своими советами.

В течение всего месяца каждый день утром и вечером Мурат купается в горной речке.

38

Николай Трофимович отработал в лагере два сезона и вернулся в поселок только в конце августа. Директор сдержал свое обещание и дал ему два месяца отпуска. Вдвоем с Дусей они поехали сначала в Алма-Ату, потом съездили в Омск погостить у сестры Дуси, которая вышла замуж несколько лет назад и теперь жила там. В «Красную заставу» они вернулись только через полтора месяца, отдохнувшие, полные новых впечатлений и очень бодрые.

Николай Трофимович успел соскучиться по своей работе. Он сразу после приезда, как только умылся с дороги, пошел в школу.

Когда Николай Трофимович издали увидел то, что творилось на физкультурной площадке, сердце у него дрогнуло. Гимнастические кольца, которые висели на перекладине, бесследно исчезли, а шест для лазания был сломан посредине.

Николай Трофимович подошел поближе и увидел, что все снаряды в гимнастическом городке покорежены и сломаны, словно здесь побывало полчище варваров. Турник перекосился, видать, на него взбиралась целая орава хулиганов и расшатала подпорки. Яма для прыжков в длину была сплошь усеяна коровьим пометом.

— Вот негодяи! Подлецы! — шептал Николай Трофимович, глядя на это разорение.

Он подошел к физкультурному залу и увидел на дверях новый замок. И тут в душу к нему закралось подозрение. Николай Трофимович заглянул в окно и увидел, что бывший спортзал завален дровами и еще каким-то хламом...

Директор беседовал в своем кабинете с Сайбеком. Николай Трофимович вошел туда мрачный и хмурый, словно только что ему пришлось тушить пожар. Он не стал даже здороваться.

— Товарищ директор, что это за безобразие? Или вы думали, что я раз и навсегда уехал, что я не вернусь сюда больше? Как можно было такое допустить?..

— Ты о чем? — прервал его Токмолда.— И вообще, я с тобой разговаривать не собираюсь. Можешь быть свободен. В этой школе ты уже не работаешь!

Для Николая Трофимовича это было как ножом по сердцу:

— Как не работаю?

— А вот так. На твое место уже взяли другого человека.

— Не понимаю... Как вы могли его взять?

— А об этом ты спроси в районо.

Дуся извелась дома, ожидаючи Николая Трофимовича к обеду, ведь он обещал прийти через четверть часа, но до сих пор его все еще нет. Николай Трофимович тем временем звонил с почты в райцентр. Коккозова на месте не оказалось. Трубку взял инспектор по фамилии Дуйсенбаев.

— Да, действительно, на ваше место послали нового учителя.

— И что же мне делать?

— Завтра будет Коккозов, поговорите с ним. Может, он подыщет вам место в другой школе.

Так начались для Николая Трофимовича заботы, которые раньше ему и во сне не могли привидеться...

39

Было ясно, что по телефону решить это дело невозможно. И потому, поднявшись на следующее утро по привычке чуть свет, Николай Трофимович, не дожидаясь попутного транспорта, отправился в районный центр пешком.

Двадцать километров до районного центра он одолел только к обеду. Коккозов был у себя. Николая Трофимовича он встретил обычной своей улыбочкой:

— А я слышал, что вы с семьей навсегда уехали из нашего района.

— Если бы я собирался уезжать, то, наверное, уволился бы с работы.

— А вы знаете, бывают такие люди — ни у кого не спросясь, уезжают, а потом переправляй им по почте документы,— сказал как ни в чем не бывало Коккозов. Это, видимо, была заранее подготовленная лисья уловка.

— И что теперь делать? Ведь должен же я где-то работать?

— Вы приходите завтра. Я вам попробую найти место в другой школе,— заверил его заведующий гороно, все так же улыбаясь.

Николай Трофимович не стал настаивать на восстановлении в должности. После того, что ему довелось вчера увидеть, работать рядом с Токмолдой он больше не желал.

Николай Трофимович вышел из конторы весь потный. После двадцатикилометрового перехода он сильно устал, к тому же нестерпимо хотелось есть.

Столовая была рядом, правда, народу в ней оказалось много.

Николай Трофимович отстоял в очереди, взял тарелку борща и порцию мант. Борщ оказался кислым и невкусным, мясо в нем плавало в виде одного тоненького пластика, а тесто от мант вязло на зубах. Николай Трофимович чувствовал, что ему надо хоть как-то утолить голод и с трудом протолкнул всю эту пищу в горло.

Гостиницы в райцентре не было. Николай Трофимович походил некоторое время по селу, а потом вышел за околицу. На склоне горы, освещенной закатными лучами солнца, он бросил на траву шинель и лег на нее...

Наутро он опять пошел в райоко. В кабинете Коккозова сидел какой-то незнакомый ему человек в черной шляпе.

— А где товарищ Коккозов?

— В командировку уехал.

— Когда же это он успел?

— Райком ему срочное задание дал. Вот он и уехал утром, не заходя сюда.

— И когда теперь вернется?

— Не раньше чем дней через пять.

— А вы кем здесь работаете?

— Моя фамилия Дуйсенбаев, я инспектор по школам.

«Так значит с тобой я разговаривал по телефону позавчера»,— подумал Николай Трофимович.

Николай Трофимович передал Дуйсенбаеву все, о чем они договаривались с заведующим райоко.

— Мне ничего не передавали... Но, насколько мне известно, в школах сейчас подходящей для вас работы вроде бы нет.

Судя по всему, этот товарищ действительно ничего здесь не решает. Да и держится он как-то так, что сразу видно — это пешка, которую начальство двигает, куда ему вздумается.

Николай Трофимович разозлился не на шутку. Он решил биться до конца и... пошел в райком партии. Первый секретарь выехал, как оказалось, в Алма-Ату, а второй объезжал колхозы. Девушки-секретарши сидели в приемной, скучая от безделья.

В другом конце длинного здания помещался райисполком. Николай Трофимович направился туда. Председатель

был у себя в кабинете. Николай Трофимович вошел к нему и рассказал все как есть.

— Напишите заявление и изложите в нем все ваши проблемы,— посоветовал ему председатель райисполкома.

После обеда Николай Трофимович снова пришел к нему со своим заявлением. Но председателя на месте не оказалось.

— А где он? — спросил Николай Трофимович у секретаря.

— Уехал в колхоз.

— Он вернется сегодня?

— Не знаю,— ответила девушка.

40

Приходилось ли вам встречать рыбака или охотника, который возвращался домой с пустыми руками? Вот такой примерно вид был у Николая Трофимовича, когда он добрался домой усталый, подавленный тяжестью неудачи, с потемневшим, обросшим густой щетиной лицом.

Дуся почувствовала, что ничего радостного Николай Трофимович домой не принес и не стала тревожить расспросами.

— Дай мне, пожалуйста, теплой воды, побриться надо,— попросил он ее и больше ничего не сказал.

Вечером за ужином Николай Трофимович как бы продолжил невзначай:

— Надо отсюда уезжать, Дуся.

— Куда уезжать? В район?

— В город...

Слух о том, что Денисенко со своей женой уезжает из «Красной заставы» быстро облетел весь поселок.

Дуся радовалась, что скоро она будет жить в городе. «Не пропадем, мы же в конце концов оба работать будем»,— успокаивала она себя, когда думала о том, что слишком уж много туманного и неизвестного в их будущей жизни.

Стол, стулья, кровати и все остальные громоздкие вещи она распродала соседям.

Николай Трофимович продал совсем еще новенький военный китель и хромовые сапоги. Денег от этого выручили не так уж и мало.

Утром к молодоженам зашла тетушка Улжан, и они

вместе сели пить чай. Скатерть была постелена на два составленных рядом чемодана. Дуся, зная казахские обычаи, пригласила Улжан к столу.

— Спасибо, доченька, сиди. Я только отломлю кусочек,— тетушка Улжан, как этого требует обычай, отведала кусочек хлеба с дастархана и села на большой сундук в стороне.

— Послушай, дорогой,— обратилась гостья к Николаю Трофимовичу,— наш Муратжан очень к тебе привязался. Не знаю почему, но любит он тебя очень. Вот он со вчерашнего дня ходит сам не свой, как услышал, что вы отсюда переезжать собираетесь. Говорит, учитель наш — золотой человек, как мы все теперь без него будем. Извелся совсем мальчишка. Меня привела сюда любовь к тебе нашего мальчика. Здесь у тебя родных нет никого, служба тебя с нами свела. Но я хотела бы благословить вас в дорогу, как полагается. Пусть вам удача сопутствует везде, где бы вы ни оказались. Пусть люди оказывают тебе, дорогой Николай, почет и уважение! То, чему ты здесь учил моего Муратжана, он никогда не забудет. Вот возьмите, я вам кое-что в дорогу собрала.— Тетушка Улжан развязала узелок, который принесла с собой.

Там были два десятка яиц и большой жирный кусок вареной баранины.

Николай Трофимович с Дусей были тронуты заботой пожилой женщины.

— Спасибо вам огромное, мамаша, я ведь вашего Мурата тоже очень полюбил,— сказал Николай Трофимович.— Из него обязательно вырастет настоящий человек. Он хороший мальчик. Вот если бы его отправить учиться куда-нибудь в центр, он бы далеко пошел. Мурат хоть и мал еще, но цель свою уже и сейчас видит. Я вам с дядей Батырбеком вот что советую: не надо над ним так трястись. Пусть паренек и уроки делает, и играет вволю. Для него, с его подвижным характером, все это необходимо.

Тетушка Улжан выслушала Николая Трофимовича.

— Помнишь, дорогой,— произнесла она спустя минуту,— зимой, когда Токмолда против тебя козни строил, ты как-то к нам пришел и очень много умных вещей нам со стариком сказал. Ты тогда сказал, что мы сами виноваты, что сынок наш такой хилый и болезненный растет. Так вот, мы с тех пор все твои советы стараемся выполнять. И больше мы уже за Муратом нашим так не бегаем.

Летом вместе с тобой в лагерь отправили. Он оттуда здоровым вернулся. Каждое утро берет мыло, полотенце и бежит на речку через всю улицу. Закаляюсь, говорит, мама, так Николай Трофимович нас учит. А мне жена Нурмолды сказала: «Я каждое утро вижу, как твой сын в речке плескается». А сам Мурат говорит, что только умывается. Он у нас ни минуты просто так не сидит. Сделает уроки и бежит во двор, целый час там кулаками машет, будто с собственной тенью дерется. Или скачет через веревочку, как девочка. Я ему говорю: «Муратжан, ты что это, в девочку превратился? Это же не мальчишеская забава!» А он отвечает: «Это, мам, не забава, а тренировка для ног и дыхания». Я ему поначалу запрещала себя сильно-то так мучить, а он убежит куда-нибудь и снова за свое, теперь уж и я рукой махнула на все это. А он мне говорит: «Вот увидишь, мама, я вырасту таким же сильным, как дядя Николай, и тоже буду командиром, как он». Ты вот скоро уезжаешь, а мой малыш ходит, как в воду опущенный, не знаю, что и делать...

— Не оттого я, тетушка, уезжаю, что мне места ваши не нравятся. Так уж дела мои сложились,— сказал Николай Трофимович.

— Слышала, слышала, дорогой. Дети ведь хитрый народ. Они все знают. Это дело рук нашего Токмолды, так они говорят.

Когда тетушка Улжан собралась уходить, Николай Трофимович спросил у нее:

— Тетушка, а Мурат сейчас дома или на занятиях?

— Здесь он, на улице меня ждет, постеснялся зайти.

Николай Трофимович быстро поднялся и вышел на крыльцо. Мурат действительно стоял на улице, дожидаясь на солнышке свою мать.

— Здравствуй, Мурат!

Мальчик поначалу смутился от неожиданности, но потом быстро пришел в себя и вежливо поздоровался:

— Здравствуйте, Николай Трофимович.

— Что же ты здесь стоишь и не заходишь?

Николай Трофимович взял мальчика под руку и завел в дом.

— Ну как? Занимаешься в секции?

— У нас сейчас ни одна секция не работает,— сказал Мурат.

Впрочем, Николай Трофимович и без того догадывался, что со спортом теперь дело обстоит именно так.

— Но мы сейчас сами тренируемся,— сообщил Мурат.

— Кто это мы?

— Я, Шакир и еще ребята, которые раньше у вас занимались.

— Ну и как вы тренируетесь?

— Каждый день собираемся вечером у Шакира во дворе.

— А кто у вас за тренера?

— Никто, мы сами.

— А хоть пособие-то у вас какое-нибудь есть, чтобы по нему заниматься?

— Нет.

— А перчатки?

— Настоящих нету, мы сами сделали две пары.

Николаю Трофимовичу было приятно слышать это, а с другой стороны стало жаль ребят.

— То, что вы делаете, настоящая партизанщина, ребята!

Николай Трофимович раскрыл сундук и достал из него две пары боксерских перчаток, какие-то книги и брошюры.

— На, держи, это я вам на память оставляю. Пользуйтесь. Только не дурачьтесь зря, а по-настоящему занимайтесь, понял? А это вам для руководства,— Николай Трофимович протянул Мурату книги,— особенно вот эту внимательно изучите. Здесь все написано — и как правильно разминку делать, и как тренировку вести. А эта книжка называется «Самоконтроль спортсмена». Она для любого, кто спортом заниматься решил, просто незаменимая вещь.

Нет, так Мурату еще ни разу в жизни не приходилось радоваться! Мальчик держал в руках все это богатство и ему казалось, что он макушкой небо задевает, такой он был в эту минуту гордый. Очень восприимчивый от природы, Мурат чувствовал, что радость, охватившая его, буквально распирает ему грудь.

— Спасибо вам большое, Николай Трофимович!

Но учитель и не сомневался, что сейчас его благодарят от всего сердца, и не только за сегодняшний подарок, но и за все то хорошее, что он старался сделать в этом поселке в течение последнего года.

После обеда, когда ребята возвращались из школы, они увидели перед домом, где жил Николай Трофимович с Дусей, большую грузовую машину.

Возле нее стояло много народу, соседи и друзья Дуси. Николай Трофимович и какой-то мужчина, видимо, води-

тель машины, укладывали в кузове тюки и чемоданы. Кто-то из ребят крикнул:

— Николай Трофимович уезжает!

Мальчишки сорвались с места и гурьбой побежали к машине.

Здесь были завуч Роза Асанова и Жолдыбек, они тоже пришли попрощаться с Николаем Трофимовичем.

Токмолда в это время сидел у себя в кабинете и следил за происходящим через окно. Он чувствовал себя победителем. Лицо директора то и дело дергалось в ухмылке, словно он временами не верил, что ему и вправду удалось сладить с ненавистным физруком.

На площадке перед школой, где лежали сложенные в поленницу дрова, стоял, опираясь на палку, завхоз Сайбек. Он вместе со всеми наблюдал за сборами, старику было как-то жаль Николая Трофимовича. «Чего бы ему,— рассуждал завхоз,— спорить с директором. Ходил бы себе тихонько, кто б его стал тревожить?» Сайбек понимал, что надо подойти и попрощаться с Николаем Трофимовичем по-человечески. Но что-то его не пускало. Завхоз знал, что Токмолда смотрит сейчас в окно, а перечить ему Сайбек никак не мог... А вот если бы тот же Токмолда приказал ему — держи, не пускай Денисенко из поселка, Сайбек бы, наверное, бросился останавливать машину, может быть, даже лег на дорогу перед ней.

Дети стояли молча поодаль, пока взрослые прощались с семьей Николая Трофимовича, но как только мотор машины завелся, они подбежали ближе и плотным кольцом окружили своего учителя.

— До свидания, Николай Трофимович!

— Мы вас не забудем!

— Счастливо вам добраться до города!

— Напишите письмо, как приедете, Николай Трофимович, а потом мы вам напишем!

— До свидания, агай!

Николаю Трофимовичу было не по себе, когда он слышал голоса своих учеников. Теплый комок подступил к самому горлу, в какой-то момент учителю даже показалось, что слезы вот-вот покатятся из глаз, но выдержки хватило, чтобы не допустить этого. Он сумел быстро взять себя в руки и через минуту выглядел уже спокойным и сосредоточенным, каким ученики привыкли его видеть.

Но вот шумная ватага ребят осталась позади, и машина быстро покатила по поселку.

41

Фамилия учителя, который пришел на место Николая Трофимовича, была Айманбеков. А имя у него было какое-то странное и смешное — Байкулак. Это был совсем молодой парень, недавно вернувшийся с фронта. Семьи у него не было. Поселился Айманбеков на первое время в доме Токмолды.

Айманбеков тоже ходил в армейской гимнастерке, на груди у него звенели три медали. Когда директор привел его первый раз, детям новый учитель показался скромным, даже застенчивым. Токмолда представил Айманбекова классу:

— Это товарищ... товарищ Айманбеков, ваш новый учитель будет преподавать физкультуру. Зовут его Байкулак.

Услышав произнесенное имя, дети прыснули со смеха.

— Чего вы смеетесь? Что я вам смешного сказал? Вот ты, Батырбаев, встань, я к тебе обращаюсь, чего ты смеешься? Товарищ Айманбеков был на войне. На фронте он проявил героизм. Партия и правительство наградили его медалями. А раз так, то это... то вы не имеете никакого права смеяться. Значит, вы все должны слушаться его и к занятиям на его уроках относиться серьезно!

На этом Токмолда закончил свою речь и, оставив класс на попечение Айманбекова, удалился.

Новый учитель физкультуры совсем не обладал спортивной внешностью. Это был невысокого роста, среднего сложения человек с маленькими серыми глазами и красным лицом. За время, пока в классе находился директор, он не проронил ни слова. Детям показалось даже, что он стесняется класса. Учитель долго мялся, а потом, густо покраснев, невнятно заговорил:

— Да, дети, я вернулся с фронта. Два раза был ранен. Лежал в госпиталях. На фронте я... я проявил героизм. Теперь партия послала меня учить вас. Какие у вас будут ко мне вопросы?

Мурат поднял руку.

— Агай, а вы будете вести спортивные секции?

Учитель сделал недоуменное лицо.

— Секции? Какие еще секции?..

— По легкой атлетике, футболу, боксу. Наш прежний учитель Николай Трофимович был хорошим спортсменом. Он нас всему учил.

— Раз надо, я вас тоже учить буду. Чему захотите, тому и научу...

42

Новый учитель физкультуры имел всего шесть классов образования. А воинское звание у него тоже оказалось невысоким, демобилизовался он в чине ефрейтора. Вот с таким багажом Байкулак Айманбеков и начал свою учительскую деятельность.

Первое, что он сделал, это провел три, как он их называл, реформы, в рамках своего предмета.

Реформа № 1. Предмет физкультуры в школе отныне именовался «уроками дисциплины». Так и было написано во всех табелях — «уроки дисциплины».

Реформа № 2. Ученикам вменялось называть учителя не «агай», а «товарищ Айманбеков». И при встрече не здороваться, а отдавать честь по-военному.

Реформа № 3. Все указания учителя должны восприниматься учениками как приказ. Приказы же, как известно, обсуждению не подлежат. Всякого, кто не выполнит это правило, ждет суровое наказание.

Тот самый новый учитель физкультуры, который раскраснелся от волнения на первом уроке, через несколько дней стал неузнаваем. Разговаривал он теперь не иначе как строгими окриками. Любую речь начинал и кончал любимой фразой: «Я приказываю». Своим ученикам Айманбеков, видимо, решил преподнести все то, что впитал в себя сам, будучи новобранцем.

В детстве Байкулак слыл на редкость хвастливым мальчишкой. После того, как он побывал на фронте, это качество закрепилось в его характере. Глядя на учителя физкультуры, думалось, вряд ли удастся сыскать на свете второго такого болтуна и враля. Послушать Айманбекова, так выходило, что он в одиночку крушил целые полки фашистов. И о чем бы ни говорил новый физрук, он всегда умудрялся свести разговор к своим недавним геройствам.

Скоро в поселке стали ходить анекдоты по поводу его хвастовства. Иначе как «трепло Байкулак», «придурок Байкулак», или «наш Байкулак, который из рук генерала медаль получил», его уже никто не называл. А стоило кому-нибудь из сельчан хватить через край в разговоре, как ему тут же, махнув рукой, говорили: «Ты нам Байкулаковы байки не рассказывай, друг!»

Ученики быстро разобрались в слабостях своего нового учителя, и когда им хотелось отвлечься от нудной муштры, всего-то и нужно было, чтобы кто-нибудь из класса попросил:

— Товарищ Айманбеков, расскажите нам про войну!

— Значит, хотите послушать, как я воевал? Ладно,— сразу оживлялся Байкулак и начинал нести такое, во что и детям-то с трудом верилось. Интересно, а если бы ему самому рассказали подобную историю — неужели бы он поверил? Вдобавок ко всему, Байкулак имел обыкновение мешать русские слова с казахскими. Вот образчик одного из его рассказов:

— Пошли мы раз в атаку. Командиры кричат: «Пирод! Пирод!»,— а мы стреляем на ходу и бежим прямо на врага. А немцы, значит, тоже поливают нас пулями, как дождем. То справа просвистит, то слева! И тут мы с ними столкнулись лоб в лоб! Когда влезешь в самое месиво, оказывается, перестаешь замечать, что кругом тебя делается. Я только увижу перед собой немца — или штыком его запорю или стреляю, как удобнее получится... Вдруг вижу, а впереди-то никого нет, огляделся — оказывается, я зараз все их цепи насквозь прошел. Бой-то у меня за спиной идет. Вернуться нельзя, надо снова через их цепи проходить. А увидят меня одного — сразу накинутся кучей. Что тут делать? А раздумывать времени нет. Я, значит, сразу с себя форму нашу сбрасываю и переодеваюсь в немецкую — тут же с одного убитого фрица снял. И стал я сразу с виду — форменный фашист. Теперь никто бы и не подумал, что я — советский солдат. Подбежал я сзади к немцам, и лег на землю, и начал стрелять, как будто бы я по советским стреляю. Но, конечно же, в своих я стрелять не стану. Возьму немца впереди себя на мушку и спокойненько хлопну его в затылок. А его товарищи думают, что это его противник убил. Им и в голову не приходит, что это я его. Лежу я так и хлопаю их по одному. Тут и наши с той стороны подоспели. А немцев-то теперь меньше стало! Поднялись они и ну драпать назад! А я повернулся и опять же расстреливаю их сзади. Вдруг вижу, подбегает ко мне командир нашего взвода Нигматуллин, татарин по национальности. Он-то меня не узнает, думает — фашист, и замахивается штыком. А я его штык в сторону отбил и кричу: «Тауарыш командир! Это же я!» Он аж упал от неожиданности, глаза вытаращил и говорит: «Боец Айманбеков, ты что? Ты как это? Ты в кого пре-

вратился?!» А я ему, так, мол, и так, тауарыш командир, и все как есть рассказал с самого начала. В это время кто-то меня по плечу сзади хлопнул и говорит: «Молодец, Айманбеков!» Поворачиваюсь, а это наш генерал. «Я, — говорит,— наблюдал через бинокль все ваши подвиги. Молодец Айманбеков! Настоящий герой. Дал бы я тебе за это орден, да вот беда, кончились у меня все ордена, но вот тебе заместо одного ордена две медали!» Достал из кармана вот эти медали и сам мне на грудь повесил. А потом говорит: «Ты теперь, Айманбеков, будешь не просто рядовым бойцом, а ефрейтором».

Тут Байкулак сделал паузу и сказал:

— А вы знаете, что такое ефрейтор? Ефрейтором быть еще ответственней, чем командиром. Потому что ефрейтор должен показывать личный пример всем остальным солдатам и всегда быть впереди. Вот что такое ефрейтор!

— До войны,— продолжал свой рассказ Байкулак,— я на Дальнем Востоке служил. А знаете, где Дальний Восток? Это, можно сказать, самый край земли. Поездом туда надо ехать ровно месяц, поняли?

— А почему месяц, я слышал, что меньше,— неосторожно спросил кто-то из учеников.

— Послушай, ты знаешь, где Дальний Восток, или я, который там служил и десять раз туда ездил? — взбеленился Байкулак.

— Агай, то есть, товарищ Айманбеков, вы правы...

— Рассказывайте дальше!

— Так вот, запомни, поезд до Дальнего Востока идет месяц,— повторяет Байкулак опрометчивому мальчику и продожает: — За Дальним Востоком живет такой народ — японцы. Они еще тогда с Германией дружили. Очень хулиганистые люди. Стоит тебе на посту задремать, они тебе тут же голову отрежут. Так-то! Одному нашему солдату взяли и голову отрезали и с собой унесли. Утром приходим, а он стоит без головы, автомат наперевес держит.

— И что, не упал?

— Нет, так и стоит.

— Да кто же будет стоять, если голову отрезать?

И снова Байкулак выходит из себя:

— Ты знаешь, или я, который собственными глазами видел?

Вот такого рода историями и потчевал на уроках своих учеников Байкулак.

* * *

Пасмурный осенний день. Всю ночь накануне шел дождь. Все вокруг покрыто мутными лужами.

Урок физкультуры в седьмом классе. В класс армейской походкой заходит Байкулак. Дети при виде его оживляются, как если бы на арене цирка вдруг появился клоун.

— Сейчас будет хохма!

— Товарищ Айманбеков, расскажите нам, как вы воевали!

— Расскажите, какие вы подвиги совершили!

— Не шуметь! Отставить разговоры, выходи строиться!

— Агай, товарищ Айманбеков, на улице дождь идет!

— Давайте в классе заниматься.

— Отставить! Что за шум? Я приказываю выйти всем во двор и построиться.

Ребята нехотя вышли во двор.

Последним помещение школы покинул Байкулак и, резко вскрикивая, начинает командовать:

— По дба станобис! Направу! Прями шагим арш! Рас-тва! Рас-тва! Кругем! Рас-тва! Рас-тва! Еще раз, кругем! Бигем арш!

Вот так, бегом по лужам, Байкулак пригнал класс на дальний конец поселка. Здесь начинался бугристый косогор, который кончался ложбиной, где протекала речка, поросшая ивняком. На краю косогора учитель скомандовал: «Стой!»,— и ребята нестройной вереницей выстроились на самой бровке.

— Вон там,— начал объяснять задачу Байкулак,— вон там у речки в кустах находится враг. Мы должны провести атаку и занять этот рубеж. Задача ясна?

— Ясна!

— А раз так, ложись!

Ребята стояли, словно не понимая команды. Они стали переглядываться — как это, мол, «ложись», когда кругом грязь и мокрая трава?

— Ложись! Ложись! — кричал Байкулак, размахивая руками.

— Агай, как мы здесь ляжем, мокро же?

— Ну и что, что мокро! На войне никто не спрашивает, мокрая земля или сухая. Сказано — «Ложись», значит, надо ложиться!

Ребята, которым не было особенно жаль свою одежду,

один за другим попадали на землю. Другие стояли, не решаясь опуститься.

В это время Байкулак подал очередную команду:

— По-пластунски, вперед!

Как надо ползать по-пластунски, Байкулак уже успел объяснить ученикам на прошлом занятии, правда, тогда дождя не было.

То, что сейчас физрук потребовал от своих учеников, казалось настоящим издевательством. Как можно ползти по грязи, в траве, которая клонится к земле от воды?

Ребята стали роптать.

— Товарищ Айманбеков, мы же все мокрые будем!

— Промокнем до нитки!

— Команда не обсуждается, а выполняется, понятно? — взбесился Байкулак.

— Так ведь это же бессмысленная команда, как ее можно выполнять? — спросил Мурат.

— Что, что ты сказал? — Байкулак подошел вплотную к Мурату.

— Это бессмысленная команда,— повторил мальчик.

— Значит, ты хочешь сказать, что команды, которые я подаю, бессмысленные, так? Значит, по-твоему, я дурак? Ты это хотел сказать?

— Я не говорил, что вы дурак, товарищ Айманбеков.

— Молчать! Четыре шага вперед, марш!

Мурат повернулся кругом.

— Смирно! — скомандовал Байкулак, повернувшись к ребятам.

— Вот, смотрите на него, он обсуждает приказ командира. А знаете, что бывает на фронте за отказ исполнить приказ? Расстрел! Ну, кто еще отказывается выполнять? Четыре шага вперед!

Никто из ребят после того, как Мурату пригрозили таким страшным наказанием, не захотел выходить из строя.

— Ну, кто еще? Выходи!

— Мы все выполним,— сказал Садык.

— За невыполнение приказа я назначаю Батырбаеву пять часов ареста. Начиная с этого времени ты будешь под арестом,— сказал Байкулак. Он вызвал из строя Садыка, у которого была в руках школьная учебная винтовка и которую доверял только ему.

— Садык, будешь охранять арестованного, пока мы не вернемся.

Садык с готовностью подошел к Мурату и стал возле него с винтовкой у ноги.

Остальных ребят Байкулак повел в атаку на противника:

— Ложись! Короткими перебежками — вперед! В атаку! Ура! Ура!

43

Байкулак со своим «войском» наголову разбил «противника» и строем повел класс в школу.

Позади всех Садык сопровождал арестованного Мурата. Старую винтовку с заклепанным стволом и треснутым прикладом Садык держал словно настоящий солдат на параде. Мурату это не понравилось, и он сказал Садыку:

— Да убери ты ее, не выставляйся!

На что Садык рявкнул, как цепной пес:

— Не разговаривай! Товарищ Айманбеков, посмотрите, он не хочет идти нормально!

Прохожие на улице поселка останавливались и глядели вслед странной процессии перепачканных грязью мальчишек, одного из которых, к тому же, вели позади всех под ружьем. Мурату было нестерпимо стыдно чувствовать на себе взгляды аулчан.

Байкулак привел ребят в школу и сразу послал одного из учеников к завхозу за ключами от дровяного склада, а потом отвел туда Мурата и запер на замок. Такого никогда еще не случалось в школе, чтобы ученика сажали в сарай за провинность. Для детей это было в новинку, они бегали по одному к дровяному складу и заглядывали в щель, что там делает Мурат, посаженный на «гауптвахту»? Байкулак тоже время от времени выходил во двор и отгонял мальчишек от дверей строгими окриками.

Дома за чаем Садык с гордостью рассказывал отцу, как сегодня он вел по поселку под конвоем Мурата, а потом его заперли в сарай. Услышав, что ученика посадили под замок, Токмолда перепугался.

— Это правда? — спросил он Байкулака.

— Конечно, правда. Пусть посидит там, может, одумается!

— Э... Да ты что? Учеников нельзя сажать под замок! Это же неверно!

— Как неверно? А что с ними еще делать, если он не

слушается? Зато после наказания будет знать наперед...

— Не... нет, ты мне это брось, быстро отпусти его, пока не поздно. Сейчас придут его родители, тогда нам с тобой обоим не сдобровать. И впредь не смей больше никого так наказывать. Для учеников должны применяться другие меры. Дай-ка сюда ключ. А теперь отдай его Садыку, пусть быстро сбегает и отпустит Батырбаева подобру-поздорову.

Садык побежал с ключом в школу, но скоро вернулся.

— Нет его там.

— Кого нет?

— Мурата.

— Как это нет?

— Так. Я дверь открыл, а там пусто. Убежал!

— Как же он мог оттуда сбежать? — глаза у Байкулака сделались от удивления большие и круглые.

— Не знаю как, да только его там нет,— сказал Садык и бросил ключ на стол перед Байкулаком.

44

После этой истории Айманбеков стал третировать Мурата, как только мог. Всю зиму он не давал мальчику покоя. Стоило Байкулаку увидеть Мурата, как он сразу напрягался, словно пес, увидевший кошку. И тут же начинал искать повод, чтобы придраться, а иногда напускался и без всякого повода.

Айманбеков, по-видимому, вообще не подозревал о том, что существует на свете педагогический такт, который он, как учитель, должен был соблюдать, и поэтому к Мурату относился, как к заклятому врагу.

А Мурат между тем все свое свободное время посвящал занятиям спортом. Поскольку от нового учителя физкультуры помощи в этом деле не было никакой, мальчик стал полностью руководствоваться книжками, которые ему оставил Николай Трофимович. Книжки оказались действительно полезными и занимательными. Столько интересного открыл в них для себя Мурат! Теперь он уже стал следить за газетами и прочитывал в них все, что печаталось о спорте.

Однажды Мурату попалась интересная статья, напечатанная в «Пионерской правде». В ней говорилось о московских дворовых детских футбольных командах. Там ребята, оказывается, имеют на каждой улице свою фут-

больную команду и проводят настоящие чемпионаты. Команда, выигравшая первое место, получает кубок.

Мурат прочитал статью и подумал, а почему бы и здесь, в «Красной заставе», не организовать что-нибудь подобное?

Как было здорово, когда работал Николай Трофимович, сколько было спортивных секций, а разве можно забыть спартакиаду, которую он организовал. Почему бы не возобновить все самим?

Мурат поделился своей идеей с Шакиром. А потом к ним присоединились другие ребята, которые тоже любили спорт. Скоро их старания уже начали давать плоды. В «Красной заставе» появились футбольные и баскетбольные команды, правда, участвовали в них одни и те же мальчишки. Команды на одной улице назывались «Спартак», а на другой «Динамо».

Работала в поселке и самодеятельная боксерская секция. Рядом с домом Шакира стояла заброшенная времянка, ее-то и превратили ребята в спортивный зал. Подмели полы, вынесли из времянки все ненужное. Тренером они избрали Мурата, а старостой секции стал Садык.

Так что начинания Николая Трофимовича не заглохли, а продолжали жить в этом маленьком поселке. Правда, зачастую все, что делали ребята, его ученики, напоминало лодку, пущенную по течению без весел, ее могло закрутить в водовороте или прибить к берегу, но лодка эта не останавливалась, а продолжала упорно двигаться вперед. Ведь всюду, где есть стремление и желание работать, в конце концов что-то да получается.

В школе никто из учителей об этом долгое время ничего не подозревал. Байкулак продолжал свои «уроки дисциплины», на которых строевые упражнения он по-прежнему перемежал рассказами о своих «подвигах», которые с течением времени все больше и больше обрастали фантастическими подробностями.

Время продолжало свой размеренный бег, но однажды случилось событие, в один миг расстроившее все планы ребят-спортсменов из «Красной заставы».

* * *

Это произошло в один из последних дней октября. Осень стояла хмурая и на редкость холодная.

Однажды вечером Садык пришел домой позже обычного. Лицо у него было все распухшее, а под глазами красовались два огромных синяка.

— Что с тобой случилось? — испуганно спросил Токмолда у сына.

— Ничего...

— Кто это тебя так разукрасил?

— Да, так...

— Что значит так?

— Проиграл на соревнованиях.

— На каких еще соревнованиях?

— По боксу.

— Где это такие соревнования бывают, а?

— У нас, на секции.

— Какую ты еще секцию выдумал?

— У нас своя секция, мы теперь сами тренируемся.

— Так, значит, вы до сих пор не прекратили это безобразие? — закричал Токмолда.— А ну-ка, говори мне где вы собираетесь, кто все это выдумал?

Садыку ничего не оставалось, как рассказать все как есть.

Токмолда в сопровождении Байкулака отправились к дому, где жил Шакир. Отец у Шакира пропал без вести на фронте, и они жили вдвоем с матерью, тихой и безответной женщиной, которую, кроме ее нелегких вдовьих забот, ничто в этом мире не интересовало. Мать Шакира звали Хадиша.

На двери дома висел замок. Токмолда разыскал дверь пристройки, про которую ему рассказал Садык, и отметил про себя, что раньше эта дверь едва болталась на петлях, а сейчас была аккуратно подогнана и обита войлоком.

Мурат, Шакир и еще несколько ребят записывали в тщательно вычерченную таблицу итоги соревнования, которое они провели здесь сегодня. Когда дверь внезапно распахнулась и на пороге появились Токмолда с Байкулаком, ребята повскакивали со всех мест.

Дверь так и осталась распахнутой настежь.

Токмолда принял суровый вид, словно застал детей за каким-то страшным преступлением. Он оглядел внутренность пристройки и удивился, хотя и не подал виду. Все

здесь было примерно так же, как тогда, когда он впервые попал в физкультурный зал к Николаю Трофимовичу. Стены некогда заброшенного помещения побелены, полы тщательно подметены. Даже плакаты висят. Посредине комнаты к потолочной балке подвешен мешок для отработки ударов. Знакомый мешок. Летом, когда они с завхозом освобождали зал, он сам вспорол точно такой-же, он был набит опилками вперемешку с песком. Так вот, значит, пришлось еще раз им встретиться...

На стене висели две пары боксерских перчаток и еще какие-то снаряды.

Токмолда закричал на ребят срывающимся от злости голосом:

— Что это такое? Кто это все придумал? Кто, я спрашиваю! Кто этот негодяй, которому больше делать нечего? Ты, Батырбаев? Снова за старое взялись? Я еще с вами поговорю! Я вам такую секцию покажу! — Токмолда повернулся к Байкулаку.— Снимай всю эту чертовщину! Сожги всю эту дребедень, чтобы я ее больше не видел!

Они выгнали ребят наружу, а сами принялись срывать со стен и бросать в кучу имущество секции, большая часть которого была самодельной. Потом Байкулак сгреб все это в охапку и вынес на улицу. Во дворе напротив жена Сарсенбая разжигала тандыр. Языки пламени вырывались из круглой горловины глиняной печи.

— Отнеси все туда и брось в огонь,— приказал Токмолда Байкулаку.

Огонь в прожорливой печи, словно предвкушая обильное угощение, запылал еще жарче.

Байкулак подошел к тандыру и, ни капельки не задумываясь над тем, сколько труда было вложено ребятами во все эти вещи и как они ими дорожили, швырнул свою ношу в горловину печи.

Бедному Мурату, который следил за Байкулаком, показалось, что в печи горит его разбитое сердце...

45

Почти год прошел с тех пор. И снова наступила осень. Красавица осень! Изобильная, щедрая осень. Не зря это время года люди называют золотой порой. Найдется ли хоть один писатель, который не описал ее красоту, или художник, который бы не попытался в своих картинах воплотить ее чудные краски?

А разве сыщется музыкант, которого бы не вдохновили дыхания осеннего ветра, звуки и мотивы осени? Нет, вряд ли существует по-настоящему талантливый человек, который бы остался равнодушным к золотому осеннему дню.

Сельскому жителю наступление осени предвещает тучные волны пожелтевших хлебов над бескрайним полем. А в городе... в городе мало ли вещей, которые склонны желтеть и с наступлением осени и совсем вне всякой зависимости от нее. Взять хотя бы мужскую соломенную шляпу. Модная вещь. Ее обычно покупают весной. Тогда она выглядит беленькой, сияющей и очень нарядной. Но приглядитесь к прохожим в конце лета, и вы убедитесь, что соломенные шляпы на них приняли совсем иной вид. Цвет их теперь напоминает леща холодного копчения. Так что в городе ориентиром для определения, скоро ли наступит осень, вполне может послужить обыкновенная шляпа.

Однажды к просторным дверям Алма-Атинского физкультурного техникума подошел молодой мужчина, на голове у которого была надета шляпа, про которую мы с вами только что говорили. В руке мужчина держал небольшой чемоданчик, какие обычно носят спортсмены. Впрочем, о том, что этот человек занимается спортом, лучше всего свидетельствовали его широкие плечи и мускулистая шея, распирающая широкий ворот рубашки.

Человек прошел через сумрачный в эти утренние часы коридор и свернул налево. В коридоре возле каждой двери стояли молодые люди. Это абитуриенты, которые приехали поступать в техникум.

В одной из таких компаний стоит и наш знакомый — Мурат. Он только что сдал экзамен и теперь отвечал на вопросы тех, кому эта процедура еще предстояла.

— Что у тебя в билете было?

— Ну, и как ты ответил?

Вдруг Мурат повернулся и увидел прямо перед собои мужчину в соломенной шляпе.

— Николай Трофимович!

— Мурат!

Они радостно обнялись — учитель и бывший его ученик. Не ожидали они встретить друг друга в огромном городе!

— Ты откуда здесь? — спросил Николай Трофимович.

— Поступать приехал.

В стройном мускулистом парне, который стоял сейчас

перед Николаем Трофимовичем, трудно было узнать того мальчишку Мурата, провожавшего своего учителя в «Красной заставе».

— Гляди, какой вымахал, настоящий джигит! — подивился Николай Трофимович.

Мурат улыбнулся, довольный похвалой учителя.

— А где вы сейчас, Николай Трофимович? — спросил он.

— Здесь, в городе. Тренером работаю в «Спартаке». А теперь вот перевожусь в техникум преподавать.

Мурат просиял от радости.

— Значит, здесь работать будете?

— Да.

Николай Трофимович положил руку на плечо Мурату и спросил:

— Ты уже освободился сегодня от экзаменов?

— Да, сдал уже.

— Тогда вот что. Ты меня здесь подожди, я сейчас зайду тут на минуту, а потом мы с тобой не спеша поговорим.

— Ладно.

Николай Трофимович прошел дальше по коридору, где находился кабинет директора, и исчез за дверью приемной. Мурат остался с другими абитуриентами. И снова на него посыпались вопросы:

— Кто это?

— Я слышал, он здесь преподавать будет.

— А откуда ты его знаешь?

Мурат стал восторженно рассказывать ребятам про Николая Трофимовича, о том, какой он замечательный человек. Ребята смотрели на него с нескрываемой завистью.

— Вот счастливчик!

— Этот теперь точно поступит!

— Ты смотри, нас не забывай.

Через несколько минут Николай Трофимович вышел из кабинета, взял Мурата под руку, и они вдвоем ушли. Мурат знал, что ребята смотрят ему вслед, и даже догадывался, что они про него думают. Но до них ли ему сейчас!

Николай Трофимович усадил Мурата на скамейку в сквере за зданием техникума и принялся расспрашивать:

— Ну, друг, расскажи, как ты школу закончил.

— Да, вроде, неплохо. Всего одна тройка в аттестате, а остальные все пятерки.

— И по какому предмету тройка?

— По физкультуре.

— Как это? — удивился Николай Трофимович.— Ты же любил физкультуру.

— Вот за эту любовь мне и пришлось всю зиму расплачиваться...— И Мурат рассказал своему учителю про все свои злоключения.

Николай Трофимович даже вздохнул, слушая его:

— Да, нечего сказать...

После этого печального рассказа оба с минуту помолчали.

— Где ты устроился в городе? В общежитии? — спросил Николай Трофимович.

— Нет, не в общежитии. Тут один старик есть, на Зеленом базаре работает, снял у него комнату. В общежитии место только после первого курса предоставляют.

— Ну и как квартира? Ничего? Заниматься-то хоть можно?

— Не особенно хорошая. Квартирантов куча. А потом базар рядом, к хозяину каждый день куча народу из колхозов приезжает. Шумно...

— Понятно...— Николай Трофимович побарабанил пальцами по крышке чемоданчика.— А мы как уехали из «Красной заставы», так сразу и устроились здесь в Алма-Ате, Дусина мать осталась в районе у старшего сына. А сейчас нас уже трое. Малыш у нас растет, Вовкой назвали. Квартиру снимаем за парком Горького. Две комнатки, но хоть выход отдельный. Про работу мою ты уже знаешь... Я завтра в Ташкент уезжаю.

— А по какому делу? — спросил Мурат, заметив, что Николай Трофимович едва заметно улыбнулся.

— Я ведь с прошлого года снова боксом начал заниматься. Весной стал чемпионом «Спартака». Теперь буду выступать на чемпионате республик Средней Азии и Казахстана. Завтра ехать надо.

— А, значит, я про вас в газете читал. Только не знал точно, что это вы. Думал, может, однофамилец!

— Так-то. Видишь, я тоже на старости лет решил немного встряхнуться,— и Николай Трофимович переменил тему разговора.— Ты сегодня первый экзамен сдал?

— Да, еще по трем предметам осталось.

— А что, не было других знакомых, чтобы на квартиру устроиться, кроме этого, который на базаре?

— Не было. Я, когда ехал, думал, что сразу в общежитие определят, а вышло вон как.— Мурат пытался разговаривать по-взрослому.

— А сейчас ты, конечно, свободен?

— Свободен.

— Тогда пошли ко мне. Потом подумаем, что нам с тобой дальше делать.

46

Они пошли по тротуарам вдоль Ташкентской улицы. Мурат еще плохо ориентировался в городе, но чувствовал, что прогулка предстоит неблизкая. Николай Трофимович сказал, что живет за парком Горького, а парка этого пока даже не видать. Мимо, стуча колесами, проехал трамвай. «Странно,— подумал Мурат,— почему мы пешком плетемся, когда можно доехать?» — и посмотрел вопросительно на Николая Трофимовича. Тот словно угадал его мысли.

— До дома, конечно, далеко, но я в любую погоду стараюсь ходить пешком, за зиму ни разу на трамвае не доезжал.

— Что, так много народу в трамваях?

— По утрам и вечерам народу много, хотя при желании уехать всегда можно. Я специально пешком хожу. Это у меня тренировка такая. Да и вообще, по городу я тоже стараюсь пользоваться транспортом только в крайних случаях. Для спортсмена это очень полезно — пешком ходить.

Мурат подумал, что этим советом нужно будет обязательно воспользоваться.

Но вот асфальт кончился, и они оказались в районе, где улицы почти ничем не отличались от тех, что у них в «Красной заставе». Такие же одноэтажные домики, сады, и людей почти не видать.

— А вот и наш дом,— Николай Трофимович остановился у калитки.

За деревянными воротами стоял высокий дом с террасой. Как оказалось, в дальней половине жили его хозяева, а другая часть сдавалась квартирантам.

Во дворе Мурат увидел Дусю, развешивающую на бельевой веревке детские пеленки.

Мурат не сразу ее узнал, так она поправилась, стала совсем взрослой. Надо же, как изменилась, а ведь совсем недавно была тоненькой девушкой, быстрой походкой порхающей по поселку.

Дуся стала подробно расспрашивать Мурата о том, какие новости и перемены случились за это время в «Красной заставе», как поживают там ее знакомые и друзья, по которым она очень скучает здесь.

В это время из окна, задернутого белой занавеской, послышался детский плач.

— Ой, Вовка проснулся! Коля, поди посмотри, как бы он там не напрудил! — всплеснула руками Дуся.— А я сейчас пойду, белье надо развесить.

Мурат вместе с Николаем Трофимовичем вошел в дом. Комнаты сияли чистотой и порядком. Дверной проем был завешан от мух марлей, к уголкам которой привязаны камешки. Мурата удивило в комнате обилие покрывал и вышитых салфеток, которые были постелены всюду — на полках, на этажерке с книгами, на подоконниках.

Приверженность Дуси к чистоте и порядку Мурат объяснил себе ее профессией. Там, в «Красной заставе», в фельдшерском пункте, где работала Дуся, было так же чисто и опрятно.

Семья занимала две комнаты, не очень большие, но тесными их тоже назвать было нельзя. Одна из них напоминала скорее маленький спортзал, чем жилое помещение. Кроме небольшого стола рядом с окном, да посуды возле печки, все в этой комнате было уставлено спортивными снарядами. Возле стены стоял прислоненный к косяку высокий боксерский мешок с прочной ременной петлей. Рядом на полу — гири и две пары гантелей, у стены лыжи с бамбуковыми палками, коньки, поодаль висели боксерские перчатки и скакалка.

Мурат мельком осмотрел все это хозяйство и прошел следом за Николаем Трофимовичем в дальнюю комнату, как ему показалось, весьма скромно обставленную. Николай Трофимович взял с кроватки сонного ребенка. Так вот он какой, оказывается, Вовка. Малыш решительно не хотел обращать никакого внимания на гостя, а только тер спросонья своими мягонькими кулачками глаза и льнул к отцу. Вовке было всего три месяца. Очутившись в отцовских руках, он сразу перестал плакать.

Когда они вышли в первую комнату, Николай Трофимович сказал:

— Если тебе на твоей квартире не нравится, можешь

перебираться ко мне, если, конечно, захочешь. Я завтра уезжаю, поживете пока с Дусей. Здесь ты хоть к экзаменам можешь спокойно готовиться.

— Хорошо, я к вам перееду,— с удовольствием согласился Мурат.

47

В тот же день Мурат перенес свои вещи к Николаю Трофимовичу. А на следующее утро его учитель вместе со сборной командой Казахстана уехал в Ташкент. Мурат, Дуся и Вовка провожали его на вокзале.

— Возвращайтесь с победой! — пожелал Мурат на прощание Николаю Трофимовичу.

Николай Трофимович не обманул его надежд. С чемпионата он вернулся, заняв первое место в средней весовой категории.

Скоро в газетах появились статьи с портретом Николая Трофимовича, в них его признавали опытным талантливым спортсменом.

К этому времени Мурат сдал все приемные экзамены в техникуме, и его зачислили студентом первого курса, чему он, конечно же, был безмерно рад. Теперь до начала занятий Мурату осталось ждать всего несколько дней.

* * *

Если раньше Николай Трофимович был для Мурата прежде всего учителем, относиться к которому он должен был с вниманием и уважением, то теперь, после того, как они стали жить с ним бок о бок, в одном доме, Денисенко открылся юноше и с чисто человеческой стороны.

То, как строил свою жизнь Николай Трофимович, как распоряжался своим временем, как относился к семье и работе, стало для Мурата примером для подражания. Во-первых, Николай Трофимович не курил (это Мурату было известно и раньше). Спиртного не употреблял вообще. Каждый час у Николая Трофимовича был расписан буквально по минутам. Со строгого режима, намеченного однажды, Николай Трофимович старался не сбиваться ни при каких обстоятельствах.

Ровно в семь часов утра Николай Трофимович отправлялся в парк, который начинался буквально на следующей улице. Здесь он устраивал трехкиломет-

ровую пробежку по тенистым аллеям, а потом на одной из укромных полянок разминался. На все это уходило минут сорок — сорок пять. Потом Николай Трофимович возвращался домой, завтракал и пешком отправлялся на работу. Вечером, после ужина, он полностью посвящал себя работе по дому. Дусе не позволялось даже ходить за водой и мыть полы. Надо было посмотреть, как лихо Николай Трофимович справлялся с этой работой. Засучив рукава, он брался за тряпку и через минут пять полы в обеих комнатах сверкали.

— Ко всему, Мурат, надо относиться, как к спорту. Знаешь ли ты, что уборка в квартире отлично тренирует подвижность суставов, а? — не то в шутку, не то всерьез говорил Николай Трофимович.

Свою основную боксерскую тренировку Николай Трофимович начинал вечером. Длилась она с восьми до десяти часов. Для этого во дворе у него был свой уголок — небольшая площадка под раскидистым карагачом, к толстой ветви которого он подвешивал мешок, набитый песком и опилками.

А в воскресные дни — будь то лето или зима — Николай Трофимович отправлялся за город. Зимой на лыжах, летом на велосипеде. К обеду он возвращался домой. Они обедали с Дусей, а потом, оставив Вовку часа на три с соседкой, супруги шли в кино или театр.

Порядок этот, можно сказать, никогда не нарушался.

В народе говорят: «Выполняй не то, что делает мулла, а то, что он говорит». Много, к сожалению, еще учителей, которые учат своих учеников одному, а сами на деле творят совсем другое. Но Николай Трофимович был человеком совсем другого сорта. Слово у него никогда не расходилось с делом.

Уже через несколько дней Мурат убедился в этом. Тогда-то ему и открылся секрет учительского таланта, который он и раньше заприметил в Николае Трофимовиче.

Если бы теперь у Мурата спросили: «Каким должен быть настоящий спортсмен?»,— он бы, не задумываясь, ответил: «Таким как Николай Трофимович!»

И Мурат старался, как мог, подражать во всем своему наставнику.

48

«Из этого мальчика может получиться настоящий спортсмен». К этой мысли Николай Трофимович пришел еще в прошлом году в «Красной заставе». И сейчас он все больше убеждался в том, что не ошибся. Ведь этот парень из далекого поселка без чьей-либо помощи уже многого достиг. И вот совсем недавно он решил испытать Мурата и попробовать с ним побоксировать. Каково же было удивление Николая Трофимовича, когда он убедился, что перед ним самый настоящий боксер, обладающий быстрыми точными ударами, координированными финтами и уходами, одним словом, хоть сейчас разряд ему присваивай.

Свое мнение о Мурате после первого пробного спаринга Николай Трофимович высказал одной фразой:

— Так и держи, Мурат, будет из тебя тогда настоящий боксер!

Понятно, насколько лестно было Мурату услышать такую похвалу из уст учителя.

Вскоре начались занятия.

Николай Трофимович преподавал в техникуме общую физическую подготовку и вел секцию бокса. В этой секции с первого же дня стал тренироваться и Мурат. Для него это было началом его настоящей спортивной жизни.

* * *

Теперь в парк по утрам они ходили вдвоем — Мурат и Николай Трофимович. И в техникум они отправлялись вместе, потому что Мурат старался во всем подражать Николаю Трофимовичу.

Правда, расстояние от дома до техникума поначалу казалось ему ужасно длинным, но скоро он и к этому привык, и теперь уже с удовольствием шагал по утренним улицам столицы.

Труднее дело обстояло с мытьем полов, к которому Мурат тоже решил приобщиться. Для него, новичка, никогда не державшего в руках тряпку, работа показалась не такой уж простой.

За два месяца, которые Мурат прожил в городе, он только раз написал письмо родителям, да и то всего на пол-листочка — дескать, в техникум поступил, живу у Николая Трофимовича...

— Отправляйся в город! — сказала тетушка Улжан, как только ей прочитали письмо.— Надо ему продуктов привезти...

Когда Мурат сказал родителям, что намерен поступать в физкультурный техникум, Батырбек не стал его удерживать. «Поезжай, сынок»,— сказал он ему, и тогда это вывело из себя тетушку Улжан.

— Пусть вначале в районе десятилетку закончит, а город от него никуда не убежит!

И вот теперь она снова, уже в который раз, вспоминала про тот разговор:

— Это все ты! Поезжай да поезжай. Отправил мальчика к черту на рога, а сам сидишь здесь и в ус не дуешь! Что у него там, в Алма-Ате, дом родной? Вот собирайся и узнай, как он там, бедняжка.

Старики зарезали овцу, подвялили мясо. Тетушка Улжан насушила свежего курта, набрала в овечий желудок подсоленного сливочного масла. И через пару дней Батырбек тронулся в путь.

Мурат вернулся из техникума раньше Николая Трофимовича. Дуся готовила ужин. Днем прошел небольшой дождь, и Мурат, заметив, что крыльцо затоптано грязью, решил помыть полы. Когда он, переодевшись, начал орудовать тряпкой, перед воротами остановилась грузовая машина. Это был грузовик из «Красной заставы».

Батырбек и еще двое колхозников, которые тоже приехали с ним по делам в город, зашел в дом и опешил, увидев своего сына, ползающего на четвереньках с тряпкой в руках.

— Сынок, ты что это делаешь?

Мурат знал — в селе, где он вырос, мытье полов считалось делом исключительно женским, и мужчинам не престало заниматься столь неподобающей работой. Но это его нисколько не смутило.

— Тетя Дуся занята, вот я и решил ей помочь.

Односельчане смотрели на Мурата с осуждением.

Но парень решил, что не стоит обращать на них внимания и продолжал свое дело.

Оставшись наедине с сыном, Батырбек сказал ему:

— Полы мыть, дорогой, это женское дело. Тебе им заниматься не положено. Больше так не делай, стыдно.

— А что тут такого? Николай Трофимович тоже всегда так делает.

— Николаю можно, он русский человек. А у них

мужчине не зазорно ни полы мыть, ни по воду ходить. А нам нельзя. Люди, которые со мной были, могут ведь рассказать все, когда вернутся... Сплетен потом не оберешься.

Кто бы мог предположить, что слова старого Батырбека так скоро сбудутся на деле! Слух о том, что Мурат в городе моет полы и ходит за водой, распространился в «Красной заставе» раньше, чем Батырбек вернулся из Алма-Аты. Тетушка Улжан услышала об этом из уст самого директора школы.

Вот как это произошло.

Однажды вечером тетушка Улжан, подоив корову и заперев в закут овец, собралась уже идти в дом, как вдруг ее с улицы окликнул Токмолда:

— Как поживаете, тетушка?

— Слава богу, сам-то как? — поздоровалась Улжан.

— А как ваш сын, что в Алма-Ате? Есть от него вести?

— Да вот недавно письмо получили. Поступил в техникум. Отец его уехал недавно попроведать.

— Я слышал, что ваш сын живет у Денисенко, помните, в прошлом году он у нас учителем работал? Так вот, Мурат у них там прислуживает: дрова носит, золу из печи выгребает, даже полы моет. Вот такое у него там учение.

Токмолда сказал это и собрался было уйти.

— Эй, милок, так, а кто же тебе это сказал? Кто-то в город ездил? — окликнула его Улжан.

— На днях ваш старик вернется. Он вам все в точности расскажет,— ответил Токмолда.

«Неужели это правда?» — этот вопрос не давал покоя тетушке Улжан до самого приезда Батырбека. Обеспокоенная мамаша и так не могла смириться с тем, что ее сын уехал в город, а тут еще такое. Когда через пять дней старик появился на пороге, тетушка Улжан набросилась на него с расспросами:

— Ну как наш Муратжан, жив-здоров там?

— Жив-здоров твой сынок, учится,— успокоил ее старик.

— А живет где, правда, что у Николая, учителя, что в прошлом году здесь работал?

— Правда.

— А знаешь, про что сейчас весь поселок гудит? Якобы он у них на побегушках, полы моет, печку топит.

— Кто это тебе такое сказал?

— Токмолда-директор.

— Ох и псы! Брюхо у них треснет, если за день пару сплетен на волю не выпустят,— и Батырбек выругался с досады.

49

Что уж говорить, чем темнее народ в селе, тем больше он склонен посплетничать. Какие только невероятные слухи не ходили в «Красной заставе» по поводу занятий Мурата спортом! Диву даешься — как только можно было такое выдумать. Даже в сказках подобные небылицы редко встречаются!

«Сын Батырбека стал знаменитым боксером. С кем бы ни мерился силами — всех колотит».

«Боже мой, вот ведь чудо! Плюгавенький мальчуган был, а сейчас, говорят, в самого настоящего силача превратился!»

«А я слышал, в Караганде были боксерские состязания. И вот Мурат туда поехал. Начал всех подряд побеждать. И остался один местный, карагандинский. Понял он, что Мурат и его победит, и решил его подкупить. Огромные деньги сулил. А Мурат не согласился. Побил его и стал чемпионом. А тот на него зло затаил. Подговорил своих друзей и начали они его выслеживать. Однажды подкараулили Мурата на темной улице. Но Мурат сразу смекнул в чем дело, и первый начал. Всех шестерых уложил!»

«А я слышал, он на этих состязаниях одному боксеру челюсть свернул набок...»

Вот такие, к примеру, сплетни распускали любители почесать языком.

И все же доля истины в этих разговорах была. Мурат стал участвовать в соревнованиях, и восхождение его на спортивном поприще было стремительным, как взлет ракеты. Спортсмены и болельщики уже узнавали его и следили за каждым боем Мурата, который шел от победы к победе, не зная поражений. В Караганде, где проводился чемпионат добровольного спортивного общества «Буревестник», он стал победителем в наилегчайшем весе, правда, без «драматических» подробностей, которыми украшали рассказы в родном селе. Никто Мурата не подкарауливал после соревнований и никому он не выворачивал на ринге челюстей, уж мы-то с вами знаем, что в наилегчайшей весовой категории таких увечий не бывает. Тут и простой нокаут редкость!

50

В газетах появилось сообщение, что в августе следующего 194... года в Париже будет проводиться международный чемпионат по боксу среди студентов.

Во всем мире боксеры-студенты начали готовиться к участию в этом знаменательном событии. Всесоюзный студенческий совет принял решение послать на чемпионат своих спортсменов.

В сборную Советского Союза отбирались самые лучшие боксеры-студенты со всех уголков нашей страны.

Специалисты бокса уже знали шестнадцатилетнего студента алма-атинского физкультурного техникума Мурата Батырбаева.

В марте в Ташкенте проходил региональный чемпионат республик Средней Азии и Казахстана. Мурат в это время учился на втором курсе. На счету у него уже был опыт двадцати поединков, и из всех двадцати он вышел победителем. Здесь, в Ташкенте, в финале Мурату предстояло встретиться с чемпионом Узбекистана, опытным боксером по фамилии Лопатников. Этот финальный бой запомнился всем, кто его видел. Мурат буквально ошарашил Лопатникова своими стремительными атаками. И несмотря на то, что противник был старше и опытнее, провел больше полусотни боев, выигрыш оказался явным.

Этот финальный бой в наилегчайшей весовой категории запомнился всем, кто его видел. Болельщики взахлеб рассказывали друг другу, какое искусство продемонстрировал на ринге совсем еще молодой паренек.

Николай Трофимович был на этот раз не только тренером Мурата, но и его секундантом. Сколько всего пришлось ему пережить за те минуты, пока длился бой! Но и на этот раз, тренер старался оставаться невозмутимым, хотя радость за своего ученика буквально распирала ему грудь, рвалась наружу. И только когда Мурат спустился с помоста, наставник обнял его и шепнул на ухо:

— Молодчина, Муратик!

Чемпионат проходил на стадионе. Мурат шел от помоста к скамейке, где сидели ребята, его земляки, и в это время он неожиданно увидел прямо перед собой огромный букет цветов. Красивая девушка с подведенными сурьмой глазами, протянула ему цветы и тихо сказала:

— Вы прекрасный боксер!

Мурат взял цветы, но не успел и слова сказать в ответ, как она убежала.

Вечером Мурат вышел из гостиницы и долго бродил один по красивой, обсаженной со всех сторон клумбами площади Навои.

На душе было какое-то непонятное странное ощущение легкости и счастья. И не от того, что сегодня на ринге он одержал победу, самую значительную для него. Перед глазами Мурата стояло лицо той девушки-узбечки, ее глаза, улыбка...

Воспоминание о том вечере в Ташкенте до сих пор не покидает Мурата.

51

А в «Красной заставе» разговоры о Мурате по-прежнему не утихают, напротив, с каждым днем их становится все больше и больше.

И вот прошел новый слух: «Сын Батырбека в Москву собрался, а оттуда в страну Прансия. Там со всего мира боксеры самые сильные сходятся. Вот с ними-то он теперь и будет драться».

Какая мамаша останется равнодушной, когда речь идет о ее сыне? Каждый раз, когда соседи приносят ей очередную «весть» о Мурате, тетушка Улжан начинает волноваться. Но на этот раз она перепугалась не на шутку.

— Ойбай-ау! Какая еще Прансия? Что это за ужас? Да объясните мне толком кто-нибудь!

Соседки стараются объяснить, как могут.

— Прансия — это за границей. На краю земли, в общем...

— Где-то там, дальше Сибири.

— Это вы у меня спросите,— перебивает тетушка Марзия,— я вам все объясню. Какая еще Сибирь! Сибирь она вот, под боком, можно сказать. Страна Прансия дальше всех, дальше Турции и даже Америки. Там одни капиталисты живут. А дома в Прансии строят не меньше, чем в сто этажей, вот...

Другая соседка возразила:

— Нет, милая, Прансия, должно быть, ближе. Когда война была, говорили, что она рядом с Керманом находится.

— Так мы не разберемся, милые мои,— рассудила третья соседка,— надо к кому-нибудь из учителей обра-

титься. У них на стенке карта висит. Вот пусть они нам и покажут, где она, Прансия.

На том женщины и порешили. Тетушка Улжан заспешила своей утиной походкой в школу. Она открыла дверь кабинета директора и увидела, что он сидит один.

— Токмолда, дорогой, как хорошо, что я тебя застала,— даже не поздоровавшись, обратилась к нему Улжан.— Ты знаешь, сегодня Сеит, сосед наш, из Алма-Аты вернулся, и вот что он говорит — Муратжан наш будто бы уезжает в Москву, а из Москвы в какую-то Прансию, и будет он опять там с кем-то драться. А сам Мурат, негодник такой, ничего не пишет. Что же мне делать? Ты мне объясни, его туда насильно, что ли, отправляют? Или он сам захотел? И где эта Прансия находится? Я уже вся давно извелась из-за этого бокса проклятого.

Токмолда тоже был наслышан о спортивных успехах Мурата. Знал он и то, что тот тренируется у Николая Трофимовича.

— Сын ваш по-прежнему живет у Денисенко?

— Да, с прошлого года с ним живет.

— Это он вашего сына подстрекает, больше некому. Вы разве не помните, что он у нас здесь только не вытворял, как учеников сбивал с толку. А то, что ваш сын едет в эту самую Прансию, я, мамаша, тоже не одобряю. Прансия — это иностранное государство. И с нами оно не в ладах. А во враждебной стране, сами знаете, всякое может произойти...— последними словами Токмолда нагнал на бедную тетушку Улжан еще больше страху.

— Да вот она, карта.— Токмолда показал на стену.

— И где же на ней Трансия?

— Не Трансия, а Прансия,— поправил Токмолда.— Сейчас, мамаша, я ее вам покажу.— Токмолда подошел к карте и стал внимательно ее рассматривать. Прошло минуты две, но он все продолжал искать.

Тут в кабинет вошла завуч Роза Асанова.

— Роза, покажи-ка нам Прансию, что-то я ее найти никак не могу.

— Где же вы ее ищете, это же физическая карта Америки, а Франция находится в Европе, что же вы, Тока?

Токмолда смутился и, махнув рукой, сказал:

— Так я и не научился в этих картах разбираться...

В тот же день тетушка Улжан выехала на подвернувшейся машине в город. «Нет уж, не пущу я его ни в какую Трансию,— решительно шептала она, трясясь в кабине рядом с шофером.— Схвачу его за руки и не пущу никуда, что же он, родную мать оттолкнет?!» Шофер, которому уже приходилось подвозить Батырбека по этому же адресу, остановил машину прямо напротив дома, где жил Николай Трофимович.

Дуся радостно встретила тетушку Улжан, стала, как водится в селе, подробно расспрашивать ее о здоровье. Вовка ходил по комнате, волоча за шнурки любимую игрушку,— боксерские перчатки.

— А где же Муратжан? На занятиях? — спросила тетушка Улжан, ответив на все вопросы и сама разузнав у хозяйки о ее житье-бытье.

— А они сегодня с Колей улетели на самолете в Москву.

Дуся сообщила это с радостью, даже не подозревая, что эта весть расстроит тетушку Улжан.

52

«Здравствуйте, дорогие Дуся и Вовочка!

Только сегодня закончились отборочные соревнования, которые шли три дня. Должен сообщить вам радостную новость. Молодец наш Муратик! Настоящий джигит! Помнишь, Дуся, я еще в «Красной заставе» говорил, что из него получится хороший боксер? Выходит, не ошибся я тогда. Это настоящий талант. Огромный талант! Мурат всем доказал, что вполне может быть первой перчаткой в наилегчайшем весе. Основным соперником у него был Манакян из Еревана, так вот, наш Мурат выиграл у этого боксера с явным преимуществом, а ведь Манакян провел не менее ста боев.

Ты бы только видела, Дуся, как зрители встречают здесь Мурата! Все лучшие специалисты только и говорят о нем. Удивляются, как шестнадцатилетний паренек смог овладеть всеми тонкостями боксерского искусства.

И еще одно хорошее известие я должен тебе сообщить. Дуся, меня включили в тренерский состав нашей сборной команды, которая едет в Париж. А

пока мы пробудем с Муратом на сборах около месяца, сборы здесь, в Подмосковье. Вот вроде бы и все, до свидания. Дуся! Напиши мне ответ, как только получишь это письмо. Не забывай закаливать нашего Вовочку холодной водой!

Поцелуй его за меня!

Мурат передает вам огромный привет!

Твой Николай.

17.6—1954 года».

53

Париж!

Старый Париж, повидавший на своем долгом веку столько событий, потрясавших когда-то всю нашу Землю, стал сегодня свидетелем еще одного праздника.

Да еще какого праздника!

В национальном Дворце спорта проходит международный чемпионат по боксу среди студентов.

Сегодня заключительный день соревнований.

В восьми весовых категориях встречались восемьдесят восемь спортсменов, и лишь шестнадцати из них суждено было пробиться в финал. Среди этих шестнадцати боксеров, которым сегодня предстоит бороться за звание чемпиона мира, трое наших советских парней. Это москвич Сергей Николаев, бакинец Натиг Али-оглы и легковес из Казахстана Мурат Батырбаев,

Здесь, в Париже, много говорят сейчас о Мурате. Французская газета «Спортивная звезда» поместила о нем отдельную заметку, в которой писалось: «Батырбаев рожден для бокса. Парижанам до сих пор не приходилось видеть такую гармонию в движениях боксера, который в пяти боях, проведенных на ринге чемпионата, не пропустил ни одного удара, тогда как его собственные удары были неотразимы. Батырбаева можно смело назвать зачинателем совершенно новой школы бокса».

Английская газета «Боксер» назвала Мурата «Богом кожаной перчатки», журналист из этой газеты предлагал отдать «юному российскому боксеру» медаль чемпиона, не дожидаясь финала,— «все равно Батырбаев ее отберет».

В финале Мурат должен был встретиться с американским боксером Питером Сандерсом. «Кривоносая молния»,— так называют на родине этого спортсмена.

Перед самым началом парижского чемпионата некто Хикерсон поместил о нем огромную статью в журнале «Мускулистая Америка». Вот отрывок из этой статьи:

«Среди боксеров-студентов, отправляющихся в Париж, резко выделяется фигура Питера Сандерса, восходящей звезды нашего бокса.

Сандерс необычен! Необычно само появление его на свет — он пришел в мир, уже имея во рту два зуба. Говорят, что на следующий день после рождения малыш навернул целый килограмм мороженого. Это ли не феномен?!

К парижскому чемпионату Сандерса лично готовил знаменитый менеджер Бирсон. В случае, если Сандерсу посчастливится завоевать в Париже звание чемпиона мира, он оставит любительский бокс и перейдет в профессионалы. Нью-йоркский клуб «Клыкастые львы» уже подписал с ним контракт, выплатив в качестве аванса четырнадцать тысяч долларов».

54

Николай Трофимович с Муратом жили в одном номере роскошного отеля.

Сегодня день отъезда. Утром за завтраком они наедине обсуждают план предстоящего завтра финального поединка. Нужно выработать свою тактику ведения боя. Николай Трофимович уже успел ознакомиться почти со всем, что писалось о Сандерсе, да и вообще об американских боксерах.

— Мурат, они сейчас следят за тобой так же, как и мы за этим Сандерсом. Прекрасно знают, что ты для них не подарок. Убедились уже, наверное, что от дешевых уловок толку будет мало. Скорее всего, Сандерс предложит тебе силовой бокс. Сначала будет идти напролом, чтобы страху побольше нагнать, потом постарается спровоцировать тебя на обмен ударами, и тут же сгруппируется и будет резко контратаковать с установкой на мощный встречный удар. Я уже присматривался к нему. Это у них любимая тактика...

Весь этот день Мурат и Николай Трофимович разрабатывали тактический план финального боя. И, кажется, нашли свое решение...

* * *

Николай Трофимович вел в Париже дневник — записывал в отдельный блокнот события минувшего дня, свои впечатления от увиденного. В этот вечер он, оставшись один в номере, раскрыл свои записи, и в это время в дверь кто-то постучался. Служитель отеля принес телеграммы.

Одну из них прислала Дуся — «Поздравляю с успехом! Рада за Мурата. Слава советскому спорту!» Другие телеграммы были от алма-атинских друзей. Последним в стопке телеграмм лежал какой-то темный конверт. На нем было отпечатано русскими буквами: «Мурату Батырбаеву». И все. Ни адреса, ни марки, ни почтового штемпеля. Николай Трофимович отложил конверт, взялся было снова за свои записи, как вдруг почувствовал, что от этого конверта остался на душе какой-то неприятный осадок. Странно, знакомых у них здесь не было, а конверт пришел явно не по почте. Своим ребятам и в голову бы не пришло печатать на машинке фамилию Мурата.

Николай Трофимович никогда не имел желания вникать без спросу в чужие дела, и все же какая-то неясная тревога заставила его вскрыть конверт. В нем лежала узкая полоска бумаги, на которой было отпечатано опять-таки по-русски:

«Сандерсу ты должен проиграть. Иначе — смерть»

Николай Трофимович почувствовал, что спина у него покрылась сначала холодным потом, как если бы он вдруг, проснувшись, увидел, что руку ему обвивает ядовитая змея. «Что за гадость! Кто же мог такое написать?»

«Не иначе как решили поиграть на нервах Мурата. Нет, парню я эту записку не покажу!»

Николай Трофимович быстро поднялся и пошел искать старшего тренера нашей команды Харламова.

Площадь перед национальным Дворцом спорта, где проводился международный чемпионат по боксу среди студентов, напоминала огромный растревоженный муравейник — столько лепилось на ней в этот день народу.

Цена билетов, по которым можно было попасть на финальные бои, подскочила почти втрое, но несмотря на это, зрители раскупили их за много дней вперед.

Проходы и лестницы Дворца спорта не смогли вместить даже малой части тех, кто рад был стать обладателем пускай даже входного билета, и они толпились сейчас на

площади, надеясь хотя бы издалека посмотреть на проезжающих спортсменов.

— Вот советская команда! — крикнул кто-то в толпе.

Небольшой автобус, в котором ехали наши боксеры, тренеры и секунданты, медленно в сплошном потоке народа двигался к Дворцу спорта. Болельщики облепили его со всех сторон, протягивая в открытые окна блокноты и открытки для памятных автографов. Чаще других произносилось имя Мурата Батырбаева.

Автобус вплотную прижался к служебному входу, и тут же два десятка дюжих полицейских оттеснили от него толпу. Теперь на спортсменов накинулась целая ватага репортеров, защелкали затворы камер, вспышки блицев в упор слепили наших ребят, пока они не скрылись в дверях служебного помещения.

Тощий мужчина в аляпистом пиджаке, как оказалось, тот самый Хикерсон, что писал о Питере Сандерсе, задержав Мурата, спросил на ломаном русском языке:

— Мистер Батырбаев, что вы скажете о сегодняшнем финальном бое?

— Ринг покажет,— сказал Мурат. Хикерсон склонился к нему и быстро прошептал на ухо:

— Вы так молоды. Неужели вам надоело жить?

До Мурата не дошел смысл сказанного.

— Я вас не понимаю.

— Пойдем, Муратик! — Николай Трофимович, взяв под руку своего ученика, увел его в раздевалку...

* * *

Первыми на ринг были вызваны боксеры наилегчайшей весовой категории — Питер Сандерс (США) и Мурат Батырбаев (СССР).

Зрители встретили их приветственными возгласами и рукопожатиями.

Углы ринга, предназначенные для отдыха боксеров, были отмечены маленькими флажками — Соединенных Штатов Америки и Советского Союза.

Первым на помост поднялся Питер Сандерс в накинутом на плечи длинном халате с полосками во всю длину. Боксер вышел на середину ринга и отвесил чинные поклоны на все четыре стороны.

Мурат вышел минуту спустя в сопровождении своего секунданта Николая Трофимовича.

Зрители приветствовали и его одобрительными выкриками и рукопожатиями.

Сандерс превосходил Мурата ростом, но, в отличие от нашего боксера, не был так красиво и мощно сложен. На ринге стоял сейчас совсем не тот Мурат, прежний болезненный мальчишка из пограничного поселка «Красная застава», каким он предстал перед читателем в начале нашего повествования.

Годы упорных тренировок не прошли даром для нашего героя.

Мурат оглядел огромный зал, в котором теснилось сейчас не менее полутора десятка тысяч людей. Вот уж действительно — яблоку негде упасть!

Николай Трофимович похлопал его по спине, и от этого прикосновения Мурату стало сразу же легче — минутная скованность прошла, и теперь он мог уже полностью сосредоточиться на предстоящем поединке.

— Секундантам покинуть ринг!

Через несколько секунд после этой команды раздался удар гонга.

Тысячи взглядов мгновенно скрестились на ярко освещенном квадрате ринга.

Как они пройдут, эти девять минут боя? Кто проиграет, и кому суждено будет стать чемпионом?

Сандерс первым стремительно бросается в атаку и проводит молниеносную серию ударов.

На первом ряду, прямо напротив помоста, большая группа американских болельщиков дружно взревела, поощряя своего любимца.

Первую минуту боя Мурату больше пришлось думать о защите. Он выискивал паузы в этом потоке беспорядочных наскоков, отступал, увиливал и изредка сам отвечал одиночными ударами.

Когда Мурат пошел в наступление, Сандерс ловко прижал локтями его руки и вошел в клинч. Мурат близко увидел глаза противника, злые, с воспаленными покрасневшими белками.

Весь первый раунд Сандерс продолжал свои яростные атаки. То, что Мурату удавалось без труда от них уходить, казалось, еще сильнее бесило американского боксера, Мурат слышал тяжелое, прерывистое дыхание противника. Сам он дышал ровно.

Во втором раунде Сандерс снова атаковал, но теперь ему и вовсе не удавалось настичь Мурата, который виртуозно уходил от него, а потом, разорвав дистанцию,

наносил точные сильные удары. Мурат демонстрировал сейчас все свое мастерство. Концовку раунда он уже уверенно вел сам. Зрители в зале подняли неописуемый крик, от которого звенело в ушах.

Предстоял решающий третий раунд. Три минуты, за которые должна решиться судьба этого поединка.

Николай Трофимович в последний раз взмахнул полотенцем перед лицом Мурата и, наклонившись к нему, шепнул:

— А теперь давай сам! Атакуй!

В это время в противоположном углу ринга менеджер Бирсон наставлял своего питомца:

— Не вздумай расслабиться! Влепи ему хорошенько! Можешь даже покалечить, если уж совсем плохо будет!

Третий раунд начался обоюдной атакой. И снова клинч!

— Стоп! Бокс!

Сандерс пятится в угол ринга. Мурат преследует его, осыпая ударами. Опять клинч! Сандерс обеими руками обхватил Мурата.

— Стоп!

Мурат сделал шаг назад и опустил руки, как того требуют правила, но в этот момент Сандерс наносит ему сильный удар в живот. Мурат даже согнулся на несколько секунд от этого запрещенного удара.

Зрители зашумели и затопали ногами, поднялся такой гвалт, словно обрушилась целая гора.

В зал стали цепочками вбегать полицейские с дубинками, они, видимо, решили, что во Дворце спорта началась потасовка между зрителями.

— Долой Сандерса! — кричали болельщики.

— Это же подлость!

— Удалить его с ринга!

Но рефери ограничился простым предупреждением и дал команду продолжать бой.

Сандерс снова кинулся в атаку, но это была скорее вспышка бессильной ярости, чем бокс. Его удары рассекали воздух, либо натыкались на перчатки Мурата.

Мурат, спокойно маневрируя, отошел в угол ринга и в ту минуту, когда спина его коснулась канатов, сделал нырок вправо и, распрямившись всем телом, нанес Сандерсу длинный боковой удар в челюсть. Удар оказался чувствительным, Сандерс покачнулся, и в эту секунду Мурат провел серию из трех ударов.

Мурат глядел в зрачки Сандерсу и отметил, что взгляд у него мутнеет, в нем уже не было той хищной цепкости.

— Бей!

— Не давай ему опомниться!— кричали зрители.

После очередной мощной атаки Мурата Сандерс вдруг опустил руки и рухнул на помост. В это время прозвучал удар гонга.

Зрители повскакивали с мест. Шум стоял такой, что не было слышно объявления судьи-информатора. Но победитель был ясен и без того.

Рефери поднял руку Мурата.

Прозвучал Гимн Советского Союза, его заключительный аккорд утонул в громе оваций.

Спокойного и сдержанного Николая Трофимовича невозможно было узнать, он одним прыжком взлетел на помост, метнулся на середину и сгреб в охапку победителя.

ГДЕ ТЫ, ГАУХАР?..

1

Стоит мне оказаться на этой тихой алма-атинской улице — улице Пастера — и давнее прошлое вновь придвигается ко мне. Оно не забыто, нет, оно где-то здесь, совсем рядом, я слышу, как больно и сладко бьется оно в моем сердце.

Вот домик, тот самый, старенький, деревянный, по окна вросший в землю. Вот дворик, он знакомо просвечивает сквозь щели ветхого забора. Вот и ворота, как и прежде выкрашенные в темно-синий цвет... Но как же глухо теперь сомкнуты их створки, как несокрушимы они на своих крепких, посаженных на камень столбах!..

Здесь, у этих ворот, я впервые увидел Гаухар. Вот здесь стояла она в тот вечер, смотрела на меня и улыбалась.

Все, как раньше, все, как было когда-то,— улица, дом, ворота. Нет одной Гаухар...

Она не появится в калитке, не выглянет из окошка, не рассмеется, не помашет рукой — жди не жди.

И все-таки я стою и жду, а чего — не знаю.

В самом деле была ты когда-то со мной, моя Гаухар, или ты вся — только светлый сон, только выдумка, только странная, легкая тень, скользнувшая по моей жизни?..

Если нет — где же ты сейчас, Гаухар?

Где земля, по которой ты ступаешь? Или тебя уже нет среди живых?

Ведь столько лет пролетело, а от тебя — ни одной весточки, ни единой... Или ты просто забыла обо мне? Вычеркнула из памяти, как вычеркивают неудачную, скверную строчку?

Нет, не может быть!

* * *

Случилось это во время войны. В нашем ауле остались одни женщины, старики и дети, а мы, школьники, сплошь и рядом заменяли на работе взрослых, ушедших на фронт мужчин. Особенно трудно было у нас с кадрами в школе. Теперь забавно представлять, как едва-едва закончив девять классов, ничего не понимая в педагогике, я солидно выступал в роли учителя, преподавая в семилетке родной язык.

И вот однажды — наступило лето, и учебный год близился к концу — мне позвонили из районо:

— Поедешь в Алма-Ату на месячные курсы по повышению квалификации. Готовься.

Надо ли говорить о моей радости?.. В то время еще ни разу я не бывал в городе, и вдруг — Алма-Ата!

Впрочем, подстегивало меня не только любопытство. В те трудные времена у нас в ауле насчет обуви, одежды или какого-нибудь тряпья было, как говорится, хоть шаром покати. Если товар и поступит в лавку, все равно без знакомства к нему не подступишься. Вот и получалось: за несчастным лоскутком бязи, будь добр, отправляйся в Алма-Ату. В городе же каждый грамм муки или масла — чуть не на вес золота; сумел отвезти да продать — греби деньги лопатой, а уж на барахолке добудешь все, что душе угодно.

Вот я и решил кое-что прихватить с собой, чтобы приодеться, как подобает учителю, и заодно позаботиться о матери, о снохе и ее детях.

В Алма-Ату мы приехали за пару дней до начала занятий. Мы — это я и мой приятель Жахан, рослый парень, года на два-три старше меня, тоже учитель из нашего района. У меня в городе никого не было, мы остановились у дальней родственницы Жахана.

Я привез с собой мешок муки, вяленое мясо целого барана, четыре-пять килограммов сливочного масла — по тем временам настоящее богатство! Не меньше добра было и у Жахана.

Наш дом находился вблизи базара. Мы, не откладывая,

двинулись на рынок, разузнали цены и вернулись, приведя возчика с тележкой, запряженной мохнатым ишачком, чтобы тут же погрузить продукты и приступить к задуманной операции.

Что и говорить, мы, как казалось нам самим, были деловые ребята, но наша хозяйка, пожилая степенная женщина, недоверчиво покачала головой, глядя, как азартно мы суетимся вокруг наших мешков.

— Где вам стоять у весов и торговаться с покупателями?.. Найдите перекупщика и пускай заберет все сразу. Пускай поживится, зато вам будет спокойнее. Да и выгодней.

Видно, коммерческие способности двух наивных парней из аула не внушали ей особого доверия.

Спасибо за мудрый совет! Признаться, мы порядком робели в душе перед непривычным занятием, хотя и не подавали вида. К тому же, дома нас предупредили — в городе жуликов пруд пруди, тащат, что под руку попадет, прямо на глазах! Но главное... Главное — каково это учителям, серьезным, уважаемым людям, торчать за прилавком, перепачканным в муке с ног до головы? Ведь с нами приехало немало молоденьких учительниц, и довольно симпатичных,— в каком положении мы окажемся, если они увидят нас в роли торговцев?..

К счастью, нам не пришлось долго разыскивать охотника приобрести наши продукты. Стоило заикнуться, как нас окружила толпа рыночных барыг. От шума и крика мы растерялись, но выручил какой-то хромой казах с палкой в руке.

— А ну проваливайте отсюда! — заорал он на остальных.— Все беру сам, уже договорились!..

Наверное, этого человека здесь знали, никто не решался с ним спорить. Мы отдали ему все наше добро не торгуясь, сунули под мышки пустые мешки и отправились домой, радуясь, что без лишних хлопот покончили с делами. Никогда в наших карманах не бывало столько денег, мы чуть не на каждом шагу озирались по сторонам, подозревая в каждом прохожем грабителя, только и поджидающего момента, чтобы напасть на нас. Страх, как железное копье, пронзал наши затылки, пока мы не переступили наконец порога нашего пристанища.

2

Не теряя времени попусту, мы с Жаханом как следует подкрепились и направились на городскую толкучку, где, говорят, продается все, что только пожелает человеческая душа.

Что до моей собственной души, то первейшим ее желанием было освободиться от ботинок, у которых почти начисто стерлись набойки, а резиновая подошва отваливалась и на каждом шагу хлопала по асфальту, подобно карте, брошенной рукой азартного игрока.

На краю кишевшей народом площади нам сразу встретился кругленький рыженький старичок, державший перед собой новехонький сапог с лоснящимся на солнце черным голенищем. Не зная базарных обычаев, я тотчас ринулся к старику, боясь, что сапоги перехватят у меня под носом.

— Я покупаю!.. Какой размер?..

— А какой нужен?

— Тридцать девятый!

— Сейчас найдем.— Старик повел меня в кусты, за которыми, притаясь в тени, сидела такая же кругленькая рыженькая старушка. Она помахивала маленькой ладошкой, пытаясь охладить потное от жары лицо.

— Дай-ка сюда тридцать девятый...

Ого! Под старушкой, аккуратно прикрытый подолом юбки, лежал туго набитый мешок! Она привычно пошарила в нем и что-то передала мужу.

— Ну как, нравится? — спросил он, хитровато прищурясь, и, дразня, заиграл сапогом перед моими глазами.

Нравится?.. Да я не мог оторвать взгляда от этих сапог!

Старик проворно расстелил газету. Ему, наверно, так же не терпелось продать, как мне — купить. Когда я стал распутывать узлы, затянувшиеся как назло на шнурках моих ботинок, он сам опустился на колени и принялся мне помогать. Его пальцы действовали так ловко, будто всю жизнь только и делали, что развязывали шнурки.

Сапоги пришлись мне впору. Чтобы не запачкать их, я стоял обеими ногами на газете. Ах эти сапоги!.. Бедные мои ноги, неужели они отныне будут ходить в таких сапогах!

— Сколько стоят?

Старик назвал цену.

«Спекулянты на барахолке всегда заламывают втридорога,— твердо помнил я наставления знающих людей из нашего аула.— Не соглашайся сразу, предложи половину,

иначе окрутят вокруг пальца». Я последовал доброму совету.

— Снимай сапоги,— сказал старик мне в ответ.

— Как так — снимай?

— Снимай, снимай, да поживее,— он и говорить со мной не хотел.— Нечего морочить мне голову, если у тебя и денег нет!

Последние слова старика обожгли меня точно угли.

— А это что? — Я гордо вытащил из кармана целую пачку, не подозревая, что старик испытывает на мне давно отработанный прием.

Мы начали торговаться.

Жахану надоело наблюдать за нами.

— Пойдем отсюда,— тянул он меня,— мало ли сапог на базаре? Найдем и получше...

Я делал вид, будто не слышу. Как, снова влезать в эти проклятые ботинки? Ни за что!

Старик чуть сбавил цену и уперся:

— Таких сапог ты нигде не сыщешь и не пробуй. Сам шил для сына, да вышли маловаты, приходится продавать. Смотри, какая кожа, настоящий хром! Ты видел где-нибудь такую? Нет? И не увидишь! Это кожа трофей-ная, понимаешь?..

Если правда, что змея может загипнотизировать птицу, то я чувствовал себя перед этим стариком именно такой птицей, даже не птицей — птенцом...

Вконец зачарованный преимуществами трофейной кожи, я сдался.

3

Радость подгоняла нас, как легкий ветерок, когда мы с Жаханом возвращались с базара, обсуждая свои покупки.

Кроме сапог я приобрел коричневые брюки и защитного цвета рубашку. Жахан — армейские галифе с гимнастеркой, пару белья. Мы то и дело останавливаемся и, не обращая внимания на прохожих, прикидываем на глазок свои вещи. Вдруг меня начинают мучить сомнения: пожалуй, брюки-то длинноваты, да и в поясе широки... Вот беда! Скорее бы натянуть их на себя... Но везде люди, люди... Я оглядываюсь по сторонам, ища укромного местечка,— где там...

Дома, не медля ни минуты, мы сбросили старые шмотки, сполоснулись по пояс и облачились во все новое. Да-а,

брюки явно длинны, а в поясе... Гм... В поясе уместятся двое таких парней, как я. Впрочем, стоит ли придавать этому значение. Брюки и брюки. Я приспустил гармошкой голенища сапог, заправил в них поглубже штанины, сделал напуск — получилось хоть куда!

И вот мы с Жаханом вертимся перед зеркалом и похваливаем друг друга.

— Тебя просто не узнать,— говорит Жахан,— жених, да и только!

Но мне и самому известно, каким я стал молодцом!

Жахан не носит волос, он стрижется под машинку! На базаре ему взбрело в голову купить кепку какого-то странного горчичного цвета. По совести, когда Жахан натянул ее на свою большую, как арбуз, голову, всю в буграх и шишках, он стал похож черт знает на кого.

— Идет? — спрашивает он с тревогой.

Как тут его огорчать!

— Разве сам не видишь? — говорю я.— Мировая же кепка! Кому не пойдет такая кепка?

Наконец мы на улице. Оба одеты с иголочки, вышагиваем по тротуару независимой походкой,— где уж угнаться за нами каким-нибудь кавалерам из нашего аула!

Впрочем, Жахан не новичок в городе, он уже два раза приезжал сюда раньше.

— Куда пойдем? — спрашиваю я, признавая его превосходство.

— Двинем в парк. Вот где увидишь девочек — такие и во сне не приснятся...

— Только запомни,— наставляет меня Жахан по дороге,— здесь не то, что у нас в районе. Всякие там ухаживания и церемонии ни к чему. Кто им понравился, тому на шею и вешаются, тут уж сам только не теряйся, понял?..

* * *

Мы пришли в городской парк. Вечерело. Аллеи наполнялись людьми. Жахан прав: то и дело взгляд натыкался на хорошеньких девушек, разгуливающих под руки по двое-трое. Мы впивались в них глазами, как коты, увидевшие свежее мясо.

Жахан тыкал меня в бок.

— А ну, подцепим каких-нибудь...

— Попробуй.

— Э, нет, ты попробуй. У тебя должно лучше получиться.

— Наоборот, ведь ты-то здесь уже не в первый раз...

Подзадоривая друг друга, мы довольно долго бродили по парку. Стемнело, зажглись фонари, а народ все шел и шел сюда. Встречая девушек, мы заговаривали с ними:

— Эй, сестренки, кого ищете, не нас ли?.. Может, заблудились? Проводим, только скажите куда?..

Девушки удивленно смотрели на нас и, отвернувшись, проходили мимо. Другие отвечали так язвительно, что у нас пропадала охота к дальнейшим попыткам.

Время было уже позднее, в парке поредело, да и мы порядком устали. Несмотря на все ожидания, никто так и не бросился нам на шею,— вот тебе и «городские»... Понурив головы, мы поплелись обратно.

Оставался квартал до нашего дома, когда дорогу нам перебежала черная кошка. Она метнулась наперерез, как черная тень. И в тот же момент откуда-то справа раздался нежный и задорный голосок:

— Пути не будет!

Мы оглянулись. У ворот стояла стройная миловидная девушка. При свете уличного фонаря на ее груди мягко поблескивал маленький медальон.

Мне захотелось рассмотреть ее поближе.

— Что вы сказали? — переспросил я и шагнул вперед.

— Ведь вам дорогу перебежала кошка.

— Ну и что?

— Плохая примета.

— Вот как... Тогда мы и с места не сойдем. Останемся тут с вами и будем ждать, что с нами случится.

— Такие вы пугливые?

— Еще бы! Мы здесь в чужом городе, всего боимся...

Аульные ухажеры — мастера на плоские остроты. В досаде за бестолковый вечер мы пустили в ход свои языки.

Девушка бойко отвечала нам, ничуть не кокетничая и не жеманясь, и вскоре вся была перед нами, как на ладони.

Что делает? Где учится? Давно ли в Алма-Ате?..

Окончила два курса медучилища, перешла на последний...

— А дальше — снова учиться? Или работать? Какие у вас планы?

— Какие же планы сейчас, пока война? Закончим учебу — и на фронт. Или в госпиталь. Прошлый выпуск весь ушел на фронт, добровольно.

— А не страшно?

— А разве вам страшно?

— Нам?.. Да мы хоть сегодня готовы.— Я невольно выгнул грудь колесом.

— И у нас все тоже. Ведь это долг каждого — защищать Родину...

Что скрывать, есть у сельских жителей глупая привычка подробно выспрашивать все у человека, которого он видит впервые. Мы с Жаханом тоже не отличались особой деликатностью. А отец? А мать?.. А они кто, чем занимаются?..

Девушка ответила, что отец ее на фронте, живет она вместе с мамой.

— Где она работает?

Девушка засмеялась:

— В одном учреждении... Первый начальник, если считать с конца.

Это значило, что ее мать работает уборщицей.

* * *

Мы болтали, шутили — и я, и Жахан простояли бы так до самого утра. Да и куда нам было торопиться?

Время близилось к одиннадцати. Все смолкло, затихли чьи-то голоса, шаги. Ночь опустилась на улицы, погасли огни. Из подвального этажа домика, справа от ворот, возле которых мы разговаривали, прозвучал певучий женский голос:

— Гауха-ар!..

Девушка вздрогнула, точно вспугнутый воробышек.

— Я здесь!

— Доченька, пора!

— Сейчас.— Гаухар повернулась к нам.— Ну, до свидания. Еще встретимся.— Она быстро юркнула в ворота, мы не успели даже проститься. Только стройные точеные ножки мелькнули под стремительно плеснувшим подолом платья.

4

— Какая девушка! — не вытерпел я, когда мы с Жаханом немного отошли от ее дома.

— Какая, какая...— передразнил меня Жахан.— Для тебя все девчонки красавицы. Ничего в ней такого нет!

Почему он не в духе? Э-э, все дело, наверное, в том,

что Гаухар больше отвечала не на его, а на мои шутки?.. Вот почему Жахан надулся...

Для нас уже разостлали постель на открытой террасе. Тихонько, чтобы никого не тревожить, мы разделись и улеглись спать. Жахан повернулся ко мне спиной, как человек, затаивший кровную обиду. Он стянул в свою сторону почти все одеяло и оттеснил меня к самому краю постели. Но сказать хоть слово, чтобы Жахан подвинулся, я не решался, чувствуя себя в чем-то виноватым.

А впрочем — постель, одеяло,— какое все это имеет значение! Я лежу и вижу перед собой Гаухар. Я вспоминаю каждое ее слово, каждое движение, в темноте сияют ее удивительные глаза — сияют мне одному!

«До свидания... Мы еще встретимся...» Ее голос звучит в моих ушах. Нет, она сказала это неспроста, это мне предназначены ее слова. Скорее бы наступило утро, скорее бы увидеть ее и заговорить с ней снова...

Сна нет как нет, да и какой тут сон?

Жахану тоже не спится: то засопит, шумно потянет носом, то поведет плечом. Видно, жалеет, что взял меня с собой! Ведь и правда, я обязан ему и этой постелью, и крышей над головой, да и жить нам вместе еще целый месяц.

— Жахан,— осторожно окликаю я его.

— Хм...

— Что, не спится?

— А тебе?

— Да что-то не хочется.

— Вот и мне тоже.

Я понимаю — и он думает о Гаухар. Но в голосе его исчезла прежняя злость.

— Послушай, Жахан, ведь у Гаухар есть, наверное, подружки... Скажем, пускай познакомит с тобой какую-нибудь... Самую красивую! Знаешь, как будет весело вчетвером?..

Некоторое время Жахан молчит. Кажется, он не против.

— Здесь, в городе, девчата любят, чтобы их водили в кино да в театры,— отзывается он наконец.

— В чем же дело? Поведем и мы их в театр и в кино!

Жахан молчит. Сопит и протяжно вздыхает. Потом поворачивает ко мне голову:

— Ладно,— говорит он,— завтра все обсудим. А пока давай спать.

5

Наутро, после чая, мы с Жаханом выходим во двор. Мой друг курит. Он садится на скамейку в глубине двора, вытягивает из кармана кисет и не спеша скручивает цигарку. Сначала его толстые пальцы аккуратно отрывают клочок газеты, затем бережно, не просыпав ни крупинки, кладут на него щепоть махорки. А в голове у меня все то же: Гаухар...

— Жахан, куда пойдем?..

— Сходим еще раз на толкучку.

— А к девчатам?..

Я нарочно говорю «к девчатам» — во множественном числе.

— К ним потом... Хотя можно и по пути завернуть.

Заворачивать никуда не надо — дом Гаухар как раз по дороге, его все равно не миновать. И вот мы уже приближаемся к нему, и меня бросает попеременно то в жар, то в холод: сейчас я увижу Гаухар... Однако — увижу ли? Во дворике за воротами — ни души. Вчера в темноте мы не разобрали, а дом здесь не один, и в каждом несколько дверей. Которая из них — Гаухар?

— Как же быть?..

— Наверное, она живет в этом,— Жахан кивает на ветхий домишко, осевший в землю нижним этажом.— Отсюда ее вчера позвали.

Все окна распахнуты настежь, но за тюлевыми занавесками ничего не разглядеть.

— Пошли,— говорит Жахан,— нехорошо торчать у чужих дверей.

«Эх, Жахан, Жахан,— думаю я,— видно, для тебя всего на свете дороже толкучка...»

И, однако,— что правда, то правда: для нас, приезжих ребят, слово «толкучка» заключало в себе целый мир, ошеломляющий множеством вещей, красок, звуков. Казалось, кто-то неведомый заставил всех людей покинуть свои дома и сойтись в этом огромном муравейнике, прихватив для продажи первое, что попало на глаза.

Кого здесь только нет! И у каждого в руках одеяло или брюки, рубаха или скатерть,— пожалуй, не придумать вещи, которой не встретишь в этой пестрой, кипящей и на все лады горланящей толпе!

Но я сегодня уже не тот, что вчера. Теперь мне известно, что к чему, я не пропущу ни одной вещи, чтобы не остановиться и не спросить, сколько она стоит. По-

дождав, пока назовут цену, я бросаю сквозь зубы: «дорого!» — и прохожу дальше. А кое с кем даже торгуюсь, так, для развлечения.

Наступил полдень, когда мы с Жаханом не спеша, с передышками, исходили барахолку из конца в конец. Делать нам здесь больше было нечего, и мы, разомлев от жары, поплелись домой.

Пекло солнце, асфальт пружинил под ногами, точно ворсистый ковер.

Наш разговор снова кружил вокруг девушек.

— Ладно, встретимся, познакомимся, а дальше? — сказал Жахан.— Куда мы их поведем?

— Ты ведь сам говорил — в кино или в театр.

— Театр — это слишком дорого.

— Сколько?

— Смотря какой ряд. Если первый — рублей двадцать-тридцать, наверное, последний — рублей десять.

По тем временам даже сто рублей мало что значили.

— Разве это дорого? — рассердился я.

— А как же. На двоих по десятке — уже двадцать, на четверых — все сорок. Если по сорок рублей за вечер тратить, нам и до дома не добраться, где уж что-нибудь еще с собой прихватить!

Перебраниваясь друг с другом, мы добрели до перекрестка, здесь в густой тени дерева стоял маленький столик, застланный разноцветными афишами. Около столика сидела женщина, раскрашенная так, будто сама только что сошла с афиши. Жахан внезапно остановился:

— Она продает билеты в театр...

Должно быть, услышав его слова, женщина оживилась:

— А ну-ка, джигиты, покупайте. Сегодня в оперном «Чио-Чио-сан»...

При слове «оперный» я встрепенулся. Еще до войны все газеты наперебой писали, что в Алма-Ате строится красивейший театр. Я и сам слышал, как люди, которым посчастливилось в нем побывать, с восторгом рассказывали об этом театре, и мне так хотелось в него проникнуть!

Но что за название — «Чио-Чио-сан»?..

— А это интересно? — спросил я нерешительно.

— О, да ведь это классика! Не слышать такую оперу... Вы еще вспомните меня и скажете спасибо... Сколько вам билетов, молодые люди? Я подберу самые лучшие.

Наперекор скряге Жахану я вытащил из кармана хрустящую сотенную.

— Так сколько же все-таки вам билетов?..

Посовещавшись, мы остановились пока на трех. Хотя бы для начала Гаухар сама пошла с нами, не то что со своей подругой.

И вот мы снова приближаемся к ее дому, но теперь ноги сами несут нас вперед. Три билета на классическую оперу лежат в моем кармане.

И опять — мертвая тишина во дворике, нигде ни души.

Мы прогуливаемся перед ее домом, громко болтаем и смеемся, чтобы Гаухар услышала нас. Но никто не отзывается на наши голоса.

В дальнем закоулке двора играют несколько ребятишек. Мы подзываем одного из них:

— Ты знаешь Гаухар?

— Позови ее сюда.

Мальчуган, поначалу встретивший нас враждебно, неожиданно смягчился и побежал за Гаухар. У меня екнуло сердце. Я торопливо подтянул ремень, вытер взмокший лоб. Но спустя минуту наш посланец вернулся и объявил:

— У них на двери замок...

6

После сытного обеда Жахан разулся, вывесил на солнышко свои потные, в темно-рыжих пятнах носки и улегся отдыхать. Я тоже порядком устал, но какой тут отдых, если я так и не увидел Гаухар, и не переговорил с нею насчет вечера?..

Теперь я отправляюсь к Гаухар один. Жара еще не спала, земля и небо — все дышит раскаленным зноем. На улице пустынно, кажется, люди в этот час озабочены только одним — куда-нибудь укрыться от горячей изнуряющей духоты. Давешних ребятишек во дворе Гаухар тоже не видно.

Я хожу по тротуару мимо дома Гаухар. Взад и вперед. Взад и вперед. Снова и снова прислушиваюсь, не долетит ли какой-нибудь звук из раскрытых окон с тюлевыми занавесками. Но все напрасно.

Вот и тени начали удлиняться, близится вечер, а я по-прежнему маячу возле тех же ворот. У меня уже сдают ноги. Я пересекаю улицу и сажусь на камень возле арыка напротив ворот Гаухар,— не то часовой, не то сторож. Я считаю всех, кто входит и выходит через эти ворота.

Сколько времени я так сижу? Камень подо мной становится все тверже. Я потихоньку зеваю, меня клонит в

сон. Счастливец Жахан... Но нет, я отсюда не двинусь, я сам превращусь в камень, а дождусь Гаухар.

По тротуару на противоположной стороне улицы постукивает каблучками тоненькая девушка с небольшим кетменем через плечо. Голова повязана легкой косынкой. Мне что-то знакомо в ее облике, в стремительной летящей походке. Вот она уже у ворот, вот уже исчезла в воротах... Это же Гаухар! Как я не понял сразу? Болван, не догадался окликнуть ее!..

Спустя несколько минут она снова появляется в воротах, теперь с ведром в руке. Гаухар! Конечно же, это она!

— Гаухар! — Я и сам не ожидал, что крикну так громко.— Здравствуй, Гаухар!..— Чуть не в один прыжок я перескочил разделявшую нас дорогу.

Гаухар, оторопев, уставилась на меня:

— Откуда ты взялся?

— Как откуда? Я возле арыка сидел...— Я прямо-таки захлебнулся счастьем и не знал, с чего начать.— Гаухар, мы купили билеты в театр, пойдешь с нами?..

Вчера на ней было нарядное платье, на груди поблескивал медальон, но сейчас — в домашней одежде, с ведром в руке — она показалась мне в тысячу раз прекрасней.

— Подожди... В какой театр?

— Да в тот самый... В новый!

— В оперный?

— Вот-вот, в оперный!

— А что там сегодня?

— Там... (Фу ты черт, совсем выскочило из головы!..) Там... Еще такое трудное название... «Чи-чи», кажется,— что-то вроде «Чи-Чи»... Нам очень хвалили!

— Ах, вот как! «Чио-Чио-сан»! Да ты... Погоди, как тебя зовут?

— Жанибек.

— Да ты просто молодец, Жанибек! Я так люблю эту оперу! А твой товарищ... Он пойдет с нами?

— Конечно.

— Ну что ж, ладно... Заходите за мной часам к семи, я буду готова. Мне надо умыться, переодеться, видишь, какой у меня вид, я с утра на огороде...

— На каком огороде?..

— За городом, там у нас огород, я и отправилась туда сегодня чуть свет.

Обжегшись на молоке, дуют на воду:

— Смотри только, Гаухар, не опаздывай. Мы будем тебя ждать здесь...

7

И вот мы отправляемся в оперу. Мы идем втроем, Гаухар посредине.

Здание театра величаво проступает впереди, в него упирается прямо, как стрела, улица, так что мчащие по ней машины того и гляди врежутся в его широкие двери. Но машины, подъезжая, сбавляют скорость.

Наши места далеко от сцены, мы усаживаемся, в серединке — по-прежнему Гаухар. Гаснет свет...

Я не представлял себе, что значит — опера. Меня удивило, когда заиграл оркестр.

Как вы, наверное, помните, «Чио-Чио-сан» начинается арией Баттерфляй. Я решил, что это просто так, песенка, сейчас она кончится — и дальше пойдет обыкновенный спектакль, когда одни актеры говорят, другие отвечают. Но песенка уже пропета, а за ней следует вторая, третья... Артисты вместо того, чтобы говорить, все поют и поют, музыка не умолкает, гремит, пищит, грохочет, слов не разобрать, ничего не поймешь — сплошная каша!

— Слушай,— толкаю я Гаухар и указываю пальцем на глубокую щель перед сценой, в которую забрался оркестр.— Слушай, когда они замолчат? Из-за них ничего не разберешь!..

Гаухар удивленно смотрит на меня:

— Ведь мы в опере... Надо слушать музыку...

«Ну и ну,— думаю я,— вот тебе и опера!.. Теперь-то я уж буду знать, что это такое...» Но я сижу тихо, не хочу мешать Гаухар — пусть слушает, если ей приятно...

Зато у Жахана, кажется, лопнуло терпение.

— Ерунда какая-то,— ворчит он.— Лучше бы взяли билеты на концерт Шары...

Нам скучно. Мы разглядываем громадную люстру под потолком, разноцветные фонарики, укрепленные где-то наверху, по бокам сцены...

И вдруг — громкие аплодисменты, бархатные занавески смыкаются, наползая друг на друга с двух сторон, вспыхивает свет. Все встают, и мы тоже поднимаемся, до смерти обрадованные, что все наши мученья позади.

Но ликовать, оказывается, рано.

— Спектакль еще не закончился,— говорит Гаухар.— Еще два акта.

— Но ведь народ расходится...

— Это антракт.

Антракт?.. Никогда не слышали мы такого слова.

— Что еще за антракт?

— Перерыв на десять минут,— поясняет Гаухар.

— Вот оно что...— смущенно бормочем мы.

Эх, темнота... Ничего-то мы не видели, ничего не знаем в сравнении с Гаухар. Что она думает о нас?.. А что ей думать, если на каждом шагу выясняется, какие мы невежды?.. Мы с Жаханом понуро выходим из зала, не догадавшись даже пригласить с собой Гаухар. Она остается сидеть одна.

Многие поднимаются по лестницам, застланным коврами,— что там, наверху?.. Новый зал. Вдоль стен красивые мягкие стулья, кто сидит, кто медленно прогуливается в центре... Однако люди идут еще выше, и любопытство ведет нас за ними.

Но тут гаснет свет. Мы вспоминаем — недавно троекратно прозвенел звонок. Должно быть, сейчас продолжение спектакля. Скорее вниз!.. Но уже поздно: двери, через которые мы вышли в начале антракта, наглухо заперты. Вот история!.. Мы мечемся от дверей к дверям, громко стуча каблуками, и внезапно перед нами вырастает какой-то генерал, с усами и в форме, расшитой золотом.

— Вы что шумите? — спрашивает он строго.

Мы потерянно молчим. Наверное, этот генерал здесь самый главный начальник.

— В партер вы уже не пройдете, ступайте наверх, на балкон,— говорит он, выслушав наши робкие объяснения.

Партер, балкон... Что это, где это?.. Но радуясь, что так дешево отделались, мы поднимаемся по лестнице на второй, потом на третий этаж,— не иначе, как сам аллах сжалился над нами и оставил открытой одну дверь.

Представление давно идет полным ходом. Мы протискиваемся на свободные места — теперь сцена где-то внизу, глубоко под нами, мы не видим лиц актеров — одни макушки. Но, может быть, так даже интересней...

А Гаухар?.. Да вот и она, сидит одна-одинешенька меж двух пустых кресел... Бедняжка, наверное, думает, мы ее покинули, и то и дело осматривается по сторонам. А мы здесь, Гаухар, над самой твоей головой! Потерпи, потерпи еще немного, Гаухаржан,— опять начнется перерыв... то есть антракт... и твои верные джигиты предстанут перед тобой!..

...Представление закончилось, зрители расходятся, мы тоже направляемся к выходу. Наш «генерал», заложив руки за спину, торжественно стоит у дверей.

— Это начальник театра? — тихонько спрашиваю я у Гаухар.

— Это швейцар,— говорит Гаухар и смеется.

Швейцар... Я тоже смеюсь, но мне неловко спросить, что такое — швейцар...

8

Дом Гаухар все ближе, а я еще никак не решусь заговорить насчет нашей будущей встречи. Да и с Жаханом надо все уладить... Если я так и промолчу, мне потом достанется от него. «Эх ты,— скажет он,— мешок, набитый шерстью! Двух слов ради друга сказать не мог!» С чего же начать?..

Завтрашний день у нас еще свободен, а там — занятия...

— Гаухар,— говорю я, набравшись духу,— чем ты занята завтра?

— Завтра?..

— Может, погуляем в большом парке?..

«Большой парк» — это нынешний Центральный парк культуры и отдыха. Мне о нем рассказал Жахан: «Там, чуть подальше, уже не парк, а настоящий дремучий лес» Вот куда с девчатами ходить, а не тратиться на кино и театр...» О, Жахан все продумал заранее, мой деловитый Жахан!

— До обеда у меня домашние заботы, а после... Пожалуй...— Мы уже у знакомых ворот, Гаухар прощается с нами.— Спасибо вам за оперу. До свидания — мне пора, двенадцатый час...

— Гаухар...

— Что?

Сердце мое стучит часто-часто, а мысли разбегаются.

— Гаухар... М-м-м... Жахан просит, чтобы ты познакомила его с какой-нибудь девушкой...

Жахан передергивает:

— Эй, что ты плетешь? Когда я просил?..

— Не просил... Просто веселей гулять вчетвером...

Гаухар с молчаливым удивлением смотрит на Жахана, словно видит его впервые.

— Ну что же...— наконец отзывается она.— У меня есть подруга, зовут ее Шолпан... Я вас познакомлю.

Жахан продолжает притворно возмущаться:

— Он все это сочинил сам, ничего я не просил!..

Но от знакомства с Шолпан не отказывается.

Утром Жахан снова тащит меня на базар.

— Деньги — как вода, если сразу не купим, что нужно, потом будет поздно. Вчера за один вечер целых тридцать рублей кинули на ветер!

До обеда мы на базаре, к вечеру, как условились вчера, отправляемся караулить Гаухар. У ворот нас окликает нежный голосок:

— Жанибек!

Это она.

Гаухар, улыбаясь, выглядывает из окна, раздвинув занавеску руками в хлопьях пышной мыльной пены:

— Вы за мной?

— А за кем же?

— Ой, Жанибек, я еще не управилась. Подождите с полчасика.

— Хорошо, подождем.

— Подождем,— подтверждает Жахан,— мы подождем...

— А Шолпан? — говорит он мне, когда мы отходим в сторонку.— Она тоже тут живет? — Он охвачен беспокойством. Он уже наполнен предстоящей встречей, хотя никогда не видел эту Шолпан и не знает о ней ровным счетом ничего.

Жахан способен на разные выходки. Такой у него характер — тонкой дипломатии он не признает, надо не надо — все равно рубит сплеча. Я побаиваюсь за него.

— Держи себя поосторожней,— наставляю я Жахана,— не испорть знакомства в самом начале.

Но что Жахану чужие советы? Он всегда поступает наоборот.

— С городскими нужно вести себя решительно,— твердит он,— тут незачем тянуть и болтать попусту, уж я-то их знаю...

Спустя полчаса к нам вышла Гаухар в ситцевом сарафане с веселыми голубыми цветочками. Она вся раскраснелась, запыхалась,— спешила закончить домашние хлопоты. Ее руки были еще влажны и благоухали свежестью и мылом.

Гаухар пришла с подругой — полной рыжей девушкой. Видно, аллах не слишком трудился, чтобы обточить и отшлифовать ее тело.

Но это было только первое впечатление. Маленькие серые глаза светились умом и добротой, лицо казалось по-своему приятным и даже привлекательным.

— Знакомьтесь. Моя подруга Шолпан...

В ауле у меня была сноха Умитай, женщина богатырского сложения. Она работала трактористкой, и каждая ее рука напоминала лопату средних размеров. Здороваясь с Шолпан, я подумал о своей снохе и про себя улыбнулся: ну и девушка — словно по специальному заказу для моего Жахана!

Мы пришли в парк и, прогуливаясь, вскоре оказались возле большого пруда. Здесь люди купались, плавали, катались на лодках, веселый гомон разносился далеко вокруг.

— С кем поплывем наперегонки? — спросила Гаухар.

Мы все промолчали.

— Шолпан, будешь купаться?

Та поморщилась и качнула головой.

— А ты, Жанибек? Ты умеешь плавать?

— Конечно.

— Тогда раздевайся!

— Не хочется,— пробормотал я запинаясь.— Да и вода какая-то мутная.

Конечно, причина заключалась в другом: как я мог купаться, если вместо трусов на мне бязевые кальсоны?

— Эх вы... Тогда стойте и смотрите.

Гаухар ловко сбросила сарафан и сверкнула на солнце своей стройной обнаженной фигуркой, как птенчик, вылупившийся из скорлупы. Похоже, она заранее все предусмотрела для купанья. На ней осталась такая одежда, что ее можно совсем не считать одеждой.

Приладив на голове свою толстую косу, Гаухар направилась к воде, играя округлыми бедрами и тоненькой талией.

Ну, погоди, подумал я, завтра же куплю себе трусы!

Наступил вечер. В парке загорелись огни, заливая светом площадки и аллеи, только в дальних закоулках и сплошных зарослях деревьев сгустилась тьма, там было жутковато.

Мы гуляли, разбившись на пары: впереди я и Гаухар, за нами, немного приотстав, Жахан и Шолпан. Кажется, все темы для разговоров были уже исчерпаны, мы с Гаухар только изредка перебрасывались о том, что случайно попадало на глаза.

Спустя некоторое время мы обернулись, но не увидели ни Жахана, ни Шолпан. Длинная аллея опустела, вдалеке маячили чьи-то незнакомые фигуры. Куда же они делись? Мы постояли, дожидаясь наших друзей.

Вдруг из темных зарослей выскочила Шолпан. Она

стремительно кинулась к нам, и, несмотря на тусклый свет фонаря, мне показалось, я отчетливо увидел, каким пунцовым жаром пышет ее гневное лицо.

— Бессовестный!.. Нахал!..

Толстуха Шолпан вся так и дрожала от возмущения.

— Что случилось, Шолпан? — кинулись мы к ней.

— Как что?.. Этот дурак тащит меня, где потемнее, просто прет силой... Думаю, шутит — куда там! И рот ладонью наровит зажать... За кого он меня принял?.. Ну, я же и показала ему, свинье,— другой раз будет знать!.. Пошли, Гаухар, не хочу здесь оставаться!

— Неужели это правда?..— ужаснулась Гаухар.

— А то как же!

Я не сомневался — все так и есть, как рассказывала Шолпан. Ах, собачий сын, взял и все испортил!..

— Вы пока идите, я догоню...— Я бросился в гущу зарослей, из которых выбежала Шолпан. Все-таки Жахан — мой друг, я не мог его оставить, тем более, что, судя по словам Шолпан («я ему показала»), там произошла кровавая схватка.

— Жахан!..

— Я здесь...

Я заметил на земле, между деревьями, черный силуэт.

— Ой!.. Что с тобой, Жахан?

Молчание. И потом:

— У тебя не найдется в кармане хоть платка?..

— Зачем тебе?

— Видел ты эту собачью дочь?..

Жахан сидел, прикрывая ладонями нос, что-то капало на траву. Я ничего толком не мог разобрать в темноте, но и без того все было понятно...

Дружба Жахана и Шолпан как началась, так и кончилась — в один вечер.

* * *

Время бежало день за днем.

Теперь я заходил к Гаухар один,— Жахан и появляться на ее улице перестал. У Гаухар я часто заставал Шолпан. Мы дружески здоровались, разговаривали, я все больше убеждался в уме, душевности и доброте подруги Гаухар.

Иногда она, смеясь, вспоминала о Жахане:

— А где же твой приятель, этот матерый волк? Уехал? Что его не видно?

— Он здесь... А почему — волк?

— Да ведь волки уносят овец, а он хотел утащить человека, и притом еще такого тяжелого, как я. Повстречайся ему кто-нибудь в укромном уголке — и клочков не соберешь!

Я появлялся у Гаухар обычно под вечер, когда наступали сумерки. Она поджидала меня, стоя у окна, и, услышав шаги, выскакивала навстречу.

Поблизости от ворот, перед ее домом, привалясь к стене, лежал большой плоский камень, напоминавший сундук. Не знаю, кто раньше обживал этот камень, но теперь с наступлением темноты он становился нашим. Как два голубя, мы сидели на нем, тесно прижавшись друг к другу.

Так мы сидим каждый вечер на теплом, прогретом за день камне, сидим часов до одиннадцати. Соседи, невзначай выглянув из ворот и увидев нас, сейчас же поворачивают обратно, будто не желая нарушить наш покой. А в одиннадцать из окна, которое всегда распахнуто настежь, раздается голос матери Гаухар, он тоже давно мне знаком.

Гаухар прерывает наш разговор на полуслове:

— Иду, мама,— вскакивает она, и уж тут ее ничем не удержишь.

— До свиданья, счастливо тебе оставаться,— торопливо бросает она и бежит к воротам.

9

— Слушай, Жанибек,— предложила Гаухар однажды,— поехали завтра со мной за город, на наш огоро́дный участок?

— А что там?

— Надо прополоть кукурузу, картофель. Поработаем — и вернемся к вече́ру.

Позови меня Гаухар не полоть сорняки, а таскать камни — и тогда бы я не захотел отказаться.

На другой день было воскресенье, мы, как и уговорились, встретились утром около восьми.

От конечной остановки пришлось еще порядком добираться пешком. Солнце пригревало все жарче, ноги по щиколотку вязли в дорожном песке, стоило невзначай зацепить притулившийся на обочине кустик чия или курая, как тебя обдавало целым облаком пыли.

Вся дорога и сзади, и спереди была усыпана людьми — тут и старики со старухами, и женщины, и дети,

а среди них — инвалиды, недавние фронтовики, сменившие боевое оружие на кетмень...

Наконец пришли на место.

— Далеко? — виноватым голосом спросила Гаухар.— Устал, наверно?

— Что ты!..

— Смотри, это наш участок.

Перед нами тянулась полоса, засаженная картофелем и кукурузой. Растения хорошо взошли, поднялись ровными рядами; на сочных кукурузных стеблях, распирая пазухи листьев, наливались початки; кудрявая картофельная ботва готовилась вот-вот зацвести.

— Еще немного — и урожай поспел,— радостно засмеялась Гаухар и принялась рассказывать о своем огороде.

По словам Гаухар, в прошлом году они сняли неплохой урожай — десять мешков картофеля, четыре — кукурузы. Пару мешков картошки оставили себе, остальное продали — все равно хранить негде, испортилась бы. И кукурузы два мешка продали. А на вырученные деньги купили кое-что из одежды и саксаул на зиму.

Я поразился — такая маленькая, хрупкая, и откуда у нее силы на все, и на ученье в техникуме, и на огород?

Мы по очереди одним кетменем на двоих работали целый день. Гаухар, казалось, не чувствовала усталости. Когда я отбирал у нее кетмень, она вместо того, чтобы передохнуть, начинала дергать руками проглянувшую где-нибудь сорную траву.

Работает — и поет. Да так, что слушал бы и слушал не отрываясь.

И в перерыве между работой, когда мы присаживаемся на грядке, звенит серебристый голосок Гаухар — что ни попадется ей на глаза, о том и поет. Увидит цветок — про цветок, взглянет на облачко — про облачко, примется за яблоко — и про яблоко у нее песенка готова. Песенка или стихи.

— Знаешь, кто это сочинил? — спрашивает она.

Я только неловко пожимаю плечами.

— Это Байрон, Пушкин...— объясняет Гаухар.— Жанибек, а музыку ты любишь?

— Люблю.

Она складывает в букетик цветы, лежащие у нее на коленях, а сама поет что-то печальное и трогательное, поет с особенным чувством.

— Отгадай, что это?..

— М-м-м... Кажется, знакомое, а вспомнить не могу...

— Ты же недавно слышал, это ария Баттерфляй из «Чио-Чио-сан»!

— А-а-а...

10

Занятия на курсах кончились. Вскоре мне предстояло вернуться в свой аул.

— Уедешь и забудешь про меня,— говорила Гаухар.

— Ни за что!

— А письма писать станешь?

— Конечно!

Как-то вечером мы с Гаухар отправились в кино. Когда на обратном пути я провожал ее домой, она спросила:

— Жанибек, ты умеешь сочинять стихи?

— Какие стихи?..

— Ну, просто стихи... Напиши мне в альбом парочку куплетов.

Всякий казах — поэт хотя бы в душе. Чем я хуже других?

— Можно написать,— сказал я,— отчего же...

— Тогда зайдем к нам, и ты напишешь, ладно?

До сих пор я ни разу не переступал порога ее дома и оробел при мысли, что меня увидит ее мать. Я родился и вырос в ауле, а у нас парни и девушки никогда не встречаются на глазах у родителей, этого избегают, считая стыдным.

Но Гаухар успокоила меня:

— Мамы сегодня нет дома, она уехала в колхоз к родственникам и вернется только завтра.

Действительно, я вспомнил, как Гаухар мне рассказывала о своих родичах в одном из ближних колхозов,— они бывали друг у друга и помогали, чем могли, в семейных заботах.

Чему я обрадовался? Что наконец увижу комнату, где живет Гаухар? Или что мы будем в уединении? Возможно, и то и другое.

И вот мы возле дома. Сердце у меня стучит, как у грабителя, замыслившего черное дело. Я опасаюсь каждого встречного... Но дворик пуст, в нем ни души.

Наверное, уже поздно, люди ложатся спать, однако я стараюсь не зашуметь и ступаю на цыпочках.

Мы спускаемся по врезанным в землю ступенькам. Наружная дверь не заперта. Гаухар входит первой, щелкает выключателем, вспыхивает свет. Мы в прохладной

комнате с земляным полом, от него затхло тянет сыростью. На обеденном, покрытом клеенкой столе — посуда, керосинка, еще какая-то утварь...

Внутреннюю дверь Гаухар отпирает ключом. Вторая комната довольно просторна, здесь чисто и уютно, несмотря на низкий потолок. Пол застлан широкой алашой, две кровати, диван, в уголке — этажерка, все убрано аккуратно, со вкусом.

— Здесь мы живем,— говорит Гаухар.— Не слишком богато, как видишь...

Но для меня во всем мире не найдется дворца прекрасней, чем этот домик на улице Пастера, в котором живет величайшее на земле сокровище — Гаухар. Моя Гаухар...

— Иди ко мне,— я целую ее, а она грозит мне пальчиком:

— Тс-с... Тут все слышно...

Я озираюсь вокруг — нет, дверь закрыта и стены не внушают подозрения...

Я снова привлекаю Гаухар к себе.

— Перестань, хватит... Иначе рассержусь...

Я обещаю.

Теперь мы с Гаухар сидим за столом и разглядываем толстый альбом в переплете, обтянутом зеленым плюшем.

У какой из девушек нет подобного альбома, где каждая страница полна песен о любви, о счастье, о сокровенных мечтах и тайных тревогах?.. Я должен оставить здесь драгоценный коралл, достав его из самых глубин своего сердца. Гаухар просит меня об этом...

Теребя нос, я сижу и думаю, о чем же написать. Чтобы не мешать, Гаухар отходит и садится на диван с раскрытой книжкой в руке. Но глаза ее украдкой следят за мной.

Я чувствую, у Гаухар уже лопается терпение, так хочется ей прочитать, что я напишу. Это мне мешает, не дает сосредоточиться. Вдобавок проклятый свет действует на нервы,— лампочка то погаснет, то снова загорится, видно, не хватает энергии,— тогда часто так бывало по вечерам.

Но вот свет окончательно погас и больше не зажегся. Я еще ничего не успел написать, выбрался из-за стола и пересел к Гаухар.

Вскоре я забыл о своем обещании.

Бывают моменты, когда человек забывает не только обещания,— самого себя. Все в нем сливается в единое

чувство, оно налетает, как ураган, как огненный смерч, лишая воли, рассудка, сметая все на своем пути.

— Жанибек, что с тобой?

— Душа моя, золото мое...

— Жанибек...

— Светик мой...

— Жанибек...

— Солнышко мое...

— Ой...

* * *

Я просыпаюсь от испуга — меня будит легкая пощечина.

Уже утро. В комнате совсем светло.

Я лежу на диване, а рядом — босая, растрепанная, в помятом платье — стоит Гаухар.

Это ее пощечина.

В жизни не было мне так приятно от пощечины!

— Бессовестный, ты еще спишь?..

Только теперь я растерянно вспоминаю, что произошло. Встаю, торопливо одеваюсь, не решаясь посмотреть Гаухар в глаза...

Но все равно я несказанно счастлив.

Я иду по еще пустынным утренним улицам, и мне хочется взмыть в небо птицей или запеть во все горло, или закружиться в танце под ритм той песни, которая звенит в моей душе.

Как редки в человеческой жизни подобные минуты!..

* * *

Жахан еще, наверное, не встал, быть может, даже не проснулся. Если тихонько раздеться и прилечь рядом с ним, он и не узнает, когда я воротился домой.

Я осторожно проскальзываю в ворота и крадусь на цыпочках к террасе. На нашей постели растянулся Жахан. Он лежит на спине, одеяло сбилось на животе в комок, ему жарко, длинные грязные ноги в буграх и наростах вылезли на пол.

Но я ошибся, думая, что Жахан спит. Его выпуклые, покрасневшие глаза с набухшими веками открыты. Он смотрит на меня, хитро усмехаясь, и на его скулах играют желваки:

— Ну, все в порядке?

Я не знаю, что ответить. Прикинуться оскорбленным намеком Жахана? Я не сумею соврать. Мне кажется, Жахан все уже прочел в моих глазах.

Я глупо улыбаюсь, хихикаю, это больше похоже на хвастовство, чем на раскаяние и стыд...

11

Наступил день отъезда. Ранним утром, взвалив на плечо заранее упакованные вещи, мы садимся в трамвай и добираемся до городской окраины. Здесь, на перекрестке двух улиц — Ташкентской и Джетысуйской, мы ждем попутную машину, которая идет в наш район.

Мы ждем долго, мимо проносятся машины одна за другой, но все не туда. Вдруг Жахан говорит:

— Посмотри!..

Гаухар!..

Она только что сошла с трамвая и направляется к нам. Ее лицо светится белозубой улыбкой.

— Я боялась — не успею... А вы еще здесь...

Мы провели вдвоем прошлый вечер. Она знала, что мы будем ждать машину, но не обещала прийти.

Я смотрю на Гаухар — и мне радостно и грустно...

Наконец находится попутная машина, и мы прощаемся — теперь уж в последний раз.

Машина трогается. Гаухар остается позади, на перекрестке, она стоит неподвижно и смотрит нам вслед.

12

Вернувшись к себе в аул, я целые дни думал о Гаухар. Болван! Столько времени провести в городе — и ни разу не сфотографироваться вместе!.. Теперь я носил бы этот снимок в нагрудном кармане, любовался, и мне казалось бы, что моя Гаухар рядом со мной.

Как же, однако, мне вернуться к Гаухар? Тут единственный путь — надо ехать учиться в Алма-Ату.

Институт — моя заветная мечта. Если бы не война, она давно бы осуществилась. Закончив десятый класс в прошлом году, я стал бы сейчас уже студентом. Но война разрушила все мои планы. Да и только ли мои?..

Я учитель, а если говорить правду — какой уж там учитель, ведь за моими плечами всего-навсего девять классов?..

* * *

На газетных страницах в эти дни печатается множество объявлений о приеме в различные учебные заведения. Читаю и завидую. Эх, будь у меня аттестат за среднюю школу! Пойти в техникум! Нет, к техникуму не лежит у меня душа.

Однажды мне встречается такое объявление: при университете открылись подготовительные курсы для имеющих образование в объеме девяти классов. Закончившие курсы принимаются в университет без экзаменов.

Ура! Вот что мне нужно! Я снова еду в Алма-Ату, к моей Гаухар!..

Но у матери моя радость не вызывает поддержки:

— Как ты поедешь? Твой брат Хасен на фронте, вот уже три месяца от него ни строчки... Твоя сноха с утра до ночи на работе в колхозе. Я болею. Что без тебя будет с обоими малышами Хасена? Кто позаботится о корме на зиму для нашей коровы? Кто заготовит топливо для дома? Да мало ли других дел, где нужен мужчина?..

Я упорно стою на своем:

— А другие семьи, где нет мужчин?.. Как все, так и вы. Ведь обойдетесь без меня, если призовут в армию?..

— В армию — особое дело...

— То-то же... А я пока поеду учиться,— что тратить время зря?..

— Но тебя и там возьмут в армию...

— Не все ли равно — где?..

Наконец мать уступила мне, покорно вздохнув:

— Делай, как знаешь...

13

Тем, кто хотел учиться, районо не чинило препятствий. Меня без всяких затруднений освободили в школе, и я начал готовиться к отъезду. Но сбыться моей мечте не довелось...

Однажды утром, не успели мы еще и притронуться к чаю, к нам вошли несколько аксакалов нашего аула. У всех торжественные и суровые лица. Среди аксакалов — председатель аульного совета. Похоже, такой приход неспроста...

Старики присели, помолчали. На их лицах было такое выражение, словно каждый прятал за пазухой змею и боялся первым показать ее нам.

Один из аксакалов заговорил пословицей:

— Нет коня с целыми копытами, нет сокола с целыми крыльями...

Теперь я понял: случилось что-то страшное, непоправимое, черную весть принесли нам старики...

Так оно и было — на фронте погиб мой брат Хасен.

Внезапное горе свалилось на нас, весь дом заголосил в тяжких рыданиях и плаче...

* * *

Так оборвался мой путь в Алма-Ату.

К нам приехало множество родственников и знакомых — вместе погоревать, попечалиться о Хасене. По казахскому обычаю живой ничего не жалеет для умершего — мы справляли поминки на седьмой и на сороковой день; мы, как могли в то нелегкое время, соблюли весь традиционный ритуал, никто бы не упрекнул нас в неуважении к памяти покойного...

Но Хасен... Все равно — Хасена уже нам не вернуть...

Моя мать и прежде была болезненной женщиной, а после смерти старшего сына и вовсе слегла...

* * *

Однажды я получил письмо от Гаухар:

«Жанибек!

Почему ты молчишь? Или забыл обо мне? Так скоро? Или все вы, мужчины, одинаковы?

Но я тебя ни в чем не виню. Я сама, наверное, во всем виновата.

Можешь мне теперь не писать. Твое письмо меня не застанет: не сегодня завтра я уезжаю из Алма-Аты.

Я не могу больше здесь оставаться, на глазах у мамы, соседей, знакомых...

Ты все понимаешь.

Прощай!

Гаухар».

На мою голову рухнул еще один тяжелый камень.

Да, я не писал ей писем, я мечтал появиться перед нею неожиданно, а потом... Потом мне было уже не до писем, но откуда ей знать о нашем горе?..

Конечно, я понимал, о чем она пишет. Но тогда, в ее комнатке, разве мог я все трезво взвесить и оценить,

разве мог предвидеть, что окажусь причиной, которая перевернет и разрушит всю ее чистую светлую жизнь?..

Как быть?.. Птицей полететь к ее дому, упасть на колени, сказать, что во всем виноват, виноват я один... Принять любое наказание!

«Твое письмо меня не застанет: не сегодня завтра я уезжаю из Алма-Аты...» Куда?..

Я решаю срочно написать Гаухар. Я пишу и тут же рву бумагу: какая польза от моего письма? Я должен без промедления собраться и ехать сам!

Я ищу машину, они редко идут из нашей глубинки в столицу, а если даже идут, в них не сядешь, они забиты грузом до отказа.

Проходит неделя, прежде чем мне удается выехать в Алма-Ату.

* * *

Знакомый дом, знакомые ворота...

Камень, похожий на сундук... Он лежит возле ее дома, словно вросший в землю... Сколько — и каких! — вечеров провели мы здесь с Гаухар!

Во дворе, как и прежде, ни души. Все сонно дремлет в знойной тишине, и некого подозвать, окликнуть... Войти в дом самому? Я робею при этой мысли.

Брожу перед воротами взад-вперед. Может, кто-нибудь выйдет, может, выбежит сама Гаухар...

Вот в конце тротуара показывается девушка, в ней что-то знакомое... Шолпан!

Мы спешим друг другу навстречу:

— Жанибек... Откуда?.. Уж не с неба ли ты свалился?..

Я рассказываю о себе и спрашиваю, где Гаухар.

Сердце у меня замирает.

— Если ты ищешь Гаухар, иди на фронт...

* * *

Я пробыл в армии два года, из них почти год на передовой. Все это время Гаухар не исчезала из моей памяти, не исчезла и до сих пор.

Мне казалось, я где-нибудь да встречу ее. Каждая хорошенькая девушка на фронте издали напоминала мне Гаухар.

Кончилась война, я демобилизовался и ехал домой. Мне не терпелось добраться до Алма-Аты. Кто знает,

вдруг и Гаухар уже вернулась к себе? Я верил в нашу встречу.

Теперь из стеснительного недотепистого юнца я превратился в закаленного, прошедшего огонь и воду солдата. Стуча каблуками ботинок, подбитых железными подковами, я подошел к знакомой двери. Но вместо нежного голоска Гаухар мне ответил грубый мужской голос:

— Войдите!

Я вошел.

Посреди комнаты на низенькой табуретке сидел одноглазый инвалид и чинил сапог.

Рядом стояла незнакомая женщина.

Русская семья...

И комната ничем не напоминает прежнюю, в которой жила Гаухар...

Я растерялся.

— Вам кого? — спросили у меня.

— Раньше тут жили другие люди... Казахи...

— Кажется, жили.

— А вы не знаете, где они сейчас?

— До нас жила одинокая женщина, в каком-то районе у нее были родственники, они и перевезли ее к себе.

Это все, что тут знали.

Я искал Шолпан, не нашел: мне сказали, что она вышла замуж и куда-то уехала.

След, по которому я надеялся отыскать Гаухар, окончательно стерся, пропал.

Гаухар!

Отзовись! Откликнись!

Где земля, по которой ты ступаешь? Или тебя давно нет среди живых?

Или ты просто забыла обо мне?

Гаухар...

Где же ты, Гаухар?..

АЯЖАН

ПРИЕХАЛА!

Через колхоз имени Джамбула каждый день проходят два алма-атинских автобуса. Один мчится в полдень, другой — между пятью и шестью вечера.

А бывает и так, как сегодня: расписание летит кувырком, и те, кто ждет на остановке, все глаза проглядят, прежде чем увидят заклубившуюся на дороге пыль. Большой красный автобус подкатил на всех парах. К нему гурьбой бросились женщины с детьми, чемоданами, узлами и стали протискиваться в заднюю дверь. Никто не обратил внимания, как из автобуса вышла маленькая черноглазая девочка семи-восьми лет. Это была Аяжан.

Видно, ее очень заботливо собирали в дорогу. Все сидело на девочке ловко, было чистым, опрятным. Не стоило, правда, в такой знойный день накидывать на плечи красный джемпер поверх голубенького в горошках сарафана. Ей было жарко, лоб обсыпан бисеринками пота, а тут еще надо нести чемодан, набитый яблоками! На развилке дороги она решительно остановилась. Куда же идти?

— Спроси, где дедушкин дом! — крикнула, высунувшись из автобуса, кондукторша.— Вон идут ребята!

— До свидания! Спасибо! — обрадовалась девочка.

Двери автобуса гулко щелкнули челюстями, мотор сер-

дито заворчал, будто хотел сказать: «Что вы меня задерживаете?», и машина, выпустив голубую струйку дыма, покатила по асфальту.

Стоял ранний вечер, отпылавшее солнце скатилось за дальнюю горку, и мальчишки спешили засветло встретить скот с выпасов. Стадо коров, запрудившее всю дорогу, направилось прямо к Аяжан.

В первый раз Аяжан увидела огромное, рогатое, мычащее на разные голоса стадо.

«Япырай, почему же меня никто не встретил? Ведь мама дала им телеграмму, что я еду!» — думала Аяжан, с надеждой оглядываясь по сторонам, не идет ли кто ей навстречу от дедушки Сарыбая? Нет, никого из людей поблизости не было видно. Зато коровы подошли уже совсем близко, и Аяжан с замирающим сердцем увидела, какие они большие, страшные чудовища. Рога грозные, глаза таращатся прямо на нее...

Что делать? Легко ли сообразить это, когда душа ушла в пятки, а коровы окружают тебя со всех сторон? «Зачем, зачем я не послушалась маму,— горевала Аяжан,— когда она говорила: «В следующее воскресенье я сама отвезу тебя». Расхрабрилась, подумаешь! И одна смогу доехать! Неужели я не найду дедушкин дом, что стоит прямо у дороги, рядом с автобусной остановкой? Ведь так объясняли мне снова и снова, когда сажали в автобус? Да, наконец, и у прохожих всегда можно спросить...»

Как будто в ответ на эти мысли, из-за стада вынырнули два мальчика, преспокойно гнавшие коров.

— Эй, мальчики, вы не знаете, как пройти к дому кузнеца Сарыбая? — спросила Аяжан, изо всех сил стараясь, чтобы по ее голосу ребята не поняли, как она перетрусила.

Босой мальчуган, в ситцевой, с расстегнутым воротом рубашке, остановился около незнакомки и, с нескрываемым любопытством разглядывая ее, не спеша ответил:

— Знаем!

А другой, в новом вельветовом костюмчике, в щегольской фуражке и с велосипедом, который он вел рядом с собой, перебивая первого, протянул свободную руку вперед:

— Дом Сарыбая во-он на той улице!

Аяжан, незаметно косясь на коров, попросила:

— Может, вы меня проводите?

— И сама дойдешь,— буркнул хозяин велосипеда, отравляясь дальше своей дорогой.

Не хотелось признаваться, что страшно сойти с места.

И едва Аяжан успела совсем неслышно шепнуть: «Я боюсь!» — как за спиной ее кто-то засопел. Она повернулась и пронзительно закричала, увидав рядом с собой широкие сопящие ноздри и огромные рога. Как горная козочка, прыгнула Аяжан — тут уж не приходится выдерживать характер — и моментально спряталась за спинами мальчиков. Испуганные глаза ее блестели, смуглое личико побледнело...

Босой мальчик сказал снисходительно:

— Не забодает, не бойся.

А велосипедист так заливисто рассмеялся, что тут же поперхнулся, закашлялся и все не мог сказать то ехидное, что плясало у него на кончике языка.

В это время красная корова, перепугавшая Аяжан, принялась преспокойно облизывать своим длинным шершавым языком ее черный чемодан. Из него так вкусно пахло спелыми яблоками!

— Ах, ты, пошла! — закричал босой пастушонок и с размаху метнул в нее палку. Кто знает, был ли он природный снайпер, или просто ему повезло, только палка угодила корове прямо в лоб и упруго отскочила в сторону. Получив такой отпор, «обидчица» круто повернулась и бросилась к стаду.

«То-то же, так тебе и надо»,— подумала Аяжан, у которой отлегло от сердца.

— Майлыаяк, неси сюда палку!

Откуда-то из-под ног пулей метнулся смешной, в рыжих подпалинах щенок, которого Аяжан и не заметила раньше. Он охотно исполнил приказ своего хозяина и так быстро побежал и принес палку в зубах, так весело при этом крутил головой во все стороны, что сразу понравился девочке.

«Какой умный щенок!» — поглядывая то на Майлыаяка, то на его дрессировщика, думала Аяжан, потихоньку пробираясь вперед за спиной своего спасителя.

ОРАЗ

Босоногий мальчишка не только согласился повести Аяжан к кузнецу Сарыбаю, но и взялся нести ее тяжелый чемодан.

— Я и сама могу! — заупрямилась Аяжан, не хотевшая расставаться с гостинцами для дедушки и его домочадцев.

— Давай! Не бойся! — настаивал босоногий, отбирая у нее ношу.

Звали его Ораз. И отец, и мать Ораза жили в колхозе. Отец работал комбайнером, мать — уборщицей в школе.

Все это Аяжан узнала тут же, дорогой.

— Ты какой класс окончил? — спросила Аяжан.

— Второй,— ответил Ораз.— А ты?

— А я первый! Тот мальчик с тобой учится?

— Какой мальчик?

— Тот, что с велосипедом.

— Нет, он уже в четвертом классе.

— В четвертом? — удивилась Аяжан.

— Да! Это он только ростом маленький, а ему одиннадцать лет.— «Одиннадцать» прозвучало очень внушительно.

— А тебе сколько? — спохватился Ораз.

— Мне четвертого декабря исполнится восемь! — сказала Аяжан, незаметно примечая, какое впечатление это производит на Ораза.

Не успели новые знакомые дойти до дома дедушки Сарыбая, как почувствовали себя старыми друзьями. Испуг Аяжан прошел, и она смелее поглядывала на своего провожатого. Это был смуглый мальчик, с озорными глазами, с черными от загара руками и ногами...

Широкая улица, сбегающая вниз к реке, раскинулась перед ними. Весело было идти по ней, посматривая во все стороны. Ведь Аяжан здесь впервые, и все, что она видит, так ново для нее! Здесь нет, как в городе, множества пешеходов или верениц машин. Зато по обочинам на зеленой травке пасутся стаи гусей и уток, у ворот стоят уже вовсе не страшные коровы и тихонько, сыто мычат, извещают хозяев: «Мы пришли!»

А каким хитрюгой оказался пестрый щенок! Он бежал впереди, помахивая смешным хвостиком, будто говоря: «Я знаю, в какой дом вы идете». На шее у него красивый желтый кожаный ошейник. Длинные уши с кисточками на концах болтаются как серьги, и он поминутно оборачивается к Аяжан и Оразу, так и норовя заглянуть им в глаза.

Ораз, устав нести чемодан, переменил руку.

— Тяжелый какой. Что в нем?

— Яблоки.

Вот как раз яблоки-то и не растут в колхозе имени Джамбула!

«Как жаль!» — думает Ораз, потому что хорошо знает, до чего вкусен алма-атинский апорт. Втянув аромат его,

сопровождавший их всю дорогу, он даже проглотил слюну, почувствовав на языке сладость.

Нет, Аяжан не догадалась, как хочется попробовать Оразу чудо-яблоко, хотя бы кусочек надкусить! Она только увидела, что на носу Ораза выступили капли пота и потребовала:

— Теперь я сама понесу!

Но Ораз и не подумал отдать чемодан.

— Уже пришли! Видишь? В этом доме живет Сарыкен...

ТЕЛЕГРАММУ? НЕ ПОЛУЧАЛИ...

Хороши летние вечера в колхозе! Кончен трудовой день, скот загнали в кошары, во дворе варится ужин, и вся семья кузнеца Сарыбая собралась возле дома. Сам он, вернувшись с работы, умылся, переоделся, промочил горло парой тостаганов пахучего кумыса, сел возле окна в тени голоногих тополей и закурил свою старую трубку, задумчиво уставившись на дорогу. Кто сказал, что дедушка постарел? Ведь это его острые глаза раньше всех заметили приезжую гостью?

— Ой, аке, не Аяш ли там идет? — заволновался он и в нетерпении даже вскочил со своего места.

Сколько радости приносят с собой гости! Всех всполошил приезд Аяжан, все хотели обнять ее, расспросить поскорей: и Меруерт-апай, собравшаяся доить корову, и Батима, раздувавшая самовар, и маленькая пятилетняя Заурешка с чумазым носиком, вечно споривша с восьмилетним братишкой-непоседой Нурдаулетом. Эти двое никогда еще не видели Аяжан. Но Батима сразу ее узнала и крикнула первая:

— Аяш!

А за ней и малыши завопили наперебой:

— Аяжан, сестреночка!

Аяжан в это время уже попала в объятия дедушки. Сарыкен поднял ее на руки, точно младенца, прижал к себе, поцеловал крепко... И жесткие усы деда, пропахшие табаком, щекотали лицо внучки.

— Душа моя, черноглазка, как же ты приехала? С кем? — удивленно оглядывался дедушка.

— Одна! На автобусе! Мама только посадила меня в машину. И дала телеграмму, чтобы вы меня встретили!

— Телеграмму? Не получали...

И все наперебой — Меруерт, Батима, Заурешка с Нурдаулетом — повторяли:

— Телеграммы не было!

— Не приносили телеграммы!

Потом вдруг снова вспомнили: как это Аяжан приехала одна!

— Ай, молодец! — восхищался дедушка, а Меруерт ахала и поминутно всплескивала руками, повторяя: «Одну, из Алма-Аты, за двести семьдесят километров! Да как же они тебя отпустили?»

Аяжан чувствовала себя героиней, гордо поглядывая на малышей, тоже восхищавшихся ею, втайне завидуя по-хорошему, мечтая также когда-нибудь стать героями, которыми смогли бы гордиться дедушка и мама...

ЗРЯ НЕ БОЛТАЙ!

«Приятно все-таки приезжать в гости к родне,— думала Аяжан,— совсем как дома!»

Если б вы знали, как стало шумно, когда все вошли в дом! Дедушка Сарыкен открыл черный тяжелый чемодан Аяжан, и все стали пробовать знаменитые алма-атинские яблоки.

Смех, шутки, сочный хруст яблок. Малыши, с полными ртами, только вертят во все стороны черными глазенками. Дедушка чуть не поперхнулся яблоком, когда в разгар веселья раздался громкий стук в дверь.

— Телеграмма,— сказала, войдя, девушка-почтальон и протянула голубую бумагу.

— Ой, дочка, молодец! Что так рано? — И дедушка Сарыкен так засмеялся, что все невольно расхохотались вместе с ним.

— Мы не виноваты, это район. Из района передали к нам поздно,— оправдывалась девушка.

— Ну, ладно, ладно. Скажи своему начальству, чтоб провода лучше работали! А сама вот возьми яблочко! Алма-атинское... Видишь, какое красное?

Но девушка застеснялась, не могла протянуть руки, чтобы взять яблоко. А глаза невольно к нему тянулись.

Тогда Меруерт-апа подошла с яблоком и сказала:

— Возьми, поешь!

Совсем смутившись, девушка бросилась к двери...

А телеграмма? Это была та самая, в которой мама Аяжан просила встретить дочку.

Давно убежала девушка-почтальон, давно все забыли о запоздавшей телеграмме, а Сарыкен все ворчал:

— Научатся они работать по-человечески? Наладят, наконец, связь? — Он успокоился только тогда, когда Аяжан спросила:

— Дедушка, вкусные яблоки?

— Как мед, моя милая. Настоящий янтарный мед!

И снова принялся своим ножичком резать яблоко на маленькие кусочки и бросать их в рот. Да, если бы у вас так же не было зубов, как у дедушки, вам тоже пришлось бы резать яблоки на маленькие-маленькие кусочки...

Ораз встал с места и собрался уходить. Меруерт-апа насыпала ему в полу рубашки яблок и сказала:

— Отнеси их своей маме...

— Как ее здоровье, как ее бедные уши? Лучше ей? — спросил Сарыкен.

— Все так же,— грустно ответил мальчик.

— К врачу ходит, лечится?

— В районе врачи сказали, что нужна операция. Мама боится операции. Ждет профессора из Алма-Аты. Он должен скоро приехать. Мама хочет послушать, что он скажет.

Меруерт-апа заволновалась:

— Ойбой, профессор приедет! Может, и мне показать ему поясницу?

Сарыкен начал посмеиваться над ней:

— Иди, иди. Покажи поясницу...— А потом сердито спросил: — Думаешь, что говоришь? За кого принимаешь профессора? Люди ждут не дождутся его, он специалист по ушам, а будет всех вас смотреть?

Не так-то легко было сбить с толку Меруерт-апа. Она не сдавалась:

— Если он профессор, почему бы ему и не посмотреть всех?

— С бабами говорить — время терять! — рассердился дедушка.— Самое большее, он на пять-шесть дней приедет. А желающих попасть на прием — не сочтешь. Примет он тех только, которых наши врачи не сумели вылечить. Профессор — не твоя Кулимхан, что бегает по домам да больных ищет,— сказал Сарыкен, имея в виду здешнюю санитарку, приходившую иногда поставить Меруерт-апа банки или сделать уколы ребятам...

В доме стало немного потише: Ораз ушел, Аяжан стояла у двери, глядя ему вслед. Но вот она подбежала

к дедушке, приласкалась к нему, совсем как ягненочек, и спросила:

— Ата, что с ушами тети?

Сарыкен не успел ответить, как Нурдаулет выпалил:

— Пошла в горы за дровами, а бес к-а-ак ее сшибет... Вот и оглохла!

Все так и обомлели.

— Ты что болтаешь! — прикрикнул на мальчика Сарыкен.

— Вот горе мне! — запричитала Меруерт-апа.— Кто тебе сказал это?

Нурдаулет струсил, присмирел:

— Ребята говорят...— еле слышно оправдывался он.

— Кто говорит так, того самого шайтан зашибет! — сердился Сарыкен.— Глупость всякую подхватываешь! Вот услышу еще раз! — И он так грозно насупил брови, что Нурдаулет накрепко прикусил болтливый язык. Когда все успокоились, Сарыкен рассказал гостье, как было: этой весной мать Ораза и несколько женщин поехали на машине в лес за дровами для школы. Машина застряла, пошел проливной дождь, все промокли, промерзли... И Кулиш-апа так сильно простудилась, что оглохла на оба уха...

— Это пустоголовые выдумывают разные глупости насчет шайтанов... Ну, да ведь не всех сразу вразумишь...— вздохнул Сарыкен.

— Бедная женщина, хороший она человек, да беда не спрашивает к кому прийти,— горестно вздохнула Меруерт-апа.

Такая жалость охватила Аяжан после этих слов, что сердечко ее сжалось, будто кто-то очень сильный и злой безжалостно сдавил его холодными руками. И засыпая даже, она все думала о несчастной матери Ораза Кулише-апа...

КЕМ ХОЧЕШЬ БЫТЬ, АЯЖАН?

У кузнеца Сарыбая было два младших брата: Карибай и Дарибай. Карибай погиб в начале Отечественной войны, Дарибай кончил институт в Алма-Ате, стал кандидатом наук. Теперь преподает в педагогическом институте.

Вот этот-то Дарибай, самый младший брат Сарыбая,— отец Аяжан!

В колхозе имени Джамбула помнят его. Как же не помнить, если он вырос здесь?

Мама Аяжан часто говорит ей: «Если папа захочет и потрудится,— он может стать и профессором!»

Аяжан нисколько не сомневается, что папа станет профессором. Он так много читает, много работает, много знает...

Мама Аяжан тоже ученая, но конечно, не такая, как папа. Она работает в алма-атинской аптеке и приготовляет лекарства для больных. Правда, замечательно? Приходит к тебе больной человек, ты дашь ему лекарство — и вот он уже здоров!

Аяжан много раз бывала в маминой аптеке. Как ей там нравится! Чисто, опрятно. Лекарств — просто глаза разбегаются. На полках, на деревянных вертушках рядами стоят флаконы, пузырьки, бутылки с приклеенными к ним бумажками, будто цветными елочными флажками. Мама в белоснежном халате, беленькой шапочке сидит за стеклянной перегородкой и выдает больным лекарства. Кругом тихо — шуметь, громко разговаривать здесь не полагается.

Аяжан очень нравится мамина работа.

Она мечтает: «Когда вырасту, тоже буду, как мама, раздавать лекарства». Но иногда она передумывает, и ей хочется быть учительницей, как Наталья Петровна, ее учительница. А еще ей хочется быть летчиком... Это тогда, когда она видит в небе самолет.

Вы думаете это легко — выбрать профессию? Вот почему Аяжан теряется, передумывает и даже советуется иногда с папой.

— Папа, папочка! Скажи, кем лучше стать?

Дарибай улыбается:

— Все профессии хороши. Вырастешь — выберешь!

ТОЖЕ СТРАШНЫЙ «ЗВЕРЬ»

Все в колхозе было ново для Аяжан, все интересно. Вы видели, как доят коров? Девочка стоит рядом с Меруерт-апа, нагнулась и, не отрывая глаз, следит, как из вымени льются и цвиркают белые струйки, так аппетитно пахнущие, и ей кажется, что конца им не будет, что вот-вот молоко польется через край ведра, и обильная молочная река побежит из дверей сарая во двор, на улицу, за колхоз...

Наконец она отрывается от заманчивой картины, нарисованной воображением, и спрашивает тетю Меруерт

— Апа, откуда берется молоко?

— Да разве ты не видишь? Из вымени!

— А кто его туда налил коровe?

Правда, смешной вопрос? Засмеялась даже маленькая Заурешка, не то, что Меруерт-апа.

Пришлось подробно объяснить, что никто молоко в вымя не наливает, оно само образуется из корма, из щедрых пахучих степных трав, что целыми днями щиплет стадо.

На зеленой травке, возле картофельного поля, мирно паслись гуси, с хрустом срывая травку плоскими, длинными клювами. Они так увлеклись своим делом, что не поднимали головы — некогда! — точно наперегонки старались съесть всю траву. Аяжан очень захотелось получше разглядеть гусей, и она поближе подошла к ним. Лучше бы она этого не делала! Один гусь,— у него шея была с черной полоской,— насторожился. Вытянул шею в сторону Аяжан, раскрыл клюв, зашипел и... побежал прямо на Аяжан, страшно распустив крылья.

Пронзительно вскрикнув, любопытная исследовательница пустилась бежать. Еще бы секунда — и злой гусак укусил бы ее.

— Ох, милая, что случилось?! — закричал Сарыкен, увидев стремглав влетевшую в калитку Аяжан. И только когда калитка наглухо захлопнулась, и Аяжан убедилась, что гусак с черной шеей остался снаружи, она вздохнула свободнее.

Хорошо, что калитка была близко — вот и спаслась второй раз, а то бы...

Что-то еще ждет ее в ауле?

НАДО БЫТЬ ОСТОРОЖНОЙ

После встречи с гусаком Аяжан стала пугливой. «Лучше буду глядеть в оба, чем снова попадать в беду».

Вот почему, увидев семенящего мелкими шажками серого ослика с натертой спиной, Аяжан быстро попятилась за угол и осторожно выглядывала оттуда. Серый осел заметил трусишку. Остановившись посреди дороги, он повернул свою большую голову и строго осмотрел девочку. Потом закрутил хвостом, захлопал ушами, раскрыл свой огромный рот и заорал на весь аул.

Страшнее такого пронзительного рева Аяжан ничего не слышала. Кажется, земля затряслась, и стены домиков закачались!

Аяжан так бежала, что с размаху угодила прямо в объятия дедушки Сарыкена.

— Ой, моя маленькая! Да не тронет он тебя, это же самый обыкновенный осел! Он только орет так громко, что оглохнуть можно,— сказал Сарыкен, обнимая девочку.

— Сестренка,— хохочет довольная Зауре,— неужели ты ишака боишься?

— Посмотри, как я поскачу на нем! — крикнул расхрабрившийся Нурдаулет, сломя голову бросился к ослу, схватил его за шею и вскочил совсем как лихой наездник к нему на спину.

— Заурешка! Дай мне вон тот прутик. Видишь, там валяется какая-то хворостинка?

Зауре подскочила и подала Нурдаулету прутик. Наездник уселся поудобнее, быстро-быстро заколотил коленками по бокам ишачка и палочкой по шее... Ох, как сорвался с места «богатырский конь», как понесся вскачь! И никто не знал, что за штуку решил он выкинуть, как проучить не в меру расходившегося джигита...

Нурдаулет все стегал и стегал прутиком осла и в пылу скачки не заметил, как задел сбитое упряжью больное место. Что тут началось! Осел стал прыгать, бить задними ногами, будто на него напала тысяча слепней сразу, и все время норовил сбросить со своей спины непрошеного седока. Несладко пришлось тому, кто хотел покрасоваться перед «девчонками»... Нурдаулет, не помня себя, вцепился в холку осла, а осел скачет, несется во всю прыть. Вы догадались, чем кончилась лихая скачка? Да, да, Нурдаулет кувырком полетел на землю, а осел пустился наутек, поминутно оглядываясь, чтобы убедиться, избавился ли он от хвастливого мальчишки. Одно утешение Нурдаулету, потиравшему синяки и ссадины: и цирковой наездник не удержался бы на таком бешеном! А девчонки были в восторге. Аяжан хохотала от всей души. Это, конечно, самое интересное событие в ее новой, аульной жизни.

ПОЗНАКОМИЛИСЬ!

За один вечер, проведенный в ауле, Аяжан узнала немало. Она поняла, что аульная жизнь не похожа на городскую. Вот хоть бы животные на улицах и эти гуси... Их не встретишь на заасфальтированных проспектах. Аяжан была напугана не на шутку, поэтому, даже встретив стадо овец с ягнятами, шарахнулась от него, как угорелая.

Ей казалось, что разыгравшийся ягненок обязательно на чнет бодаться.

— Дедушка, он меня забодает! Дедушка! — закричала она и спряталась за широкую спину деда.

— Ой, аке! Это же овечка. И не тронет она тебя, и не забодает!

— Посмотри, какие рога! — не унималась Аяжан.

— Пусть рога. Все равно овечки самые безобидные среди животных. Никогда они человека не обижают...

Вскоре Аяжан и сама убедилась, какие овцы безобидные.

Они шли гурьбой, не задевали никого, потом собрались у сарая, и ягнята стали «ужинать».

Никогда раньше не видела Аяжан живых ягнят. Смотреть на них было так занятно, что уходить не хотелось. Ей больше всех понравился один забавный черный ягненочек — такой хорошенький! Он так смешно скакал вокруг матери, играл, баловался — будто хотел бодаться... Аяжан подумала: «Вот бы потрогать его». Шаг за шагом, незаметно, она подходила к нему все ближе. Черный ягненок был совсем как игрушка! Только игрушка живая, шустрая...

— Ата, можно его потрогать?

— Конечно, можно.

Аяжан все еще не решалась вплотную подойти к ягненку.

— Апке[1], я тебе поймаю его,— пришла на выручку Зауре и смело взяла ягненка на руки. Ягненок начал вырываться, ерзать в руках девочки. Маленькими игрушечными копытцами он пинает Зауре и попадает прямо в пуговки на ее платье. Пуговки металлические, и звук получается такой звонкий, будто копытца у ягненка серебряные...

— На! — торжествующе сказала Зауре и подала ягненка трусишке.

Аяжан, робея, погладила сначала его шерстку на спине. Шерсть была точно шелк. И только потом решилась взять ягненка на руки. Какой он легонький! Он перестал вырываться и боднул Аяжан в щеку.

— Ата, посмотри,— закричала она,— ягненочек хочет поцеловать меня...

— О, это очень умный ягненок. Знает, кто любит его,— ответил Сарыкен. И, смеясь, добавил: — Ну что, познакомились?

---

[1] *Апке* — старшая сестра (обращение)

А ТЫ ВОСПИТАННЫЙ?

Ужинала Аяжан тоже не как дома — сидя за высоким столом, на высоком стуле. Здесь садились за низенький круглый столик, на ковер. Чтобы Аяжан было удобно, дедушка подставил ей маленький стульчик. Меруерт-апа посадила гостью на почетное место, приговаривая: «Ты наша гостья издалека, первый раз у нас. Тебе и почет».

— Кушай, кушай! — раздавалось со всех сторон.

— Пей, пей! — только и слышалось.

Все наперебой ухаживали за Аяжан.

А какое все было вкусное,— всего хотелось попробовать хоть понемножку.

После ужина Аяжан спросила Нурдаулета:

— Есть у тебя книги?

— Есть, только...— и Нурдаулет как-то странно замялся. Это удивило Аяжан, и она настойчиво повторила:

— Покажи, где они?

Нурдаулет нехотя повел Аяжан в другую комнату. За ними следом побежала и Заурешка с огромным куском хлеба, намазанным маслом.

— Ты сначала поешь, а потом выходи из-за стола,— совсем как взрослая поучала Аяжан.

— Вот видишь, апке правильно говорит. Надо сначала покушать, а потом выходить из-за стола. Воспитанные дети только так должны поступать,— поддержал Аяжан дедушка.

Но Заурешке не до приличий. Она согласна остаться голодной, только бы не отставать от Аяжан и Нурдаулета.

— Я уже,— запищала она и бросила недоеденный хлеб на стол.

— Вот это уже совсем не годится! Раз начала, надо доесть до конца! Кто после тебя будет подбирать объедки? Собаке, что ли, бросать? — пристыдила Аяжан сестренку.

БЕДНЫЕ-БЕДНЫЕ КНИГИ!

Нурдаулет подвел Аяжан к коричневой тумбочке. Видно, это и было его книгохранилище. Не успел он открыть дверцу тумбочки, как оттуда посыпались смятые книжки и рваные журналы. Журналы оказались «Балдырганом», который очень любят казахстанские ребята. Но в каком он был виде! Обложки сорваны, картинки безжалостно иск-

ромсаны, разрисованы цветными карандашами... Целые страницы исчерканы вдоль и поперек чернилами, закапаны кляксами, кто-то пытался на этих страницах решать арифметические задачки. А какие маслянистые разводы расползлись повсюду: завтракали на журнале, что ли?

Аяжан опешила:

— Ой, как же так можно? Кто рвал журналы? Кто исчеркал, измазал их?

— Он...— прошептала Зауре, ткнув пальцем в Нурдаулета.

Нурдаулет сначала слова не мог вымолвить, а потом вдруг набросился на маленькую Заурешку:

— Это ты, ты, ты все порвала...

Аяжан, соболезнующе покачивая головой, стала рассматривать книги и журналы, высыпавшиеся на пол. Ну и порядок! Все смято, свалено в кучу. «Мойдодыр», «РВС», «Моя игрушка», «Сатжан», учебник казахского языка для первого класса. «Родная речь»... Обложек нет, кто автор книг — неизвестно, непонятно даже, что это за книги. Вот страничка «Дяди Степы». Аяжан узнала старого знакомого по картинке и стихам под ней. Бедный «Дядя Степа»! Знал ли он, что, выйдя из типографии таким новеньким, чистым, нарядным попадет в руки беспощадного Нурдаулета?

У некоторых книг были первые страницы, но не было конца, у других конец был, зато начало...

А сколько обложек валялось пустых!

Посмотрели бы вы на повесть «Новые друзья Сауле»! Половина фамилии и имени автора оторвана. Осталось всего «...скаев».

Вместе с книгами из тумбочки вывалились разные другие вещи: резиновый зайчик, металлический свисток, лянга, несколько альчиков. Выкатилась красивая коробка из-под монпансье.

— Моя! — вскрикнула Зауре, хватая коробку.

— Моя, а не твоя.

Нурдаулет стал выхватывать ее. Аяжан заступилась за Заурешку. Услыхав ссору, вмешалась Меруерт-апа.

— Что случилось? Эй, ты что маленькую обижаешь? — прикрикнула она на Нурдаулета, загородив дочку.

— Такой большой, школьник, а обижаешь младших? И тебе не стыдно?!

Зауре схватила коробку обеими руками и выбежала в другую комнату.

— Все равно отниму! — не унимался Нурдаулет. Меруерт-апа строго, очень строго сказала:

— Ну, хватит! А то, кажется, придется позвать Сарыкена...

Порядок был водворен, и Аяжан снова взялась за книги. Ей попалась тетрадь Нурдаулета по чистописанию. Только она начала перелистывать страницы, как Нурдаулет сразу вырвал тетрадку. Аяжан все-таки успела заметить двойку, жирно выведенную учительницей красным карандашом.

— Дай посмотреть!

— Не покажу! — запальчиво крикнул Нурдаулет и, скомкав тетрадку, засунул ее в карман.

Целый вечер Аяжан провозилась с книгами и журналами. У нее даже коленки устали. И только сложив все, она совсем как взрослая вздохнула про себя:

— Как жаль мне вас, бедные, бедные книги...

ВЫИГРАЛА ИЛИ ПРОИГРАЛА ЗАУРЕ?

Пришло время ложиться спать. Меруерт-апа постелила для Аяжан. Зауре с чумазым носиком дергает мать за подол:

— Я лягу вместе с сестренкой?

— Если хочешь лечь со мной, хорошенько вымойся! Ототри свой чумазый нос,— предупредила Аяжан.

Зауре несказанно обрадовалась и, покорно согласившись на все, побежала мыться.

Аяжан вышла во двор. Потемневшее небо такое прохладное, прозрачное, просторное. Тишина, воздух вкусный, как мороженое. По улицам аула перегоняют друг друга высокие столбы, на них смеются электрические лампочки. Со стороны скотных дворов доносится аппетитный хруст сена. Это жуют овцы. Рыжая корова, привязанная во дворе, прилегла. Видно, притомилась за день. Потихоньку сопит от удовольствия. Со стороны огорода из-под кустов картофеля слышно стрекотание цикад и сверчков. Они то разом затрещат, то неожиданно стихнут.

Кто-то едет верхом на коне, и цоканье копыт — как приглушенный аккомпанемент к вечерней песне. Аяжан долго прислушивается к замирающему где-то далеко-далеко цоканью, и ей тоже хочется куда-то ехать верхом на лошади, которая так красиво и быстро перебирает ногами, что даже удивительно, как она не запутается! Замечательное животное этот конь! Аяжан кажется, что нет на свете животного красивее.

Верхового уже и след простыл, а столичная гостья все стоит и не может расстаться с летней ночью. Нет, никогда дома в городе не видела она такой.

Из комнаты вышла Батима.

— Аяжан, где ты?

— Я здесь,— нехотя окликнулась девочка.

— Почему одна, что ты здесь делаешь?

— На звезды смотрю.

— Идем, пора спать.

Аяжан задумчиво вошла в дом, и ей все казалось, что старые горы, обступившие аул, как стража, обязательно что-то расскажут ей сегодня ночью. Только недавно ее клонило ко сну, а теперь она вовсе не хотела спать. Зауре за это время успела вымыться и лечь в постель. Укрывшись до самого подбородка одеялом в белоснежном пододеяльнике, она притаилась, как мышонок. Хитрые глазенки, сверкая, двигаются, точно глаза игрушечной куклы. Вниз — вверх, направо-налево...

— Хорошо умылась? — спрашивает Аяжан.

— Да.

— А ноги?

Зауре молчит. Даже глазенки остановились.

«Что-то тут не так!» — догадалась Аяжан, сдернула одеяло и увидела пыльные, точно такие же, как днем, ноги Зауре. На белом пододеяльнике так и отпечатались темные следы.

— Нет, что же это такое? Уж лучше нос бы остался немытым... Фу, гляди, будто поросенок пробежал по чистой постели!

Хочешь — не хочешь, а пришлось во второй раз пойти на террасу к умывальнику.

Зауре было, конечно, стыдно перед сестренкой, приехавшей из Алма-Аты, и очень хотелось не расставаться с ней и ночью, но больше всего было досадно, что столько лишних хлопот досталось ей в этот вечер.

НЕПОСЛУШНЫЙ НУРДАУЛЕТ

После утреннего чая Аяжан сказала Нурдаулету.

— Найди клей. Я заклею все твои рваные книжки и журналы.

— А ты сможешь? — нахмурившись, спросил Нурдаулет.

— Найди клей. Тогда увидишь.

— Клея у нас нет...

В это время пришел Ораз. Сегодня он был совсем другой. Опрятно одет, в новых желтых туфлях, кремовой тенниске, коротких брюках...

И чего он так нарядился? Вот только на голове — газетная пилотка, с красной звездочкой из плотного картона. Но бумажная пилотка, надетая набекрень, казалась тоже нарядной.

В руках у Ораза удочки, а у ног, как всегда, вертелся пестрый щенок. В зубах у щенка болталась жестяная банка.

Аяжан полюбопытствовала:

— Это что такое?

— Там черви для наживки на удочки,— сказал Ораз.

Но самым важным оказалось то, что Ораз пришел позвать Аяжан на рыбалку. Это было очень интересно. И девочка не сомневалась, что с Оразом можно отправиться хоть куда. Но уходить из дома без разрешения старших было не в ее правилах.

— Пойду отпрошусь у апа,— сказала она Оразу.

Узнав, с кем пойдет Аяжан, Меруерт-апа разрешила прогулку.

— Только смотри, будь осторожна, милая, не упади в реку, там глубокие заводи,— предупредила она девочку.

Сказано это было на всякий случай, для острастки. Река здесь вовсе не глубокая, опасаться нечего. Зато столько рыбы там...

Нурдаулет не отставал от них ни на шаг и во что бы то ни стало решил пойти на рыбалку.

— Подождите, вот найду свои удочки.

Где только он не искал их! Лазил по чердакам, совался в сарай, на крышу... Но удочек нигде не было.

— Апа, ты не видела моих удочек? — пристал он к Меруерт-апа.

— Э, ты думаешь, у меня только и дела, что стеречь твои удочки? Почему нет у тебя места для них?

— Батима, ты не видела мои удочки?

— Нет, не видала!

Когда всем до смерти надоело ждать незадачливого рыболова, он нашел наконец-то свои удочки под крыльцом.

Но ведь Зауре тоже хочется на рыбалку! Она подбегает то к Оразу, то к Аяжан и хнычет:

— Апке, и я пойду... Я вам наловлю кузнечиков для наживки...

Вот теперь, кажется, все в сборе, все готовы, только...

— Высморкайся! Вытри нос! — говорит Заурешке потихоньку Аяжан.

* * *

У реки детворы полным-полно. Купаются, лежат на прибрежном песочке, греются на солнышке, бегают наперегонки, ныряют, закидывают удочки... Аяжан очень понравились загорелые аульные ребята, такие все смелые, закаленные.

Правда, не понравилось девочке, что некоторые купаются совсем голышом.

Вчерашний мальчик с велосипедом, первый, кого она встретила вместе с Оразом, тоже тут. Он сидит поодаль на травке, опершись рукой о землю, не раздеваясь. Рядом — его велосипед.

«Странно, почему он не купается вместе со всеми? — удивилась Аяжан.— Он же весь в поту, такая жара стоит...»

— Ты почему не купаешься?

— Вода холодная... Простудиться могу. Еще заболею!..

Аяжан едва не фыркнула в лицо неженке, а потом от души его пожалела.

«Бедняжка, даже купаться ему боязно». Позже она узнала, что этого мальчика зовут Мелисом. Отец его, оказывается, председатель колхоза.

До чего же Аяжан любила купаться! Скорей, скорее нырнуть в эту свежую золотистую воду, где виден каждый камешек на дне!

— Ораз, будем купаться? — спросила она.

— Еще бы! Кто первый разденется?

Нурдаулет тоже начал раздеваться. Увидев, что на нем ничего не осталось, Аяжан крикнула:

— Надо купаться в трусиках!

Нурдаулет и не подумал слушаться. Перескочив через ребят, загорающих на песке, он голышом бухнулся в воду.

— Бессовестный!

ПОГОНЯ

Рыба ведь тоже идет не ко всякому. Ораз уже поймал четырех рыбешек, а у Нурдаулета ни одна даже и не клюнула. Ему казалось, что в неудаче виноваты окружа-

ющие. Он начал задираться, всем грубить, искать причину для ссоры. То он выражал неудовольствие, уверяя, будто Ораз, видите ли, дает ему маленьких червей. То замахивался на Зауре, обвиняя ее в том, что якобы она спугнула рыб. То орал на щенка Майлыаяка: «Пошел! Прочь!»...

Оразу надоели бесконечные пустые придирки, и он решил держаться подальше от скандалиста.

Он встал, собрал свою «снасть», отошел от Нурдаулета и сел на берегу пониже. Но удача и здесь не изменила умелому рыболову. Сразу одна за другой сверкнули на удочке две серебристые ленточки.

Нурдаулет был вне себя от зависти!

Ораз снова наживил на крючок червяка и уверенно закинул удочку. Не отрывая взгляда, он следил за поплавком. Вдруг перед ним упал большой камень — брызги так и посыпались на всех. Будто кто-то швырнул со дна реки горсть мелких камешков. Аяжан и Зауре, оглянувшись, заметили ехидно ухмылявшегося Нурдаулета. Вокруг не было больше ни души.

— Эй, что это значит!

— Не я,— небрежно бросает Нурдаулет, дерзко ухмыляясь. И это подтверждает, что кинул камень, конечно, он — никто другой.

С каким интересом следила Аяжан за поплавками! И все пропало из-за этого дурацкого камня, спугнувшего рыбу, которая вот-вот клюнула бы снова.

— Ты что, с ума сошел, что ли? — рассердившись, крикнула Аяжан.

— Не стоит с ним связываться! — уговаривал ее Ораз.— Лучше пойдемте подальше...

Все трое встали и отправились вниз по реке. Но едва Ораз, Аяжан и Зауре тронулись в путь, Нурдаулет побежал и остановился на только что оставленном ими месте.

Не успела дружная компания усесться, закинуть удочки и начать снова внимательно следить за поплавком, как прямо перед носом Ораза в воду шлепнулись один за другим два увесистых камня. Оглянувшись, мальчик увидел, что Нурдаулет целится третьим.

Теперь он даже не прятался.

— Ты что делаешь? — возмутилась Аяжан.

— Не даю удить вам рыбу! — нисколько не смутившись, издевался Нурдаулет.

— Почему? Одурел, что ли? — взорвался наконец и Ораз.

— Не я одурел, а мать твоя одурела. Разве ты не

знаешь, что она поехала в горы за дровами и ее черт попутал? Потому она и оглохла,— не унимался хулиган.

Тут уж терпение у всех лопнуло. Ораз побледнел, будто его кто-то ударил. Несколько минут он сидел не шелохнувшись, потом вскочил на ноги, отбросил удочку и ветром помчался за Нурдаулетом. Но тот был начеку — пустился бежать. Пестрый щенок только и ждал этого, сорвался с места и ринулся за мальчишками.

Все трое бегут, словно ошалелые, догоняя друг друга. Впереди дорогу перерезал овраг. Нурдаулет нырнул в него и исчез.

Щенок, обогнав Ораза, тоже исчез за Нурдаулетом в овраге.

— Майлыаяк, возьми, возьми его! — кричит Ораз на бегу.

Тут улепетывающий Нурдаулет показался на другом берегу оврага, щенок почти настиг его.

— Взять, взять, Майлыаяк!

Слыша грозный повелительный тон Ораза, собачонка не бежит — летит... И все внимание ее сосредоточено на голых ногах Нурдаулета, выглядывающих из широких штанин.

Вот когда глупый мальчик пожалел, наверное, о том, что сделал. Он все чаще и чаще оглядывался назад, чувствуя, что ему не спастись от Майлыаяка.

И Майлыаяк догнал его! С громким лаем схватил он обидчика за штанину. Нурдаулет завизжал еще раньше чем зубы собаки коснулись его. И от страха — кубарем покатился по земле...

«СССР-101. ЗЕМЛЯ — ЛУНА»

Прошло несколько дней. Снова все были дружны, и как-то вечером Нурдаулет, взбудораженный, вбежал в дом.

— Аяжан, пойдешь в кино?

— Пойду. А какую картину покажут?

«Застава в горах». Во, кино! Про шпионов

— И меня возьмите,— взмолилась Зауре.

— Прежде поужинайте, попейте по пиалке айрану,— засуетилась Меруерт-апа, наливая им прохладного вкусного айрана и нарезая хлеб.

Аяжан, Зауре и Нурдаулет наскоро поели и помчались в клуб.

По дороге у одного дома под навесом собрались ребята, тесным кольцом окружили Ораза и на что-то смотрят. Хохочут, подталкивают друг друга. И так, видно, у них весело, что Аяжан и Заурешке очень захотелось вместе с ними посмеяться.

— Что они там делают? — повернулась Аяжан к Нурдаулету.

— Подумаешь, с собакой возятся!

— Пойдем и мы посмотрим.

— Что, собак не видала? — ответил Нурдаулет, недовольно поворачивая в сторону.

Но Аяжан и Зауре не пошли за ним, а побежали к ребятам.

В середине компании стоял Ораз, а вокруг него волчком вертелся Майлыаяк. В одной руке у Ораза — маленькая палка, в другой — железный обруч. Он держит обруч на весу и приказывает:

— Ну, вперед! — Взлохмаченный щенок пулей пролетает сквозь обруч. Точь-в-точь как в цирке. А у Ораза вид такой гордый — совсем как у дрессировщика: голос повелительный, глаза строгие...

После четырех-пяти прыжков он достает из кармана кусок сахара и угощает им Майлыаяка.

— Давай теперь его на Луну пошлем! — попросил кто-то из ребят!

— Давай!

— Посмотрим, как полетит!

Ребята отошли в дальний угол двора. Там, к перекладине на веревке подвешено старое ведро. Оказывается, это и есть «ракета». На ведре написано мелом большущими буквами:

СССР-101. ЗЕМЛЯ — ЛУНА

Да, тут было на что посмотреть! Неожиданно Ораз поднес ко рту картонный рупор, и все услышали:

— Осталось пять минут до запуска ракеты на Луну. Товарищи пассажиры, просим занять места, согласно купленным билетам!

Как только Ораз произнес эти слова, Майлыаяк начал беспокойно юлить, заскулил жалобно и, будто прося о чем-то, завилял хвостом возле ног Ораза.

— Чего ты просишь? — громко спросил Ораз, нагнувшись и подставляя ухо ко рту собаки.— А, билета, говоришь, у тебя нет, а полететь хочется?

Ораз достал из своего кармана желтую бумажку и сказал:

— Так уж и быть, вот тебе билет!

Майлыаяк молниеносно выхватил зубами бумажку, поданную Оразом, и мигом вскочил в болтающееся ведро, которое висело на высоте в полметра от земли.

Все, пораженные, ахают и хохочут довольные без меры.

— Ой, какой умный!

— Все понимает!

— Видишь, пока не было билета, не садился в ракету?!

Ораз в это время завязал ведро темным платком, повернул его и начал медленно крутить. Стало тихо. Вот веревка туго закрутилась, задергалась, а ведро рванулось вверх. И когда веревка скручена до отказа — ведро поднимается до самой перекладины и упирается в нее.

— Слушайте, слушайте! Сейчас «ракета» отправляется на Луну!

«Есть лететь! Слушаюсь!» — будто отрапортовал песик, в знак чего поцарапал дно ведра и взвизгнул.

— Старт!

Отдав команду, Ораз отпустил ведро. «Ракета» завертелась так быстро, что слова:

СССР-101 ЗЕМЛЯ — ЛУНА

слились в мелькающий белый волчок.

Когда веревка раскручивалась, по уговору считалось, что ракета мчится в космическом пространстве.

Прошло еще несколько секунд. «Ракета» «домчалась до Луны» и остановилась.

Ораз открыл «дверь ракеты».

— Товарищи пассажиры! Мы прилунились! Просим ступить на Луну!

Майлыаяк с билетом в зубах, дружелюбно махая хвостом, спрыгнул на землю... Не на Землю, нет,— на Луну!

ДАВАЙ ДРУЖИТЬ!

Вот это вечер был! Аяжан теперь не на шутку заинтересовалась Оразом. «Какой хороший мальчик. Серьезный, умный. С ним можно играть и дружить!»

Как-то Аяжан сказала Оразу:

— Давай дружить!

— Давай!

Ребята скрепили свое решение, крепко пожав друг другу руки.

— Только чур: будем друзьями настоящими. О том, что у тебя есть верный друг,— никогда не забывать. Когда ты уедешь в город, начнем переписываться,— предложил Ораз.

— Как здорово! — обрадовалась Аяжан, так понравилось ей предложение друга.

Кончалось лето. Кончились каникулы, купанья, рыбалки... Зато Аяжан знает теперь, как доят коров, как надо наживлять червяка на крючок — да мало ли узнала она нового от ребят в ауле! Дружба с Оразом крепче крепкого. То и дело на улице, у дома, на дворе слышится:

— Аяжа-а-ан!

— Ор-а-аз!

Друзьям не приходится искать друг друга. Стоит выбежать одному на улицу, как другой уже мчится навстречу.

Аульные ребята всегда вместе с Оразом и Аяжан. Они отлично знают: там, где Ораз и его верный Майлыаяк,— всегда весело.

Как-то, когда на целый день зарядил дождик, Ораз позвал Аяжан к себе домой. Его мать — Кулиша — хлопотала в кухне — готовила обед.

— Здравствуйте,— сказала Аяжан, входя в дом.

Кулиша не ответила, потому что не услышала голоса Аяжан. Она даже не заметила, что в дом вошел чужой человек.

— Она не слышит. Апа моя не слышит! — грустно сказал Ораз, осторожно прикоснувшись к руке матери.

Кулиша повернулась к сыну и тут только заметила гостью.

Она внимательно всматривалась в девочку и наконец спросила:

— Ты, милая, дочка Дарибая?

О, каким печальным был ее тихий голос!

— Да,— со сжавшимся сердцем ответила Аяжан и кивнула головой.

Хоть она в первый раз увидела тетушку Кулишу, но так жалко было ее, бедную.

Кулиша подошла к ребятам и материнской доброй рукой погладила Аяжан по голове:

— Твой отец все детство провел среди нас. Он был ровесником моего первенца Азимжана. Они всегда играли вместе. Мой Азимжан на войне погиб...

Сколько у Ораза книг! Целых три полки заполнены до

отказа! Аяжан быстро пробежала глазами по ярким переплетам. Встречались знакомые, встречались и незнакомые названия. Книги на казахском языке стоят на одной полке, на русском — на другой. Сказки всех народов расставлены вверху красивым разноцветным рядом.

Вот уж что особенно любила читать Аяжан — так это всевозможные сказки! Она так увлекалась, читая разные волшебные истории, что забывала обо всем. Когда она увидела столько сказок, у нее прямо глаза разбежались. Но, приглядевшись поближе к каждой книжечке, узнала, что многие из них прочитаны, а есть здесь и старые любимые друзья.

Вдруг Аяжан приметила сборник японских и афганских сказок. Этих она еще никогда не встречала! Ну и, конечно, захотела прочесть незнакомые книжки.

— Ты дашь мне почитать их? — попросила Аяжан Ораза.

— Ну конечно!

Нижние полки книжного шкафа тоже были не пустые. На одной выстроились плотничьи инструменты: пила, топорик, рубанок, тяпка, бурав, плоскогубцы, сверло — целая мастерская! Аяжан и названий многих инструментов не знает. Понятно, это все были инструменты, с которыми возятся мальчики. Но если б девочки знали, каких только чудес не создашь, пользуясь этими инструментами, они, пожалуй, призадумывались бы: не попробовать ли?

Тут же, внизу, Аяжан увидела забавно расставленные деревянные фигурки животных, птиц, зверей и даже маленьких человечков. Рядом лежали приготовленные для резьбы деревянные чурочки. Сколько чудесных игрушек, сделанных умелыми руками!

— Ты все это сам?!.

— Сам.

— Нисколько от живых не отличишь! Ты умеешь мастерить своими инструментами...

Петух раскрыл клюв и кукарекает, гребешок будто колышется. Бык мычит и намеревается бодаться. Его рога и поза точь-в-точь, как у той рыжей коровы, которая напугала в день приезда Аяжан.

— Ой, Ораз, какой ты умелый!

— Ой, какие хорошенькие,— не перестает ахать и охать Аяжан, вертя в руках разные фигурки и любуясь ими.

— Я их готовлю на выставку,— сказал Ораз.

— На какую выставку?

— Учитель наш предупредил всех в школе, что осенью в районе будет выставка. Вот ученики и готовятся к ней в свободное время. Ну, кто что умеет делать... А тебе до твоего отъезда я обязательно что-нибудь на память подарю. Выпилю и подарю. Ладно?

— Ладно!

В КУЗНИЦЕ

Аяжан, глянув на часы, даже не поверила — как она засиделась в гостях.

— Ой, я пойду.

— Я провожу тебя,— сказал Ораз.

Друзья вышли на улицу. Там уже было прохладно. Когда они проходили мимо решетчатых железных ворот, Аяжан спросила:

— Что за этими воротами?

Ораз стал рассказывать ей про МТС, про колхозные машины...

Аяжан схватилась руками за железные прутья и смотрела, смотрела... Не приходилось ей видеть в городе сразу столько тракторов, да еще с такими огромными колесами. А Ораз знал даже как какой называется.

— Вон тот — ДТ-54, а с большущими колесами — «Беларусь»

Только комбайны не показал он Аяжан — их во дворе не было.

— Все они сейчас на уборке хлеба.

Когда Аяжан пригляделась повнимательней, то увидела справа от них какой-то длинный красноватый дом, а вместо одной стены у него были сплошные окна. Оттуда все время раздавался страшный стук и грохот. За мутными стеклами полыхал красный свет и копошились люди.

— Ораз, что в этом доме?

— Это кузница. Старина Сарыбай работает здесь.

— Кузница?!

- Да.

Ни разу еще Аяжан не видела кузницы.

Ораз, а пустят нас туда? Пойдем, попросимся?

Если скажем, что идем к Сарыке, пустят.

Пойдем скорей!

И они стремглав побежали к проходной. Там сидел сторож, строгий неприступный старик Серкебай. Веки у него беспрестанно мигают, сам рыжеватый, бородка кли-

нышком, взгляд пресуровый. Поверх черной тюбетейки надет торчащий киргизский войлочный колпак.

— Ата, саламалейкум! — поклонился Ораз, приветствуя старика при входе.

— Алейкум салам! Кто вас сюда звал?!

— Мы хотели пройти к Сарыкену, кузнецу. Она — дочь брата Сарыкена, приехала погостить из Алма-Аты...

— Дочь Дарибая? — спросил сторож у Аяжан.

— Да.

— Как поживают твои родители? Когда приехала? Как приехала? С кем приехала? Что привезла Сарыбаю? — Вопросы так и посыпались, и старик совсем перестал казаться Аяжан неприступным и строгим.

— Идите! — произнес он снова грозным приказным тоном, как бы спохватившись, что позволил себе поблажку при исполнении служебных обязанностей.

Ораз повел Аяжан в кузницу.

Обе половины двери ее были открыты настежь. Среди нескольких человек, измазанных сажей и маслом, Аяжан сразу узнала Сарыбая в парусиновом переднике. Он что-то делал с куском раскаленного докрасна железа, и вокруг разлетались тысячи огненных оранжевых, красных искр, от которых Аяжан не в силах была оторвать глаз.

Увидев Аяжан и Ораза, Сарыкен внезапно остановился.

— Ой, аке, милые, зачем пришли? Проведать, что ли?

— Проведать. Аяжан очень захотелось посмотреть, как вы работаете в кузнице, вот и пришли...

— Посмотри, золотце мое, посмотри. Вот она, наша кузница!

И Сарыкен снова вернулся к раскаленному металлу, к огромному молоту.

Самым интересным для Аяжан было то, что молот поднимался и опускался сам.

Все, что мог, Ораз старался объяснить подружке.

Она была очень довольна, что посмотрела, как работает дедушка. Он такой сильный, делает что хочет с толстыми, брызжущими огнем, брусьями железа. Он месит их, точно тесто, тянет и гнет, как жевательную серу, режет, будто дерево...

И кажется девочке, что дед сможет даже узел связать из железа. «Вот чудо-то!» — думает Аяжан про себя.

Ей и до вечера не надоело бы любоваться мастерством Сарыкена. Но вдруг раздался густой сильный гудок, который эхо повторило в разных концах двора. Это был сигнал, извещающий, что рабочий день окончился.

Все движение в кузнице разом остановилось. Это тоже очень понравилось Аяжан.

Пока дедушка мылся в душе, Аяжан спросила Ораза:

— Как ты думаешь, девушки могут быть кузнецами?

Это был такой вопрос, который заставил призадуматься даже Ораза. Никогда он не видел женщин-кузнецов и не слышал про них. Но разве мог он огорчить верного друга? И Ораз твердо ответил:

— Могут ли? Конечно, могут!

ДА, ПОХОЖИ!

— Ата, что за теми горами?

— Как что? Светик мой, там тоже люди живут, как и мы. Там тоже колхоз. Тоже есть стада, которые пасутся; есть пашни, посевы.

— Посевы — это пшеница, ата, да?

— Сеют и ячмень, и пшеницу, и кукурузу, и просо...

— Ата, а как растут посевы? Я в кино видела, так, да?

Старина Сарыкен от души расхохотался.

— Вот как у нас в городе! Восемь лет прожила и до сих пор не видела, как хлеб растет.

— Видела. В кино видела!

— Разве видеть в кино называется видеть?

— Но ведь в городе хлеб не растет?

— Вот, крошка моя, я тебя и повезу на поля и покажу тебе все. Стыдно не знать, как хлеб растет, без которого ты дня прожить не можешь.

— Ататай, повези, пожалуйста! Когда поедем?

— Если управлюсь, сегодня приеду пораньше и поедем.

С работы Сарыкен, и правда, вернулся часа в четыре. Аяжан с нетерпением ждала его, ждала, когда она увидит обещанное.

— Ата, поедем в поле? — прыгала она, хлопая в ладоши.

— Поедем.

Дедушка Сарыкен вывел из сарая свой новый трехколесный мотоцикл. Этот мотоцикл ему подарил в прошлом году колхоз за отличную работу. Не раз пришлось Аяжан кататься по окрестностям колхоза на этом замечательном мотоцикле. Уж дедушка кругом повозил ее. Пусть рассказывает потом в городе...

— Ата, я тоже поеду!

— Ата, я тоже поеду! — кричали наперебой Нурдаулет и Зауре и, подбежав к мотоциклу, вцепились в него.

— Хватит, хватит. Все садитесь, всех повезу. Место всем найдется...

Аяжан с Зауре уселись в коляску. Нурдаулет — за дедом на сиденье.

Мощный мотоцикл, рванувшись, понесся вперед. Точно птица летит он по ровной дороге, а когда появляются арык или ров, дедушка мгновенно сбавляет скорость.

Аяжан, не помня себя от радости, широко раскрыв жадные глазенки, не налюбуется своим дедушкой, мотоциклом, дорогой...

Сарыкен надел защитные очки: глаза может запорошить пылью. Вид в них у Сарыкена такой важный... А поля его старой фетровой шляпы так забавно и приветливо дрожат, колышутся от встречного ветра.

* * *

Проехали мост над речушкой, где удили рыбу Аяжан с Оразом. Сарыкен повернул вправо. Дорога здесь проселочная. По ней ехать еще лучше — мягко-мягко. Когда нет дождей, ехать даже удобнее, чем по шоссе. Вдоль реки кружили зигзагами, потом помчались прямо вперед. Очень скоро начались хлебные поля. Ни конца им, ни края. Сарыбай свернул с дороги и остановил свой мотоцикл у кромки поля.

Ребята спрыгнули на землю.

— Ата, вот это и есть хлеб?

— Да, это пшеница,— ответил Сарыкен.

— Ой, какая она высокая, ата, глядите, в мой рост! — поражалась Аяжан.

— Вот где здорово в пряталки играть! — крикнул Нурдаулет и кинулся в пшеницу.

— Не топчи! — рассердился Сарыкен и сейчас же выгнал глупого мальчишку с поля.

— Ата, а где зерна пшеницы?

Сарыкен сорвал колос, помял на ладони, подул на него, и там остались красные, словно обточенные, ровные зерна — одно к одному.

— Какая красивая!

— Да, пшеница хороша. Белый хлеб, что ты так любишь, вот из этой самой пшеницы делают.

— Разве хлеб из пшеницы пекут? Не из муки?

— А мука откуда берется?

— Не знаю...— смутилась гостья.

- Не знаешь? Так и это я тебе покажу.

И они поехали дальше.

Конца не было хлебам. Кончались одни, начинались другие. Пшеница везде уже вызрела — усики на колосьях побелели и высохли. Недавно здесь началась уборка самоходным комбайном. Сарыкен остановил мотоцикл у края хлебов и указал на огромную машину, которая шла по полю, словно какой-то невиданный великан, и гудела, и грохотала, и будто наголо стригла поле.

Вот он, комбайн!

И все замолкают невольно, с удивлением глядя на чудо-машину.

— Да, вот какой бывает комбайн! — неожиданно выскакивает Зауре, жаждущая показать свои познания в сельском хозяйстве. А комбайн гудел все ближе. Он гордо шел среди посевов, срезал широкую полосу пшеницы и жадно глотал ее. Зерна сыпались, сыпались, сыпались...

Комбайн ведет настоящий батыр с черными усищами.

На самом верху комбайна стоит мальчик, рубаха на груди распахнута, кепка съехала набок. Аяжан только сейчас узнала: ведь это... И радостно вскрикнула:

— Ораз!

Ораз дружески улыбнулся ей.

А внизу приветливо, как старый знакомый, залаял Майлыаяк. Комбайнер заглушил мотор, и машина встала.

— Сарыке, саламалейкум! Что, инспектируете поля? — спросил он.

Комбайнер слез с машины и подошел к Сарыке. Пока они беседовали и курили, дети осматривали комбайн. Ораз стал рассказывать Аяжан обо всех его деталях, повел ее наверх.

— Как высоко! Ты не боишься, что упадешь?

— Когда комбайн качается, можно держаться вот за эту железку.

— Ораз, ты когда успел прийти сюда?

— Только что. Принес папе папиросы и спички.

— Так это твой папа? — спросила пораженная Аяжан, указывая на комбайнера, стоявшего внизу.

— Да.

Тогда девочка стала смотреть то на черноусого великана, то на Ораза, сравнивая их. Наконец, удовлетворенная своими выводами, шепнула про себя:

— Да, похожи!

ВСТРЕЧА НА ТОКУ

Ораз вернулся в аул вместе с Аяжан и ребятами. И ему нашлось место на мотоцикле дедушки Сарыкена. Он сел на запасное колесо, прикрепленное сзади коляски, в обнимку со своим неразлучным другом — Майлыаяком.

— Не упадешь? — спросила Аяжан, повернувшись назад.

— Не упаду.— Но если б вы знали, до чего умен этот Майлыаяк! Он все еще рычит на Нурдаулета. Можно ли забыть так скоро, как он испортил замечательную рыбную ловлю? Стоит Нурдаулету зашевелиться, как песик рычит: «Ыр-р».

— Жат! Ложись! — приказывает Ораз.

Сарыке прямой дорогой приехал на ток. Он хотел показать его Аяжан. Ток покрыт шиферной крышей. Машин больше, чем людей, у всех дел по горло. Две зерноочистки работают наперебой. Женщины с засученными рукавами грузят зерно на машины.

— Доброго здоровья, Сарыке!

— Сарыке, здравствуйте!

— Добро пожаловать, Сарыке! — приветствуют мужчины уважаемого человека.

Аяжан и Ораз, взявшись за руки, пошли осматривать ток. Вдруг кто-то приглушенно окликнул их:

— Ораз! Эй, Ораз!

Ораз осмотрелся вокруг: никого!

— Эй, посмотри сюда!

Аяжан первая поняла, откуда слышался голос. Из голубой «Волги» кто-то выглядывал в окно. Это был тот самый мальчик с велосипедом — Мелис. И сейчас на его голове новая фуражка, съехавшая на затылок. Он машет рукой и зовет:

— Эй, Ораз! Иди сюда!

А сам похож на человека, прилипшего к сиденью, будто и пошевельнуться не может.

Ораз и Аяжан подошли к Мелису.

— Что ты здесь делаешь? — спросил его Ораз.

— Разъезжаю с папой!

У Мелиса с висков, со лба текут ручьи пота. Но сам он будто не замечает этого. В такой знойный день он слишком тепло одет и сиднем сидит в душной машине. Аяжан презрительно смотрит на него и молчит.

— Ораз, ты зачем здесь?

— Принес папе папиросы и спички.

— А теперь отправишься домой?

— Домой.

Мелис небрежно указал на заднее сиденье машины и бросил Оразу:

— Садись. Подвезу.

Будто это его личная машина. Не сказал «подвезем» или «папа подвезет». Говорит «подвезу». Хвастун!

Хвастливый тон Мелиса был очень неприятен, и в душе Аяжан осудила глупого мальчишку.

Ораз, отрицательно покачав головой, сказал:

— У нас у самих есть мотоцикл.

Вот ответ, так ответ! Он очень понравился Аяжан.

— Тьфу, скакать на мотоцикле, пыль глотать! Не лучше ли прокатиться в машине?!

— Катайся, сколько угодно!

Когда отъехали, Аяжан сказала Оразу:

— Какой противный мальчишка!

— Я тоже не люблю его.

ПОМЕЧТАЕМ

Когда выехали с тока, солнце уже покатилось вниз, к линии горизонта. Небо начинало полыхать, будто где-то вдалеке бушевал пожар. Сарыке поехал какой-то другой дорогой и спустился к реке. Впереди показался деревянный дом с двухскатной крышей. Вокруг копошились куры. Необычный дом оказался водяной мельницей, построенной на склоне обрыва. Выскочила лохматая собака, лениво залаяла, да так и осталась на обочине дороги.

Самого мельника не было дома, их встретила его жена. Она почтительно поздоровалась с Сарыке, приласкала детей и стала справляться о домашних. Указывая на Аяжан, сказала:

— Э, голубка моя. Как похожа на отца!

Ораза она участливо расспрашивала о матери. Не лучше ли ей? Не поправилась ли?

— Нет, не поправилась. Апа поехала в район к профессору.

Жена мельника радушно пригласила всех в дом.

— Сначала я нашей Аяжан покажу мельницу,— сказал Сарыке.— Она даже не знает, как делается мука!

Напротив берег реки был похож на гриву коня, весь холмистый, тянется отрогами. Спускаясь, эти отроги за-

канчиваются зубцами, точно на гребне. Сарыке попросил Аяжан и остальных внимательно посмотреть на эти места.

— Видите вон тот холм? — спросил он.

— Вон тот?

— Видим.

— За тем холмом будет на реке запруда, там встанет электростанция, даст ток. А в-о-он там сделаем пруд. Очень большой пруд... Разведем в нем много всякой рыбы — большой и маленькой — всякой. По краям пруда фермы для птицы поставим. Деревьев насадим кругом... Когда ты, Аяжан, приедешь через несколько лет,— не узнаешь наши места,— Сарыбай улыбнулся.

Аяжан так захотелось, чтобы скорее все было, как рассказывает дедушка.

— Тогда можно будет в лодке кататься, да, ата?

— Еще бы!

— У нас в ЦУМе есть резиновые лодки. Мне папа обязательно купит такую лодку. Будем кататься, да, ата?

— Конечно! Озеро такое сделаем, что можно будет на пароходе кататься, не то что в лодке,— размечтался Сарыке.

— Вы будете сидеть, а я буду грести,— сказал Нурдаулет.

— Ты не будешь грести. Ораз будет грести. Ты лодку можешь перевернуть,— не соглашалась Аяжан.

— Не Ораз, а я буду грести!

— Если станешь так спорить, я тебя в лодку не посажу.

— А меня посадишь, апке? — попросилась Заурешка.

— Тебя посажу.

— А я тогда шилом проткну твою резиновую лодку,— рассердился Нурдаулет.

— Ата, смотри, он хочет проткнуть лодку шилом! — хором закричали сестренки.

— Ну, конечно, лучшего мастера портить, чем Нурдаулет, не найдешь. И не стыдно тебе говорит такое...— осуждающе сказал Сарыке, сурово взглянув на непослушного внука.

ERITROMICINI

Ораз обещал Аяжан прийти завтра к двенадцати часам. Все хотели отправиться на речку. Но почему-то он не пришел. Было так досадно, Аяжан стала беспокоиться —

что случилось? Хоть бы предупредил... Час. Два часа. Три. Но Ораз так и не явился. Он всегда такой аккуратный. Уж на него-то можно положиться. Для Аяжан и всех было загадкой: почему Ораз не пришел?

Они увидели товарища только через сутки, на другой день к вечеру.

— Ораз, почему ты не пришел вчера? Где ты был? Что произошло?

Невесело посмотрев на всех, Ораз сказал нехотя:

— Я ездил в Панфилов...

— Зачем ездил?

— Искал лекарство для апы.

— Какое лекарство?

Оказалось, что мама Ораза вчера ездила в район и показалась профессору. Профессор определил, что уши заболели от простуды. Выписал лекарство. Но Кулиша не нашла прописанного лекарства в районной аптеке.

Вчера с утра она посадила Ораза в автобус и послала за лекарством в Панфилов. Нет, надежды не оправдались! Ораз и там не нашел нужного. Видно, лекарство было новое, редкое, поэтому и трудно было разыскать его.

— Вот рецепт,— сказал Ораз, доставая из нагрудного кармана клочок бумаги.

Аяжан осторожно взяла рецепт в руки и стала читать. Наверху написано: «Онербаевой». Затем идет название лекарства, написанное так, что прочесть они не смогли — «Eritromicini», и дальше: «принимать по одной таблетке три раза в день».

Аяжан заволновалась:

— Послушай, Ораз! Моя мама в Алма-Ате работает в аптеке. Там есть всякие лекарства. Давай напишем моей маме, пошлем ей рецепт и попросим выслать посылочкой. Ведь мама хорошо знает и тебя, и твою маму.

— Откуда знает?

— Я в письме все написала ей: как ты меня спас от коровы, как привел в дом к дедушке, как мы с тобой подружились. Мама знает даже Майлыаяка. О нем я тоже писала...

Все это порадовало Ораза.

— Идем, обо всем расскажем моей апе. Если она согласится, напишем письмо и пошлем рецепт.

— Идем!

Кулиша никогда не сидела без дела. И сейчас она была занята стиркой. Вошел Ораз, а за ним и Аяжан.

— Здравствуй, милая! Заходи, не стесняйся,— пригласила Кулиша, на этот раз первою здороваясь с девочкой.

Ораз потянул мать за рукав:

— Апа, зайди сюда,— позвал он ее в другую комнату.

Кулиша пропустила вперед Ораза и Аяжан, а за ними и сама вошла в комнату. На столе лежали лист бумаги и карандаш. Все, что хотел сказать, Ораз написал ей крупными и красивыми буквами на бумаге: «Апа, мама Аяжан в Алма-Ате работает в аптеке. Говорят, что там есть все лекарства. Если пошлем с письмом твой рецепт, мама Аяжан вышлет лекарство. Давай сделаем так?»

Прочитав все, что написал Ораз, Кулиша обернулась к Аяжан.

— Да, как кстати. Говорили ведь, что эта наша келин[1] работает в аптеке. Напишите, напишите, детки. И привет передайте от меня келин и Дарибаю. Может, найдут редкое лекарство и вышлют мне. Может, повезет, вылечусь...

Кулиша снова вспомнила о своей беде и снова стала горестно рассказывать о ней Аяжан.

— Нежданно погубила меня простуда... Когда потеряешь слух на оба уха, жизнь — не в жизнь,— закончила она печально.

* * *

А то, что случилось потом, похоже на сон.

Прошло пять дней, и почтальон принес в дом Ораза маленькую посылочку из Алма-Аты. В этой посылочке было... лекарство. Два маленьких пузырька, запечатанные белой металлической пробкой. Они бережно завернуты в вату, чтобы не разбились дорогой. Надпись на этикетке — «Eritromicini». В пузырьках — белые, точно сахар, таблетки величиной с пуговки.

Кулиша обрадовалась так, как радовалась она при рождении своего любимого сына Ораза.

В посылке вместе с лекарством лежало и письмо.

«Кулиша-апа, здравствуйте! Я был очень огорчен вашим несчастьем. Читая ваше письмо, вспоминал далекое детство, оставленное в вашей долине под горой. Разве я

[1] *Келин* — сноха.*

разлучался в детстве со своим другом Азимжаном? Неразлучны мы были. А вы, Кулиша-апа, вы были родной матерью ему и мне. Все, все вас любили за вашу доброту и мягкий характер. Разве я смогу забыть дни, которые провел в вашем доме, разве забуду я щедроты ваши?! Дорогая Кулиша-апа, помните такой случай: мы утопили в реке ваше корыто, играли, сделав из него пароход, на борту даже надпись была «Челюскинцы». Тогда, вместо того, чтобы наругать нас как следует, вы сказали только: «Самая большая находка, что вы, милые «моряки», остались живы. Пусть будет старое треснувшее корыто жертвой за ваше спасение и здоровье!»

Эти слова до сегодняшнего дня живут в моей душе. Да, немало пришлось натерпеться вам от нашего мальчишеского сумасбродства! Теперь о вашем лекарстве. Здешние врачи хорошо отзываются о нем. Говорят, помогает. Посылаем два флакона. Попробуйте, примите. Если нужно, еще вышлем. Удачи вам, исцеления! От всего сердца желаем скорого выздоровления!

С уважением Дарибай».

Письмо папы Аяжан разбередило материнское чувство Кулиши. Ей казалось, что не чужой человек, а ее любимый Азимжан, погибший на фронте, будто ожил и подает ей руку помощи, проявляет заботу о ней...

В этот день Кулиша приняла три таблетки лекарства, которое ждала с таким нетерпением. На вкус таблетки были горьковатые. На следующий день снова три таблетки, еще не следующий — снова. День за днем, день за днем...

И вдруг...

АКЖОЛТАЙ!

Кулишу разбудило громкое мычание коровы под окном. Вздрогнув, открыла глаза и долго не могла понять, что случилось. Наступило утро, светло, в окнах летнего солнца полным-полно.

«Во сне приснилось»,— подумала Кулиша.

В это время она ясно услышала: «тик-тик, тик-тик»... Оглянулась и увидела будильник на столе. Он громко тикал.

Кулиша испугалась. Не понимая, во сне это или наяву, она беспомощно оглядывалась, будто ничего не узнавая. С улицы доносился лай собак.

Кулиша подняла голову и провела рукой по подушке. На своей кроватке, похрапывая, спал Ораз. «Нет, это не сон, это наяву».

Возле окон опять промычала корова. И настолько громко было это мычание, что, казалось, задрожали стены. Залаяли собаки...

Нет, не сон, не сон!

Кулиша закричала громко, не помня себя от радости:

— Ораз, Оразтай!

— Что, апа! — соскочил Ораз с постели.

— Ораз, Оразтай... Милый мой...

— Что, что такое, апа?! — закричал Ораз, испугавшись.

Но Кулиша не могла вымолвить ни слова...

По улице промчался автобус, гремя, громыхая вовсю. Здесь-то Кулиша-апа пришла в себя:

— Оразжан, я слышу! Все слышу! И корову, и собаку, и автобус — так ведь? Я все, все слышала! Золото мое, это не сон?!

...Сегодня в доме старика Сарыбая встали очень рано, чтобы всей семьей проводить Аяжан и посадить ее в автобус, идущий в Алма-Ату. Вдруг настежь распахнулись двери и, запыхавшись, вбежала Кулиша. Одета она наспех, вся взбудораженная, на глазах слезы. Напугав всех, она подбежала к Аяжан и горячо обняла ее:

— Душа моя! Акжолтай моя! Золотце мое!

В доме никто ничего не понял, все всполошились:

— Что с ней?! — спрашивали они друг друга.

— Воскресла, воскресла из мертвых. Я снова слышу, я же была потухшая свеча! Кто только привел в наш аул эту Акжолтай? Спасибо ей, уши снова слышат, снова вернулись к жизни, я стала человеком...

Жаркие слезы радости градом катились из глаз Кулиши:

— До свиданья, милая Аяжан!

СОДЕРЖАНИЕ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДЕТСТВО. Повесть
Перевод *М. Балыкина* 3

МЕНЯ ЗОВУТ КОЖА. Повесть.
Перевод *С. Сокпакбаевой* 194

ЧЕМПИОН Повесть.
Перевод *Е. Сатыбалдиева* 296

ГДЕ ТЫ, Гаухар?.. Рассказ.
Перевод *Ю. Герта* 414

АЯЖАН. Рассказ
Перевод *Е. Еланчик* 443

Для детей среднего школьного возраста

Бердибек Сокпакбаев

ПУТЕШЕСТВИЕ В ДЕТСТВО

Повести

Редактор *Г Сыздыкова*
Художники *Г Айтбаева, Г Мухатов*

Художественный редактор *М Есергепова*
Технический редактор *К Абдикаримова*
Корректор *Ш Мукажанова*

ИБ № 4889

Сдано в набор 09.10.89 Подписано в печать 11.01 90 Формат 84×108$^{1}/_{32}$. Бумага типогр № 2. Гарнитура «Тип Таймс» Печать высокая Усл. п. л 25,20. Усл кр-отт 25,20. Уч.-изд л 26,99 Тираж 50 000 экз Заказ №4784
Цена 1 р 40 к

Ордена Дружбы народов издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480124, г. Алма-Ата, пр Абая, 143

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «КІТАП» Государственного комитета Казахской ССР по печати, 480124, г Алма-Ата, пр Гагарина, 93

Набрано в ВЦКП ГКИ СССР с использованием АСУТП «СОЮЗ»